

**МОДЕЛИРОВАНИЕ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ**

**Материалы международной научно-
практической конференции
(Москва, 3 декабря 2015 года)**

**FINANCIAL UNIVERSITY UNDER THE GOVERNMENT OF THE
RUSSIAN FEDERATION**

INSTITUTE OF SOCIAL-POLITIC RESEARCH, RAS

**MODELING OF DEMOGRAPHIC
DEVELOPMENT AND
SOCIO-ECONOMIC EFFICIENCY
IMPLEMENTATION OF
DEMOGRAPHIC POLICY
IN RUSSIA**

**The materials of the International
Scientific and Practical Conference
(Moscow, December 3, 2015)**

Publishing House
«Economic Education»
Moscow • 2015

УДК 314.113/224(470+571)(06)
ББК 60.7(2Рос)я43
М74

*Материалы опубликованы и конференция проведена при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
(грант № 15-06-20993)*

Ответственные редакторы — составители:

Рязанцев С.В., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН;
Письменная Е.Е., доктор социологических наук

Редакционная коллегия:

Вирккунен Й., профессор (Университет Восточной Финляндии, Финляндия);
Письменная Е.Е., доктор социологических наук (Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия);
Рязанцев С.В., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Институт социально-политических исследований РАН, Россия);
Тихонова Л.Е., профессор (Белорусский государственный университет, Беларусь);
Хорие Н., профессор (Университет Тояма, Япония)

**М74 Моделирование демографического развития и социально-экономическая
эффективность реализации демографической политики России:** Материалы
международной научно-практической конференции (Москва, 3 декабря 2015 года) /
Отв. ред. – сост. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В. и д. соц. н. Письменной Е.Е. — Москва:
Экономическое образование, 2015. — 452 с. — ISBN 978-5-7425-0178-7.

ISBN 978574250178-7

В сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России», проведенной на базе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва) совместно с Центром социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН (г. Москва) 3 декабря 2015 г. В конференции приняли участие исследователи из России, Японии, Беларуси.

Авторами дается оценка эффективности реализации мер демографической политики на федеральном и региональном уровнях, а также обозначены новые возможности, социальные резервы и перспективные направления улучшения демографической ситуации в России на среднесрочную перспективу.

Сборник рекомендуется ученым, специалистам-практикам, аспирантам, магистрантам и всем интересующимся проблемами демографии.

Материалы и программа конференции изданы при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 15-06-20993).

**Публикуемые статьи и материалы отражают исключительно личную точку зрения
авторов.**

УДК 314.113/224(470+571)(06)
ББК 60.7(2Рос)я43

ISBN 978-5-7425-0178-7

© Финансовый университет при Правительстве РФ [текст], 2015.

© Институт социально-политических исследований РАН,
Центр социальной демографии и экономической социологии [текст], 2015.

© Редакционно-издательское и художественное оформление
ООО «Издательство «Экономическое образование», 2015.

УДК 314.113/224(470+571)(06)
ББК 60.7(2Рос)я43
М74

The materials published and the conference held with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (grant № 15-06-20993)

Managing editors — compilers:

Sergey V. RYAZANTSEV, Doctor (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences;
Elena PISMENNAYA, Doctor (Sociology)

Editorial Board:

Prof. Joni VIRKKUNEN (The University of Eastern Finland, Finland),
Dr. Elena PISMENNAYA (The Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia),
Corr.-Mem. of the RAS, Prof. Sergey V. RYAZANTSEV (The Institute of Social-Politic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia),
Prof. Ludmila E. TIKHONOVA (The Belarusian State University, Belarus),
Prof. Norio HORIE (The University of Toyama, Japan)

M74 Modeling of demographic development and socio-economic efficiency implementation of demographic policy in Russia: The materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, December 3, 2015) / Managing editors — compilers: Corr.-Member of the RAS Sergey V. Ryazantsev and Dr. Elena E. Pismennaya. Moscow. Publishing House «Economic Education». 2015. — 452 p. — ISBN 978-5-7425-0178-7.

ISBN 978-5-7425-0178-7

The collection contains materials of International scientific and practical conference «Modeling of demographic development and socio-economic efficiency of implementation of demographic policy in Russia» held on the basis of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow) in cooperation with the Center for Social Demography and Economic Sociology, Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow), December 3, 2015.

The conference was attended researchers from Russia, Japan, Belarus.

Authors evaluates the effectiveness of the implementation of measures of demographic policy at the federal and regional levels and highlight the opportunities, social reserves and future directions for improving the demographic situation in Russia in the medium term.

Collection is recommended to scholar, practitioners, graduate students, undergraduates and all those interested in the problems of demographics.

The materials published and the conference held with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (grant № 15-06-20993).

The published articles and materials reflect only the personal point of views of the authors.

УДК 314.113/224(470+571)(06)
ББК 60.7(2Рос)я43

ISBN 978-5-7425-0178-7

© The Financial University under the Government of the Russian Federation [text]. 2015.

© The Institute of Social-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Center for Social Demography and Economic Sociology [text]. 2015.

© Publishing House «Economic Education» [Editing, model and décor]. 2015.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемые коллеги!

С 2007 года в Российской Федерации реализуются масштабные меры государственной демографической политики, некоторые из которых не имели аналогов в зарубежных странах (например, материнский капитал за рождения второго и последующих детей). Федеральные меры демографической политики были дополнены значительными региональными вложениями – многие субъекты Российской Федерации ввели региональный материнский капитал, дополнительные выплаты многодетным семьям, развивают жилищные программы для молодых и многодетных семей. Хотя споры об эффективности демографической политики продолжаются, меры федерального и регионального уровней в комплексе дали значительный эффект – в России увеличилась рождаемость, начала сокращаться смертность, отмечается естественный прирост населения. Масштабные вложения в демографическую политику позволили существенно исправить демографическую ситуацию в целом ряде субъектов Российской Федерации в последние годы. Однако тенденции последнего времени, совпавшие с кризисными явлениями в российской экономике, показывают, что для глубокого и кардинального изменения демографической ситуации в стране меры демографической политики должны носить системный характер, быть пролонгированными на среднесрочную перспективу, обеспечивать доступность социальных услуг, образования и здравоохранения, чтобы давать людям уверенность в завтрашнем дне. Социально-экономический базис и психологическая составляющая (уверенность в будущем и жизненный оптимизм) выступают основополагающими факторами демографических процессов и имеют важное значение с точки зрения формирования репродуктивных и матримониальных установок людей. В Российской Федерации также существуют значительные социальные резервы демографического развития: сокращение девиантных форм поведения, сверхсмертности, смертности от предотвратимых (внешних) причин, обеспечение доступа к качественной медицинской помощи и диспансеризации, ориентация населения на здоровый образ жизни. Все эти направления могут существенно повлиять на увеличение ожидаемой продолжительности жизни россиян. Значительный резерв демографического развития России представляет собой миграция. В настоящее время страна является относительно привлекательной для образовательных, трудовых, вынужденных мигрантов. Однако миграционная политика по этим направлениям реализации пока является неадекватной интересам государства и демографической ситуации. Хотя, совершенно очевидно, что из некоторых категорий временных мигрантов Россия могла бы «черпать» демографический ресурс, делая их более быстро постоянными гражданами страны (например, иностранные студенты, мигранты из Украины, трудящиеся-мигранты, продолжительное время работающие на российском рынке труда, члены семей российских граждан и др.). К сожалению, пока этот резерв слабо используется российским государством.

Международная научно-практическая конференция «Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России», проведенная 3 декабря 2015 г. кафедрой «Прикладная социология» Финансового университета при Правительстве РФ и Центром социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН призвана дать оценки эффективности реализации мер демографической политики на федеральном и региональном уровнях, а также обозначить новые возможности, социальные резервы и перспективные направления улучшения демографической ситуации в России на среднесрочную перспективу.

Рязанцев С.В.,

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН

Письменная Е.Е.,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Прикладная социология» Финансового университета при Правительстве РФ

WELCOME SPEECH

Dear colleagues!

Since 2007 in the Russian Federation there are large-scale measures of the state demographic policy, some of which had no analogues in foreign countries (for example, maternity capital for the birth of the second and subsequent children). Federal measures of demographic policy were supplemented by significant regional investments, many Russian regions have introduced a regional maternity capital, additional payments to large families, and develop housing programs for young and large families. Although debate about the effectiveness of the demographic policy are still ongoing, the measures of Federal and regional levels in the complex gave a significant effect in Russia increased fertility, started to decreased mortality, registered natural population growth.. Large-scale investments in population policies significantly to correct the demographic situation in a number of subjects of the Russian Federation in recent years. However, the recent trend, coinciding with the crisis phenomena in the Russian economy, shows that for deep and radical changes of the demographic situation in the country population policy measures should be systematic, to be extended in the medium term, to ensure the accessibility of social services, education and health, to give people confidence in the future. Socio-economic basis and a psychological component (confidence in the future and optimism) are important factors in demographic processes and are important from the point of view of formation of reproductive and matrimonial attitudes of people. In the Russian Federation there are also reserves of social demographic development: decrease of deviant behaviour, mortality, mortality from preventable (external) reasons, ensuring access to quality health care and check UPS, the orientation of the population on healthy lifestyle. All these areas can significantly affect the increase in life expectancy of Russians. A significant reserve of demographic development of Russia is a migration. Currently, the country is relatively attractive to educational, labour and forced migrants. However, migration policy in these certain areas implementation is still inadequate to the interests of the state and the demographic situation. Although, clearly, some categories of temporary migrants Russia could «draw» demographic resource, making them more quickly permanent citizens of the country (e.g., foreign students, migrants from Ukraine, migrant workers, long working in the Russian labor market, members of families of Russian citizens, etc.). Unfortunately, this provision is little used by the Russian government.

International scientific-practical conference «The Modeling of demographic development and socio-economic efficiency of realization of demographic policy of Russia», held on 3 December 2015 the Department «Applied sociology» of the Financial University under the Government of the Russian Federation and the Center for social demography and economic sociology Institute socio-political research is designed to evaluate the effectiveness of the implementation of the population policy at the Federal and regional levels, as well as identify new opportunities, social provisions and promising directions of development of improvement of the demographic situation in Russia in the medium term.

Sergey V. RYAZANTSEV,

*Corresponding Member of the RAS, Dr. (Economic), Professor,
Head of the Center for Social Demography and Economic Sociology of the Institute of
Social-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

Elena E. PISMENNAYA,

*Dr. (Sociology), Docent, Professor of the Department «Applied Sociology»,
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)*

РАЗДЕЛ 1. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ ТРЕНДЫ

Беккер Елена Георгиевна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономическая теория»
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

С распадом СССР коренные изменения коснулись всех областей жизни человека, что отразилось на снижении численности населения и повлияло на их мировоззрение. В предлагаемой работе рассматриваются демографические тенденции, происходящие в Российской Федерации в последнее время и затрагивающие развитие системы высшего образования: сокращение численности населения и изменение направления миграционных потоков внутри страны.

Ключевые слова: демографическая яма, Индекс человеческого развития, миграционные потоки, рейтинг национальных систем высшего образования.

E-mail: lena_becker@mail.ru

Bekker Elena G.,
candidate of economic sciences, docent,
docent of the department of «Economics theory»,
Financial university under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia

INFLUENCE OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION ON THE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

After the collapse of the USSR fundamental changes exerted influence on all areas of human life, which is reflected in the population decrease and the revision of their outlook. This paper is devoted to the demographic trends occurring in the Russian Federation in recent years, affecting the development of the higher education system, namely depopulation and change in the direction of migration flows within the country.

Keywords: demographic hole, Human Development Index, migratory flows, Ranking of National Higher Education Systems.

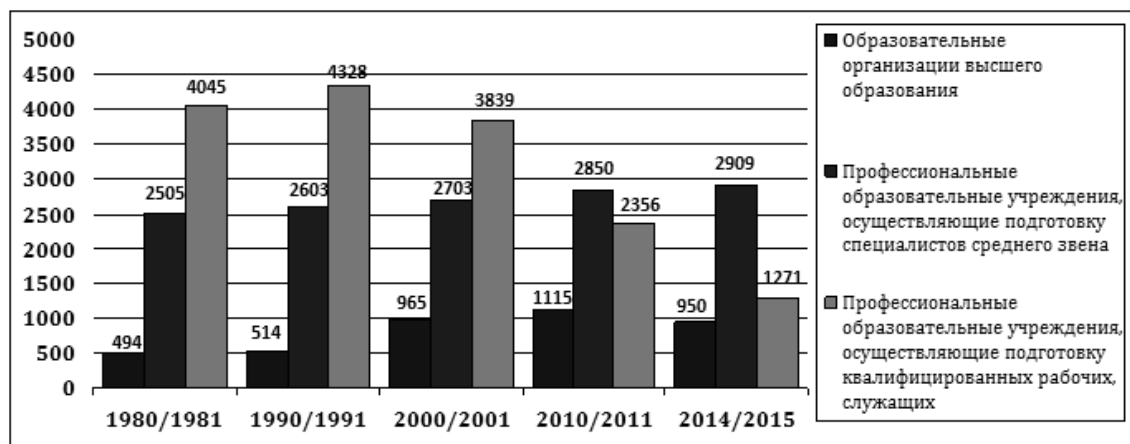
E-mail: lena_becker@mail.ru

Демографическая ситуация имеет тесную взаимосвязь с системой высшего образования и образования в целом. Рассмотрим две тенденции в демографии после распада СССР, повлиявшие на развитие высшего образования в России: 1) сокращение численности населения; 2) изменение направления миграционных потоков внутри страны.

Рост рождаемости населения России начался с 2006 года. Это можно связать с новой демографической политикой России, направленной на стимулирование рождаемости. В том числе 10 мая 2006 г. в послании Президента России В. Путина к Федеральному собранию сказал: «И государство, если оно действительно заинтересовано в повышении рождаемости, обязано поддержать женщину, принявшую решение родить второго ребенка. Должно предоставить в ее распоряжение, так сказать, первичный, базовый, «материнский капитал» – который реально повысил бы ее социальный статус, помог бы решать будущие проблемы» [7].

После этого постепенно закончилась естественная убыль населения России и начался естественный прирост. Впервые после 1991 г., когда был зафиксирован естественный прирост 104,9 тыс. чел., по итогам 2013 г. он составил 24,0 тыс. чел., а в 2014 г. – 30,3 тыс. чел. (последние данные с учетом Крымского федерального округа) [9]. Пока народившееся молодое поколение россиян достигнет возраста абитуриентов, пройдет еще много лет. Пока же 20-летняя «демографическая яма» привела к некоторым нежелательным последствиям в области высшего образования.

Во времена СССР, 1980-1990 гг., доля высших учебных заведений от общего количества учреждений начального и среднего профессионального образования, то есть ПТУ и техникумов, составляла 7,5%. В России эта доля с каждым годом только увеличивалась, достигнув к 2014 г. 22,7%. Это объясняется резким падением количества учреждений, готовящих рабочих и служащих и ростом числа вузов (рис. 1) (составлено автором на основе: [5]).

Примечание: последние данные по профессиональным образовательным учреждениям, осуществляющим подготовку квалифицированных рабочих, служащих приводятся за 2013 г.

Рис. 1. Динамика количества образовательных учреждений Российской Федерации (на начало учебного года), 1980-2015 гг.

С каждым годом высшее образование в России становится доступнее. Так, в 2015 г. количество выпускников сократилось на 3,2%, а число бюджетных мест в вузах уменьшилось только на 1,5% [1]. Большое количество человек, получивших высшее образование, к сожалению, не свидетельствует о росте образованности населения России. Так, по уровню индекса человеческого развития (англ. Human Development Index) современный россиянин находится

примерно на одном уровне по сравнению с советским человеком, когда на 10 000 человек студентов вузов было почти в два раза меньше, чем сейчас (рис. 2) (составлено автором на основе: [5]). В 1990 г. Индекс человеческого развития составлял 0,729, в 2000 г. – 0,717, в 2010 г. – 0,773, в 2013 г. – 0,778 [10]. Рост индекса человеческого развития за последние годы и резкое сокращение числа студентов вузов может свидетельствовать о слабой связи между образованностью и высшим образованием в России.

В борьбе за снижающееся с каждым годом количество абитуриентов некоторые государственные вузы, боясь сокращения бюджетного финансирования, а негосударственные вузы, не желая терять доход, «вынуждены» принимать абитуриентов с недостаточно хорошими баллами по ЕГЭ. Да и результаты ЕГЭ не всегда говорят о реальных знаниях выпускников школ. О различных нарушениях при сдаче ЕГЭ можно прочитать из прессы [3]. А если еще присовокупить, что количество платных мест в вузах чаще всего неограниченно, то трудно говорить о хорошей подготовке студентов российских вузов, как бы сами вузы этого не хотели из-за невысокой школьной подготовки.

Примечание: последние данные по профессиональным образовательным учреждениям, осуществляющим подготовку специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих, служащих приводятся за 2013 г.

Рис. 2. Динамика количества студентов, обучающихся в образовательных учреждениях Российской Федерации (на начало учебного года), 1980-2015 гг.

Но и политика в области высшего образования влияет на демографическую ситуацию в российских регионах. Если в советское время потоки вынужденных мигрантов двигались на восток (рис. 3) [6], то постсоветское время тенденция изменилась (рис. 4) [8].

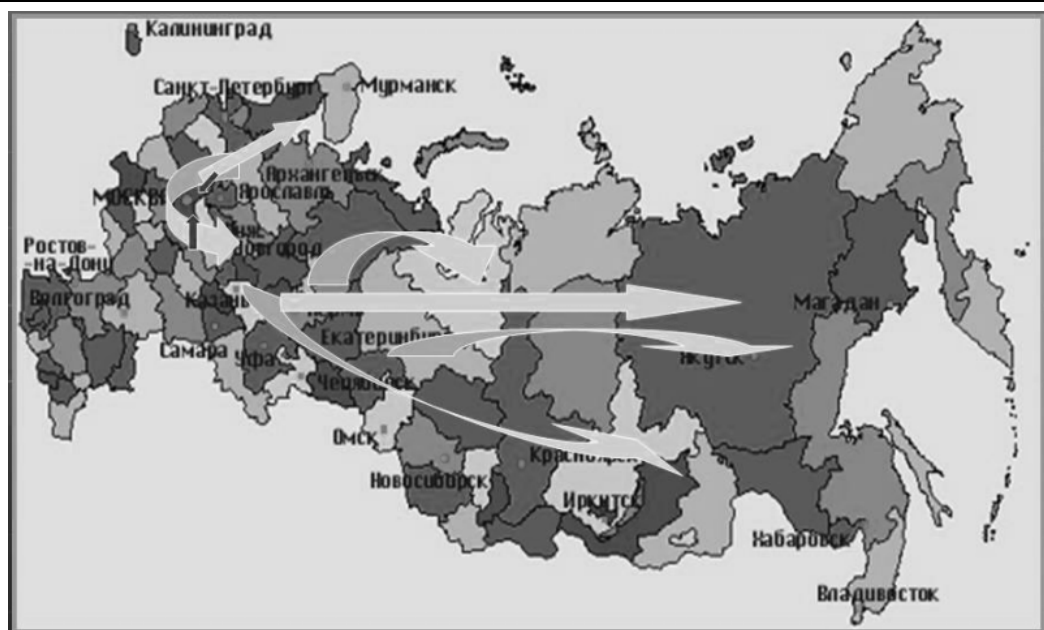

Рис. 3. Миграционные потоки во времена СССР

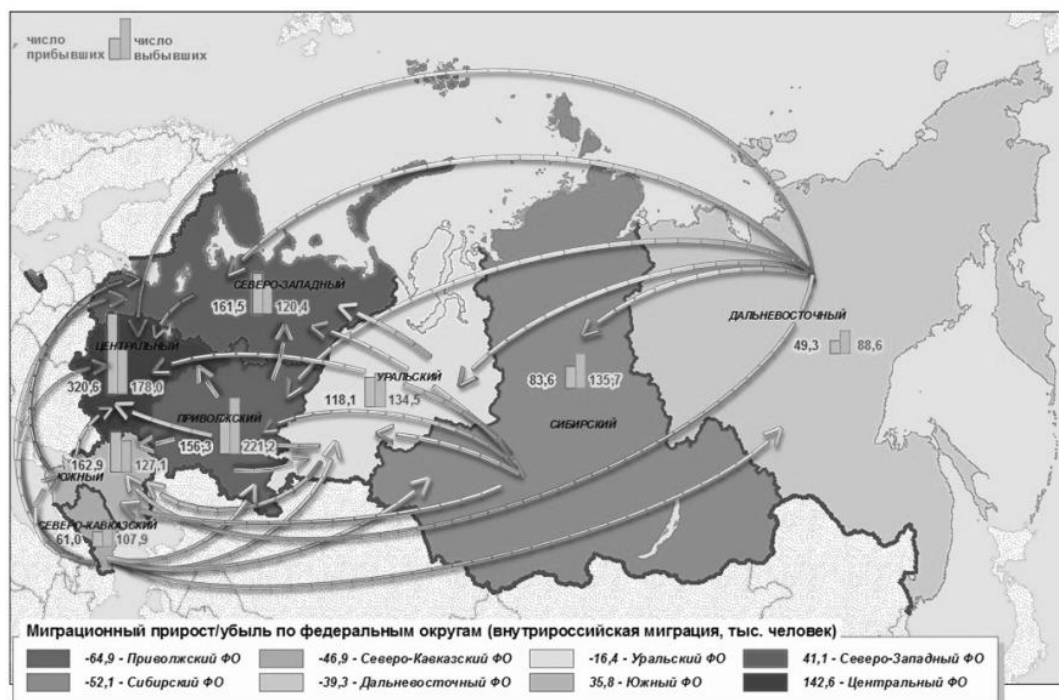

Рис. 4. Миграционные потоки (сальдо миграции) в Российской Федерации, 2013 г.

Развитие вузов отдельных регионов России стимулирует перемещение россиян ближе к этим вузам. В соответствии с государственной программой Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 гг. и в рамках подпрограммы «Развитие профессионального образования» в 2013 г. из федерального бюджета 15 вузам России было выделено 8,7 млрд. руб., в 2014 г. 14 вузам – 10,15 млрд. руб. и в 2015 г. также 14 вузам планируется выдать 10,14 млрд. руб., в том числе:

- по 964 млн. руб. Национальному исследовательскому Томскому государственному университету, Национальному исследовательскому Томскому политехническому университету, Санкт-Петербургскому национальному исследовательскому университету информационных технологий, механики и оптики;
- 930 млн. руб. Национальному исследовательскому университету «Высшая школа экономики»;
- 761 млн. руб. Московскому физико-техническому институту (государственному университету), Национальному исследовательскому технологическому университету «МИСиС», Национальному исследовательскому ядерному университету «МИФИ», Новосибирскому национальному исследовательскому государственному университету, Санкт-Петербургскому политехническому университету Петра Великого, Уральскому федеральному университету имени первого Президента России Б.Н. Ельцина и т.д. [4].

Можно заметить, что данные вузы расположены в центральной и юго-западной части России, где сконцентрированы большинство российских вузов (рис. 5) [2]. Туда же направлены и миграционные потоки. С положительным сальдо отмечаются Южный, Северо-западный и центральный Федеральные округа. В Уральском отмечается наименьшее отрицательное сальдо по всем аналогичным Федеральным округам (рис. 4) [8].

Рис. 5. Расположение вузов по территории России, 2015 г.

Правительство реализует программы, россияне рождаются и умирают, а место России в рейтинге национальных систем высшего образования, рассчитываемого с 2012 г. по методике Института прикладных экономических и социальных исследований Университета Мельбурна, Австралия, существенно не меняется. В 2015 г. Россия находится на 33 месте из 50 стран (рис. 6) (составлено автором на основе: [11]).

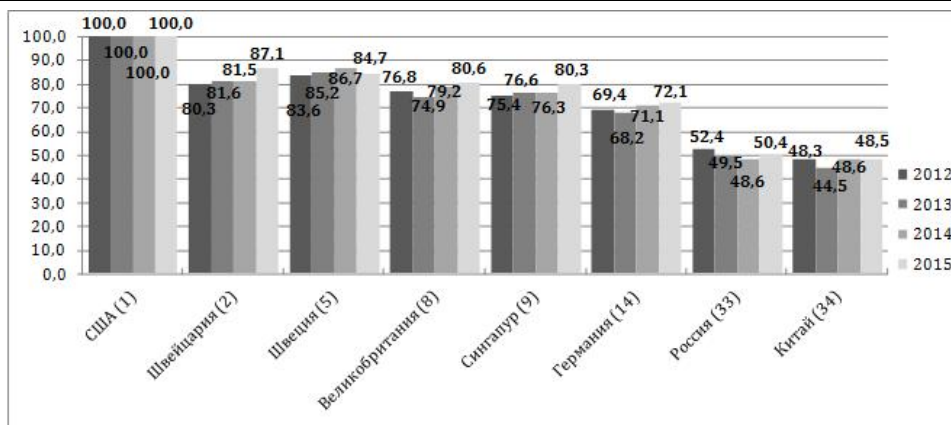

Рис. 6. Динамика некоторых стран в рейтинге национальных систем высшего образования, 2012-2015 гг.

Таким образом, по нашему мнению, в России необходимо восстановить престиж начального и среднего профессионального образования, что позволит качественнее перераспределить человеческий капитал между умственным и физическим трудом. А для этого нужно увеличить число учреждений, готовящих рабочих, служащих и профессионалов среднего уровня и количество бюджетных мест в них. А также обратить внимание на возможности Дальневосточных регионов России с целью создания в них образовательных центров, практической направленности.

Интернет источники

1. В 2015 году повысится доступность высшего образования для выпускников школ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/522550/> (Дата обращения: 10.11.15).
2. Карта вузов [Электронный ресурс]. – URL: <http://kartavuzov.ru/> (Дата обращения: 10.11.2015).
3. Нарушения при сдаче ЕГЭ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/sujet/4437/> (Дата обращения: 10.11.15).
4. О распределении в 2015 году субсидий ведущим университетам России в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/orders/18240/> (Дата обращения: 10.11.15).
5. Образовательные организации высшего образования. Профессиональные образовательные организации, осуществляющие подготовку специалистов среднего звена. Профессиональные образовательные организации, осуществляющие подготовку квалифицированных рабочих, служащих. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/# (Дата обращения: 10.11.15).
6. Основные направления миграционных потоков в советский период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://900igr.net/prezentatsii/geografija/Naselenie-Sibiri/014-Osnovnye-napravlenija-migratsionnykh-potokov-v-sovetskij-period.html> (Дата обращения: 10.11.15).
7. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml> (Дата обращения: 10.11.15).
8. Результаты миграционного обмена населением (сальдо миграции) между федеральными округами Российской Федерации в 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/map4.jpg (Дата обращения: 10.11.15).
9. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (Дата обращения: 10.11.15).
10. Human Development Indicators [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/data/map> (Дата обращения: 10.11.15).
11. U21 Ranking of National Higher Education Systems 2012, U21 Ranking of National Higher Education Systems 2013, U21 Ranking of National Higher Education Systems 2014, U21 Ranking of National Higher Education Systems 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.universitas21.com/article/projects/?parentID=152> (Дата обращения: 19.08.2015).

Доброхлеб Валентина Григорьевна,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института социально-экономических
проблем народонаселения РАН,
г. Москва, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ УХУДШЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

(Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант №14-02-00250
«Гребневая (ридж) модель возрастной структуры детей и молодежи»)

Показатели ожидаемой продолжительности жизни России явно не соответствуют уровню ее социально-экономического развития. С января по август 2015 г. число умерших по стране превысило число родившихся на 0,9%. Рассмотрены факторы современного витка депопуляции. К первой группе, относятся процессы, связанные с демографической динамикой, ко второй группе следует отнести факторы, которые негативно влияют на благосостояние населения в социально-экономической сфере. К существенным вызовам в современной ситуации относятся геополитические вызовы, а также отсутствие системной стратегии преодоления новых негативных демографических трендов. В условиях изменения демографической структуры основные усилия, по мнению ученых, нужно сосредоточить на борьбе с высокой смертностью. Необходима смена парадигмы социальной политики, включающую демографическую и семейную (пронаталистскую), в нашей стране.

Ключевые слова: воспроизводство населения, рождаемость, смертность, ожидаемая продолжительность жизни, депопуляция, демографическая структура.

E-mail: vdobrokhleb@mail.ru

Dobrokhleb Valentina G.,
doctor of economic sciences, Professor,
chief scientific officer,
Institute for social and economic
population problems of
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

MODERN FACTORS OF DETERIORATION OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN RUSSIA

(This article was prepared with the support of the Russian Foundation for Humanities, grant №14-02-00250 «Ridge (ridge) model age patterns of children and youth»)

The indicators of life expectancy in Russia are clearly inconsistent with the level of its socio-economic development. From January to August 2015 the number of deaths in the country exceeded the number of births by 0.9%. The article considers the factors of the current round of depopulation. The first group includes the processes connected with the demographic dynamics, the second one should include the factors negatively affecting the population well-being in the socio-economic sphere. Among the significant challenges in the present situation are geopolitical challenges, as well as the lack of a system strategy for overcoming new negative demographic trends. According to scholars, under the conditions of the changing demographic structure the main efforts should be focused on fighting high mortality. It is necessary to change the paradigm of the social policy including the demographic and family-related (pronatalist) in our country.

Keywords: population reproduction, fertility, mortality, life expectancy, depopulation, demographic structure.

E-mail: vdobrokhleb@mail.ru

Российские тренды демографического развития в текущем году изменили свой вектор: несмотря на то, что миграционный прирост, компенсировал потери численности населения, превысив их в 12,3 раза, естественная убыль в январе-августе 2015 г. составила -11,7 тыс. человек. В соответствующем периоде 2014 г. в стране наблюдался естественный прирост – 15,1 тыс. человек [11]. Данные обстоятельства определяют актуальность рассмотрения факторов, повлиявших на изменения динамики процесса воспроизводства населения в стране.

В начале текущего века численность населения России составляла 146890,1 тыс. человек. В 2014 году данный показатель соответствовал 143666,9 тыс. Иными словами, население уменьшилось на 3223,2 тысячи. Однако эти потери были бы значительно выше, если бы с 2006 г. не началось сокращение темпов депопуляции[4]. Снижение численности населения России продолжалось до 1 января 2009 г. включительно, когда показатель достиг минимальной величины в 141,9 млн. человек. К началу 2010 г. население увеличилось не существенно. По потом процесс роста стал интенсивнее, и на 1-ое января 2011 г. численность населения страны составила 142,9 млн. человек, на 1-ое января 2012 г. в стране – 143,0 млн. человек, на 1-ое января 2013 г. численность населения достигла 143,3 млн. человек, а на 1-ое января 2014г. – 143,6 млн. человек. При этом в 2012 г. показатели рождаемости и смертности сравнялись, процесс депопуляции был приостановлен. Рождаемость и смертность формируют процесс воспроизводства населения. После 2006 г. наблюдалось значительное повышение коэффициента рождаемости. С 2003 по 2006 гг. величина коэффициента рождаемости фактически не менялась: была 10,2-10,4 человек на тысячу населения. В 2007 г. увеличилась до 11,3 человек, в 2008г. составила 12,1 человек, в 2009 г. – 12,4 человек, а в 2010г. – 12,5 человек, в 2011 г. – 12,6 человек, в 2012 г. достигла 13,3 человек.

На рост коэффициента рождаемости за период после 2006 г. повлияли: реализация национальной программы по здравоохранению, меры государственной демографической политики, в том числе стимулирование рождаемости, связанное, с выплатами материнского капитала[3].

Анализ динамики смертности выявляет схожую тенденцию: максимальной величины смертность достигла в 2003 г., когда она составила 16,4 чел. на 1000 человек населения, предельно высокой смертность оставалась до 2005 г.; в 2005 г. она составила 16,1 человек. Заметное снижение смертности началось с 2006 г. В 2007 г. – 14,6%, в 2010 г. – 14,2%, в 2011 г. – 13,5%, в 2012 г. – 13,3%. Это можно связывать с реализацией в данный период времени национальной программы «Здравоохранение». Данный вывод может быть подтвержден конкретным анализом причин сокращения смертности, в первую очередь, по сердечнососудистым заболеваниям. В России от сердечнососудистых заболеваний умирает около 60% населения.

Безусловно, на сокращение смертности повлиял рост в 2,3 раза за 2000-2011 гг. величины реальных доходов в расчете на душу населения России. В результате в стране вдвое сократилась бедность, начал формироваться средний класс. Население по мере удовлетворения первичных потребностей, в первую очередь представители более обеспеченных слоев, стали больше внимания уделять своему здоровью, а также здоровью своих близких, особенно детей.

Изменение показателей смертности определили динамику продолжительности жизни в стране. В 2000 году ОПЖ при рождении для населения в целом составляла 65,34 года, в том числе для мужчин – 59,03, для женщин – 72,26. В 2013 году данный показатель для обоих полов вырос на 5,42 года, для мужчин рост ОПЖ при рождении составил – более 6 лет (6,1), а для женщин – немногим более 4-х лет (4,04). При этом мы можем радоваться своим достижениям только по сравнению с нашим прошлым. В сравнении с другими странами России значительно отстает по снижению уровня смертности, а, следовательно, по продолжительности жизни. Так, если в 2013 году ОПЖ для мужчин в РФ составил 65,1 год, для женщин – 76,3, то в Австрии в 2012 году мужчины могли прожить 78,4, а женщины – 83,6; в Германии мужчины – 78,6, женщины – 83,3; в Финляндии мужчины – 77,7, женщины – 83,7; в Японии мужчины – 79,4, женщины – 85,9 [6].

Исследователи отмечают [1], что Россия в международных рейтингах наиболее высокое место – 20-е – занимает по качеству образования, по уровню экономического развития находится на 43-м месте, по показателю реальных доходов на душу населения входит в 50 ведущих стран мира. Однако положение России по сопоставимым показателям ОПЖ существенно ниже: ее место в 2011 году из 192 стран – 113. Показатели ожидаемой продолжительности жизни России явно не соответствуют уровню ее социально-экономического развития.

В текущем 2015 году с января по август, включительно, в России наблюдалось снижение числа родившихся (в 59 субъектах Российской Федерации) и увеличение числа умерших (в 55 субъектах). С января по август 2015 г. число умерших по стране превысило число родившихся на 0,9%. При этом в 11 субъектах Российской Федерации это превышение составило 1,5-1,7 раза. По мнению академика Аганбегяна А.Г. нужно «бить в набат: начала снижаться рождаемость, стала расти смертность, возобновилась депопуляция». Для известных российских демографов эта ситуация не была неожиданной, так как во многом определяется изменениями демографической структуры. К современным факторам возвращения депопуляции следует отнести:

- неблагоприятную динамику возрастной структуры населения – общее количество фертильных женщин существенно снижается, в 2030 году составит примерно две третьих от сегодняшних показателей. Этот объективный факт не может не стать негативным фактором роста рождаемости в России в последующие годы. Применение современных математических методов, в том числе гребневой модели, позволяет прогнозировать эти изменения;
- в связи с падением потребности в детях недостаточный рост суммарного коэффициента рождаемости;
- высокий уровень смертности, в том числе в трудоспособных и детских возрастах;
- продолжающийся процесс демографического старения. При этом ужесточаются положения по выходу на пенсию. Например, правительственная комиссия одобрила проект закона, который предусматривает «постепенное увеличение минимального стажа государственной гражданской службы, дающего право на назначение пенсии за выслугу лет и определение ее размера, с 15 до 20 лет». Предложено увеличить с 60 до 65 лет предельный возраст нахождения на государственной гражданской службе [9].
- нарастание бедности, в том числе в связи с ухудшением положения на рынке труда. В сентябре 2015 г., по итогам выборочного обследования населения по проблемам занятости, 4,0 млн. человек, или 5,2% экономически активного населения, по методологии МОТ отнесены к безработным. При этом в службе занятости населения в качестве безработных зарегистрировано 0,9 млн. человек, из них 0,7 млн. человек получали пособие;
- высокой уровень социально-экономической дифференциации: в январе-сентябре 2015 г., по предварительным данным, на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось около трети (29,4%) общего объема денежных доходов (в январе-сентябре 2014 г. – 30,5%), а на долю 10% наименее обеспеченного населения – 2,1% (1,9%);
- ухудшающаяся ситуация с социальными льготами. В следующем году число получателей социальных пособий и выплат сократится: - в Госдуме направлен законопроект, который дает возможность регионам сэкономить, не предоставляя помощи тем, кого они считают «не нуждающимися» [10].

Рассмотренные факторы можно структурировать по двум большим группам. К первой, относятся процессы, связанные с демографической динамикой, ко второй группе следует отнести факторы, которые негативно влияют на благосостояние населения в социально-экономической сфере. Безусловно, причины, влияющие на возврат депопуляции, не исчерпываются вышеперечисленными примерами. К существенным вызовам в современной ситуации относятся геополитические угрозы, а также отсутствие системной стратегии преодоления нового витка депопуляции.

Ухудшение социально-экономического положения населения России может обострить противостояние различных слоев населения, возможно нарастание протестных настроений. Русский философ Николай Бердяев, пережив революционные и военные потрясения, писал: «Революции я считаю неизбежными при отсутствии или слабости духовных сил, способных реформировать и преобразовать общество» [2. С. 350]. Духовные силы, способные к преобразованиям в стране есть. К ним относятся, в том числе, представители научно-образовательного сообщества и студенческая молодежь. Стратегия действий, в первую очередь, должна быть направлена на «сбережение населения». В условиях изменения демографической структуры основные усилия, по мнению ученых, нужно сосредоточить на борьбе с высокой смертностью. Дифференцированную программу предложил академик А.Г. Аганбегян. Необходимо воплотить в жизнь новые значимые меры по сокращению смертности. Для этого нужно выполнение трех условий. *Во-первых*, использовать программно-целевое управление, направленное на преодоление высокого уровня смертности в России. Финансовые ресурсы по сокращению смертности необходимо направлять на ликвидацию наиболее важных причин ее определяющих. *Во-вторых*, величину дополнительных средств, выделяемых на сокращение смертности, следует связывать с оценкой результативности принимаемых мер. *В-третьих*, необходимо гарантировать эффективный подбор, обучение и использование кадров, формировать и поддерживать значимую мотивацию на качество работы и достижение высоких результатов.

Преодоление негативных трендов смертности неразрывно связано с состоянием здоровья нации. Член-корреспондент РАН Римашевская Н.М. [5] считает, что три комплекса социально-экономических факторов, определяющих здоровье, показывают, что в их основе лежит материальная обеспеченность населения, масштабы бедности и социальной поляризации:

- 1) генетическая уязвимость новых поколений, здоровье которых не улучшается в течение жизненного цикла;
- 2) снижение трудовой мотивации из-за сверхзанятости, вызванной низкой оплатой труда;
- 3) доминирование экономических целей развития (увеличение темпов роста национального богатства) над гуманитарными ценностями (ценность индивидуального человека), что заставляет конвертировать здоровье в доход;
- 4) рост доли работников, которые получают заработок ниже ПМ (прожиточного минимума): более 40% занятых на рынке труда не могут обеспечить своим заработком себя и своего ребенка на уровне не ниже ПМ;
- 5) вопреки утверждениям официальной статистики, доля семей за границей бедности более 30%;
- 6) социальная поляризация продолжает возрастать и составляет сегодня 1:17;
- 7) минимальная оплата труда в России в 5-7 раз ниже, чем в Европе и в 10 раз ниже, чем в США.

Необходима смена парадигмы социальной политики, включающую демографическую и семейную (пронаталистскую), в нашей стране, что обусловлено следующими основными причинами: *во-первых*, снижением жизнеспособности нации, характеризуемого низкими показателями ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), ухудшением здоровья, в том числе беременных женщин, детей и молодежи, высоким уровнем смертности; *во-вторых*, уменьшением численности детей и молодежи непосредственно вызывает трудности инновационной модернизации экономики и реализации нового уклада хозяйственной жизни, основанного на быстрой смене технологий; *в-третьих*, необходимостью всесторонней поддержки семьи как узлового социального института, снижающего фрустрацию и социальную нестабильность, выступающего опорой становления «частного» человека. Поскольку матримониальные, репродуктивные, самосохранительные процессы, как правило, формируются в семье, при решении проблем воспроизводства населения принципиальная роль принадлежит семейным структурам. Для проведения – грамотной социально-демографической политики, направленной на решение описанных проблем, необходимо глубокое и системное понимание семейной

структуры населения. В период с 1939 по 2010 гг. наблюдается долговременная тенденция сокращения среднего размера семьи, в 2010 г. она была зафиксирована на отметке 3,1 чел., в большей степени это коснулось сельского населения, размер которого за указанный период уменьшился на 23%. Демографическая структура населения является определяющей компонентой социально-экономического развития. При ее анализе на макроуровне выделяются наиболее общие тенденции и закономерности перспектив демографической динамики, на микроуровне – уровне семьи (домохозяйства) раскрывается потенциал, выявляются возможности адаптироваться за счет многообразных внутренних и внешних связей.

В этих обстоятельствах три направления радикального маневра в области социальной политики являются решающими. *Первое* – это продолжение (наращивание) мер в области активных демографических действий, включающей реформирование объема, структуры и порядка выплат материнского (семейного) капитала. *Второе* – разработка комплекса программ, направленных на создание условий для укрепления здоровья, охватывающих все возрастные группы. *Третье* – кратное увеличения оплаты труда, учитывая, что рост доходов позволит гражданам активно участвовать в финансировании социальных мероприятий, что является распространенной практикой в развитых странах.

Перемены, охватывающие все типы демографического поведения, в результате ведут к смене типа воспроизводства населения.

Сущность демографического перехода состоит в воссоздании новой парадигмы смены поколений людей – стабилизации рождаемости и снижении смертности, что ведет к увеличению продолжительности жизни новых поколений. При этом важнейшим условием является целенаправленное формирование благоприятной среды развития человека.

Список литературы

1. Аганбегян А. Повышение крайне низкой продолжительности жизни населения России – важная неотложная задача // Экономические стратегии. – 2015. – № 5-6. – С. 60-79.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. Русская идея: Монография. – Москва: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ. 2011. – 604 с.
3. Доброхлеб В.Г. Человеческий потенциал и модернизация // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3-4. – С. 84-88.
4. Доброхлеб В.Г., Янчук Ю.Н. Изменение посемейной структуры населения и роль государства в формировании социально-демографической политики // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3-4. – С. 41-45.
5. Римащевская Н.М. Социальные приоритеты в условиях кризиса не меняются // Народонаселение. – 2015. – № 2. – С. 4-8.
6. Рязанцев С.В. Приоритеты миграционной политики России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2010. – № 6. – С. 34-39.
7. Рязанцев С.В. Возможно ли повышение рождаемости в России? // Сегодня и завтра российской экономики. – 2008. – № 19. – С. 2-10.

Интернет источники

8. Демографический ежегодник России, 2014 г. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (Дата обращения: 10.10.2015).
9. Медведев: пенсионный возраст увеличат только для госслужащих. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/23719467/?frommail=1> (Дата обращения: 22.10.2015).
10. Правительство запланировало грандиозное сокращение социальных пособий и льгот. Право «оптимизировать» списки нуждающихся и льготников отдадут на откуп регионам. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/economics/2015/10/27/pravительство-zaplanirovalo-grandioznoe-sokrashhenie-socialnykh-posobiy-i-lgot.html> (Дата обращения: 09.11.2015).
11. Социально-экономическое положение России. 2015 г. январь – сентябрь. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_01/Main.htm (Дата обращения: 02.11.2015).

Елизаров Валерий Владимирович,
кандидат экономических наук,
руководитель Центра по изучению
народонаселения экономического факультета
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

ЦЕЛИ И ЦЕЛЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

(Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №15-06-09027

«Причины и последствия дифференциации демографического развития регионов России и возможности ее сокращения»)

В статье анализируется целеполагание в демографической политике России. Рассмотрены формулировки целей, представленные в документах, определявших введение мер демографической политики на разных этапах развития страны. Основное внимание уделено анализу целевых показателей, заявленных в Концепции демографической политики России на период до 2025 года и в майских (2012 г.) Указах Президента. Предложены показатели на 2021 г. и на 2025 г., на которые целесообразно ориентироваться на 3-м этапе реализации Концепции.

Ключевые слова: демографическая политика, численность населения, рождаемость, смертность, естественный прирост, продолжительность жизни, причины смертности, воспроизводство населения, суммарный коэффициент рождаемости, миграционный прирост, цели, целевые показатели.

E-mail: elizarovvv@gmail.com

Elizarov Valeriy V.,
candidate of economic sciences,
head of the center for population studies
of the faculty of economics,
Lomonosov Moscow state university,
Moscow, Russia

OBJECTIVES AND TARGETS THE DEMOGRAPHIC POLICY IN RUSSIA

(The study was supported by a grant RFBR №15-06-09027

«Causes and consequences of differentiation of demographic development of Russian regions and possibilities of its reduction»)

This article analyzes the definition of purpose in demographic policy in Russia. Considered the formulation of objectives, as presented in documents, establishing measures of population policies at different stages of development of the country. Focuses on the analysis of the targets stated in the Concept of demographic policy in Russia for the period up to the year 2025 and May (2012 g.) Decrees of the President. Proposed indicators to 2021, and the 2025, reasonably rely on 3-phase implementation of the Concept.

Keywords: demographic policy, population size, fertility, mortality, natural increase, life expectancy, causes of death, population replacement, total fertility rate, net migration, objectives, targets.

E-mail: elizarovvv@gmail.com

Демографическая политика рассматривается нами как целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения. При этом демографическая политика может быть направлена как на изменение, так и на сохранение сложившихся тенденций. Структура демографической политики, как и любой другой политической деятельности, включает два важнейших и взаимосвязанных компонента: определение и изложение системы целей, разработку и реализацию средств для их достижения [1. С. 538, 540].

В общем виде цели демографической политики обычно сводятся к формированию желательного режима воспроизводства населения, сохранению или изменению тенденций в области динамики численности и структуры населения, темпов их изменений, динамики рождаемости, смертности, семейного состава, расселения, внутренней и внешней миграции, качественных характеристик населения. Цели могут быть заданы в виде целевого требования (словесное описание целей), при этом, как правило, используются слова: улучшить, оптимизировать, создать, сформировать, повысить или сократить и т.п. Оценивать достижение поставленных целей в этом случае весьма непросто. Более сложное целеполагание предполагает задание целей в виде конкретного целевого показателя или системы показателей (нормативов, индикаторов), достижение которых интерпретируется как реализация целей демографической политики.

Среди показателей, апробированных в демографической политике разных стран, как правило, крайне редко используют собственно численность населения (исключения: КНР, где целью политики последних десятилетий XX века было «не превысить численность в 1200 млн. человек в 2000 г.», а также Румыния времен Чаушеску – достичь численности в 30 млн. человек) [1. С. 540].

Развивающиеся страны в качестве целевого показателя, чаще всего, выбирали и выбирают снижение темпов роста населения за определенный период, снижение общего или суммарного коэффициента рождаемости. Во Всемирном плане действий в области народонаселения (Бухарест, 1974), в Рекомендациях по его дальнейшему осуществлению (Мехико, 1984), в Программе действий, принятой на 20-летний период Всемирной конференцией по народонаселению и развитию (Каир, 1994) странам с высоким уровнем смертности предлагалось использовать в качестве целей демографической политики достижение определенных уровней средней продолжительности жизни и снижение младенческой смертности [2. С. 213].

Целенаправленное воздействие на воспроизводство населения призвано не столько изменить количественные параметры воспроизводства населения, сколько содействовать развитию населения, улучшению его качественных характеристик. Не количество людей является целью развития, а качество их жизни. В этом смысл одного из базовых принципов Каирской Программы действий: «Принцип 5. Цели и политики в области народонаселения являются составной частью культурного, экономического и социального развития, основная задача которого заключается в повышении качества жизни всех людей» [3. С. 6].

В Декларации Тысячелетия ООН, подписанной в сентябре 2000 года, предлагалось к 2015 году добиться снижения материнской смертности на три четверти и смертности среди детей в возрасте до 5 лет на две трети по сравнению с уровнями конца XX века; остановить распространение ВИЧ/СПИДа, малярии и других основных болезней, от которых страдает человечество, положить начало тенденции к сокращению их масштабов [4].

Демографическую политику нельзя рассматривать в отрыве от анализа динамики численности, структуры и расселения населения. Конкретная демографическая ситуация, ее тенденции и перспективы обуславливают целевую направленность политики. Так, размышляя о целях и результатах демографической политики в развитых странах, где рождаемость давно не обеспечивает воспроизводство населения, знаменитый американский демограф Натан Кейфиц писал 30 лет назад: «Основная цель политики в индустриальных обществах – обеспечение в долгосрочном периоде определенного уровня рождаемости...» [5].

Целеполагание в отечественной демографической политике имеет не столь длинную историю. В СССР официальных заявлений по поводу целей в области регулирования воспроизводства населения в принципе не делалось. Можно лишь упомянуть несколько документов, где об этом говорилось скорее косвенно, чем прямо. Так, меры, введенные Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах», по сути были нацелены на увеличение рождаемости и поддержание прироста населения на уровне 2,5-3 млн. человек в год [6]. В Указе Президиума Верховного Совета СССР Указ ВС СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Матери-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» говорилось о том, что эти меры вводятся «в целях увеличения материальной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, поощрения многодетности и усиления охраны материнства и детства...» [7]. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 235 от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» был введен комплекс мер демографической политики, содержавший принципиально новые принципы и меры поддержки семьи. Официальная трактовка целей принятых мер была следующей: «...создание лучших условий для роста населения и воспитания подрастающих поколений» [8]. Наконец, в правительственном постановлении о социальном развитии села (1988 г.) целью демографической политики было заявлено «стимулирование рождаемости в труднедостаточных регионах» [9. С. 344].

Распоряжением Правительства РФ № 1270-р от 24 сентября 2001 г. была одобрена разработанная Минтрудом РФ «Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года», в которой впервые была конкретно сформулирована долгосрочная цель демографической политики: «...стабилизация численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту» [10]. Для выхода страны из демографического кризиса 9 октября 2007 г. Указом Президента № 1351 была утверждена «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». Целями демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года были объявлены «...стабилизация численности населения к 2015 году на уровне 142-143 млн. человек и создание условий для ее роста к 2025 году до 145 млн. человек, а также повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2015 году до 70 лет, к 2025 году – до 75 лет» [11].

Цель осталось по сути той же – стабилизация численности населения к 2015 году и создание предпосылок для роста. При этом в Концепции-2007 были прописаны конкретные целевые показатели для численности населения и продолжительности жизни [12]. В соответствии с Концепцией демографической политики на период до 2025 г. по итогам реализации второго этапа (2011-2015 гг.) предполагалось к 2016 году:

- стабилизировать численность населения на уровне 142 – 143 млн. человек;
- увеличить в 1,3 раза по сравнению с 2006 годом суммарный коэффициент рождаемости;
- увеличить показатель ожидаемой продолжительности жизни до 70 лет;
- на треть снизить уровень смертности населения; (т.е. в 1,5 раза);
- обеспечить миграционный прирост на уровне не менее 200 тыс. человек ежегодно [11].

Все целевые ориентиры, кроме снижения смертности, достигнуты. По данным на 1 сентября 2015 г. численность постоянного населения Российской Федерации достигла 146,4 млн. человек (с учетом населения Крымского ФО, составляющего около 2,3 млн. человек) [13]. Без учета населения Крыма, численность составила бы 144,1 млн., что выше целевого показателя второго этапа (142-143 млн.). Превышение показателя было достигнуто за счет роста рождаемости, снижения смертности, сохранения высокого миграционного прироста.

В 2013-2014 г. после 20 лет естественной убыли населения (вследствие превышения числа умерших над родившимися), был зафиксирован небольшой естественный прирост. С начала 2015 года численность населения России возросла на 135,0 тыс. человек, или на 0,09% (на соответствующую дату 2014 года также наблюдалось увеличение численности населения – на 179,3 тыс. человек, или на 0,12%). Естественная убыль населения в январе-августе 2015 года составила 11,7 тыс. человек, в то время как в соответствующем периоде 2014 г. наблюдался естественный прирост населения 15,1 тыс. человек [13].

Суммарный коэффициент рождаемости вырос с 1,305 в 2006 г.; до 1,567 в 2010 г. и до 1,75 в 2014 г. (рост в 1,34 раза); оценка на 2015 г. – 1,77). При этом число родившихся выросло с 1479,6 тыс. в 2006 г. до 1947,3 в 2014 гг. (рост в 1,316 раза), без учета Крыма (34,3 тыс. родившихся) – до 1913,0 тыс. (рост в 1,293 раза).

Продолжительность жизни выросла с 66,69 лет в 2006 г.; до 68,94 в 2010 г. и до 70,93 в 2014 г. (прирост на 4,24 года или на 6,4%).

Число умерших снизилось с 2,167 млн. в 2006 г. до 2,029 млн. в 2010 г. и до 1,914 млн. в 2014 гг. (в 1,13 раза), без учета Крыма – до 1,879 млн. (в 1,15 раза); общий коэффициент смертности снизился с 15,1‰ в 2006 г.; до 14,2‰ в 2010 г. и до 13,1‰ в 2014 г. (в 1,15 раза), что значительно меньше целевого ориентира.

Миграционный прирост населения России на первом этапе реализации Концепции демографической политики (2007-2010 гг.) составлял в среднем ежегодно около 333 тыс. чел., на втором этапе (2011-2014 гг.) в среднем составил около 295 тыс. чел., что существенно превышало целевой ориентир второго этапа (не менее 200 тыс. человек). За январь-август 2015 г. миграционный прирост в обмене с зарубежными странами, хотя и уменьшился на 11 тыс. человек в сравнении с 2014 г., но в целом за год составил более 200 тыс. человек, также превышая целевой ориентир. Некоторое снижение миграционного прироста произошло в результате возросшего числа выбывших из Российской Федерации, прежде всего, за счет эмигрантов в государства-участники СНГ. Это связано с изменением порядка учета мигрантов и отнесения мигрантов, приехавших в Россию на срок 9 месяцев и более к постоянному населению.

С учетом обозначившейся тенденции к сокращению числа рождений, (вследствие сокращения численности женщин основных репродуктивных возрастов) в дальнейшем естественный прирост (убыль) будет определяться возможностями сохранения позитивной тенденции к сокращению смертности.

В соответствии с Концепцией демографической политики **к 2025** году предполагается:

- обеспечить постепенное увеличение численности населения (в том числе за счет замещающей миграции) до 145 млн. человек;
- увеличить в 1,5 раза по сравнению с 2006 годом суммарный коэффициент рождаемости,
- увеличить ожидаемую продолжительность жизни до 75 лет;
- снизить уровень смертности в 1,6 раза;
- обеспечить миграционный прирост на уровне более 300 тыс. человек ежегодно.

В связи с целесообразностью разбиения третьего этапа реализации Концепции демографической политики на 2 периода: 2016-2020 гг. и 2021-2024 гг. предлагается определить целевые ориентиры, которые необходимо достигнуть к 2021 г. и уточнить показатели, которые предусмотрены Концепцией к 2025 г. Это позволит более конкретно и аргументировано обосновать план мер по реализации демографической политики на 2016-2020 гг., а в последствии, и на завершающий период до 2025 г. При этом необходимо синхронизировать достижение целевых показателей Концепции демографической политики с показателями, обозначенными в Указе Президента РФ «О мерах по реализации демографической политики» № 606 от 7 мая 2012 г. и в Указе Президента РФ «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» №598 от 7 мая 2012 г.

В соответствии с Указом №606, Правительство Российской Федерации должно обеспечить к 2018 году:

- повышение к 2018 году суммарного коэффициента рождаемости до 1,753;

- увеличение к 2018 году ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации до 74 лет [14].

В соответствии с Указом №598, Правительство Российской Федерации должно обеспечить к 2018 году:

- снижение смертности от болезней системы кровообращения до 649,4 случая на 100 тыс. населения;
- снижение смертности от новообразований (в том числе от злокачественных) до 192,8 случая на 100 тыс. населения;
- снижение смертности от туберкулеза до 11,8 случая на 100 тыс. населения;
- снижение смертности от дорожно-транспортных происшествий до 10,6 случая на 100 тыс. населения;
- снижение младенческой смертности, в первую очередь за счёт снижения ее в регионах с высоким уровнем данного показателя, до 7,5 на 1 тыс. родившихся живыми [15].

Проанализируем динамику показателей смертности, предусмотренных Указом №598, с учетом сложившихся тенденций за предыдущие годы (табл. 1). Поскольку целевые показатели к 2018 г. определялись, видимо, с учетом фактических данных за 2011 г., возьмем 2011 г. за базу для оценки планируемых масштабов снижения.

Таблица 1

Динамика показателей, предусмотренных Указом №598

Динамика показателей, предусмотренных Указом №598	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2011/ 2005	2014/ 2005	Цели 2018	2018/ 2011
смертность от болезней системы кровообращения	905,4	800,6	753,0	737,1	698,1	659,5	↓1,20	↓1,37	649,4	↓1,16
смертность от новообразований	200,6	205,2	204,6	203,1	203,3	202,2	↑1,020	↑1,008	192,8	↓1,061
смертность от туберкулеза	22,5	15,3	14,2	12,5	11,3	9,8	↓1,58	↓2,30	11,8	↓1,20
смертность от дорожно-транспортных происшествий	19,0	14,0	13,5	14,4	14,3	-	↓1,41	↓1,33	10,6	↓1,27
младенческая смертность, ‰	11,0	7,5	7,4	8,6	8,2	7,4	↓1,49	↓1,49	7,5	↓1,20*
ожидаемая продолжительность жизни, лет	65,37	68,94	69,83	70,24	70,76	70,93	↑1,068	↑1,085	74	↑1,060

* В связи с переходом на новые правила учета живорождений, соответствующие рекомендациям ВОЗ, ожидалось, что младенческая смертность в 2012 г. вырастет примерно до 9,0‰; планируемое снижение оценивалось от этого уровня.

Анализ показывает, что снижение показателей смертности от разных причин планировалось разными темпами, аргументация такой дифференциации нигде не была представлена. Оценить корректность такой постановки целей не представляется возможным.

Целевые показатели по снижению младенческой смертности и смертности от туберкулеза уже достигнуты. Предварительные данные за январь-август 2015 г. показывают, что младенческая смертность продолжила снижение до 6,6‰. Достижение целевого показателя смертности от болезней системы кровообращения вполне возможно, так предварительные

данные за январь-август 2015 г. показывают, что пока продолжается тенденция снижения показателя – до 651,0 (на 100 тыс. чел. населения). Достижение целевого показателя смертности от новообразований и от дорожно-транспортных происшествий весьма проблематично и маловероятно, если исходить из наблюдаемой динамики. Так, предварительные данные за январь-август 2015 г. показывают небольшой рост смертности от новообразований до 203,2 (на 100 тыс. чел. населения).

Таким образом, можно предположить, что предусмотренные Концепцией демографической политики темпы снижения смертности к 2015 и к 2025 гг. вряд ли реалистичны, а с учетом продолжающегося старения населения и увеличения числа и доли старших групп населения, где коэффициенты смертности высоки, можно ожидать, что дальнейшее снижение числа умерших весьма проблематично.

В тоже время снижение возрастных коэффициентов возможно как за счет снижения смертности от внешних причин, так и от сердечно-сосудистых заболеваний. Есть резервы и в снижении смертности от таких болезней, показатели смертности которых (на 100 тыс. человек населения) в последние годы не демонстрируют снижения, практически остаются на одном уровне или в отдельные годы растут. Например, смертность от болезней органов пищеварения (2010 г. – 64,4; 2011 г. – 62,2; 2012 г. – 62,1; 2013 г. – 61,6; 2014 г. – 66,1), от болезней органов дыхания (2010 г. – 52,4; 2011 г. – 51,9; 2012 г. – 49,4; 2013 г. – 51,6; 2014 г. – 53,0), от некоторых инфекционных и паразитарных болезней (2010 г. – 23,5; 2011 г. – 23,6; 2012 г. – 22,4; 2013 г. – 22,2; 2014 г. – 21,3). При этом особое внимание должно быть уделено снижению смертности от тех причин, где последние год фиксируется рост: от болезней нервной системы (2010 г. – 12,8; 2013 г. – 15,9); от сахарного диабета (2010 г. – 6,4; 2013 г. – 9,0); от болезни, вызванной вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) (2010 г. – 4,7; 2013 г. – 7,4), от симптомов, признаков и отклонений от нормы, выявленных при клинических и лабораторных исследованиях (2010 г. – 71,7; 2013 г. – 87,0). В отношении ряда причин рост связан с качеством диагностики, так, рост смертности от старости (2005 – 34,6; 2010 – 39,4; 2011 – 39,0; 2012 – 46,1; 2013 – 57,3), скорее всего, вызван тем, что эту причину указывают вместо иной (например, вместо смерти от сердечно-сосудистых заболеваний). Сокращение показателей от не точно обозначенных диагнозов и от старости будет способствовать более объективному анализу причин смертности и путей ее снижения.

Проанализируем динамику основных демографических показателей, предусмотренных Концепцией демографической политики и Указом №606 для оценки целевых показателей к 2021 году (табл. 2).

Таблица 2

Динамика основных демографических показателей, предусмотренных Концепцией демографической политики и Указом №606

Показатель	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015 цели	2018 цели	2025 цели
численность населения (млн.)	143,237	142,833	142,865	143,056	143,347	143,667	142-143		145
суммарный коэффициент рождаемости	1,305	1,567	1,582	1,691	1,707	1,750	1,696	1,753	1,957
число умерших (тыс.)	2166,7	2028,5	1925,7	1906,3	1871,8	1912,3	1444		1354
смертность на 1000 населения	15,1	14,2	13,5	13,3	13,0	13,1	10,07		9,44
ожидаемая продолжительность жизни, лет	66,69	68,94	69,83	70,24	70,76	70,93	70	74	75
миграционный прирост (тыс.)	313	271	320	295	296	270	>200	>300	>300

Источник: Демографический ежегодник. 2014. – М., 2014.

Определение целевых ориентиров демографической политики к 2021 г. и уточнение показателей к 2025 г., о окончании срока действия Концепции, базируется на анализе динамики основных демографических показателей, возможного влияния на демографические процессы реализуемых мер в рамках приоритетных национальных проектов, федеральных программ, а также мер, предусмотренных Концепцией демографической политики, Концепцией семейной политики и Национальной стратегией действий в интересах детей.

Прежде чем определить целевой ориентир для показателя ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) к 2021 г., необходимо оценить возможность достижения к 2018 г. продолжительности жизни в 74 года (табл. 3). Такая цель поставлена в Указе Президента №606. Поскольку в 2014 г. достигнута величина в 70,93 года, необходимо обеспечить ежегодный прирост показателя в среднем на 0,77 года. Реально ли это?

Таблица 3

Динамика показателей ожидаемой продолжительности жизни при рождении, 2003-2014 гг.

годы	мужчины и женщины	Мужчины	Женщины	ОПЖ (ж) – ОПЖ (м)	Прирост ОПЖ за год		
					Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины
2003	64,84	58,53	71,85	13,32			
2004	65,31	58,91	72,36	13,45	0,47	0,38	0,51
2005	65,37	58,92	72,47	13,55	0,06	0,01	0,11
2006	66,69	60,43	73,34	12,91	1,32	1,51	0,87
2007	67,61	61,46	74,02	12,56	0,92	1,03	0,68
2008	67,99	61,92	74,28	12,36	0,38	0,46	0,26
2009	68,78	62,87	74,79	11,92	0,79	0,95	0,51
2010	68,94	63,09	74,88	11,79	0,16	0,22	0,09
2011	69,83	64,04	75,61	11,57	0,89	0,95	0,73
2012	70,24	64,56	75,86	11,30	0,41	0,52	0,25
2013	70,76	65,13	76,30	11,17	0,52	0,57	0,44
2014	70,93	65,29	76,49	11,20	0,17	0,16	0,19
Прирост за 2014-2003					6,09	6,76	4,64
В среднем за год					0,55	0,61	0,42

Источник: Демографический ежегодник. 2014. – М., 2014. – Табл. 2.7

Анализ показывает, что непрерывный рост показателей идет с 2004 г. При этом размеры прироста колебались в достаточно большом диапазоне от 0,06 до 1,32 года. Наибольшие приросты были достигнуты в 2006 и 2007 гг., когда началась активная реализация приоритетного национального проекта по здравоохранению. Было всего 4 года (2006, 2007, 2009, 2011 гг.), когда рост был выше уровня в 0,77, необходимого для выхода к 2018 г. на уровень в 74 года.

В целом за этот период (2003-2014 гг.) ОПЖ увеличилась на 6,09 лет, или в среднем за 11 лет на 0,55 года. Если взять период после рекордных лет, то за 2007-2014 гг. прирост в среднем составил 0,47 лет. При этом приросты ОПЖ мужчин практически всегда превышают приросты ОПЖ женщин, что ведет к некоторому сокращению разницы в показателях.

В условиях кризисного социально-экономического развития и значительных бюджетных ограничений на финансирование здравоохранения и рост доходов граждан, вероятней всего, к 2018 г. уровень в 74 года не будет достигнут. В лучшем случае среднегодовые приросты составят около 0,4 – 0,5 года. При таких темпах роста реально достижение уровня в 74 года к 2021 гг. и уровня в 75,5 – 76 лет к 2025 г., что будет существенно выше, чем целевой показатель 75 лет к 2025 г., определенный Концепцией демографической политики. При этом расчеты показывают, что число умерших может снизиться примерно на 8-10% до величины в

1,71-1,75 млн. человек к 2021 г. и сохраниться примерно на этом уровне до 2025 г. или вырастет до 1,80 млн. человек, если снижение смертности замедлится.

Таким образом, предлагается в качестве целевых ориентиров по увеличению продолжительности и снижению смертности принять следующие:

К 2021 г., за период 2016-2020 гг.:

- ОПЖ (мужчины и женщины) – 74,0 года;
- целесообразно задать отдельно целевые показатели увеличения ОПЖ для мужчины (68,9-69,0 лет) и женщин (79,0-79,1) года;
- разница в показателях мужчин и женщин при этом сократится с 11,2 лет в 2014 г. до 10,0-10,2 лет к 2021 году;
- снижение числа умерших до 1,73-1,75 млн. человек (что будет видимо определять небольшую естественную убыль, снижение ОКС (общего коэффициента смертности) до 12‰ (сокращение примерно на 8-9%).

К 2025 г., за период 2021-2024 гг.:

- ОПЖ (мужчины и женщины) – 75,5 -76,0 года;
- целесообразно задать отдельно целевые показатели увеличения ОПЖ для мужчины (71,0-71,5 лет) и женщин (81,0-81,5) года;
- разница в показателях мужчин и женщин при этом может сократиться с 11,2 лет в 2014 г. примерно до 9,0 лет к 2025 году;
- стабилизация числа умерших на уровне 1,80 – 1,84 млн. человек и снижение ОКС (12,3-12,5‰).

При таких параметрах продолжительности жизни и смертности и сохранении тенденции роста СКР примерно до 1,95 (в случае реализации целей Концепции демографической политики и стабилизации числа рождений) целевой показатель численности населения может быть задан следующими целями: к 2021 г. – 146,5-147 млн. человек; к 2025 г. – стабилизации на уровне 147 млн. человек.

Для сохранения роста и впоследствии стабилизации численности населения с учетом замещающей миграции будет достаточно поддерживать миграционный прирост на уровне не менее 250-300 тыс. в среднем, при этом совершенствуя миграционный учет, обеспечивая качественный состав мигрантов, их адаптацию и интеграцию в российское общество.

Если же динамика рождаемости будет иной, со стабилизацией СКР на уровне 1,70 – 1,75, или даже на более низком уровне, то при прогнозируемом существенном сокращении численности женщин репродуктивных возрастов с высокой рождаемостью (20-39 лет), число рождений будет меньше, чем число умерших, и естественная убыль может вернуться к уровням, для которых замещающей миграции в 250-300 тыс. человек в год может оказаться недостаточно для стабилизации численности населения.

Для обеспечения предлагаемых целевых ориентиров необходима дальнейшая активизация демографической политики в отношении поддержки семей с детьми и снижения смертности, а также совершенствование миграционной политики, миграционного учета и оценки потребности в мигрантах, в том числе трудовых.

Список литературы

1. Елизаров В.В. Демографическая политика (*Раздел IX*) // Введение в демографию. Учебник / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. – 636 с.
2. Демографическая политика // Демографическая энциклопедия. – М.: Энциклопедия, 2013. – 944 с.
3. Доклад Международной конференции по народонаселению и развитию. Каир, 5-13 сентября 1994 г. – ООН, 1994.

Интернет источники

4. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года. – Режим доступа:

- http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (Дата обращения: 10.11.2015).
5. Keyfitz, Nathan. 1985. Why population policy is not always effective. *Politiques de Population. Etudes et Documents*. Vol. 2, n. 2. (Дата обращения: 10.11.2015).
 6. Постановление ЦИК №65 и СНК СССР №1134 от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4068> (Дата обращения: 10.11.2015).
 7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=507&req=doc> (Дата обращения: 10.11.2015).
 8. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 235 от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=94032> (Дата обращения: 10.11.2015).
 9. Елизаров В.В. Демографическая политика в СССР и России // Основы демографии: Учеб. пособие / Н.В. Зверева, И.Н. Веселкова, В.В. Елизаров. – М.: Высшая школа, 2004. – 374 с.
 10. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 21 сентября 2001 г. №1270-р. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=98526> (Дата обращения: 10.11.2015).
 11. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/191961/> (Дата обращения: 10.11.2015).
 12. Елизаров В.В. От концепции демографического развития к концепции демографической политики // Демоскоп Weekly, № 309-310, 12-25 ноября 2007 (Социально-демографическая политика в документах и комментариях). – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0309/polit02.php> (Дата обращения: 10.11.2015).
 13. Демография на 1 сентября 2015 г. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (Дата обращения: 10.11.2015).
 14. Указ Президента РФ «О мерах по реализации демографической политики» № 606 от 7 мая 2012 г. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/09/demo-dok.html> (Дата обращения: 10.11.2015).
 15. Указ Президента РФ «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» №598 от 7 мая 2012 г. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/09/zdorovje-dok.html> (Дата обращения: 10.11.2015).
 16. Демографический ежегодник России. 2014. – М., 2014. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_16/Main.htm/ (Дата обращения: 10.11.2015).

Лапшов Валерий Александрович,
доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры «Прикладная социология»
Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье отмечается возросшее значение социальных последствий качественных глобальных изменений в начале XXI в., системные вызовы и пути развития современной российской экономики, негативных тенденций в развитии отечественного социального и человеческого потенциала. Особое внимание автор уделит таким понятиям, как «социальное развитие», «структурные критерии развития», а также «демографическая политика современной России». Представлена авторская модель социального развития демографической политики современной России. Рассмотрены ее основные элементы.

Ключевые слова: социальное развитие, демографическая политика, модель социального развития демографической политики современной России.

E-mail: VLapshov@fa.ru

Lapshov Valery A.,
doctor of social sciences, Professor,
professor of the department
of «Applied Sociology»,
Financial university under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia

MODEL OF SOCIAL DEVELOPMENT OF THE DEMOGRAPHIC POLICY OF MODERN RUSSIA

The article notes the increasing importance of the social consequences of high-quality global changes at the beginning of the XXI century. System calls, and the development of the Russian economy, the negative trends in the development of national social and human development. Particular attention is paid to such notions as «social development» and its «structural performance criteria», as well as the «demographic policy of modern Russia». The author's model of social development of the population policy of modern Russia. Consider its basic elements.

Keywords: social development, population policy, the model of social development of the demographic policy of modern Russia.

E-mail: VLapshov@fa.ru

Наступивший XXI век вносит коррективы и качественные изменения в глобальные процессы. При этом все более очевидным становится возросшее значение социальных последствий этих процессов и все чаще звучит мнение о том, что именно социальное развитие будет определять облик нового времени. Провозглашенные и закреплённые в официальных документах многих стран принципы «социальной солидарности», «социального сплочения», «социальной справедливости» и «социальной ответственности» накладывают отпечаток на все процессы, которые влияют на эволюцию общества.

В современной России практически завершён переход к рыночной экономике. В российском обществе создана и функционирует система основных социальных норм и институтов, обеспечивающих развитие рыночных отношений. Отечественная экономика стоит перед выбором – на чем сделать акцент: на стимулировании экономического роста или на финансовой консолидации. Естественно, стимулирование экономического роста и финансовая консолидация не исключают друг друга. Нужно найти оптимальное сочетание между ними в экономической политике и практике нашего государства. Особенно это необходимо в условиях санкций, когда в России резко снизились темпы экономического роста и не происходит ощутимого преодоления отставания в производительности труда.

По данным, приведенным в исследовании Global Wealth Report 2013, опубликованном на сайте международной финансовой корпорации Credit Suisse Group, 110 российских миллиардеров контролируют 35% всех активов. Эксперты этой международной корпорации заключили: «Во время переходного периода были надежды на то, что Россия будет преобразована в высокодоходную экономику с высококвалифицированными работниками и сильными программами социальной защиты, унаследованными от советских времен. На практике получилась почти пародия» [1].

В середине текущего десятилетия российская экономика оказалась перед долговременными системными вызовами, отражающими как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития. *Во-первых*, это усиление глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы национального управления, развития социального и человеческого потенциала [2]. *Во-вторых*, это возрастание роли социального капитала как основного фактора экономического развития [3. С. 722-732].

Конкурентоспособность современной экономики в большей степени определяется качеством профессиональных кадров и уровнем их социализации. В России имеются негативные тенденции в развитии социального и человеческого потенциала, которые характеризуются: сокращением численности населения и уровня занятости в экономике; растущей конкуренцией с европейскими и азиатскими рынками в отношении квалифицированных кадров; низким качеством и снижением уровня доступности социальных услуг в сфере здравоохранения и образования и др.

Все это требует разработки новой модели социального развития демографической политики современной России, основанной как на создании благоприятных условий для реализации способностей каждого человека, улучшении условий жизни российских граждан и качества социальной среды, так и повышении конкурентоспособности социального и человеческого капиталов и обеспечивающих его социальных секторов экономики. В результате мы преодолеем негативные демографические тенденции, стабилизируем численность населения и создадим необходимые условия для ее роста, повышение качества жизни населения.

В социологии под развитием понимают необратимое направленное закономерное изменение объектов, в результате которого возникает их новое качественное состояние [4. С. 285]. Процесс развития представляет собой движение от низшего к высшему по восходящей линии, от старого качественного состояния к новому, более высокому, обновление, рождение нового, отмирание старого и т.п. В отечественной социологии социальное развитие – это процесс позитивного развития обществ (социетальных систем), различных сфер общественной жизни,

социальных структур и отношений, творческих возможностей и потенциала самого человека в течение некоторого промежутка времени [5. С. 378].

В научной литературе выделяют ряд структурных критериев социального развития:

- 1) структурное усложнение объекта, так как более сложные по своей структуре объекты являются и более развитыми;
- 2) увеличение числа, усложнение характера или видоизменение социальных функций объекта;
- 3) повышение результативности, эффективности, конкурентоспособности социальных и социальных систем, структур, организаций.

Социальное развитие подразумевает также увеличение возможностей удовлетворения многообразных потребностей общества, различных групп населения и отдельных индивидов, формирование самого человека.

Оценка процесса социального развития требует разработки специальной системы социальных показателей. Примером может служить «Система социальных показателей российского общества», разработанная в ИСПИ РАН [6]. Она разделена на группы по сферам общественных отношений: социальную, социально-политическую, социально-экономическую и духовно-нравственную. Показатели каждой из названных сфер разделены на группы по видам измерения:

- социальные условия как объективные данные;
- социальные индикаторы как количественные характеристики;
- социальные показатели как качественные характеристики общественных отношений, фиксируемые социологическими методами.

Данный подход позволяет оценить уровень развития каждой сферы общественных отношений и общества в целом. Вместе с тем, отечественные органы статистики вырабатывают более детальные системы социальных, экономических и демографических показателей. Отсюда можно сделать вывод, что социальное развитие общества системно по своему характеру, так как представляет собой некую целостность взаимосвязанных и взаимозависимых элементов. Основные элементы социального развития общества: объект; субъект; цель и задачи; функции; приоритеты и принципы; формы, средства и методы реализации.

Главным объектом социального развития считают социальную сферу общества. К остальным объектам социального развития можно отнести: население страны (в том числе социальные общности и группы); социальные отношения; социальные явления и процессы в обществе во всем их многообразии и формах.

Субъекты социального развития – это граждане и социальные группы, а также представляющие их интересы институты, организации и органы власти, взаимодействующие в социальной сфере. Главный субъект социального развития общества – это государство, которое должно обеспечивать: движение к достижению в обществе социальной справедливости; ослабление социального неравенства; предоставление каждому работы или иного источника существования; сохранение мира и согласия в обществе; формирование благоприятной для человека жизненной среды. Субъектами социального развития также выступают:

- государственные ведомства и учреждения социальной защиты населения;
- общественные, религиозные, благотворительные и другие негосударственные объединения;
- сами граждане (гражданские инициативы, например, группы самопомощи);
- органы местного самоуправления;
- внебюджетные фонды;
- коммерческие структуры и бизнес;
- профессиональные работники, занимающиеся разработкой и осуществлением социальной политики;
- добровольцы и др.

Цель современного социального развития общества – это формирование человеческой личности, создание благоприятных условий для ее полноценного гармоничного существования, воспитание чувства ответственности за свою жизнедеятельность, за удовлетворение жизненно важных интересов и потребностей.

К приоритетным задачам социального развития можно отнести: гармонизация общественных отношений; создание социально-гарантированных условий для жизнедеятельности граждан; обеспечение научно-технического прогресса, внедрение инновационных технологий, развитие инновационной деятельности; укрепление института семьи; обеспечение социальной справедливости в обществе.

Функции социального развития общества:

1) политические функции:

- адаптация – приспособление к условиям внешней и внутренней среды;
- интеграция – согласование интересов всех элементов общества;
- артикуляция – выражение интересов отдельных социальных групп;
- целеполагание – постановка целей и задач развития общества;
- координация – установление взаимодействия различных видов и направлений социальной политики;
- социализация – приобщение членов общества к социально-политической деятельности;
- ориентация членов общества на определенные нормы и ценности;
- рекрутирование – отбор и подготовка политической элиты;

2) социально-политические функции:

- поддержание и укрепление ценностей общества;
- разработка целей и задач развития социальной сферы общества;
- ограничение процесса социальной дифференциации в обществе;
- предотвращение социальных конфликтов;
- регулирование социальных отношений;
- стимулирование социально-политической активности индивидов и групп;

3) социальные функции:

- предотвращение массовой бедности;
- обеспечение эффективной занятости населения;
- воспроизводство рабочей силы и самого человека;
- сохранение семьи как базового социального института;
- обеспечение социальной защиты населения;
- улучшение демографической ситуации.

Приоритеты – это наиболее важные, значимые проблемы, осознанные как первоочередные задачи социального развития общества. Основным приоритетом современного социального развития российского общества является принятие неотложных мер в сфере демографии и здоровья населения, направленных на стабилизацию демографической обстановки в обществе, снижение смертности в трудоспособном возрасте, т.е. демографическая политика – инструмент (механизм) целенаправленного воздействия на вполне определенные социальные, в том числе демографические, процессы [7. С. 259].

Снижение численности населения в 1990-х – начале 2000-х гг. является одним из основных вызовов для социального развития России. При сохранении негативных тенденций численность населения может снизиться со 142,1 млн. человек в 2007 году до 140 млн. человек в 2020 году.

Демографическая политика Российской Федерации направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране [15].

Современная демографическая ситуация в Российской Федерации в значительной степени обусловлена социально-экономическими процессами, происходившими в XX в. Во второй половине прошлого века в Российской Федерации ежегодно рождались 2-2,5 млн. детей, умирали 1-1,5 млн. человек. Продолжительность жизни граждан постоянно увеличивалась и приближалась к показателям европейских стран. Средняя продолжительность жизни в 1990-1991 годах составляла 68 лет. Основной причиной низкой продолжительности жизни населения в Российской Федерации является высокая смертность граждан трудоспособного возраста. Из общего числа умерших почти треть составляют граждане трудоспособного возраста, около 80% из них – мужчины. При этом, по показателю ожидаемой продолжительности жизни населения, особенно мужчин, Россия все больше отстает от экономически развитых стран: в начале XXI в. ожидаемая продолжительность жизни в Российской Федерации составила в среднем 66,7 года, в том числе мужчин – 60,6 года, женщин – 73,1 года.

С 1992 года началось стабильное сокращение численности населения из-за превышения уровня смертности над уровнем рождаемости (естественная убыль населения). В течение последних 15 лет в России ежегодно умирали более 2 млн. человек, что в расчете на 1000 человек в 2 раза больше, чем в европейских странах и США, в 1,5 раза больше, чем в среднем в мире, а ежегодно рождались в этот период 1,2-1,5 млн. человек.

Начиная с XXI в. в России отмечается рост рождаемости. Вместе с тем уровень рождаемости пока еще недостаточен для обеспечения воспроизводства населения. На рождаемость отрицательно влияют: низкий денежный доход многих семей, отсутствие нормальных жилищных условий, современная структура семьи (ориентация на малодетность, увеличение числа неполных семей), тяжелый физический труд значительной части работающих женщин (около 15%), условия труда, не отвечающие санитарно-гигиеническим нормам, низкий уровень репродуктивного здоровья, высокое число прерываний беременности (абортов). Низкий уровень рождаемости ведет к демографическому старению населения. Если в 1992 году численность женщин в возрасте старше 55 лет и мужчин в возрасте старше 60 лет составляла 19,3% всего населения, то в начале XXI в. – 20,4%.

Целью государственной демографической политики является снижение темпов естественной убыли населения, стабилизация численности населения и создание условий для ее роста, а также повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни. Необходимо обеспечить стабилизацию численности населения на уровне не ниже 142 – 143 млн. человек к 2015 году и создание условий для повышения к 2025 году численности населения до 145 млн. человек и средней продолжительности жизни до 75 лет.

Таким образом, демографическая политика является частью общесоциальной политики. В Российской Федерации она строится на основе следующих концепций:

- 1) «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», которая утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [14];
- 2) «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351.

Данные концепции составляют то правовое и идеологическое пространство, в рамках которого могут формироваться программные документы по вопросам рождаемости, продолжительности жизни, миграции и иных направлений регулирования демографического развития. Они построены на основополагающих принципах, формулируемых на основе международного и отечественного права (конвенций, договоров, конституций, законов), и определяют приоритеты в различных областях демографического развития и направления, по которым должны разрабатываться соответствующие программы и модели.

Программы – это комплексы мероприятий правового, экономического, идеологического и организационного порядка, с помощью которых достигаются цели демографической поли-

тики. Эти программы могут быть едиными, охватывая все аспекты демографического развития, и специальными, предназначенными для реализации задач в сферах рождаемости, здоровья, продолжительности жизни и миграции населения.

Модель – это теоретический или условный образ какого-либо социального явления, воспроизводящий его основные типические черты. Модель исследуемого объекта представляет собой систему материальных или идеальных (выраженных в знаках) элементов или их комбинацию, находящуюся в отношении подобия к объекту исследования и воспроизводящую структурно-функциональные, причинно-следственные и генетические связи между его элементами. Наиболее существенными свойствами моделей являются следующие: модель и оригинал всегда находятся в известном субъекту познания объективном соответствии; в процессе познания модель замещает объект, и сама становится объектом исследования; модель в определенном отношении в упрощенной форме воспроизводит объект исследования; она служит познанию объекта моделирования, средством получения новой информации об объекте; знание, полученное на модели, может быть перенесено на оригинал [8. С. 23-24].

Многообразие социальных систем, различная степень их изученности, а также широкий спектр задач, решаемых с помощью метода моделирования, являются причинами существования множества социальных моделей. Все это многообразие социальных моделей в соответствии со способом воспроизведения действительности и применяемыми средствами построения модели, можно разделить на три класса: материальные модели, которые ввиду специфичности социальных объектов должны реализовываться в форме моделей, основанных на участии в них людей (как правило, это игровые модели); идеальные модели (неформализованные и формализованные); смешанные модели, сочетающие элементы первых двух (так называемые человеко-машинные модели) [9. С. 47].

Сфера применения моделей первого и третьего классов весьма ограничена в социальном управлении. Идеальные модели, в отличие от первых, в настоящее время используются в социологии управления практически на всех направлениях научного поиска и их можно классифицировать по ряду оснований. Например, по назначению выделяют измерительные, описательные, объяснительные, критериальные и предсказательные модели; по отображаемым закономерностям – детерминистические и стохастические; по ориентации на функционирование или развитие – модели с постоянной и изменяющейся структурой и т.п. По другим основаниям для классификации можно выделить следующие классы моделей, применяющихся в социологических исследованиях: теоретические и эмпирические, алгоритмические и оптимизационные, с управлением и без управления и т.п. [10. С. 142]. Важным классом моделей являются математические компьютерные модели, отображающие представления исследователей о структуре изучаемого социального объекта и механизмах, опосредующих изменение изучаемых социальных переменных, в виде программ для ЭВМ [11. С. 126]. Эти модели позволяют имитировать динамику изучаемого объекта (изменение интересующих исследователя переменных) при различных значениях независимых переменных (управляющих воздействиях). Каждый такой расчет при конкретном сочетании управляющих воздействий называется вычислительным экспериментом. Он заменяет эксперимент с реальными социальными объектами [12. С. 78]. Серия вычислительных экспериментов позволяет получить набор сценариев развития объекта при тех или иных управляющих воздействиях и найти, какие управляющие воздействия приведут к наиболее благоприятному развитию событий.

При рассмотрении социального моделирования как метода системного исследования наиболее полно проявляются его познавательные возможности [13. С. 291]. *Модель социального развития демографической политики современной России – это теоретический образ механизма целенаправленного воздействия на демографический процесс в течение некоторого промежутка времени.* В ее основе заложены следующие приоритетные направления государственной демографической политики:

- 1) снижение смертности населения, прежде всего высокой смертности мужчин в трудоспособном возрасте от внешних причин;

- 2) сохранение и укрепление здоровья населения, увеличение роли профилактики заболеваний и формирование здорового образа жизни;
 - 3) повышение уровня рождаемости (в том числе за счет рождения в семьях второго и последующих детей);
 - 4) управление миграционными процессами в целях снижения дефицита трудовых ресурсов в соответствии с потребностями экономики;
 - 5) обеспечение защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.
- Снижение смертности населения, прежде всего высокой смертности мужчин в трудоспособном возрасте от внешних причин включает в себя:*

- снижение смертности и травматизма в результате дорожно-транспортных происшествий (за счет повышения качества дорожной инфраструктуры, дисциплины на дорогах, организации дорожного движения, повышения качества и оперативности медицинской помощи пострадавшим) и других внешних причин;
- профилактика, своевременное выявление на ранних стадиях и лечение сердечно-сосудистых и других заболеваний, которые дают высокий процент смертности среди населения;
- снижение смертности и травматизма от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, профилактика и своевременное выявление профессиональных заболеваний, разработка и реализация совместно с работодателями и объединениями профсоюзов мероприятий по улучшению условий и охраны труда;
- создание развитой инфраструктуры жизнеобеспечения и реабилитации лиц, работающих в экстремальных условиях;
- снижение материнской и младенческой смертности.

Сохранение и укрепление здоровья населения, увеличение роли профилактики заболеваний и формирование здорового образа жизни требует:

- развития условий для ведения здорового образа жизни, включая обеспечение мониторинга и современного уровня контроля (надзора) за соответствием продукции, предназначенной для человека, а также факторов среды обитания человека требованиям законодательства Российской Федерации;
- проведения прикладных научных и эпидемиологических исследований по обоснованию совершенствования законодательства Российской Федерации и методической базы;
- организации и развития медико-профилактической помощи путем внедрения современных медико-профилактических технологий;
- разработки и внедрения механизмов стимулирования у граждан Российской Федерации ответственного отношения к своему здоровью.

Формирование здорового образа жизни должно стать важнейшим направлением политики в области охраны здоровья. При этом основой пропаганды здорового образа жизни должно стать наряду с информированием о вреде низкой физической активности, нерационального и несбалансированного питания, потребления алкоголя, табака, наркотических и токсических веществ также обучение навыкам по соблюдению правил гигиены и режима труда, учебы, режима и структуры питания. Важный вклад в формирование здорового образа жизни должно внести создание условий для развития туризма, занятий физической культурой и спортом различных групп населения.

Повышение уровня рождаемости (в том числе за счет рождения в семьях второго и последующих детей), включает в себя:

- укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений, семейного воспитания;
- развитие системы поддержки семьи в связи с рождением и воспитанием детей, обеспечение государственной материальной поддержки семей, имеющих детей;
- предоставление возможности применения по налогу на доходы физических лиц социального вычета по лечению детей, находящихся на попечении родителей, до достижения

ими возраста 24 лет, возможность применения вычета опекунами, возможность применения вычета по дошкольному образованию;

- поддержку семей, принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей, профилактику семейного неблагополучия и социального сиротства, обеспечение защиты прав и законных интересов детей;
- повышение качества оказания медицинской помощи женщинам в период беременности и родов, развитие перинатальных технологий;
- укрепление репродуктивного здоровья населения, государственную поддержку лечения бесплодия, проведение комплекса мероприятий, направленных на профилактику и снижение числа абортов;
- профилактику, раннее выявление нарушений в состоянии здоровья детей и подростков, развитие и внедрение высокоэффективных методов лечения в педиатрии;
- поэтапную ликвидацию рабочих мест с вредными или опасными для репродуктивного здоровья населения условиями труда;
- реализацию программ по предоставлению доступного семейного жилья;
- развитие механизмов, позволяющих сочетать родителям работу и выполнение семейных обязанностей;
- совершенствование инфраструктуры дошкольного образования.

Управление миграционными процессами в целях снижения дефицита трудовых ресурсов в соответствии с потребностями экономики, включает в себя:

- проведение активной региональной социально-экономической политики, направленной на сохранение численности населения на Дальнем Востоке и в Сибири;
- содействие переезду в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом;
- привлечение квалифицированных иностранных специалистов, в том числе выпускников российских высших учебных заведений, молодежи из иностранных государств для обучения и стажировки в Российской Федерации;
- оптимизация миграционных процессов в связи с формированием общего рынка труда в рамках интеграционных процессов на евразийском пространстве, создание цивилизованных условий труда и жизни для мигрантов, защита их гражданских прав.

Должна произойти смена приоритетов в государственной политике по обеспечению безопасности населения и территорий от опасностей и угроз различного характера – вместо «культуры реагирования» на чрезвычайные ситуации на первое место должна выйти «культура предупреждения».

Для обеспечения защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера необходимо:

- совершенствование системы мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций, разработка и внедрение новых форм и методов защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;
- создание общероссийской комплексной системы информирования и оповещения населения в местах массового пребывания людей;
- разработка и реализация практических мер по повышению безопасности населения и защищенности критически важных объектов;
- создание региональных и субъектовых центров управления в кризисных ситуациях;
- развитие и совершенствование технических средств и технологий повышения защиты населения и территорий от опасностей, обусловленных возникновением чрезвычайных ситуаций, а также средств и технологий ликвидации чрезвычайных ситуаций;
- развитие инфраструктуры информационного обеспечения и ситуационного анализа рисков чрезвычайных ситуаций;

- создание инфраструктуры комплексной безопасности федеральных автомобильных дорог с использованием авиационных технологий;
- создание системы независимой оценки рисков в области пожарной безопасности, гражданской обороны и защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации – аудита безопасности [14].

Демографическая политика России на период до 2025 г. будет реализовываться путем:

- дальнейшего совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере семейного, налогового и жилищного права, здравоохранения, образования, социального обеспечения, трудовых отношений, миграционной политики с учетом мер по реализации демографической политики, общепризнанных норм международного права и международных обязательств Российской Федерации, направленных на создание системы экономических стимулов для населения в сфере демографического развития;
- включения задач и мероприятий, призванных улучшить демографическую ситуацию, в федеральные и региональные программы социально-экономического развития;
- учета задач демографической политики при формировании федерального и региональных бюджетов, бюджетов внебюджетных фондов, концентрации финансовых и материальных ресурсов для реализации основных задач демографической политики, привлечения дополнительных внебюджетных средств на эти цели;
- методического обеспечения деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления муниципальных образований, направленной на управление демографическими процессами;
- постоянного мониторинга и анализа демографических процессов и корректировки на их основе конкретных мер демографической политики;
- развития научных исследований в сфере народонаселения [15].

В соответствии с выше изложенным, модель социальное развитие демографической политики современной России можно представить в виде модели (рис. 1). Данная модель позволяет использовать социологическое исследование для разрешения проблемных ситуаций при социальном развитии демографической политики. Она также позволяет создать банк данных различных проблемных ситуаций, встречающихся при управлении процессом социального развития демографической политики.

В заключение необходимо отметить, что за последние два десятилетия в России изменился концептуальный подход к социальному развитию в контексте демографической политики. Демографическая ситуация в России демонстрирует тенденцию к приросту населения. Как сообщает доклад Минздрава РФ «О реализации государственной политики в сфере охраны здоровья за 2014 год», подготовленный в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2014 г. № 766 [16], в 2014 году родилось 1 947 300 человек, и этот показатель на 17,6 тысяч (0,8%) превышает аналогичный за 2013 год. Естественный прирост продемонстрировали в основном регионы (43 субъекта). Лидером оказалась республика Тыва, кроме нее высокие показатели также у Сахалинска, Ростовской и Московской области. При этом незначительно сократилась и общая смертность: в 2014 году умерли 1 913,6 тысяч человек, что почти на 3 тысячи человек меньше, чем в 2013 году. Показатели смертности снизились в 34 субъектах РФ, больше всего в Ненецком автономном округе (16,8%). Ниже всего смертность в Ингушетии и Чечне, там она составляет 3,5 и 5 человек на тысячу населения. Однако, основной причиной смертности по-прежнему остались заболевания системы кровообращения, от них умирает примерно каждый второй. Вторая по распространенности причина смертности среди россиян – новообразования (15,3%), третья – внешние причины (9,1%), чаще всего это дорожно-транспортные происшествия. Кроме того, за прошлый год на 10% снизилась младенческая смертность.

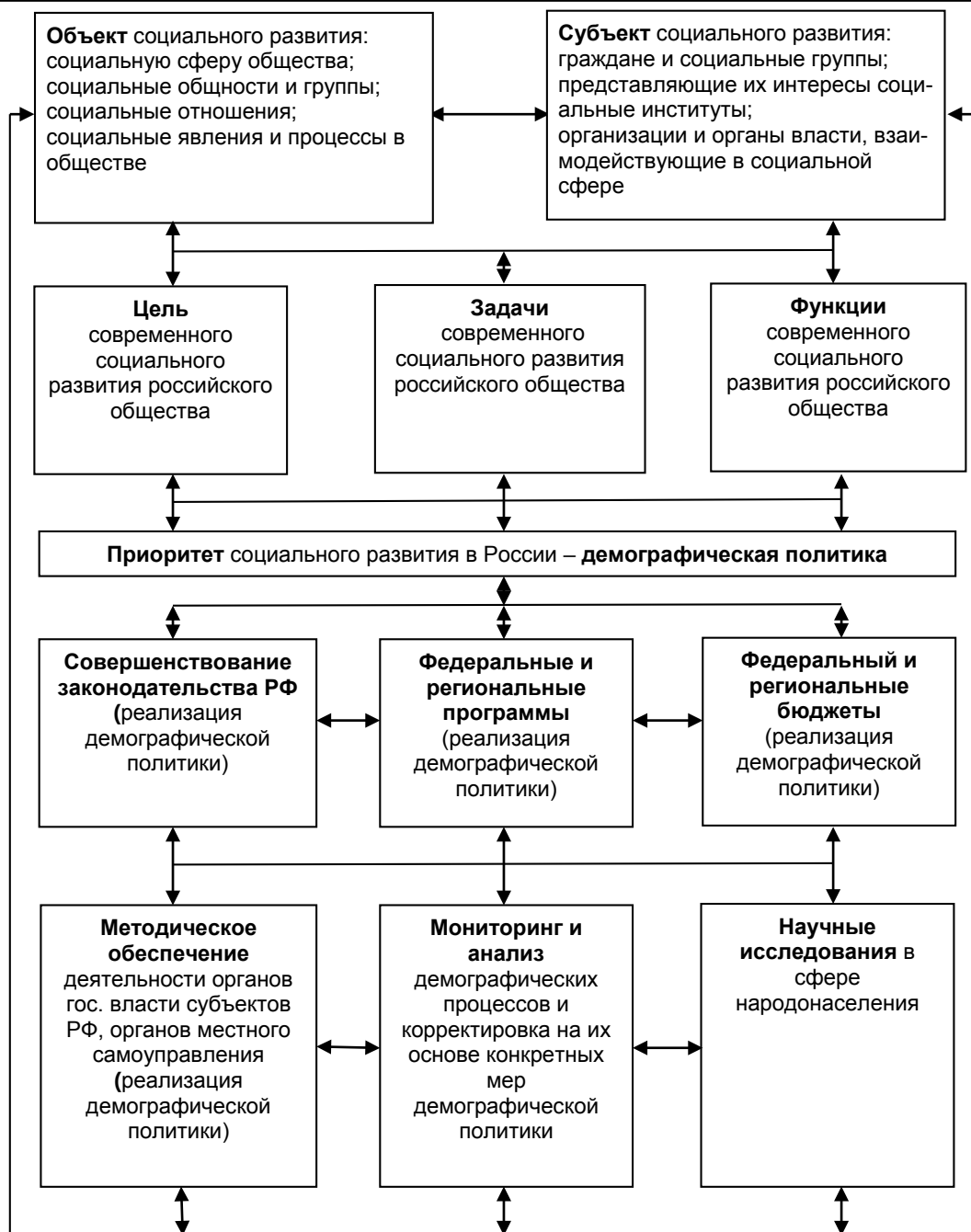

Рис. 1. Модель социального развития демографической политики современной России

Социальное развитие без существенных изменений в области демографической политики мало что решает. Это является важным условием достижения эффективности и роста производительности труда (роста мотивации) на уровне всей экономической системы и ее

конкретных субъектов (отдельных предприятий, компаний, фирм), а отсюда обеспечения высокой конкурентоспособности страны. Поэтому так важно иметь действующую модель социального развития демографической политики современной России.

Список литературы

1. Примаков Е. 2013: тяжелые проблемы России. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неолибералов // Российская газета (Столичный выпуск) № 6574 от 14 января 2015 г.
2. Лапшов В.А. Управление социальным потенциалом современной организации: Монография. – М.: СГА, 2005. – 146 с.
3. Лапшов В.А. Социальный капитал развития современной России // Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания. Материалы II Международной научной конференции: сборник научных трудов / Под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2015. – С. 722-732.
4. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. – М.: ИНФРА-М–НОРМА, 1998. – 488 с.
5. Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; уч. секр. О.Е. Чернощек. – М.: Норма: Инфра-М, 2014. – 608 с.
6. Показатели и индикаторы социальных изменений: монография / Под ред. Г.В. Осипова. – М.: РНЦ ИСПИ РАН, 1995. – 67 с.
7. Социологическая энциклопедия. В 2-х т. Т. 1 / Национальный общественно-научный фонд (Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. Гл. ред. В.Н. Иванов). – М.: Мысль, 2003. – 694 с.
8. Бестужев-Лада И.В., Варыгин В.Н., Малахов В.А. Моделирование в социологических исследованиях. – М.: Наука, 1978. – 104 с.
9. Социологический справочник / Под общ. ред. В.И. Воловича. – Киев: Политиздат Украины, 1990. – 382 с.
10. Лукашевич В.К. Модели и метод моделирования в человеческой деятельности. – Минск: Университетское, 1983. – 170 с.
11. Социологический словарь / Сост. А.Н. Елсуков, К.В. Шульга; Науч. ред. Г.Н. Соколова, И.Я. Писаренко; Редкол.: Г.П. Давидюк (отв. ред.) и др. – 2-е изд. перераб. и доп. – Минск: Университетское, 1991. – С. 528.
12. Статистические методы анализа в социологических исследованиях. – М.: Наука, 1979, – С. 152 с.
13. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 672 с.

Интернет источники

14. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (Дата обращения: 02.11.2015).
15. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/konceptiya/konceptiya25.html> (Дата обращения: 02.11.2015).
16. Государственный доклад о реализации государственной политики в сфере охраны здоровья за 2014 год. – Режим доступа: <http://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/gosudarstvennyy-doklad-o-realizatsii-gosudarstvennoy-politiki-v-sfere-ohrany-zdorovya-za-2014-god> (Дата обращения: 02.11.2015).

Мануйлова Екатерина Андреевна,
старший преподаватель
кафедры педагогики и социальной работы
Псковского государственного университета,
г. Псков, Россия

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕВАЛЬВАЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В сложившейся демографической ситуации в России обострилась потребность в анализе причин и последствий нравственного релятивизма и амбивалентности, девальвации ценностных ориентаций и диффузии ответственности подрастающего поколения. Осмысление проблемы и поиск альтернативных путей выхода из сложившейся ситуации задача учителя, родителя, воспитателя, иначе как следствие мы сталкиваемся с демографическими проблемами. Семья на пороге XXI века оказалась дезориентирована в целях воспитания подрастающего поколения. В настоящее время выживается традиционная формула брака. Будущий человек – результат влияния на него семьи, школы, социальной среды. Мир изменился: изменились условия труда и социальные отношения, произошел отрыв от исконно русской традиции. Пока вырабатывалась новая мораль, мир погрузился в состояние хаоса, нравственного релятивизма и амбивалентности. В статье приведен анализ рисков недооценки социальных и ментальных эффектов образования в государственной политике, статистические данные, диагностика ценностных ориентаций школьников и студентов, намечены пути выхода из сложившейся ситуации путем реализации просветительской программы: «Что упражняется, то совершенствуется...».

Ключевые слова: нравственный релятивизм, амбивалентность, общество риска, демография, семья, репродуктивные планы, послушание, духовестие, учитель- духовест, родитель духовест.

E-mail: panterkat@gmail.com

Manuilova Ekaterina A.,
senior lecturer, of the department of
pedagogy and social work, Pskov state university,
Pskov, Russia

THE PROBLEMS OF DEMOGRAPHIC POLICY IN RUSSIA AS A RESALT OF THE DEVALUATION OF THE CHANGE OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES

In the current demographic situation in Russia today there is an urgent need to analyze the causes and consequences of moral relativism and ambivalence, the devaluation of the value orientations and diffusion of responsibility of the younger generation. Understanding the problems and the search for alternative ways out of this situation, the task of the teacher, parent, educator, or as a consequence, we are confronted with demographic problems. Family on the threshold of XXI century appeared disoriented in order to educating the younger generation. The article analyzes the risks of underestimating the social and mental effects of education in public policy, statistics, diagnostics valuable orientations of pupils and students, the ways out of this situation by implementing educational program «What trains, the perfection».

Keywords: moral relativism, ambivalence, risk society, demography, family, reproductive plans, obedience, «duhovestie», «teacher-duhovest», «parents- duhovests».

E-mail: panterkat@gmail.com

Поверхностность, текучесть смыслов, преобладание количества накопленной информации над качеством – отражается во всех сферах жизни современного общества, в том числе и на демографической ситуации в стране. Образование – фактор безопасности России? Образование – институт воспроизводства человеческого капитала? Готова ли Россия инвестировать в свое будущее? Ввиду происходящих глобальных процессов в образовании, обширности и разнородности информационных потоков сегодня меняется роль родителя, воспитателя и учителя. От него ждут свежей мысли, живого слова, оригинального прочтения текста при корректном использовании социологических, психолого-педагогических методов и средств воспитания. Именно родитель, воспитатель, учитель призван помочь отличить ученику истинное знание от ложного, нравственное от безнравственного, устаревшее от перспективного и т.д. [1, 10]. Таким образом, человек, становясь субъектом постмодернизации, должен в гораздо большей степени творить себя.

«Умирает семья в России», «современная семья находится в глубоком кризисе...» такую пессимистическую фразу все чаще можно услышать повсеместно. Фактически оказались разрушенными нравственные представления о браке и семье. Супружеские отношения перестали восприниматься как проявление духовного единства и жертвенности, но переродились в эгоистическое удовлетворение собственных потребностей в браке. Это привело к утрате чувства сопричастности, любви, доверия, нежеланию стать «одной плотью», поступиться чем-либо ради своего супруга. Увеличивается число бездетных семей.

В XIX веке воспитание брало на себя практически все ценностно-смысловые и целевые ориентиры образования. Существовали дополнительные институты воспитания: семья, Церковь, деревенская община, и др., которые достраивали человека до полного образования во всей целостности человеческой реальности. Сегодня институт семьи фактически не выдерживает конкуренции с другими институтами социализации – религией, СМИ, Интернетом. Поэтому системная картина процесса социализации растущего поколения не может быть рассмотрена без изучения взаимодействия института образования с такими социальными институтами, как семья, религия, СМИ, которые во многом определяют, пользуясь термином классика мировой психологии Л.С. Выготского, «зону ближайшего развития» подрастающего поколения. Вместе с тем, по многим причинам, в том числе и из-за ведомственных барьеров, у этих «нянек» растущее поколение оказывается «без глазу». «Неудивительно, что это поколение может преподнести российскому обществу самые неожиданные сюрпризы по прогнозам» А.Г. Асмолова, В.И. Слободчикова, Ж.Т. Тощенко и др. [2. С.139-143].

Человек XXI века словно ненасытное, неугомонное существо, потерявшее свою целостность. Он поглощает, но в итоге не может насытиться: ест и не наедается, пьет и не напивается, читает и не находит смыслов... он заглатывает, но не успевает переварить. Таким образом, с достаточной степенью уверенности мы констатируем, что современное состояние общества – это:

- общество риска и неопределенности (У. Бек, Ю.А. Зубок);
- нравственного релятивизма и амбивалентности (Ж.Т. Тощенко, Ю.А. Зубок, Б.М. Бим-Бад, Л.И. Егорова и др.);
- полионтологической реальности (подход Н.А. Носова и др.) [4; 6; 8; 12; 13-16].

Экология духа и совести в России – это проблемы национальной безопасности и возрождения положительной динамики в демографической ситуации России. В условиях доминирования экономических ценностей наш мир все более дегуманизируется. Воспитание в рамках традиции является серьезным вызовом для общества, так как внутренний Человек живет в физическом, природном пространстве – это моноонтологическая реальность. А внешний, соответственно, есть обитатель глобального города, признающий виртуальное (цифровое) пространство как полионтологическую реальность. Подобное состояние человека можно охарактеризовать как «Пост-бытие», что обнаруживает противоречия между:

- обогащением интеллекта человека и разрушением его духовного дома, средоточием которого является сердце (центр, основа духовной жизни человека, душевных сил – действий души, то место, которое открывается путем подвига в благодати и в котором открывается Бог, с позиции христианской антропологии) [5];
- потерей религиозного мирозерцания человеком, следствием которой является разорванное сознание, направленное на расчеловечивание человека и обретение «абсолютной» свободы человеком;
- между возможностями пользоваться плодами прогресса и постоянно воспроизводящимся состоянием риска (У. Бек, Ю.А. Зубок).

Сегодня необходима социальная трансформация образования всей системы в целом. Для дальнейших поисков путей социокультурной трансформации системы воспитания необходимо выделить поле проблем, касающихся природы социальных и ментальных эффектов образования. А.Г. Асмолов (это квинтэссенция мыслей У. Бек, Ю.А. Зубок, Ж.Т. Тощенко и др.) попытался сформулировать эти проблемы в форме следующих вопросов:

- 1) С какого рода рисками сталкиваются политики и управленцы, осуществляющие реформирование сферы образования (воспитания) без учета социальных и ментальных эффектов образования?
- 2) Как образование (воспитание) влияет на следующие проявления социальной дифференциации и стратификации общества:
 - «социальный лифт» (повышение социально-экономического статуса в системе социальной иерархии общества);
 - «социальный миксер» (перемешивание разных социальных слоев общества);
 - «социальный колодец» (падение социально-экономического статуса в системе социальной иерархии общества)?
- 3) Как превратить управление образованием в реальный ресурс уменьшения разных рисков, социальных и межличностных конфликтов, в том числе конфликтов, возникающих на почве ксенофобии, этнофобии, мигрантофобии, социальной агрессии и нетерпимости [2. С. 41-42]?
- 4) Как через воспитание, в том числе, через управление системой образования (воспитания) посредством стандартов образования (ФГОС), наметить путь к конструированию норм социального доверия и взаимопонимания в российском обществе?

Через образование (воспитание) мы можем проектировать изменение социальной ситуации в культуре. Возрастает необходимость возвращения образованию аксиологической функции в культуре. Путь к самосовершенствованию идет через развитие духа и духовности, ввиду этого общество нуждается в новом Учителе-духовесте, Родителе-духовесте, признающем ценность человека, а не только знания. Духовность, сотрудничество – главный вектор в отношениях Родителя-духовеста, Учителя-духовеста и подрастающего поколения, из которого рождается духовная общность ученика и учителя, стимулируется интерес, поиск и творчество. Духовестие российского учителя – это традиция образования и достоинство нации еще со времен Древней Руси. Учитель-духовест, сохраняя свою душу в чистоте, готов приподнять ребенка над обыденностью, помочь ему вырасти над собой. Этот процесс способен одухотворить ребенка.

Ответ на вызовы времени – реализация просветительской программы воспитания и социализации учащихся в соответствии с требованиями ФГОС: «Что упражняется, то совершенствуется...» через создание единого смыслового поля взаимодействия педагогов и учащихся (в котором происходит осмысление ценностных ориентиров российского общества, обмен между ценностями и смыслами).

Здоровье молодых находится под угрозой. Болезни, поражающие детей, так называемые антропологии, подавляют или вытесняют духовный уровень, что влечет за собой утрату базовых ценностей. Отсутствие четких нравственных представлений о добре и зле толкает подростков на путь криминала, алкоголизма, наркомании.

Обратимся к статистическим данным по России, в целом, и Псковской области, в частности, выявим динамику репродуктивных планов населения и вероятных причин откладывания или отсутствия желания иметь продолжение своего рода. По данным Федеральной службы государственной статистики на 2014 год численность населения России составляет 143,7 млн. человек компоненты изменения общей численности населения на 2013 год на 19.05.2014: естественный прирост – 24,0 тыс. человек, миграционный прирост – 295,8. Численность мужчин и женщин на 24.11.2014: мужчин – 66,6 млн. человек (46% в общей численности населения), женщин – 77,1 млн. человек (54% в общей численности населения.) На 2013 год по России заключено – 1225501 браков; на 2014 год (обновлено 09.06.2015) заключено – 1225985 браков с Крымским федеральным округом, разводов – на 2013 год 667971, на 2014 год – 693730 с Крымским федеральным округом (обновлено 09.06.2015) [17].

По данным Федеральной службы государственной статистики Псковской области на 2014 год: заключено – 5110 браков; разводов – 3121; число разводов на 1000 браков [18; 19]. Численность населения Псковской обл. на 2015 г. – 651108, из них 299671 (46%) – мужчин; 351437 – (54 %) женщин. [18; 19]. До 3,9 млн. детей в России воспитывается без отца. Их доля от общего числа детей до 18 лет возросла с 6,5% на 1989 год до 14,5% на 2012 год.

Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения демонстрирует (по данным Федеральной службы государственной статистики) сохранение и на 2014 г. рост численности детей, оставшихся без попечения родителей в РФ: 2009 г. – 104,5; 2010 г. – 95,5; 2011 г. – 98,2; 2012 г.- 98,4; 2013 г. – 78,7; 2014 г. – 97,2 [15].

Анализ статистических данных показывает, что повторные браки регистрируются существенно реже, чем первые. Дифференцированное рассмотрение доли состоящих в незарегистрированном первом или повторном браке выявляет значительно большие возрастные различия, чем приведенные выше данные без разделения на первые и повторные браки. В младших возрастах повышенная доля состоящих в незарегистрированном браке обусловлена изменением от поколения к поколению отношения к регистрации брака в сторону большей лояльности и, даже, желательности не регистрации брака (по крайней мере, ее откладывания). В старших же возрастах выше доля состоящих в повторном браке, регистрация которых, как отмечалось выше, встречается существенно реже, чем по первым бракам. Это завышает долю состоящих в незарегистрированном браке в старших возрастах, если ее рассматривать без разделения на первые и повторные браки (табл. 1).

Таблица 1

Доля состоящих в незарегистрированном браке в зависимости от возраста и очередности брака (%) [15. С.7.]

Возраст (лет)	Женщины		Мужчины	
	первый брак	не первый брак	первый брак	не первый брак
до 25 (N=373; 19; 128; 2) (1)	28,4	52,6	42,2	...(2)
25-29 (N=667; 88; 393; 29)	13,3	47,7	19,1	55,2
30-34 (N=557; 140; 316; 72)	8,3	45,7	11,7	47,2
35-39 (N=498; 185; 314; 91)	4,4	37,3	7,6	44,0
40 и старше (N=466; 162; 1508; 400)	6,0	39,5	3,7	39,0

Примечания:

- 1) первые два числа обозначают количество женщин, состоящих, соответственно, в первом и повторном браке, а третье и четвертое – то же в отношении; % от этих чисел последовательно приводятся в данной строке;
- 2) величина показателя не приводится, так как рассчитана для очень малого (менее 10) числа респондентов.

Свыше половины опрошенных полагают, что первый брак нужно регистрировать прежде, чем начинать жить вместе, или сразу после начала совместной жизни. В то же время около 40% придерживаются мнения, что сначала надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства, а затем регистрировать брак. В отношении повторного брака так считают 60% респондентов. Откладывание регистрации брака, зачастую, ведет к откладыванию рождения детей. Если среди состоящих не менее 3 лет в зарегистрированном первом браке не имеют детей 5-6% респондентов, то среди тех, у кого первый брак не зарегистрирован, этот показатель выше в 4 раза у женщин и в 7,3 раза у мужчин. Однако надо отметить, что и в большинстве незарегистрированных первых браков по истечении трех лет совместной жизни уже есть ребенок.

Если продолжительность интервала у родивших второго ребенка в 1990-1994 гг. составляла в среднем 48,1 месяца, т.е. 4 года, то у тех, у кого второй ребенок появился в 2005-2009 гг., уже 73,2 месяца, т.е. более 6 лет.

Если бы повышение рождаемости, которое происходит в России в 2007-2012 гг., было бы связано с изменением календаря рождений, более ранним появлением на свет детей, благодаря реализации дополнительных мер государственной помощи семьям с детьми, то это сказалось бы, видимо, на величине интервала между рожденьями первого и второго ребенка. Она должна была бы несколько сократиться по сравнению с той величиной, которая имела место при рождении вторых детей в предыдущие годы. Прежде всего, на вторых рожденьях это могло отразиться, потому что мерой, которая вызвала наибольший общественный резонанс, был материнский (семейный) капитал. Анализ статистических данных показывает, что повышение показателей рождаемости имело место именно по вторым и, отчасти, третьим рожденьям.

Отмечены также межпоколенные различия в использовании контрацепции до рождения первого ребенка, что вне меньшей степени проявилось и в зависимости от того, в какие годы родился первый ребенок.

Важным фактором, ограничивающим число детей в семье, очевидно, является восприятие людьми детей как помехи к достижению различных значимых целей, карьерных ожиданий, реализации себя в различных аспектах жизнедеятельности.

Обратимся к результатам диагностики в Пскове и Псковской обл. Школьники 9-11 класс и студенты Псков ГУ, выстраивая «древо жизни» и «карту желаний» (качественные методы исследования), демонстрируют ценностные ориентации на достижение материальных благ, успеха в жизни, ценности личностного роста. Семья, семейные ценности стоят на последних местах. В группе из 20-25 человек, лишь 2-3 студента ориентированы на создание семьи и рождение детей, в независимости от направления подготовки. Репродуктивные ожидания студентов – это 1-2 ребенка, за редким исключением – 3 ребенка у студентов из многодетных семей. Можно услышать от студентов четвертого курса: «... я еще маленький..., ... я не готов даже думать об этом ... традиционная семья в современном мире утопия».

Перед семьей стоит задача – воспитание подрастающего поколения, будущих отцов и матерей семейств, передача накопленного веками социального опыта. Актуальным является вопрос: а как его передать и как научить быть ответственными родителями?

В ходе диагностики старшеклассников 9-11 классы и студентов бакалавров и магистров Псков ГУ выявлена ориентация современного поколения на самореализацию вне семьи, установка на малодетность или бездетность. Ребенок в семье воспринимается как «обуза», проблема, мешающая реализовать себя. Констатируем, что постепенно из нашей жизни уходят такие слова и понятия, как честь, верность, мужество, целомудрие, достоинство. Происходит переоценка ценностей, в результате которой некоторые ценности становятся сегодня не актуальными: хранить верность, иметь нескольких детей, женщине заниматься домом и семьей. Философией жизни становится «негативизм» и парадоксальность сознания. По мнению Ж.Т. Тощенко, парадоксы – это в большинстве случаев расходящиеся, противоречивые и даже

противостоящие друг другу мнения, суждения, установки, ориентации, действия, которые одновременно существуют, сочетаются и функционируют в сознании и поведении одних и тех же людей [13. С. 64-67]. Сегодня молодежь подвержена негативному влиянию СМИ. Актуальным становится следование сиюминутным желаниям и удовлетворение гедонистических потребностей.

В современном обществе наблюдается оскудение души. Мы живем в век «очерствления» или «одебеливания сердца», о чем П.Д. Юркевич писал в своих трудах, что сердце становится черствым и одебеливает ввиду нечувствительности. В чем такая причина? Почему происходит повсеместно оскудение человеческого духа и упадок нравственности.

Направленность на создание семьи сменила направленность на свое «Я». Система «семьецентризма» с ориентацией на ценности долга, семейную ответственность, рождение и воспитание детей, заботу о старости родителей уступает место системе «эгоцентризма», независимости, личных достижений, доминированию ощущений сильного «эго». Утрачена система послушания детей. Нарушены связи между поколениями. Утрачено традиционное восприятие родительства и детства. Катастрофически упал престиж материнства и отцовства. Им на смену пришли культы жизненного успеха, эгоцентризма, профессионального роста, жизнь без детей.

В ходе исследования был получен богатый эмпирический материал. Респонденты – это школьники 5-8 классов и 9-11 классов (448 человек) г. Пскова¹. Значимым для исследователя является учет взаимосвязи социальной педагогики и психологии посредством корректного использования методов и средств в педагогическом исследовании. Интерпретация данных и аналитический взгляд на них позволяет определить общее и особенное в категории «послушание». Современный взгляд на послушание складывается из:

- позитивного ассоциативного ряда образов: любовь; сердце; гармония души и др. – 18%;
- «послушание» как ограничение свободной воли: границы; рамки; правила – 15%;
- негативный ассоциативный ряд образов: наказание – 13% (поводок, наручники, ежовые рукавицы, ремень, плетка); насилие – 6%;
- религиозный аспект выражен в образах клира и церкви – 18%;
- «слушаться», вслушиваться в просьбы другого, если он обладает «авторитетом» (родителей, Бога, учителей) – 10%;
- послушание как требование общества, семьи: выполнение моральных норм, просьб – 8 %, прилежный ученик (взрослый) – 20%;
- институты послушания, выделяемые респондентами: семья – 42%; церковь – 26% и 32% – армия (милиция).

Таким образом, современные школьники имеют достаточное представление об общественных институтах и требованиях общества к человеку. Несмотря на представленный в эмпирических данных позитивный ассоциативный ряд к категории «послушание», учащиеся скептически и с опасением относятся к данной категории, видя в послушании внешнее принуждение: родителей, учителей, общества. При этом, возможно, излишне драматизируя степень наказания и средства, которые применяются для укоренения послушания в ребенке.

¹ Методы, использованные для выявления данных – наблюдение (неформальное, включенное); анкетирование, беседа, нарративное и полуструктурированное интервью, ролевая игра, методика незаконченных предложений, изучение продуктов деятельности, контент-анализ и др. Качественные методы исследования: 1) понимание смыслов и интерпретация; 2) изучение субъективного аспекта реальной практики (образовательное пространство); 3) изучение специфического «жизненного мира» как фрагмента общего социального опыта; 4) описание частного, особенного; 5) открытый, поисковый, неструктурированный характер анализа проблемной ситуации; 6) изучение в единстве объективных и субъективных факторов; 7) изучение нового явления или процесса, не имеющего массового распространения.

Воспитание послушания – одна из традиций образования. На пути воспитания ребенку необходимо указать грань между свободой и ответственностью, свободой и послушанием, научить пользоваться свободой и выбирать адекватную линию поведения. Показать, что истинная свобода не может быть без элементов послушания. Воспитание – «питая», учитывает все три сферы бытия личности и предполагает воздействие на: телесную, душевную и духовную сферы бытия человека.

Традиционно детей воспитывали в послушании семье, почитании старших и уважении младших. Послушание являлось набором нравственных правил. Сегодня послушание – это «атавизм» в умах современного поколения, тормоз развития креативных способностей ребенка. Для теоретиков свободного образования, послушание – это насилие над личностью растущего ребенка, по словам Л.Н. Толстого «оно невозможно и незаконно, так как воспитатель из ребенка хочет сделать себе подобное».

Человек в современном мире, живя в социуме, или, как это трактуется в православной педагогике, в своей мирской жизни не может обойтись без добродетели послушания. Наше общество, хотим мы того или нет, устроено иерархически. А согласно данной структуре общества человек вынужден соблюдать иерархию – начиная с семьи и заканчивая своими обязанностями гражданина. Необходимость послушания проявляется во всех сферах жизни человека, именно поэтому, образец, к которому стремится общество, – это воспитание человека «законопослушного». Воспитание дисциплинированности и определенных качеств, связанных с ней (аккуратности, пунктуальности, ответственности, добросовестности и т.п.) как элемента послушания – признаются одной из важнейших воспитательных задач и важнейшим средством включения человека в контекст социокультурных отношений.

Опираясь на исследования психологов и педагогов: В.В. Зеньковского, С.С. Куломзиной, Т.В. Скларовой, О.Л. Янушкявичене и др., в соответствии с концепцией Л. Кольберга о развитии нравственного сознания, выделим уровни принятия морали как проявление послушания. Мы исходим из представлений, что каждая человеческая личность обладает даром свободы выбора. Только со вниманием прислушиваясь к себе, человек сможет распознать замысел Творца, вложенный в его жизненный путь, осознанно подойти к своим выборам:

- 1) уровень принятия морали *авторитета*: первая стадия – принятие морали *родителей*; вторая стадия – принятие морали *учителя*;
- 2) уровень принятия морали *социума*: третья стадия – принятие морали *сверстников*; четвертая стадия – принятие морали *общества*;
- 3) уровень автономной *совести*: пятая стадия – *сомнение* в существующих нравственных ценностях; шестая стадия – *собственный выбор* системы ценностной иерархии [11. С. 30].

На представленных шести стадиях происходит прогрессивное изменение проявлений послушания на основании морального рассуждения. На ранних стадиях суждение выносится с опорой на некие внешние силы – ожидаемое вознаграждение или наказание. На самых последних, высших стадиях суждение уже основывается на личном, внутреннем моральном кодексе и практически не поддается влиянию других людей или общественным ожиданиям.

Обратимся к истории педагогической мысли. Духовная сила и духовное крушение все время слагаются и созревают вокруг нас и при нашем содействии или бездействии. Мы должны отдавать себе отчет в том, какая ответственность лежит на нас. Семья есть живая «лаборатория» человеческих судеб – личных и народных, и притом каждого народа в отдельности и всех народов сообща, И. А. Ильин. «Мир управляется из детской». Мир не только строится в детской, но и разрушается из нее; здесь прокладываются не только пути спасения, но и пути гибели» [7. С. 183-184].

Христианство, по мнению Н.И. Пирогова, является основой всякого воспитания, христианские истины делают осмысленным наше существование, а значит, задают цель и смысл педагогической деятельности, христианское Откровение придает истинное направление жизненному пути человека.

Семейный кризис проявляется и в особенностях семейного воспитания. Утрачено представление о воспитании как жертвенной родительской любви, добровольном «крестоношении», ежедневном труде. Родители проявляют удивительную педагогическую неподготовленность в вопросах развития и воспитания ребенка, не имеют элементарных представлений о духовно-нравственной сфере и особенностях ее формирования. В первую очередь это связано с утратой духовности и глобальной ломкой социальных стереотипов. Современный человек заблудился в понятиях «можно», «нельзя», «хорошо», «плохо», пресытившись вседозволенностью и свободой.

Истоки девальвации базовых категорий мы видим в отходе светской социальной педагогики от традиционных христианских истоков европейской культуры. Насущной проблемой современности является возвращение социально ответственной личности к забытым нравственным понятиям, хранимым православной культурой. Приоритетными, следует считать религиозно-духовные ценности над либерально-гуманистическими (общечеловеческими).

Главная задача воспитания – дать сердцу правильное направление и воспитать «вкус» сердца к нравственной жизни. «У нас есть верный барометр, который показывает возвышение или понижение нашей духовной жизни, это – сердце» – по слову Иоанна Кронштадтского [9. С. 87]. Итогом рассуждений Иисуса Христа о сокровищах земных и небесных: «Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Матф.6:21). Сокровенный сердца человек, по слову Апостола Петра, есть человек внутренний, с нерушимым духовным ядром – средоточием всякой личности. Свет, исходящий от сердца российского учителя-духовства, способен одухотворить сердца нации.

Отсюда значимой для духовного становления ребенка является «образовательная встреча» воспитателя как носителя духовно-нравственных ценностей и воспитанника, обладающего, разной степенью духовно-нравственных притязаний. На Руси вплоть до 1917 г. конечной целью воспитания была забота человека о спасении души. Превращение «человека умелого» в «человека духовного» происходит через приобщение к ценностям культуры, традиции, при этом необходимо найти путь к сердцу каждого ребенка [1; 10].

Православная педагогика дает представление об амбивалентном, неравновесном и антиномичном характере воспитания послушания в семье. Утверждает, что послушание может быть понято лишь как противоречивое явление, в светской интерпретации зачастую сравнимое и противопоставляемое насилию (дисциплине). Православная педагогика полагает, что человеку надлежит спастись, а не «развиваться» и «реализоваться», раскрыв все свои потенции. Она исповедует иерархический, а не гармонический подход к воспитанию. В силу этого в православной педагогике возрастает роль воспитателя, его активность и ответственность, последствия тех воздействий, с которыми он обращается к своим воспитанникам. Однако и православная, и светская педагогика, имея различия на уровне целей и задач, наследуют внутреннее сходство: они направлены на внутреннее совершенствование человека.

Отсюда, актуальным, на наш взгляд, является наполнение позитивного контента, содержанием которого станут: духовно-нравственное, гражданское, патриотическое и здоровьесберегающее воспитание. Сохранение духа нации стратегическая задача и выживание нации в сложившейся демографической ситуации в России. Вера, знание «корней» и традиций русского народа, православия – база, фундамент развития здоровой нации. Отсюда, необходимо способствовать становлению духовно зрелой, здоровой и образованной нации с опорой на православную культуру и традиции.

В Псков ГУ на кафедре педагогики и социальной работы, в МОАУ СОШ №47 автором статьи реализуется многоуровневая просветительская программа *«Что упражняется, то совершенствуется...»*. Методические рекомендации включают в себя методическое сопровождение: студенты, успешно освоившие программы, транслируют опыт в образовательных учреждениях г. Пскова и области в ходе педагогических практик и дальнейшей педагогической деятельности.

Содержание просветительской программы *«Что упражняется, то совершенствуется...»* по уровням:

- 1) «Загадки состояний и смыслов человека». Целевая аудитория (5-8 классы);
- 2) «Пробуждение человека духовного в обществе риска и неопределенности». Целевая аудитория (9-11 классы);
- 3) «Основы духовной культуры». «Проблемы свободы и ответственности в христианской антропологии». Целевая аудитория (студенты 1-4 курсов);
- 4) методологические подходы в освоении духовно-нравственного наследия России. Целевая аудитория (преподавательский состав, родители);
- 5) теория и методика организации досуга с различными категориями населения (для социальных работников, социальных педагогов, учителей по различным направлениям специализации).

Е.А. Мануйлова осуществляет методическое сопровождение участников региональных конкурсов, таких как, например, иллюстрации детских книг «Евангельская притча с иллюстрациями» в рамках программы «Светлый праздник Рождества» и др. Партнеры: Псков ГУ, МОАУ СОШ №47, псковская епархия, председатель отдела по делам молодежи (священник Михаил Федоров); ГБУК «ПОБДЮ им В.А. Каверина (библиотека).

Многоуровневая просветительская программа *«Что упражняется, то совершенствуется...»* нацелена на изменение вектора духовно-нравственного развития молодого поколения г. Пскова и Псковской области, что, в свою очередь, при реализации положительно скажется на динамике демографической ситуации в России. Через образование (воспитание) мы можем проектировать изменение социальной ситуации в культуре.

Список литературы

1. Александрова В.Г. Возрождение духовных традиций гуманной педагогики // Педагогика. – 2008. – № 6. – С.42-47.
2. Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. – Москва: Просвещение, 2012. – 447 с.
3. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования как института социализации // Развитие личности. – 2009. – №1 – С. 28-63.
4. Бим-Бад Б.М., Егорова Л.И. Категория амбивалентности в теории воспитания человека // Педагогика. – 2008. – № 7. – С. 8-17.
5. Видякова З.В. Педагогическая антропология святителя Тихона Задонского. – Липецк, 2002. – 40 с.
6. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. – Москва: Мысль, 2007. – 288 с.
7. Ильин И.А. Основы христианской культуры. – Санкт-Петербург: Шпиль, 2004. – 352 с.
8. Каганов Ю.Т. Виртуальная реальность. // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – Москва: Радуга, 2003. – 1328 с.
9. Кронштадтский Иоанн (святитель праведный) Моя жизнь во Христе или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге. Извлечение из дневника. – Минск: Белорусский Экзархат, 2005. – 687с.
10. Лузина Л.М. Человек в проблемном поле воспитания. – Псков: ПГПУ, 2008. – 288 с.

11. Складорова Т.В., Янушкявичене О.Л. Возрастная педагогика и психология: Учебное пособие для студентов педагогических и гуманитарных вузов, преподавателей школ. – Москва: Институт экспертизы образовательных программ и государственно-конфессиональных отношений (ИЭОПГКО), 2006. – 144 с.
12. Слободчиков В.И. Антропологическая перспектива отечественного образования. – Екатеринбург: Изд. отдел Екатеринбургской епархии, 2010. – 264 с.
13. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек: монография. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, – 2008. – 543 с.
14. Юхвид А.В. Виртуальная реальность// Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – Москва: Радуга, 2003. – 1328 с.

Интернет источники

15. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году – Режим доступа: http://ryazan.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ryazan/ru/statistics/population/6b85418043927cc6979797d06954faf7 (Дата обращения: 28.10.2015).
16. Тощенко Ж.Т. Новые идеи в социологии [Электронный ресурс]: монография/ Тощенко Ж.Т., Ядов В.А., Тихонов А.В. Электрон текстовые данные. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, – 2013. – 479 с. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/17676>. ЭБС «IPRbooks», по паролю (Дата обращения: 21.10.2015).
17. Федеральная служба государственной статистики. Сайт. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# : (Дата обращения: 07.11.2015).
18. Федеральная служба государственной статистики. Сайт. – Режим доступа: http://pskovstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/pskovstat/resources/0df97600413691f48cf1ef367ccd0f13/nas151021_2.pdf (Дата обращения: 20.10.2015).
19. Федеральной службы государственной статистики Псковской области. Сайт. – Режим доступа: http://pskovstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/pskovstat/resources/0df97600413691f48cf1ef367ccd0f13/nas130924_2.htm (Дата обращения: 21.10.2015).

Молчанов Игорь Николаевич,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры «Теория финансов» Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
профессор экономического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Титова Анастасия Игоревна,
аспирантка экономического факультета
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ФИНАНСОВОГО МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В сложившейся демографической ситуации в современной России существует острая потребность в совершенствовании медицинского обслуживания населения путем применения современных, доказавших свою эффективность, финансовых механизмов, а также использования организационно-правовых и финансово-экономических инструментов. В работе представлены рекомендуемые формы реализации государственно-частного партнерства (ГЧП) в сфере здравоохранения Российской Федерации; выявлены существующие проблемы, затрудняющие использование инструментария ГЧП в практической деятельности; предложены меры по улучшению финансового механизма ГЧП; сформулированы рекомендации по развитию и эффективному применению финансового механизма ГЧП в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, инвестирование, финансовый механизм, проект ГЧП, инструментарий, здравоохранение, демография, медицинские услуги, здоровье населения, системный подход.

E-mail: 9392940@mail.ru

Molchanov Igor N.,
doctor of economic sciences, Professor,
professor of the department «Theory of finance»,
Financial university under the Government of the Russian Federation;
professor of economics faculty, Lomonosov Moscow state university, Moscow, Russia
Titova Anastasia I.,
postgraduate student of economics faculty,
Lomonosov Moscow state university, Moscow, Russia

THE POSSIBILITY OF APPLICATION OF THE FINANCIAL MECHANISM OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP FOR THE DEVELOPMENT OF THE HEALTH SYSTEM IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF MODERN DEMOGRAPHIC POLICY

In the current demographic situation in Russia today there is an urgent need to improve the health care of the population through the use of modern, proven effective financial mechanisms, as well as the use of effective organizational, legal, financial and economic instruments. The paper presents the implementation of the recommended forms of public-private partnership (PPP) in the field of Health of the Russian Federation; identified existing problems impeding the use of PPP instruments in practice; It proposes measures to improve the financial mechanism of the PPP; recommendations on the development and effective use of the financial mechanism of the PPP in the health sector.

Keywords: public-private partnerships, investment, financial mechanism, PPP project, tools, health, demography, health services, public health, systematic approach.

E-mail: 9392940@mail.ru

Сохранение здоровья населения – важная часть демографической политики России. «Здравоохранение» является базовой отраслью сферы услуг в составе национальной экономики. До настоящего времени в нашей стране основная часть объектов здравоохранения остаётся в государственной собственности. Однако, недостаток средств в бюджетах разных уровней, увеличивающиеся социальные обязательства органов власти перед населением, в совокупности с проблемами недостаточно полного соответствия уровня развития здравоохранения современным потребностям общества, обуславливают необходимость привлечения частных источников финансирования для обеспечения сбалансированного, устойчивого функционирования учреждений отрасли. Одним из путей решения накопившихся проблем становится разработка и использование в экономической деятельности особого финансового механизма по привлечению организаций частного сектора к строительству и эксплуатации объектов здравоохранения, который в мировой практике получил название Public-Private Partnership (PPP) или государственно-частное партнерство (ГЧП). Разработку методологической базы ГЧП в России до настоящего времени преждевременно считать завершённой. Поэтому выявление функций финансового механизма ГЧП, возможностей масштабного использования данного экономического инструмента применительно к здравоохранению России обладает высокой степенью актуальности.

Здравоохранение – отрасль деятельности государства, целью которой является организация и обеспечение доступного медицинского обслуживания населения, сохранение и повышение его уровня здоровья. Управление отраслью построено в соответствии с государственным административно-территориальным устройством РФ. В систему управления здравоохранением входят: федеральный орган исполнительной власти – Министерство здравоохранения РФ, органы исполнительной власти в области здравоохранения субъектов РФ, органы местного самоуправления в области здравоохранения муниципальных образований РФ, а также органы управления медицинскими службами. Перечень органов управления установлен федеральным законодательством [2]. Таким образом, здравоохранение – это социальная система, управление которой осуществляется на межсекторальном уровне. Результаты деятельности её субъектов зависят от проводимой политики и решений, принимаемых руководителями различных министерств и ведомств федерального уровня.

В современном мире финансовое обеспечение здравоохранения осуществляется за счет трех источников: бюджетных средств, средств работодателей, средств населения. Доля каждого из них в общем объеме финансовых ресурсов, выделяемых обществом на здравоохранение, предопределяет применяемую модель финансирования отрасли. Бюджетно-страховая модель финансирования здравоохранения, реализуемая в России, имеет определённую специфику. Обязательное медицинское страхование (ОМС) представляет собой форму социальной защиты граждан, которая должна обеспечивать доступную и бесплатную медицинскую помощь гарантированного объема и качества при эффективном использовании имеющихся в наличии ресурсов отрасли «Здравоохранение». Медицинское страхование, как составная часть социального страхования, обеспечивает финансирование медицинской помощи путём формирования денежных фондов за счёт взносов органов государственной власти, организаций, органов местного самоуправления, а также личных средств граждан. Фонд обязательного медицинского страхования (ФОМС) предназначен для аккумулирования финансовых средств и обеспечения стабильности государственной системы обязательного медицинского страхования.

Между гражданами и страхователями взаимодействие осуществляется на основе страхового медицинского полиса – документа установленного образца, подтверждающего факт заключения Договора обязательного медицинского страхования и дающего застрахованным гражданам право на получение бесплатной медицинской помощи в объеме и на условиях, предусмотренных программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам

медицинской помощи. Для финансирования российского здравоохранения характерны три основных финансовых потока: средства граждан и организаций (предприятий), в том числе добровольное медицинское страхование (ДМС); средства бюджетов всех уровней; средства обязательного медицинского страхования (ОМС).

Бюджетная система России включает федеральный, региональные и местные бюджеты. Расходы на здравоохранение осуществляются из всех звеньев бюджетной системы. По каналам этих бюджетов финансируется сеть лечебно-профилактических организаций – больниц, поликлиник, амбулаторий и других объектов здравоохранения. Именно от состояния доходной базы бюджетов зависит уровень финансового обеспечения и состояния медицинского обслуживания населения. Бюджетные средства являются наиболее крупным источником финансирования здравоохранения и в значительной мере обеспечивают выполнение гарантий государства на получение населением бесплатной медицинской помощи. Однако, с 2014 года, при общем росте объемов финансовых ресурсов, в структуре источников финансирования здравоохранения повышается удельный вес взносов работодателей и фондов ОМС (федерального и территориальных); при этом доля бюджетного финансирования несколько сокращается.

Социальная значимость системы ОМС заключается в том, что, с одной стороны, она является составной частью государственной системы социальной защиты населения, а с другой – фонды ОМС дополняют, а в ряде случаев и замещают бюджетные ассигнования на здравоохранение. Недостатком бюджетной системы финансирования здравоохранения является высокая зависимость объемов выделяемых финансовых ресурсов от трансформирующихся политических приоритетов, что нашло отражение при формировании бюджетов на плановый период с 2015 по 2017 годы и на 2016 год.

Медицинское обслуживание опосредованно воздействует на эффективность проводимой демографической политики в стране и, в то же время, непосредственно влияет на повышение уровня и продолжительности жизни населения России. В связи с ограниченностью финансовых ресурсов, улучшение медицинского обслуживания тесно связано с эффективностью управления и объемами финансирования медицинской помощи. Ведущее место на рынке медицинских услуг в России до настоящего времени принадлежит государственному сектору, который представлен лечебными учреждениями федерального и регионального уровней, а также рядом ведомственных больниц и амбулаторий. Частный сектор занимает не более 15% рынка медицинских услуг, но при этом в последние несколько лет (до 2013 года включительно) показывал весьма устойчивые темпы прироста (на уровне от 10 до 20% ежегодно). Его присутствие наблюдается во всех звеньях медицинской помощи. Данное обстоятельство указывает на некоторую ограниченность возможностей государственного сектора по освоению всего многообразия рынка медицинских услуг, ориентированного на удовлетворение растущих потребностей населения, в необходимом объеме и с соблюдением качественных параметров.

Несмотря на то, что в России финансирование здравоохранения не достигает объема, рекомендованного ВОЗ (от 5 до 6% ВВП), финансовые ресурсы отрасли «Здравоохранение» в ближайшие годы вряд ли существенно увеличатся. Расходы федерального бюджета на охрану здоровья населения с учетом трансфертов ФОМС в 2014 году сократились по сравнению с 2013 годом на 8,6% в номинальном и на 13% в реальном выражении. Предполагается, что в целом за период с 2014 по 2016 годы они снизятся, соответственно, на 18,2% в номинальном и на 29% в реальном выражении [9]. Согласно действующему законодательству, расходы, которые ранее финансировались из федерального бюджета – на высокотехнологичную медицинскую помощь (это около 1,5 тыс. видов наиболее дорогого и сложного лечения, например, пересадка органов и операции на сердце, предоставление услуг по которым оказывается в федеральных и региональных медицинских центрах), – с января 2014 года частично перешли

на финансирование из бюджета Фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС), а к концу 2015 года должны перейти полностью [10].

Выполненный анализ приводит к выводу, что существует острая потребность государства во внебюджетных средствах для сбалансированного функционирования сферы здравоохранения. По итогам проведенного в 2014 году мониторинга (в части объема необходимого инвестирования), текущая потребность в частных инвестициях только подведомственных Минздраву России федеральных медицинских учреждений составляет более 20 млрд. рублей. Соответственно, перевооружение материально-технической базы (приборов, оборудования), модернизация инфраструктуры, – потребуют еще более значительных объемов средств. При этом следует учитывать, что названный объем инвестиций относится только к подведомственным федеральным медицинским учреждениям. Если же рассматривать регионы, то спрос на инвестиции в территориальном разрезе, по оценкам экспертов, может составить от 300 млрд до 1 трлн рублей.

Изучение международного опыта показывает, что ГЧП успешно применяется за рубежом в отраслях социальной сферы, в первую очередь в образовании и здравоохранении. По расчетам специалистов, чтобы поддерживать инфраструктуру развитого государства, необходимы ежегодные инвестиционные вложения на уровне 4,7 % ВВП. В Российской Федерации, на фоне современной и прогнозируемой на среднесрочный период социально-экономической ситуации, можно отметить некоторые сложности по вопросам реализации возможностей ГЧП в развитии инфраструктуры России, в том числе и в сфере здравоохранения. Так, в России инвестиции в инфраструктуру в настоящее время ежегодно составляют в среднем 3,6–4,2 % ВВП, что примерно соответствует среднемировому показателю. Согласно долгосрочному прогнозу, при сохранении благоприятных макроэкономических условий, за период с 2013 по 2020 годы совокупный объем инфраструктурных инвестиций может достичь \$650 млрд (в среднем \$90 млрд в год). Общий объем этих средств рассматривается экспертами как вполне приемлемый для умеренного расширения инфраструктуры и постепенного улучшения ее качества, но не является достаточным для опережающего развития.

Следует отметить, что во всех информационных документах известных международных и зарубежных региональных организаций (в том числе и финансового характера) отмечается сложность механизма ГЧП, длительность его внедрения, необходимость создания соответствующих предпосылок (правовых, организационных, кадровых, информационных, финансовых и пр.). В этой связи нужно обратить внимание на несколько «упрощенческий» подход к определению мер, необходимых для внедрения и распространения ГЧП в России, которые содержатся в предложениях российских исследователей, а также в рекомендациях организаций, занимающихся вопросами поддержки и развития ГЧП. Для того, чтобы перейти от традиционной модели предоставления общественных услуг силами государственного сектора к модели, предусматривающей совместную работу государственного и частного секторов, необходимо преодолеть некоторые политические, правовые, нормативные и институциональные барьеры.

В рамках ОЭСР выработаны рекомендации правительствам по вопросам государственного управления в области ГЧП, предусматривающие: создание прозрачной, предсказуемой и законной институциональной структуры с компетентными и опытными руководителями и специалистами; организация тщательного отбора проектов на высшем политическом уровне с учетом принципа «value for money»; обеспечение прозрачности бюджетного процесса для минимизации финансовых рисков и гарантированного исполнения объемов закупочной деятельности в рамках проектов ГЧП.

В российской практике сотрудничество государства и бизнеса в реализации проектов ГЧП в сфере здравоохранения имеет значительные перспективы. На это указывают следующие факторы:

- 1) низкое качество государственной медицины и неудовлетворенность населения медицинским обслуживанием (по оценкам агентства Bloomberg, Россия заняла в числе обследованных развитых и развивающихся стран последнее, 51-е место по эффективности национальной системы здравоохранения в 2014 году) [10];
- 2) рост уровня жизни населения и, соответственно, спроса на качественные услуги, в том числе в здравоохранении (за период с 2008 по 2013 годы реальные доходы населения России выросли в 1,5 раза);
- 3) старение населения (согласно демографическому прогнозу, за период с 2010 по 2020 годы ожидаемая продолжительность жизни вырастет на 4 года);
- 4) отставание России от развитых стран по доле услуг частной медицины во всём объёме предоставляемой медицинской помощи (в Европе до 90% амбулаторных услуг оказывается в частных клиниках, доля в России – 6,2%);
- 5) отсутствие системы в применении стимулирующих мер для функционирования страховой частной медицины (разрешение частным клиникам участвовать в реализации программы ОМС);
- 6) недостаточное осознание обществом финансового механизма ГЧП как одного из основных инструментов развития.

Чтобы завершить реформу здравоохранения, государству необходимо искать новые источники финансирования, прежде всего – развивая взаимодействие с бизнесом. Одним из путей такого сотрудничества является использование особого институционального механизма по привлечению финансовых ресурсов частного сектора к строительству и эксплуатации объектов здравоохранения, который в мире получил название Public-Private Partnership (PPP) или государственно-частное партнерство (ГЧП). Концепция ГЧП глубоко исследуется в отечественной литературе [4; 5; 6; 7]. С одной стороны, ГЧП представляет собой систему отношений между государством и бизнесом, широко используемую в качестве инструмента регулирования международного, национального, регионального, муниципального экономического и социального развития. С другой стороны, – это конкретные проекты, реализуемые государственными органами и частными компаниями на объектах государственной и муниципальной собственности. Как правило, проекты ГЧП ориентированы на решение задач, связанных с оказанием услуг населению, развитием отношений собственности. Основная цель их разработки состоит в привлечении ресурсов, в основном финансовых, для повышения инвестиционной привлекательности, а также роста эффективности, качества и конкурентоспособности предоставляемых услуг. Существенным преимуществом финансового механизма ГЧП является долгосрочный характер сотрудничества, являющийся залогом устойчивого развития. Такое партнёрство позволяет реализовывать проекты даже в тех отраслях экономики, которые относятся к малоприбыльным, например, в отраслях социальной сферы, благодаря возможности задействования ресурсного потенциала частного сектора [6. С. 150-151].

Анализ мотиваций государства в контексте современной демографической политики и существующих в настоящее время юридических форм ГЧП, а также их сочетание, позволяет выделить следующие положительные практики применения механизмов и инструментов ГЧП в сфере здравоохранения России.

1. Создание центров развития – медицинских центров, реализующих принципиально новые технологии, которые относятся к уникальным компетенциям частного партнера и не могут быть освоены без его участия. Цель – повышение качества и доступности высокотехнологичной медицинской помощи, обеспечение потребности медицинских организаций в квалифицированных кадрах. Пример – Образовательный центр высоких медицинских технологий, созданный с участием компании «Джонсон & Джонсон».

2. Передача в управление существующих неэффективных медицинских учреждений. Цель – обеспечение выполнения государственного задания, улучшение качества и доступности медицинской помощи, повышение эффективности использования материально-технической базы, внедрение ресурсосберегающих технологий. Пример – концессионное соглашение в отношении Центра планирования семьи и репродукции в Казани.

3. Строительство новых медицинских учреждений, осуществляющих деятельность в сфере обязательного медицинского страхования (ОМС) и (или) оказывающих вспомогательную медицинскую помощь (ВМП). Цель – повышение доступности медицинской помощи, внедрение ресурсосберегающих технологий. Пример – строительство диализных центров частными компаниями («Фрезениус Медикл Кеа» и др.).

4. Аутсорсинг отдельных как профильных, так и непрофильных функций медицинских учреждений (на основе контрактов). Цель – повышение эффективности использования материально-технической базы, внедрение и последующее использование ресурсосберегающих технологий.

Изложенное выше позволяет заключить: сфера здравоохранения в России испытывает острый недостаток внебюджетных средств, который может быть восполнен различными путями, в том числе и посредством применения финансового механизма ГЧП.

Провести достоверный анализ эффективности отечественных ГЧП-проектов в настоящее время затруднительно, поскольку в российской практике еще нет полностью завершённых, «закрытых» проектов. Детальные данные о финансовой устойчивости ГЧП-проектов, как правило, остаются конфиденциальными. Поэтому при анализе целесообразно исходить из допущения, что проект финансово устойчив, если присутствуют один или несколько из косвенных признаков финансовой успешности: полное выполнение поставленных задач при отсутствии дополнительных заимствований в сравнении с плановыми; продление контракта или расширение деятельности на другие объекты; наличие внешней оценки, подтвердившей финансовую состоятельность проекта.

По накопленному опыту реализации проектов ГЧП в сфере здравоохранения, первое место среди российских регионов принадлежит Республике Татарстан [12]. По состоянию на март 2015 года в Татарстане действует шесть проектов данной отрасли (не считая завершённого в 2011 году проекта передачи в концессию Центра планирования семьи и репродукции ГАУЗ «Республиканская клиническая больница» Министерства здравоохранения Республики Татарстан). В их число входят: строительство многопрофильного перинатального медицинского центра – «АВА – Казань»; инвестиционный проект по реконструкции, оснащению, вводу в эксплуатацию и оказанию услуг по диагностическому центру амбулаторного диализа; инвестиционный проект «Создание и эксплуатация гемодиализного центра в г. Набережные Челны Республики Татарстан»; инвестиционный проект «Создание и эксплуатация межрайонного центра амбулаторного гемодиализа в г. Казани». Все названные проекты ГЧП реализуются на республиканском уровне.

В качестве примера рассмотрим ход исполнения классического ГЧП-проекта (концессия в отношении Центра планирования семьи в Казани), который реализуется весьма успешно. В начале 2000-х годов Республика Татарстан, как и большинство субъектов РФ, столкнулась с резким увеличением распространенности бесплодия, что было отмечено почти у 17% супружеских пар. Для решения этой проблемы, оказывающей существенное влияние на демографическое развитие, в Республике последовательно были приняты решения о компенсации стоимости лечения методом экстракорпорального оплодотворения (2003 год) и о включении процедур ЭКО в государственное задание по оказанию высокотехнологичной медицинской помощи (2008 год). Центр планирования семьи и репродукции был создан в 1991 году (с 1995

года являлся подразделением Республиканской клинической больницы), занимался оказанием услуг по ЭКО с 2002 года, а с 2008 года принимал участие в выполнении государственного задания по оказанию высокотехнологичной медицинской помощи [13].

В рассматриваемый период бюджет Республики не предусматривал финансирования капитального ремонта и переоснащения Центра новым оборудованием. В то же время задачи, выполняемые Центром планирования семьи и репродукции, в условиях сложившейся демографической ситуации имели большое социальное значение. Для населения проблема недостаточной производственной мощности Центра проявлялась в ограничении доступности медицинской помощи. В связи с этим, Министерством здравоохранения Республики Татарстан был предложен проект – «Концессионное соглашение в отношении Центра планирования семьи и репродукции». Конкурс был объявлен в декабре 2010 года, а в феврале 2011 года были подведены первые итоги. Поскольку на конкурс была подана только одна заявка, он был признан несостоявшимся, и право на заключение концессионного соглашения получил единственный участник – ООО «Ава – Петер». Получение концессии в отношении Центра планирования семьи и репродукции позволило данной компании решить несколько задач: выйти на рынок профильных медицинских услуг в Республике; получить гарантированный объем финансирования по государственному заказу на весь срок концессии; положительно зарекомендовать себя как партнера государства и поставщика медицинских услуг для населения. Участие в данном проекте ГЧП повлияло и на реализацию второго инвестиционного проекта – перинатального центра, – за счет стабилизации финансового положения и создания положительного имиджа компании. Концедентом выступило Министерство земельных и имущественных отношений Республики Татарстан, заказчиком услуг – Министерство здравоохранения Республики Татарстан.

Концессионным соглашением были установлены требования к проектированию и реконструкции объекта соглашения с описанием полного комплекса работ и необходимого дооборудования Центра. Соглашением предусматривалось, что стоимость работ по реконструкции и переоснащению Центра составит 40 млн рублей; фактически объем инвестиций частного партнера составил 49,4 млн рублей. Кроме того, в течение 3 месяцев после заключения соглашения концессионер должен был перечислить Минземуиущества Республики концессионную плату в размере 1 млн рублей. Доходы, полученные концессионером в ходе реализации соглашения, являлись его собственностью. Срок действия соглашения – 10 лет, из которых 6 месяцев отводилось на разработку и утверждение проектной документации. Оказание услуг, предусмотренных соглашением в установленном объеме, должно было начаться не позднее, чем через 210 дней от даты подписания соглашения [12]. Согласно сложившейся практике, предъявляемые запросы к качеству оказываемых услуг определяются законодательством РФ. Требования к ежегодным объемам медицинской помощи, оплачиваемой из средств ОМС и ВМП (ЭКО до 2013 года), установленные соглашением, включают: не менее 23 тыс. специализированных приемов врача акушера-гинеколога; не менее 2 тыс. специализированных приемов врача уролога-андролога; не менее 400 циклов лечения бесплодия методом ЭКО [13]. Основным принципом при формировании государственного заказа стало не допущение сокращения объемов бесплатной медицинской помощи населению.

Реконструкция Центра была проведена в течение трех месяцев летом 2011 года и включала в себя капитальный ремонт помещений (замену системы вентиляции, горячего водоснабжения, перестройку лаборатории ЭКО и операционных с учетом принципа «чистых помещений», компьютеризацию кабинетов и т.д.) и полное переоснащение медицинским оборудованием. Благодаря модернизации существенно улучшилось качество предоставляемых услуг. Мощность лабораторий увеличилась вдвое (до 1000-1200 циклов ЭКО в год); фактическое количество циклов ЭКО, финансируемого за счет средств государственного бюджета (с

2013 года – ОМС) возросло до 600; количество посещений дошло до 25 тыс. в год. Важной особенностью проекта стало полное сохранение персонала при существенном повышении его заработной платы. В 2012 году ООО «Ава-Петер» и Минздрав Республики Татарстан заключили Договор «Об оказании медицинских услуг» в объеме 66 553,07 тыс. рублей, из них в рамках Территориальной программы ОМС – на сумму 15212,0 тыс. рублей и в рамках ВМП – на сумму 45 556 тыс. рублей. Посредством этого документа, ООО «Ава-Петер» планировалось обеспечить 25 000 специализированных приемов врача и 600 циклов лечения бесплодия методом ЭКО. Исполнение за 2012 год составило 23 431 специализированных приемов и 671 цикл лечения бесплодия методом ЭКО [15].

С финансовой точки зрения, успех проекта связан с продуманной схемой обеспечения окупаемости, благодаря особому тарифу ОМС, предусмотренному в тарифном соглашении – более высокому, чем в среднем по городу Казани, но ниже коммерческой цены, а также значительному объему выполненных коммерческих услуг. Поскольку ООО «Ава-Петер» – единственный исполнитель государственного заказа по ЭКО в Республике Татарстан, после включения ЭКО в программу ОМС тариф на данную процедуру по-прежнему носит индивидуальный характер. На этапе заключения соглашения (2011 год) предполагалось, что инвестиции частного партнера окупятся в течение семи лет. По оценочным данным на начало 2014 года ожидалось, что инвестиции окупятся в течение предстоящих 2-2,5 лет, т.е. в целом за 5-5,5 лет периода реализации ГЧП-проекта, в основном благодаря росту объемов государственного заказа. В целом, успешное исполнение данного проекта повлияло на следующие критерии качества и доступности профильной медицинской помощи: увеличилось количество процедур ЭКО (в 2011 году – 638 операций ЭКО, в 2012 году – 671 операция, в 2013 году – 684 операции, в 2014 году – 697 операций). Для сравнения: за три года, предшествовавших реконструкции Центра (2008 -2010 гг.), было проведено всего 650 операций ЭКО. Результативность ЭКО в клиниках «Ава-Петер» на момент открытия Центра составляла 45%. Для сравнения: результативность Центра до передачи в концессию, а также «Клиники Нуриевых», расположенной в Казани и оказывающей услуги по ЭКО, составляла 30-35% [14].

Реконструкция Центра существенно расширила доступность процедуры искусственного оплодотворения методом ЭКО для населения республики. В то же время, оценить данное новшество можно только косвенно, по изменению производственной мощности Центра и объемам оказываемой населению медицинской помощи. Так, у населения появилась возможность пройти лечение данным методом на территории Республики, не используя федеральные квоты. С 2013 года, после включения ЭКО в программу ОМС, количество пар, желающих воспользоваться услугами республиканского Центра, в несколько раз увеличилось. В качестве негативного момента следует отметить: по заключениям экспертов, данный проект не содержит инновационную составляющую. Позитивным фактором стало отсутствие фиксации значимых нарушений в ходе реализации проекта. Таким образом, согласно мнениям экспертов, по состоянию на начало 2015 года критерии эффективности ГЧП-проектов в отношении данного проекта в основном выполнялись, и необходимости вмешательства в ход его реализации в отношении частного партнера не было. Потенциально опасным обстоятельством был признан рост очередников, желающих получить медицинскую помощь. Однако, решение данного вопроса относится к сфере полномочий государственного партнера и сигнализирует о необходимости пересмотра объема квот, выделяемых для обследования и лечения пациентов. К сожалению, реализация ГЧП-проектов в здравоохранении не всегда является успешной, как правило, вследствие отсутствия (либо недостаточности) финансирования. Это может быть нехватка средств у частного инвестора или его незаинтересованность в дальнейшем участии в проекте. Выполненный анализ позволяет сформулировать предложения, которые могут оказывать положительное влияние на своевременность и полноту реализации проектов ГЧП в области здравоохранения.

Таким образом, для улучшения процесса разработки и реализации проектов ГЧП необходимо:

- 1) проводить комплексную экспертизу проектов ГЧП. Для их осуществления особую важность имеет предварительный анализ, который проводится на стадии разработки и способствует принятию выверенных управленческих решений. Техничко-экономическое обоснование проекта должно включать: результаты маркетинговых, социально-экономических, институциональных и экологических исследований и оценок; альтернативные проработки архитектурно-строительных решений, расчеты эффективности вложения инвестиций; финансовые методы и инструменты, обосновывающие целесообразность и возможность реализации проекта; методические и технологические решения по оценке и распределению рисков, определению видов и размеров финансового обеспечения;
- 2) заинтересовать бизнес в инвестировании в проекты ГЧП;
- 3) научиться распределять риски между государством и частным сектором;
- 4) создавать условия для внесения дополнений в проект, либо для его корректировки и включения изменений в план мероприятий по решению возможных финансовых неуравно-
взвешенностей;
- 5) обеспечить соответствие существующего потенциала государственного сектора (как на региональном, так и на отраслевом уровнях) возрастающим общественным потребностям;
- 6) принять меры по обеспечению всего комплекса связанных с проектами работ компетентными кадрами. Последнее обусловлено наблюдающейся в настоящее время острой нехваткой квалифицированных и опытных специалистов для подготовки и сопровождения проектов ГЧП. Также существует спрос на специалистов, осуществляющих оперативный надзор за концессионными соглашениями. Дефицит кадров, имеющих опыт работы в данных областях экономической деятельности, в значительной мере обуславливает недостаточно высокий уровень доверия бизнеса к государственной власти, что подкрепляется также отсутствием сбалансированного организационно-финансового механизма для работы с соглашениями по ГЧП.

Выполненный анализ приводит к выводу о том, что существует потребность в квалифицированных сотрудниках со стороны органов государственного и муниципального управления для выполнения задач по подготовке проектов и конкурсной документации; осуществлению надзора за процессом конкурсов; проведению переговоров по контрактам; мониторингу реализации и текущей эксплуатации объектов. Сотрудники уполномоченных организаций должны получать поддержку со стороны внешних специалистов в области права, технических и финансовых советников, имеющих конкретный опыт работы с соглашениями по ГЧП. В этой связи целесообразно было бы активизировать создание научно-образовательных центров по вопросам ГЧП на базе университетов, проведение семинаров, курсов повышения квалификации. Работа в этом направлении уже ведется в Финансовом университете при Правительстве РФ, где создана кафедра «Государственно-частное партнерство», целями которой являются подготовка и переподготовка специалистов в области разработки и реализации проектов ГЧП, повышение квалификации участников проектов ГЧП, проведение фундаментальных и прикладных исследований в области ГЧП.

На наш взгляд, улучшение деятельности по ГЧП возможно в рамках следующих направлений. Прежде всего, следует развивать деятельность образовательных организаций по подготовке специалистов в сфере ГЧП не только в Москве, но и в регионах РФ. Для повышения квалификации сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления необходима организация консультативно-методических региональных семинаров и индивидуальных консультаций по вопросам ГЧП. Эта прогрессивная форма обучения характеризуется выездом профессорско-преподавательского состава и практиков, специализирующихся

на тематике ГЧП, на территорию субъекта РФ для проведения в течение одного – двух дней интенсивного цикла лекций и интерактивных занятий.

Необходимо формирование стимулов для активизации инвестиционной деятельности бизнес-сообщества в направлении создания предпосылок для достижения максимальной рентабельности производимой продукции и оказываемых услуг. Инвесторам необходимы не временные льготы, а долгосрочные гарантии возврата вложенного капитала. Если этого не предусматривается соглашениями по ГЧП, то рост предпринимательского риска может привести к сокращению инвестиционного предложения. В свою очередь, в обмен на предоставленные правовые гарантии стабильности государство правомочно настаивать на новых формах контроля, соблюдении прозрачности отчетности. Для обеспечения инвестору требуемого уровня доходности, можно применять стимулирующие меры (субсидии, субвенции, прямое возмещение инвестиционных затрат и др.) При этом важно помнить, что государство, заключая договор с инвестором, руководствуется не только исключительно предпринимательскими мотивами, но и общественными интересами, социально значимыми целями, публичной полезностью.

И, наконец, при подготовке инвестиционных проектов необходимо проанализировать возвратность инвестиций и оценить совокупный спрос на предоставляемые проектами ГЧП работы и услуги. Например, специалисты указывают на несовершенство существующего статистического учёта о выпуске лекарственных препаратов. Возможности информационной базы, позволяющие оценить спрос и емкость рынка медицинских услуг, окупаемость инвестиционных проектов в сфере здравоохранения, в настоящее время можно классифицировать как явно недостаточные для принятия обоснованных управленческих решений. Чтобы оценить потребности населения и потенциальные возможности отрасли «Здравоохранение», нужно решить целый комплекс взаимосвязанных задач, некоторые из которых рассматривались выше, а также создать реестр пациентов, улучшать организацию и формы статистического наблюдения за объемом и качеством предоставляемых медицинских услуг, выполнять работы по подготовке и обучению персонала, организации и проведению мониторинга и т.п.

В настоящее время ориентация на то, что органы государственной власти и предприниматели должны выступать в качестве равноправных партнеров при формировании и реализации инвестиционных проектов, становится всё более очевидной. «Участвуя в ГЧП, представители бизнес-сообщества предоставляют в распоряжение других партнёров свои финансовые средства, ресурсы..., способствующие реализации инновационных подходов, совершенствованию методов работы и технологий, а также налаживанию кооперационных связей с поставщиками и подрядчиками» [7. С. 103]. При этом важно подчеркнуть, что распределение и делегирование полномочий должно проявляться в равенстве обладания не только правами, но и степенью ответственности за исполнение принятых стратегических и тактических решений. В этой связи в субъектах РФ необходимо наличие институциональной инфраструктуры, которая позволит обеспечить полноценное функционирование ГЧП на практике. Как представляется, на региональном уровне управления целесообразно было бы сформировать специальные структуры ГЧП для систематизации и обобщения полученного опыта. Этим подразделениям необходима передача некоторых компетенций, а именно: подбор и оценка инвестиционных проектов; подготовка соглашений о ГЧП и контроль за их исполнением; организация наблюдения, проведение мониторинга за процессом исполнения проектов ГЧП на практике и др. Создание подобных подразделений позволит использовать разнообразие моделей ГЧП, обеспечить гибкость в выборе и принятии управленческих решений по преодолению накопившихся проблем, а также изыскать и оценить альтернативные варианты подходов и финансовые возможности реализации актуальных проектов ГЧП.

Важно акцентировать внимание на позитивном, поступательном продвижении всех заинтересованных сторон к построению механизма ГЧП в России. В этой связи можно отметить

три основополагающих мероприятия, реализация которых происходит в настоящее время. *Первое:* в связи с принятием Федерального закона о государственно-частном партнерстве [4], активизируется деятельность всех заинтересованных участников в налаживании плодотворного сотрудничества. Здесь представляется уместным указать на необходимость всемерного развития института корпоративной социальной ответственности в России [8. С. 344-345]. *Второе:* принятое в конце 2013 года решение о создании в составе Министерства здравоохранения РФ Департамента инфраструктурного развития и государственно-частного партнерства следует оценить положительно. Как показывает опыт других министерств (например, Министерства транспорта РФ, Министерства экономического развития РФ и др.), организация лишь консультативных советов по ГЧП не способна разрешить всех проблем и обеспечить полноценное партнерство между государством и бизнесом. Для этого необходимо иметь полномочный государственный орган, что фактически и состоялось. *Третье:* целенаправленная деятельность по формированию сети образовательных организаций, занимающихся подготовкой кадров для государственного сектора по направлению (профилю) подготовки «государственно-частное партнерство», должна дать ощутимые результаты в среднесрочной перспективе.

Для активизации процесса создания финансового механизма и применения инструментария ГЧП в сфере здравоохранения России, следует сформулировать комплекс мероприятий, предусматривающих: *во-первых*, доработку законодательной базы ГЧП путем внесения изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты субъектов РФ, а также разработку новых согласованных документов; *во-вторых*, создание сети организаций для управления ГЧП, например, при Минфине России – Центра поддержки ГЧП (по опыту Франции), осуществляющего межотраслевые функции для всего сектора государственного управления; при федеральных органах исполнительной власти социальной сферы (Минздрав России, Минобрнауки России, Минтруда России, Минкультуры России, Минспорта России) – отраслевых центров поддержки ГЧП; *в-третьих*, формирование в сети Интернет доступной информационно-справочной системы, содержащей в режиме реального времени исчерпывающую информацию о планируемых и реализуемых проектах ГЧП; *в-четвертых*, совершенствование финансовых механизмов обеспечения ГЧП и разработку прикладного инструментария в области бухгалтерского учета и отчетности, бюджетирования и финансового планирования, а также налогообложения с учетом специфики проектов ГЧП; *в-пятых*, обеспечение финансовой и бюджетной прозрачности в отношениях между партнерами; *в-шестых*, кадровое обеспечение функционирования ГЧП, предусматривающее разработку федеральных государственных образовательных стандартов, обучение специалистов органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях, а также специалистов бизнес-структур, способных в перспективе участвовать в проектах ГЧП в качестве частных партнеров, подготовку и издание специальной литературы, публикацию информационных материалов по вопросам ГЧП.

Перечень названных действий подтверждает необходимость использования системного подхода к государственно-частному партнерству в здравоохранении, на базе которого станет возможным формировать комплексные, сбалансированные управленческие решения.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон Российской Федерации от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-част-

- ном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство в здравоохранении: международный опыт // Управление здравоохранением. – 2010. – № 1. – С. 9-15.
 5. Варнавский В. Г. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы теории и практики // Мировая экономика и международные экономические отношения. – 2011. – №9. – С. 41-50.
 6. Молчанов И.Н., Дмитриева Е.А. Государственно-частное партнёрство как механизм стимулирования развития сферы высшего профессионального образования // Вопросы управления. – 2012. – № 2(2). – С. 150-157.
 7. Молчанов И.Н., Дмитриева Е.А. Государственно-частное партнёрство и его роль в реализации государственной политики в сфере высшего профессионального образования // Credo new. – 2013. – № 3(75). Том 2. С-Петербург. – С. 94-112.
 8. Молчанов И.Н., Холдеев К.А. Социальная ответственность бизнеса в современной России //Аудит и финансовый анализ. – 2014. – № 4. – С. 343-346.

Интернет источники

9. Гарант. ру. Сайт. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/article/502605/> (Дата обращения: 19.10.2015).
10. Коммерсант. ру. Сайт. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1773518?fp=> (Дата обращения: 29.10.2015).
11. Минфин России. Сайт пресс-службы. – Режим доступа: http://www.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2013/11/main/Materialy_SMI_07.11.13.pdf (Дата обращения: 02.11.2015).
12. Перечень инвестиционных проектов, реализуемых в Республике Татарстан с использованием механизмов государственно-частного партнерства. – Режим доступа: <http://tida.tatarstan.ru/rus/info.php?id=457521> (Дата обращения: 20.10. 2015).
13. Приказ Минздрава России от 20.08.2014 № 460-н «Об объемах высокотехнологичной медицинской помощи, оказываемой в 2014 году за счет иных межбюджетных трансфертов из бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования федеральному бюджету на финансовое обеспечение оказания федеральными государственными учреждениями, подведомственными Министерству здравоохранения Российской Федерации, медицинской помощи, включенной в базовую программу обязательного медицинского страхования, а также высокотехнологичной медицинской помощи, не включенной в базовую программу обязательного медицинского страхования» (Дата обращения: 06.10.2015).
14. Клиника «Ава-Петер». Сайт. – Режим доступа: <http://www.avapeter.ru/about/stat/> (Дата обращения: 30.10. 2015).
15. Информация о результатах реализации программных и концептуальных документов, утвержденных органами государственной власти субъектов Российской Федерации, по вопросам развития государственно-частного взаимодействия (государственно-частного партнерства) в здравоохранении за период с даты утверждения документа по сентябрь 2014. – Режим доступа: <http://static-1.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/023/230/original/%D0> (Дата обращения: 03.10.2015).

Молчанова Екатерина Владимировна,
доктор экономических наук, кандидат технических наук,
старший научный сотрудник отдела
«Моделирования и прогнозирования регионального развития»
Института экономики
Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Россия

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ ОСНОВНЫХ ИНДИКАТОРОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

(Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ), грант № 15-06-03978а)

В статье выявлены факторы, влияющие на основные демографические индикаторы в регионах России. Исследование проводилось с помощью экономико-математических методов и моделей (регрессионный анализ панельных данных). В качестве информационной базы использовались данные Росстата «Регионы России» и «Здравоохранение в России». Показатели по 80 субъектам Российской Федерации за период 2009–2013 гг. были сформированы в виде специальной системы, состоящей из следующих блоков: медико-демографическая ситуация, уровень экономического развития территории и благополучие населения, развитие социальной инфраструктуры, экологические и климатические условия, научные исследования и инновации. Установлено, что регрессионная модель с фиксированными эффектами позволяет получить значимый вариант моделирования для оценки основных демографических индикаторов.

Ключевые слова: демография, ожидаемая продолжительность предстоящей жизни, смертность, регион, моделирование, социально-экономические процессы, панельный регрессионный анализ.

E-mail: molch@yandex.ru

Molchanova Ekaterina V.,
doctor of economic sciences,
candidate of technical sciences,
senior researcher of the department of
«Modelling and forecasting of regional development»,
Institute of economics Karelian research centre
of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia

MODELING THE DYNAMICS OF BASIC OF INDICATORS OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

(The work was supported by the Russian Foundation for basic research
(RFBR) grant № 15-06-a)

The article identifies the factors that influence the main demographic indicators in regions of Russia. The study was conducted with the help of economic-mathematical methods and models (regression analysis of panel data). We used data of Rosstat «Regions of Russia» and «Russian Healthcare». Indicators in 80 regions of the Russian Federation for the period 2009-2013 were formed in the form of a special system, consisting of the following units: health and demographic situation, the level of economic development of the territory and the welfare of the population, social infrastructure development, environmental and climatic conditions, research and innovation. It is established that the regression model with fixed effects allows to obtain a significant option of modelling to assess the main demographic indicators.

Keywords: demography, expected life expectancy, mortality, region, modeling, socio-economic processes, panel regression analysis.

E-mail: molch@yandex.ru

Оценка качества человеческого потенциала, как ведущего фактора социально-экономического развития страны, требует разработки и использования комплексных критериев для анализа основных демографических индикаторов. Наиболее сложным аспектом такого исследования является изучение индивидуального и общественного здоровья населения. Системный характер категории «здоровье» проявляется не только в тесной связи здоровья с трудоспособностью, активной жизнедеятельностью, социальным благополучием человека и семьи, затратами на лечение и предотвращение заболеваний. Весьма важно рассматривать здоровье как феномен с выраженными временными связями и последствиями. Современное здоровье людей накладывает огромный отпечаток не только на их завтрашнее здоровье, но и обладает выраженным наследственным эффектом, влияя и даже предопределяя здоровье будущих поколений. Для оценки уровня и состояния общественного здоровья необходимо использовать как традиционные, так и новые медико-статистические методы. Вместе с тем, следует отметить, что ученым, представителям медико-биологических, медико-социальных и общественных наук, пока не удалось разработать единые критерии, позволяющие сформулировать систему адекватных, объективных оценок общественного здоровья.

Как следует из заключения ВОЗ, здоровье на 50–55% определяется образом жизни человека (населения), на 8–10% – системой существующего здравоохранения, на 20–25% – состоянием окружающей среды, на 15–20% – генетической составляющей. Современное развитие социально-экономических наук показало, что здоровье является не только медико-биологическим феноменом. В характеристике и критериях здоровья должны быть рассмотрены демографические, социальные, психологические, культурные, экономические и политические факторы. Таким образом, состояние здоровья в целом зависит от следующих индикаторов [5]:

- демографических (возрастно-половой состав населения, заболеваемость, болезненность, инвалидность, смертность);
- биологических (наследственность, конституция и т.д.);
- экологических (климат, загрязнение химическими, физическими, биологическими агентами и др.);
- социально-экономических (заработная плата, питание, образование, условия труда и быта и т.д.);
- состояния служб здравоохранения (количества врачей, среднего медицинского персонала, больниц и т.д.);
- прочих воздействий окружающей среды (психологических факторов, политической ситуации и т.д.).

Нами была сделана попытка выявить факторы, влияющие на основные демографические индикаторы в регионах России. Исследование проводилось с помощью экономико-математических методов и моделей (регрессионный анализ панельных данных). В качестве информационной базы использовались данные Росстата «Регионы России» и «Здравоохранение в России» [3; 9]. Показатели по 80 субъектам Российской Федерации за период 2009-2013 гг. были сформированы в виде специальной системы, состоящей из следующих блоков: медико-демографическая ситуация, уровень экономического развития территории и благополучие населения, развитие социальной инфраструктуры, экологические и климатические условия, научные исследования и инновации [4; 7; 10].

При проведении расчетов и построении моделей использовались панельные данные (Panel Data), которые состоят из наблюдений одних и тех же экономических единиц или объектов (индивидуумы, домашние хозяйства, фирмы, регионы, страны и т.п.) и осуществляются в последовательные периоды времени. Таким образом, панельные данные сочетают в себе как данные пространственного типа (cross-section data), так и данные типа временных рядов (time-series data): в каждый момент времени имеются данные пространственного типа по экономическим единицам, и для каждого объекта соответствующие ему данные образуют один или несколько временных рядов. Благодаря специальной структуре панельные данные поз-

воляют строить более гибкие и содержательные модели и получать ответы на вопросы, которые недоступны только в рамках, например, моделей, основанных на пространственных данных. В частности, возникает возможность учитывать и анализировать индивидуальные отличия между экономическими единицами, что нельзя сделать в рамках стандартных регрессионных моделей. Выделяют три модели регрессии по панельным данным [1; 6; 12]:

- 1) объединенная модель регрессии (pooled model);
- 2) модель регрессии с фиксированными эффектами (fixed effect model);
- 3) модель регрессии со случайными эффектами (random effect model).

Для исследования регрессионных моделей с панельными данными введем следующие обозначения. Пусть y_{it} – зависимая переменная для экономической единицы i в момент времени t , x_{it} – набор объясняющих (независимых) переменных (вектор размерности k) и ε_{it} – соответствующая ошибка, $i=1, \dots, n$, $t=1, \dots, T$. Простейшая модель – это обычная линейная модель регрессии:

$$y_{it} = \alpha + x'_{it}\beta + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где:
 i – номер объекта (в данном случае региона),
 t – время,
 α – свободный член,
 β – вектор коэффициентов,
 x'_{it} – вектор-строка матрицы объясняющих переменных, которая, по существу, не учитывает панельную структуру данных.

При этом предполагается, что все ошибки ε_{it} некоррелированы между собой как по i , так и по t , и некоррелированы со всеми объясняющими переменными x_{it} . Эта модель носит название объединенной (сквозной) модели регрессии (pooled model).

Учесть при моделировании индивидуальные различия между экономическими единицами возможно, предположив, что случайная ошибка имеет вид:

$$\varepsilon_{it} = u_i + v_{it}, \quad (2)$$

где u_i – ненаблюдаемые индивидуальные эффекты, а v_{it} – остаточное возмущение.

Большинство приложений панельных данных использует именно такую модель случайной ошибки. Заметим, что u_i не зависят от времени и отвечают за характеристики объектов, которые не включены в регрессию непосредственно. Остаточное возмущение v_{it} меняется в зависимости от времени и объектов, и может рассматриваться как обыкновенная случайная составляющая в регрессии.

Модель с фиксированным эффектом (fixed effect model) описывается уравнением:

$$y_{it} = \alpha + x'_{it}\beta + u_i + v_{it}, \quad (3)$$

где переменные u_i – параметры, не зависящие от t , остаточные возмущения v_{it} – независимые одинаково распределенные случайные величины $IID(0, \sigma_v^2)$ и x_{it} – предполагаются независимыми от v_{it} для всех i и t .

Эту модель предпочтительно использовать, если мы сосредотачиваемся на уникальном наборе N регионов, как в нашем случае.

Модель со случайными эффектами (random effects model) предполагает другой подход к интерпретации переменных. В модели предполагается, что индивидуальные отличия носят

случайный характер. Ее можно рассматривать как компромисс между объединенной регрессией, налагающей сильное ограничение гомогенности на все коэффициенты уравнения регрессии для любых i и t , и регрессией с фиксированными эффектами, которая позволяет для каждого объекта выборки ввести свою константу и, таким образом, учесть существующую в реальности, но ненаблюдаемую гетерогенность. Модель со случайными эффектами применяется в том случае, если выбирают случайным образом N объектов из генеральной совокупности элементов, например, в случае исследований панелей домашних хозяйств, индивидуумов или мелких фирм.

На содержательном уровне разницу между моделями можно интерпретировать следующим образом. Обычная модель предполагает, что у экономических единиц нет индивидуальных различий, и в некоторых простых ситуациях такое предположение оправдано. В модели с фиксированным эффектом считается, что каждая экономическая единица уникальна и не может рассматриваться как результат случайного выбора из некоторой генеральной совокупности. Такой подход вполне справедлив, когда речь идет о странах, крупных регионах, отраслях промышленности, больших предприятиях. Если же объекты попали в панель «случайно» в результате выборки из большой совокупности, то приемлемой является модель со случайным эффектом. Примером могут служить небольшие фирмы, домашние хозяйства, индивидуумы [1; 6; 12].

Важнейшей характеристикой человеческого потенциала и состояния здоровья можно считать показатель ожидаемой продолжительности предстоящей жизни (ОППЖ). В нашем исследовании мы установили взаимосвязь между ОППЖ и различными факторами из разработанной системы показателей. Регрессионная модель с фиксированными эффектами при учете структуры панельных данных позволила получить значимый и обоснованный вариант моделирования, который можно использовать для оценки основного демографического индикатора – ожидаемой продолжительности предстоящей жизни в регионах России в зависимости от показателей социально-экономического развития, медицинского обслуживания и факторов социального напряжения (или социального стресса). При проведении расчетов использовался статистический пакет Stata SE [8] (табл. 1).

Таблица 1

Регрессионная модель с фиксированными эффектами по панельным данным за 2009-2013 гг. для 80 регионов России, связывающая ожидаемую продолжительность жизни с социально-экономическими факторами (R-sq: within=0,68)

Фактор	Коэффициент	Ст. ошибка	t	P> t	95% доверительный интервал	
Логарифм среднедушевых денежных доходов населения (руб.)	1,4508	0,305	4,75	0,000	0,850	2,051
Прерывание беременности (аборты)	-0,0479	0,007	-6,52	0,000	-0,062	-0,033
Контингент пациентов с алкоголизмом на 100 тыс. человек	-0,0013	0,0001	-9,48	0,000	-0,002	-0,001
Контингент пациентов с психическими расстройствами на 100 тыс. человек	-0,0005	0,0002	-1,99	0,048	-0,0009	-0,00004
Средняя температура июля	0,1482	0,0287	5,17	0,000	0,0918	0,2047
Число зарегистрированных преступления на 100 тыс. человек	-0,0016	0,0001	-9,18	0,000	-0,0019	-0,0012
Константа	59,28	3,34	17,75	0,000	52,72	65,85

В настоящее время среди всех причин смерти в России лидируют пять классов заболеваний: сердечно-сосудистые (55%), злокачественные новообразования (15%), внешние причины (травмы, отравления, самоубийства и др.) (9%), болезни органов дыхания (4%) и органов пищеварения (4%). Поэтому целесообразно провести аналогичное исследование влияния различных факторов на смертность от болезней системы кровообращения для регионов России (табл. 2).

Таблица 2

Регрессионная модель с фиксированными эффектами по панельным данным за 2009-2013 гг. для 80 регионов России, связывающая смертность от болезней системы кровообращения с социально-экономическими факторами
(R-sq: within=0,59)

Фактор	Коэффициент	Ст. ошибка	t	P> t	95% доверительный интервал	
Удельный вес городского населения (%)	6,654	0,788	8,44	0,000	5,104	8,204
Соотношение браков и разводов (на 1000 браков приходится разводов)	0,684	0,087	7,86	0,000	0,513	0,855
Контингент пациентов с психическими расстройствами на 100 тыс. человек	0,072	0,022	3,18	0,002	0,027	0,117
Контингент пациентов с алкоголизмом на 100 тыс. человек	0,044	0,013	3,30	0,001	0,018	0,071
Продажа пива на душу населения	1,64	0,343	4,78	0,000	0,965	2,315
Численность врачей на 10 тыс. человек	-3,21	0,714	-4,49	0,000	-4,615	-1,804
Средняя температура января	10,05	0,981	10,24	0,000	8,122	11,98
Логарифм среднедушевых денежных доходов населения (руб.)	-301,91	29,9	-10,1	0,000	-360,7	-243,13
Константа	2906,3	265,39	10,95	0,000	2384,5	3428,1

Построение регрессии с фиксированными эффектами по панельным данным позволило установить, что снижение ОППЖ и рост смертности от болезней системы кровообращения в значительной мере связаны с социально-экономическими факторами (уровнем благосостояния, денежными доходами населения). Значительную роль играет ситуация социального напряжения (социального стресса), обусловленная переходом к рыночной экономике.

Нами была предпринята попытка дать количественную оценку таких факторов. Мы рассмотрели такие показатели, как прерывание беременности (аборты) – на 1000 женщин 15-49 лет, контингент больных алкоголизмом и алкогольными психозами (численность больных, состоящих на учете в ЛПУ на 100 тыс. человек), контингент больных психическими расстройствами и расстройствами поведения (численность больных, состоящих на учете в ЛПУ на 100 тыс. человек), уровень зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения, продажа алкогольных напитков на душу населения и соотношение браков и разводов (на 1000 браков приходится разводов).

Стрессовые ситуации способствуют развитию серьезных психических проблем: тревожные, невротические и депрессивные расстройства, которые значительно снижают качество жизни граждан. Социальный стресс – социальное напряжение, требующее многообразных

приспособительных реакций, сложного уравнивания в системах социального поведения, взаимодействия и т.д. Наиболее неблагоприятными в отношении угрозы срыва адаптивных реакций и развитии патологии являются очень долго (в течение нескольких лет) действующие стрессорирующие воздействия малой интенсивности. Накапливаясь, они оказывают скрытый кумулятивный эффект, истощают адаптационные резервы организма, приводят к нарушению нейрогуморальных механизмов адаптации. Человеческий организм переносит их гораздо хуже, чем острые стрессорирующие воздействия большой интенсивности [2; 11]. Изменения в социально-экономической и политической ситуации послужили причиной сильного социального стресса, который переживает население России. Произошла глубинная психологическая реакция отторжения, сопровождавшаяся снижением продолжительности жизни.

Таким образом, качество жизни населения напрямую зависит от социально-экономических факторов (обеспечения роста ВРП на душу населения как основного экономического индикатора, стабилизации материального положения населения, снижения уровня бедности), интенсивности развития человеческого потенциала и создания условий для развития системы здравоохранения и медицинского обслуживания, повышения уровня образования в обществе, социальной защиты населения, развития жилищных программ и рынка труда, улучшения экологической обстановки. Меры по улучшению демографической ситуации должны носить комплексный характер, связанный с переориентацией целевых программ на решение задач демографической политики с учетом региональной специфики. Результаты исследования позволяют выявить направления для сохранения человеческого потенциала и улучшения качества жизни населения, а также определить приоритеты социально-экономической политики на региональном уровне.

Список литературы

1. Айвазян С.А., Мхитарян В.С. Прикладная статистика и основы эконометрики. – М.: ЮНИТИ, 1998. – 1005 с.
2. Величковский Б.Т. Социальный стресс, трудовая мотивация и здоровье // Бюллетень сибирской медицины. – 2005. – № 3. – С. 5–19.
3. Здравоохранение в России. 2013: стат. сб. – М.: Росстат, 2013.
4. Кручек М.М., Молчанова Е.В. Исследование медико-демографических процессов в регионах России методом регрессионного анализа по панельным данным // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 18 (297). – С. 41–50.
5. Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: Учебник. – 2-е изд. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – С. 512.
6. Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А. Эконометрика. – М.: Дело, 2004. – 576 с.
7. Молчанова Е.В., Кручек М.М. Статистические методы оценки факторов, влияющих на продолжительность жизни в регионах России // В мире научных открытий. Серия: экономика и инновационное образование. – 2013. – № 8 (44). – С. 273–288.
8. Ратникова Т.А. Анализ панельных данных в пакете «Stata». Методические указания к компьютерному практикуму по курсу «Эконометрический анализ панельных данных». – М.: ВШЭ, 2004.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. – М.: Росстат, 2014.
10. Римащевская Н.М., Мигранова Л.А. Молчанова Е.В. Факторы, влияющие на состояние здоровья населения России // Народонаселение. – 2011. – № 1 (51). – С. 38–49.
11. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. – М.: Медгиз, 1960. – С. 254.
12. Badi H. Baltagi. Econometric Analysis of Panel Data. Third Edition, 2005.

Мунин Павел Иванович,
кандидат технических наук, доцент,
научный сотрудник лаборатории
«Развития личности и здоровьесбережения»
Института делового администрирования,
г. Москва-Зеленоград, Россия

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ РОССИИ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Сложность исследования социального капитала создают субъективность и эндогенность социологического и экономического подходов к предмету исследований, что затрудняет до практической неосуществимости создание теории социального капитала и оценки результатов его измерений. В предлагаемой работе обосновывается направление, способное вывести исследования социального капитала на путь объективности и экзогенности.

Ключевые слова: социальный капитал; устойчивое развитие; пирамида численности; тран-сдисциплинарный подход; мультипликативный демографический индекс.

E-mail: munin1943@gmail.com; mounine@rambler.ru

Munin Pavel I.,
candidate of technical sciences, docent,
researcher at the laboratory
«The development of personality and health»
Institute of business administration,
Moscow-Zelenograd, Russia

SOCIAL CAPITAL OF RUSSIA IN COMPARATIVE DEMOGRAPHIC DIMENSION: A TRANSDISCIPLINARY APPROACH

Complexity research of social capital create by subjectivity and endogenous of the sociological and economical approach to the research subject make it difficult to create the practical impossibility of the social capital theory and assess its measurements. This paper is devoted to the direction that can bring the social capital study on the objectivity and exogenous path.

Keywords: social capital; sustainable development; population pyramid; transdisciplinary approach; multiplicative demographic index.

E-mail: munin1943@gmail.com; mounine@rambler.ru

Исследования социального капитала актуализировались в 1980-е годы двадцатого столетия и включали в свой состав изучение влияния социальной сплоченности и доверия в различных сообществах с точки зрения обеспечения доступности к тем или иным благам, включая здравоохранение, и природным ресурсам, например, таким как энергия [1; 6; 7]. Такая эндогенность возникновения потребностей в доступности благ порождает субъективность в обосновании оценок и построении теорий социального капитала, а также многочисленность и разнообразность его формальных определений. По этим причинам – время актуализации и разнообразие толкований – возникает представление о сверхпроцессе (суперфеномене), воспринимаемом и комментируемом различными исследователями в меру их профессиональной ориентированности и способностей, то есть субъективно.

Эндогенность и субъективность социального капитала, понимаемого терминологически как сочетание воззрений социологов и экономистов, можно преодолеть, если взглянуть на феномен социального капитала извне, то есть из окружающей любое сообщество среды. При таком подходе появляется возможность использовать уже широко известную междисциплинарную модель так называемого «устойчивого развития», принципиально решающую проблему связи социального капитала и развития, включая развитие экономическое.

Междисциплинарная модель устойчивого развития представляет собой пересечение представлений трех дисциплин – экономики, социологии и экологии (рис. 1) [5. С. 49]. Первые две из них обеспечивают экономико-социологическое и социально-экономическое описание социального капитала. Третья же позволяет вывести социальный капитал из интровертного эндогенеза и придать ему экзогенную экстравертность.

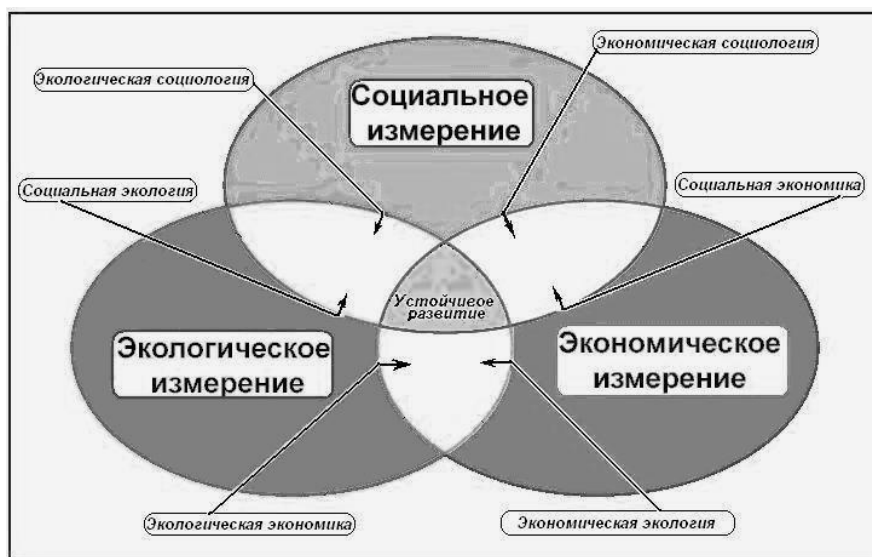

Рис. 1. Междисциплинарная схема устойчивого развития

Однако трудно ожидать создания теории социального капитала и дать его адекватное определение на основе междисциплинарного подхода, так как использование аналогичной модели для устойчивого развития все еще не привело к разработке собственно теории устойчивого развития. Более того, считается, что синтезировать такую теорию с помощью междисциплинарного подхода вряд ли удастся. Надежды создать ее сейчас связывают с холистическим трансдисциплинарным подходом.

Графическая модель трансдисциплинарного подхода также представляет собой пересечение областей дисциплинарных знаний, но представленных уже не плоскими кругами, но объемными сферическими оболочками – геосферами (рис. 2) [5. С. 50]. Такой подход трансформирует «плоские» представления в «геоцентрические» и позволяет топологически совместить «дисциплинарные геосферы» с потоками вещества, энергии и информации, пронизывающими их, что хорошо согласуется с современными моделями экосистем, в которых выделенный объект обменивается такими же потоками с окружающей средой. Базовым описанием трансдисциплинарного обмена служит соотношение, связывающее временной интервал (Δt) между измерениями (восприятиями) сигнала с частотным интервалом ($\Delta \nu$), в котором этот сигнал передается – теорема Найквиста-Котельникова (рис. 3) [4. С. 260].

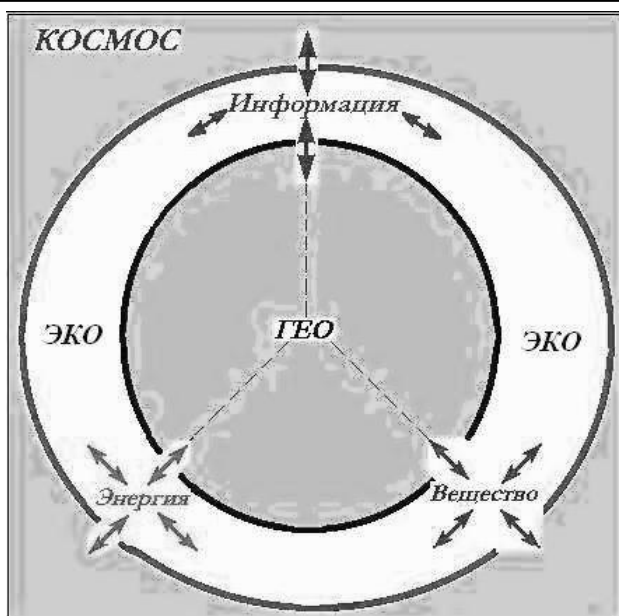

Рис. 2. Экосфера Земли

$$\Delta t \times \Delta \nu = 1$$

Рис. 3. Трансдисциплинарная формула обмена информацией

Лингвистическим отображением этой теоремы на уровне передачи информации на языках более высокого уровня, включая все естественные и специализированные языки, служит первый закон Ципфа. Согласно этому закону произведение частоты слова в достаточно длинном тексте на его ранг есть величина постоянная. Это равенство также служит предельным – минимальным – значением соотношения неопределенностей, записанного в терминах времени и частоты. Таким образом, весь суперпроцесс, упомянутый применительно к социальному капиталу, оказывается пронизанным минимальной неопределенностью, стремление к которой и составляет основу трансдисциплинарного подхода.

На глобальном уровне экологическое проявление суперпроцесса обнаруживается в окружающей среде в виде роста глобальной температуры, начиная с 1910 года. Потепление прекратилось в период 1945-80 гг., затем возобновилось (рис. 4) [4. С. 302].

Именно в этот период случились кардинальные изменения в социосфере, а именно: произошел так называемый «демографический взрыв» (рис. 5) [3. С. 234].

Этот «взрыв», удивительным образом совпал по времени с апофеозом экономических и политических усилий ряда развитых и развивающихся стран, связанных с подготовкой и проведением так называемых «ядерных испытаний» (ЯИ) (рис. 6) [3. С. 235].

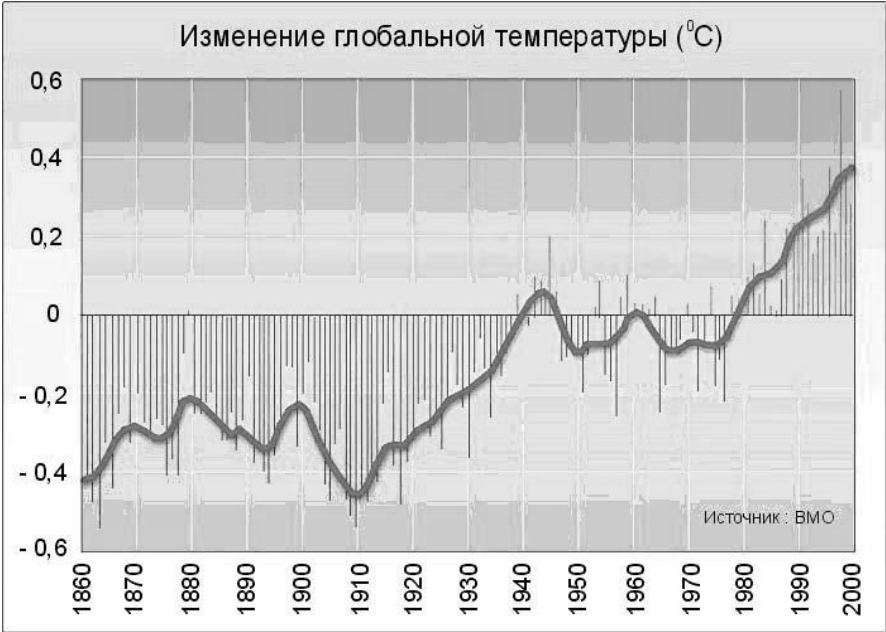

Рис. 4. Глобальное потепление

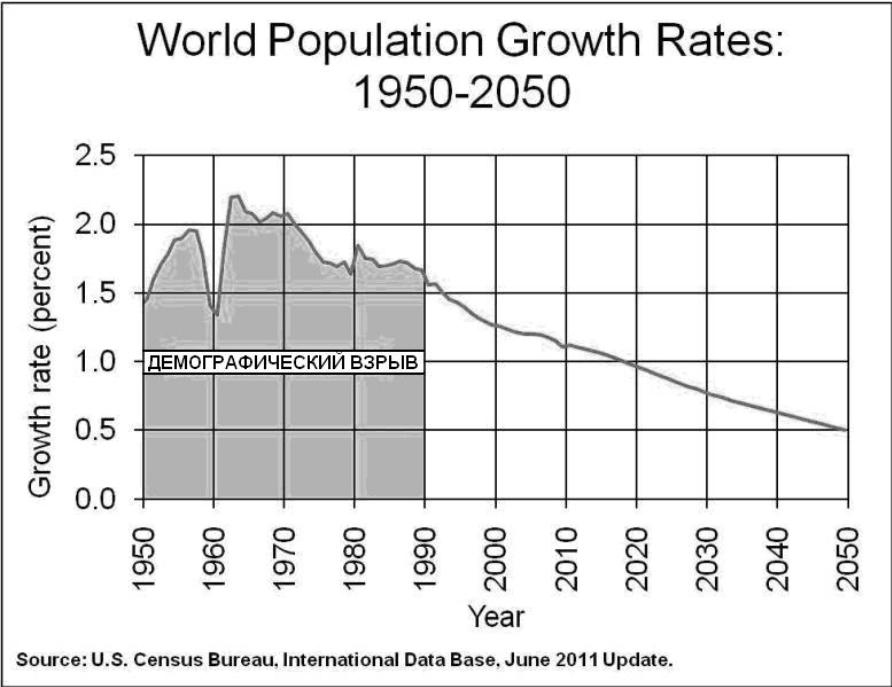

Рис. 5. Темп роста численности населения Земли

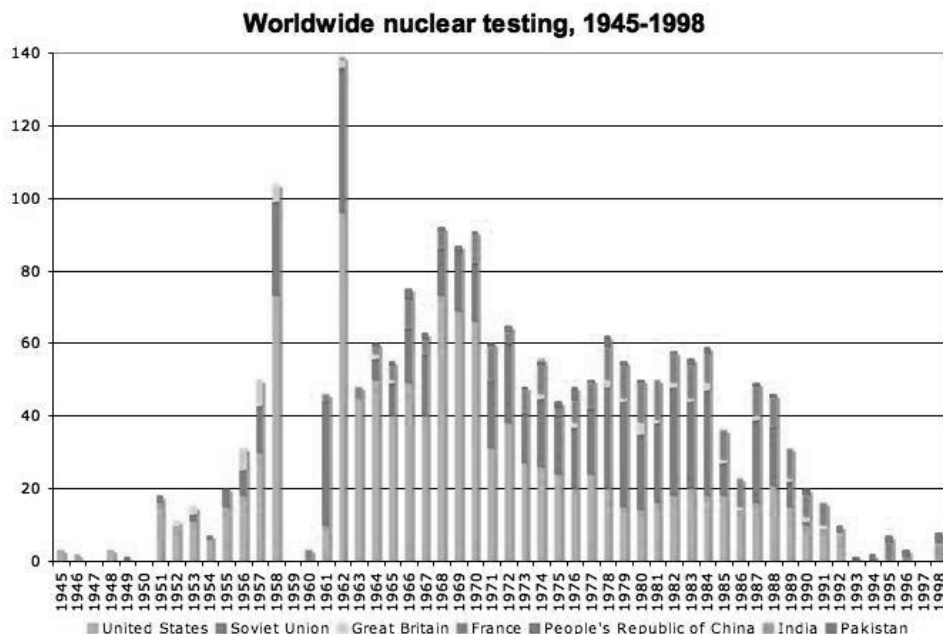

Рис. 6. Ядерные испытания в мире, 1945-1998 гг.

Названные три глобальных следа суперпроцесса легко проецируются на соответствующие экологическую, социальную и экономическую составляющие как социального капитала, так и устойчивого развития.

Логично предположить, что связь этих отпечатков между собой в прошлом веке представляла следующую цепь: люди, осваивая ядерную энергию, изобретают атомную бомбу и, производя ЯИ для устрашения других людей, экстернальным образом обогащают атмосферу Земли «глобальными радионуклидами». Вследствие обогащения, *во-первых*, нарушается процесс роста глобальной температуры и, *во-вторых*, люди, следуя принципу Ле-Шателье, и поглотив достаточное количество антропогенных радионуклидов, увеличивают рождаемость и снижают смертность.

Связь темпа роста численности населения Земли и антропогенного изменения радиационного фона из-за ЯИ, а также последующей аварии на Чернобыльской АЭС, иллюстрируется на рисунке 7 [З. С. 169].

Эта связь – радиационного фона и темпа роста численности населения существовала и раньше. Так источником – неосознаваемым – антропогенной радиоактивности в раннюю эпоху индустриализации и позже служили установки для энергетического сжигания угля, например, паровозы. Только сравнительно недавно обратили внимание на радиационные последствия сжигания угля на тепловых электростанциях, концентрирующих естественную радиоактивность сжигаемых углей в эллипсе рассеяния выбрасываемых дымов. Есть и более отдаленное радиационное влияние сжигания растительных остатков нашими предками, например, в пещерах троглодитов.

В 1980 году был произведен (в Китае) последний ядерный взрыв в атмосфере. Демографическая система в течение, примерно, 10 лет – а это период полураспада антропогенного глобального радионуклида, известного под названием Криптон-85, отреагировала и спустя 10 лет – период полураспада этого радионуклида – привела темп своего роста к уровню 1950 года.

Рис. 7. Темп роста численности населения и последствия ЯИ

Рост, тем не менее, продолжился, но с низким темпом, и, как следствие, начались качественные изменения численности населения мира. Эти изменения населения мира, связанного активными прямыми и обратными связями с окружающей средой и экономикой, хорошо видны на так называемых «пирамидах численности». И, поскольку в «пирамидах численности» представлены все без исключения люди планеты и тем самым соблюдается объективность отображения мирового сообщества, стратифицированного по возрасту и гендерным признакам (рис. 8) [8].

Возрастные когорты этих пирамид служат «демографическим» отображением «трансдисциплинарного» произведения интервалов времени и частоты (рис. 3). В этих же когортах в виде «мужской» и «женской» составляющей представлена скрытая дихотомичность – индифферентность к знаку интервалов времени и частоты – указанного выражения.

Кроме того, явно обнаруживается горизонтальная по возрастным когортам интегрированность пирамид. Вертикальная интегрированность обусловлена как генетической, так и культурной связью поколениями: в частности, передачей знания между когортами, то есть системой образования. Вдобавок ко всему, генетическая общность людей обеспечивает связность и целостность населения мира.

В целом, все основные признаки феномена «социальный капитал», отмеченные многочисленными его исследователями, а именно: связность, горизонтальная интегрированность, вертикальная интегрированность, территориальность, гендерность, структурность, когнитивность, демографичность и другие, находят свое отражение в пирамидах численности. По этой причине пирамиды численности населения могут быть названы демографическим портретом-образом – аватаром – социального капитала. В этом портрете зашифрованы результаты связей и решений всей совокупности членов сообщества. Результаты решений каждого из нас, в конечном итоге, заключаются в перемене мест или миграции, а также в реализации потенциала размножения и неизбежной кончине.

Демографические пирамиды, включая пирамиды мегаполисов, рассеяны по Земле и унифицировано подвергаются действию потоков вещества, энергии и информации. Процесс трансформации этих демографических пирамид отражает количественные и качественные

его изменения. В этом смысле пирамиды служат демоиндикаторами эколого-экономико-социального суперпроцесса. Количественные изменения заключаются в росте площади пирамид, качественные – в преобразовании «треугольников» в «прямоугольники» (рис. 9). И это происходит повсеместно.

Из информации, зашифрованной в пирамидах, можно извлечь разные индексы. Один из них – мультипликативный индекс развития (МИР или MDI – multiplicative development index), характеризующий структуру и разнообразие связей между людьми и окружающей средой, вычисляется как произведение численностей возрастных когорт, нормированный на такое же произведение, но для «прямоугольного» распределения. Прямоугольное или равномерное распределение населения по возрастным когортам с точки зрения прав человека, его здоровья и развития предпочтительней любого иного. В этом смысле оно служит, если употребить синергетическую терминологию, социальным аттрактором.

Для мирового сообщества 1980-е годы действительно оказались критическими – после продолжительного падения этот индекс MDI стал монотонно расти (рис. 9) [3. С. 238].

Эти же годы послужили стартом для исследований, посвященных социальному капиталу и осознанию необходимости перехода к устойчивому развитию.

Интересно поведение этого индекса для близкого нам мегаполиса – Москвы (рис. 10) [3. С. 145]. А также для административных округов, входящих в ее состав (рис. 11) [2. С. 61].

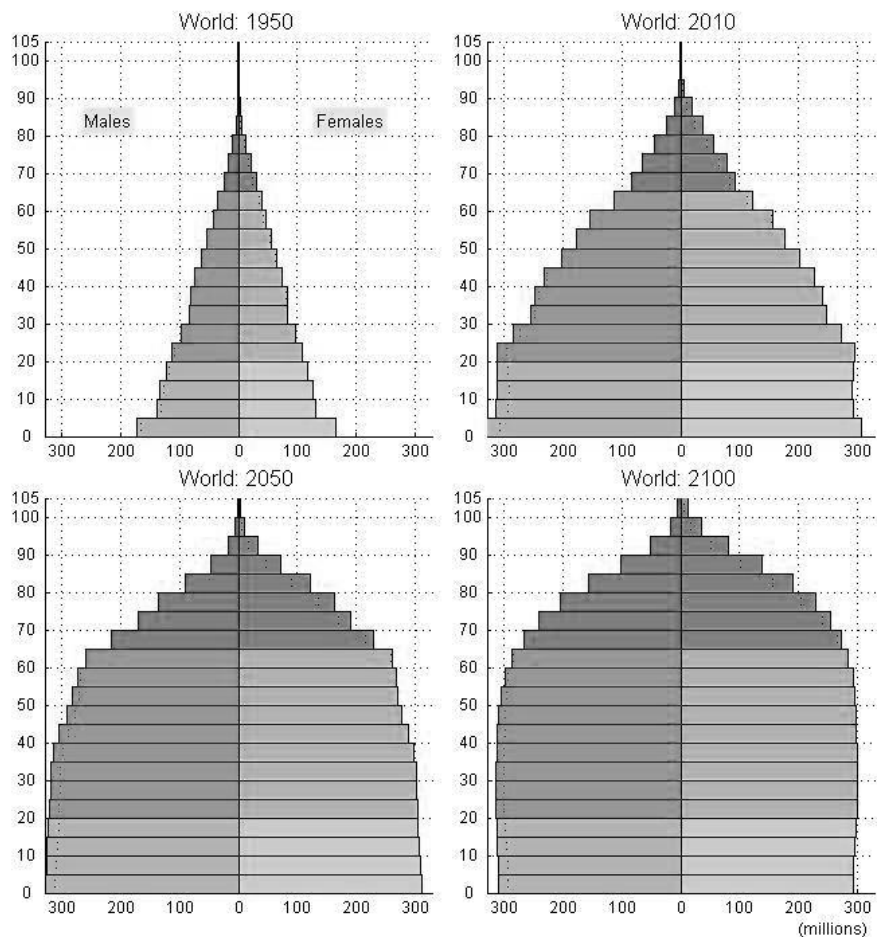

Рис. 8. Пирамиды численности населения мира

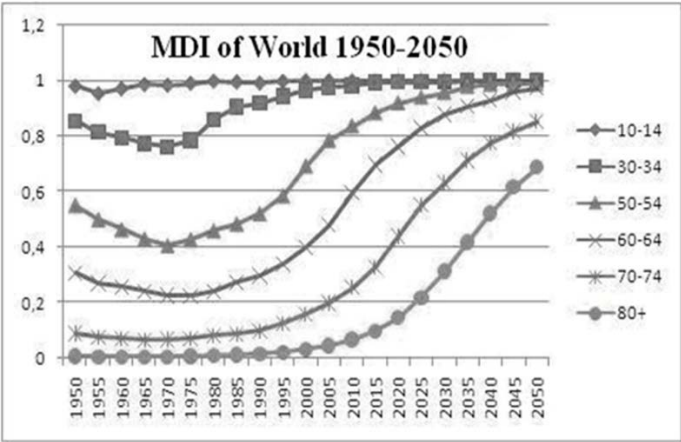

Рис. 9. Мультипликативный демографический индекс мира

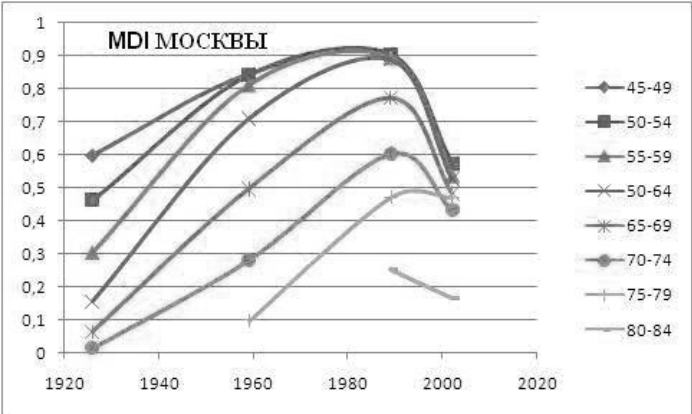

Рис. 10. Мультипликативный демографический индекс Москвы

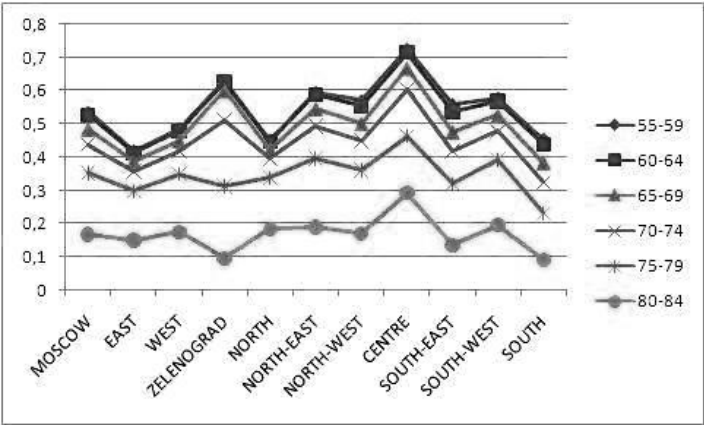

Рис. 11. Мультипликативный демографический индекс АО Москвы в 2002 г.

Многие помнят, что 1980 год, когда была подготовлена и проведена летняя Олимпиада, по ощущениям, должен был завершиться переход к коммунизму. Но – отложили! У России очень сложный график изменения этого индекса и соответственно социального капитала (рис. 12) [3. С. 145]. Положение России среди стран БРИКС в 2010 году говорит о ее несомненной развитости и высоком уровне социального капитала (рис. 13) [3. С. 163].

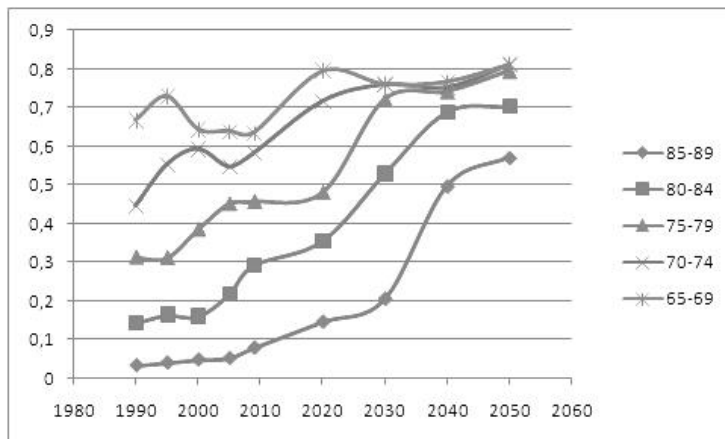

Рис. 12. Мультипликативный демографический индекс России

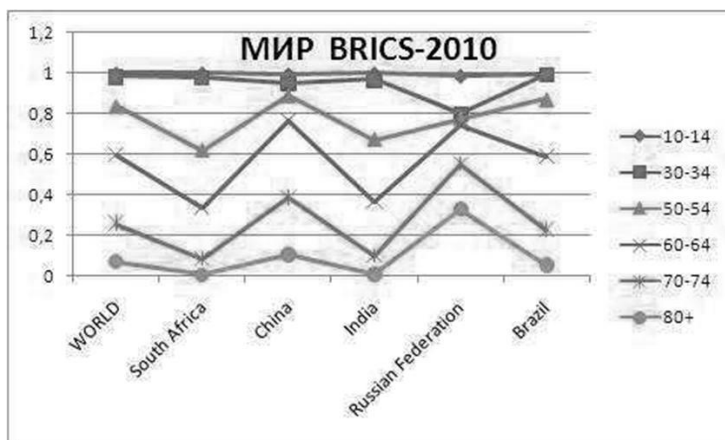

Рис. 13. МИР БРИКС

Однако поражает динамика сближения когорт активного возраста в Китае, что говорит о бурном росте качества его социального капитала.

Таким образом, трансдисциплинарный подход к решению проблемы эндогенности и субъективности социального капитала позволил придать ему предельную – общесоциальную – объективность и экзогенную экстравертность в виде демографического портрета-образа. Мультипликативные индексы, объединяющие совокупность признаков и особенностей найденного образа социального капитала, достаточно адекватно характеризуют социальный потенциал территориальных сообществ, населяющих мир в целом и различные страны, а также самый северный мегаполис – Москву и ее части.

Список литературы

1. Коньков А. Т. Социальный капитал как концепция экономической социологии и его роль в системе экономического взаимодействия // Специальность 22.00.03 – «Экономическая социология и демография» Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. – Москва: МГУ, 2006.
2. Мунин П.И. Демографическая интерпретация теории устойчивого развития общества // Труд и социальные отношения: наука, практика, образование. – 2011. – № 1 (79). – С. 53-62.
3. Мунин П.И. Основы конструктивной теории устойчивого развития общества: Неоинформационный синтез. – LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrücken, Germany: ISBN 978-3-8473-7428-2, 2012. – 262 с.
4. Мунин П.И. Теория устойчивого развития: Информационные основы. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 312 с.
5. Мунин П.И., Кочуров Б.И. Трансдисциплинарная геоэкология в демографическом контексте ноосферогенеза // Проблемы региональной экологии, 2013. – №5. – С. 48-52.
6. Чистякова В. Социальные ресурсы модернизации // Экономист. – 2010. – № 5. – С. 64-72.

Интернет источники

7. Полищук Л. И. Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/5265> (Дата обращения: 10.05.2013).
8. World Population Prospects, the 2010 Revision. – Режим доступа: <http://esa.un.org/unpd/wpp/population-pyramids/population-pyramids.htm> (Дата обращения: 10.05.2013).

Назаренко Сергей Владимирович,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры «Прикладная социология»
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В реализации демографической политики государства механизм социального контроля демографического поведения населения выполняет функцию его интеграции. Воспроизводственный характер демографического процесса обусловлен такими факторами как рождаемость и смертность, эмиграция и иммиграция. Учет их влияния на демографическую ситуацию в стране является залогом эффективной демографической политики. В статье с социологических позиций объясняется механизм функционирования социального контроля демографического поведения, обосновываются факторы, проблемы, последствия и приоритеты реализации демографической политики на современном этапе жизнедеятельности российского общества.

Ключевые слова: социальный контроль демографического поведения, демографическая ситуация, эмиграция, иммиграция, смертность, рождаемость, реализация демографической политики государства.

E-mail: svnazarenko@fa.ru

Nazarenko Sergey V.,
candidate of sociology sciences, docent,
docent of the department «Applied sociology»,
Financial university under the
Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

THE MECHANISM OF SOCIAL CONTROL IN THE IMPLEMENTATION OF DEMOGRAPHIC POLICY

The implementation of the population policy of the state mechanism of social control of the demographic behavior of the population serves as its integration. Reproduction of the process due to the nature of demographic factors such as fertility and mortality, emigration and immigration. Taking into account their influence on the demographic situation in the country is the key to an effective population policy. The article from a sociological point explained the functioning mechanism of social control of demographic behavior, justified factors, problems, consequences and priorities for the implementation of population policy at the present stage of life of Russian society.

Keywords: social control of demographic behavior, demographics, emigration, immigration, mortality, fertility, the implementation of population policy.

E-mail: svnazarenko@fa.ru

Состояние социально-демографических явлений и процессов в современном российском обществе является следствием реализации демографической политики государства последнего столетия. Би-триадное социальное взаимодействие, с одной стороны, в рамках института брака – «мужчины-женщины-государство», с другой стороны, в рамках института семьи (нуклеарной) – «родители-дети-государство», отражает содержание и функциональную (явную и латентную) направленность брачных и семейных отношений. Так, в брачном или семейном контексте при минимизации (принижении) функций одного из трех социальных субъектов или даже исключения его из трехсторонних отношений неизбежно инициируется ряд разного рода социально-демографических противоречий, влекущих за собой широкий спектр социально-демографических проблем, которые представлены *четырьмя группами*.

Первая группа – снижение рождаемости. На современном этапе в России среднее количество детей, рожденных женщиной в течение жизни равно 1-2 ребенка. При этом, если в зарегистрированном государственным органом браке высока доля женщин, рожаящих 1-2 и более детей, то в гражданском браке – высока доля женщин, не рожаящих детей или рожаящих одного ребенка, максимум двух детей (в исключительных случаях). Рождаемость как статистический показатель, фиксирующий количество рождений (за определённый период на 1000 жителей), фиксирует тренд демографической ситуации в обществе. Для стабильного роста рождаемости экономические меры государственной поддержки семьи являются необходимыми, но не достаточными условиями демографического воспроизводства населения страна ($k \geq 2,1$). Бесспорно, что репродуктивное поведение зависит от материальных факторов, но больше всего оно зависит от репродуктивных социокультурных установок, поощряемых (культивируемых) обществом как макросредой, так и контактной социальной группой, контактным социальным окружением – микросредой [9. С. 608-609].

Вторая группа – увеличение смертности. В России около 11-15 смертей за год на 1000 человек. Смертность как статистический показатель, фиксирующий количество смертей в обществе, является следствием и характеризует состояние:

- а) уровня развития системы здравоохранения;
- б) уровня благосостояния населения;
- в) профиль половозрастной структуры населения.

Заблаговременное выявление причин смертности и минимизация их влияния на жизнедеятельность человека является приоритетом социальной политики государства в области снижения смертности [8. С. 78-81]. При этом ее направлениями являются создание условий снижения влияния внешних (экзогенных) и внутренних (эндогенных, в том числе квазиэндогенных как накопленных) воздействий на человека, его физический, психический и социальный уровень жизни, трудовой (в том числе социально-профессиональной) деятельности и общения.

Третья группа – увеличение эмиграции (от лат. *emigro* – «выселяюсь») – переселения населения в другую страну по социально-экономическим, социально-политическим, семейным, личным и иным обстоятельствам. Не следует забывать, что за последние 100 лет в российское общество пережило четыре волны эмиграции: первая – Белая эмиграция (20-е годы XX века); вторая – эмиграция во время войны (1941–1944 гг.); третья – эмиграция эпохи «холодной войны» (1948–1990 гг.); четвертая – современная эмиграция (1990 г. – н/вр.), преимущественно связанная с «утечкой мозгов» и «утечкой трудовых ресурсов». С начала 1990-х гг. эмиграционному процессу в российском обществе присущ тренд уменьшения количества выезжающих для проживания за пределами страны. Смена постоянного места жительства отдельных соотечественников была вызвана различными причинами. Это были:

- а) война (гражданская, I и II мировая);
- б) низкий уровень качества жизни (голод, бедность);
- в) политические репрессии 30–50-х годов XX века;

- г) этнические конфликты;
- д) межконфессиональные противоречия;
- е) природные и экологические катастрофы;
- ж) воссоединение семьи;
- з) дискриминация (национальная, религиозная, социальная и т. д.);
- и) трудности или невозможность получить образование, профессию, работу;
- к) трудности в реализации творческих, профессиональных, экономических, политических и иных личных планов [2. С. 81].

Четвертая группа – увеличение иммиграции (от лат. *immigro* — «вселяюсь») – вызванной социально-экономическими (привлечение трудовых ресурсов, человеческого капитала или желание индивида жить в более комфортных условиях, улучшить свой уровень благосостояния, иметь высокооплачиваемую работу и др.) или социально-политическими (избегание преследований, стремление жить в условиях политической стабильности и др.) причинами – легальный или нелегальный въезд населения других стран в Россию на временное или постоянное проживание. Социально-исторически Россия изначально представляла собой центр иммиграции. Значительный рост территории страны (XVII-XVIII вв.) стал привлекательным для иммигрантов из Европы. Иммиграционный процесс, в значительной степени инициированный Петром I имел положительный тренд вплоть до 20-х гг. XX века. Современная иммиграция в страну оказывает влияние на динамику численности и формирование социальной структуры современного российского общества. Половозрастная структура современной трудовой иммиграции характеризуется преимущественно преобладанием в числе переселенцев мужчин молодого и среднего возраста. Если с середины девяностых до середины «нулевых» годов иммиграция в Россию с стремительно каждым годом уменьшалась, то с середины «нулевых» по настоящее время – она хотя и небольшими темпами, но неуклонно растет. Российская Федерация как государство становится вновь привлекательным местом проживания не только для граждан государств бывших «союзных республик», но и граждан других стран с развивающейся и развивающей экономикой (доля небольшая, но тренд положительный), стран практически из всех континентов.

На фоне того, что в мире, если до 80 % иммигрантов принимают США, Канада, Австралия, Россия (среднегодовое значение – 200-250 тыс. в год), Франция, Южная Корея, Япония, Швеция, Великобритания, Германия, а до 80 % эмигрантов отдают Китай, Арабский мир, Индия, Пакистан, Россия (среднегодовое значение – около 200 тыс. в год), Узбекистан, Африка, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия, Украина, то Россия является единственной страной мира – центром как иммиграции, так и эмиграции. Не требующей отлагательств становится проблема формирования отечественной государственной иммиграционной политики, включающей вопросы от социально-правового статуса личности иммигранта (членов его семьи, особенно детей в части их школьного и профессионального обучения, трудоустройства) до его социокультурной интеграции в российский социум [4. С. 86-88].

Увеличение миграционного прироста и сокращение миграционного оттока из России за границу двуединая задача, также как увеличение естественного прироста посредством увеличения рождаемости и снижение смертности. Увеличение миграционного прироста способно компенсировать естественную убыль, но не заменить прирост [10. С. 153-154].

На современном этапе не только в России базовый социальный институт семьи испытывает сильное влияние со стороны как экономики и политики общества, так и со стороны культуры и социума общества. Тем не менее, если посредством культуры российского общества непрерывно осуществляется социализация людей, проживающих на территории страны, то посредством социума российского общества – социальный контроль. Так, две подсистемы общества – подсистема социализации и подсистема социального контроля – формируя, исправляют и, исправляя, формируют личность каждого человека (гражданина РФ и не гражданина

РФ, но проживающего на территории страны) как члена современного российского общества. При этом, каждый имея семью, стремится иметь более высокий уровень:

- а) материального достатка (благополучия);
- б) власти, славы и могущества;
- в) профессионального образования;
- г) удовлетворенности социально-профессиональной (трудовой) деятельности и общения.

Массовый характер достижения данных личностных целей индивида свидетельствует о привлекательности жизни и деятельности в обществе, и наоборот. Высокий уровень качества жизни населения является залогом демографического воспроизводства общества, и наоборот. Социально-экономические условия не всегда бывают благоприятными, вследствие различного рода экономических кризисов и политической нестабильности, и поэтому от органов государственной и муниципальной власти востребовано в условиях ограниченности ресурсов осуществление эффективной рационально-гуманной демографической политики. Одним из основных инструментов является социальный контроль.

Средствами регулирования взаимодействий социальных субъектов в демографической сфере общества являются социальные институты – реальные нормы-правила поведения и контроль их соблюдения. Это моральные и правовые нормы: а) фиксирующие демографические явления и процессы в обществе; б) выступающие как средства неформального и формального контроля демографического поведения личности, социальных групп (общностей), общества в целом. Они определяют два вида обязательств (обязанностей) – моральные и правовые (конвенциональные, договорные). Формальный (официальный) и неформальный (неофициальный) контроль – механизм их исполнения. Нормы-правила выступая образцами, стандартами, допустимыми границами социального поведения субъектов в демографической сфере взаимодействий призваны, прежде всего, «программировать», формировать демографическое поведение личности в направлении, удобном как обществу, так и государству, их интересам. Именно поэтому социальный контроль демографического поведения является средством обеспечения стабильного функционирования личности в обществе (государстве) в соответствии с предписанием либо норм морали, либо норм права. Он, как циклический процесс, включает этапы: *первый* – сбор и анализ информации о соответствии демографического поведения социального субъекта (общества, общности, социальной группы, индивида) установленным для него стандартам; *второй* – формулирование вывода о соответствии/несоответствии поведения контрагентов заданным стандартам и указание причин, повлекших за собой отклонение. Непосредственными средствами обеспечения воспроизводства востребованного демографического поведения личности (на микроуровне) и воспроизводства востребованных демографических явлений и процессов в обществе (на макроуровне) являются социальные оценки и социальные санкции: а) вознаграждение (одобрение); б) наказание (осуждение). Данный подход позволяет рассматривать социальный контроль как механизм оценки и санкционирующего воздействия социальной организации общества и его институтов деятельности социальных групп (общностей) и поведения индивидов в целях приведения реальных общественных отношений в соответствие с нормативно-ценностными требованиями и ожиданиями общества. Таковыми являются: *во-первых*, увеличение рождаемости; *во-вторых*, снижение смертности (увеличение продолжительности жизни человека); *в-третьих*, увеличение иммиграции; *в-четвертых*, уменьшение эмиграции.

Механизм функционирования социального контроля в демографической сфере включает в себя совокупность агентов и контрагентов контроля, явлений и процессов, в которые они вовлечены и находятся в определенной взаимосвязи и взаимозависимости, что обеспечивает функционирование и развитие, то есть демографическое воспроизводство общества (рис. 1). При этом данный механизм: а) имеет ограниченный диапазон действия, который связан

только с нарушениями или вариативными отклонениями (девиациями и новациями) от социальных норм-правил демографического воспроизводственного поведения; б) представляет собой систему ограничений, распространяющихся на взаимодействия социальных субъектов разных типов и уровней, результатом деятельности которых выступает удовлетворение конкретной демографической потребности общества; в) регулируется, с одной стороны, формальными и неформальными нормами-правилами взаимодействий в демографической сфере, а с другой стороны – социальным статусом и культурными особенностями субъектов взаимодействий, их демографическими интересами и возможностями.

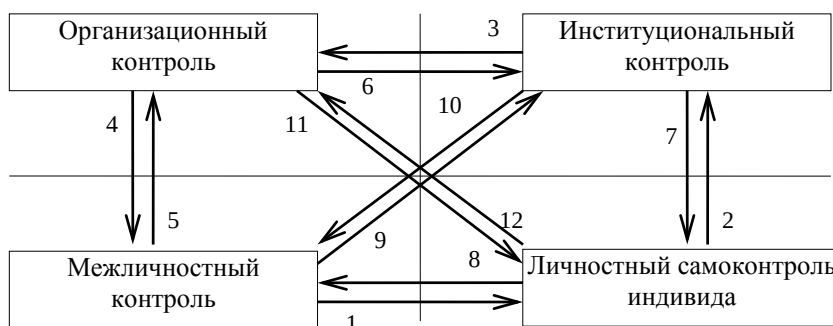

Рис. 1. Структурные элементы механизма функционирования социального контроля

Структурные элементы – это методы осуществления социального контроля демографического поведения (жизнедеятельности) индивида в обществе. В зависимости от социально-демографической ситуации один является основным, а остальные – вспомогательными. В контексте двух альтернативных социологических теорий (теории социальных институтов и организаций и теории социальных групп и общностей) ими являются следующие виды контроля.

1. *Институциональный или нормативный (межгрупповой) контроль.* Это механизм доступности средств при целедостижении. Он понимается как процесс обеспечения индивида средствами, с помощью которых ему предоставляется возможность удовлетворения основных видов потребностей, достижения целей. Достижение целей в воспроизводстве нормативного и общеразделяемого поведения индивида возможно при приоритете санкционирования, ориентированного на получение его конечного социального эффекта – создание благоприятных социально-демографических условий, обеспечивающих минимизацию демографических девиаций и максимизацию демографических новаций. Этот контроль решает демографические проблемы создания возможности достижения целей социальной организации (организации демографических взаимодействий индивидов) за счет расширения демографических возможностей индивидов удовлетворить свои потребности, достичь личные цели. Функциональная направленность (ориентированность) институционального контроля включает в себя аспекты: а) *политический* – ориентирован на воспроизводство демографической деятельности, обусловленной отношениями подчинения или руководства между субъектами социально-демографического взаимодействия; б) *экономический* – ориентирован на воспроизводство демографической деятельности, обусловленной ограничением или расширением прав на демографические блага.

2. *Организационный (групповой) контроль* представляет собой непосредственный процесс санкционирования индивида по итогам оценки его взаимодействия или результатов взаимодействий, то есть процесса или результата деятельности. Социальные субъекты, обла-

дающие правом оценки деятельности соподчиненного субъекта и применения к нему санкций, нормативно ограничивают взаимодействие индивида с социальной организацией. Они решают проблемы оперативного внешнего реагирования на социальное отклонение (демографическую новацию или девиацию), отличающееся от нормативного (идеального). Функциональная направленность (ориентированность) организационного контроля включает в себя аспекты: а) *формальный* – ориентирован на воспроизводство деятельности, обусловленной мягкими (вознаграждение) или жесткими (наказание) санкциями, применяемыми социальными субъектами в правовом поле взаимодействия; б) *неформальный* – ориентирован на воспроизводство демографической деятельности, обусловленной толерантностью или ригоризмом в демографических отношениях между субъектами социально-демографического взаимодействия.

3. *Межличностный (внутригрупповой или референтный) контроль* – это процесс самоопределения индивидом своего места в социально-демографическом пространстве. Индивид, интегрируясь в социальную организацию (организацию демографических взаимодействий индивидов), вольно или невольно включается во взаимодействие с социальным окружением (индивидами, занимающими социальный статус и исполняющими роли). Идентифицируя себя с референтной средой, он одновременно вынужден учитывать весь ее потенциальный и реальный комплекс социальных реакций, то есть средств, санкционирующих воздействий за отклонение от норм. Задача этого механизма – воспроизводство демографических образцов социальных реакций референтной группы, которые побуждают или принуждают индивида к социальному действию или бездействию в демографической сфере жизнедеятельности общества. Функциональная направленность (ориентированность) межличностного контроля включает в себя аспекты: а) *групповой* – ориентирован на воспроизводство демографической деятельности, обусловленной слабым или сильным взаимным групповым давлением социальных субъектов образующих круг контактного социального окружения; б) *этический* – ориентирован на воспроизводство демографической деятельности между субъектами социально-демографического взаимодействия вокруг консолидирующей демографической ценности, а именно, ценности семейного труда или семейной жизни человека.

4. *Личностный самоконтроль индивида (внутренний контроль индивида)* – это процесс, обеспечивающий перевод ценностей и норм в ценностно-нормативный демографический стандарт, который является регулятором демографического поведения индивида. Предлагаемая социальным институтом система социальных ограничителей демографического поведения (деятельности), частично или полностью ставшая внутренней его потребностью, определяет его демографическую ориентацию на удовлетворенность при ее исполнении. Функциональная направленность (ориентированность) личностного самоконтроля индивида включает в себя аспекты: а) *моральный* – ориентирован на воспроизводство нравственной демографической деятельности, мотивированной моральными побуждениями субъекта, приносить социальную пользу (добро, благо) всем или социальную пользу (добро, благо) только избранным участникам социально-демографического взаимодействия, в том числе в исключительных случаях преднамеренно или непреднамеренно приносить социальный вред (зло) другим; б) *правовой* – ориентирован на воспроизводство законопослушной демографической деятельности, обусловленной законодательными или конституционными социально-демографическими правами и обязанностями субъектов социального взаимодействия [5. С. 110-114].

Итак, социальный контроль демографического поведения – это целостная система субмеханизмов (технологических способов обеспечения социального порядка в демографической сфере жизнедеятельности общества) и их взаимосвязей [6. С. 346-351].

Теоретическая интерпретация (указанных на рис. 1) 12 связей позволяет проследить их взаимозависимость на основе соблюдения базовых *четырёх принципов*: первый – усиление

внешнего контроля ослабляет внутренний контроль; второй – усиление внутреннего контроля усиливает внешний контроль; третий – ориентация на средства снижает ориентацию на цель; четвертый – ориентация на цель повышает ориентацию на средства. Соблюдение этих принципов в процессе социологического объяснения позволяет на теоретическом уровне определить не только технологическую функциональную направленность каждого структурного элемента механизма социального контроля, но и сравнить ее с другими.

При этом, не все связи отражают одинаковую взаимозависимость между внутренними механизмами социального контроля: а) для связей 2, 3, 5, 8, 9, 12 характерна *положительная обратная зависимость*, согласно которой увеличение (уменьшение) масштабов одного контроля необратимо ведет к увеличению (уменьшению) масштабов другого контроля; б) для связей 1, 4, 6, 7, 10, 11 характерна *отрицательная обратная зависимость*, которая свидетельствует о том, что увеличение (уменьшение) масштабов одного контроля ведет к уменьшению (увеличению) масштабов другого. Так, конкретно каждая связь указывает, что:

- с усилением межличностного контроля ослабляется личностный самоконтроль индивида, и, наоборот, с ослаблением межличностного контроля усиливается личностный самоконтроль индивида (связь 1);
- с усилением личностного самоконтроля индивида усиливается институциональный контроль, и, наоборот, с ослаблением личностного самоконтроля индивида ослабляется институциональный контроль (связь 2);
- с усилением институционального контроля усиливается организационный контроль, и, наоборот, с ослаблением институционального контроля ослабляется организационный контроль (связь 3);
- с усилением организационного контроля ослабляется межличностный контроль, и, наоборот, с ослаблением организационного контроля усиливается межличностный контроль (связь 4);
- с усилением межличностного контроля усиливается организационный контроль, и, наоборот, с ослаблением межличностного контроля ослабляется организационный контроль (связь 5);
- с усилением организационного контроля ослабляется институциональный контроль, и, наоборот, с ослаблением организационного контроля усиливается институциональный контроль (связь 6);
- с усилением институционального контроля ослабляется личностный самоконтроль индивида, и, наоборот, с ослаблением институционального контроля усиливается личностный самоконтроль индивида (связь 7);
- с усилением личностного самоконтроля индивида усиливается межличностный контроль, и, наоборот, с ослаблением личностного самоконтроля индивида ослабляется межличностный контроль (связь 8);
- с усилением межличностного контроля усиливается институциональный контроль, и, наоборот, с ослаблением межличностного контроля ослабляется институциональный контроль (связь 9);
- с усилением институционального контроля ослабляется межличностный контроль, и, наоборот, с ослаблением институционального контроля усиливается межличностный контроль (связь 10);
- с усилением организационного контроля ослабляется личностный самоконтроль индивида, и, наоборот, с ослаблением организационного контроля усиливается личностный самоконтроль индивида (связь 11);
- с усилением личностного самоконтроля индивида усиливается организационный контроль, и, наоборот, с ослаблением личностного самоконтроля индивида ослабляется организационный контроль (связь 12).

Практическое значение данной интегральной модели заключается в том, что при принятии управленческого решения в сфере демографической политики она позволяет органам государственной власти: *во-первых*, выбрать и применить максимально действенную технику контроля, которая адекватна: а) социально-демографической ситуации (условиям и обстоятельствам); б) социально-демографическому поведению граждан; *во-вторых*, установить реальные взаимосвязи между различными демографическими аспектами контролирующей деятельности в рамках реализации демографической политики в обществе; *в-третьих*, сформировать «банк данных» востребованных социально-демографических технологий контроля демографического поведения (деятельности) населения страны.

Социальный контроль в демографической сфере жизнедеятельности общества – это интегративная совокупность оценочных и санкционирующих воздействий системы субъектов контроля, обусловленных функционированием его внутренних и внешних механизмов, направленных на приведение демографического поведения личности в соответствие с социально-демографическими ценностями и нормами социальных институтов регулирующих демографические явления и процессы, такие как: а) рождаемость; б) смертность; в) эмиграция; г) иммиграция (рис. 2).

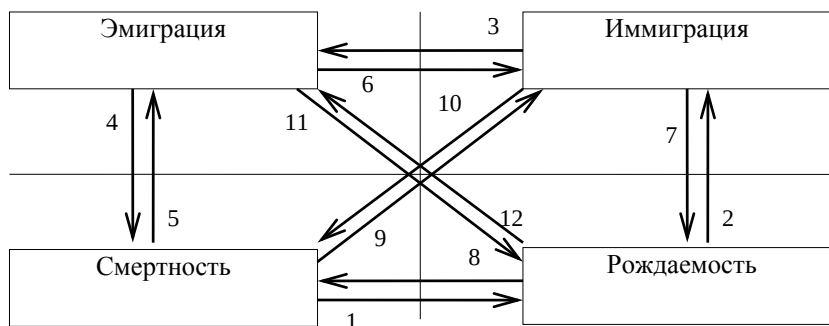

Рис. 2. Функциональная направленность социального контроля в реализации демографической политики

Социологические основы объяснения и понимания механизма функционирования социального контроля демографического поведения населения являются исходным положением при выявлении не только приоритетов демографической политики государства, но и ее последствий. Так:

- с увеличением смертности уменьшается рождаемость в обществе, и, наоборот, с уменьшением смертности увеличивается рождаемость в обществе (связь 1);
- с увеличением рождаемости увеличивается иммиграция в общество, и, наоборот, с уменьшением рождаемости уменьшается иммиграция в общество (связь 2);
- с увеличением иммиграции увеличивается эмиграция из общества, и, наоборот, с уменьшением иммиграции уменьшается эмиграция из общества (связь 3);
- с увеличением эмиграции уменьшается смертность в обществе, и, наоборот, с уменьшением эмиграции увеличивается смертность в обществе (связь 4);
- с увеличением смертности увеличивается эмиграция из общества, и, наоборот, с уменьшением смертности уменьшается эмиграция из общества (связь 5);
- с увеличением эмиграции уменьшается иммиграция в общество, и, наоборот, с уменьшением эмиграции увеличивается иммиграция в общество (связь 6);

- с увеличением иммиграции уменьшается рождаемость, и, наоборот, с уменьшением иммиграции увеличивается рождаемость в обществе (связь 7);
- с увеличением рождаемости увеличивается смертность, и, наоборот, с уменьшением рождаемости уменьшается смертность в обществе (связь 8);
- с увеличением смертности увеличивается иммиграция в общество, и, наоборот, с уменьшением смертности уменьшается иммиграция в общество (связь 9);
- с увеличением иммиграции уменьшается смертность, и, наоборот, с уменьшением иммиграции увеличивается смертность в обществе (связь 10);
- с увеличением эмиграции уменьшается рождаемость, и, наоборот, с уменьшением эмиграции увеличивается рождаемость в обществе (связь 11);
- с увеличением рождаемости увеличивается эмиграция, и, наоборот, с уменьшением рождаемости уменьшается эмиграция из общества (связь 12).

В основе механизма функционирования социального контроля демографического поведения лежит основное противоречие социального мира – противоречие между агентом и контрагентом контроля. Постоянное взаимодействие этих противоположностей составляет импульс, источник, движущую силу качественно-количественного демографического развития страны. Однако, при этом сам механизм функционирования социального контроля изначально ориентирован на разрешение актуализирующихся противоречий между индивидом, его демографическим поведением, и обществом, его демографической сферой социальных взаимодействий всех индивидов, в том числе государством, его демографической политикой. Оказывая регулятивное воздействие на социально-демографические явления и процессы, агенты и «агентства» контроля не только исключают, нейтрализуют социально-демографические условия (причины), способствующие инициации противоречий. Их функциональность определяется тем, чтобы актуализировавшиеся социально-демографические противоречия не достигли максимальной степени антагонизма или аномии в обществе.

В их число, прежде всего, входят: 1) противоречия между социально-демографической жизнедеятельностью индивида и жизнедеятельностью общества, государства и его демографической политикой (*класс*); 2) противоречия между социально-демографическим образом жизни личности и образом жизни общества, государства в целом (*род*); 3) противоречия между индивидуальным сознанием личности и коллективным социально-демографическим сознанием общества (*вид*); 4) противоречия между реальным исполнением/не исполнением норм-правил демографического поведения и действующими юридическими (правовыми) нормами государства и доминирующими моральными нормами общества (*подвид*).

На механизм социального контроля реализации демографической политики государства влияют:

- *объективные факторы*, то есть те социально-демографические факторы, которые не только изначально заложены в самой природе генезиса и трансформации российского общества, но и современные достижения его социально-демографической эволюции, непосредственно ее результаты. В их числе: уровень социально-демографического развития россиян; качественно-количественные характеристики социально-демографической инфраструктуры, образующей условия демографического воспроизводства общества; содержание и функциональный характер социально-демографического поведения (деятельности); форма организации демографической деятельности граждан в пределах государства; форма распределения и обмена ресурсов, сложившаяся между индивидом, его семьей и обществом; система социально-демографических отношений: репродуктивных и витальнообеспечивающих, иммиграционных и эмиграционных; демографические ценности, нормы-запреты, нормы-обязанности, нормы-права (льготы, привилегии), которые

определяют нормы-правила демографического поведения (деятельности) личности; социальные ценности, являющиеся доминирующими в российском обществе, в том числе контактной социальной общности (группе);

- *субъективные факторы*, под которыми понимаются формы целенаправленного (осознанного и сознательного) демографического поведения (деятельности) индивида по обеспечению упорядоченности и организованности социально-демографических отношений в обществе. В их числе: уровень осознания личностью демографических идеалов, идей, ценностей и норм-правил поведения; генетическое тяготение индивида при взаимодействии к разрешению противоречий, решению актуализировавшихся демографических проблем; предрасположенность к выбору из социально-демографических альтернатив, одной – наиболее предпочтительной; в социально-демографических взаимоотношениях обязательное соответствие ценностно-ориентированного социального действия индивида с социокультурным уровнем социально-демографического развития россиян.

Результаты социологического изучения (в контексте AGIL – парадигмы) социального контроля реализации демографической политики государства показали, что перечисленные факторы лежат в основе [7. С. 312-314]:

- а) с одной стороны, *организационных проблем*, обуславливающих низкую эффективность социального контроля демографического поведения населения. Это, прежде всего: недостаточно проработанная в законодательном плане нормативная база, регламентирующая контрольную деятельность субъектов контроля, их обязанности и ответственность за реализацию статусных (должностных, служебных) полномочий, а также за результаты выполнения возложенных задач по социально-демографическому воспроизводству населения страны (**L**); отсутствие общей и частных (применительно к конкретным социально-демографическим условиям и социально-демографическим группам) методик формирования системой «агентств» и агентов государственного и гражданского контроля внутреннего самоконтроля личности относительно своего демографического поведения (деятельности) (**I**); недостаточная способность (неспособность) существующей государственной и общественной системы оценки эффективности социально-демографической деятельности граждан адекватно вознаграждать индивидуально каждого за достигнутые результаты в демографической сфере жизнедеятельности россиян (**G**); нерациональность распределения задач контрольной деятельности, полномочий и ответственности между субъектами («агентствами» и агентами) государственного и общественного контроля демографического поведения россиян (**A**);
- б) с другой стороны, *личностных проблем*, обуславливающих низкую эффективность контролируемости личности, демографического поведения (деятельности) отдельно взятого гражданина. Это, прежде всего: усиление ценностных ориентаций, коррелирующих с ценностями институтов рыночной экономики, определяющих получение социальной «прибыли» за исполнение так условно называемого демографического труда (**L**); относительные неспособность (непредрасположенность), неумение (неподготовленность) и нежелание (немотивированность) граждан проявлять тип активного социально-демографического поведения (деятельности) (**I**); недостаточный уровень понимания важности и необходимости разграничения и единения самоидентификации индивида как человека, воспроизводящего себе подобных людей, и как личности – члена социальной группы, общности и общества (**G**); усиление прагматизма (рационализма) при одновременном ослаблении социальности (гуманизма) (**A**).

При этом, российскому обществу присущ ряд мировых тенденций относительно:

- *смертности*: а) доля смертности снижается среди молодого поколения, но возрастает среди старшего поколения; б) доля смертности снижается из-за экзогенных причин (несчастные случаи – травматизм, убийства, суицид), но возрастает из-за эндогенных, в

том числе квазиэндогенных; в) в числе причин смертности до 60% случаев связаны с болезнью сердечно-сосудистой системы, 15% – с онкологией, около 5% – с болезнью органов дыхания, около 5% – с болезнью органов пищеварения (сахарный диабет), около 5% – иными заболеваниями;

- *рождаемости*: а) малодетность семей, а именно среднее количество детей, рождённых женщиной за жизнь, снижается; б) рост доли внебрачных рождений; в) в сельских поселениях рождаемость выше, чем в городских поселениях (особенно мегаполисах); г) увеличение среднего возраста первого рождения; д) рост, вследствие различных причин (контрацепция, аборты, воздержание), отказов от рождения детей; е) снижение социальных взаимосвязей между членами семьи;

Если число родившихся на 1000 человек населения России в 1913 году составляло $k = 47,5$, то в 2014 – $k = 13,3$. За 100 лет коэффициент рождаемости уменьшился почти в 3 раза. Если число умерших на 1000 человек населения России в 1913 году составляло $k = 30,5$, то в 2014 – $k = 13,1$. За 100 лет коэффициент смертности уменьшился почти в 2,3 раза. Если естественный прирост на 1000 человек населения России в 1913 году составлял $k = 17,0$, то в 2014 – $k = 0,2$. За 100 лет коэффициент естественного прироста уменьшился почти в 34 раза.

Сложившаяся социально-демографическая ситуация востребует реализацию таких направлений социально-демографической политики государства как: а) «омолаживание» населения страны посредством стимулирования рождаемости, снижения младенческой (от 0 до 1 года) и детской (от 1 года до 15 лет) смертности, минимизации условий способствующих свершению несчастных случаев; б) увеличение удельного веса в населении страны трудовых иммигрантов; в) достижение высокого уровня здравоохранения, обеспечивающего увеличение срока жизни, как женщин, так и мужчин (увеличения средней продолжительности жизни свыше 60,4 года у мужчин и свыше 73,3 года у женщин); г) достижение высокого уровня жизни, высокого уровня ВВП на душу населения, способствующего качественно-количественному снижению эмиграции.

Следует признать, что социальный контроль демографического поведения россиян будет эффективным только тогда, когда будут органами государственной и муниципальной власти учтены закономерности социальной регуляции демографической деятельности индивида. Исходя из этого, актуальным является решение *триединой задачи*: *во-первых*, дальнейшее развитие социологической теории социального контроля демографического поведения личности, а также методологических и методических основ его изучения, уточнения категориально-понятийного аппарата; *во-вторых*, профессиональная подготовка агентов социального контроля (государственных и муниципальных служащих) по вопросу овладения научными основами осуществления контроля и контрольной деятельности ориентированной на выявление и культивирование (популяризацию) демографических новаций или минимизацию (элиминирование) девиаций; *в-третьих*, оптимизация реально существующего социального контроля демографического поведения россиян и деятельности государственных и муниципальных органов власти в демографической сфере жизнедеятельности российского общества. Результатом ее решения должно быть повышение качественно-количественного уровня функциональности, с одной стороны, государственного и общественного контроля демографических явлений и процессов в Российской Федерации, а с другой стороны, контролируемости контрагентов контроля, то есть граждан страны, непосредственно или опосредованно вовлеченных в демографическую сферу жизнедеятельности российского общества и государства.

Исходя из того, что основным противоречием социального контроля является противоречие (реальное или потенциальное) между интересами агента контроля (по определению представляющего интересы организации – общества и государства) и интересами контр-

агента контроля, следует, что необходимо дифференцировано для каждого из них определить приоритеты совершенствования демографической политики российского государства и общества. Так, в конструировании максимально функциональной системы социального контроля в качестве основных могут и должны выступать следующие приоритеты.

- 1) *организационные*: гласность, обеспечивающая население страны достоверной информацией о результатах контроля и контрольной деятельности социально-демографической ситуации (**L**); перспективность контроля, то есть соорганизованность внешнего (общественного и государственного, в том числе муниципального) контроля и внутреннего контроля (социального самоконтроля личности) (**I**); действенность основных видов (общественного и государственного) и форм (правового – формального и морально-этического – неформального) контроля (**G**); оптимальность контрольной деятельности специализированных, относительно специализированных и неспециализированных «агентств» и агентов контроля демографического поведения граждан (**A**);
- 2) *личностные*: законность, исключающая не только «чиновничий произвол» или «нравственную черствость» в функционировании агента контроля, но и предвзятость к контрагенту контроля, его демографическому поведению (деятельности) и результатам (**L**); персональность, проявляемая агентом контроля в индивидуальном подходе к оценке и санкционированию демографических новаций или девиаций (**I**); деперсонифицированность, указывающая, что контроль не должен зависеть от личных симпатий/антипатий агента и контрагента контроля, он должен быть объективным, непредвзятым (**G**); всесторонность, так как в зону действия контроля должны попадать не с позиции корыстной заинтересованности или личной предпочтительности социального субъекта, а все без исключения факты демографического поведения и результаты деятельности населения как контрагентов контроля с обязательным санкционированием выявленной девиации или установленной новации (**A**).

Социологическое изучение личностного аспекта в социальном контроле демографического поведения индивида актуализирует необходимость решения проблемы контролируемости личности, которое внешне проявляется в дисциплинированности (законопослушании). Исходя из того, что дисциплина – это институционально закрепленная власть меньшинства над большинством, при достижении сбалансированности интересов участников взаимодействий в демографической сфере жизнедеятельности общества параллельно и одновременно реализуются две диаметрально противоположные технологии формирования нормативного демографического поведения населения: 1) технология «*сознательного демографического поведения*», предполагающая осознание каждым гражданином своего гражданского долга и личной ответственности за демографическое будущее страны, в которой живет он сам и члены его семьи; 2) технология «*слепого подражания демографической моде*», согласно которой должное демографическое поведение становится чисто инстинктивным.

По данным Росстата на 1 января 2015 года численность России составляла почти 146,3 млн. человек, а плотность населения – 8,55 чел./км². Особенностью социально-демографической ситуации в России является неравномерность территориального проживания, а именно: а) на европейской части страны, составляющей почти 21% территории, проживает около 68,2% жителей, а на 79% азиатской части – 31,8% (в Сибири, которая занимает почти 3/4 территории России, проживает менее 20% населения); б) в 15 городах-миллионерах, почти в 170 городах с численностью более 100 тыс. человек, а также иных городских поселениях проживает почти 74%, а в сельских поселениях – 26% населения страны [3. С. 100-107]. При этом, согласно переписи 1897 г. в Российской империи (в современных границах) проживало почти 67,5 млн. человек, из которых в городах около 16,8 млн. человек (13,4%), а в сельских поселениях 50,7 млн. человек (86,6%) [1. С. 345-347].

Если в период 1994-2009 гг. социально-демографическая ситуация в России с каждым годом ухудшалась (численность населения уменьшалось), то в период 2010-2015 гг. – улучшается (численность населения увеличивается). Это связано с высоким уровнем рождаемости в 50-х, 80-х гг. XX века и с 2010 г. по настоящее время (вплоть до 2020 г.). Однако, аномально низкий уровень численности жителей страны родившихся в 40-е, 70-е и 90-е гг. прошлого века может повториться в 2020-е гг. Дно «демографической» ямы будет следствием II Мировой войны (в том числе Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.), когда не рожденные в 1990-е гг. не родят детей в 2020-е гг. [11. С. 75-79]. Именно в связи с этими объективными факторами, в официальном прогнозе Росстата (от 06.02.2015 г.) до 2030 года присутствует вариативность. Данной организацией численность населения страны прогнозируется в рамках: а) пессимистичного сценария около 141,9 млн.; б) реалистичного сценария – около 147,7 млн. человек; в) оптимистичного сценария – около 151,9 млн. человек.

Итак, современное состояние социального контроля реализации демографической политики в стране характеризуется, с одной стороны – организационным и нормативным (законодательным) запаздыванием, с другой стороны – актуализацией необходимости выведения его на уровень опережающего состояния.

Основными признаками организационного запаздывания являются:

- а) нарастание внутриличностной напряженности у граждан относительно ключевых демографических вопросов – рождаемости, смертности, эмиграции, иммиграции;
- б) расширение спектра различных форм имитационного демографического поведения;
- в) формирование протестного демографического поведения не столько в открытых, сколько латентных формах (уход женщин в декретный отпуск во время экономического кризиса и т.п.);
- г) снижение уровня социально-экономической эффективности демографического поведения;
- д) рост распространенности гедонистических ценностных ориентаций среди населения, особенно женщин репродуктивного возраста;
- е) административное блокирование возможностей максимального проявления социального и человеческого капитала семей, ориентированных на рождение и воспитание большего числа детей;
- ж) сознательный отказ немалой части населения от «устарелых семейных структур»;
- з) высокая демографическая активность иммигрантов.

Исходя из этого, формирование «опережающего состояния» социального контроля в реализации демографической политики должно быть ориентировано на внедрение новых, востребованных социально-демографической ситуацией регуляторов эмиграционного и иммиграционного поведения, репродуктивного поведения, а также здорового образа и качества жизни. Системность реализации демографической политики обеспечила бы проживание в стране более привлекательным как для российских граждан, так и для граждан других государств. «Опережающее управление» механизмом функционирования социального контроля реализации демографической политики предоставляет органам государственной и муниципальной власти возможность:

- а) делать заблаговременные и своевременные обоснованные социологические прогнозы перспектив социально-демографической ситуации в стране;
- б) заблаговременно и своевременно разрабатывать комплексные социально ориентированные государственные программы исключения, минимизации демографических девиаций, непосредственно и опосредованно связанных со смертностью и рождаемостью, эмиграцией и иммиграцией;
- в) выявлять наилучшие формы и методы противодействия и борьбы с различного рода девиациями в демографической сфере общества;

- г) наиболее эффективно использовать имеющиеся в наличии у органов государственной и муниципальной власти средства культивирования демографических новаций, социально-демографического творчества и предупреждения, пресечения, раскрытия правонарушений, преступлений, связанных с демографическим поведением, как граждан государства, так и граждан иных государств, проживающих на территории страны.

Список литературы

1. Вишневский А.Г. Время демографических перемен: избранные статьи. – М.: ИД ВВШЭ, 2015. – 516 с.
2. Дальний Восток России: история депопуляции и технологии ее преодоления / Под ред. И.И. Докучаева. – Владивосток: Дальнаука, 2015. – 325 с.
3. Демографический ежегодник Российской Федерации: 2014 г. – М.: Гос. ком. РФ по статистике (Госкомстат России), 2014. – 263 с.
4. Международная миграция и устойчивое развитие России: доклад / В.С. Малахов и др. – М.: Дело, 2015. – 117 с.
5. Назаренко С.В. Социальный контроль военной службы в Российской Федерации (социологический анализ на примере военнослужащих Вооруженных сил РФ): Монография. – Череповец: ЧВИИРЭ, 2007. – 320 с.
6. Парсонс Толкотт О социальных системах / Под общ. ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. – М.: Акад. Проект, 2002. – 830 с.
7. Парсонс Толкотт О структуре социального действия / Под общ. ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. – М.: Акад. Проект, 2002. – 877 с.
8. Сафарова Г.Л. Демографический анализ смертности и продолжительности жизни пожилого населения в Санкт-Петербурге: Монография / Г.Л. Сафарова, Л.В. Козлов. – СПб: Наука, 2014. – 103 с.
9. Семья в России и Китае: процесс модернизации / М.В. Боченина и др.; под ред. И.И. Елисеевой. – СПб: Нестор-История, 2015. – 717 с.
10. Сталкер Питер Международная миграция / Пер. с англ. А. Захарова. – М.: ТЕРРА: Книжный Клуб «Книговек», 2014. – 191 с.
11. Халтурина Д.А. Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России / Д.А. Халтурина, А.В. Коротаев. – М.: Либроком, 2012. – 127 с.

Потанина Юлия Аркадьевна,
младший научный сотрудник
Центра по изучению проблем народонаселения
экономического факультета
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

О ПРИОРИТЕТАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ НА ДОЛГОСРОЧНУЮ ПЕРСПЕКТИВУ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ В РОССИИ

(Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 15-06-04731 «Социальные и экономические последствия возможных сценариев демографического развития России (на федеральном и региональном уровнях)»)

В статье рассматриваются перспективные приоритеты социально-экономической политики в области поддержки пожилых людей на долгосрочный период. Выделяются факторы, которые могут помочь в формировании государственной политики поддержки старшего поколения в условиях бюджетных ограничений, а также оценить его текущий вклад в социально-экономическое развитие общества. Социальная политика анализируется с позиции экономико-демографического подхода, учитывающего взаимосвязи экономических и демографических процессов, международные аспекты сотрудничества в сфере демографического старения, а также эффективность различных механизмов политики и лучшие практики. В качестве примера используется разработанная российскими учеными технология ЭДИФАР, которая может быть использована для разработки программ государственной социальной поддержки лиц в третьем возрасте на местах.

Ключевые слова: адресные программы, высокотехнологичная поддержка населения, демографическая нагрузка, демографическое старение, компьютеризированные системы управления, медицинское обслуживание, механизмы государственной политики, пожилое население, профилактическая медицина, самосохранительное поведение, социальная активность, социальная политика, управление здоровьем населения.

E-mail: yu_potanina@mail.ru

Potanina Yulia A.,
Researcher, Center for population studies
Faculty of economics,
Lomonosov Moscow state university,
Moscow, Russia

ABOUT THE PRIORITIES OF LONGTERM PUBLIC SOCIAL POLICY FOR THE ELDERLY IN THE CONDITIONS OF POPULATION AGING IN RUSSIA

(The article is done within the frames of the project, supported by RFBR, No.15-06-04731 «Social and Economic Consequences of Possible Scenarios of Russia's Demographic Development (on the Federal and Regional Levels)»)

The article considers the perspective priorities of long-term social and economic policy in the field of elderly support. The factors are specified which can contribute to the formation of concrete directions of state support policies for the aged in the conditions of budget restrictions, and evaluate the current and perspective input of older generations in social and economic development of the society. Social policy is analyzed based on the economic and demographic approach taking into account interlinks of economic and demographic processes, international cooperation in the field of population aging and effectiveness of different policy mechanisms, including best practices. EDIFAR technology developed by Russian scientists which can be used for the purposes of public policy development aimed at elderly support at a local level is considered as an example of such practice.

Keywords: target programs, high-technology public support, demographic load, demographic aging, computerized management systems, health services, public policy mechanisms, aged population, preventive medicine, healthy life-style behavior, social activity, social policy, population health management.

E-mail: yu_potanina@mail.ru

Стратегия действий в интересах пожилых людей до 2025 года как долгосрочная межотраслевая программа, обсуждение проекта которой проходит в экспертно-политическом сообществе с июня 2015 года, формирует стратегические направления работы российского правительства в отношении пожилого населения в условиях демографического старения и бюджетных ограничений. Своевременность ее разработки связана еще и с тем, что государственная политика в области поддержки лиц старших возрастов должна не только защищать их экономически, социально, юридически, но и восстанавливать упавший в глазах общества статус пожилых людей, как важнейшей части интеллектуального потенциала общества, которые вносят большой вклад в его социально-экономическое развитие. В самом широком смысле этот потенциал основывается на уважении, признании их заслуг перед обществом.

Стратегия действий в интересах старшего поколения объединяет в рамках одного документа различные виды государственной политики (включая демографическую, семейную, финансово-экономическую, в области международных отношений), которые оказываются затронутыми в рамках оказания поддержки старшему поколению в условиях демографического старения. Представляется, что самостоятельный «сквозной» вид политики для старших возрастов в настоящее время и на перспективу необходим в силу нескольких причин. Например, чтобы преодолеть разлад между меняющимися сущностными чертами семьи и не успевающими за этими переменами условиями жизни, социальными нормами и институтами в отношении пожилых людей.

На практике формирование единой стратегии политики поддержки старшего поколения встречается с большими трудностями. Кроме финансовых приоритетов не прослеживается четких социальных ориентиров, на которых будет основываться такая политика государства на долгосрочный период. Данная ситуация представляется особенно непродуктивной на фоне происходящих на микро- и макро-уровне исторических перемен, которые по-разному и неоднозначно воспринимаются представителями различных общественных групп и слоев, что ведет к различным взглядам на цели, задачи и возможности политики поддержки пожилых людей. При всем уважении к прогрессивным возможностям гражданского общества, особенно в сфере производственно-экономической и социальной самоорганизации, его потенциал ограничен. Государство же по определению остается единственным институтом, способным интегрировать благоприятную для пожилых людей атмосферу в обществе, без которой гармоничное развитие его основы – семьи – представляется невозможным.

Механизм реформирования социального сектора является, как известно, предметом политических дебатов, не только в России, но и в странах ЕС и США. Эту проблему, прежде всего, связывают с финансовыми аспектами – повышением эффективности расходования бюджетных средств на социальные цели, а также ростом этих расходов, одной из причин которого называют демографическое старение населения. Учитывая различия в отношении и оценках этого явления, необходимо дать его определение. Старение населения представляет собой часть (или следствие) исторического и социально-экономического развития и обусловлено непосредственным влиянием демографических процессов (рождаемости, смертности и миграции) в ходе демографического перехода. Оно проявляется в изменении относительной численности возрастно-половых групп, связанном с возрастанием доли лиц старшего возраста и снижением доли детей и подростков в общей численности населения.

Недостаточная методическая изученность процесса возрастания доли лиц в старших возрастах в населении привела к тому, что оценки последствий старения для общества различаются от положительных и нейтральных до резко негативных. Процесс старения населения трактуется под сильным воздействием экономических и политических факторов, а международная повестка дня в этой области в значительной степени формируется под влиянием США, изучение старения в которых имеет ярко выраженную международную направленность, а также международных финансово-экономических организаций (Международного валютного фонда и Всемирного банка). В этой сфере в мире работают многочисленные исследовательские, рейтинговые, лоббистские структуры, формирующие общественное мнение.

Исчерпанные возможности использования традиционных демографических и социальных показателей старения населения привели к разработке новых оценок этого явления, позволяющих адекватное межстрановое сравнение. Во второй половине прошлого столетия были разработаны интегральные показатели здоровья, объединяющие информацию о дожитии, как о последствиях для здоровья заболеваний и травм. Это – ожидаемая продолжительность здоровой жизни (Healthy Life Expectancy – HALE) и бремя потерянных лет от избыточной смертности и заболеваемости (Disability-adjusted Life Year -DALY) [3], которые используются Всемирной организацией здравоохранения для характеристики заболеваемости и продолжительности жизни. Кроме того, международная группа демографов в составе В. Лутца, У. Сэндерсона и С. Щербова в 2005 г. предложила новую концепцию ретроспективного и потенциального возрастов (число лет, которые человек уже прожил с момента рождения, и ожидаемое число лет, которое человеку предстоит прожить, соответственно) [4].

Роль России в международном сотрудничестве в области демографического старения должна рассматриваться на долгосрочный и среднесрочный период, с учетом стратегических задач эффективного включения в работу действующих организаций и исследовательских проектов. Внимание к международным аспектам изучения старения в мире должно сочетаться с созданием отечественной исследовательской базы и структур на основе национальных задач и приоритетов в развитии изучения проблемы демографического старения и социально-экономической поддержки лиц старших возрастов.

Одним из видов политики, которая влияет на развитие тенденций демографического старения, может стать экономическая политика, которая имеет серьезное долгосрочное и среднесрочное влияние на демографическую ситуацию. Исследование взаимосвязи экономических и демографических процессов, следовательно, является одним из приоритетных направлений изучения процессов старения. Доля и абсолютное число пожилых людей в населении и увеличивающиеся последствия этого для финансово-экономического состояния общества и семьи, конечно, являются важной характеристикой современного состояния бюджета макро- и микро-сферы. Но в то же время роль финансово-экономической политики представляется не только в виде некоей «жертвы» демографического старения. Экономическая политика формирует потоки капиталов, создает институты и организации для их управления, стимулирует научно-технический прогресс, усиливая миграцию, меняя уровень жизни, формы занятости, уровень образования и мировоззрение. Она также же позволяет проводить более сбалансированные меры, с целью снижения демографических рисков. К демографическим рискам и ловушкам можно отнести оставление проблем молодежи или людей в трудоспособном возрасте в условиях демографического старения.

Поэтому роль экономической политики в последствиях демографического старения и программах поддержки для лиц нетрудоспособного старшего возраста, проявляется в виде более сложной и широкой концепции, чем возрастание бюджетных расходов государства. В приоритетах государства должна быть социальная ответственность за результаты политики, включающая, в частности, демографические (ее влияние на рождаемость, смертность, миграцию), экономические (с учетом социальной, юридической и т.д. уязвимости пожилых людей), морально-правовые (изменение отношения к пожилым в обществе и защита их частной жизни), а также социально-гигиенические (самосохранительное поведение, изучение потенциальных получателей помощи и их условий жизни и осведомленность об их нуждах в различные периоды жизни) аспекты. Эффективная экономико-демографическая политика способна снизить и смягчить процессы старения, проводить как стратегически долговременные меры, чтобы стимулировать население с учетом достижений научно-технического прогресса и роста благосостояния в приоритетных демографических направлениях, так и тактически своевременные реформы с целью повышения эффективности программ в пенсионной и социальной сферах.

Наряду с социальной ответственностью государства за результаты своей политики, как стратегически долговременным мерам, которые могут повлиять на качество реформ социальной защиты для пожилых людей, можно отнести формирование устойчивых ориентиров

в обществе, направленных, в частности, на выделение эффективных критериев качества населения. О потере таких ориентиров в обществе свидетельствуют опросы населения. В то же время провозглашается ошибочная значимость опоры только на материальные, денежные стимулы и жизненный успех, как основы жизненной философии, что противоречит нашей традиционной культуре и с трудом воспринимается пожилым населением.

В этом смысле государство должно с осторожностью относиться к внедряемым в обществе идеям, имея в виду, что эффективный критерий качества населения отражается на отношении населения к социальной сфере и поддержке, включая в рамках семьи. В условиях административной советской экономики, как известно, финансирование социальной сферы основывалось на остаточном принципе, что дополнительно способствовало развитию идеи незначимости социальных расходов и отношению к этим вопросам современного бизнеса с советскими корнями. При этом между социальной сферой и единым жизненным порядком (куда входят ценности, право, политика, экономика, религия) существует тесная взаимосвязь. Устойчивое развитие общества невозможно без развития социальной сферы. Например, если мы говорим о социальной ответственности банков, то она заключается в обслуживании банками не только исключительно богатых и стабильных регионов, а также в предоставлении ими кредитов фермерам, мелкому и среднему бизнесу. Это вопросы добровольного выбора бизнеса, его осведомленности о социальных проблемах современного общества, а также его стимулирования в целях расширения благотворительных программ.

Политическая доктрина общественной безопасности включает в себя также социальную безопасность. Последняя подразумевает преодоление или защиту от воздействий, которые могут оказывать вредное влияние на образ жизни человека, его здоровье, удовлетворение его потребностей в социальной сфере, окружающую среду и т.д. Именно в социальной сфере осуществляется и обеспечивается сохранение, функционирование, воспроизводство и поступательное («устойчивое») развитие человека и общества (социума). Социальная сфера должна стать все более приоритетным направлением для обеспечения общественной безопасности.

Переход к рынку в России совпал с процессами глобализации финансовой и экономической деятельности, одним из принципов которой является рост приватизированных секторов народного хозяйства, и, соответственно, ограничение ответственности государства за социальную сферу. Незначимость, уменьшение социальных расходов опять провозглашаются в качестве необходимой меры в условиях недостаточных бюджетных средств. Что касается пожилого населения, то оно особенно уязвимо к такого рода философии в экономической жизни в правовом, медицинском, социальном смысле.

Пожилые люди в России часто жалуются на недоступность дорогостоящих медицинских препаратов, операций. Количество и качество домов престарелых не соответствует числу нуждающихся и их потребностям. Правовая, медицинская и прочая помощь стоит недешево, а оказание бесплатных услуг на деле оказывается рекламой, а их выполнение может осуществляться «для галочки». Целевой характер заботы государства о социальной ответственности предполагает, что в обществе поощряется оказание бесплатных услуг пожилому населению, разнообразные социальные институты и программы, удовлетворяющие его различные нужды, включая добровольческое движение, развернутую систему специализированных социальных учреждений, которые бы принимали решение о приеме пожилого человека в каждом случае и рекомендовали ему вид поддержки.

Например, на Мальте действует развернутая система домов престарелых. Начиная от филантропических заведений на 15-40 человек (в том числе под управлением церкви и частного капитала), до роскошных платных 5-звездочных отелей на 90 жителей (их строят владельцы крупных гостиничных сетей) и огромных гораздо более скромных по стоимости обслуживания, но более гостеприимных государственных сооружений (на 300-400 человек). Западноевропейские страховые компании строят интернаты для пожилых в бывших странах советского лагеря, где дешевле обслуживание и стоимость рабочей силы, а качество услуг при этом страдает незначительно. Нужно ли расширять в России сеть частных домов для стационарного

проживания престарелых при нехватке государственных? Благотворительность в этой сфере замерла, когда после революции 1917 года система частных инвестиций, направленных на удовлетворение социальных нужд, была упразднена и государство взяло на себя социальную защиту и обслуживание населения, что, как показывает опыт, привело к снижению качества и объемов предоставляемых услуг по сравнению с дореволюционным уровнем (и помимо этого, к потере чувства сопричастности современных бизнесменов к социальным проблемам общества). До революции 1917 года частная благотворительность в России была важным дополнением к государственному социальному попечению и всячески поощрялась в обществе.

В 2013 г. начался новый этап финансово-экономического кризиса, который повлек за собой экономическую стагнацию, нулевой рост промышленного производства и сокращение инвестиций в российских регионах. В этих условиях выполнение указов Президента России В.В. Путина о повышении заработных плат некоторым категориям работников бюджетной сферы привело к повышению доли социальных расходов, которые, в частности, превысили 70% в бюджетах Пермского края, Свердловской, Челябинской, Иркутской и Московской областей, что в свою очередь вызвало снижение количества бюджетных учреждений и числа занятых в них. Речь идет о массовом закрытии в 2013-2014 гг. небольших домов-интернатов на 20-30 человек для одиноких пожилых людей и инвалидов и перевод постояльцев в крупные учреждения постоянного проживания на 500 и более человек. Несмотря на огромную очередь и спрос на услуги в этих учреждениях, власти, выполняя задание федерального центра, пошли на ухудшение занятости и качества обслуживания населения [5]. При том, что омбудсмена по правам пожилых людей в России не существует, закрытие происходит без должного обоснования рентабельности такого перевода.

Ухудшение демографической ситуации в ближайших нескольких лет в России (активную трудовую деятельность начинает малочисленное поколение 1990-х гг.) увеличит нагрузку на трудоспособное население в перспективе. Особенно негативно старение населения проявится в сельской местности, где наблюдается более неблагоприятное соотношение между численностью контингентов в трудоспособных и нетрудоспособных возрастах по сравнению с городской. Старение возраста некоторых профессий отмечается на фоне роста миграции трудоспособного населения в направлении «село-город» по причинам безработицы, неадекватной оплаты и условий труда в сельской местности. Эти факторы способствуют дальнейшему оттоку активного сельского населения в города, усугубляя демографическую нагрузку на оставшееся трудоспособное население.

Характеризуя процессы старения в России, следует отметить, что нынешние пенсионеры родились в послевоенное время, когда к середине прошлого столетия наладился статистический учет. В послевоенный период происходило пополнение населения за счет роста рождаемости, и в то же время имели место массовые репрессии, переселение тысяч людей, а также вхождение в состав государства отдельных территорий, что, наряду с военными потерями, отразилось на абсолютной численности лиц пожилого возраста и пенсионеров. Развитие пенсионной сферы шло в направлении постепенного охвата всех категорий населения за долгий период, начиная с конца 20-х годов до 1956-1964 гг. В 1990-е годы прошлого столетия в условиях резкого сокращения социальной помощи, уменьшения размеров пенсий и хронических задержек ее выплаты демографическое старение в России стало рассматриваться, как острая социальная проблема.

По данным переписи 2010 г. более половины всех российских пенсионеров проживает в двух самых крупных по численности населения федеральных округах – Центральном и Приволжском (далее ЦФО и ПФО). Около 40% всех лиц старших возрастов живет в Северо-Западном (СЗФО), Южном (ЮФО), Уральском (УФО) и Сибирском (СФО) федеральных округах. В остальных округах – Северокавказском (СКФО) и Дальневосточном (ДВО) – около 10 процентов. В городах ЦФО и ПФО (с высоким процентом городского населения) проживает наибольшее число пенсионеров (7,2% и 4,5% всего городского населения страны, соответственно). В городском населении СЗФО, ЮФО, УФО и СФО доля пенсионеров (в общей численности городского населения страны) колеблется от 1,8 до 2,7%. В СКФ и ДВО она составляет 0,7 и 0,9 %

соответственно. Доля лиц старших возрастов в сельском населении всех округов также наиболее высока в ЦФО и ПФО (5,2 и 5,5%), затем следуют ЮФО и СФО (3,2 и 2,9%), СЗФО, УФО, СКФО и ДВО (1,5; 1,4; 1,8; 0,8%).

Почти у всех национальностей на территории Российской Федерации увеличилась доля населения старше трудоспособного возраста. Самая высокая доля пожилых людей наблюдалась у белорусов (43%), украинцев (39%), а также мордвы (30%), удмуртов (24%) и русских (23%) (с поправкой на ошибки в предоставлении данных о национальности). Медианный возраст населения России в 2010 г. составлял от 23,9 (лица чеченской национальности) до 54, 2 лет (лица белорусской национальности). Самый значительный рост медианного возраста наблюдался у мордвы, удмуртов и чувашей (на 3,8 года до 48,2 года; на 4,2 года до 44,2 лет; и на 3,6 года до 42,2 года, соответственно) [6].

Хорошо известно, что национальный фактор играет большую роль для состояния активного долголетия. Изучение и использование лучших практик в этой сфере, включая международный опыт, выявление факторов, как на уровне семьи, так и индивида, влияющих на ведение активного образа жизни лицами пенсионного возраста, проведение исследований, изучающих роль возраста в активном долголетии, необходимы в качестве приоритетных задач на долгосрочную перспективу. В рамках возможных мер должны рассматриваться механизмы стимулирования региональных властей, частно-государственного партнерства с выделением специальных государственных и частных грантов, а также благотворителей.

Для совершенствования системы социальной поддержки пожилых людей особенно важна своевременность реформ с позиции демографической ситуации. С демографической точки зрения кардинальные реформы целесообразно проводить на этапах с благоприятной для этого возрастной структурой. Для решения тактических задач в неблагоприятных демографических условиях достаточно вносить дополнения и изменения в существующий механизм.

Если рассматривать индивидуальное старение на уровнях семьи и домохозяйства, а также административных единиц, то оценка реальной демографической нагрузки (количество пожилых на 100 человек трудоспособного населения) представляется более сложной, и наряду со статистическими показателями на основе возрастной структуры такая нагрузка должна учитывать дополнительные параметры, которые в настоящее время остаются без внимания экономистов. С этой точки зрения для обеспечения баланса, учитывающего наряду с затратами, также вклад пожилых людей в развитие общества, понятие демографической нагрузки необходимо насытить и дополнить, не только статистическим, но и социологическим содержанием.

В инклюзивном обществе, в котором поощряется включенность в его развитие всех членов, деятельность пожилых людей может включать в себя профессиональную занятость и социальную активность, которая также вносит вклад в социально-экономическое развитие. Занятость или частичная занятость пенсионеров рассматриваются в рамках Трудового кодекса Российской Федерации, тогда как понятие социальной активности по своему содержанию предполагает осуществление гражданских прав лицами этой категории в иной сфере и относится к отраслям, регулируемым, в частности, Гражданским и Семейным кодексами. Социальная активность – более гибкое понятие, чем профессиональная занятость, и в меньшей степени зависима от ограничений, связанных с возрастом и даже инвалидностью. Она, в частности, включает в себя работу при поддержке общественных и благотворительных организаций, добровольческую деятельность на ниве профессионального и духовного наставничества или социальной помощи, труд в семье и др.

Исследования показывают (в частности, пенсионеров в Ивановской области, проведенное при поддержке благотворительного фонда «Ладога» в 2012 г.), что социальная активность потенциально активных людей старшего возраста скрывается рядом факторов, среди которых:

- институциональная структура общества, которая не предлагает соответствующих возможностей;

- стандартность и содержательная бедность каналов приложения этой активности;
- неосведомленность пожилых людей о соответствующих программах;
- отрыв современного рыночного законодательства от проблем старшего поколения [7].

Политика поддержки в интересах пожилых людей должна быть направлена в том числе, на повышение социальной активности лиц старших возрастов, наметив действия, которые нужно предпринять, чтобы устранить ограничения для ее развития. Оценка возможностей лиц старшего возраста, их вклада в ВВП должны заинтересовать федеральные и региональные структуры власти в использовании социальных компетенций пенсионеров. Внимание к социальным компетенциям старшего поколения (в отличие от профессиональных, которые более отрегулированы) усиливается из-за необходимости повышения эффективности расходования бюджетных средств, как одной из задач, поставленных в антикризисных мерах Правительства РФ на 2015 год. Изучение социальных компетенций предполагает определенную корректировку традиционных подходов к решению экономических проблем, возникающих из-за демографического старения населения. Научно обоснованный подход к выбору и применению показателей, характеризующих состояние поддержки лиц в старших возрастах, позволяет правильно оценить не только уровень развития этой сферы, но и вклад данной категории населения в формирование экономики и состояние инвестиционного климата регионов страны.

Социальные компетенции – быстро изменяющаяся категория, более тонко учитывающая потребности по сравнению, например, с профессиональными компетенциями. Статус социальных компетенций в пожилом возрасте может быть приравнен или даже выше профессиональных. Регулирование социальных компетенций, повышение качественного и количественного охвата населения в плане их реализации приводит к снижению содержательных ошибок государственных программ для пожилых людей, повышению эффективности выделяемых на социальную поддержку бюджетных средств. Чем выше возможности для реализации социальных компетенций, тем более развита страна в социально-экономическом плане.

Помимо потерь ВВП от недоиспользования посильной социальной активности людей старшего возраста в условиях российского законодательства (по сравнению с международным сообществом), искусственный недоучет их социальных компетенций усугубляет проблему старения населения, увеличивая нагрузку на его трудоспособную часть.

Можно выделить основные типы социальных компетенций пожилых людей, которые имеют национальное и международное значение:

1) национальное значение:

- научно-технические (знание ПК, использование Интернета, в том числе для получения электронных услуг);
- экономические (использование активов и накоплений, знание рыночных рисков, «продвинутость» в смысле современных товаров и услуг, выращивание культур на продажу и для самообеспечения своего и семьи, получение патентов на изобретение, народные промыслы и др.);
- административно-политические (работа в садовых некоммерческих товариществах, партиях, обществах, лоббистских структурах и т.д.);
- семейные (межпоколенные трансферты, различная помощь детям, передача опыта и традиций, воспитания, профессиональных контактов и информации);
- добровольческие (посильная помощь соседям, домам стационарного проживания пожилых, наставничество, работа в общественных организациях и др.);
- трудовые для лиц с ограниченными возможностями (реализация трудовых навыков и выполнение работ в специально оборудованных для этого учреждениях по заказам государственных и частных структур);
- духовные (в религиозных организациях);

- связанные с физическим и душевным здоровьем (хобби, выставки, мастер-классы, музыкальные увлечения, конкурсы, спортивные соревнования, поддержка физической формы и т.д.);
- 2) международное значение:
 - участие в обществах дружбы с зарубежными странами (особенно с СНГ);
 - наставничество в дипломатии в рамках некоммерческих организаций;
 - участие в различных некоммерческих программах сотрудничества с зарубежными странами.

Одним из направлений использования социальных компетенций пожилого населения, которое могло бы стимулироваться государством, является наставничество в области публичной дипломатии, научных, экономических, образовательных, информационных и иных гуманитарных связей с зарубежными государствами. Дело в том, что Россотрудничество (Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, созданное в сентябре 2008 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1315) запланировало развитие образовательных форм с участием российских организаций в странах СНГ. Однако, эти мероприятия на 2013 год касались в основном граждан и организаций в зарубежных странах и направлены на их ознакомление с Россией. При этом иностранцы, проживающие и работающие на территории России, практически не охватываются деятельностью Агентства, что приводит к росту национальных землячеств и может вести к дальнейшему отчуждению культур.

Большой интерес в связи с этим вызывает привлечение пожилых граждан к выполнению задач Агентства на территории России. Необходимо развивать общественно-организационные формы с участием пожилых людей, которые обладают практическим опытом, мудростью, являются носителями идей интернационализма, братской помощи и т.д., что позволит осуществлять практические мероприятия, отражающие современный характер взаимоотношений между государствами и направленные на воспитание более молодых поколений, и привлечь талантливых иностранных специалистов в Россию. Такая НКО уже действует в Белгороде (Общество дружбы с Туркменистаном, возглавляемое В.С. Лапиным, прожившим 60 лет в Ашхабаде), которая осуществляет в том числе работу со студентами вузов – иностранцами.

Чтобы сократить разрыв между недостатком знания культуры и особенностей других стран и потребностью в налаживании взаимовыгодного сотрудничества предлагается выбрать пилотный регион в Центральной России (где проживает наиболее старое население), в котором были бы сильны интернациональные традиции. Например, таким регионом могла бы стать Ивановская область, где находится Интердом, детский дом для иностранных детей, которому исполнилось недавно 70 лет, а в годы Великой отечественной войны была сформирована дивизия «Нормандия-Неман».

Социальные компетенции должны рассматриваться как важный механизм, направленный на снижение социальной напряженности в обществе. Как показывает практика, среда, наиболее расположенная к развитию социальных компетенций, является инклюзивной (то есть вовлекающей все слои населения в свою деятельность) по своему характеру. В распространении инклюзивности, как общественной теории и практики, огромную роль играют обеспечение кадрами и человеческий ресурс, обучение соответствующих специалистов. Совершенствование охвата населения и степени реализации компетенций должно дополняться повышением эффективности использования этого административного ресурса.

Как показывают данные опросов населения, важным фактором работы системы компетенций является учет региональных особенностей в ходе изучения социальных компетенций, и в связи с этим возникает проблема гибкой децентрализованной типологии, учитывающей специфику регионов, чтобы стимулировать региональные ведомства по качеству и охвату людей. Заинтересованность и технологическая и организационная подготовленность

властей в формировании и учете социальных компетенций позволит ускорить решение тактических задач для смягчения последствий старения, а именно стимулирования увеличения возраста выхода на пенсию.

Следует подчеркнуть, что в целях оценки компетенций пожилых людей (т.е. их фактического вклада, работы на благо страны) могут применяться обследования в виде опросов населения. Сбор и использование персональных данных у пожилого населения (особенно экономического характера) помимо организационно-содержательной работы, имеет еще и этическое значение. Анонимность, соответствие целей обработки персональных данных их собираемому объему должны быть законодательно отрегулированы.

Еще одним исключительно важным приоритетом политики в области поддержки старшего поколения в обществе является стимулирование самосохранительного поведения. Не только государство (ведомства, организации и региональные власти) могут нести ответственность за обеспечение здоровья населения. ВОЗ считает, что ответственность за здоровье народа должна возлагаться не на органы здравоохранения, а на правительство в целом. Что, в целом, не совсем верно, так как адресно-целевая направленность социальных программ предполагает, что население также должно участвовать в управлении процессами здоровья, быть вовлеченным в идеи формирования самосохранительного поведения, которое существует пока в основном на бумаге и в работах ученых. Ряд ученых предлагает осуществление кардинальных мер для его внедрения, вплоть до включения пункта о сохранении здоровья в трудовые контракты на предприятиях [1].

Как показывают опросы в России, граждане достаточно пассивно относятся к своему здоровью, его ценность осознается только с годами. Поэтому важно, чтобы население также само участвовало в процессе улучшения управления здоровьем, его знания и мнения необходимо учитывать при контроле за состоянием здоровья нации. Кроме того, оценка эффективности, совершенствование имеющихся государственных программ, прогнозирование ситуации и предотвращение негативных явлений требуют постоянного сбора данных от населения на местах.

Создание структуры аппарата, отзывчивой на нужды граждан, является одним из приоритетов реформирования системы социальной защиты. Это значит, что должны разрабатываться механизмы доступа и связи с населением. В то же время озабоченность состоянием здоровья населения и профилактика заболеваний при ограниченных государственных средствах диктуют необходимость новых мер, в которых было бы в большей степени задействовано само население. Несколько лет назад в Москве проходил эксперимент с участием нескольких академических институтов, Министерства здравоохранения РФ и одной из поликлиник г. Москвы. Он заключался в использовании компьютерной технологии ЭДИФАР (Аббревиатура – Экспертный Диалог и Исследование Факторов Риска) для получения данных от населения в режиме он-лайн мониторинга в специальном доврачебном кабинете поликлиники. Разработка этого программного обеспечения осуществлялась большим коллективом ученых [2. С. 46].

Принцип работы технологической системы ЭДИФАР довольно прост. В доврачебном кабинете установлены два или более персональных компьютеров небольшой мощности. Оператор помогает пациентам справиться с компьютером и с вопросами, ответ на которые в среднем занимает 10-20 минут, и предлагает пациенту в конце опроса прийти через год для повторного наблюдения.

Анкета устроена таким образом, что при ответе на вопросы пациентом поликлиники задействованы всего две клавиши клавиатуры – стрелки «вверх» и «вниз» для выбора ответа, и «ввод» для перехода к следующему вопросу. В конце опроса оператор распечатывает карту пациента с датой опроса, на которую выведены ответы на наиболее важные вопросы, и которая вкладывается в обычную карту больного, заведенную в поликлинике. Анкета состоит из более чем 200 вопросов, дифференцированных по полу и возрасту, причем новые вопросы могут добавляться в нее в любое время. Вопросы охватывают социально-экономическое по-

ложение, семейное положение и отношения в семье, состояние здоровья, образ жизни, функциональные возможности наблюдаемого и социальное обслуживание. Результаты мониторинга можно использовать как для каждодневной работы поликлиники (особенно эффективно во время регулярных профилактических осмотров школьников, ветеранов и т.д.), так и для выявления нуждающихся в том или ином виде социальной помощи, для выявления групп риска различными заболеваниями, для оценки эффективности работы поликлиники и социальных служб.

Причиной недостаточного использования компьютерных технологий в области профилактики здоровья являются не ограниченные финансовые возможности поликлиник, а отсутствие единой региональной политики в этой области, то есть незаинтересованность и неприоритетность этих задач для чиновников. Дорогостоящие информационные системы, работающие в поликлиниках, позволяют в определенной степени стандартизировать работу этих учреждений. С помощью такой системы можно проводить учет результатов исследований и процедур по конкретному пациенту. Она позволяет также провести выборку информации по территории обслуживания, контингентам населения, подразделениям поликлиники, врачам-специалистам, получить статистические данные о деятельности сотрудников и т.д.

На уровне поликлиники для эффективной работы системы мониторинга с помощью ЭДИФАР требовалась поддержка и понимание со стороны администрации и врачей поликлиники, не все из которых понимали важность доврачебного опроса пациента. А ведь данное обследование может также иметь воспитательную цель, проводя в жизнь индивидуальный профилактический подход. Когда пациент в поликлинике спрашивает, зачем проводится исследование с помощью системы ЭДИФАР, он получает ответ, что это делается для оценки его здоровья. Ему рекомендуются те или иные дополнительные исследования, обращается его внимание на неблагоприятные стороны его здоровья и образа жизни и дается совет, куда обратиться. Во многом, эта информация зависит от оператора, который должен быть и психологом и социальным работником одновременно. Применение технологии ЭДИФАР позволяет избежать эффекта воздействия модератора или интервьюера на опрашиваемых и требует меньшей психологической нагрузки на оператора. Ее удобно использовать там, где нужен постоянный сбор информации по конкретным структурированным вопросам с разной степенью открытости. Кроме того, необходимо отметить, что идея использования компьютерных технологий для оценок физического и социального здоровья населения возникла после обнаружения объективных процессов стабилизации измеряемых показателей и возможности их перепроверки за короткий срок. Другими словами, данные о медико-социальной обстановке на местах, собранные с помощью ЭДИФАР, могут рассматриваться как репрезентативные и использоваться администрациями и исследователями для целей управления, для изучения результатов программ.

В настоящее время появилось множество компьютерно-диагностических центров, но ошибочно подумать, что ЭДИФАР является одной из таких методик. С одной стороны, анкеты, включенные в систему ЭДИФАР, направлены на изучение факторов риска у населения и поэтому такое исследование может явиться хорошим дополнением к врачебному осмотру, особенно когда у врача идет большой поток пациентов и нет времени на подробный осмотр каждого. Помимо этого, мониторинг с помощью ЭДИФАР, основанный на общении пациента и компьютера, обеспечивает сбор данных непосредственно от населения и служит для профилактических и информационных целей. Следует добавить, что установка компьютерной технологии ЭДИФАР не дорога (требуются компьютеры и база данных), а текущая работа не требует больших затрат и может протекать постоянно. Система может работать отдельно или быть дополнением к системам информационного обеспечения управления поликлиникой.

Появление большого количества сетевых компьютерных систем привело к тому, что содержащаяся в них информация, попадающая под категорию «врачебной тайны», стала доступна немедицинским работникам. Законодательством России предусмотрена защита нескольких видов информации, принадлежащей гражданам, в том числе персональных сведений. Одним из вероятных направлений их использования в современных экономических

условиях является предоставление информации предпринимателям, которым становится невыгодным иметь работников с ослабленным здоровьем или хроническими заболеваниями. Все это приводит к необходимости лицензирования услуг использования автоматизированных информационных систем. Такая лицензия была получена на использование системы ЭДИФАР, а все полученные сведения о населении проводились с помощью анонимного обследования, когда на практике в компьютер просто не вводилось имя пожилого пациента.

Изучение и использование лучших практик не только на региональном, но и на федеральном уровне, направленных на экономию бюджетных средств и в то же время обеспечивающих доступ к управлению здоровьем на индивидуальном уровне, в долгосрочных программах правительства в области поддержки пожилых людей может рассматриваться, как один из приоритетов. В этом контексте информационно-аналитическая часть стратегической программы должна включать обзор таких конкретных случаев и программ, проявивших себя в местах, где живут или которые посещают пенсионеры.

В попытке провести комплексный анализ приоритетов системы управления политикой в области демографического старения для поиска ответов на кризис учитывались как национальная специфика России, так и организационно-методологические, содержательные и финансовые аспекты различных программ для пожилого населения. В настоящее время четко выраженные целевые ориентиры на федеральном и региональном уровнях такой политики отсутствуют, что затрудняет определение единого подхода к ее учету в других государственных (включая отраслевые) стратегиях и программах. Например, в проекте Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года процессы старения отнесены к вызовам, с которыми сталкивается человечество, наряду с продовольственной безопасностью, изменением климата и ростом расходов на здравоохранение. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. старение населения и его последствия рассматриваются одними из важнейших характеристик современной мировой экономики. К факторам сдерживания и угрозам областного развития причисляют увеличение доли пожилых людей в населении в ряде региональных экономических концепций. Многофакторный общественный процесс демографического старения затрагивает многие стороны жизни общества, пересекаясь с различными элементами социально-экономической политики. В ее рамках формируются новые направления с учетом специфических особенностей пожилого населения и необходимости предупреждения процессов старения.

Список литературы

1. Дартау Л.А. Государственное управление здоровьем и качеством жизни. Часть 1 // Проблемы управления. – 2015. – №2. – С. 52-59.
2. Дартау Л.А. Государственное управление здоровьем и качеством жизни. Часть 2 // Проблемы управления. – 2015. – №3. – С. 40-48.
3. Anand S., Hanson K. Disability-adjusted life years: a critical review // *Journal of Health Economics*, 1997,16: P. 685-702.
4. Sanderson W., Scherbov S. Average remaining lifetimes can increase as human populations age // *Nature*, 2005, 435 (7043): P. 811-813.

Интернет источники

5. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru> (Дата обращения: 02.11.2015).
6. Режим доступа: <http://www.gks.ru> (Дата обращения: 23.07.2015).
7. Режим доступа: http://timchenkofoundation.org/upload/ResearchIvanovo_1-2.pdf (Дата обращения: 10.11.2015).

Рыбаковский Леонид Леонидович,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Института социально-политических исследований
Российской академии наук,
г. Москва, Россия

СТРАТЕГИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЕЕ ПРЕТВОРЕНИЕ В КОНЦЕПЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ПЕРИОД ДО 2025 ГОДА

В статье дается авторское представление о таких понятиях как «стратегия» и «концепция», показывается их взаимодействие и применение в демографической сфере; анализируется стратегия демографического развития России и особенности её концептуального воплощения в условиях проявления демографической волны; показаны достижения страны в осуществлении первого этапа проведения новой демографической политики.

Ключевые слова: стратегия, концепция, развитие, демографическая политика, динамика, демографическая волна.

E-mail: 1284781@mail.ru

Rybakovskiy Leonid L.,
doctor of economic sciences, Professor,
chief researcher,
Institute of socio-political research
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

STRATEGY OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA AND ITS REALIZATION IN THE CONCEPT OF DEMOGRAPHIC POLICY FOR THE PERIOD UP TO 2025

The article presents the author's understanding of concepts such as «strategy» and «concept», showing their interaction and application in the demographic sphere; analyzes the strategy of demographic development of Russia and features of its conceptual realization in the conditions of existence of demographic waves; shows the country's achievements in the implementation of the first phase of the new demographic policy.

Keywords: strategy, concept, development, demographic policy, dynamics, demographic wave.

E-mail: 1284781@mail.ru

Для понимания исторически обусловленного вектора демографического развития России необходим ряд теоретических пояснений. Прежде всего, надо отметить, что в употребляемые понятия «стратегия» и «концепция» при их использовании часто вкладывается различный смысл. Хотя между ними существует соподчиненная связь, обусловленная их содержанием и целевой направленностью, но их смешение не допустимо. Ниже дается наше представление о понятии «стратегия» и её взаимодействие с понятием «концепция».

Изначально понятие «стратегия» относилось лишь к военной сфере и означало науку (искусство) ведения войны, ученье о лучшем расположении и употреблении всех военных сил и

средств. Перенесение на другие сферы деятельности породило ряд близких по смыслу определений. Резюмируя их, предлагаем следующую формулировку. *Стратегия представляет собой замысел, однонаправленный вектор, ориентированный на достижение определенных результатов, рассчитанный на длительный исторический период, обусловленный не сиюминутными соображениями или временно возникающими ситуациями, а фундаментальными национальными интересами государства.*

Другое понятие – «концепция». Из всего набора публикуемых словосочетаний о том, что такое концепция, можно извлечь две основные мысли, реконструкция которых позволяет дать определение этому понятию. *Концепция – это ситуационный замысел, обосновывающий необходимый комплекс способов реализации в данный отрезок времени общей стратегической цели.* Подобное представление сути этого понятия собственно и легло в основу обеих демографических концепций России. Так, в преамбуле Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года сказано, что она «представляет собой систему взглядов, принципов и приоритетов в сфере регулирования демографических процессов». В свою очередь, в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента говорится, что в концепции «определяются цели, принципы, задачи и основные направления политики Российской Федерации в области народонаселения...» [4]. Рассматривая концепцию в русле понятия «стратегия», её можно определить как тактическую составляющую последней. Концепция – это тактика осуществления стратегии в определенный временной отрезок, она инструмент реализации стратегии и подчинена её основному замыслу. В свою очередь стратегия достигает своей цели через решение промежуточных тактических задач. По словам К. Клаузевиц, тактика нужна для того, чтобы выиграть битву, а стратегия нужна для того, чтобы выиграть войну.

Говоря о стратегии применительно к демографической сфере, необходимо определить также понятие «развитие» и его соотношение с понятием «динамика». Это связано с тем, что эти понятия обычно применяются в связке, например, стратегия демографического (экономического, социального и т.д.) развития. Современное понимание идеи развития сводится к следующему. Развитие – это процесс, направленный на изменение материальных и духовных объектов (явлений, систем и пр.) с целью их совершенствования. В результате развития возникает у них новое качественное состояние, основанное на возникновении, трансформации или исчезновении их старых элементов и связей. Развитие представляет собой движение объекта, источник которого заключен в нем самом. Следовательно, под развитием понимается, либо усложнение объектов, либо увеличение их масштабов, либо того и другого одновременно. Усложнение, т.е. качественное изменение это – переход от одного состояния к другому, более совершенному, тогда как количественное изменение – это увеличение уже имеющегося состояния, его масштабности.

Понятие «развитие» сопряжено с близким по смыслу понятием «динамика». Но это отнюдь не синонимы, хотя обычно их отождествляют. Между этими понятиями имеются два принципиальных различия. Первое в том, что динамика означает лишь количественные изменения явления. В отличие от динамики развитие представляет количественные и качественные изменения объекта, носит интенсивный или экстенсивный характер. Возможно сочетание того и другого. К примеру, рост численности рожденных детей может произойти как вследствие повышения повозрастных показателей рождаемости, так и в результате увеличения численности женщин репродуктивного возраста, или за счет того и другого. Второе отличие состоит в том, что у динамики два направления изменений, два вектора, один в ту, другой – в обратную сторону. Отсюда, динамику можно характеризовать как восходящую, когда увеличиваются масштабы явления, или как нисходящую, когда они уменьшаются. Имеется еще одно состояние – статическое.

В отличие от динамики, развитие имеет лишь однонаправленный вектор, он нацелен в сторону увеличения масштабности явления. Вектор в обратную сторону представлял бы не развитие, а деградацию, упадок, рецессию. Возможно, такие связи, как демографическая статика и демографическая рецессия (спад) могут быть также пригодны для употребления, как и демографическое развитие. Исходя из сути понятий «развитие» и «динамика», понятие «стратегия» выступает в органическом словосочетании с первым из них. Для демографической сферы – это триада «Стратегия демографического развития». В свою очередь концепция является составной и исходной частью более общего понятия «политика». Применительно к демографической сфере – это концепция демографической политики.

С учетом сказанного Стратегия демографического развития России состоит в обеспечении, прежде всего, за счет воспроизводственной компоненты, восходящей динамики населения, необходимой для устойчивого повышения уровня заселенности страны, особенно её азиатской части, прироста трудовых, образовательных и воинских контингентов, обеспечивающих неуклонное наращивание социально-экономической и оборонной мощи государства. Только при устойчивом возрастании демографического потенциала государство сможет эффективно использовать свои естественные преимущества (природные ресурсы, выгодное географическое положение, огромную территорию, открытые выходы в мировой океан). Благодаря этим преимуществам Россия сможет остаться самодостаточным государством, способным не только создать комфортные условия жизни своему населению, но и оградить его от внешних угроз и посягательств на её территорию.

Внешние угрозы – это не пустые слова, о чем свидетельствуют откровенные высказывания наших западных «друзей». Далеко не надо ходить, достаточно почитать **З. Бжезинского** [2]. Особенно наглядна аргументация американской администрации, использованная для введения в начале 2014 г. санкций против России. Суть её в том, что Россия своими действиями в отношении Украины создает угрозу национальной безопасности США. Помимо словесных угроз существуют и реальные претензии к территориальной целостности России со стороны ряда её соседей. Достаточно назвать Японию, которая на географических картах свои границы очерчивает между южной и северной грядой Курильского архипелага.

В советский период за исключением экстремальных лет, в числе которых годы Великой отечественной войны, унесшей 27 млн. жизней, гражданской войны и в какой-то мере, коллективизации, все остальное время не только в СССР, но и в России была восходящая демографическая динамика. Специально ни Верховный Совет, ни Советское Правительство, ни ЦК КПСС не принимали никаких решений относительно стратегии демографического развития. Но, тем не менее, все делалось для того чтобы динамика населения была восходящей. Особенно яркий пример тому, Постановление 1981 г. о мерах помощи семьям с детьми, одна из его целей состояла в погашении созданной в 1941-1945 гг. демографической волны. В современной России также отсутствует какое-либо оформленное представление о стратегии демографического развития. Тем не менее, с 2006-2007гг. проводится в русле этой стратегии демографическая политика, цель и задачи которой сформулированы в «Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года» [4].

Благодаря реализации намеченных задач и установленных Концепцией порогов осуществления её цели, на стыке первых двух десятилетий XXI века была преодолена депопуляции, в России были достигнуты стабилизация и даже некоторый рост численности населения. Последний раз убыль населения страны была в 2008 г., да и то в мизерном измерении – минус 10 тыс. человек. В 2009 г. население в результате того, что миграционный прирост, оказался больше естественной убыли, возросло на 96 тыс. В 2012 г. общий прирост населения достиг почти 300 тыс. человек. Очевидно, что с наступлением стабилизации, причем, и с преодоле-

нием депопуляции, первая часть цели Концепции демографической политики оказалась достигнутой и, по сути, наступил новый тактический период осуществления стратегии демографического развития России.

Сложность этого периода состоит в том, что необходимость сохранения достигнутых результатов в повышении рождаемости и сокращении смертности совпадает с наступающей демографической впадиной, последствием которой является, с одной стороны, сокращение численности женщин фертильного возраста (15-49 лет), а с другой стороны, хотя и незначительно, но ускорение старения населения. Вкупе с этим и сложившаяся в России, во многом не по её вине, трудная экономическая ситуация. Тем не менее, несмотря ни на что, в наступивший период, наряду с усилением мер по увеличению рождаемости в расчете на одну женщину фертильного возраста, должно в еще большей мере быть усилено внимание к сокращению смертности населения, а также радикально изменена миграционная политика. Её цель должна состоять в поиске предпочтительного для России миграционного потенциала, его привлечении и размещении по территориям страны, с учетом их геополитической важности.

Список литературы

1. Постановление ВС РСФСР от 22 декабря 1992 г. // Российская газета. – 1993. – 4 января.
2. Бжезинский З. ВЫБОР. Мировое господство или глобальное лидерство. – М., 2004.
3. Демографическая политика: цели, принципы, приоритеты // Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ИСПИ РАН, 2000.

Интернет источники

4. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 9 октября 2007 года. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/191961/> (Дата обращения: 15.04.2015).

Рязанцев Сергей Васильевич,
член-корреспондент РАН,

руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии
Института социально-политических исследований
Российской академии наук, г. Москва, Россия

РЕЗЕРВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

(Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № № 15-06-02854-а)

В статье рассматривается эволюция демографической политики Российской Федерации на протяжении 1990-2010-х годов. Выделены этапы демографической политики в новейшей истории России. Цель исследования – установить, как решения на уровне высшей власти повлияли на изменение демографической ситуации в стране. Проанализированы ежегодные послания президента России федеральному собранию в вопросах демографического развития, выявлено влияние президентских посланий на формирование демографической политики в стране. Установлено, что решения президента России были «импульсом» для развития демографической политики в стране, начавшейся во второй половине 2000-х годов. Даны демографические оценки эффективности мер демографической политики России в 1990-2010-е годы. Выявлено, что реализуемые меры демографической политики дали положительные результаты: сократилась смертность, выросла рождаемость, отмечается увеличение численности населения. Однако, остается значительное количество нерешенных вопросов в области демографического развития. Меры демографической политики требуют углубления. Обозначены направления дальнейшего совершенствования демографической политики России.

Ключевые слова: демографическая ситуация, демографическая политика, Российская Федерация, президент, повышение рождаемости, сокращение смертности.

E-mail: riazan@mail.ru

Ryazantsev Sergey V.,

Corresponding member of the RAS,

Head of the Center for Social Demography and Economic Sociology,
Institute of Social-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE RESERVES OF THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF DEMOGRAPHIC POLICY OF RUSSIA

(The study was conducted with the support of the RFBR grant Nos. 15-06-02854-a)

In this article the evolution of democratic policy of Russian Federation during 1990-2010 is considered. Also the stages of democratic policy in the history of Russia are singled out. Target of the research is to define how decisions at the level of the highest authority influence on demographic situation in Russia. There have been analyzed annual messages of the Russian President to Federal Assembly on questions about demographic development and organization of the demographic politics in Russia. There have been established that President's decisions were like a shift for development demographic policy in Russia which has begun in the second half of 2000's. Moreover, the marks of efficiency of measures in demographic policy of Russia 1990-2010 years were established. Now we can affirm that realized measures of demographic policy have given favorable results: mortality has been reduced; fertility has been increased; increase of population. However, there are still many unsettled aspects in the area of demography and population. It means some measures should be improved more properly. Also there have been some directions on future development of demographic policy in Russia denoted.

Keywords: demographic situation, demographic policy, Russian Federation, president, increase in birth rate, decrease in death-rate.

E-mail: riazan@mail.ru

Численность населения России начала сокращаться с 1993 года, когда численность населения страны сократилась более чем на 200 тыс. человек. И хотя в 1994 году миграция «перекрыла» естественную убыль населения и отмечался общий прирост населения около 100 тыс. человек, с 1995 года Россия вступила в «черную демографическую полосу» сокращения численности населения. Миграция не могла компенсировать резко возростающей естественной убыли населения, которая достигла своего «дна» в 1999-2002 годы (около 1 млн. человек составляла разница между умершими и родившимися). В эти годы население России сокращалось на 600-700 тыс. человек. А в 2003 году был поставлен «рекорд» – почти на 800 тыс. человек (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности и компоненты изменения общей численности населения Российской Федерации в 1991-2015 гг., тыс. человек [18]

Год	Численность населения на 1 января соответствующего года	Изменения за год			Численность на 31 декабря соответствующего года	Общий прирост за год, %
		Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост		
1990	147665,1	608,6	333,6	275,0	148273,7	0,41
1991	148273,7	241,0	104,9	136,1	148514,7	0,16
1992	148514,7	47,0	-219,2	266,2	148561,7	0,03
1993	148561,7	-205,8	-732,1	526,3	148355,9	-0,14
1994	148355,9	104,0	-874,0	978,0	148459,9	0,07
1995	148459,9	-168,3	-822,0	653,7	148291,6	-0,11
1996	148291,6	-263,0	-776,5	513,5	148028,6	-0,18
1997	148028,6	-226,5	-740,6	514,1	147802,1	-0,15
1998	147802,1	-262,7	-691,5	428,8	147539,4	-0,18
1999	147539,4	-649,3	-918,8	269,5	146890,1	-0,44
2000	146890,1	-586,5	-949,1	362,6	146303,6	-0,40
2001	146303,6	-654,3	-932,8	278,5	145649,3	-0,45
2002	145649,3	-685,7	-916,5	230,8	144963,6	-0,47
2003	144963,6	-795,4	-888,5	93,1	144168,2	-0,43
2004	144333,6	-532,6	-793,0	260,4	143801,0	-0,37
2005	143801,0	-564,4	-846,5	282,1	143236,6	-0,39
2006	143236,6	-373,9	-687,1	313,2	142862,7	-0,26
2007	142862,7	-115,2	-470,3	355,1	142747,5	-0,08
2008	142747,5	-10,3	-362,0	351,7	142737,2	-0,01
2009	142737,2	96,3	-248,9	345,2	142833,5	0,07
2010	142833,5	31,9	-239,6	271,5	142865,4	0,02
2011	142865,4	191,0	-129,1	320,1	143056,4	0,13
2012	143056,4	290,7	-4,3	295,0	143347,1	0,20
2013	143347,1	320,0	24,0	296,0	143666,9	0,22
2014	143666,9	300,4	30,3	270,1	146300,0 (*)	

Примечание: (*) Численность населения на 1 июля 2015 года. Включает население Республики Крым.

Несмотря на, казалось бы, очевидные негативные тенденции и последствия, демографическая проблематика на долгие годы «выпала» из поля зрения высшего руководства России, законодательных и исполнительных органов власти. А научное и экспертное сообщество в отношении оценки причин и последствий демографических процессов в России фактически «раскололось».

Некоторая часть российских экспертов-демографов склонялась к точке зрения, что Россия переходит к демографическим тенденциям характерным экономически развитым странам. Сторонники данной демографической школы фактически отрицатели возможность демографической политики повлиять на изменение демографической динамики в России. В основе этой позиции лежало признание незыблемости сложившегося типа воспроизводства населения и соответствующих ему трендов рождаемости, границы колебаний которых довольно малы. Кроме того, высказывался аргумент, что демографическая политика, особенно пронаталистская, связанная с воздействием на репродуктивные планы семей, неэтична и противоречит базовым правам человека, в частности, праву самостоятельно решать вопрос о числе и сроках рождения детей. В качестве основных рецептов компенсации потерь численности населения и формирования контингента трудовых ресурсов, учеными рекомендовалось сокращением смертности и привлечение иностранных мигрантов («замещающая миграция»).

Этой позиции руководство страны придерживалось, хотя открыто и не принимало. Но, вольно или невольно, в 1990-е гг. демографическая политика в стране фактически отсутствовала. Никаких реальных действий в 1990-е годы и в первой половине 2000-х годов, не говоря о материальных вложениях в демографическую сферу, попросту не было. На фоне негативных социально-экономических изменений в стране это приводило к тому, что демографические проблемы усугублялись: смертность росла, рождаемость сокращалась, численность населения снижалась. В 1993 году численность населения России сократилась более чем на 200 тыс. человек. Причем, если бы не приток мигрантов (в основном из стран бывшего СССР), то сокращение населения в стране было бы в разы больше.

Однако не все российские ученые разделяли данную точку зрения. Коллектив ученых под руководством Л.Л. Рыбаковского опубликовал в начале и середине 2000-х годов целую серию работ, в которых обосновывал необходимость комплексной программы демографического развития России, которая должна была включать меры стимулирования рождаемости и проведение активной семейной политики, необходимость сокращения смертности, как за счет снижения предотвратимых смертей, так и вложений в медицинское обслуживание населения, а также привлечение мигрантов из-за рубежа, главным образом, соотечественников (русских и представителей титульных народов России) из стран «ближнего зарубежья». Данная позиция на уровне идей и конкретных мер была достаточно убедительно изложена в нескольких работах [1] и благодаря публичной активности ученых привлекла внимание руководства страны, а также повлияла на изменение демографической политики России.

Перелом в понимании и отношении российской власти к демографическим проблемам произошел не сразу. На это потребовалось несколько лет упорного труда ученых, общественных деятелей, государственных служащих, представителей бизнеса, средств массовой информации, продвигавших последовательно идею необходимости реализации мер демографической политики в стране. Только в 2003 году впервые в своем президентском послании В.В. Путин назвал сокращение численности населения одной из острейших проблем российского общества, вызванное продолжающимся падением рождаемости и ростом смертности. Президент особо отметил продолжающийся рост смертности и снижение ожидаемой продолжительности жизни. В своем следующем послании 2004 года Президент подчеркнул роль человеческого капитала в современном обществе и выступил за повышение качества населения России как основы укрепления и процветания страны. Для решения поставленной задачи В.В. Путин указал на необходимость перелома демографического спада, улучшения здоровья населения, снижения масштабов наркомании и детской беспризорности. В 2005 году В.В. Путин в очередной раз указал на фундаментальное значение положительного демографического развития: «Глубоко убежден, что успех нашей политики во всех сферах жизни тесно связан с решением острейших демографических проблем». Отдельное внимание президент уделил проблеме низкой ожидаемой продолжительности жизни, также

было сказано о проблеме высокой смертности населения в России. Кроме того, В.В. Путин говорил и о проблеме низкой рождаемости и детности, проблеме и последствиях алкоголизма и наркомании.

Однако, несмотря на эти высказывания, реальных действий в области демографической политики со стороны государства за этим не последовало. Очевидно, органы законодательной и исполнительной власти просто не понимали или не хотели понимать, какими именно способами следует «бороться» с демографическим спадом. Тем не менее, президент констатировал факт, что демографическая ситуация в стране удручающая. Это было само по себе важным политическим шагом. Кроме того, Президент и сам, очевидно, понимал, что послание требует более четких указаний и «инструкций» для приведения в движения инертной и грузной административной машины в новом для нее направлении работы – борьбе с демографическим кризисом.

С точки зрения конкретных шагов поистине переломным можно считать выступление В.В. Путина в 2006 году. Президент по сути признал инерционность и неповоротливость государственной системы управления применительно к демографическим проблемам: «Проблемы экономического и социального развития страны тесно связаны с простым вопросом: для кого мы все это делаем? Вы знаете, что в среднем число жителей нашей страны ежегодно становится меньше почти на 700 тыс. человек. Мы неоднократно поднимали эту тему, но по большому счету мало что сделали». Отмечая по-прежнему отрицательную демографическую динамику, В.В. Путин предложил развернутый комплекс мер, направленный на улучшение материального положения и жилищных условий семей, включающий в себя повышение пособий по уходу за ребенком и введение родового сертификата, а также разработку стимулов для рождения второго ребенка, т.е. введение материнского капитала. Также много внимания было уделено проблемам миграции, здоровья населения и отношения общества к ценностям семьи и материнства. В целом, в этом послании демографической проблематике было посвящено наибольшее количество времени в сравнении с другими выступлениями Президента. Фактически, это был новый уровень осознания высшим руководством страны демографических проблем.

Советом Безопасности Российской Федерации 20 июня 2006 года был принят комплекс мер демографической политики, имевших определенный эффект. После этого в 2007 году указом Президента была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 года, в которой были прописаны стратегические направления действий в этой сфере, а также выделены четкие количественные ориентиры: два этапа – 2015 и 2025 годы, для которых установлены нормативные цифры суммарного коэффициента рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни и общей численности населения.

С 2007 года началась реализация новой программы стимулирования рождаемости. Наиболее важной мерой программы было введение материнского (семейного) капитала и ежемесячного пособия по уходу за ребенком до полутора лет. Впервые эти меры стали учитывать очередность рождения детей, они были направлены на поддержку семей с несколькими детьми, стимулирование вторых и последующих рождений, что важно для обеспечения воспроизводства населения. Материнский капитал был создан как форма стимулирования рождаемости и поддержки российских семей с двумя и более детьми. Получить материнский капитал можно было как при рождении, так и при усыновлении второго, третьего или следующего ребенка. В 2007 году он составил 300 тыс. рублей и увеличивался из года в год. Потратить полученные деньги можно только на улучшение жилищных условий семьи, на получение образования или на материнскую пенсию – и только в том случае, если ребенку, на которого получен материнский капитал, уже исполнилось три года [2].

Также с 2007 года началась реализация программа «Дети России», состоящая из трех подпрограмм: «Здоровое поколение», «Одаренные дети», и «Дети и семья». Приоритетные национальные проекты «Качественное здравоохранение», «Современное образование», «Доступное и комфортное жилье – жителям России» также нацелены на решение актуальных

проблем населения и семей. В рамках национального проекта «Качественное здравоохранение» были существенно увеличены затраты на высокотехнологические виды медицинской помощи, на родовспоможение, на оказание первичной медицинской помощи, предотвращение внешних причин смертности. Кроме того, с 2007 года началась реализация Государственной программы стимулирования возвращения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Выступления президента в этот раз имели явные позитивные последствия для демографической политики государства.

Сменивший В.В. Путина на один президентский срок Д.А. Медведев продолжил его линию в попытках решения демографических проблем. К счастью, можно говорить о преемственности политики в этом вопросе в России. Впервые в истории России 2008 год был объявлен в России годом семьи, в рамках которого был проведен комплекс мероприятий на федеральном и региональном уровнях в области поддержки семьи. Ранее в некоторых регионах страны были проведены подобные акции: например, 2006 год был объявлен годом отца в Липецкой области. С 2009 года начали реализовываться меры, направленные на формирование здорового образа жизни, борьбу с курением табака и потреблением алкоголя. Многими субъектами Российской Федерации в дополнение к федеральным мерам были приняты и реализуются региональные концепции и программы демографического развития. Так, 5 ноября 2008 года в послании Федеральному Собранию уже Президент Д.А. Медведев указал на актуальные вопросы заботы о пожилom населении страны и проблемы становления обязательного медицинского страхования, а в следующем ежегодном послании 2009 года отметил важность развития медицинской техники, технологий и фармацевтики для решения задачи вывода России из демографического кризиса [13]. В послании Федеральному Собранию 30 ноября 2010 года Президент Д.А. Медведев сообщил о демографических «достижениях»: «По сравнению с 2005 годом рождаемость в России увеличилась более чем на 21%.... Младенческая смертность сократилась на четверть. В прошлом году, впервые за 15 лет, нам удалось выйти на рост численности населения России. Во многом это, конечно, результат работы материнского капитала, национального проекта “Здоровье” и других мер социальной поддержки семей» [14].

Можно бесконечно спорить об эффективности тех или иных мер демографической политики, предпринятых российским правительством с середины 2000-е годов, а также о соотношении их с объективными демографическими тенденциями. Однако факт остается фактом, происходившее в 2006-2012 годах увеличение рождаемости и сокращение смертности привело к повсеместному улучшению демографической ситуации в России. В своем очередном послании Президент Д.А. Медведев в декабре 2011 года четко озвучил позитивные оценки предпринятых мер демографической политики и демографической ситуации в России: «Мы полностью обеспечили реализацию демографических программ, что стало одним из факторов стабилизации численности населения. За четыре года в стране родилось более шести миллионов детей (и это на самом деле очень приятная цифра, это рекорд за последние 20 лет), а смертность снижалась даже быстрее первоначальных ожиданий. В современной России самая высокая за её историю средняя продолжительность жизни. Она увеличилась с 2006 года почти на три года и приблизилась к 69 годам. Продолжительность жизни женщин – <... почти 75 лет. У нас никогда такого не было. Никогда!» [15]. В принципе, это подтверждают и исследования: с 2006-2007 годов началось оздоровление демографической ситуации в России и уже в 2011-2012 годах страна вплотную подошла к выходу из режима депопуляции. С 2006 года происходит обвальное уменьшение естественной убыли.

После послания 2011 года возникло ощущение, что власти несколько успокаиваются по поводу демографических вопросов, поскольку были отмечены несомненные успехи в демографическом развитии страны. Однако в 2012 году Президент В.В. Путин, выступая в своем декабрьском послании Федеральному собранию, высказался более осторожно о демографических успехах: «Сегодня доля молодого, активного, трудоспособного населения России от 20 до 40 лет – одна из самых высоких в развитых странах мира. Но уже через двадцать лет

численность такой возрастной категории может сократиться в полтора раза, если ничего не делать, такая тенденция продолжится. Либо именно сейчас мы сможем открыть для этих поколений жизненную перспективу, трудиться на хорошей, интересной работе, строить бизнес, обзаводиться жильём, создавать большую и крепкую семью, воспитывать много детей, быть счастливыми в своей собственной стране, либо уже через несколько десятилетий Россия превратится в бедную, безнадёжно постаревшую по возрасту (в прямом смысле этого слова) и неспособную сохранить свою самостоятельность и даже свою территорию, страну. Демографические программы, принятые в прошлом десятилетии, слава богу, работают. Численность населения страны не только стабилизировалась, но и начала расти. За январь-сентябрь текущего года она выросла более чем на 200 тысяч человек. При этом впервые за всю новейшую историю нашей страны мы пять месяцев подряд фиксируем естественный прирост населения: рождаемость, наконец, стала превышать смертность» [16].

Благодаря активной демографической политике и позитивной демографической динамике к началу 2014 года численность населения России составила 143,7 млн. человек. Как заявил министр труда и социального развития М.А. Топилин: «Мы достигли достаточно высоких демографических показателей. По итогам 2013 года численность населения страны выросла на 320 тыс. человек, в основном за счет миграционного притока. Самое важное, что в прошлом году впервые с 1991 года зафиксирован естественный прирост населения. Он составил почти 23 тыс. человек. В прошлом году в России родилось 1,9 миллиона детей, а суммарный коэффициент рождаемости, по предварительной оценке, составил 1,73 ребенка на одну женщину» [17].

Фактически это означает, что целевая установка Концепции демографической политики для первого этапа (до 2015 г.) достигнута: численность населения страны стабилизировалась на уровне 142-143 млн. человек, ожидаемая продолжительность жизни и суммарный коэффициент рождаемости превысили намеченный уровень, миграционное сальдо соответствует нормативу, предусмотренному Концепцией на 2015 год. Можно согласиться с мнением Л.Л. Рыбаковского, что анализ данных о результативности демографической политики как в целом по стране, так и по ее регионам, позволяет утверждать, что Россия в течение 6-7 лет вырвалась из затяжного режима депопуляции и связанного с этим ежегодного сокращения численности населения. В начале второго десятилетия нового столетия она восстановила те демографические позиции, которые утратила в предшествующие 14 лет [6. С. 181-182]. Однако, конечно же, это не означает, что все проблемы в демографической сфере решены. Постараемся ниже не просто констатировать их, а предложить пути их решения.

Прежде всего, хотелось бы оттолкнуться от идеи, что решение демографической проблемы должно стать общенациональным делом в полном смысле этого слова. Мы часто привыкли винить власть и государство в том, что они не решают наших проблем, на самом же деле многие вопросы вполне по силам решить гражданскому обществу, бизнесу, средствам массовой информации и пр. Роль государства должна быть значимой, но может иметь разный удельный вес в различных направлениях демографической политики. Как бы это не высокопарно звучало, но настало время, когда каждый гражданин России, как член общества, может внести свой посильный вклад в решение демографических проблем.

Во-первых, необходимо решить проблему занятости населения в России, которая переходит в разряд критических и существенно влияет на социально-демографическое поведение населения. По данным социологических опросов, россияне к числу ключевых помех рождению детей в России относят материальные трудности, жилищные проблемы и страх за будущее своих детей. Бизнес мог бы более активно поддерживать работников с детьми, соблюдать трудовое законодательство в отношении женщин, имеющих детей; вкладывать в медицинское обслуживание работающих женщин и т.п. Только работающие в нормальных условиях и получающие достойную оплату труда люди могут воспроизводить свой жизненный потенциал, содержать семью, воспитывать детей. России требуется кардинально пере-

смотреть систему оплаты труда, создать прочный экономический базис для работающего населения.

Во-вторых, необходимо сократить масштабы коррупции и криминала в стране. Коррупция пронизывает все сферы общественной жизни и превратилась в проблему национального масштаба. По оценке организации Transparency International, в 2012 году Россия набрала 28 баллов (по новой 100-бальной шкале), что соответствовало 133 месту из 174 стран: в списке она расположилась между Кенией и Коморскими островами [19]. Зачастую проблемы коррупции и криминала тесно переплетаются. Высокий уровень коррупции и беззакония влияет на формирование у людей синдрома безысходности и невозможности защитить свои права, лишает уверенности в завтрашнем дне, формирует недоверия к государству, дискредитирует даже самые позитивные шаги руководства страны, что, в итоге, подталкивает многих к эмиграции и снижает установки на рождение детей.

В-третьих, нужно трансформировать государственные сервисы в России в соответствии с потребностями людей, а не чиновников. С одной стороны, что-то сделано в этом отношении: например, введены системы электронной подачи документов в государственные структуры через «Единый портал государственных услуг». Однако по-прежнему на местах не хватает сотрудников и помещений, чиновники не хотят или не могут организовать нормально прием населения при получении документов и государственных услуг. И это зависит не от Президента и Правительства, просто государственные сервисы, в условиях низкой оплаты труда служащих, стали для них еще и формой бизнеса, дополнительным заработком. В послании 2013 года В.В. Путин публично сам признал неэффективность исполнения собственных указаний на уровне чиновников в России.

В-четвертых, требуется сделать систему медицинского обслуживания доступной широким слоям населения. Несмотря на все декларации государства (практически ни одно послание Президента не обошлось без освещения актуальных проблем здравоохранения) и выделение колоссальных финансовых средств (затраты на систему здравоохранения в России составляют 6,2% ВВП) [2. С. 149], пока не решен кардинальный вопрос достойной оплаты труда медицинских работников. За несколько лет подобного отношения государства это привело к деградации концептуальной идеи медицины – необходимости оказания доступной медицинской помощи. Люди рассматриваются врачами как клиенты, поскольку врачи вынуждены компенсировать недооцененность своего труда со стороны государства. Это еще накладывается на организационные проблемы здравоохранения, отсутствие четкой системы медицинского страхования. Кстати, в этом вопросе мог бы быть более активным бизнес, который может принять на себя часть нагрузки и социальной ответственности в этом вопросе и развивать системы страхования своих работников, их семей.

В-пятых, необходимо концептуально изменить отношение государства и общества к рождению и воспитанию детей и признать это трудом со всеми вытекающими финансовыми обязательствами государства, т.е. платить женщине зарплату за рождение и достойное воспитание детей. На первый взгляд, эта идея может показаться абсурдной по причине затратности бюджета. Но, *во-первых*, демографическая политика не может быть дешевой – наиболее успешные страны мира тратят на демографическую политику 2-4% ВВП [2. С. 186]. *Во-вторых*, в этом случае проблемы единовременных выплат, пособий и льгот по рождаемости отпадут сами собой, а расходы это немаленькие. Оценить их однозначно трудно, потому что нет комплексной демографической программы в России и финансирование идет по разным каналам и из разных источников, но, по примерным оценкам, меры, реализованные в 2007-2009 годах стоили государству около 220 млрд. рублей (0,7% ВВП). Помимо общего объема расходов, следует подчеркнуть их неэффективность использования.

В 2012 году с новой силой активизировалась дискуссия относительно будущего материнского капитала, который пока установлен законом до 2016 года включительно. В президентском послании в декабре 2012 года слышим: *«У нас принята программа предоставления семейного капитала при рождении второго ребёнка. Она работает, и работает успешно, бу-*

дет действовать, как и предусмотрено, до конца 2016 года. Все обязательства мы, безусловно, по этой программе выполним в полном объеме. Хочу ещё раз подчеркнуть: программа рассчитана до 2016 года, то есть все вторые рождения или семьи, в которых родился второй ребёнок до 2016 года, получают соответствующий, как и предусмотрено законом, материнский капитал и другие льготы. Это совсем не значит, что я сейчас хочу подтолкнуть женщин к рождению второго ребёнка. Наши женщины сами знают, когда и что им нужно делать. Но проинформировать граждан мы с вами обязаны, так же, как и обязаны подумать на тему о том, что делать с этой программой после 2016 года» [16]. Хочется надеяться, что осторожность президента В.В. Путин вызвана исключительно отсутствием у него окончательно мнения по этому вопросу, а не изменением вектора демографической политики в России.

В этой ситуации, может быть, введение заработной платы за рождение и воспитание детей как раз могло бы предотвратить возникновение напряженности в обществе относительно отмены материнского капитала, поскольку стало бы логическим продолжением предыдущих мер демографической политики, гарантировало бы большую степень социально-экономическую защищенность женщин в России. Но главное в этом предложении то, что женщина могла бы быть избавлена от выбора между карьерой и семьей, между работой и рождением детей. Это, безусловно, обеспечило бы прирост рождаемости в стране. Конечно, ни в одной стране мира пока нет зарплаты женщине за то, что она мама, но почему бы России не стать авангардом? Тем более, что опыт выплаты материнского капитала также уникален по своим финансовым затратам, а теперь, как мы видим, и по демографическим эффектам.

Собственно, в поддержку этой идеи Президент В.В. Путин косвенно уже высказывался в 2012 году: «Демографы утверждают, что выбор в пользу второго ребёнка – это уже потенциальный выбор в пользу третьего. Важно, чтобы семья сделала такой шаг. И, несмотря на сомнения некоторых экспертов – а я отношусь к ним с уважением, – я всё-таки убеждён, что нормой в России всё-таки должна стать семья с тремя детьми. Но, чтобы это было так, нужно многое сделать. Нужно создать благоприятные условия в первую очередь для женщин, чтобы они не опасались, что рождение второго и последующего детей закроет им путь к карьере, к хорошей работе, заставит ограничиться исключительно домашним хозяйством. То, что мы начали делать – решение проблемы очередей в детские сады, программа профессиональной переподготовки для женщин с детьми, поддержка гибких форм занятости, – будет прямо влиять на выбор семьи в пользу второго и третьего ребёнка» [16].

В-шестых, требуется принципиально решить проблему доступности жилья для населения России, особенно для молодых семей. Еще в послании Федеральному Собранию в 2007 году В.В. Путин сделал основной акцент на проблеме обеспечения населения России доступным и качественным жильем. По оценкам Президента, заявленный в нацпроекте, ввод к 2010 году ежегодно 80 млн. квадратных метров жилья все равно не сможет достаточно покрыть потребности российского населения. До сих пор этот вопрос остается крайне острым, несмотря на попытки государства. Банковское лобби не хочет снижать процентных ставок на ипотеку, которая теперь практически недоступно молодым людям. Особенно после того, когда банка ввели необходимость первоначального взноса за приобретаемое жилье. Строительное лобби завышает цены на построенное жилье, ссылаясь на то, что платят большие взятки чиновникам, дающим разрешение на строительство. Социальная ответственность российских банков и компаний в этом вопросе, к сожалению, напрочь отсутствует.

В этом вопросе Россия попала в замкнутый круг, который невозможно пока разорвать. А между тем, обеспечение доступности жилья имеет огромное значение для решения демографических проблем, поскольку исследования показывали, что для российского населения жилищный вопрос является одним из основных препятствий на пути реализации репродуктивных установок семей. Это также доказывает статистика по использованию материнского капитала: «За время действия программы 97% семей использовали сертификат для улучшения жилищных условий» [17]. Учитывая столь однозначный выбор людей, Правительство РФ

планирует после 2016 года ограничить сферу применения материнского капитала только возможностями вложений в строительство или покупку жилья [20]. Таким образом, Правительство РФ хочет запретить тратить материнский капитал на образование и будущую пенсию. Ранее звучали другие предложения – разрешить тратить материнский капитал на лечение детей или на ведение предпринимательской деятельности.

В-седьмых, необходимо наладить координацию в вопросах реализации демографической политики, поскольку сейчас она реализуется различными министерствами и ведомствами, финансируется из разных источников, по разным проектам и программам, которые не объединены концептуально и технологически. Например, сейчас демографическими вопросами в той или иной части и мере занимаются Министерство здравоохранения, Министерство труда и социального развития, Федеральная миграционная служба, Министерство образования и науки, Министерство регионального развития и пр. Возможно введение должности вице-преьера по демографии или создание Министерства демографического развития России. Порой, действия государства становятся непоследовательными. Например, при всей остроте демографических проблем и проблем детей в России, по решению Правительства РФ и Министерства иностранных дел в 2012 году прекратил свою деятельность в России ЮНИСЕФ, а в 2013 году – Фонд ООН по народонаселению (ЮНФПА) под предлогом того, что Россия перешла в категорию стран-доноров международного развития и больше не нуждается в помощи международных организаций. Это свернуло многие проекты в социально-демографической сфере, которые реализовывали эти организации в стране. К сожалению, адекватных источников их финансирования со стороны государства не было предложено. Очевидно, что эти действия государства отвечают интересам национального развития в социально-демографической сфере. Кроме того, демографические показатели пока не учитываются при оценке эффективности работы органов государственной власти на разных уровнях. Между тем, например, такой показатель как «ожидаемая продолжительность жизни» мог бы быть объективным индикатором социально-экономического развития страны, субъекта федерации, муниципалитета. В ожидаемой продолжительности жизни аккумулируются многие компоненты, в том числе социально-экономические условия, уровень доходов, качество жизни, меры поддержки семьи и пр.

В-восьмых, необходимо восстановить систему сбора демографических данных, нарушенную ранее. Согласно закону «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ из актов записи гражданского состояния был исключен такой ряд важных сведений, как очередность рождения ребенка, национальность родителей и пр. Хотя это и не позволяет определить влияние очередности рожденных детей на изменение показателей рождаемости и, следовательно, влияние реализуемых мер демографической политики. Только в 37 регионах России статистические службы продолжают собирать эти сведения неофициально, что позволяет давать хотя бы примерные оценки эффективности мер демографической политики. Также, указанным выше законом из национальной статистики исключены сведения о социальном статусе, отрасли занятости умершего, что не позволяет оценить эффективность мер по сокращению смертности в разрезе социальных групп населения. Кроме того, качество сбора данных о смертности нарушено на локальном уровне с точки зрения фиксации причин смерти. Как показывают исследования, за резким ростом количества смертей от «неустановленных причин смерти» в России скрывается множество фактов смерти от криминальных причин, внешних (предотвратимых) причин из-за неэффективной работы органов здравоохранения [10; 11]. Кроме того, из статистической разработки по непонятным причинам были исключены сведения о национальности мигрантов, региональные базы данных о мигрантах до сих пор не объединены в единую систему, что не дает реального представления о численности и распределении иностранных мигрантов по территории России. В этой ситуации трудно дать объективную оценку демографическим процессам, эффективности реализации демографической политики, обозначить правильные приоритеты ее

развития на перспективу. По причине отсутствия полноценной и точной информации некоторые меры демографической политики могут быть лишены научного обоснования.

Список литературы

1. Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Кузнецов В.Н., Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. Стратегия демографического развития России. – М.: ЦСП, 2005.
2. Атлас демографического развития России / Научный совет Президиума РАН по Программе фундаментальных исследований Российской академии наук «Экономика и социология знания» / Под ред. ак. РАН Г.В. Осипова и проф. С.В. Рязанцева. – М.: Экономическое образование, 2009.
3. Рязанцев С.В., Гусаков Н.П., Маньшин Р.В. Проблемы старения населения России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2014. – № 1. – С. 83-87.
4. Вишневский А. Русский или прусский? – М.: ГУ ВШЭ, 2005.
5. Демографическая политика: цели, принципы, приоритеты / Под ред. Рыбаковский Л.Л. – М.: ИСПИ РАН, 2000.
6. Демографические перспективы России/ Под ред. академика Осипова Г.В. и проф. Рязанцева С.В. – М.: Экон-Информ, 2008.
7. Рыбаковский Л.Л. 20 лет депопуляции в России. – М.: Экон-информ, 2014.
8. Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В., Безвербный В.А. Вопросы демографического развития России в президентских посланиях: влияние на эффективность демографической политики // Горизонты экономики. – 2011. – № 2.
9. Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики). – М., 2001.
10. Рязанцев С.В., Иванова А.Е., Гришин А.С. Методика оценки предотвратимой смертности населения: территориальный и исторический подходы // Научное-обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2013. – № 6. – С. 69-76.
11. Рязанцев С.В., Иванова А.Е., Гришин А.С. Алкогольная смертность в России как результат девиантного поведения // Научное-обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2013. – № 6. – С. 64-72.
12. Рязанцев С.В., Боженко В.В. Новые формы временной эмиграции из России через призму социально-демографических характеристик мигрантов // Научное-обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2013. – № 6. – С. 80-87.

Интернет-источники

13. Послание Президента Федеральному Собранию 12 ноября 2009 года. – Режим доступа: [<http://kremlin.ru/transcripts/5979>] (Дата обращения: 08.11.2015).
14. Послание Президента Федеральному Собранию 30 ноября 2010 года – Режим доступа: [<http://kremlin.ru/transcripts/9637/work>] (Дата обращения: 08.11.2015).
15. Послание Президента Федеральному Собранию 22 декабря 2011 года. – Режим доступа: [<http://kremlin.ru/transcripts/14088/work>] (Дата обращения: 08.11.2015).
16. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года. – Режим доступа: [<http://kremlin.ru/transcripts/17118>] (Дата обращения: 08.11.2015).
17. Выступление министра М.А. Топилина на расширенной коллегии Министерства труда и социального развития: Сообщение РИА Новости от 28 марта 2014 г. – Режим доступа: [<http://ria.ru/society/20140328/1001437138.html>] (Дата обращения: 12.11.2015).
18. Данные Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#] (Дата обращения: 10.11.2015).
19. Индекс восприятия коррупции (англ. Corruption Perceptions Index, CPI) — ежегодный рейтинг государств мира, отражающий оценку уровня восприятия коррупции аналитиками и предпринимателями по десятибалльной шкале. Индекс восприятия коррупции// Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Индекс_восприятия_коррупции] (Дата обращения: 10.11.2015).
20. Материнский капитал станет полностью жилищным // Сообщение РБК от 10 февраля 2014 года. – Режим доступа: [<http://top.rbc.ru/society/10/02/2014/904227.shtml>] (Дата обращения: 10.11.2015).

Синельников Александр Борисович,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры социологии семьи и демографии
социологического факультета
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

ЗНАЧЕНИЕ БРАЧНОСТИ ДЛЯ СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Установлено, что среднее число рожденных детей к концу репродуктивного возраста (40-45 лет) у женщин, состоящих в незарегистрированном браке, значительно меньше, чем у женщин, состоящих в законном браке. Доказано, что у большинства женщин, чей первый брак прекратился, нет ни новых законных супругов, ни даже сожителей. Переход значительной части населения России от традиционного законного брака (один раз на всю жизнь) к незарегистрированным бракам (то есть, сожительству), разводам и повторным бракам негативно влияет на рождаемость. Семейно-демографическая политика должна стимулировать вступление в законный брак и профилактику разводов.

Ключевые слова: зарегистрированный брак, незарегистрированный брак, первый брак, повторный брак, прекращение брака, развод, рождаемость, среднее число рожденных детей, семейно-демографическая политика.

E-mail: sinelka@mail.ru

Sinelnikov Alexander B.,
candidate of economic sciences
docent of department of the sociology
of family and demography of the sociology faculty,
Lomonosov Moscow state university,
Moscow, Russia

THE SIGNIFICANCE OF NUPTIALITY FOR FAMILY AND DEMOGRAPHIC POLICY IN RUSSIA

It was found that the average number of children born to the late reproductive age (between 40 and 45 years) women in unregistered marriages, much less than legally married women. It is proved that the majority of women whose first marriage had been ended, there is no new legal spouses or even cohabitants. The transition of significant part of population in Russia from a traditional legal marriage (once for life) to unregistered marriage (i.e., cohabitation) divorce and remarriage affects the birth rate. Family-demographic policy should encourage the entry into a legal marriage and preventing divorce.
Keywords: registered marriage, unregistered marriage, first marriage, remarriage, dissolution of marriage, divorce, birth rate, average number of born children, family and demographic policy.

E-mail: sinelka@mail.ru

Некоторые демографы считают, что высокая вероятность развода и отказ многих сожительствующих партнеров (по решению их обоих либо одного из них) регистрировать свои отношения в ЗАГСе не оказывают негативного влияния на рождаемость, поскольку при этом не уменьшается или даже увеличивается общее число лет, фактически прожитых среднестатистической женщиной репродуктивного возраста в браке. С точки зрения этих авторов, не имеет особого значения, идет ли речь о первом или повторном брачном союзе, о законном супружестве, или о так называемом «гражданском» браке. Например, С.В. Захаров признает, что «золотой век господства традиционного брака в России пришел к закату» и комментирует свой вывод следующим образом: «Так ли уж ущербны с демографической точки зрения новые формы супружества и семейной жизни? Опыт целого ряда зарубежных развитых стран свидетельствует, что переход к многообразию типов супружеских отношений, когда привычный брак соседствует с консенсуальным союзом, может приносить не проигрыш, а выигрыш в отношении рождаемости. Сегодня в Европе более высокая общая рождаемость встречается в тех странах, где высока и доля «внебрачных» рождений (читай, высок вклад в общую рождаемость в широко распространившихся незарегистрированных союзах). Не этот ли путь повышения рождаемости уготован и России?» [12. С.4].

Исходя из этой же логики, даже и в советское время, когда разводы считались негативным явлением, в научной литературе высказывались мнения о том, что распад браков имеет позитивные демографические последствия. Еще В.А. Борисов, в своей книге «Перспективы рождаемости» (впервые изданной в 1976 г. и переизданной в 2007 г.) обратил внимание на то, что: «...вариант решения проблемы депопуляции, предлагаемый В.П. Пискуновым, состоит в том, что он полагает возможным, при нормальной структуре населения по полу, компенсировать однодетность каждого отдельного брака увеличением числа повторных браков. По его мнению, современный идеал «вечной любви» устареет и люди будут вступать в брак по несколько раз в течение жизни» [8. С. 88] и весьма скептически отозвался о такой идее: «Если же в этой гипотезе В.П. Пискунова предполагается, что в каждом новом браке будет рождаться по ребенку (и, таким образом, у каждой женщины будет несколько детей), то это будет самая обычная многодетность, только при многобрачности. Думается, гораздо лучше достичь того же результата при сохранении традиционной формы брачного союза» [1. С. 208-209].

С тех пор значительно увеличилось как число разводов в расчете на 100 браков, так и число повторных браков в процентах к общему числу бракосочетаний. В 1970 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 1319 тыс. браков и 397 тысяч разводов [7. С. 117], а в 2014 г. – соответственно 1226 тыс. и 694 тыс. [2. С. 5]. Легко рассчитать, что за 1970 -2014 гг. число разводов в расчете на 100 браков увеличилось с 30 до 57, т.е. почти вдвое. Естественно, что рост числа разводов сопровождался увеличением числа и доли повторных браков. В 1970 г. они составляли 15% от общего числа браков у мужчин и 14% – у женщин [6. С. 58], а в 2014 г. , по данным Росстата, – 29% у мужчин и 30% – у женщин. Если же не принимать во внимание вдов и вдовцов, а учитывать только разведенных, то они составляли 27% от общего числа новобрачных как у мужчин, так и у женщин.

Несмотря на рост этих показателей, число повторных браков как у мужчин, так и у женщин, более чем в два раза меньше числа разводов. Свыше половины разведенных обоего пола не вступают в новый законный брак. Это ставит под сомнение утверждения тех авторов, которые считают, что распад браков и смена брачных партнеров положительно влияют на рождаемость. Правда, они приводят статистические данные, чтобы подтвердить обоснованность своей точки зрения, но для этого им приходится пересмотреть само понятие «брак».

Так, С.В. Захаров (и не только он) рассматривает отказ значительной части населения от вступления в законный брак и замену его так называемыми «гражданскими браками» (сожительствами) как «расширяющиеся границы брака» [13. С. 2.] и заменяет само понятие «брак»

понятием «партнерский союз», применимым как к законному супружеству, так и к любой более или менее продолжительной внебрачной сексуальной связи, иногда даже и без совместного проживания. Анализируя данные выборочного социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), которое является частью международной программы «Поколения и гендер», он пришел к выводу: «...несмотря на все изменения, средняя длительность пребывания в браке для женщин активного репродуктивного возраста в России повысилась» [3. С. 45]. Данные РиДМиЖ показали, «что на рубеже XX и XXI веков... повторные союзы обеспечили более 16% всех рождений, почти 10% первых, более 23% вторых и более 35% третьих и последующих рождений, состоявшихся в союзах с совместным проживанием обоих родителей» [3. С. 45]. Это в несколько раз выше аналогичных цифр за 1950-е и даже за 1970-е годы. Вклад повторных союзов в рождаемость весьма значителен и продолжает увеличиваться.

Но брак и «партнерский союз» это не одно и то же. Как указывает сам С.В. Захаров, «партнером в обследовании [РиДМиЖ] считался человек, с которым респондента связывают устойчивые интимные отношения, предполагающие и наличие сексуальной близости. Если у респондента в момент обследования было одновременно несколько партнеров и обо всех он хотел рассказать, то предлагалось рассказать только о партнере, которого он считает наиболее важным для себя. Для текущего партнерства допускалось раздельное проживание партнеров, о чем спрашивалось специально, а в вопросах, касающихся прошлых партнерских союзов, сведения фиксировались только о тех партнерах, с которыми респондент проживал на одной жилплощади не менее трех месяцев подряд» [13. С. 2].

Разумеется, смена партнеров имеет место значительно чаще, чем смена законных супругов. Если считать вступлением в повторный брак появление у женщины, официально никогда не бывшей замужем, нового более или менее постоянного сексуального партнера, то тогда процент «компенсации» распада партнерств повторными партнерствами может быть гораздо выше, чем по данным ЗАГСов, которые учитывают только зарегистрированные браки и разводы. Именно такие результаты и получил С.В. Захаров. Анализируя данные РиДМиЖ о заключении и прекращении всех партнерских союзов (а не только законных браков) он делает вывод: «Влияние именно этого фактора на уровень рождаемости в стране не могло быть отрицательным. Наоборот, оно должно было быть положительным... Современная ситуация также пока особого беспокойства не вызывает. Средняя продолжительность пребывания в супружеском союзе/союзах для современной россиянки высока, как никогда прежде, а компенсирующая роль повторных союзов вполне соответствует растущему риску прекращения первых союзов» [5. С. 115].

Представим себе довольно типичную ситуацию. Женщина когда-то жила вместе со своим партнером, не регистрируя брак и предохраняясь от беременности (или прерывая ее) именно потому, что они (или кто-то из них) не были уверены в прочности своих отношений и не считали их настоящим супружеством. Затем они расстались. После этого она вышла замуж за другого человека и родила *первого* ребенка в *первом* браке. С точки же зрения С.В. Захарова, это рождение имело место в *повторном* партнерском союзе. Если же она родила вне брака от нового сожителя, то это тоже будет рассматриваться как рождение в *повторном* союзе. Наконец, если она разведена с бывшим мужем, после чего родила ребенка от человека, который так и не стал ее законным супругом, то и это тоже будет считаться вкладом повторных союзов в рождаемость. Не удивительно, что в повторных союзах рождается намного больше детей, чем в настоящих повторных браках – ведь многие из этих союзов зарегистрированы как первые браки или вообще не зарегистрированы, а дети от них считаются рожденными вне брака. Это явление широко распространено. В 2013 и 2014 гг. вне брака родилось 23% всех детей в России [2. С. 12]. Половина из них была зарегистрирована в ЗАГСах по заявлениям обоих родите-

лей, т.е. отцы добровольно признали свое отцовство [11. Табл. 4.5]. В таких случаях, как правило, речь идет о детях, появившихся на свет в фактически полных семьях, где их родители живут вместе, но по каким-то причинам не регистрируют брак.

Однако можно ли приравнивать так называемые незарегистрированные браки к зарегистрированным? Есть все основания полагать, что отказ мужчины и (или) женщины узаконить свои отношения в большинстве случаев связан с тем, что он, она или они оба не верят в прочность своего союза. Но в таком случае это, скорее всего, может привести и к отказу от рождения детей (особенно, если хотя бы один ребенок у женщины уже есть). Дети не дают гарантии сохранения брака, но в случае его распада создают гораздо больше проблем для своих родителей (особенно для матерей), чем сам по себе развод супругов, у которых нет общего ребенка. Несмотря на статистику внебрачной рождаемости, можно предположить, что среднее число детей в расчете на один незарегистрированный брак значительно меньше, чем на одно законное супружество, причем это должно касаться как первых, так и повторных брачных союзов.

Для проверки этой гипотезы были сделаны расчеты по базе данных выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом осенью 2012 г. в 30 субъектах Российской Федерации. Объем выборки: 10054 человек (4910 мужчин и 5144 женщины). Эта база данных опубликована на сайте Росстата (www.gks.ru), что дает возможность строить на ее основе различные таблицы и графики в режиме онлайн. При проведении этого исследования опросу подлежали мужчины от 18 до 60 лет и женщины от 18 до 45 лет. На рисунке 1 представлены данные для женщин от 40 до 45 лет, у которых число рожденных детей очень близко к окончательному.

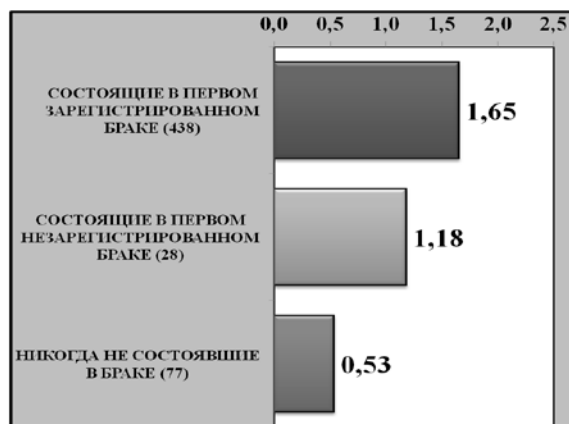

Рис. 1. Среднее число рожденных детей на одну женщину от 40 до 45 лет, в зависимости от наличия или отсутствия опыта вступления в 1-й брак и его регистрации (в скобках приведено число женщин в каждой группе) [10]

Среднее число детей в расчете на одну женщину, составляет: у состоящих в зарегистрированном первом браке – 1,65; у состоящих в незарегистрированном первом браке – 1,18; у никогда не состоявших ни в законном, ни в так называемом «гражданском» браке – 0,53. Примерно половина из них все-таки имеет ребенка, но лишь единицы – двоих детей.

По такому важнейшему демографическому признаку, как среднее число рожденных детей (от чего зависит рост или убыль населения), женщины, состоящие в незарегистрированном браке, занимают промежуточное положение между теми, чей брак носит законный характер,

и теми, которые в течение всего репродуктивного периода никогда не были замужем, даже если считать замужеством «гражданский» брак.

То же самое касается и повторных браков (рис. 2). Среднее число детей: у женщин, состоящих в зарегистрированном повторном браке – 1,95; у женщин, состоящих в незарегистрированном повторном браке – 1,59; у женщин, которые в прошлом состояли в браке, но на момент опроса в нем не состояли, – 1,34.

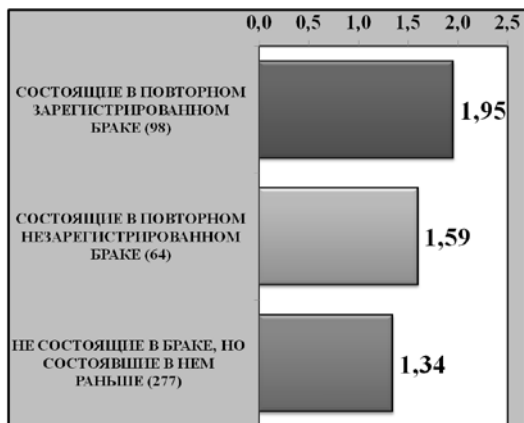

**Рис. 2. Среднее число рожденных детей на одну женщину от 40 до 45 лет, чей первый брак прекратился, в зависимости от наличия или отсутствия опыта вступления в повторный брак и его регистрации
(в скобках приведено число женщин в каждой группе)**

Таким образом, женщины, состоящие в незарегистрированном повторном браке, тоже занимают промежуточное положение между теми, у кого этот повторный брак зарегистрирован и теми, у кого предыдущий брак прекратился, а нового законного или «гражданского» супруга на данный момент нет. Среднее число рожденных детей у женщин, состоящих в зарегистрированном повторном браке, заметно выше, чем в зарегистрированном первом браке (1,95 против 1,65). То же самое касается и незарегистрированных браков (соответственно 1,59 против 1,18). Но женщины, состоящие в незарегистрированном повторном браке, в среднем, имеют меньше детей, чем состоящие в зарегистрированном первом браке (1,59 против 1,65).

Следует принимать во внимание, что девочек рождается меньше, чем мальчиков. Обычная естественная пропорция полов при рождении 106 мальчиков на 100 девочек (рассчитано по: [11. Табл. 2.2]). Кроме того, некоторые женщины умирают до выхода из репродуктивного возраста, не все выжившие вступают в брак хотя бы один раз, а около половины браков распадается. С учетом всего этого, для простого замещения поколений среднее число детей в расчете на одну замужнюю женщину должно составлять не менее, чем 2,3, а на одну супружескую пару, способную иметь детей – не менее, чем 2,5. Поэтому даже у женщин, вступающих в законный брак несколько раз, среднее число детей недостаточно для простого замещения поколений.

Разводы и повторные браки могли бы способствовать некоторому повышению рождаемости, если бы все или почти все разведенные женщины вновь выходили замуж. Но данные вышеупомянутого исследования Росстата показывают, что подавляющему большинству из них это не удастся, либо их новый брак тоже оказывается недолговечным. Из 982 опрошенных женщин в возрасте от 40 до 45 лет, 905 (92%) когда-либо состояли в браке. У 439 женщин,

т.е. примерно половины (49%) среди тех, которые в свое время вступили в первый брак, этот брачный союз по тем или иным причинам прекратился. Среди них лишь 162 женщины (37%) на момент опроса состояли в повторном браке, в том числе у 98 женщин (22%) этот брак был зарегистрирован. Еще 277 женщин, т.е. почти две трети (63%) среди имеющих опыт прекращения первого брака, на момент опроса не имели ни законных, ни «гражданских» супругов. Эти данные относятся к женщинам в конце репродуктивного периода (40-45 лет), но если иметь в виду весь этот период (от 18 до 45 лет), то ситуация с повторными браками существенно не меняется.

Среди 1479 женщин от 18 до 45 лет, имеющих опыт завершения первого брака, на момент опроса только 40% состояли в повторном браке и лишь у 23% этот повторный брак был зарегистрирован.

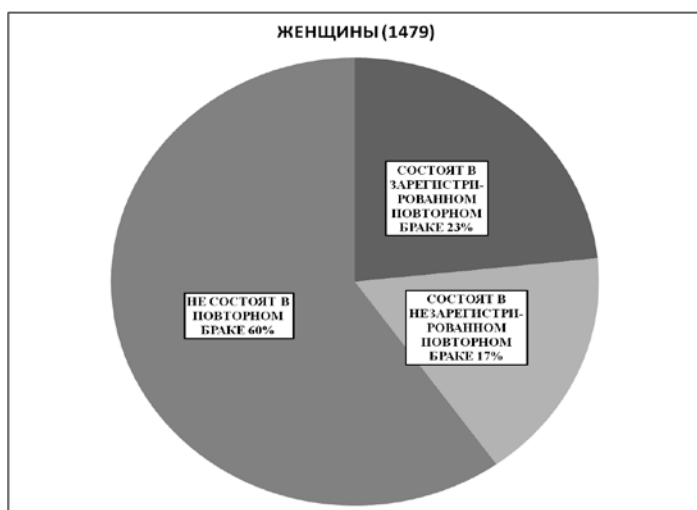

Рис. 3. Распределение женщин в возрасте от 18 до 45 лет, имеющих опыт прекращения первого брака, по брачному статусу на момент опроса (в скобках приведено число женщин в каждой группе)

У мужчин ситуация несколько лучше, поскольку их дети от первых браков обычно с ними не живут, что облегчает вступление в повторный брак. Однако даже и в отношении мужчин говорить о полной или почти полной компенсации распада брачных союзов новыми супружествами тоже не приходится. Среди 1080 мужчин в возрасте от 18 до 60 лет, чей первый брак в прошлом прекратился, на момент опроса лишь немногим более половины (55%) состояли в повторном браке и только у трети респондентов (32%) этот новый брак был зарегистрирован. Еще 45% мужчин так и не смогли (или не захотели) создать новую семью, либо она тоже распалась. Помимо разводов, фактического распада семей без формального расторжения законного брака и разрыва отношений между сожителями, причиной прекращения браков может быть и овдовение. Вопросы о брачном статусе в анкете Росстата 2012 г. были сформулированы таким образом, что можно выделить в особые группы тех респондентов, у кого брак зарегистрирован и тех, кто считает себя состоящими в незарегистрированном браке. Сами респонденты определяли, что является незарегистрированным браком. Однако эти данные позволяют рассчитать лишь общую численность тех, кто состоял в браке раньше, а сейчас не состоит, без деления их на вдовых, разведенных и разошедшихся. Но по данным переписи 2010 г. можно определить, что доля вдовых в суммарной численности лиц этих трех брачных

статусов относительно невелика: 12% у мужчин 18-59 лет и 13% у женщин 18-44 лет (рассчитано по: [14. С. 294-295]).

Среди всех женщин, состоящих в браке и собирающихся (ожидающих) иметь меньше детей, чем они сами желали бы, 19% вынуждены отказаться от рождения желаемого числа детей из-за сложностей во взаимоотношениях в семье, если брак зарегистрирован и 33% – если он не зарегистрирован. Различие составляет 14%. Соответствующие показатели для состоящих в первом браке составляют 20% и 32%, (разница 12%), для состоящих в повторном браке – 17% и 34% (разница составляет 17% и является двукратной). Все различия по этим показателям между зарегистрированными и незарегистрированными браками статистически значимы ($t > 2$).

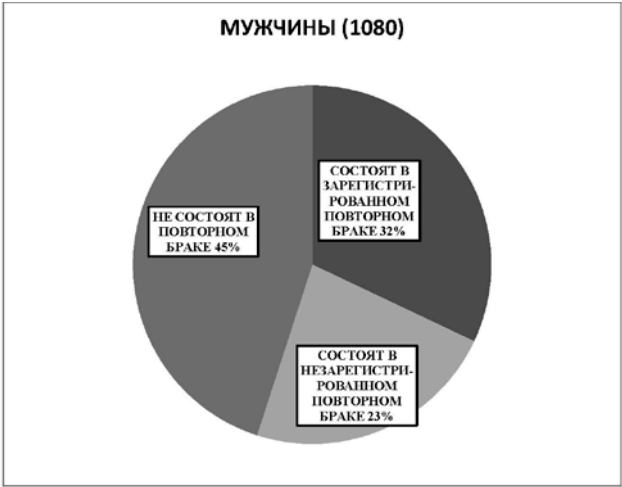
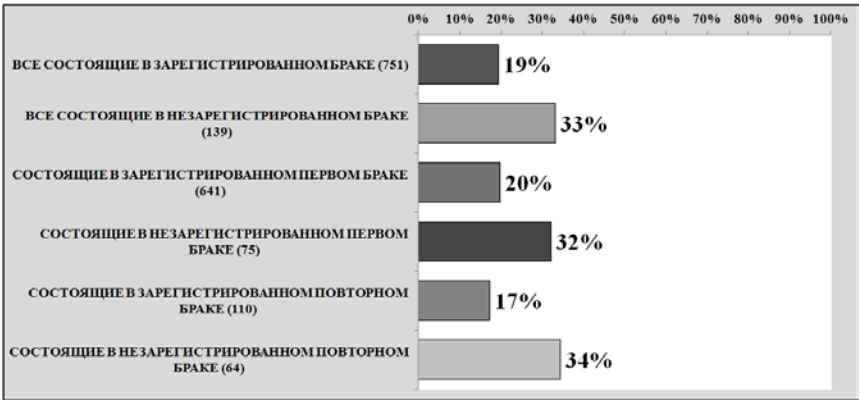

Рис. 4. Распределение мужчин в возрасте от 18 до 60 лет, имеющих опыт прекращения первого брака, по брачному статусу на момент опроса (в скобках приведено число женщин в каждой группе)

Источник и примечание: – см. рис. 1.

Рис. 5. Доля респонденток, для которых сложности во взаимоотношениях в семье мешают или очень мешают рождению желаемого ими числа детей, в % к числу женщин, у которых ожидаемое число детей меньше желаемого (в скобках приведено число женщин в каждой группе)

Высокая частота прекращения первых браков и низкий уровень компенсации этого процесса повторными браками, а также отказ многих сожительствующих пар регистрировать свои отношения, как брак, негативно влияют на рождаемость. При этом женщины, состоящие в зарегистрированном повторном браке, к концу репродуктивного возраста (40-45 лет) в среднем имеют несколько больше детей (1,95), чем состоящие в зарегистрированном первом браке (1,65). Но даже и в ситуации повторного брака итоговое среднее число детей у женщин значительно меньше необходимой для простого замещения поколений величины этого показателя (2,3 на замужнюю женщину и 2,5 на замужнюю женщину, способную иметь детей). Поэтому даже в случае вступления всех разведенных (и овдовевших) женщин репродуктивного возраста в повторные браки уровень рождаемости в долгосрочной перспективе будет ниже уровня смертности.

Однако в зарегистрированном повторном браке состоят менее четверти (22-23%) среди женщин репродуктивного возраста, чей первый брак прекратился по тем или иным причинам. Еще 15-17% женщин состоят в незарегистрированном повторном браке, но среднее число детей у них меньше, чем у женщин, чей первый брак сохраняется до выхода из репродуктивного возраста. Подавляющее большинство женщин (не менее 60%), чей первый брак распался, либо вообще не вступают в новый брак (даже если считать сожителство браком), либо эти союзы тоже распадаются. Среднее итоговое число рожденных детей у этих женщин заметно меньше, чем у состоящих в непрерывном первом браке.

Незарегистрированный брак, как по числу рожденных детей, так и по другим параметрам является промежуточным статусом между законным браком и безбрачием. Для первых браков в большинстве случаев жизнь без регистрации – это некий подготовительный период. Молодые пары некоторое время живут вместе без регистрации и лишь после того, как убедятся в прочности своих отношений, расписываются в ЗАГСе, а если отношения не сложились, то расстаются. Естественно, что в течение этого «испытательного срока», они, как правило, откладывают рождение первого ребенка. Если же из-за несовершенства средств и методов контрацепции беременность все-таки возникает, это может подтолкнуть их к регистрации брака, но даже и такой стимул срабатывает далеко не всегда [9. С. 8-17]. Если сожителство продолжается больше пяти лет, то шансы на то, что партнеры когда-либо распишутся, минимальны. В таких случаях незарегистрированный брак следует рассматривать как особый вид брачного состояния, который занимает промежуточное положение между безбрачием и законным браком, но не является переходным этапом между ними. Эта ситуация особенно характерна для разведенных мужчин и женщин, но в молодых поколениях она становится все более типичной и для тех, кто никогда не состоял в законном браке и не желает в него вступать [9. С. 4-17].

Нежелание вступать в зарегистрированный брак, как правило, связано с проблемами в отношениях с партнерами. Даже С.В. Захаров, который считает, что переход от традиционного брака к неофициальным партнерствам не оказывают негативного влияния на рождаемость, признает: «Зарегистрированные браки в России, как и в других странах, характеризуются в два раза более низкой вероятностью прекращения союза по сравнению с неформальными (незарегистрированными) союзами» [4. С. 71]. Но по этой же причине сожители опасаются рождения детей. Женщины, состоящие в незарегистрированном браке (как в первом, так и в повторном), значительно чаще указывают на то, что сложности во взаимоотношениях в семье мешают им родить то число детей, которое они желали бы иметь.

При анализе материалов переписей населения и выборочных социологических обследований все данные по мужчинам и женщинам, состоящим в зарегистрированном и незарегистрированном браке, следует рассматривать отдельно. Объединение их в одну группу приводит к излишне оптимистическим выводам, как о степени компенсации разводов повторными браками, так и о влиянии брачной структуры населения на рождаемость.

В России основные меры семейно-демографической политики направлены не только на стимулирование рождения вторых и последующих детей в уже существующих семьях, но и на создание новых семей, т.е. на стимулирование вступления в зарегистрированные браки (как первые, так и повторные), на поощрение рождения первенцев, а также на профилактику разводов. Влияние закона о материнском (семейном) капитале на рождаемость могло бы быть сильнее, если бы сам капитал назывался не материнским, а именно семейным. Капитал предназначен для всей семьи, используется в подавляющем большинстве случаев на улучшение жилищных условий, а это касается семьи в целом, а не одной только матери. То, что право распоряжаться этим капиталом имеют только матери, понижает авторитет мужей и отцов в семьях, а мужчин – в обществе. Поэтому никак нельзя сказать, что материнский капитал способствует укреплению брака, как основы семьи. А прочность брака влияет и на рождаемость. Не только материнский капитал, но и многие другие меры демографической политики предназначены не для семьи в целом, а только для матери с ребенком. Тем самым государство рассматривает каждую семью, которой оно помогает, как неполную семью, даже если в ней есть муж и отец. Таким образом, неполная семья как бы превращается в норму, что явно не соответствует самой идее демографической политики и может даже снижать ее эффективность.

Чтобы исправить положение, следует переименовать капитал в семейный. Это слово присутствует в названии капитала материнский (семейный), но только в скобках и его никто не употребляет. Все списания средств с соответствующего счета должны производиться по совместному заявлению обоих родителей ребенка, если они состоят в зарегистрированном браке [15. С. 16-17]. Это поднимет престиж законного супружества, повысит авторитет мужчин в семье и обществе, пойдет на пользу семейно-демографической политике и не потребует практически никаких дополнительных расходов от государства.

Список литературы

1. Борисов В.А. Демографическая дезорганизация России: 1897-2007. Избранные демографические труды / Ред.-составитель А.И. Антонов. – М.: NOTA BENE, 2007. – 752 с.
2. Естественное движение населения Российской Федерации за 2014 год: Статистический бюллетень. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2015. – 55 с.
3. Захаров С.В. Глава 2. Рост рождаемости: начало пути и дальние горизонты // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 год. Россия перед лицом демографических вызовов / Под общ. ред. А.Г. Вишневого и С.Н. Бобылева. – М.: ПРООН, 2009. – С. 28-54.
4. Захаров С.В. Раздел 2. Браки и разводы // Население России 2008. Шестнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – С. 53-76.
5. Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. – М.: НИСП, 2007. – С. 75-126.
6. Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИЛ ВШЭ, 2014. – 412 с.
7. Население СССР. 1988. Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 704 с.
8. Пискунов В.П., Стешенко В.С. К теоретическому обоснованию демографической политики развитого социалистического общества // Демографические тетради. – Вып. 6-7. – Киев: Изд-во Института экономики АН УССР, 1972. – С. 37-121.

Интернет источники

9. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году. (Опубликовано 24.01.2013). – 96 С. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/ogp.doc (Дата обращения: 10.11.2015).
10. База данных выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2012 г. (опубликована на сайте Росстата. – Режим доступа: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (Дата обращения: 26.10.2015).
11. Демографический ежегодник России. 2014: Стат.сб./ Росстат.– М., 2014. – 264 С. (С 2014 г. статистический сборник «Демографический ежегодник России» публикуется только в электронном виде в подразделе «Публикации» раздела «Официальная статистика» на официальном Интернет-портале Росстата. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>) (Дата обращения: 25.10.2015).
12. Захаров С.В. Длительность супружеской жизни женщин репродуктивного возраста // Демоскоп Weekly. № 289-290. 21 мая – 3 июня 2007. С. 1-4. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0289/tema04.php> (Дата обращения: 25.10.2015).
13. Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая. Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. № 237-238. 6 марта 2006. С. 1-9. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php> (Дата обращения: 25.10.2015).
14. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. М.: Статистика России, 2012. 482 С. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения: 25.10.2015).
15. Синельников А. Б. Влияние брачности на рождаемость и демографическая политика в России // Семья и социально-демографические исследования. Научный интернет-журнал. — 2015. — № 4. — С. 16–17. – Режим доступа: <http://riss.ru/demography/demography-science-journal/12314/> (Дата обращения: 10.11.2015).

Соловьев Аркадий Константинович,
доктор экономических наук, профессор,
начальник Департамента актуальных расчетов
и стратегического планирования,
Пенсионный фонд Российской Федерации;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И РИСКИ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ РОССИИ

Государственная пенсионная система в современном понимании, основанная на трудовых принципах формирования пенсионных прав, представляет собой самый сложный объект управления, так как требует строго рассчитанного и сбалансированного регулирования всех звеньев общества. При этом минимальный период определения базовых параметров пенсионной системы, которые должны быть согласованы с макроэкономическими и социальными индикаторами, не может быть меньше периода жизни двух поколений людей, т.е. в нашей стране 75-80 лет, а странах ОЭСР уже перешли на 110-120-летний период прогнозирования пенсионных параметров. Демографические факторы развития пенсионной системы играют принципиально иную роль, чем все прочие факторы и условия пенсионного обеспечения в современном «социально-ориентированном» государстве. Поэтому именно демографические характеристики, как ретроспективные, так и прогнозные, должны определять базовые экономические параметры национальной пенсионной системы на весь период ее существования.

Ключевые слова: пенсионная система, реформа, демография, продолжительность жизни, пенсионный возраст, страховая пенсия, застрахованные лица, пенсионные права.

E-mail: sol26@100.pfr.ru

Soloviev Arkady K.,
doctor of economic sciences, Professor,
head of department of actual calculations and strategic planning,
Pension fund of the Russian Federation,
Financial university under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

DEMOGRAPHIC FACTORS AND THE RISKS OF THE PENSION REFORM OF RUSSIA

The state pension system in modern understanding founded on the labor principles of formation of the pension rights represents the most difficult object of management as demands strictly calculated and balanced regulation of all links of society. Thus the minimum period of determination of basic parameters of pension system which have to be coordinated with macroeconomic and social indicators, can't be less period of life of two generations of people, i.e. in our country of 75-80 years, and the countries of OECD already passed to the 110-120-year period of forecasting of pension parameters. Demographic factors of development of pension system play essentially other role, than all other factors and conditions of provision of pensions in the modern «socially oriented» state. Therefore, demographic characteristics, both retrospective, and expected, have to determine basic economic parameters of national pension system for the entire period of its existence.

Keywords: pension system, reform, a demography, life expectancy, a retirement age, insurance pension, the insured persons, the pension rights.

E-mail: sol26@100.pfr.ru

Следует подчеркнуть, что пенсионная реформа сконцентрировала в себе весь комплекс проблем современного этапа развития нашего государства, начиная с обвального роста бедности (в первую очередь – у слаботзащищенных категорий населения), сокращения рынка труда и роста безработицы (у населения в трудоспособном возрасте), ухудшения всех макроэкономических параметров развития народного хозяйства и заканчивая негативными демографическими тенденциями как краткосрочными, так и долгосрочными (рис.1).

Рис.1. Условия реализации пенсионной реформы

Пенсионная реформа-2015, как и все предшествовавшие ей реформы (1991г., 1997г., 2002г., 2010г.), не достигли поставленных целей по той причине, что не учитывали объективные демографические характеристики нашего населения, а институциональные элементы пенсионной реформы опирались на механическое дублирование западных эталонов, которые исторически в течение векового цикла адаптировались («подгонялись») к каждому элементу общества.

Для того, чтобы определить демографические параметры российской пенсионной системы необходимо сначала обосновать целевые ориентиры и институциональные характеристики государственного пенсионного обеспечения. Однако институциональные характеристики и цели пенсионного обеспечения были определены давно – в первые годы рыночной перестройки, когда властвовала эйфория «рыночного чуда» как в экономике, так и в социальной сфере. Поэтому без какого-либо актуарного обоснования было решено перебазировать пенсионную систему с бюджетного (общеналогового) финансирования на страховые принципы с последующим полным отделением бюджета ПФР от госбюджета. При этом пенсионные обязательства перед каждым застрахованным гражданином должны измеряться строго исходя из его трудовых прав, то есть в зависимости от продолжительности трудового стажа и заработка с обязательным учетом количества уплаченных страховых взносов.

Чтобы обосновать необходимое количество страховых взносов надо исходить из трех параметров:

- 1) требуемый, целевой размер страховой пенсии, которую каждый застрахованный должен получить при наступлении страхового случая;
- 2) размер заработка (доходов), который должен получать каждый застрахованный в течение трудового периода своей жизни;
- 3) продолжительность трудового стажа, в течение которого каждый застрахованный должен уплачивать страховые взносы, чтобы заработать себе размер пенсии, определенный в пункте 1.

Размер страховой пенсии, которую застрахованный в пенсионной системе может получить, за весь 25-летний период пенсионных реформ установить так и не удалось законодательно. На первом этапе были попытки измерять ее минимальными нормативами («минимальный размер трудовой пенсии»), но после реформы 2002 г. – этот норматив был ликвидирован. Его заменили так называемыми доплатами (федеральными и региональными до соответствующего ПМП), которые, естественно, никакого отношения к страховым правам не имеют.

Размер заработка в отраслях в строгом соответствии с либеральной концепцией рыночной экономики не регулируется ни государственными ни рыночными инструментами, поэтому его использование для формирования пенсионных прав до пенсионной реформы 2015г. не имело практически никакого значения.

С учетом нивелирования влияния указанных выше базовых параметров пенсионной системы основное внимание постоянно концентрируется на продолжительности трудового стажа, который законодательно прямо и косвенно нормируется, как национальными, так и международными требованиями: минимальными и максимальными. Для актуарного обоснования продолжительности трудового стажа исходной основой являются демографические характеристики. Однако до настоящего времени продолжительность трудового стажа также устанавливалась без необходимого демографического анализа, а на основе социально-политических соображений.

Но самые острые противоречия возникают при установлении пенсионного возраста, которому в последнее время придается ключевое значение для решения практически всех проблем современной пенсионной системы России, и даже для ликвидации дефицита государственного бюджета (на плановый период 2016-2018гг.). Несмотря на очевидный факт, что в страховой пенсионной системе пенсионный возраст является прямой производной от соотношения трудового стажа и периода выплаты страховой пенсии, все активнее навязывается концепция первичности пенсионного возраста для определения базовых параметров пенсионной системы. При этом главным критерием эффективности выдвигается показатель сокращения бюджетного дефицита сначала ПФР, а потом и всего федерального бюджета.

Актуарные расчеты последствий необоснованного манипулирования пенсионным возрастом означают на практике и в теории полный и окончательный отказ от страховых механизмов формирования пенсионных прав наших граждан и возврат к уравнилельно-бюджетному механизму финансирования пенсии. Поскольку, в случае повышения возраста и продолжения страховой пенсионной реформы все застрахованные лица будут накапливать «дополнительные» пенсионные права, которые в пенсионный период должны быть обеспечены финансовыми ресурсами. При этом вся «текущая экономия» от сокращения числа пенсионеров будет многократно перекрыта дополнительными расходами на бюджеты ПФР и федеральный бюджет.

Но самые главные негативные последствия необоснованного повышения пенсионного возраста лежат вне самой пенсионной системы, а в сфере макроэкономики, рынке труда и социального обеспечения. Так как принудительное сохранение на рабочих местах пожилых людей потребует адекватных изменений в структуре занятости – создание специальных рабочих мест, увеличение доли фонда оплаты труда в структуре ВВП, росте расходов на медицинское обслуживание и социально-страховых выплат и т.д. Для таких глубоких трансформаций в макроэкономике нашей страны, которая до сих пор не преодолела кризис переходного периода к рынку, а в предстоящий плановый период вступает в состояние глубочайшего бюджетного кризиса, нужны убедительные демографические основания. Посмотрим, есть ли такие основания.

Сторонники повышения возраста приводят следующие аргументы необходимости повышения пенсионного возраста в России:

- рост числа работающих пенсионеров – с 6 млн. в начале нулевых до 14 млн. в настоящее время;
- существенное изменение демографических тенденций, и, в частности, рост общей продолжительности жизни при рождении;
- увеличение демографической нагрузки на экономику, что проявляется в росте соотношения нетрудоспособного и трудоспособного населения (табл. 1);
- усиление разбалансированности бюджета пенсионной системы и, соответственно, увеличения риска субсидиарной ответственности по трансфертному финансированию бюджета ПФР на покрытие дефицита;
- увеличение пенсионной нагрузки на «бизнес» в форме неизбежного повышения размера страховых тарифов на всех участников пенсионного процесса или отдельных видов трудовой деятельности (в первую очередь, самозанятое население и малый бизнес).

Таблица 1

Прогноз общей продолжительности жизни

Показатели	2015 г.	2020 г.	2030 г.	2040 г.
Коэффициент демографической нагрузки (на 1000 лиц трудоспособного возраста приходится нетрудоспособных)	722	834	864	899
Продолжительность жизни при рождении	71,65	73,38	75,46	76,81
мужчин	65,80	67,70	70,50	72,30
Женщин	76,70	78,30	79,80	80,80
Продолжительность жизни для населения в возрасте выхода на пенсию	21,55	21,91	23,30	23,70
60-летних мужчин	16,0	17,3	17,9	18,3
55-летних женщин	25,3	26,3	27,2	27,7

У населения, дожившего до общеустановленного пенсионного возраста (т.е. до 55 и 60 лет соответственно для женщин и мужчин), прирост ожидаемой продолжительности жизни составил в 2013 г. к уровню 2002 г. для женщин – 3,1 года, для мужчин – 2,9 года. Ожидаемая продолжительность жизни при достижении общеустановленного пенсионного возраста составляет у женщин – 25,36 года, у мужчин – 15,73 года. Значение этого показателя только недавно вышло на уровень 50-х годов прошлого века (в начале 2000-х гг. мы находились на уровне 1896-1897 гг.) (табл. 2).

Таблица 2

Динамика ожидаемой продолжительности жизни при достижении пенсионного возраста в России в период XIX-XXI вв.

Пол и возраст, лет	1896-1897 гг.	1926-1927 гг.	1958-1959 гг.	2000	2013
мужчины в возрасте 60	13,9	14,5	15,9	13,21	15,73
женщины в возрасте 55	17,2	20,7	24,2	22,53	25,36

Статистика показывает, что, как и столетием раньше, до нормативно-установленного пенсионного возраста не доживут, т.е. не смогут даже начать реализовывать свои пенсионные права, около 10% женщин и 34% мужчин.

В странах Западной Европы, а также в США, Мексике пенсионный возраст уже повышен до 65 лет, и начато повышение до 67 лет (Австралия, Израиль, Греция, Норвегия, Франция).

Однако главным движущим фактором такого повышения послужило именно устойчивая тенденция повышения ОПЖ в этих странах для 65-летних, которая принципиально выше, чем

в России. Например, в Финляндии для женщин 21,6 года, для мужчин – 17,8 года, во Франции – 13,4 и 19,1 года соответственно для мужчин и женщин.

Страны Восточной Европы также стали повышать пенсионный возраст, хотя продолжительность жизни в них ниже, чем в Западной Европе. Но причины такого повышения заключаются в геополитических обязательствах государств, входящих в ЕС. В Эстонии в 2014 г. пенсионный возраст составлял 63 и 61 года для мужчин и женщин соответственно (дожитие в 65 лет составляет 14,8 и 20,3 года). Чехия повышает возраст ежегодно на 2 месяца без установления верхнего предела. В 2014 г. он составлял 62,67 года для мужчин и 61,33 года для женщин. ОПЖ для 65-летних в этой стране – 15,7 и 19,2 года соответственно. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет в России ниже, чем во всех странах Евросоюза: женщины – 17,36 года, мужчины – 13,08 года. Не доживут от рождения до этого возраста 18% женщин и 44% мужчин. Из числа 20-летних женщин до 60 лет не доживут 12%, и в течение последующих 5 лет умрут еще 5,6% из оставшихся 60-летних женщин. Из числа мужчин, доживших до 60 лет, не доживут до 65-летнего возраста 15%. Это означает, что в случае перехода на общеевропейский пенсионный возраст абсолютное большинство населения России будет практически лишено права получения своего страхового возмещения, что противоречит нормативным документам МОТ по «гарантии охвата и доступности» населения социальным формам материального обеспечения.

Это означает, что даже сегодня объективно существует демографический резерв для увеличения соотношения численности лиц, уплачивающих страховые взносы в ПФР, и пенсионеров. Граждане трудоспособного возраста, которые по объективным основаниям не могут участвовать в легальном трудовом процессе при достижении установленного возраста потребуют от государства реализации своих конституционных прав как минимум в форме социальной пенсии, которая, как известно, ненамного ниже страховой пенсии [1]. Следующий социально-демографический аспект проблемы повышения пенсионного возраста – это уровень инвалидизации населения в нашей стране. Высокий уровень инвалидизации населения при повышении общеустановленного пенсионного возраста вызовет существенный скачок числа получателей пенсий по инвалидности. При повышении пенсионного возраста на 1 год численность пенсионеров по инвалидности вырастет, по оценкам, на 7-9%, на 2 года – на 15-17%, на 3 года – на 24% и т.д. (рис. 2).

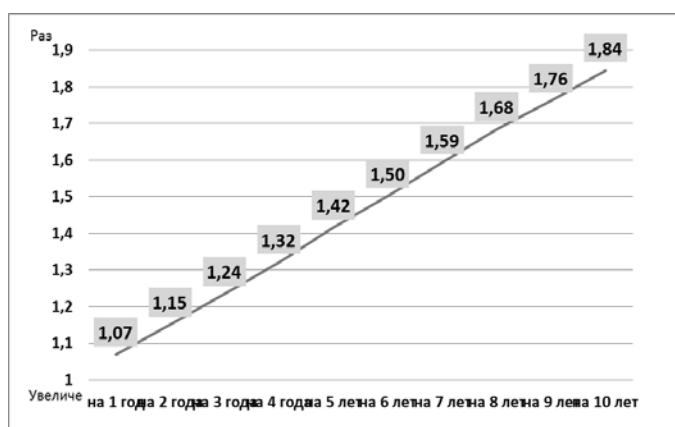

Рис. 2. Рост численности получателей страховой пенсии по инвалидности при увеличении пенсионного возраста для пенсии по старости

Повышение пенсионного возраста не охватит огромное число получателей *досрочных (льготных) пенсий* по условиям труда (Список 1, Список 2 и «малые» списки), за выслугу лет,

специфического контингента пенсионеров в связи с работой в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях и пенсий по государственному пенсионному обеспечению. Повышать пенсионный возраст этим категориям застрахованных лиц теми же темпами, что и общий, нельзя, необходима оценка влияния условий труда на их здоровье и трудоспособность. Кроме того, большой объем накопленных за прошлые законодательные нормы «не-страховых» государственных обязательств в рыночных условиях не обеспечивается адекватными страховыми источниками финансирования.

В целом в настоящее время 44,3% (15,8 млн. человек) получателей трудовых пенсий составляют пенсионеры, на назначение пенсий которым пенсионный возраст не влияет, включая: 10,3 млн. человек – получатели досрочных пенсий по старости (в том числе работники, проработавшие на работах с тяжелыми условиями труда – 2,7 млн. человек, лица, работавшие в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях – 2,5 млн. человек, работники, проработавшие на подземных работах, на работах с вредными условиями труда и в горячих цехах – 1,98 млн. человек), а также 3,9 млн. человек – получатели пенсий по инвалидности и 1,7 млн. человек – получатели пенсий по случаю потери кормильца. В структуре новых назначений трудовых пенсий перечисленные категории получателей составляют примерно столько же – 42,5%. Сохранение страховых принципов как один из аспектов установления пенсионного возраста: эквивалентность прав и обязательств исходя из соотношения с заработной платой и ПМП; сбалансированность системы.

При увеличении пенсионного возраста будут увеличиваться пенсионные права пропорционально приобретаемому стажу. Тогда баланс определяется из следующего условия: количество ПМП, которые пенсионер профинансирует за свою трудовую деятельность, должно быть равно числу ПМП, которое он получит на весь период получения пенсии. В расчете учитывается снижение соотношения ПМП и СЗП. Такой баланс для 3 ПМП достигается при условии установления одинакового возраста для мужчин и женщин на уровне 62 лет. При этом для женщин он должен составлять 64 года, а для мужчин 59 лет. Если соотношение ПМП к СЗП останется на уровне 2015 года, то возраст должен составить 67 лет. Для достижения соотношения 40% к СЗП возраст должен также составлять 67 лет.

Другой подход состоит в оценке сбалансированности солидарной пенсионной системы. Необходимый для сбалансированности возраст определяется в тот период, когда соотношения занятых и пенсионеров достигает минимума. Достижение средней пенсии по старости 3 ПМП потребует установления пенсионного возраста мужчин и женщин на уровне 68 лет. Для 2,5 ПМП – 66 лет. Следует отметить взаимозависимость базовых параметров пенсионной системы: стажа, взносов (зарплаты), размера страхового тарифа и пенсионного возраста. Так, например, увеличение/снижение тарифа на 1% является финансовым эквивалентом снижения/повышения пенсионного возраста на 1 год [2].

Таким образом, актуарный анализ демографических характеристик развития пенсионной системы показывает, что повышение пенсионного возраста в отрыве от других факторов и условий социально-экономического развития страны не только не позволит стабилизировать пенсионную систему, но наоборот, выбросив из нее несколько миллионов человек, треть из которых вообще не доживут до нового возраста назначения пенсии, принесет мизерную экономию в начале болезненного переходного периода и существенно возросшие (несмотря на снижение численности пенсионеров) расходы бюджета ПФР и федерального бюджета – по его завершении.

Список литературы

1. Соловьев А.К. Пенсионная реформа: иллюзии и реальность: Учеб. пособие. – М., 2015.
2. Соловьев А.К. Пенсионная реформа 2015: проблемы достижения целевых ориентиров// Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – 2014. – № 24(542). – С. 8-21.

Сосунова Ирина Александровна,
доктор социологических наук, профессор,
Вице-президент Российского общества социологов,
г. Москва, Россия

КАЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ КАК КРИТЕРИЙ УСПЕШНОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются взаимосвязи качества населения и демографической политики, предлагаются подходы к операционализации категории «качество населения», предлагается рассмотрение качества населения как критерия успешности демографической политики, приводятся итоговые рекомендации.

Ключевые слова: качество населения, демографическая политика, экономика, критерий успешности, междисциплинарный подход, образ желаемого будущего, проектирование, цели, тренды, согласование,

E-mail: sossunova@mtu-net.ru

Sosunova Irina A.,
doctor of social sciences, professor,
Vice-President of the Russian society sociallogs,
Moscow, Russia

QUALITY OF POPULATION AS A CRITERIA OF SUCCESSFUL DEMOGRAFIC POLICY

This article is devoted to issues of interconnections between quality of population and demographic policy, approaches to operationalisation of definition «quality of population» are offered. Quality of population is considered to be analyzed as criteria of successful demographic policy and concluding recommendations are finalized.

Keywords: quality of population, demographic policy, economy, criteria of success, interdisciplinary approach, image of desired future, design project, aims, trends, agreement

E-mail: sossunova@mtu-net.ru

Значение качества населения, т.е. в первом приближении совокупности сущностных характеристик последнего, определяющих способность людей к созидательному труду, степень их социальной ответственности, национально-культурные традиции, уровень образования и т.д., для развития отдельных стран и регионов было осознано с древнейших времен. Вполне очевидно, что качество населения связано сложными причинно-следственными связями с множеством феноменов всех сфер и сторон жизни общества: экономикой, политикой, культурой и т.д. Соответственно этому можно говорить о экономическом, политическом, культурном и иных аспектах качества населения.

Суть возникающей методологической проблемы, по мнению И.Т. Фролова, сводится к следующему: «...человек в экономике не просто страдательная величина, а деятельный субъект, и экономистами практически не изучается... Экономика вообще может пониматься только как элемент науки о человеке» [1. С. 575-576]. При этом, разумеется, нет никаких сомнений в том, что вся экономическая жизнь общества не отделима от людей. В данном отношении сохраняет справедливость положение классического марксизма, согласно которому «...мы

имеем в действии два элемента производства – природу и человека, а последнего, в свою очередь, с его физическими и духовными качествами...» [2. С. 555].

В наши дни, к которым явно применимы слова В.И. Вернадского о том, что ученые все более специализируются «не по наукам, а по проблемам», заметно растет востребованность социологических подходов в рамках междисциплинарного изучения взаимосвязей сложных экономических, политических, демографических и иных феноменов [3]. По мнению ряда авторитетных исследователей, предпосылки данного процесса заложены еще мировым экономическим кризисом 30-х гг. XX в., попытки рационального преодоления которого недвусмысленно продемонстрировали необходимость «тесного сотрудничества между экономическими и социологическими дисциплинами» [4. С. 54]. Особенности современной экономики, обусловленные глобализационными процессами, необходимостью обеспечения социальной ориентации и социальной ответственности предпринимательства, результатами НТР и т.д., еще более актуализируют потребность в междисциплинарных исследованиях, раскрывающих взаимосвязи социологических и демографических характеристик населения с общей эффективностью хозяйственной деятельности в рамках страны или региона.

Однако исследования в данном направлении существенно затруднены двойственной ролью населения: во-первых, оно с очевидностью является более чем значимым актором развития экономических, политических и иных процессов; во-вторых, оно само формируется под влиянием множества факторов и условий, определяемых экономической, политической и иной жизнью общества, географическими условиями, особенностями (в том числе территориальными и этническими) антропологического статуса людей и т.п. Следовательно, как объект научного изучения качество населения рассматривается с двух основных точек зрения, с одной стороны, как комплексный фактор общественного развития, и, с другой, как результат сложного многофакторного процесса формирования.

В настоящее время в демографической, социологической и экономической научной литературе для описания населения в качестве располагаемой рабочей силы, как представляется, преимущественно используется категория «трудовой потенциал», употребляемая как комплексная характеристика степени развития демографических, социальных и социально-психологических характеристик и качеств трудоспособного населения, которые могут быть реализованы при определенных (в первую очередь экономических) обстоятельствах. Принципиальное значение имеет включение в структуру трудового потенциала показателей, характеризующих внутренний мир работника, т.е. трудовую мотивацию, удовлетворенность условиями и содержанием труда и т.п. [5; 6]. Данное обстоятельство, в свою очередь, дополнительно актуализирует необходимость применения в целях оценки трудового потенциала методов социологических исследований.

Такая более определенная характеристика как «качество населения» стала в отечественной науке объектом достаточно детального анализа лишь с конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., до этого времени эпизодические упоминания данного термина имели место в расплывчатом, аморфном контексте (данная особенность сохраняется и поныне: во многих научных публикациях термин качество населения используется как очевидный и не требующий пояснений [7]). При этом, по нашему мнению, главное принципиальное отличие между концепциями «трудового потенциала», с одной стороны, и «качества населения», с другой, состоит в том, что если в первом случае приоритет по умолчанию отдается социально-экономической среде (реально – экономике), потребности которой должны удовлетворяться работниками, обладающими определенными характеристиками, то во втором – приоритет отдается потребностям людей, рассматриваемых, как минимум, в качестве равноправной по отношению к экономике категории.

Известные попытки операционализации понятия «качество населения» достаточно сильно различаются по подходам. Так, по мнению российского исследователя Г.М. Зараковского [8], имеющиеся расхождения связаны, в первую очередь, с концептуальным выбором определения понятия «качество», понимаемого либо в природно-философском смысле, например, как внешняя и внутренняя определенность предмета (явления, процесса), фундаментальная характеристика его целостности, либо в социально-утилитарном, например, как совокупность свойств и характеристик изделий и услуг, обеспечивающих удовлетворение обусловленных или предполагаемых потребностей [9]. Соответственно данным подходам под качеством населения в общем случае понимается, как правило, либо некоторое интегральное свойство, отражающее неповторимость конкретного социума и описываемое посредством совокупности статистических показателей, либо способность населения к удовлетворению собственных внутренних (саморазвитие и т.д.) и внешних по отношению к нему потребностей (производственно-преобразующая деятельность).

Согласно господствующей в современной отечественной социальной науке точке зрения, общественная жизнь человека разворачивается в экономической, политической, социальной и духовной сферах [10]. Разумеется, абсолютно жестких непроницаемых границ между данными сферами не существует. В частности, анализ взаимосвязей качества населения и экономической деятельности хозяйственных субъектов неизбежно приводит к необходимости рассмотрения процессов и явлений двойственной социально-экологической природы, разворачивающихся одновременно в социальной, духовной и экономической сфере [11].

Создатели различных систем критериев и показателей качества жизни и населения, исходя из данного методологического принципа выделения относительно самостоятельных сфер общественной жизни, демонстрируют «прагматичный» подход, стремясь, с одной стороны, не оставить вне рассмотрения ни одну из качественно важных сторон жизни человека, а, с другой, соответствовать требованиям современности.

Добиться логической определенности, по нашему мнению, позволило бы акцентирование взаимосвязи качества населения и демографической политики, рассматриваемой в данном контексте как часть социальной политики, направленной на формирования желательного для общества осознанного демографического поведения населения. Достижение целей демографической политики и ее принципиальная эффективность определяются динамикой регулируемых социально-демографических характеристик, в первую очередь: продолжительностью жизни; уровнем рождаемости; половозрастной-структурой; плотностью населения по регионам, уровнем урбанизации, образовательно-профессиональной структурой населения и т.д. [12; 13].

Однако прямое влияние мероприятий демографической политики на демографические процессы возможно в весьма ограниченном числе случаев, в частности, регулирование национального состава иммигрантов путем установления квот для различных стран, этнические чистки и депортации и т.п. вплоть до программ эвтаназии. С точки зрения современных представлений о правах и свободах человека подавляющее большинство подобных мероприятий относится к числу заведомо исключенных.

Примерами реальных конкретных мероприятий по реализации демографической политики являются: установление брачного возраста; разрешение или запрет аборт; установление пособий для работающих матерей; льготы или штрафные санкции для многодетных семей; предоставление налоговых льгот и дешевых кредитов переселенцам; льготы для лиц, получающих образование; иммиграционные квоты и т.п. Таким образом, демографическую политику целесообразно рассматривать как «социальный мегапроект» [14; 15], конечный смысл которого заключается в целевом преобразовании значимого элемента реальности на основе модели «потребного или желательного будущего», соответственно этому в данном

контексте проектировать — значит сознательно перебирать варианты и схему будущего действия.

С точки зрения креативности мы можем выделить в разработке демографической политики три основных стадии:

- 1) проблематизация;
- 2) целеполагание;
- 3) инструментализация [16].

Проблематизация в самом простом понимании может считаться проведенной, если проектировщик (в широком смысле) способен детально и научно обоснованно сформулировать чего мы собираемся добиться в результате, зачем и существуют ли реальные способы решения общих задач, имеются ли потенциальные ресурсы. Принципиально важно, что на позиции и решения проектировщика существенное влияние оказывает социальный заказ – определенная, присутствующая в общественном мнении или свойственная определенным группам (в т.ч. «группам давления») социальная установка на разработку конкретных плановых мероприятий и т.д. Мало того, проектировщик, как и любое лицо принимающее решения, не полностью свободен в выборе вариантов: существуют такие ситуационные значимые факторы как мнения авторитетных экспертов; корпоративные обязательства; политические влияния и т.д.

Целеполагание – это стадия, на которой проектировщик реально погружается в специфику конкретного проекта. Оно начинается с детального анализа ситуации и выявления наиболее актуальных проблем, на разрешение или оптимизацию которых и должен быть ориентирован проект. Одна из важнейших проблем на данной стадии – надежность и полнота имеющейся социологической (социальной) информации. Необходимо помнить, что современное общество крайне дифференцировано. Для примера: по мнению ряда специалистов, с точки зрения качества жизни в России сейчас не одно единое, а 2-3 практически не пересекающихся общества.

Инструментальная, содержательная часть проектирования состоит в выявлении необходимых для решения задач проекта ресурсов (средств), определении методов достижения целей (которые конкретизируются в виде мероприятий и содержания деятельности), а также форм организации усилий субъектов, задействованных в процессе реализации проекта.

Собственно, успешность демографической политики может, по нашему мнению, рассматриваться с двух точек зрения: *во-первых*, как достижение конечной цели развития (в нашем случае требуемого качества населения) и, *во-вторых*, как комплексная характеристика процесса реализации демографической политики (т.е., в первую очередь, её социальная приемлемость для населения, отсутствие эксцессов и т.п.). Иными словами, мы можем рассматривать успешность демографической политики как достижение ее целей, чему соответствует сценарный уровень её анализа и как характеристику процесса реализации политики, чему соответствует вариативно-проектный уровень анализа.

В качестве главных критериев выбора сценариев можно принимать:

- общие цели развития, определяемые обликом желаемого будущего;
- располагаемые ресурсы (кадровые, материальные и т.д.);
- прогнозируемые результаты, прежде всего, в сфере здоровья населения, образования, половозрастной структуры и т.д.;
- социальную, экономическую и др. «стоимость» и т.д.

Главными источниками вариаций, влияющих на успешность, являются:

- реальная степень обострения социальных проблем;
- характер социальных, социально-экологических и др. проблем;
- научная неопределенность;
- ситуативные ресурсные ограничения;

- реальный уровень развития экономики, управления, образования и т.д.;
- социальные реакции населения;
- международные обязательства и т.д.

Ответственность решаемых демографической политикой задач можно проиллюстрировать простым примером: для каждого региона существует оптимальное с точки зрения рационального природопользования качество населения: ниже оптимума – нельзя обеспечить экологическую рациональность природопользования, выше – экономическую.

Таким образом, можно констатировать, что с научно-практической точки зрения, перспективные тренды развития демографической политики связаны: *во-первых*, с признанием ее приоритетности, т.е. с признанием того факта, что она не менее важна, чем например, экономическая политика; *во-вторых*, с достижением её органического соответствия общенациональному облику желаемого будущего; *в-третьих*, с рассмотрением качества населения как главного результата демографической политики, что обеспечивает адекватность операционализации самой категории «качество населения».

Список литературы

1. Фролов И.Т. Постиндустриализм / Академик Иван Тимофеевич Фролов: Очерки. Воспоминания. Избранные статьи. – М.: Наука, 2001. – 648 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. – С.555.
3. Силластэ Г.Г., Руткевич М.Н. Необходима ли социология при изучении социально-демографических проблем? // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 145-150.
4. Маркович Д.Ж. Социология труда. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 514 с.
5. Рябушкин Б.Т. и др. Методы анализа социально-экономического развития регионов. – М.: МИПК учета и статистики, 1999. – 125 с.
6. Бурова Т.А. Трудовой потенциал / Качество жизни. Краткий словарь. – М.: Смысл, 2009.
7. Погорелов Я.Д. Социально-демографическая структура общества в контексте системного анализа / Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». – СПб.: Скифия, 2001.
8. Зараковский Г.М. Качество населения в контексте качества жизни: возможные показатели и методы оценки // Проблемы психологии и эргономики. – 2000. – Вып.1. – С. 46-54.
9. Антология русского качества/ Сост. Б.В. Бойцов и др. – М.: Академия проблем качества, 2007. – 580 с.
10. Социологическая энциклопедия: В 2-х т. – Т.2 /Национальный общественно-научный фонд. – М.: Мысль, 2003. – 863 с.
11. Сосунова И.А. Методология и методы современной социальной экологии. – М.: МНЭПУ, 2010. – 400 с.
12. Сосунова И.А. Демографическая политика / Политическая энциклопедия. В 2 Т. Т.2 / Национальный общественно-научный фонд. – М.: Мысль, 1999.
13. Стратегия демографического развития России / Под ред. Рыбаковского Л.Л., Кузнецова В.Н. – М.: ИСПИ РАН, 2005. – 350 с.
14. Тощенко Ж.Т. Социальное проектирование // Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник / Под ред. Тощенко Ж.Т. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 487 с.
15. Бестужев-Лада, И.В. Социальное прогнозирование: курс лекций / И.В. Бестужев-Лада, Г.А. Наместникова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 180 с.
16. Лапыгин Ю. Н. Управление проектами: от планирования до оценки эффективности. – М.: Экономика, 2008. – 249 с.

Шевель Петр Петрович,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского центра (социологического)
Вооруженных Сил Российской Федерации, г. Москва, Россия

Оборский Алексей Юрьевич,

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры «Прикладная социология»
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПРИЗЫВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2030 ГОДА

Учитывая военно-политическую обстановку в мире, сложности в экономической сфере и складывающуюся демографическую ситуацию в стране, авторы осуществили демографическое прогнозирование призывного потенциала Вооруженных Сил Российской Федерации до 2030 года. Помимо количественной характеристики призывного потенциала, в работе приведены факторы изменения численности призывного потенциала ВС РФ, а также альтернативные пути комплектования ВС РФ в условиях недостатка призывного потенциала. В заключение делается вывод, что даже в условиях возможного мирового экономического кризиса, нарастания военных угроз и сложной демографической обстановки Вооруженные Силы Российской Федерации должны обеспечивать обороноспособность российского государства, а граждане страны должны ощущать защищенность и уверенность в своем будущем.

Ключевые слова: демографическое прогнозирование, призывной потенциал, призывной возраст, военная демография, Вооруженные Силы Российской Федерации.

E-mail: shevelpetr@mail.ru; oborski@mail.ru

Shevel Peter P.,

PhD (Sociology), senior researcher
Research center (sociological),

Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia

Oborskiy Alexey Yu.,

PhD, docent, docent of department «Applied sociology»,
Financial university under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

DEMOGRAPHIC PROJECTION OF MILITARY CAPACITIES THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION UNTIL 2030

Given the military-political situation in the world, difficulties in the economic sphere and the evolving demographic situation in the country, the authors carried out a demographic projection of military potential of the Russian Armed Forces until 2030. In addition to quantitative characteristics of military capability, given the changes in the number of military factors building the Armed Forces, as well as alternative ways of manning the Armed Forces in a lack of military capabilities. It concludes that even in the face of a possible global economic crisis, the growth of military threats and complex demographic situation of the Russian Federation Armed Forces must ensure the defense capability of the Russian state, and the citizens of the country should feel security and confidence in their future.

Keywords: demographic forecasting, recruiting potential, the age of conscription, military demographics, the Armed Forces of the Russian Federation.

E-mail: shevelpetr@mail.ru; oborski @ mail.ru

Непростая демографическая ситуация в России, ее влияние на функционирование отечественной экономики регулярно озвучиваются в качестве актуальных задач государственного управления. В феврале 2007 г. ООН опубликовала прогнозный доклад, в котором говорится, что к 2050 г. численность населения России сократится до 104 млн. чел., то есть почти на 40 млн. чел. или на 1/3. Причинами столь быстрого сокращения населения, по мнению авторов доклада, являются уменьшение рождаемости и старение наций. Есть еще ряд демографических прогнозов, но в большинстве своем они склоняются к уменьшению численности населения [5. С. 53].

Обращает на себя внимание проведенный Федеральной службой государственной статистики РФ демографический прогноз изменения численности населения Российской Федерации до 2030 г., предусматривающий три варианта развития событий: низкий (наиболее пессимистичный), средний (наиболее вероятный) и высокий (наиболее оптимистический)¹. Прогнозируемая численность населения России в 2030 г. будет составлять от 127 910,1 тыс. чел. (при осуществлении низкого варианта прогноза), до 147 589,9 тыс. чел. (при осуществлении высокого варианта прогноза). В этой связи особую актуальность получает проблема прогнозирования численности демографического потенциала страны, которая в перспективе может быть задействована для защиты целостности и суверенитета Российской Федерации.

Сложившаяся демографическая ситуация и тенденции ее развития оказывают влияние на многие сферы жизнедеятельности общества, в том числе и на военную сферу, военную организацию общества и ВС РФ в частности. Боевая готовность основных элементов военной организации России обуславливается не только технической оснащенностью, степенью профессиональной подготовки военнослужащих, но, прежде всего, уровнем укомплектованности кадрового состава, потенциалом мобилизационных ресурсов.

Сегодня уже ясно, что демографический ресурс способен оказать серьезное влияние на обороноспособность и национальную безопасность страны. Прошло время, когда в армию отбирали только образованных, совершенно здоровых, выносливых молодых людей. Все чаще и чаще руководители всех степеней задумываются о том, как бы увеличить объем призывного потенциала, как оптимизировать деятельность силовых структур с учетом частичной неуккомплектованности личным составом. В данной связи важно понимать, что ближайшее будущее, с точки зрения мобилизационных (людских) ресурсов, по крайней мере, до 2030 г., уже предопределено существующей демографической ситуацией [4. С. 130]. Уже родились дети, которые, повзрослев, будут участвовать в защите государства, в его внешней и внутренней политике, в воспроизводстве новых поколений.

Напряженная военно-политическая обстановка в мире, сложности в экономической сфере и складывающаяся демографическая ситуация в стране актуализирует вопрос анализа призывного потенциала ВС РФ и прогнозирования его изменения на долгосрочную перспективу (до 2030 года). В настоящее время назрела необходимость теоретического и эмпирического обоснования принципов комплектования Вооруженных Сил, которые даже в условиях возможного мирового экономического кризиса, нарастания военных угроз и сложной демографической обстановки должны обеспечивать обороноспособность российского государства, а граждане страны должны ощущать защищенность и уверенность в своем будущем.

В современной научной и военной литературе отсутствует четкое определение понятий «призывной потенциал Вооруженных Сил Российской Федерации». Чаще в средствах массовой информации и научных публикациях используются понятия призывной контингент, де-

¹ См.: Изменение численности населения по вариантам прогноза / Демографический прогноз до 2030 года // URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography> (дата обращения: 28.10.2015).

мографический потенциал, мобилизационный потенциал, мобилизационный ресурс и др. Зачастую синонимом понятия «призывной потенциал» считают понятие «призывной контингент». Однако данный подход представляется неточным. В определении указанных терминов отчетливо выделяются существенные различия. Рассмотрим их.

Контингент (от лат. *contingens* – достающийся на долю) – совокупность людей, образующих однородную в каком-либо отношении группу, категорию (например, контингент учащихся, контингент безработных, контингент войск) [3. С. 143]. Как можно видеть из определения, в нем отсутствует ссылка на дальнейшие перспективы использования этого конкретной людской группы. Она статична по своему состоянию, а, значит, в меньшей степени подвержена изменениям и трансформациям.

В отличие от контингента, *потенциал* – категория динамичная, которая вследствие принятия определенных мер может изменять структуру и величину. Это очень важно в условиях трансформации современного российского общества и его Вооруженных Сил. Кроме этого, контингент в большей степени характеризует совокупность людей, которая обладает однородными признаками на какой-то определенный момент времени в настоящем. А потенциал, в свою очередь, позволяет проследить динамику его изменения и в случае негативного развития событий вовремя принять управленческое решение, которое позволит избежать серьезных последствий.

Характеризуя понятие «*мобилизационный потенциал*», следует отметить, что по своим количественным характеристикам он значительно шире, чем призывной, однако реализуется только в случае объявления мобилизации. Призывной же потенциал регулярно, два раза в год реализует себя посредством выделения необходимого количества граждан Российской Федерации для прохождения военной службы по призыву.

Демографический потенциал отображает «запас» – количество населения данной территории и его способность к воспроизводству. Количественная характеристика демографического потенциала соответствует численности населения фертильных возрастов в рассматриваемом периоде времени. Качественная характеристика демографического потенциала определяет производительность процесса воспроизводства населения, то есть рожденное число детей на одну женщину фертильного возраста. Следовательно, демографический потенциал может быть оценен как произведение численности женщин фертильного возраста на коэффициент рождаемости в исследуемый период времени. Между тем, следует отметить, что демографический потенциал России отображает лишь то количество детей, которые могут быть «воспроизведены» (рождены) женщинами в прогнозируемый период времени. Учитывая, что Вооруженные Силы Российской Федерации начинают использовать человеческий ресурс общества по достижении гражданами 18 летнего возраста, следовательно, нас интересует возрастная структура и численность граждан Российской Федерации после 18 лет.

Под демографическим прогнозированием призывного потенциала Вооруженных Сил Российской Федерации мы понимаем научно обоснованное предвидение основных параметров будущей демографической ситуации относительно человеческих ресурсов, которыми обладает российское государство, общество и армия, удовлетворяющих законодательно установленным критериям призыва на военную службу, и которые могут быть использованы для решения перспективных задач в военной сфере. В качестве такой перспективной задачи может выступать защита государства, поддержание боеготовности армии, осуществление миротворческих миссий, ликвидация последствий стихийных бедствий, катастроф техногенного характера и др.

Для осуществления прогноза призывного потенциала Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2030 г. мы будем использовать методы демографического и социального прогнозирования. Согласно типологии прогнозов, предложенной отечественным уче-

ным И.В. Бестужевым-Ладой [1. С. 270], социальное и демографическое прогнозирование выступают в качестве направлений обществоведческих (социальных в широком значении этого термина) прогнозов. Рассмотрим их более подробно.

Под демографическим прогнозированием принято понимать научно обоснованное предвидение основных параметров движения населения (рождаемости, смертности, миграции) и будущей демографической ситуации (численности, половозрастной и семейной структуры населения) [5. С. 120]. Его основными методами являются: метод экспертных оценок, метод возрастных передвижек, метод экстраполяции, метод математического моделирования (аналитический). Важно отметить, что на достоверность демографического прогнозирования большое влияние оказывает ряд факторов: точность исходной информации; обоснованность гипотез об изменении демографических процессов; продолжительность периода прогнозирования. В результате реализации демографического прогнозирования, с учетом соблюдения требований к достоверности, есть возможность получить достаточно точные количественные данные, которые в дальнейшем можно подвергнуть качественному анализу с помощью методов социального прогнозирования.

В отечественной науке социальное прогнозирование рассматривают как способ определения вариантов развития и выбор из них наиболее приемлемого, оптимального, исходя из ресурсов, времени и социальных сил, способных обеспечить его реализацию. Это работа с альтернативами, глубокий анализ степени вероятности и многовариантность возможных решений [6. С. 259]. Важнейшей целью социального прогнозирования выступает стремление на основе анализа и поведения системы в прошлом и настоящем, с определенной долей вероятности определить количественные и качественные параметры ее развития в перспективе, раскрыть варианты ситуации, в которых окажутся социальные процессы. При этом большое внимание уделяется изучению возможных тенденций изменения факторов, влияющих на рассматриваемую систему. Между тем, социальное прогнозирование не обладает директивным характером. Оно лишь указывает на возможность того или иного пути развития в будущем. В качестве основных методов данного вида прогнозирования выступают: сложная экстраполяция, моделирование, эксперимент.

Таким образом, рассмотрев социальное и демографическое прогнозирование, а также их специфические свойства можно отметить, что на этапах сбора и обработки данных целесообразно применять методы именно демографического прогнозирования, а на этапе анализа (интерпретации) полученных количественных данных – методы социального прогнозирования. Исходя из сравнительного анализа возможностей социального и демографического прогнозирования, можно выделить основные методы [5. С. 122], позволяющие с определенной долей вероятности рассчитать численность демографического потенциала ВС РФ до 2030 года: метод математического моделирования (аналитический метод); метод экстраполяции; метод экспертных оценок; метод передвижки возрастов (метод компонент).

Учитывая современную демографическую ситуацию, а также политику государства в социально-экономической, военной и демографической сферах жизнедеятельности общества, можно констатировать, что из всей совокупности рассмотренных нами методов, для прогнозирования численности призывного потенциала ВС РФ целесообразно, в первую очередь, использовать метод передвижки возрастов (метод компонент). Переходя непосредственно к прогнозированию призывного потенциала ВС РФ до 2030 г., следует различать прогноз «предложения населения» и прогноз «спроса на население». Прогноз «предложения населения» основан на результатах демографических расчетов, и в первую очередь – на прогнозе численности и возрастно-полового состава населения, который выполнен когортно-компонентным методом. Прогноз «спроса на население» основан на моделях функционирования организации (предприятия) или отрасли хозяйствования [2. С. 334].

На основе анализа указов Президента Российской Федерации о призыве граждан Российской Федерации на военную службу и об увольнении с военной службы граждан, проходящих военную службу по призыву в конкретный период времени, можно отследить динамику использования призывного потенциала ВС РФ (табл. 1). Для проведения прогноза «призывного потенциала» нам необходимо знать численность граждан РФ мужского пола в возрасте от 18 до 26 лет. Эти данные можно взять из статистических сборников. Кроме этого, нам необходимо проследить изменение численности рассматриваемой нами категории граждан на период до 2030 года. В этой связи важно учитывать факторы, оказывающие влияние на численность призывного потенциала. Выделим основные из них: уровень смертности населения; уровень рождаемости; уровень пространственной мобильности (миграция); уровень заболеваемости в стране.

Таблица 1

**Число граждан Российской Федерации,
призванных на военную службу по призывным кампаниям**

Год	Призывная кампания		Общее число, человек
	Весенняя	Осенняя	
2003	175 050	175 806	350 856
2004	166 050	176 393	342 443
2005	157 700	140 900	298 600
2006	124 550	123 310	247 860
2007	133 500	132 500	266 000
2008	133 200	219 000	352 200
2009	305 560	271 020	576 580
2010	270 600	278 821	549 421
2011	218 720	135 850	354 570
2012	155 570	140 140	295 710
2013	153 200	150 030	303 230
2014	154 000	154 100	308 100
2015	150 145	147 100	297 245

На основе данных факторов, а также сложившейся демографической ситуации, проведем расчеты, используя метод компонент или, как его иначе называют, метод передвижки возрастов, который был разработан американским демографом Паскалом Киддером Уэлптоном. Суть метода заключается в отслеживании движения отдельных когорт населения во времени в соответствии с заданными прогнозными параметрами рождаемости, смертности, миграции. Первоначально оценивается точность и достоверность данных о численности и половозрастной структуре населения. Затем выдвигается гипотеза о будущих тенденциях рождаемости, смертности и миграции с учетом политико-экономических, демографических и социальных факторов. Положительным качеством метода компонент является то, что прогнозные расчеты могут проводиться как для однолетних возрастных интервалов, так и 5-10-летних. При этом есть возможность получить не только численность населения, но и его состав по полу и возрасту. Причем все прогнозные параметры рождаемости, смертности и миграции могут меняться для каждого года или интервала лет. Рассматриваемый метод позволяет проводить многовариантные прогнозы с помощью изменения предварительно разработанных гипотез рождаемости, смертности и интенсивности миграционных потоков.

В интересах прогнозирования был выбран период основания, равный 22 годам (1992-2014 гг.). Начало периода основания выбрано исходя из того, что при проведении переписи 2010 г. молодые люди 1992 г. рождения (находясь в возрасте 18 лет) были учтены как основа

призывного потенциала страны. *Период упреждения* составил 16 лет (2015-2030 гг. включительно). Проанализировав метод передвижки возрастов и оценив его положительные качества, была разработана методика, адаптированная к прогнозированию призывного потенциала государства. В ее основе лежит идея К.П. Уэлптона о передвижке возрастных групп. Кроме того, она учитывает специфику военной организации. В нашем случае для повышения достоверности при расчетах в качестве базовых данных используется число уже родившихся мальчиков. Причем данные берутся из результатов переписи населения России 2010 года и текущих данных о рождаемости за 2014 год. Миграция (пространственная мобильность) при вычислениях не учитывается, тем более что степень ее влияния на конечный результат (увеличение призывного потенциала) незначительна. Раскроем подробно этапы проведения расчетов.

На первом этапе мы из общей численности населения России выбрали молодых людей мужского пола, которые согласно ФЗ РФ «О воинской обязанности и военной службе» подлежат призыву на военную службу. Их возраст лежит в рамках закрытого интервала от 18 до 26 лет.

На втором этапе вычислялся P_x – коэффициент дожития (вероятность дожития) различных возрастных групп до следующего возраста, который представляет собой соотношение двух смежных групп чисел из таблицы смертности, характеризующей тенденции смертности в прогнозном периоде [8].

На третьем этапе производились возрастные передвижки с учетом коэффициентов дожития каждой возрастной группы на год вперед.

На четвертом этапе производился учет тех граждан РФ мужского пола, которые не могут проходить службу по состоянию здоровья. Для этого из общего числа молодых людей 18-26 лет вычитались 27%. Такие же вычисления проводились по каждой возрастной когорте отдельно.

На пятом этапе проводились простейшие математические вычисления. Использовалось допущение о том, что в каждой возрастной когорте доля проходящих военную службу одинакова: внутри возрастных групп 18-19 лет (составляют 70% от общего числа призывников, соответственно по 35% для каждой когорты) и внутри возрастных групп 20-26 лет (30% от общего числа призывников и, соответственно, по 4,3% для каждой из семи возрастных когорт).

Зная, что общая потребность армии в призывниках за год составляет 300 тыс. человек, найдем, сколько человек требуется призвать от каждой возрастной когорты.

На долю 18-19 летних приходится: $300\ 000\ человек * 70\% \div 100\% = 210\ 000\ чел.$

Из числа 18 летних (столько же и для 19 летних): $210\ 000\ человек \div 2 = 105\ 000\ чел.$

На долю 20-26 летних приходится: $300\ 000\ человек - 210\ 000\ человек = 90\ 000\ чел.$

Из числа 20 летних (столько же и для остальных возрастов): $90\ 000\ человек \div 7 = 12\ 857\ чел.$

Таким образом, мы получили численность призывного потенциала, дифференцированного по полу и возрасту (табл. 2).

На основе анализа полученных данных можно констатировать, что к 2030 г. при сохранении существующих показателей смертности численность призывного потенциала сократится с нынешних 4 млн. 387 тыс. чел. до 3 млн. 435 тыс. чел.

Результаты прогноза также показывают, что наиболее критическим выглядит 2018 г., когда численность 18-19 летнего призывного потенциала будет составлять 866,5 тыс. чел. (в настоящее время – 942,6 тыс. чел.). Это заставляет задуматься о том, кого можно будет привлекать к защите государства в ближайшем будущем с учетом сохранения сложившейся демографической ситуации. Важность данного вопроса заключается и в том, что этот же потенциал будет востребован обществом для воспроизводства населения, развития страны в целом. Требуется найти эффективное решение данной проблемы.

Таблица 2

**Прогнозируемая численность призывного потенциала ВС РФ на период до 2030 года
с учетом отслуживших молодых людей, человек**

Воз- раст	Год							
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
18	508376	481828	496080	475510	504255	491612	523956	542066
19	434223	403376	376828	391080	370510	399255	386612	418956
20	358622	329223	298376	271828	286080	265510	294255	281612
21	355514	345765	316366	285519	258971	273223	252653	281398
22	431232	342657	332908	303509	272662	246114	260366	239796
23	495421	418375	329800	320051	290652	259805	233257	247509
24	587707	482564	405518	316943	307194	277795	246948	220400
25	597174	574850	469707	392661	304086	294337	264938	234091
26	619386	584317	561993	456850	379804	291229	281480	252081
Всего	4387654	3962955	3587575	3213951	2974213	2798879	2744464	2717909
Воз- раст	Год							
	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
18	546732	542707	541634	587933	619406	623323	615401	661512
19	437066	441732	437707	436634	482933	514406	518323	510401
20	313956	332066	336732	332707	331634	377933	409406	413323
21	268755	301099	319209	323875	319850	318777	365076	396549
22	268541	255898	288242	306352	311018	306993	305920	352219
23	226939	255684	243041	275385	293495	298161	294136	293063
24	234652	214082	242827	230184	262528	280638	285304	281279
25	207543	221795	201225	229970	217327	249671	267781	272447
26	221234	194686	208938	188368	217113	204470	236814	254924
Всего	2725418	2759749	2819554	2911408	3055303	3174372	3298162	3435717

Также необходимо обратить внимание на то, что наряду с демографическими факторами, снижающими численность призывного потенциала, есть и другие. Видится целесообразным проанализировать и их с тем, чтобы предлагаемые пути преодоления напряженности обосновывать с точки зрения системного подхода. В целом, к факторам, объективно влияющим на численность молодых людей с момента рождения до достижения ими 18 летнего возраста, относятся:

- уровень смертности населения (в частности, смертность среди молодых людей мужского пола, не достигших призывного возраста);
- уровень рождаемости. Основное внимание уделяется количеству рожденных мальчиков – будущих защитников Отечества;
- уровень пространственной мобильности (миграция). На численность призывного потенциала оказывает двойственное значение. За счет эмиграции она снижается, а за счет иммиграции – увеличивается. Однако в современных условиях влияние данного фактора статистически не значимо;
- уровень заболеваемости в стране. Один из важнейших факторов, оказывающих влияние на качественные параметры призывного потенциала, а именно – на состояние здоровья призывников.

В совокупности вышеприведенные факторы влияют на формирование призывного потенциала. Кроме того, его структуру и дальнейшее изменение количества обуславливают сле-

дующие факторы: отсрочки по различным основаниям (по болезни, по семейным обстоятельствам, в связи с учебой в школе/вузе и др.); судимость, употребление наркотических и токсических веществ; уклонение граждан от призыва на военную службу, в том числе и получение незаконных отсрочек от военной службы; альтернативная гражданская служба; прохождение службы по призыву ранее и другие.

Учитывая, что все вышеприведенные факторы оказывают влияние на сокращение численности призывного потенциала Вооруженных Сил, необходимо рассмотреть некоторые альтернативные источники комплектования армии, способствующие обеспечению защиты государства в современных непростых социально-демографических условиях.

Во-первых, недостающий объем призывников можно восполнять за счет призыва более старших возрастов (20-27 лет). Кроме этого, имеется возможность законодательно увеличить возрастные границы призыва на военную службу с нынешних 18-27 лет до 18-30 лет. Но с учетом отсрочек, сокращения сроков прохождения военной службы до одного года и общей тенденцией уменьшения численности молодежи этот ресурс быстро исчерпает себя.

Во-вторых, отдельные страны компенсируют нехватку собственного демографического ресурса за счет привлечения иностранных граждан к службе в рядах вооруженных сил. Наиболее показателен пример Франции, в состав сухопутных войск которой входит Иностранный легион. Однако, учитывая, что у нас в настоящее время миграционный прирост очень низкий, надеяться на восполнение демографических ресурсов таким путем не приходится. Следовательно, необходимый ВС РФ объем кадров нужно искать внутри страны, исходя из имеющегося потенциала и складывающейся демографической ситуации.

В-третьих, для увеличения числа призывников можно отменить еще ряд отсрочек.

В-четвертых, в некоторых странах, например в Израиле, к военной службе привлекаются и женщины. В Российской армии женщины служат на должностях офицеров, рядовых и сержантов по контракту. Между тем, в соответствии с российским законодательством, женщинам запрещено проходить военную службу по призыву. А учитывая социокультурные особенности нашего государства, такой способ комплектования армии действительно не совсем подходит, так как это сразу негативно повлияет на условия заключения брака, рождения, содержания и обучения детей.

В-пятых, существует мнение, чтобы все молодые люди, поступающие в высшие военные учебные заведения, принимались на условия обязательного предварительного прохождения службы по призыву в армии. Это позволило бы решить ряд проблем: 1) увеличилась бы численность призывного потенциала, причем, существенно вырос уровень образованности призывников и показатели состояния их здоровья; 2) среди основных мотивов поступления в вузы МО РФ перестали бы преобладать «желание не служить в армии» и «стремление получить бесплатное высшее образование». Кроме этого, данная мера позволит поднять и уровень профессионализма офицеров в целом, ведь к обучению приступали бы в основном целеустремленные молодые люди, заинтересованные в получении компетенций важных в повседневной деятельности офицера.

В-шестых, признать неудачной инициативу сокращения срока прохождения службы по призыву до 1 года. Постепенный переход (возвращение) на двухгодичную службу по призыву позволит уменьшить нагрузку на призывной потенциал страны. Однако, по заверению руководства страны, этот вопрос пересмотру не подлежит и останется без изменений.

В-седьмых, приоритет в использовании призывного потенциала должен принадлежать Вооруженным Силам Российской Федерации. Комплектование других военизированных сил (МЧС, Внутренние войска и т.д.) должно осуществляться только военными служащими по контракту, тем самым освобождая значительную численность призывников и создавая предпосылку привлечения их к службе в рядах Российской Армии.

В-восьмых, сократить численность должностей для военнослужащих рядового и сержантского состава, проходящих службу по призыву. Это можно осуществить по следующим направлениям: 1) сократить должности, которые занимают призывники, или осуществить их замену, тем самым оптимизировав структуру воинских подразделений. Такой мерой можно

выступить замещение должностей сержантского и старшинского состава военнослужащими по контракту; 2) полностью отказаться от призыва на военную службу. Перевести все части и соединения на контрактный способ комплектования. Однако это необходимо делать в несколько этапов и очень обдуманно, с изменением не только материальной базы, но и обеспечением социальной защиты контрактников и членов их семей. Попытки проведения данных мероприятий уже осуществлялись в России в 1992-1993 гг., 2004-2007 гг., 2012 – по настоящее время. Однако, окончательно преодолеть проблемы профессионализации армии по-прежнему не удастся. Видится необходимым создавать такие условия службы и быта, при которых военнослужащие после окончания первого контракта стремились бы заключать второй, третий и последующие. В качестве основных стимулов могут выступать: повышение денежного довольствия, обеспечение достойным жильем (возможно, вначале семейным общежитием квартирного типа с перспективой получения отдельной квартиры). Для более эффективного решения данных вопросов необходимо осуществлять непрерывное социологическое сопровождение проводимых реформ и преобразований с обязательным обоснованием полученных результатов.

Однако в современных социально-экономических условиях, переход на контрактный способ комплектования с одновременным отказом от призыва на военную службу является преждевременным. Нагрузка на финансовую систему государства будет слишком обременительной. В данном контексте верным представляется постепенное увеличение доли военнослужащих рядового и сержантского состава, проходящих военную службу по контракту, до 425 тыс. чел. к 2017 г.

Таким образом, на основании анализа всех приведенных нами альтернативных путей комплектования армии в условиях ограниченности призывного ресурса, можно сделать вывод, что основной выход в сложившейся демографической ситуации видится в постепенном развитии контрактной формы комплектования армии при сохранении обязательного призыва на военную службу. Институт контрактной службы должен обеспечить возможность компенсировать снижение численности призывников за счет более длительного прохождения службы по сравнению с военнослужащими по призыву.

Список литературы

1. Бестужев-Лада И.В. Социальное прогнозирование: Курс лекций. – М.: Педагогическое общество России, 2002. – 392 с.
2. Денисенко М.Б., Калмыкова Н.М. Демография: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 432 с.
3. Журавлев П.В., Карташов С.А., Маусов Н.К. Персонал. Словарь понятий и определений. – М.: Экзамен, 2001. – 512 с.
4. Медков В.М. Некоторые демографические аспекты комплектования Вооруженных Сил // Социология войны и мира: Материалы «круглого стола» / Под ред. П.А. Цыганкова. – М., 2006.
5. Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие / Под. ред. проф. Локосова В.В. – М.: «Экон-Информ», 2015. – 411 с.
6. Половнев А.В. Демография в схемах и таблицах: Учебное пособие. – М.: Военный университет, 2008. – 176 с.
7. Социологическая Энциклопедия: В 2 томах / Руководитель научного проекта Семигин Г.Ю.; Главный редактор Иванов В.Н. – Т. 2: (Н-Я). – М.: Мысль, 2003.

Интернет источники

8. Таблица смертности населения России, мужчины // Демоскоп. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Институт демографии Государственного университета – Высшей школы экономики. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ltmnu.php (Дата обращения: 30.10.2015).

Юшкова Светлана Александровна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Прикладная социология»
Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Россия
Чечёткина Ольга Николаевна,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры «Экономическая теория и менеджмент»
Российской открытой академии транспорта, г. Москва, Россия

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

В данной статье рассматриваются вопросы взаимосвязи экономического развития и демографической политики России. В статье анализируются различные подходы влияния демографических факторов на экономическое развитие стран. Выделены и описаны следующие демографические факторы, значимые для развития экономики: динамика рождаемости, смертности и численности населения, а также изменения половозрастной структуры населения. Особое место в статье уделяется вызовам демографического развития, с которыми сталкивается Россия сегодня, такими как уменьшение рождаемости и увеличение смертности. В статье предлагаются меры, в рамках демографической политики страны, направленные на преодоление данных проблем. Данные меры должны предполагать совершенствование демографической политики, решение жилищных проблем, повышение уровня медицинского и социального обслуживания, обеспечения достойного уровня жизни, оздоровление нации, введение профилактических мероприятий, направленных на поддержание здоровья, на формирование здорового образа жизни и повышение престижности в обществе семей с двумя и более детей.

Ключевые слова: демографическая политика, экономическое развитие, демографическая ситуация, демографические процессы, рождаемость, смертность, вызовы демографическому развитию, численность населения, семейные ценности, бедность.

E-mail: ysa67@mail.ru; on4e@mail.ru

Yushkova Svetlana A.,
PhD (Economics), Dr. Habilitatus of sociological science
Associate Professor of department «Applied sociology»,
Financial university under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Chechetkina Olga N.,
PhD (Sociology) of sciences, Associate Professor of department «Economics and management»,
Russian open academy of transport, Moscow, Russia

ECONOMIC DEVELOPMENT AND DEMOGRAPHIC POLICY OF RUSSIA: PROBLEMS OF INTERRELATION

This article discusses the relationship of economic development and demographic policy of Russia. The article analyses different approaches of the impact of demographic factors on economic development of countries. Identified and described the following demographic factors that are important for economic development: the dynamics of fertility, mortality and population size, as well as changes in the demographic structure of the population. The special place in article is paid to the challenges of demographic development; Russia faces today, such as declining birth rates and increased mortality. The paper proposes measures within the framework of the demographic policy of the country aimed at overcoming these problems. These measures should include the improvement of demographic policy, housing problems, increased levels of health and social services, ensuring a decent standard of living, a healthier nation, the introduction of preventive measures aimed at health maintenance, healthy lifestyle and raise the prestige in society of families with two or more children.

Keywords: population policy, economic development, demographic situation, demographic processes, birthrate, mortality, the challenges of the demographic development, the total population, family values, poverty.

E-mail: ysa67@mail.ru; on4e@mail.ru

Проблемы взаимосвязи демографической политики и экономического развития продолжают оставаться дискуссионными и активно рассматриваться исследователями и учеными разных стран. В частности, доклад ООН 2015 г. о целях развития тысячелетия свидетельствует о том, что интенсивный рост численности населения является препятствием для экономического роста и развития [4]. Это связано с тем, что на современном этапе развития мировой экономики появление новых рабочих мест значительно ниже роста численности рабочей силы. В глобальном масштабе доля населения трудоспособного возраста, имеющего работу, сократилось на 2% по сравнению с 1991 годом. По данным Международной организации труда количество безработных в 2015 году превысило 204 млн. человек. При этом уменьшились возможности трудоустройства не только в развивающихся, но и в развитых регионах. Так, в период 1991-2015 г. количество занятых в общей численности населения развивающихся регионов сократилось на 3,3 процентного пункта, а в развитых странах на 1 процентный пункт. Кроме того, почти половина занятых во всем мире, работает на условиях нестабильной занятости. Из-за ограниченных возможностей трудоустройства по найму, начиная с 2008 года, численность трудоустроенных на условиях нестабильной занятости возросла на 25 млн. человек. Здесь необходимо отметить, что уровень безработицы среди молодежи превышает уровень безработицы взрослых почти в три раза.

По мнению разработчиков доклада, интенсивный рост численности населения способствует снижению уровня жизни и сохранению бедности, что, в свою очередь, замедляет экономическое развитие и обеспечивает рост уровня потребления наименее обеспеченными слоями населения. Уровень бедности можно было бы снизить, если бы удалось достичь снижения рождаемости. Для того чтобы повысить уровень жизни, государствам следует решить демографические проблемы и улучшить санитарные условия жизни наименее обеспеченных слоев населения. В основе данного утверждения лежит тезис о том, что повышение уровня рождаемости является препятствием для экономического развития страны. С целью снижения рождаемости были разработаны программы поддержки и планирования семьи, финансирование которых осуществлялось за счет общественных фондов. Однако данный подход был подвержен критике.

В настоящее время большинство исследователей поддерживает подход, согласно которому основой экономического развития является человеческий капитал и, как следствие, инновационное развитие и прогресс. Согласно этому подходу демографические изменения приводят к изменениям институционального, политического и технического характера. Демографический рост может способствовать экономическому развитию, несмотря на субъективные факторы политического и природного характера. Таким образом, в соответствии с современными взглядами, демографические процессы представляют собой определяющий фактор экономического развития. При этом следует отметить, что базовым демографическим фактором для развития экономики является как динамика рождаемости, смертности и численности населения, так изменения половозрастной структуры населения.

Возрастной состав населения определяет важный с экономической точки зрения показатель – коэффициент демографической нагрузки, определяющий структуру работников и иждивенцев в населении страны или региона. Обычно выделяется демографическая нагрузка на 1000 населения в рабочем возрасте. При этом различается нагрузка детьми в дорабочем и пожилыми в послерабочем возрастах. Сумма нагрузок детьми и пожилыми образует общую демографическую нагрузку. Необходимо отметить, что это показатель является по сути условным, так как не учитывает некоторых категорий трудоспособного населения.

Волнообразные изменения возрастной структуры населения России оказывают заметное влияние на соотношение различных возрастных групп, что приводит к существенным экономическим последствиям. Так, например, увеличение средней продолжительности жизни отрицательно влияет на способность женщин к продолжению рода и рождению детей, что определяет увеличение доли иждивенцев в общей численности трудоспособного населения. Уменьшение размера семьи также может приводить к повышению уровня занятости женщин, что способствует снижению уровня рождаемости, и, как следствие, увеличение демографической нагрузки.

В начале 1990-х в России возникла возможность получения, так называемого, «демографического дивиденда», общий коэффициент демографической нагрузки начал снижаться. Однако произошло это в основном за счет снижения нагрузки детьми, но в целом Россия до 2011 года находилась в условиях снижающейся общей нагрузки. В дальнейшем наблюдается стабильный рост данного показателя и по данным демографического прогноза до 2030 года, представленного Федеральной службой государственной статистики, коэффициент демографической нагрузки будет увеличиваться при всех вариантах прогноза (табл. 1).

Таблица 1

**Коэффициент демографической нагрузки
(нетрудоспособных на 1000 лиц трудоспособного возраста) [6]**

Год	Низкий вариант прогноза	Средний вариант прогноза	Высокий вариант прогноза
2016	740	741	742
2018	787	789	791
2020	822	826	829
2022	850	856	860
2024	864	873	878
2026	865	877	884
2028	859	875	883
2030	845	865	874

При этом необходимо обратить внимание на чрезвычайно важный факт: нагрузка будет увеличиваться тем быстрее, чем более благоприятными будут собственно демографические показатели, т.е. чем больше будет рождаться детей и чем ниже будет смертность взрослого и пожилого населения. До тех пор, пока рынок труда способен «поглощать» рабочую силу, производительность труда будет увеличиваться, что создает дивиденды экономического роста, которые способствуют росту накоплений, сбережений и инвестиций. В частности, те семьи, в которых невелико число детей, имеют возможность выделять большее количество средств на здоровье и образование детей, что способствует росту человеческого капитала и повышению продуктивности рабочей силы.

Разные варианты демографического роста и тенденций демографических изменений являются важнейшими факторами развития экономики страны. В тех фазах, где численность наиболее молодых и наиболее пожилых групп населения максимальна, экономический рост замедляется. Осуществление дивидендов происходит на средней фазе демографического перехода. Снижение количества детей и уровня плодовитости увеличивает коэффициент демографической загрузки. Однако эффект демографических дивидендов экономика и общество испытывают автоматически. Стимулирование гибкости рынка труда, инвестиций и сбережений, а также выплата пособий на образование и получение медицинского обслуживания является основным фактором высокой продуктивности труда. В соответствии с этим, изменение структуры половозрастной пирамиды, которое определяется снижением уровней смертности и рождаемости, представляет собой фактор, способствующий экономическому росту. Снижению бедности же способствует не только экономическое развитие, но и снижение рождаемости, которое приводит к перераспределению потребления в пользу бедных слоев населения и позволяет увеличить доходы бедных за счет вовлечения в экономику женщин. В настоящее время высшее и среднее профессиональное образование приобрело массовый характер, особенно среди женщин, которые занимают значительный сегмент на российском рынке труда. Половозрастной состав населения и его составляющие определяют процесс производства, распределения и потребления экономических благ, производимых обществом. Для того чтобы установить взаимосвязь между уровнем экономического развития России и демографическими тенденциями, проанализируем статистические данные, содержащие численность занятого и экономически активного населения (табл. 2). Несмотря на значительное улучшение положения женщин на рынке труда, сохраняется разрыв между мужчинами и женщинами.

Вероятность трудоустройства мужчин по-прежнему выше, чем вероятность трудоустройства женщин.

Таблица 2

Динамика численности занятого и экономически активного населения [6]

Население	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Численность экономически активного населения РФ, в среднем за год тыс. человек	75700,1	75694,2	75477,9	75779,0	75676,1	75528,9	75428,4
Численность занятых РФ, в среднем за год тыс. человек	71003,1	69410,5	69933,7	70856,6	71545,4	71391,5	71539,0
Мужчин в среднем за год тыс. человек	36102,5	35071,2	35566,3	36032,4	36470,5	36478,2	36605,4
Женщин в среднем за год тыс. человек	34900,6	34339,3	34367,4	34824,2	35074,9	34913,2	34933,6
Размер номинального ВВП России, млрд. долл. США	1660.8	1222.0	1479.8	1885.0	1954.0	2113.0	2057.0

Демографическая политика в России направлена на увеличение рождаемости и продолжительности жизни, а также на снижение смертности, укрепление и улучшение здоровья населения, формирование благоприятной демографической ситуации за счет миграционных процессов. Специфика демографического положения в России, заключается в том, что темпы развития демографической и экономической подсистем противоречивы, что оказывает существенное влияние на формирование рынка труда. Согласно прогнозам, демографическая ситуация в России будет только ухудшаться (табл. 3), что приведет к снижению численности трудоспособного населения и, как следствие, к снижению темпов экономического роста и развития [6].

Таблица 3

Прогноз численности населения России до 2031 года

Год	Моложе трудоспособного возраста		Трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста	
	тыс. человек	в % от общей численности населения	тыс. человек	в % от общей численности населения	тыс. человек	в % от общей численности населения
<i>Средний вариант прогноза</i>						
2016	26313,6	18,0	84296,2	57,4	36144,5	24,6
2018	27337,7	18,5	82413,6	55,9	37661,4	25,6
2020	27992,9	18,9	80996,4	54,8	38915,1	26,3
2022	28388,3	19,1	79853,5	53,9	39966,1	27,0
2024	28503,4	19,2	79216,7	53,4	40617,6	27,4
2026	28145,7	19,0	79003,3	53,2	41155,7	27,8
2028	27556,4	18,6	78988,9	53,3	41572,7	28,1
2030	26579,0	18,0	79271,0	53,6	41994,6	28,4

Прогнозные демографические изменения могут иметь серьезные социально-экономические последствия, связанные с изменением половозрастной структуры и численности населения по всем категориям. Рассмотрим их.

Во-первых, будет наблюдаться смещение структуры спроса, вследствие изменения возрастной структуры населения. Это проявится не только в области спроса на рыночные товары и услуги, но и на государственные услуги. В частности, с увеличением численности населения предпенсионного и пенсионного возрастов будет увеличиваться спрос на социальные услуги и услуги здравоохранения. Наряду с этим спад рождаемости приведет к сокращению

численности учащихся в средних школах, что приведет к снижению спроса на государственные образовательные услуги.

Во-вторых, будет иметь место снижение предложения труда из-за старения населения. Так, изменение численности населения при постоянных показателях трудовой активности приведет к сокращению численности экономического населения, что, в свою очередь, приведет к замедлению роста ВВП на душу населения. Соответственно, старение населения замедлит рост уровня жизни населения и экономический рост страны в целом.

В-третьих, изменится объем и структура сбережений населения. В связи с тем, что периоды накопления и использования сбережений протекают поочередно, изменения в возрастной структуре населения могут оказать существенное влияние на динамику накопления и использования сбережений. В частности, снижение доли населения младших возрастных групп снизит нагрузку на экономически активное население, рост численности населения старших возрастных групп увеличивает нагрузку на государственный бюджет за счет повышения потребности в бюджетных трансфертах. Вследствие этого меняется структура спроса на финансовые ресурсы и их стоимость, а также рыночные процентные ставки.

В-четвертых, с изменением демографической структуры населения возникнет изменение направлений финансовых потоков и обязательств между поколениями. В частности, решение бюджетных проблем, обусловленное демографическими тенденциями, способствует росту государственного долга. С другой стороны, нарушение баланса отношений между поколениями связано с изменением соотношений числа работников и лиц, получающих пенсионное обеспечение в условиях существующей системы пенсионного обеспечения, в связи с этим очень остро возникает вопрос увеличения возраста выхода на пенсию.

Далее, хотелось бы остановиться еще на некоторых вызовах демографического развития, с которыми сталкивается Россия. Демографические проблемы в России не новость. Эти проблемы зрели уже давно, еще в начале 1990-х, именно тогда, в переходный период резко упала рождаемость. Людям в то время было не до рождения детей. Надо было адаптироваться к новым социально-экономическим условиям. Сейчас же, мы сталкиваемся с последствиями данного решения граждан. Например, выступая на конференции «Демографическое развитие России: новые вызовы и возможные решения проблем», проходящей в Совете Федерации 13-14 октября 2015 года, представитель Минтруда России, Елена Страхова отметила, что сокращение численности женщин репродуктивного возраста является серьезным вызовом демографическому развитию. Данное снижение будет продолжаться до 2020 года и составит 4,7 млн. человек, т.е. как минимум 4,7 млн. человек не рожденных детей [5].

В связи с этим огромное значение приобретают усилия государства и общества в направлении увеличения рождаемости. Рождаемость следует рассматривать не только как пополнение населения, но и как воспроизводство семьи и социальных ценностей общества. Конечно, воспроизводить население можно и через увеличение миграционных потоков. Однако надо учитывать, что их увеличение может негативно отразиться на принимающей стороне в виде изменения этнического состава населения, изменения социально-культурных ценностей, появления конфликтов и т.д. В направлении увеличения рождаемости государством уже приняты некоторые меры, но на этом останавливаться нельзя. Эти меры лишь начало и требуют продолжения и развертывания. Необходимо продолжать поддерживать молодые семьи с детьми. Разрабатывать и внедрять меры по увеличению рождаемости. Необходима государственная программа, которая являлась бы частью демографической политики государства, формирования и поддержки семейных ценностей и содержащая меры по повышению престижа семей, в которых есть двое и более детей. Сейчас очень важно, чтобы в обществе, а особенно у молодого поколения, укрепились такие ценности, как – законный брак, полная семья, много детей. В рамках программы формирования семейных ценностей должны быть задействованы и телевидение, и радио, и музыкальные каналы, и другие средства пропаганды.

Хотелось отметить еще одну важную тенденцию, появление очень интересной формулировки ответа на вопрос, связанного с рождением ребенка. Многие молодые люди репродуктивного возраста и чаще всего с высшим или незаконченным высшим образованием, причем, и мужского пола, и женского, в качестве ответа на этот вопрос говорят о том, что они не могут позволить себе рождение ребенка сейчас. Почему? «А что мы можем ему дать?» – спрашивают они. Дальше идет описание того, что они не могут дать своему ребенку: не могут нормально

одеть, купить игрушки, нет денег на достойное образование, не могут обеспечить достойный уровень жизни в условиях социально-экономического кризиса и дальнейшей неопределенности развития ситуации. В основном все ответы базируются на экономических ценностях и экономической ситуации в стране, которую они оценивают как неблагоприятную. Получается, что в умах молодежи спланирован негативный сценарий развития страны на годы, если не сказать больше, на десятилетия. Однако почти никто из молодого поколения не задумывается о том, что своему ребенку они могут дать единственное, действительно ценное – это жизнь! Да, просто жизнь. Возможность жить в этой стране, жить в семье, расти и развиваться.

Хотя данный подход молодого поколения понятен. Проблема здесь не только в женщинах, но и в мужчинах. В молодой семье при рождении ребенка мужчина становится единственным работающим членом семьи и должен на свою заработную плату обеспечить достойный уровень жизни. Так-то это просто сделать в ситуации социально-экономического кризиса? Возможно существенной помощью со стороны государства, для стимулирования рождаемости, было бы отнестись рождение и воспитание детей к трудовой деятельности. Например, если женщина родила или взяла на воспитание 3-х и более детей, то государство берет на себя выплату заработной платы, с учетом трудового стажа, и начисление пенсии. Это позволит увеличить престиж семей с тремя и более детей, а также поможет решить проблему метания женщин между двумя основными ценностями – дети и карьера.

Вызовом демографического развития, с которым сталкивается Россия, можно назвать увеличение смертности населения. Конечно, смертность – это естественный процесс. Однако, если смертность превышает рождаемость, то это приводит к дальнейшему уменьшению населения. Следовательно, для увеличения численности населения надо, с одной стороны, принять меры к увеличению рождаемости, а, с другой, к уменьшению смертности. Какие меры может предпринять государство, чтобы уменьшить смертность населения? Нам видится как минимум три направления деятельности государства. *Во-первых*, улучшение качества жизни и борьба с бедностью. *Во-вторых*, это улучшение качества медицинского обслуживания и введение профилактических мероприятий, направленных на поддержание здоровья и уменьшение возможных потерь здоровья. *В-третьих*, мероприятия, направленные на формирование здорового образа жизни и уменьшение уровня алкоголизации населения.

В заключение следует сказать, что с целью изменения динамики и направленности демографических процессов в России необходимо обеспечить увеличение рождаемости и уменьшение смертности населения. Существующие меры, направленные на обеспечение демографической политики, заключаются в создании стабильных экономических условий для семей. Поэтому целесообразно разработать ряд мер поддержки и развития демографической политики, которые должны предполагать решение жилищных проблем, совершенствование социальной политики, повышение уровня медицинского и социального обслуживания, обеспечения достойного уровня жизни, оздоровление нации. Решение демографической проблемы в России является одной из приоритетных задач, поскольку демографический кризис может повлечь за собой серьезное снижение темпов экономического роста, социального, культурного, технологического развития и снижение стабильности экономики РФ в целом.

Список литературы

1. Жук В.А., Ложко В.В. Связь демографических процессов с социально-экономическим развитием регионов России и совершенствование демографической политики // Проблемы современной экономики – 2011. – № 3. – С. 41-45.
2. Кудрин А., Гурвич Е. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. – 2012. – №3. – С. 74-78.
3. Куликова С.Н. Взаимосвязи между экономикой и демографией // Проблемы современной экономики. – 2013. – №10. – С. 29-30.

Интернет источники

4. Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (Дата обращения: 30.10.2015).
5. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/social/family/188/> (Дата обращения: 30.10.2015).
6. Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (Дата обращения: 30.10.2015).

РАЗДЕЛ 2. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Анисимов Сергей Алексеевич,
доктор социологических наук, профессор,
действительный член МАН и РАЕН,
профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Павлов Борис Сергеевич,
доктор философских наук, профессор,
действительный член МАН и РАЕН,
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия

Павлов Денис Борисович,
юрист, адвокатское бюро Свердловской области
«Юралс Лигал», г. Екатеринбург, Россия

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДОЙ СЕМЬИ НА УРАЛЕ: СИМБИОЗ ПОТРЕБИТЕЛЬСТВА И ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ

Социально-экономические трансформации в обществе неизбежно приводят к переменам во взаимосвязях социальных институтов, к деформации нравственно-этических норм, ломке сложившихся ценностных ориентаций, стереотипов поведения, оценок, ожиданий и т.п. И чем сложнее и ответственнее выполняемые социальным институтом общественные функции, тем болезненнее отражаются на нем последствия глобальных трансформаций. Особо заметны эти перемены в сфере потребления россиян. С этих позиций в статье анализируются некоторые аспекты экономического поведения молодых семей в Уральском регионе. Авторы раскрывают основные социально-экономические различия в потребительской деятельности поколений семей «детей и отцов» в российском обществе, их существенную трансформацию за последние 2-3 десятилетия. При этом, акцентируется внимание на формировании эгоистического поведения молодых отцов и матерей, игнорирующих ограниченные финансовые возможности своих родителей, спонсирующих их потребительское поведение в брачный и последующий, семейный период жизни. В статье отмечается, что с ростом «детной нагрузки» молодых семей ослабевает материально-финансовая поддержка со стороны их родителей, бабушек и дедушек. При этом, они считают, что именно различные формы помощи старшего поколения молодым семьям могла бы стать существенным резервом повышения демографической активности молодых россиян. В статье использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам уральских семей, проведенных авторами в уральских городах и сельских поселениях.

Ключевые слова: бедность, молодая семья, родительская семья, потребности, студенты, потребление, эгоизм, экономическое поведение, семейный труд, экономический инфантилизм.

E-mail: pavlov_boris@mail.ru

Anisimov Sergey A.,
Doctor of sociological sciences, Professor,
Member of IAAS and Academy of Natural Sciences,
Professor of the department
of Acmeology and Psychology of Professional Activity,
Russian Academy of National Economy and Public state
under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Pavlov Boris S.,
Doctor of philosophical sciences, Professor,
Member of IAAS and Academy of Natural Sciences,
Institute of Economics Ural branch of RAS,
Yekaterinburg, Russia,

Pavlov Denis B.,
lawyer,
law offices of Sverdlovsk region «Urals Legal»,
Yekaterinburg, Russia

ECONOMIC BEHAVIOR OF A YOUNG FAMILY IN THE URALS: THE SYMBIOSIS OF CONSUMPTION AND LABOR ACTIVITY

The socio-economic transformation of society will inevitably lead to changes in the relationship of social institutions, deformation moral and ethical standards, breaking the prevailing value orientations, behaviors, estimates, expectations, etc. Moreover, the more complex and important social institution performed public functions, the more painful it reflected on the consequences of global transformations. Particularly noticeable of these changes in the consumption of Russians. From this perspective, the article analyzes some aspects of economic behavior of young family in the Urals region. The authors reveal the basic socio-economic differences in the consumption activities of generations of families «children and fathers» in Russian society, their significant transformation over the last 2-3 decades. At the same time, the focus is on the formation of the selfish behavior of young mothers and fathers, ignoring the limited financial resources of their parents, sponsoring their consumer behavior and subsequent premarital, family life period. The article notes that an increase in «child loading» young families weakens the material and financial support from their parents and grandparents. At the same time, they believe that it is various forms of assistance to young families the older generation could become a significant source of increasing the activity of the demographic of young Russians. The article draws a number of complex regional studies of the Ural families conducted by the authors in the Urals cities and rural settlements.

Keywords: poverty, a young family, parent family, the needs of students, consumerism, selfishness, economic behavior, family labor, economic infantilism.

E-mail: pavlov_boris@mail.Ru

Широкое определение феномена экономическое поведение (действие) – трактуется как поведение людей, добровольно или вынужденно руководствующихся рыночными целями, законами и ограничениями. Более узкая трактовка предполагает сознательное стремление к выгоде (прибыли), минимизацию своих усилий и имеющихся в наличии ресурсов, но максимизацию своей прибыли и выгоды. Подобным образом ведут себя отдельные люди, фирмы и экономика в целом, если они представляют собой рационально устроенные системы. Несколько иная ситуация с феноменом *«экономическое поведение семьи»* и как социального института, и как индивидуальной социальной-экономической ячейки общества.

Экономике как системе ведения рационального хозяйства столько же лет, сколько и самому обществу – 40 тысяч. Она лучше всех других институтов общества обслуживает нужды, потребности и запросы людей. Человеческие нужды – чувство настоятельной необходимости удовлетворения основных надобностей. Люди нуждаются в пище, одежде, чувстве безопасности, ощущении принадлежности к группе, уважении. Такова *биологическая* природа людей. Вспомним классическое: «Люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.» [З. Т. 19. С. 350].

Проблема социокультурных основ хозяйственного поведения не является новой в социологии. Он получила основательную разработку в трудах выдающихся представителей немецкой классической социологии, экономики и политической экономии М. Вебера и Г. Зиммеля, В. Зомбарта. Большая роль в анализе ценностных основ экономического поведения принадлежит работам Т. Парсонса и Н. Смелзера и др. Свой вклад в разработку этой проблемы внесли и российские социологи.

Значительный вклад в развитие теории и методологии социологического анализа экономического поведения внесла известный уральский социолог Т.Л. Александрова. По ее мнению, фронт исследования проблематики экономического поведения продолжает оставаться остро дискуссионным и слабо разработанным в части соотношения в структуре его регуляции ценностей и норм, с одной стороны, интересов и потребностей, с другой стороны. Недостаточно отработан также понятийный аппарат экономико-социологического анализа, экономическое поведение подчас отождествляется с хозяйственным, а рынок как механизм саморазвития экономики – с экономической системой рыночного типа. Социологическое познание в целом, в том числе и в сфере экономико-социологических исследований, по её мнению, продолжают «раскалывать две крайние позиции в трактовке сущности социального поведения: восходящее к позитивизму отождествление поведения с суммой реакций на обстоятельства, на ситуацию, – и акцентирование сторонниками гуманистических направлений внутренней мотивации поведения, роли ценностей в его регуляции» [1. С. 11-12].

В частности, Т.Л. Александровой предлагается методологический подход к изучению экономического поведения, выдвигающий в центр исследования проблему ценностного выбора. Такая постановка вопроса позволяет учесть как переходный характер социальных процессов, так и ведущую роль в российском социуме *не столько институциональных (искусственно созданных), а примордиальных комплексов.*

Ключевая проблема объяснения социального поведения – действие двойной детерминации: по *объекту* (обусловленность поведения «обстоятельствами», условиями, ситуацией, системой отношений, сложившимися институциональными структурами) и по *субъекту* (зависимость поведения от интересов, ценностей, потребностей, установок, системы мотиваций, стереотипов и других регуляторов поведения). *Переплетение этих двух рядов детерминации, связанных отношениями прямой и обратной связи, составляет главную проблему объяснения также и экономического поведения.* Вместе с тем, поведение субъекта (будь то индивидуального, группового или представленного на социетальном уровне) никогда не является полно-

стью детерминированным; в нем всегда есть место действию спонтанности, непредсказуемости, случайности, что позволяет констатировать неустранимость иррациональных аспектов в социальном поведении [1. С. 83].

В социальном поведении можно вычленить, далее, различные уровни в зависимости от способа его регуляции. Так, на стратегическом уровне (постановка целей, самоопределение относительно базовых принципов поведения) оно регулируется ценностями преимущественно терминального (конечного) порядка; на тактическом уровне (поведение на различных этапах жизненного пути) на первый план выступают интернализованные нормы поведения; на ситуативном уровне (реакция на конкретную ситуацию) поведение направляется стандартами, образцами, стереотипами и установками. Система регуляции поведения носит иерархический характер [9. С. 83].

Как отмечает виднейший американский социолог Н. Смелзер, история Советского Союза продемонстрировала *«неукротимость примордиального в обществе»*, тогда как «западная социология, от Ф. Тенниса до наших дней, была введена в заблуждение представлением о том, будто рост сложных, рациональных, целенаправленных организаций означает общее ослабление примордиальных сил» [10].

«Семья по своей сущности всегда была, есть и будет позитивистическим мирским институтом благоустройства, – писал в своё время Н.А. Бердяев, – биологическим и социологическим упорядочиванием жизни рода. Формы семьи, столь текучие на протяжении человеческой истории, всегда были формами социального приспособления к условиям существования, к условиям хозяйствования в мире. Нет феномена в жизни человечества, который бы так удачно объяснялся экономическим материализмом, как семья. В этой области социологический материализм одержал наибольшие победы. Семья – хозяйственная ячейка, прежде всего, и ее связь с полом всегда косвенная, а не прямая» [13].

Примордиальные начала, о которых речь шла выше, то есть исконные, первичные, прирожденные структуры мышления и действия, воплощаются в первую очередь в поведении, хотя накладывают свой отпечаток и на функционирование социальных институтов. Многие особенности поведения россиян «лежат на поверхности», обнаруживают себя в повседневной жизни и доступны простому социальному наблюдению.

В современный период развития российского социума, резкому росту потребностей различных групп населения в материальных и духовных благах не соответствуют, в большинстве своём, возможности их удовлетворения. Подобный социально-потребительский диссонанс является, с одной стороны, питательной средой для формирования пессимистического напряжения в социально-психологическом состоянии людей, с другой – причиной преимущественно негативного отношения как к сущности и содержанию проводимых реформ, так и к самим реформаторам.

Резкому росту потребностей различных групп российского населения в материальных и духовных благах сегодня в большинстве своём не соответствуют возможности основной части населения удовлетворить эти потребности. Подобный социально-потребительский диссонанс является, с одной стороны, питательной средой для формирования пессимистического напряжения в социально-психологическом состоянии людей, с другой – причиной преимущественно негативного отношения как к сущности и содержанию проводимых реформ, так и к самим реформаторам [5].

К числу наиболее ощутимых и наглядных опосредованных проявлений отношения населения к идущим переменам в экономике и социальной сфере можно отнести те реальные жизненные проблемы, которые стоят сегодня и будут стоять в ближайшей перспективе перед семьями (в нашем случае – перед молодыми семьями уральцев). Один из наиболее плодотворных социологических способов их выявления – обращение непосредственно к жителям реги-

она с просьбой оценить остроту тех или иных проблем, которые стоят перед их семьями, перед ними лично. При этом желательным является лонгитюдный (повторный, через определенный промежуток времени) метод съема информации, дающий возможность зафиксировать тенденции в изменении иерархии и степени остроты социально-экономических проблем по истечении какого-то временного лага, что в свою очередь отражает качественные и количественные «подвижки» в воздействии рынка на население.

Социологический метод изучения проблем социально-экономических последствий рыночных реформ базируется, как правило, на получении двух основных видов информации: объективного и субъективного характера. Получаемая государственными органами объективная информация, как правило, отражает и характеризует среднестатистические процессы на государственном и региональном уровнях. Получаемые органами статистики данные в регионах позволяют судить о социально-психологическом и экономическом самочувствии населения в разрезе отдельных производственно-профессиональных и территориально-поселенческих групп. Кстати, и здесь мы имеем дело в настоящее время с разной степенью воздействия (влияния, причастности) социально-экономической политики в регионе на разные группы населения в рамках одной и той же региональной, производственной, поселенческой и другой общности.

Условия для развития территориальной общности формируются под воздействием не только производственно-экономических, но и социально-психологических, социально-биологических факторов, политико-юридической надстройки и др. Вполне понятно, что в совокупности факторов, влияющих на социально-экономическое поведение, устанавливается взаимосвязанная соподчиненность и взаимозависимость. При этом отношении и роль каждого фактора могут быть различными в разных регионах страны, отличающихся своеобразием социально-экономической обстановки, особенностями течения тех или иных социальных процессов.

Как известно, общественное мнение в стране формируется в основном средствами массовой информации. Ограниченный личный опыт часто оберегает людей от столкновения со многими остро стоящими социальными проблемами, и если таковые не освещаются СМИ, то многие об их существовании и не подозревают. В результате, картина в сознании населения складывается неполная и искажённая. Вот как, по данным опроса ВЦИОМ (январь 2009 г.), в результате которого было опрошено 1600 человек в 140 населённых пунктах в 42 областях, краях и республиках России, выглядят рейтинги значимости основных социальных проблем современной России. На вопрос *«Какие из нижеперечисленных проблем Вы считаете наиболее важными для себя лично, для страны в целом?»* мнение респондентов распределилось следующим образом (% от общего числа опрошенных – 1600 чел.; в числителе – важные проблемы для себя *«лично»*, в знаменателе – *«для страны»*) [4]:

***Личные, семейные проблемы:
«проблемы НИЗОВ»***

• инфляция, рост цен на товары и услуги	- 66 / 61
• безработица	- 42 / 61
• уровень жизни населения	- 41 / 32
• ситуация в сфере здравоохранения	- 39 / 31
• пенсионное обеспечение	- 34 / 29
• ситуация в сфере ЖКХ и ЖКУ	- 29 / 24
• экономический кризис	- 27 / 23
• преступность	- 26 / 31
• алкоголизм, наркомания	- 25 / 53
• коррупция и бюрократизм	- 24 / 41
• задержки выплат заработных плат	- 24 / 20

• положение молодежи	- 23 / 23
• ситуация в сфере образования	- 19 / 14
• состояние морали и нравственности	- 14 / 12
• экология и состояние окружающей среды	- 14 / 12
• демократия и права человека	- 10 / 13
«проблемы ВЕРХОВ»	
• терроризм	- 9 / 13
• ситуация в армии	- 9 / 12
• положение России в мире	- 7 / 16
• национальная безопасность	- 7 / 15
• влияние олигархов на жизнь страны	- 6 / 16
• демографическая ситуация (рождаемость, смертность)	- 5 / 17
• отношения со странами СНГ	- 4 / 10
• межнациональные и межконфессиональные отношения	- 3 / 9
• реализация национальных проектов	- 3 / 5
• экстремизм, фашизм	- 2 / 4
• административной реформы (реформа органов власти)	- 2 / 2
• предстоящая смена власти в стране	- 1 / 3
• энергетическая безопасность	- 1 / 2

В этом списке наболевших проблем то, что беспокоит людей лично, значительно отличается от того, что, по их представлениям, значимо для страны в целом по российскому социуму (эти представления складываются из заявлений официальных лиц в средствах массовой информации). По этому критерию рейтинги, представленные «в числителе» и «в знаменателе» отличаются. Рост цен видится одинаково значимым для себя и для страны; безработица в начале 2009 г. коснулась ещё не всех, а правительственные чиновники обещали ещё больший её рост; алкоголизм с наркоманией в опросах по какой-то причине слиты в одну проблему, и для себя лично степень важности этих проблем люди не ставят так же высоко, как она позиционируется первыми лицами страны. Уровень собственной жизни (*что, во многом, синонимично – «своей семье»*) само население на момент опроса оценивало более негативно, чем этот показатель выглядел по официальным оценкам, в то же время демографические проблемы – низкую рождаемость и высокую смертность – народу на себя в индивидуальном плане приписать трудно: эти проблемы в личном рейтинге люди не ставят очень высоко и относят к проблемам всего общества.

Более конкретную и адресную информацию о феномене «бедность (*зажиточность*)» населения, позволяют получить региональные социологические опросы. За последние 20-25 лет в мониторинговом режиме в целом ряде исследований социологов Института экономики УрО РАН различным группам респондентов в разных регионах РФ в анкетах задавался вопрос: «К какой категории населения по уровню жизни Вы относите себя, свою семью в настоящее время?». Респондентам предлагалось оценить уровень своей жизни по четырёхзвенной шкале. О сравнительном постоянстве социально-экономического самочувствия уральского взрослого населения в процессе экономических реформ свидетельствуют данные табл. 1.

Показательно, что на протяжении почти четверти столетия прослеживается устойчивое деление населения на сравнительно одинаковые группы, относящие себя к разряду «богатых», «средняков» и «бедняков». Несколько выделяются из общего ряда семьи северян, живущие на территориях «нефтяных» и «газовых» городов Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, и «семьи риска» – наиболее социально незащищённые группы – монородительские («матери-одиночки»), семьи с детьми-инвалидами [6].

И ещё одно немаловажное замечание, касающегося нашего основного предмета анализа – экономического поведения молодых семей. Экономическое состояние «взрослых семей» –

характеризует не только жизнедеятельность взрослых уральцев. Одновременно это и характеристика социально-экономических условий, в которых «появляются на свет», живут, растут и социализируются дети уральцев. Материально-экономические возможности их отцов, матерей, дедушек, бабушек – это одновременно (а, может быть, и в первую очередь) возможности их детей (внуков) удовлетворять свои витальные, материальные и духовные потребности, желания, влечения, прихоти.

Таблица 1

**Самооценка уровня жизни российских «взрослых» семей,
% от общего числа опрошенных по каждому проекту**

Аббревиатура опросов взрослого населения; год, количество опрошенных	География опроса	Варианты самооценок*			
		А	Б	В	Г
1992, 2000 человек	Челябинская область	3	42	48	7
1994, 360 человек	Надым	6	66	25	3
1996, 1000 человек	Свердловская область	3	47	42	8
1997, 455 человек **	Челябинская область	2	33	59	6
1998, 352 человек ***		1	25	60	14
1999, 1360 человек	6 регионов РФ	3	56	37	3
2000, 2000 человек	Нижний Тагил	4	48	41	6
2001, 630 человек	Красноуральск	2	63	31	4
2002, 1100 человек	11 городов ХМАО	8	73	17	2
2004, 1000 человек	Читинская область	3	52	39	6
2005, 4000 человек	Екатеринбург	13	62	21	4
2007, 650 человек ****		1	29	68	3

Условные обозначения:

* А – пока живём в полном достатке; Б – имеем средний достаток; В – живём на грани бедности; Г – живём за чертой бедности.

** респонденты – родители, в семьях которых растут и воспитываются дети-инвалиды

*** респонденты – женщины – главы монородительских семей («неполные семьи»).

**** респонденты – клиенты еврейского благотворительного фонда «Центр «Хэсэд-Менора», 93% – в возрасте 60 лет и старше.

Зададимся вопросом поколенческого характера: *Кто живёт богаче: отцы или дети?* Сравним оценки жизненного уровня уральских семей с поколенческими позиций «отцов и детей». В частности, как меняется материальное положение и экономическое поведение неженатых и незамужних детей после посещения ЗАГСа, сопровождаемое маршем Мендельсона? Обратимся к нашим опросам молодых семейных уральцев (табл. 2).

Таблица 2

**Самооценка молодыми супругами уровня жизни своих семей
(% от общего числа опрошенных по каждому исследованию)**

Год, число респондентов	География опроса	Варианты самооценок			
		А	Б	В	Г
Молодые семьи					
2003, 2900 человек	УрФО (пять субъектов РФ)	12	63	22	3
2005, 880 человек	Екатеринбург	14	66	19	1
2006, 290 человек	Нижевартонск	13	79	7	1
2008, 720 человек	УрФО (четыре субъекта РФ)	5	72	21	1
2010, 200 человек *	Екатеринбург, УрФУ	18	76	5	1
2011, 600 человек	УрФО (четыре субъекта РФ)	13	81	5	1

Условные обозначения:

* опрос студенческих семей

При всех имеющихся проблемах молодых семей на Урале, нетрудно видеть, что значительная часть молодых отцов и матерей (*судя по самооценкам*) чувствуют себя экономически гораздо комфортнее, чем уральские «взрослые» семьи (*«семьи бабушек-дедушек»*). Вместе с тем, в необеспеченных семьях (умеренная степень бедности), как правило, удовлетворяются элементарные потребности (как физиологические, так и социальные), но остаются неудовлетворенными потребности более сложного и высокого порядка. «Необеспеченные» более или менее сытно едят (хотя рацион здесь не всегда сбалансирован и питание нельзя считать полностью здоровым), имеют возможности обновлять одежду, лечиться, отдыхать. Как правило, уровень жизни многих молодых семей не позволяет достичь образцов и стандартов жизни, считающихся в рамках данной культуры нормальными и достойными [7].

В принципе, социальное неравенство имеет как позитивные, так и негативные последствия для функционирования и развития общества. Исследователи феномена неравенства отмечают, что оно является условием поступательного развития общества, поскольку заставляет людей совершенствоваться, развиваться, бороться. Например, Н.А. Бердяев писал, что неравенство есть могущественное орудие развития производительных сил. Уравнение в бедности, нищете сделало бы невозможным развитие производительных сил. При этом, неравенство, по мнению русского философа, есть условие всякого творческого процесса, социальной инициативы, подбора элементов, «более годных для производства» [14].

В одном из наших опросов на вопрос *«Пожалуйста, укажите, какие дополнительные (помимо основного заработка, пенсии, пособия) материальные источники имеются у Вас в семье? Отметьте, пожалуйста, все из имеющихся»* ответили 2900 молодых супругов¹ (Табл. 3).

Таблица 3

**Дополнительные к зарплате источники доходов
в молодых уральских семьях (% от общего числа опрошенных по каждой группе семей)**

Дополнительные материально-финансовые источники дохода молодых семей на Урале (на момент опроса)	Группы молодых семей:			
	В целом	в т.ч. семьи с числом детей:		
		нет	один	двое
«Бесплатная» помощь молодой семье «извне»				
Помощь родителей, близких родственников	42	48	43	32
Помощь друзей, знакомых	4,4	4,0	4,8	4,3
Никаких источников дохода, кроме зарплаты, пособия не имели	26	25	25	27
«Дополнительная трудовая деятельность в сфере общественного производства»				
Постоянная дополнительная работа	14	14	14	14
Разовые приработки, разовые работы	31	33	31	29
Доходы от ценных бумаг	7	5	7	12
Индивидуальная «предпринимательская» деятельность				
Личное подсобное хозяйство (сад, огород)	20	18	19	23
Собирают в лесу ягоды, грибы, травы	15	13	16	16
Шьют, вяжут, ремонтируют вещи на заказ	3,8	2,8	3,5	6
Оказывают платные услуги (уход за ребёнком, в ремонте квартир и пр.)	3,2	2,6	3,4	3,8
Реализуют «с рук» промышленные и продовольственные товары	2,3	2,2	2,0	3,1

¹ В 2003 г. – в ряде городов и поселений пяти субъектов РФ (Екатеринбург, Челябинск, Надым, Нижневартовск, Чита) по проблемам демографического поведения молодых семей были опрошены 2900 молодых супругов. В выборку были включены представители молодых семей, пока не имевших детей – 1020 человек; молодых семей с одним ребёнком – 1180 человек; молодых семей с двумя детьми – 700 человек.

Прежде всего, отметим, что примерно каждая четвёртая (25-27%) молодая семья на Урале вне зависимости от числа имеющихся детей (подчеркнём ещё раз, на момент опроса) живёт, как говорят, «на одну зарплату». Как показало наше исследование, с ростом «детной нагрузки» молодых семей (нет ребёнка – один ребёнок – два ребёнка...), «ослабевает» материально-финансовая поддержка со стороны их родительских семей (потенциальных и реальных бабушек и дедушек). Бездетной молодой семье помогают 48 % их старших родителей, при появлении первенца эта помощь несколько снижается (42 %) и ещё больше снижается при появлении третьего – 32 %. Другими словами, большая часть старшего поколения российских семей (уже «отработавших» на демографическом фронте), «не принимают близко к сердцу» призыв властей «увеличить деторождаемость», а именно, «поселить в молодую семью своих детей второго ребёнка-внука (обязательно) и третьего (желательно)» [12].

В опоминавшемся уже выше опросе 2900 молодых супругов по нашей просьбе отвечали на вопрос: «Планируете ли вы заняться частным предпринимательством?». Вот какие ответы были получены нами (% от общего числа опрошенных по каждой группе семей):

- планируют организовать своё небольшое дело, фирму - 22
- хотели бы заняться предпринимательством, но не видят - 31
- никаких возможностей
- частным предпринимательством на момент опроса заниматься не хотели и «не собирались» - 47

Почти сто лет назад, в речи на собрании в Петербургском университете П.А. Сорокин утверждал: «Позволю обратить ваше внимание и еще на один факт: на семью. Вы знаете, что она разлагается. Но должны знать и то, что без здоровой семьи невозможно здоровое общество. Слишком далеко зашел здесь развал и духовный, и биологический, через половые болезни ускоряя вымирание и вырождение русского народа. Пора остановить это бедствие» [11. С. 248]. Насколько актуально это предупреждение социолога своим соотечественникам, пра-пра, правнукам?

На переломе XX и XXI вв. в России наряду с однодетными семьями «вошли в моду» одновнучатые дедушки и бабушки. И не здесь ли нужно искать сегодня существенные резервы в повышении демографической активности молодых россиян? Важно на уровне государства «научиться» использовать достаточно большой временной, материальный, педагогический потенциал «молодых» и полных сил, задора пенсионеров. Подчеркнём: не только «научиться использовать», но и адекватно поощрять труд и участие старших поколений россиян в воспроизводстве молодых поколений. Как в количественном, так и качественном измерениях. Сегодня «бабушки» и, естественно, «дедушки» необходимы в первую очередь, не на сценах, катках, кортах и на «бескрайних» «Полях чудес», хотя, это можно и приветствовать. В заботах российских бабушек и дедушек нуждаются их родные и любимые внуки, как уже рождённые, так и «ждущие» своей чудесной возможности «появления на ЭТОТ СВЕТ».

Культура вообще и культура потребления, в частности, имеет в своем арсенале средства для регулирования того, как люди пытаются решить проблему личных потребительских возможностей. Умение распоряжаться имеющимися средствами и возможностями – основа личной культуры потребления. Она включает в себя целый ряд навыков и умений: бережное и квалифицированное обращение с предметами долговременного потребления, умение рассчитать семейный бюджет, правильное использование таких финансовых инструментов как накопление и кредит, разумная экономия, умение защитить свои права и др. Ограничение потребностей (разумный минимализм), по мнению Н.Е. Покровского, в условиях экономического кризиса, своеобразное «сокращение нормы потребления» должно стать не вынужденной «обвальной» мерой, порождающей депрессию, а осознанной нравственной позицией, спо-

собствующей аккумуляции социальной энергии и преодолению кризиса как на общественном, так и индивидуальном уровне. Пропаганда сверхпотребления рассматривается как не соответствующая целям общества. Кичливая роскошь и богатство, выставляемые напоказ, в современных российских условиях имеют антиобщественный характер [8].

Любое осознанное поведение индивида (как, впрочем, и семейной ячейки, в целом) на потребительских рынках основывается на двух видах опыта: собственного и опыта и окружающих его людей, как правило, из среды ближайшего окружения. Важным фактором такого поведения выступает процесс формирования и закрепления личной (и групповой) потребительской культуры, которые невозможны без обращения к различного рода знаниям: по экономике, по социологии, по валеологии, по психологии, по нравственности, этики, эстетике и т.д. Реализация той или иной стратегии потребительского поведения требует от человека определенного набора не только знаний, но и умений. Важно подчеркнуть при этом, что потребительские возможности не имеют абсолютной шкалы измерения, ибо они значимы только по отношению к желаниям потребителя.

Один из путей решения противоречия между *возможным и желаемым* – сознательное самоограничение, которое позволяет не только выйти из-под гнета потребительских соблазнов, но снять (частично или полностью) психологический стресс от нереализованных желаний. Этому может способствовать углублённый самоанализ индивида, позволяющий отсечь псевдопотребности, существенно не влияющие на результаты (ожидания) его потребительской деятельности. В реальной жизни, в конкретных жизненных ситуациях человек в той или иной степени использует различные пути разрешения проблемы несоответствия своих потребностей и, предоставляемых ему (располагаемых им) возможностей. Один из существенных резервов в решении этой проблемы – освобождение от т.н. повседневных «вредных», асоциальных привычек поведения.

Научное управление социальными процессами в качестве необходимого условия предполагает создание социальных технологий, которые являют собой «средство перевода требований объективных законов на язык общественной практики, практики социального управления. Это перевод абстрактного языка науки, отражающей объективные закономерности развития общества, на конкретный язык решений, нормативов, предписаний, регламентирующих, стимулирующих людей, каждого конкретного человека на наибольшее достижение поставленных целей» [2. С. 231]. Следует подчеркнуть, что такая технология, хотя и предполагает выполнение ряда последовательных процедур (начиная с определения основных целей и задач и заканчивая их практической реализацией), вместе с тем не является жестко детерминированной вследствие неоднозначности объектов управления, неодинаковой степени управляемости экономических, экологических и культурно-идеологических процессов, обеспечивающих общий воспроизводственный процесс общественной жизни.

Эмансипация личности через отход от семьи (отчуждение от семейного образа жизни), нуклеаризация самой семьи, разъединение семейных поколений, массовость малодетной семьи и ее несостоятельность в такой социализации потомства, когда оно готово мотивироваться к действиям, отвечающим нуждам общества, потому что оно, прежде всего в семье, мотивируется подчинять эгоцентрические интересы семейным, – все это привело в XX в. в промышленно развитых странах к устранению семейного влияния, посредничества семьи в противостоянии личности и общества.

«У нас в стране, – подчеркивал В.В. Путин в конце 2012 г., – исторически сформировалось отношение к жизни таким образом, что мы живем для будущего, для детей. Это, конечно, очень важная и благородная задача и цель. Но выглядит так, что собственная, сегодняшняя благополучная жизнь все время откладывается, откладывается и откладывается на потом. И так у нас было практически всегда, из поколения в поколение. Пришло время кардинально

изменить ситуацию к лучшему уже сейчас. Мы делаем это, и мы можем это делать, если продолжим последовательный курс национального развития, будем впрягаться в общую созидательную работу, если мы будем работать достойно, с отдачей, с полной отдачей сил, то мы обязательно добьемся поставленных целей и выполним все стоящие перед нами задачи» [15].

Список литературы

1. Александрова Т.Л. Экономическое поведение и профессия: методология исследования: дис.... д-ра социол. н. – Екатеринбург, – 2000.
2. Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. – М., 1970.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
4. Опрос ВЦИОМ 10–11 января 2009 г. // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1140. – 23.01.2009.
5. Павлов Б.С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. – 2013. – № 7. – С. 128-138.
6. Павлов Б.С. Семейная политика в регионе: симбиоз экономического и нравственного // Журнал экономической теории. – 2010. – № 3. – С. 58-69.
7. Павлов Б.С., Силин Я.П., Татаркин А.И., Юрпалов С.Ю. Городская власть и горожане: прямая и обратная связь. Дайджест – информация по итогам 5-ти массовых опросов населения г. Екатеринбурга: 1997 – 1998 г. – Екатеринбург. Ин-т экон. УрО РАН. – 122 с.
8. Покровский Н.Е. Транзит российских ценностей // Глобализация и постсоветское общество «Аспекты» – 2001». – М.: Стови, 2001.
9. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. – Л.: Наука, – 1979. – 264 с.
10. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – С. 13.
11. Сорокин П.А. Из речи на собрании в Петербургском университете 22 февраля 1922 г. // Дальняя дорога. – М., 1992. – С. 248.
12. Татаркин А.И., Павлов Б.С.. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда (на примере Урала). – М.: Экономика, 2009. – 436 с.

Интернет источники

13. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Гл. IX. Творчество и любовь. Брак и семья [Электронный ресурс. – Режим доступа: [http:// philosophy.ru/library/berd/creation.html](http://philosophy.ru/library/berd/creation.html) (Дата доступа: 28.10.2015).
14. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письмо девятое. О социализме. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev](http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev) (Дата доступа: 28.10.2015).
15. Послание Президента РФ В.В.Путина Федеральному Собранию [полный текст]. – <http://www.b-port.com/news/item/93504.html> (Дата доступа: 28.10.2015).

Аристова Марина Вадимовна,
доктор философских наук,
профессор кафедры «Философия»
Современной гуманитарной академии,
г. Москва, Россия

ВЛИЯНИЕ ЦЕРКВИ И ГЕНДЕРНОЙ СЕЛЕКЦИИ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ

В статье рассматривается влияние на демографические проблемы со стороны государства, общества и семьи. Показывается связь между государством и патриархатной семьей. Демонстрируется манипулирование женской фертильностью государством и обществом. Фактически, если на ранней стадии существования общества, женщина была жертвой вида, то теперь она – жертва государственной политики. Особую реакционную роль, по мнению автора, играет религия, отличающаяся мизогинистской направленностью и присвоившая себе право распоряжаться женским телом. Современные медицинские технологии, наряду с положительными моментами, привнесли негативные моменты в демографический процесс. В частности, возникло явление, называемое «гендерная селекция», приводящее к нарушению естественного баланса численности полов.

Ключевые слова: патриархат, демографические проблемы, религиозное влияние, гендерная селекция, запрет аборт, манипулирование фертильностью, наступление на права женщин.

E-mail: avotsira@yandex.ru

Aristova Marina V.,
Doctor of philosophical sciences,
Professor of the department «Philosophy»,
Modern humanitarian academy,
Moscow, Russia

THE INFLUENCE OF THE CHURCH AND GENDER SELECTION ON DEMOGRAPHICAL POLICY

The article discusses the impact on demographic problems of the state, society and family. Shows the relationship between the state and the Patriarchal family. Demonstrates the manipulation of female fertility state and society. In fact, if in an early stage of society, woman was a victim, now she is the victim of state policy. Special reactionary role, according to the author, religion plays a different misogynistic orientation and appropriated the right to dispose of the female body. Modern medical technology, along with the positive aspects, brought a negative demographic process. In particular, there was a phenomenon called «gender selection», in result we have disbalance of the number of sexes.

Keywords: patriarchy, demographic problems, religious influence, gender segregation, prohibition of abortion, the manipulation of fertility and the attacks on women's rights.

E-mail: avotsira@yandex.ru

Демографические проблемы в России начались не сегодня. В царской России благодаря патриархатной семье и под влиянием консервативной православной религии проблем с ростом народонаселения не было, несмотря на то, что Россия слыла «жандармом Европы» и участвовала в многочисленных европейских войнах по первому зову правителей. Две мировые войны прошлого века, гражданская война и небывалые потери населения в годы раскулачивания и репрессий привели к невосстанавливаемой потере населения. Волны на кривых роста народонаселения не удалось выровнять даже к концу XX века. К тому же прирост населения СССР обеспечивали исключительно южные республики, особенно среднеазиатские. Это моментально обнаружилось при распаде СССР, когда страна с третьего места по численности населения переместилась далеко вниз. Безусловно, огромную роль в этом процессе сыграл выход женщин на общественное производство, который не

освободил их от деторождения и воспитания детей. Неравное распределение домашних обязанностей повлекло за собой стремление ограничить число детей в семье. Тенденция иметь «столько детей, сколько бог пошлет» (горячо поддерживаемая церковью), сменилась распространением однодетных семей. Этому способствовало широкое использование аборт (другого регулятора рождаемости в СССР практически не было), которые то легализовались, то строго запрещались, когда государству нужно было компенсировать людские потери. В последнем случае на практике широко применялись криминальные «операции», что вело к гибели многих женщин.

Эта связь между патриархатной семьей и государством была замечена давно. Различают следующие функции семьи: репродуктивную, воспитательную, хозяйственную, рекреационную. Семья является одновременно и зеркалом более большого общества, и связью с ним: своеобразным патриархатным блоком внутри патриархатного целого. Являясь агентом большого общества, семья не только поощряет своих членов приспосабливаться и подчиняться правилам, но действует как блок правительства патриархатного государства, которое управляет своими гражданами через глав семьи. Даже в тех патриархатных обществах, которые предоставляют гражданские права, имеется тенденция управлять женщинами исключительно через семью, и они имеют малое или вообще не имеют формальных отношений с государством. Семья, общество и государство являются разными, но взаимосвязанными сущностями, в которых значение женщины уменьшается при переходе от первой к третьей. Чтобы гарантировать исполнение главных функций по репродукции и социализации детей внутри семьи, патриархальная семья настаивает на своей легитимности. Б. Малиновский [1. С.63] описывает это как «принцип легитимности»: «ни один ребенок не должен приходить в мир без какого-нибудь мужчины, принимающего на себя роль социологического отца». Из-за этого патриархат заявляет, что и ребенок, и мать изначально или в конце концов зависят от мужчины. Вот почему во всех человеческих обществах традиции и законы трактуют группу, состоящую из женщины и ее отпрыска, как неполную социологическую единицу. Хотя нет биологической причины, по которой две центральные функции семьи (социализация и репродукция) должны быть неделимыми, усилия революционеров и утопистов изъять эти функции из семьи приводили к настолько пугающим результатам, что большинство экспериментов заканчивалось возвратом к традициям. В нашей стране широко использовалась практика детских домов, от которой безуспешно пытаются отказаться в новой России.

Патриархатная семья подразумевает некий контракт между женщиной и мужчиной, по которому она обязуется вести домашнее хозяйство, обеспечивать сексуальное общение и деторождение в ответ на финансовую поддержку с его стороны. Мужской приоритет недавно был модифицирован благодаря гражданским правам, собственности, принадлежащей женщинам, и предоставлению развода, в том числе и по инициативе женщин. Хотя мы можем обманывать себя относительно достижения определенного равенства авторитетов личностей в различных домохозяйствах, следует помнить, что вся культура поддерживает мужской авторитет во всех сферах жизни, в том числе и вне дома, но ничего подобного не делает относительно женщин. Социальные трансформации с одной стороны изменяют отношения в семье в сторону эгалитарности, с другой – усиливают традиционные механизмы самосохранения. Супериндустриальное общество девальвирует все человеческие затраты, не направленные на создание товарных ценностей и получение сверхприбылей. Оно воздействует на изменение структуры семьи, требует предельной автономизации личности. Возникающая на рынке жесткая конкуренция за социальные и материальные блага не позволяет равномерно распределять домашний труд между супругами, а значит, не позволяет женщинам занимать равную с мужчинами позицию в бизнесе. Ни одной из правящих систем не выгодно подлинное равенство полов, потому что любое приближение к нему требует социальных программ государства по поддержке родительских функций семьи. Без них родительство распадается на два неравновесных понятия: материнства и отцовства, первое из которых сводится к воспроизводству психофизиологического и эмоционального комфорта, а второе – к экономической роли добытчика. Именно это является сутью современного патриархата, который сохраняет свои позиции за счет ограничения свободного волеизъявления личности женского пола. Более того, гипертрофированная материальная и эмоциональная ответственность женщин за состояние дел в семье трактуется как вид эмансипации некоторыми исследователями, не желающими замечать механизмы дискриминации женщин в сфере

профессионального труда, основанные на их эксплуатации в сфере воспроизводства населения. Некоторые исследователи предвещают в этой связи крах идеи феминизма о равенстве полов из-за наличия проблемы материнства. Бесконечно повторяя тезис о женском природном предназначении, общество (в основном в лице мужчин) навязывает женщине в качестве единственного «правильного» пути в жизни осуществление репродуктивной функции, которая плавно переходит в материнскую. А далее женщине вменяется в обязанность воспитание детей и «охрана» очага, практически при полном отсутствии материальных средств, которые находятся в руках мужа в семье и фактически исключительно мужских органов власти в государстве. Но «природным» в предназначении женщины является только вынашивание ребенка, все остальное с такой же ответственностью за жизнь этого ребенка может делать и мужчина-отец, начиная с первых месяцев жизни новорожденного. Если, конечно, он не считает отцовство – одноактным действием и не придерживается циничного мужского принципа: «Наше дело – не рожать, ...».

О тесном тендеме «патриархатная семья – государство», постоянно манипулирующем в своих интересах женской личностью, говорит тот факт, что как только в государстве наступают экономические сложности, трудности с рабочими местами, так сразу же вытаскивается на свет идеал «матери-домохозяйки» большой семьи и миф о природной женской жертвенности, за счет которой можно покрыть просчеты, ошибки и некомпетентность органов управления государством. Казалось бы, что, если женщинам приходится трудно вне дома в мире, который создали мужчины и в котором они навязывают свои правила, то женщинам будет хорошо в доме. Что женщины лишаются своего мира, а у них должен быть свой мир. У женщин есть свои таланты и устремления, но они не реализовываются». На самом деле многие женщины задыхаются от домашнего хозяйства, что их жизнь «тягучая патока». Материнство фактически является не столько биологическим событием, сколько культурным конструктом, служащим подавлению женщин. Вот почему так много матерей несчастливо, а неудача в материнстве воспринимается женщинами как личная катастрофа.

Современное феминистское движение декларирует не «освобождение от материнства» ради достижения семейного равенства, а разработку таких социальных механизмов управления экономикой, которые сблизили бы сферу физического воспроизводства индивидов со сферой материального производства, с развитием института родительства и усилением роли отцовства [2. С. 106]. Рост занятости женщин вне дома, наряду с другими факторами, привел к тому, что к 1980-1990-м г.г. материнство в западном мире утратило свою первостепенную важность в качестве единственно «женской карьеры». Однако дети продолжают оставаться жизненной ценностью, а роль отцов в социализации детей значительно возросла. Зарегистрированный брак, оставаясь одной из важнейших норм, перестает быть социально значимым определителем, санкционирующим сексуальные связи. Во многих странах так называемый гражданский брак по истечении ряда лет приобретает все права официального, в том числе и в случае его прекращения. Брак в меньшей степени стал влиять на самоидентификацию личности. Именно этот аспект изменений представляет собой особенно существенные перемены для женщин. Люди выбирают семью как идеал, однако в случае, если идеал оказывается несостоятельным, то его не стремятся сохранять. Именно этим в значительной степени можно объяснить стабильно высокий уровень разводов в развитых странах. По способности изменения самой консервативной ячейки общества – семьи и ее переходу от традиционного уклада к современной цивилизованной форме можно судить о перспективах к обновлению и модернизации всего общества в целом. Один из параметров модернизации – это права человека, обеспечение их в семье – залог комфортности личности в обществе. Социолог Ю.А. Королев [3. С.49] отмечает: «Семья – полноценный субъект права, она не должна быть только поставщиком трудовых, человеческих ресурсов, источником получения государственных доходов (продукты труда, налоги, сборы и др.). Охрана семьи, ... общая социальная поддержка – обязанность государства по отношению к семье». Женщина в семье является полноценным субъектом права и не должна рассматриваться только как машина для воспроизводства человеческих особей. Обязанность государства – обеспечить ей равные с мужчиной возможности для достойного человеческого существования. Тогда и с демографией все будет в порядке.

Что касается религии, то практически почти все религии мира рассматривают женщину как существо второго сорта, приписывая богу мужскую ипостась. Норвежский социолог Й. Галтун утверждает, что религия является серьезным синдромом социокультурного насилия, В начале этого века

поднялась религиозная борьба против распространения на женщин прав человека. И одним из направлений этой борьбы стал религиозный запрет на аборт. Не желая прислушиваться к мнению общественности, что главное не только родить ребенка, но и предоставить ему достойное содержание и образование, священники опять призывают женщин рожать, сколько бог послал. Опять возобновляются разговоры о якобы благодатном влиянии на женщину беременности и деторождения. Хотя научно подтвержден факт, что эмбрион ведет себя в материнской утробе как антагонист. Он лишает женщину витаминов, кальция, способствует обострению ее постоянных недугов, вызывает новые заболевания и т. п. В этом плане церковь идет в ногу с государством, совершенно не заботясь о будущем ребенка. Горько признавать, что российская православная церковь продолжает относиться к женщинам как к людям второго сорта, несмотря на то, что сама церковь в значительной степени выстояла в период царства безбожия за счет преданности русских женщин. Когда мужчины в основном ринулись стройными рядами пополнять коммунистическую партию, женщины продолжали да и продолжают заполнять церкви. Церковь не стесняется апеллировать к прямому насилию, и как всегда больше всего здесь достается женщинам. Вот О. Соловьев и Е. Шишмаров [4] настоятельно рекомендуют пороть детей, девочек – особенно, посильнее и почаще, не боясь переборщить и даже не стремясь обосновывать наказания соображениями справедливости, ибо наказание, которое кажется ребенку справедливым, вредно для ребенка, так как укрепляет его в гордыне.

С абортами связана ещё одна недавно возникшая серьезная проблема, получившая название «гендерной, или половой, селекции», которая усиливается при кризисе. Суть её заключается в том, что, имея возможность определения пола эмбриона с помощью УЗИ, население стало избавляться от «нежелательных» зародышей женского пола посредством абортов. На Земле сейчас уже примерно на 100 млн мужчин больше. Лауреат Нобелевской премии по экономике 1998 года А. Сен [5] указывает, что «по меньшей мере, 200 миллионов девочек были «ликвидированы» в результате детоубийства или принудительных абортов» женских эмбрионов. Так, в Индии «за последние два десятилетия было сделано несколько миллионов абортов по причине нежелательного пола ребенка». Россия пока остается страной с преобладающим женским населением (к печали депутата В.В. Жириновского). Но уже раздаются мнения о том, что женщин надо заставить рожать больше солдат. Это ли не решение демографической проблемы! Правда с точки зрения самой демографии в популяции предпочтительнее являются особи женского пола. Последствия этого для человеческого общества могут быть плачевными. Во-первых, при избытке мужского населения в обществе возрастает уровень агрессии. Во-вторых, гендерная диспропорция приводит к возрастанию насилия (особенно сексуального характера) в отношении женщин. В третьих, появляется тенденция замены многоамного брака (наиболее устойчивой формы семейных отношений) полиандрией, что отрицательно скажется в первую очередь на правах детей.

Итак, для позитивного решения демографической проблемы в России предлагаю:

- считать репродуктивную деятельность женщины одной из форм профессиональной деятельности с соответствующим материальным обеспечением в виде заработной платы;
- обеспечить реальную материальную помощь многодетным семьям со стороны государства;
- заменить религиозные проповеди на систему образования, прежде всего в области медицины и демографии;
- объявить вне закона «гендерную селекцию».

Список литературы

1. Malinovsky B. Sex, Culture and Myth. New-York. 1962.
2. Малышева М.М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. – М.: Academia, 2001. – 359 с.
3. Королев Ю.А. Брак и развод: современные тенденции. – М., 1978.
4. Соловьев О., Шишмаров Е. Православный брак и страсть блуда. – М.: 1996. – 216 с.

Интернет источники

5. 200 миллионов «исчезнувших» женщин, 2005. – Режим доступа: http://www.owl.ru/cg_i/Content/runbroker.cgi?broker= (Дата обращения: 10.11.2015).

Афонская Татьяна Алексеевна,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры «Психология, социология
и социальный менеджмент»
Московского авиационного института,
г. Москва, Россия

ПОВЫШЕНИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРИНЯТИЯ ОСОЗНАННЫХ РЕШЕНИЙ

Социально-экономические изменения в обществе и государстве все острее формируют актуальную задачу – подготовку высокопрофессиональных кадров, способных обеспечить эффективное производство в условиях рыночной экономики. Высокий уровень технического оснащения, большой набор развитых технологий и применяемых материалов предъявляют новые повышенные требования к уровню развития интеллектуальным характеристикам личности и к его профессиональным и жизненным ценностям. Деятельность профессионала в современном мире требует наряду с его высокой личной ответственностью принятия решений, высокой работоспособностью, хорошего здоровья, так как наполнена множеством стрессогенных факторов, событий, ситуаций. Эти требования определяют, в том числе, и требования, складывающиеся в обществе к задачам воспитания в семье здоровых адекватных, способных к труду личностей. Это отражено в соответствующих документах демографической политики России.

Ключевые слова: общество, воспитание, профессионал, работоспособность, здоровье, стрессоустойчивость, осознанность принятия решений, ответственность.

E-mail: aftatal@mail.ru

Athonskaya Tatiana A.,
PhD of sociological sciences,
docent of the department of Psychology,
Sociology and Social Management,
Moscow Aviation Institute,
Moscow, Russia

STRESS RESISTANCE INCREASE AS A RESULT OF CONSCIOUS DECISION MAKING

Social and economic changes in society and the state form an actual task – preparation of the highly professional shots capable to provide effective production in the conditions of market economy more sharply. High level of a hardware, big set of the developed technologies and the applied materials show new increased requirements to a level of development to intellectual characteristics of the personality and to its professional and vital values. Taking into account that activity of the professional in the modern world demands along with its high personal responsibility of decision-making, high performance, good health as it is filled with a set the stressogennykh of factors, events, situations. These requirements define including the requirements developing in society to problems of education in a family of healthy persons, adequate, capable to work. It is reflected in the relevant documents of population policy of Russia.

Keywords: society, education, professional, working capacity, health, resistance to stress, sensibleness decision-making, responsibility.

E-mail: aftatal@mail.ru

Современное развитие мира происходит на очень высоких скоростях. Социально-экономические изменения в обществе и государстве все острее формируют актуальную задачу – подготовку высокопрофессиональных кадров, способных обеспечить эффективное производство в условиях рыночной экономики. Высокий уровень технического оснащения, большой набор развитых технологий и применяемых материалов предъявляют новые повышенные требования к уровню развития интеллектуальным характеристикам личности и к его профессиональным и жизненным ценностям. Деятельность профессионала в современном мире требует наряду с его высокой личной ответственностью принятия решений, высокой работоспособностью, хорошего здоровья, так как наполнена множеством стрессогенных факторов, событий, ситуаций. Эти требования определяют в том числе и требования, складывающиеся в обществе к задачам воспитания в семье здоровых адекватных, способных к труду личностей. Это отражено в соответствующих документах демографической политики России.

Каждый сотрудник является неповторимой личностью со своими личностными и профессиональными качествами. Совокупность внешних условий (особенности ситуации, стаж работы, уровень квалификации) и внутренних ресурсов (особенности реакций на стресс, общее утомление и состояние профессионального выгорания, различные реакции стресса), составляют потенциал личности и определяется как индивидуально психологическими особенностями специалиста, так и особенностями организации труда и морально-психологическим климатом трудового коллектива. Именно от конкретного набора этих факторов зависит конкретное продвижение сотрудника по карьерной лестнице.

Таким образом, повышение стрессоустойчивости является актуальной проблемой и ее решению посвящено много работ различных авторов, как отечественных, так и зарубежных ученых, так как любая деятельность вызывает напряжение и соответствующую этому стрессовую реакцию. Стресс вызывает изменения как уровне физиологических реакций организма, так и на психологическом и духовном уровнях одновременно. Понимание положительных и отрицательных сторон стресса, их адекватное использование играют важную роль в сохранении здоровья человека и создании условий для раскрытия его творческих возможностей, плодотворной и эффективной трудовой деятельности, так как профессиональная надежность и работоспособность специалиста требует постоянной активности.

Процесс трудовой деятельности, также как и процесс приобретения новых знаний, навыков, умений и приобретение конкретного опыта, требует от личности постоянного напряжения, а, следовательно, и постоянной работы по адаптации к нему. Важным звеном развития личности является ее умение работать эффективно с соответствующими напряжениями. Стресс можно рассматривать как важнейший инструмент тренировки для ресурсного развития личности и закаливания организма. На оптимальном уровне стрессовой нагрузки отрабатывается механизм повышения сопротивляемости организма, тренируются его защитные механизмы.

Актуальной работой по этой тематике является работа Г. Селье, в которой он выдвинул и доказал гипотезу общего адаптационного синдрома (ОАС) и разработал затем универсальную концепцию стресса [3]. В начале нагрузки на организм, как внешней, так и внутренней, люди испытывают общий дискомфорт, и организм адекватно адаптируется к новым условиям. Затем появляется усталость. Эти признаки указывают о влиянии неспецифической, однотипной защитной реакции организма, которую Г. Селье назвал общим адаптационным синдромом. В развитии ОАС различают три стадии: реакцию тревоги, фазу сопротивления и фазу истощения. В первой организм начинает, правда, довольно робко сопротивляться изменившимся условиям фазе сопротивления или приспосабливается к ним. В фазе сопротивления осуществляется адаптация к новым условиям, организм в полной мере противится воздействию стрессора. В третьей фазе, наступающей после продолжающегося длительного воздействия стрессора, все резервы адаптации приходят к концу, и организму требуется поддержка

и отключение от стрессогенных факторов, иначе он погибает. Естественно, что последняя фаза развивается далеко не всегда. В нормальном состоянии организм справляется со стрессором на первой или второй фазах общего адаптационного синдрома, при этом тренировочные адаптационные механизмы запоминаются и становятся встроенными в систему реакций организма [3. С. 60].

В естественном состоянии для поддержания своего работоспособного состояния личность должна обладать совокупностью определенных параметров здоровья на физическом, психическом, нравственно-духовном. Можно выделить три основные составляющие здоровья: 1) отличное здоровье (физическое и душевное, гармония с внутренним и внешним миром); 2) безусловное принятие и мониторинг самого себя – своего тела, мыслей, чувств и поступков; 3) существующая методика проводить спокойно анализ причин появления затруднений, определение соответствующих им задач, которые можно решить существующими доступными средствами. Достижение этого состояния напрямую связано с давно существующими и заново осознаваемыми и переживаемыми каждым поколением идеи:

- здоровье – физическое и душевное – связано с мироощущением, “настроено” и образом жизни: существующая у человека привычка (способ) думать, чувствовать определяет его поступки и цели (ценности) – то, к чему и как он стремится – именно она в основном определяет здоровье и способ жизни;
- человек сам определяет уровень своей ответственности за свою жизнь и свое здоровье: способность и развитость (понимание и принятие) именно этой ответственности может очень многое изменить в его жизни;
- сохранение здоровья требует соразмерности возможностей и притязаний человека: физическое и душевное здоровье человека определяется развитостью его умений находиться в согласии с самим собой, с реальностью и опытом и фактами своей жизни [2. С. 60].

Эффективным способом развития умений находиться в реальности, здесь и сейчас и находить для применения соответствующие этой реальности способы действий, служит следующий алгоритм: осознание и принятие ситуации; оценка ее значимости в данный момент времени; принятие эффективного решения – что нужно и можно сделать в соответствии с имеющимися возможностями; наметить путь решения; провести анализ и подключить дополнительные резервы; сделать первый шаг и действовать далее по ситуации; делать соответствующие выводы, проводить их анализ и намечать новые более эффективные шаги для решения их.

Для описания и анализа ситуации применим древний алгоритм, который предписывает определенные шаги. Прежде чем начать действовать, необходимо ответить полно и честно на следующие вопросы: 1. Что делать; 2. Где делать; 3. Кто будет делать; 4. Когда делать; 5. Каким образом делать; 6. Возможный результат; 7. Какие возможны последствия деятельности и степень ответственности каждого участника. При проведении этих действий важным звеном является развитый уровень стрессоустойчивости личности, развитость умений этой личности защиты от стресса и опыт применения эффективных методов повышения стрессоустойчивости на основе развития осознанности выбора своих действий (применения вышеуказанных алгоритмов) [1. С. 346].

В процессе работы личность часто испытывает сложность в применении своих личностных качеств в соответствии с требованиями, которые необходимы в выбранной профессии. Особенно это проявляется в условиях несоответствия ценностно-смысловой основы и базовых глубинных ценностей личности так как, при этом отсутствует целостное видение себя как профессионала в выбранной сфере деятельности, а следовательно, нет возможности формирования профессиональной зрелости.

В настоящее время особое внимание следует обратить на формирование будущих специалистов (профессионалов), которые формируются в условиях глобальных перемен, в том

числе смены парадигм общественных ценностей. Вопросы добра и зла (морали), хорошо и плохо (этики), принято это в обществе или нет (нормативов поведения) проявляются в молодежной среде и отражают состояние нашего общественного потенциала – сегодняшней молодежи – как резерва общественного развития.

Новое поколение развивается на основе существующей культуры. Особенности проявления соответствующих морали, норм, правил поведения, а также ценностей формируют основные поведенческие привычки. Следует отметить, что изменение привычек, сформированных в семье в раннем возрасте, требует особого внимания как со стороны наставников – специалистов, так и усилий самой личности. Развитие набора профессиональных качеств определяет требования к организации структуры самой личности и качеству отработанной привычки эффективного преодоления стрессового напряжения на основе отработанного осознанного принятия решений в соответствующей ситуации.

Список литературы

1. Афонская Т.А. Модель деятельности в инновационном пространстве. // Тенденции и перспективы развития современного научного знания: Материалы пятой международной научно-практической конференции, г. Москва, 24-25 декабря 2012. – М.: Спецкнига, 2012. – 428 с.
2. Сандомирский М.Е. Защита от стресса. Физиологически ориентированный подход к решению психологических проблем (Метод РЕТРИ). – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2009. – 385 с.
3. Селье Г. Стресс без дистресса. – М.: Прогресс, 2002.

Верещагина Анна Владимировна,

доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного Федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

Савченко Людмила Алексеевна, доктор философских наук,

профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного Федерального университета,

г. Ростов-на-Дону, Россия

Красножон Анастасия Геннадьевна,

аспирантка кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного Федерального университета,

г. Ростов-на-Дону, Россия

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТНОЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Гендерная социология требует разработки новых методик в исследовании современных социальных гендерных конструктов. Макросоциологические теории дают приращение знания в области исследования гендерных отношений в различных социальных средах, где акторами выступают мужчины и женщины в их многочисленных взаимодействиях. Новые методики в микросоциологических теориях должны дать приращение знания в области личностных гендерных отношений. Разработка новых методик отражает требования исследования гендерных трендов в современном трансформирующемся обществе. Новые подходы помогут в выработке экономической, политической, юридической контекстуальности в области позитивной демографической политики. Региональная демографическая реальность в статистическом измерении показывает достоинства и недостатки в современной демографической политике.

Ключевые слова: гендерная социология, гендерные роли, макро-/микросоциология, социальный конструкт, личностные установки, личностная ответственность, социальный статус, демографическая статистика, демографическая политика, демографическая региональная специфика.

E-mail: priklsoc@mail.ru

Vereshchagina Anna V.,

Doctor of Social Sciences, Professor of the department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Research, Institute of Sociology and Regional, Southern Federal University,

Rostov-on-Don, Russia

Savchenko Lyudmila A.,

Doctor of philosophy, Professor of the department of Industry and Applied Sociology, Sociology and Regional, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Krasnozhon Anastasia G.,

Postgraduate student of the department of Industry and Applied Sociology, Institute of sociology and regional, Southern federal university, Rostov-on-Don, Russia

GENDER SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY IN THE CONTEXT OF THE PERSONAL AND INSTITUTIONAL DYNAMICS

Gender sociology requires the development of new methods for the study of contemporary social constructs of gender. Macrosociological theories give an increment of knowledge in the study of gender relations in different social environments, where actors perform the men and women in their multiple interactions. New techniques in micro-sociological theories must give the increase of knowledge in the field of personal gender relations. Development of new techniques reflects the requirements of the study of gender trends in modern transformed society. New approaches will help in the development of economic, political, legal contextuality in positive demographic policy. Regional demographic reality in the statistical measurement shows the strengths and weaknesses in the current demographic policies.

Keywords: sociology of gender, gender roles, macro / microsociology, social construct, Attitudes, personal responsibility, social status, demographic statistics, population policy, demographic regional specificity.

E-mail: priklsoc@mail.ru

Социальная ответственность личности и общества в области демографической политики должна быть проанализирована в различных областях знания, и, прежде всего, в таких науках, как социология и демография. Трансформации современного общества отражаются в большей степени на ценностных установках в сфере репродуктивного поведения населения. Если в области молодежной политики юридические новации и экономические трансформации носят неявный потенциально увеличивающий рождаемость характер, то в сфере социального обеспечения достойной старости и увеличения продолжительности жизни вышеуказанные трансформации имеют однозначно позитивные результаты. Мерилом социальной ответственности политических и юридических трансформаций выступает демографическая статистика. Для того чтобы статистика подтверждала или опровергала социальные ожидания, необходимо разрабатывать в области социологии гендерных отношений и демографии методики, дающие приращение знания как на уровне макросоциологических теорий, так и на уровне микросоциологии.

Современная социология ориентирована на различные гендерные статусы в обществе, которые проявляют себя и формируются в различных социальных средах, множественных социальных средах, где акторами выступают мужчины и женщины в их взаимодействиях. Гендерные проблемы рассматриваются в макросоциологических теориях, в теориях среднего уровня и в микросоциологических теориях. В предлагаемой статье нам хотелось бы обратить внимание на взаимосвязь макросоциологического подхода и микросоциологического в решении проблем гендерных отношений социума. Макросоциологическая теория использует категории «социальная роль» и опираясь на нее мы рассматриваем гендерные отношения на уровне субъектных отношений в разных сферах социальной деятельности. Это сфера производства, сфера политики, сфера идеологии, сфера различных отношений на уровне социальных институтов. В микросоциологии мы рассматриваем личностные отношения между полами.

В чем разница исследования гендера в макросоциологии и в микросоциологии? Дело в том, что микросоциологическое поле – это поле социальной репродукции, это поле, где в основном мы замыкаемся на проблемах семьи и социализации. В этой сфере гендерные роли не могут быть одинаковыми, нельзя подходить здесь с критериями равноправия или неравноправия, ущемления прав или неущемления прав. В той сфере, которую мы называем сферой репродукции и социального воспроизводства, семейная сфера является главной, и гендерные отношения ближе к их изначальному определению: это отношения между мужчиной и женщиной. Женщина отвечает за репродукцию, женщина отвечает за социализацию; мужской гендерный конструкт в этой сфере социальных отношений предполагает ответственность за создание условий в семье, для того чтобы была возможна и репродукция, и социализация. Мужчина в этой связи выступает и в экономической сфере, поскольку отвечает за создание экономических условий, которые определяются его доходами, его статусами, его возможностями обеспечить семью, и поэтому мужчина одновременно представляет две сферы – сферу макросоциологии, где он агент социальных отношений, и сферу микросоциологии, где он агент других, специфических социальных отношений.

Женщина, оставаясь в семье, остается на уровне своего биолого-социального гендерного конструкта. Когда женщины выходят на уровень профессиональной деятельности, появляется необходимость в иной методологии исследования гендерных отношений, как то: гендерные отношения, характеризующиеся возможностью достижения равного социального статуса, возможностью равного доступа к образованию, равного доступа к профессии, равного доступа к карьере и т.д., и поэтому отношения между полами затухают, и возникают отношения между социальными агентами. На наш взгляд, в сфере микросоциологии нет смысла строить специальные гендерные теории, в этой сфере существуют полярные миры, определяемые половыми различиями, которые задают гендерные отношения.

В обществе складываются разноразличные отношения. Частная жизнь, интимные отношения, отношения в семье, отношения дружеские – это отношения между мужчиной и женщиной, которые окрашиваются также и профессиональными отношениями. Женщина выступает и как подруга, и как женщина-коллега, мужчина выступает и как мужчина, и как мужчина-коллега. Они взаимодействуют на разных уровнях: с одной стороны, как люди, вступающие в сферу интимной жизни, частной жизни, а с другой стороны, они вступают в сферу коллегиальных отношений, и это совершенно другая сфера. Но здесь нужно подчеркнуть, что ведь они же являются одними и теми же акторами, которые выступают в этих разных сферах. В этом и кроется трудность исследования проблемы отношений между полами, потому что эти отношения пронизывают несколько сфер социальных отношений.

Перспектива социальной конструкции отношений между полами возможна, и доказательством к этому являются отношения, которые возникают между властью и материальными ресурсами. Исследовать отношения между полами с точки зрения экономической теории можно как отношения, различающиеся доходами, видами деятельности и социальными функциями. Можно исследовать отношения между полами как отношения распределения власти и материальных ресурсов с позиции разделения труда на профессиональный и труд в кругу семьи. Тогда здесь можно измерять работу женскую в семье посредством таких показателей, как обеспеченность местами в детском саду, обеспеченность домашней техникой, доход женщины в семье, который она может использовать для поддержания домашней работы на высокотехнологичном современном уровне. В этом тренде социальная ответственность будет подкреплена личностными установками в семье, направленными на расширенное воспроизводство семьи. Женщины, ощущая экономическую, политическую, социальную и техническую поддержку со стороны общества, возвращаются к исходным ценностным установкам, свойственным их гендерной роли [6].

Наряду с проблемой повышения рождаемости особое внимание в настоящее время уделяется в регионах проблеме старения населения. Ситуация с увеличением количества пенсионеров в России, в целом, и в Ростовской области, в частности, конечно же, возникла не «вчера», как и в целом ситуация, связанная с критическим характером демографического развития российского общества [5]. Причем, речь идет не только и не столько о снижении рождаемости и повышении смертности (именно с этими негативными явлениями, как правило, ассоциируется демографический кризис в России), сколько о снижении качества человеческого потенциала, о духовном кризисе российского общества, в котором молодежь стремительно инвалидизируется и духовно деградирует, зеркально отражая все то, что происходит в социокультурном пространстве общества.

В этой связи вопрос о том, хорошо это или плохо – повышение числа граждан пенсионного возраста в возрастной структуре российского населения – стоит ставить в контексте другого вопроса: хорошо это или плохо для данного общества, в котором стратегии и программы социального обеспечения и социального развития не соответствуют даже минимальным критериям обеспечения достойной жизни и эффективного развития жизненно важных сфер общества, таких как образование, медицина, семейная сфера? То есть, по сути, рост численности пенсионеров автоматически ведет к росту числа бедных в стране и дополнительной нагрузке на бюджет регионов, не готовых к дополнительным выплатам без ущерба для развития жизненно важных сфер, обозначенных выше. В такой ситуации повышение числа граждан пенсионного возраста в возрастной структуре российского населения не может расцениваться как положительное явление. А тот факт, что при этом параллельно происходит снижение численности молодежи в числе других возрастных когорт российского общества, заставляет всерьез отнестись к давно употребляемому на Западе термину «стареющая Россия».

Впрочем, для западного общества проблема старения населения также актуальна с той лишь только разницей, что увеличение численности населения пенсионного возраста в западных странах происходит за счет увеличения уровня и качества жизни при сокращении рождаемости (модель малодетной семьи достаточно прочно и давно утвердилась в качестве

доминирующей в европейском обществе), а в России – за счет численного сокращения и ухудшения социального здоровья других, более молодых возрастных категорий граждан [7]. Иными словами, «стареющая» Россия автоматически становится еще и беднеющей.

Две категории российских граждан являются самыми неблагополучными с точки зрения материальной обеспеченности и социальной защищенности – это дети и пенсионеры. Будучи зависимыми от социума, нуждающимися в защите и поддержке с его стороны, они подвергаются в большей степени и рискам дезадаптации, ухудшения социального и физического самочувствия, но кто же будет их поддерживать в стареющем и социально неориентированном государстве? На что им рассчитывать, особенно на фоне вновь активизировавшегося социально-экономического кризиса, и на что рассчитывать тем, на чьи плечи ложится тяжесть демографических невзгод России и наблюдаемый дисбаланс в возвратной дифференциации населения?

Безусловно, российское государство, давно отошедшее от глобального, комплексного и эффективного решения социальных проблем и задач социальной политики, не изменит принятой позиции стороннего наблюдателя, а попытается в очередной раз решить проблемы за счет населения, и первые отголоски этого мы уже наблюдаем. Речь идет о широко обсуждаемом проекте увеличения пенсионного возраста в России, что само по себе не вызывает критики с точки зрения принятых в цивилизованном мире параметров пенсионного возраста, если бы не один нюанс – дожить до этого момента (выхода на пенсию) и сейчас удастся далеко не всем россиянам, особенно среди мужчин. С увеличением пенсионного возраста эта проблема обострится в еще большей степени.

Другой важный вопрос, который возникает в свете тенденции роста количества пенсионеров в стране, в целом, и в Ростовской области, в частности [5]: а кто будет работать в стране и обеспечивать ее экономические показатели? Даже при повышении пенсионного возраста эта проблема не решится, так как на рынке труда категория работников пенсионного возраста не является востребованной, и, соответственно, принятие закона о повышении возраста выхода не пенсию может вызвать структурные и кризисные изменения на рынке труда, нерегулируемость которого со стороны государственных и общественных институтов поставит в весьма затруднительное положение большое количество тех, кто в нынешних временах уже бы ушел на пенсию по возрасту.

Очевидно, что определенные надежды на увеличение трудовых ресурсов страны связываются с мигрантами, поскольку на рост рождаемости в таких масштабах, которые бы покрыли все недороды прошлых десятилетий и будущие тенденции старения населения, рассчитывать не приходится. Опыт Европы показывает, что такой путь решения проблемы, как использование в масштабном виде миграционных ресурсов, может привести к самым неблагоприятным социокультурным последствиям, межэтническим противоречиям и росту конфликтного потенциала общества. Стареющая и беднеющая Россия рискует при этом окончательно утратить свою цивилизационную идентичность и культурную самобытность, погрузиться в хаос межэтнических и межконфессиональных противоречий и столкновений.

Таким образом, обнаружить плюсы в тенденции повышении численности пенсионеров в составе населения Ростовской области и России в целом, не удалось, поскольку эта положительная с точки зрения количественных показателей динамика не является результатом роста качественных показателей в жизни различных возрастных категорий российских граждан, в том числе и пенсионеров, а, скорее, наоборот, является результатом неблагополучия более молодых граждан страны, высокой смертности среди россиян, а это означает, что и последствия данного явления – старения населения России – самые негативные. Очевидно, что России, при сохранении таких тенденций, в исторической перспективе угрожает демографический коллапс.

Какие же имеются варианты предупреждения столь негативного сценария развития российского государства? Здесь не имеет смысла придумывать что-либо новое и лукавить по поводу того, что Россия нуждается в собственных, особенных рецептах «лечения» заболеваний

современной человеческой цивилизации, одним из которых является «старение» населения. Да, собственные уникальные социокультурные отличия требуется учитывать в процессе разработки и принятия мер в области демографической политики государства и его отдельных направлений (стимулирования рождаемости, профилактики разводов в семьях и т.д.), но, что касается тенденции старения, то здесь надо исходить из общецивилизационных тенденций и понимать, что переход к малодетной модели рождаемости и эгалитарной семье, активно протекающий в России, хотя и с различной степенью интенсивности в различных регионах страны, в значительной степени определяет тенденции старения населения, а это означает, что доминантная ориентация на повышение рождаемости в стране, особенно в свете неэффективной семейно-демографической политики, заведомо неверная. Низкая эффективность этой политики проявляется в росте семейного насилия в стране, социального сиротства, разводов, правовой незащищенности детей, материнства и детства и т.д.).

Гипотетически, остается вариант, связанный с ростом рождаемости, но только в том случае, если кардинально изменится семейно-демографическая политика, если государство развернется к семье с ее проблемами и нуждами и создаст ей устойчивый фундамент для реализации семейных и репродуктивных стратегий (по аналогии с семейной политикой ряда европейских стран, не в пример российскому государству реально поддерживающих и защищающих материнство и детство) [3]. Для еще не окрепшей новой системы ценностей российского общества такой поворот государственной семейной политики может оказаться действенным в плане актуализации еще не ставших исторической реликвией традиционных семейных ценностей и ориентаций.

Этот вариант мы считаем откровенной утопией с учетом всей истории социальной политики российского государства и его отношения к населению и семье на протяжении всей постсоветской эпохи, а потому согласны с позицией тех экспертов, которые полагают, что спасти от депопуляции Россию сможет только грамотная миграционная политика. Подчеркнем: грамотная миграционная политика, а не та, которая реализуется на сегодняшний день, в рамках которой не учитывается значимость социокультурных, этнокультурных, исторических, психологических, экономических, религиозных и других факторов при планировании и реализации миграционных программ и проектов.

В завершении напрашивается вывод: следует признать как некую данность тенденцию старения населения России и, исходя из принципов здравого смысла и интересов российского общества, обратиться, наконец, к проблеме формирования и реализации грамотной демографической, семейной и миграционной политики как составных целостной и системной социальной политики государства. Россия, если обратиться к Конституции нашего государства, провозгласила себя социальным государством. Может, пора об этом вспомнить и приступить к реализации того, что на данный момент является не более чем декларацией?

Список литературы

1. Бродель Ф. Структуры повседневности. – М., 1986.
2. Будон Р. Место беспорядка. – М., 1998.
3. Валиахметов Р.М. Семейная политика и практика в интересах развития человека // Вестник Института социологии. – 2014. – № 1(18).
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. – М., 1990.
5. Лукичев П.Н. Демографические и миграционные процессы в Ростовской области на рубеже веков // Гуманитарий Юга России. – 2014. – № 3. – С. 49-57.
6. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности – 2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. – М.: ИД Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
7. Schatz D. Theorizations on Exclusionary Citizenship: Gender, Race, and Multiculturalism in Canada, Paper prepared for the Annual Meeting of the Canadian Political Science Association. University of Saskatchewan, Saskatoon, 2007.

Верховкина Марина Евгеньевна,
кандидат социологических наук, доцент,
член Экспертного совета по дошкольному образованию Государственной Думы РФ,
генеральный директор Центра образовательных услуг «Невский альянс»,
г. Санкт-Петербург, Россия

Коваленко Вячеслав Семенович,
кандидат медицинских наук, доцент, научный руководитель
программы здоровьесозидания «К здоровой семье через детский сад»
некоммерческого партнерства «Прородительство»,
врач-терапевт Немецкой семейной клиники ООО «Вундеркинд»,
г. Санкт-Петербург, Россия

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ ЧЕРЕЗ ДЕТСКИЙ САД

Работа посвящена результатам 15-тилетней успешной реализации программы здоровьесозидания «К здоровой семье через детский сад». Детские сады объединяют 90% семей, имеющих детей дошкольного возраста и потенциально способных к дальнейшему деторождению. Улучшение репродуктивного здоровья и формирование позитивных репродуктивных установок у воспитанников детских садов и их родителей может обеспечить позитивное демографическое развитие России в случае массового внедрения программы «К здоровой семье через детский сад» в системе дошкольного образования.

Ключевые слова: демография, программа здоровьесозидания, ресурсы здоровья, позитивная социализация детей, репродуктивное здоровье, здоровая семья, родители, детский сад, репродуктивные установки.

E-mail: marsam-adm@inbox.ru; vjacheslavk@gmail.com

Verhovkina Marina E.,
PhD of Sociological Sciences, docent,
Member of the Expert Council Preschool Education of the State Duma,
General director of the Center for Educational Services «Nevsky Alliance».
St.-Petersburg, Russia

Kovalenko Vyacheslav S.,
PhD of Medical Sciences, docent, scientific advisor of the healthcare creation program
«To a Healthy Family Through Kindergarten» of the non-commercial partnership «Proroditelstvo»,
a therapist of the German Family Clinic «Wunderkind Ltd.»,
St.-Petersburg, Russia

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA THROUGH KINDERGARTEN

Work is devoted to results of the 15 years successful implementation of the health creation program «To a healthy family through kindergarten». Kindergartens unite 90% of the families having children of preschool age and potentially capable to a further child-bearing. Improvement of reproductive health and formation of positive reproductive installations at pupils of kindergartens and their parents can provide positive demographic development of Russia in case of mass introduction of the «To a Healthy Family through Kindergarten» program in system of preschool education.

Keywords: demography, program of a health creation, health resources, positive socialization of children, reproductive health, healthy family, parents, kindergarten, reproductive installations.

E-mail: marsam-adm@inbox.ru; vjacheslavk@gmail.com

Для стабилизации численности населения к 2025 году в соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации [9] необходимо объединение усилий многих социальных институтов общества. Для решения этой глобальной проблемы с учетом последних научных исследований, наиболее эффективно взаимодействие двух институтов – семьи и детского сада.

Сейчас свои семьи начинает создавать поколение 1990-х годов, когда спад рождаемости был не просто глубоким, он был катастрофическим, и поэтому необходимы особые усилия для того, чтобы позитивный демографический поворот в России был необратим [7]. Детский сад в решении вопросов демографической политики является уникальным социальным институтом, который объединяет до 90% семей, имеющих детей дошкольного возраста. Эти семьи потенциально способны к дальнейшему деторождению. Однако по данным директора института социального образования РАО академика Собкина В.С., обследовавшего 3000 родителей в 1997 году и затем в 2008 году, в первое десятилетие XXI века произошел отказ от ценности родительства, одной из главных семейных традиционных ценностей общества [6. С. 144-150].

Для преодоления этих негативных тенденций в 1997 года реализуется программа здоровьесозидания «К Здоровой семье через детский сад» для детей от 0 до 7 лет и их родителей [2. С. 81-84, 3. С. 11-13, 4. С. 17-26]. В 2014 году она была отредактирована в соответствии с новыми образовательными стандартами и согласована Экспертным научно-методическим Советом ГБОУ ДПО (ПК) специалистов «Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования» протокол № 11/14 от 4 марта 2014 г. Авторский коллектив включает специалистов 42 ВУЗов и центров страны под научным руководством: канд. соц. наук, доцента Верховкиной М.Е. и канд. мед. наук, доцента Коваленко В.С. [10]. Целью программы «К Здоровой семье через детский сад» стало объединение усилий родителей, детского сада и общества для укрепления здоровья детей и их позитивной социализации на основе отечественных духовно-нравственных ценностей. Результативность программы подтверждена не только мониторингом ресурсов здоровья детей, но и данными стандартных научных исследований профильных центров:

Перинатальный период развития ребенка (совместный проект детского сада №111 Выборгского района Санкт-Петербурга и женской консультации №22 Выборгского района Санкт-Петербурга). Исследования проводились совместно с сотрудниками НИИ гриппа, количество клинических наблюдений – 215 человек. Результаты исследования следующие:

- в 3,2 раза уменьшается число беременных с преждевременными или запоздалыми родами;
- в 2,2 раза уменьшается число осложнений в родах;
- в 4,2 раза увеличивается количество новорожденных с высокой оценкой жизнеспособности по шкале АПГАР;
- в 2,6 раза уменьшается число новорожденных с перинатальной энцефалопатией;
- в 6,2 раза уменьшается количество новорожденных с ранним искусственным вскармливанием;
- **у 92% будущих мам снижается страх перед деторождением.**

Ранний период развития детей (совместный проект детского сада №111 Выборгского района Санкт-Петербурга). Исследования проводились совместно с сотрудниками НИИ гриппа, Санкт-Петербургским государственным педиатрическим медицинским университетом. Количество клинических наблюдений – 182 человек. Результаты исследования следующие:

- мамы, прошедшие обучение, овладевают современной методикой профилактики неврологических заболеваний у младенцев («Комплекс пестования младенцев») с практическими навыками аутентичного фольклора;

- за первый год жизни в 10,2 раза уменьшается число младенцев (новорожденных), состоящих на учете у невропатолога с различными отклонениями со стороны нервной системы;
- младенцы обученных мам в 2,3 раза реже болели аллергическими и простудными заболеваниями.

Дошкольный период развития детей (детский сад). Исследования проводились с участием сотрудников НИИ гриппа, СПбГМУ им. акад. И.П. Павлова, Санкт-Петербургского городского врачебно-физкультурного диспансера. Количество клинических наблюдений – 2583 человек. Результаты исследования следующие:

- у детей улучшаются показатели иммунитета к весне. Доля детей с нормальным уровнем естественных антител (α -изогемагглютинины) в слюне увеличивается с 8,3 до 25,4% в группах часто и длительно болеющих детей. У детей из детских садов, не использующих данную оздоровительную программу, показатели иммунитета к весне ухудшаются (доля детей с нормальным уровнем естественных антител (α -изогемагглютининов) в слюне уменьшается с 24,8% до 0%);
- снижается заболеваемость гриппом и ОРЗ, особенно, у девочек (в 2,3 раза);
- увеличивается доля детей с хорошим состоянием мягких тканей ротовой полости – в 10,3 раза;
- увеличивается доля детей с показателями, характеризующими психологическую комфортность и эмоциональное благополучие – в 4,1 раза;
- увеличивается доля детей с хорошими показателями функционального состояния позвоночника – в 2,8 раза;
- увеличивается доля детей с правильно сформированной стопой – в 3,4 раза;
- увеличивается доля детей с высоким уровнем адаптации – в 3,2 раза.

Становление репродуктивного здоровья дошкольников как будущих родителей России в программе «К Здоровой семье через детский сад» происходит не только в физической его части, но, что особенно важно, в развитии эмоциональной сферы детей через реализацию системы работы с родителями [10]. Оно достигается через проведение совместных традиционных народных праздников с моделированием позитивных семейных ролей у дошкольников и их патриотическим воспитанием. Результатом такой работы является увеличение в 10 раз доли детей с высоким уровнем развития эмоциональной сферы личности. Это достижение тем более ценно, что в настоящее время крайне низок общий уровень психического здоровья детей. По данным главного психиатра Минздрава РФ Зураба Кекелидзе «психические расстройства и аномалии развития наблюдаются у 60% дошкольников, а среди школьников 70-80% страдают от подобных расстройств» [8].

Профессор Слезин В.Б., [5. С. 174-176], главный специалист Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, ведущий специалист в области детской психиатрии, считает, что любовь к своей семье и Родине является важнейшей ценностной ориентацией, определяющей психическое здоровье детей и их позитивные репродуктивные установки в будущем. Исследования профессора Антонова А.И. показывают, что репродуктивные установки (желание и планы) формируются в раннем детском возрасте и очень устойчивы на протяжении всей жизни людей [1. С.56-88]. Поэтому формирование у дошкольников желания иметь детей, их воспитывать, создавать семью в программе «К Здоровой семье через детский сад» наиболее эффективно и биологически обосновано.

Таким образом, система работы с родителями по программе «К Здоровой семье через детский сад» по укреплению здоровья детей, их позитивной социализации на основе отечественных духовно-нравственных ценностей позволяет эффективно формировать репродуктивное

здоровье детей и позитивные репродуктивные установки у дошкольников как будущих родителей. Широкое распространение этого успешного опыта в системе дошкольного образования способно реально обеспечить демографическое развитие России.

Список литературы

1. Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения в России и приоритеты демографической политики. – М.: Ключ-С, 2006. – 192 с.
2. К здоровой России. Оздоровительная программа «К здоровой семье через детский сад» (Сборник рабочих документов) // Северо-западный региональный центр CINDI СПбМАПО, Комитеты по образованию и здравоохранению Администрации Санкт-Петербурга и др. / Под ред. Коваленко В.С. – СПб.: 2000. – 99 с.
3. Коваленко В.С., Верховкина М.Е., Кирьянова В.В., Коваленко Т.В. и др. Организация работы «Школ здоровой семьи» (оздоровительная программа «К Здоровой семье через детский сад»): методические рекомендации. – СПб.: СПбАППО, 2010. – 48 с.
4. Руководство по подготовке к рождению и воспитанию здорового ребенка / Под науч. ред. к.м.н., доц. В.С. Коваленко. – СПб.: Вертикаль, 2006. – 440 с.
5. Слезин В.Б. Биологические закономерности в поведении человека // Вопросы естественно-научного обществознания: Сциентизм, биополитология, биополитика: Сборник статей. Вып.1. – СПб.: Астерион, 2007. – 278 с.
6. Собкин В.С., Скобельщина К.Н, Иванова А.А. // Социальная психология и общество. – 2011. – №3. – С. 144-150.

Интернет источники

7. Ежегодное Послание Президента Российской Федерации 12.12. 2013 г. / «Российская Газета» – Федеральный выпуск №6258 (282). – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/12/12/poslanie.html> (Дата обращения: 12.11.2015).
8. Кекелидзе Зураб Интервью РИА Новости, Москва, 12 октября 2015 года. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20151012/1300516711.html#ixzz3oMfYgk2> (Дата обращения: 12.10.2015).
9. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351). – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/znagi/konceptsiya/konceptsiya25.html> (Дата обращения: 07.11.2015).
10. Программа здоровье созидания «К здоровой семье через детский сад», согласованная Экспертным научно-методическим Советом Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования протокол от 4 марта 2014 года №11/14. – Режим доступа: <http://www.proroditelstvo.ru> (Дата обращения: 07.11.2015).

Колобова Светлана Анатольевна,
доктор политических наук,
профессор кафедры международных
отношений и политологии
факультета международных отношений,
экономики и управления
Нижегородского государственного
лингвистического университета,
г. Нижний Новгород, Россия

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВНОВЕСИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВАРИАНТЫ ИХ РЕШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются особенности российской демографической ситуации с учетом гендерного фактора. Автором предлагаются варианты решения проблем, связанных с негативными последствиями глобальных демографических трансформаций и гендерной асимметрии. При этом акцент делается на опережающем развитии российских территорий по шкале основных ценностей человека, раскрываемых в соответствующей природной среде.

Ключевые слова: демография, гендер, проектное развитие, человеческий капитал, социализация личности, общественный контроль.

E-mail: dipin2012@mail.ru

Kolobova Svetlana A.,
Doctor of political sciences,
Professor of the department of International
Relations and Political Science Faculty of International Relations,
Economics and Management,
Nizhny Novgorod state linguistic university,
Nizhny Novgorod, Russia

DEMOGRAPHIC TRANSFORMATION AND GENDER IMBALANCE: PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION IN MODERN RUSSIA

The article deals with the features of Russian demographic situation. Taking in account gender's factor. The authors suggests the concretes variants of solving the problems, connecting with the negative outputs of global demographic transformations and gender's asymmetry. The accent made on the rapid development of the Russian territories based on the main values of the human beings in the surrounding nature.

Keywords: Demography, Gender, human capital, project development socialization of personality, public control.

E-mail: dipin2012@mail.ru

Демографическое положение современной России оставляет желать лучшего. Об этом свидетельствует стремительное старение населения, высокая смертность. Деградация семьи, слабая мобильность масс на рынке труда [5]. Еще в 2006 г. Президент России назвал положение в демографической сфере критическим. В том же году была принята Национальная про-

грамма демографического развития России на период 2006-2015 гг., говоря о которой, Президент отметил: «...Стимулирование рождаемости должно включать целый комплекс мер административной, финансовой, социальной поддержки молодой семьи. Подчеркну: из перечисленных мною мер все важно, но без материального обеспечения ничего не сработает...» [4]. От эффективности демографической политики в стране зависит решение острой проблемы депопуляции (ежегодная убыль населения вплоть до 2013 г. составляла порядка 700 тыс. человек), а значит обеспечения народного хозяйства трудовыми ресурсами, достижения экономического роста и развития страны [2]. В 2013 г. впервые за десятилетия зарегистрировано превышение рождаемости над смертностью (более 20 тыс. человек), что можно считать успехом государственной демографической политики.

Происходящая депопуляция – результат не только обвального падения рождаемости, но и увеличения смертности. В нашей стране сложилась парадоксальная демографическая ситуация: сочетание низкой рождаемости и высокой смертности. При этом особенно высока смертность мужского населения: от несчастных случаев, болезней сердечно-сосудистой системы (инфаркты и пр.), отравлений. При этом мужчины умирают в самых трудоспособных возрастах, что вызывает еще большие опасения [4].

Одной из причин снижения рождаемости в нашей стране и в мире (в развитых странах) выступает изменение роли семьи и детей. Если раньше дети служили рабочими руками в хозяйстве, а также гарантией обеспечения в старости (чем больше детей, тем лучше), то сегодня на первый план вышли такие потребности, как желание иметь объект заботы и опеки, потребность в самовыражении, в передаче жизненного и культурного опыта. А для этого много детей не нужно [4]. Современное общество развивается по своим законам. Сегодня мы живем во времена утраты семьей своей значимости, что невозможно не признавать, поскольку это является очевидным фактом. На первый план выходят понятия материального благополучия, а также самореализации, расширения областей знаний, а также жизненного пространства. Для этого большого количества детей не требуется.

Трансформация системы ценностей – результат развития цивилизации, по мере которого число детей в типичной семье в развитых странах снижается. Современная женщина реализует себя в профессии намного чаще, чем это было, допустим, 100 или даже 50 лет назад. «Революцию» в этом направлении в свое время сыграло изобретение противозачаточных таблеток. Количество домохозяек в развитых странах сегодня чрезвычайно мало. Само слово «домохозяйка» сегодня имеет чаще негативный, унижительный оттенок. Рождение и воспитание ребенка фактически «отнимает» у женщины 5-7 лет жизни, за которые она чаще всего «выпадает» из профессиональной жизни, теряя многие знания и навыки, в то время как развитие многих сфер жизни идет стремительными темпами. По этой причине типичная европейская семья сегодня чаще всего обходится рождением одного – максимум двух детей.

Снижается и ценность брака, прежде всего, традиционного. Появляются новые формы брака (гостевой и пр.), не способствующие росту рождаемости. Сегодня в России насчитывается 66,6 млн. семей, ежегодно заключается 250-300 тыс. браков, половина из которых распадается. Российская молодежь активно перенимает европейские «стандарты» жизни, где приоритетом выступает самореализация, получение качественного образования, покорение «карьерных» высот и обретение материального благополучия. «Заведение» детей откладывается «на потом». Все это негативно сказывается на рождаемости в нашей стране.

Кроме того, трудности переустройства общества, связанные с переходом к рыночной системе хозяйствования, пережитые не одним поколением россиян (а реформы продолжаются с 1992 года, т.е. фактически более 22 лет) вызвали у россиян стремление обеспечить детям более высокий уровень жизни, чем собственный. Это стало важным мотивом ограничения количества детей в типичной российской семье по принципу «лучше меньше, да лучше».

Для решения демографической проблемы в современных российских условиях необходим комплексный подход, включающий меры материального стимулирования рождаемости, повышение эффективности и доступности здравоохранения, борьбу с курением и злоупотреблением спиртных напитков, наркоманией, социальными болезнями общества и др.

Кроме того, демографическое развитие является чрезвычайно важным делом в условиях модернизации государства и общества, государственного и общественного контроля над территорией всей страны, воспитания молодежи, укрепления семьи, эффективного развития ведущих когнитивных систем. Работу в данном концептуальном измерении необходимо вести на основе комплексного анализа динамики политических преобразований Российской Федерации, с учетом фактора социализации личности, поло-ролевых функций индивидов, групп, ассоциаций и поиска возможности минимизации рисков, имеющих непосредственное отношение к осуществлению социальной политики государства и реализации технологий демографической политики России.

Семья, оставаясь важнейшей ячейкой общества и главным источником формирования взаимоотношений полов, представляет собой наиглавнейший пункт агрегации для наращивания качественного человеческого капитала. Человеческий капитал – самоцель модернизации, так как Россия, как держава должна ориентироваться на нового человека, а он, в свою очередь, конкретными действиями обеспечивать безопасность среды обитания, самой личности, общества в любых измерениях. Но, к сожалению, в последние 10 лет и российская семья, и система образования, и система здравоохранения, подвергнутые многочисленным реформам, не смогли сделать качественного положительного скачка, обеспечивающего фундаментальные скрепы российского общества, не позволяющие стирать историческую память, подрывать традиции формирования государственности, распространять чуждую идеологию и ценности повсеместно. Кроме того, в немалой степени многие негативные обстоятельства глобальной неопределенности крайне затрудняют качественное разрешение проблемы безопасности людей в природной среде и сохранность жизни на Земле в целом.

Эффективность демографического развития напрямую связана и с гендерными обстоятельствами. Возникший интерес к взаимодействию мужчин и женщин в современном обществе, обусловлен результатами технологических революций (индустриальной, информационной и пр.), радикально изменивших общую мировую динамику и направление развития каждого государства и планеты в отдельности [7. С. 113]. Глубокое понимание сути гендерных процессов во многом зависит от исследования самой структуры изменений в положении мужчин и женщин, а также их отражения в общественном сознании [10. С. 352]. Следует отметить, что современная концепция семьи предусматривает, что и женщина, и мужчина равны как личности и поэтому должны иметь равные возможности для собственного развития. Семья должна существовать на таких основных принципах, как одинаковые права, обязанности и возможности мужчин и женщин во всех сферах семейной жизни; семья должна быть суверенной в принятии решений относительно экономического и демографического воспроизводства.

Следует подчеркнуть, что гендерный подход формируется как оппозиция исследованиям отношений между полами. Под гендерным подходом в социологии понимается анализ отношений власти, организованных на основании культурно-символического определения пола. «Культурно символическое определение пола (то, что называется гендером) – это комплексная характеристика статуса, которая возникает на пересечении множества признаков индивида и/или группы. Таким образом, гендерный подход – представляет собой вариант стратификационного подхода, в нем всегда присутствует тезис о неравном распределении ресурсов по признаку приписанного пола, об отношениях господства-подчинения, исключения-признания людей, которых общество относит к разным категориям пола».

В условиях современного развития обществ гендерный аспект неравенства приобретает острый и оформленный характер. Это является результатом все большего понимания женщиной своей независимости, в том числе и материальной, от мужчины. Женщины требуют не только формального, но и фактического равноправия: в оплате труда, в равных условиях при приеме на работу. Меняется традиционное отношение к женщине лишь как к хранительнице домашнего очага. Все больше мужчин понимают их стремление к самореализации и вне дома, уважая их выбор, берут на себя часть домашних хлопот и забот. Женщины же получили возможность реализации своих потенций в бизнесе, политике, науке [8].

Ситуацию, в которой оказываются женщины на рынке труда, усугубляет то обстоятельство, что государство практически не вмешивается в отношения женщин-тружениц и частных нанимателей из рыночного сектора экономики, где не действуют какие-либо социально-правовые гарантии охраны труда женщин, особенно беременных и возвращающихся из отпуска по уходу за ребенком. Зачастую при найме на работу в этой сфере женщин вынуждают писать заявления с обязательствами не заводить детей в течение того или иного срока, не требовать больничного листа в случае болезни ребенка и т.д. Женщины, имеющие в основном более низкую зарплату и уровень квалификации, чем мужчины, вынуждены в таком случае оставлять работу и заниматься воспитанием детей, переориентироваться на дом, домашний труд, работу в подсобном хозяйстве или на садовом участке. Таким образом, происходит выталкивание женщин из сферы общественного производства. А это закрепляет тенденцию к расширению масштабов бедности в стране. Семьи с детьми, лишаясь одной из двух зарплат родителей, практически неизбежно попадают в разряд малоимущих.

Многие характерные черты неформальной экономики сейчас распространяются не только на легальный бизнес, но и на госсектор – это уход от налогов или их сокрытие, найм на работу «по знакомству» и т.п. В этих условиях правовая незащищенность человека не воспринимается работающими как аномалия. Люди не видят противоестественности в нарушении прав человека, поскольку ситуация незащищенности является общей для всей экономической жизни страны в целом. Рынок труда не предоставляет работникам гарантий социальной защищенности, профессионального продвижения, стабильной занятости и справедливости.

Одним из примеров ущемления прав женщины является обычный рынок (другими словами базар). Гендерная асимметрия в составе хозяев и продавцов на рынке ярко выражена: у всех опрошенных женщин, за одним исключением, хозяевами оказались мужчины. Бесправие работниц на рынке доведено до предела. Такое положение характерно для сферы неформальной занятости не только в России. Сверхэксплуатация женского труда на рынке сочетается со сверхнизкой его оплатой. Если посмотреть на «просто» рынок со стороны спроса на рабочую силу, то можно заметить, что здесь к работникам предъявляются весьма специфические требования: подчинение, граничащее с абсолютной зависимостью, исполнительность, ответственность и т.п. Поэтому не случайно эту «экономическую нишу» заполняют именно женщины, которые способны и готовы выполнять эти требования. «Что же касается предложения рабочей силы, то возникает вопрос, почему в настоящее время нет недостатка в женщинах, готовых выполнять именно такую работу? Вероятно, это связано не только с тем, что при социализме многие женщины работали служащими и характер их труда также был в основном не творческим, а чисто исполнительским. Но и молодые девушки, не имеющие подобного трудового опыта, довольно спокойно воспринимают свое подчиненное, второстепенное положение на рынке. Возможно, наша история (войны, революции) и культурная традиция (ответственность за выживание семьи) диктуют то, что рынок стал не просто местом торговли, а прежде всего «женской нишей» в экономике? Одним из болезненных проявлений очевидной асимметрии в отношениях между полами следует считать насилие над женщинами, принявшее самые разные формы: изнасилование, в том числе в условиях вооруженных конфликтов, принуждение к проституции, садизм, убийство на сексуальной почве. К этому следует добавить все отрицательные последствия, связанные с проживанием женщин в зонах вооруженных и межнациональных конфликтов, со статусом беженцев и вынужденных переселенцев – проблемы трудоустройства, приобретения жилья, потери прежнего жилья и прежних источников доходов и т.д.» [8]. Также большой проблемой в семьях является домашнее насилие. Главными причинами исследователи считают социальные факторы – распространение наркомании, алкоголизма; экономические факторы – безработица, психологические, иначе говоря, последствия детства, домашнее насилие в семье. Иногда домашнее насилие учёные называют ещё и гендерным. Известный психолог и социолог И.С. Кон указывает на то, что случаи насилия в детстве крайне негативно влияют на взрослую жизнь человека: девочки

имеют шанс стать жертвами и во взрослой жизни, мальчики – стать агрессорами. Определяющей здесь является история отношений родителей и детей [3. С.25].

Решения проблем гендерной асимметрии крайне важны сейчас для России. С этой точки зрения даже чисто декларативное признание принципа равных прав и равных возможностей главным принципом государственной политики в отношении женщин следует считать определенным шагом вперед. Оно позволяет всем общественным силам – как женским организациям, так и политическим объединениям – добиваться от государства выполнения взятых им на себя обязательств [8].

Все указанные гендерные трансформации современной России становятся серьезным препятствием к увеличению рождаемости и готовности молодого населения к созданию семьи, особенно многодетной. По большому счету именно семья выступает наиболее мощным агентом системных трансформаций государства. Если современную семью развивать и поддерживать со стороны государства, принимая во внимание изменившиеся социально-экономические условия социума и гендерные обстоятельства, то многие проблемы общественной и государственной жизни будут разрешены своевременно [1. С. 155].

Результативность решения демографических задач может быть реализована в тесном контексте социального партнерства семьи и школы, включая механизмы государственно-общественного управления общеобразовательной школой. Базовые основы внутрисемейных отношений предполагают экономическую взаимозависимость членов семьи, а также их эмоционально-психологическую привязанность с учетом гендерных особенностей поведения. На современном же этапе отмечается изменение привычных позиций родителей, т.е. снижение авторитета родительской власти отца и матери, на смену ему приходит авторитет личности родителей, их социальных статусов. Дети сейчас часто лучше образованы, чем родители, имеют возможность проводить большую часть времени вне семьи. Все менее контролируемые и реализуемые становятся запреты родителей, что вызывает снижение прочности семьи и повышения конфликтности в ней.

В связи с тем, что экономический уровень большинства трудовых семей в России невысок, основное время родителей тратится на добывание средств к существованию, что зачастую влечет за собой низкую культуру общественной жизни, распространение индивидуализма, двойную мораль, криминализацию бытовой культуры, социальную напряженность, неуверенность в завтрашнем дне, угрозу потери работы, боязнь заболеть и другие причины, приводящие людей в состояние повышенного нервного напряжения, стресса и не способствующее повышению рождаемости и стремлению женщины стать многодетной матерью, а мужчины брать ответственность за содержание семьи и развитие детей.

Тенденция к распространению количества семей так называемого нуклеарного типа, объединяющего лишь супругов и их несовершеннолетних детей, усиливается по мере роста благосостояния населения развитых стран. Отсутствие возрастной иерархии нескольких поколений, а также появившиеся в массовом масштабе неполные семьи, состоящие лишь из одного родителя с детьми, приводят к тревожной «демократизации» внутрисемейных отношений и стиля воспитания [4], нередко характеризующегося всеобщим протестом женщин против мужчин, детей против родителей, их борьбой за большую самостоятельность, свободу и отсутствием ответственности каждого члена семьи друг за друга.

Характерный перечень «общих проблем современной семьи», имеющих психологический характер и возникающих на почве межличностных отношений, выделил В.Н. Гуров. По его мнению они включают в себя: не всегда адекватное распределение между супругами семейных ролей и борьба за лидерство; потребность в общении отдельных членов семьи и невозможность ее реализации в семье в силу различных причин (отсутствие культуры общения, нежелание одного из членов семьи и др.); отсутствие познавательных потребностей у отдельных членов семьи или в целом у семьи; неадекватность оценок поведения детей, грубое вмешательство в их внутренний мир, эмоциональное отвержение вплоть до жестокого обращения; наличие в семье негативной нравственно-психологической атмосферы; неудовлетворенные материальные потребности семьи и др. [2. С. 192].

В качестве специфической проблемной особенности российской семьи, не связанной, однако, с изменениями только последних двух десятилетий, ряд исследователей называет «кризис отцовства», который остро проявляется в формах неполных семей, пьянства, отрешенности отца от семьи, ухудшении межличностных отношений в семьях и др. Можно выделить следующие причины этих явлений. На первом месте – педагогическая несовместимость родителей. Значительное большинство родителей приступают к воспитанию детей, не имея о нем сколько-нибудь ясных, а тем более педагогических представлений. Но поскольку родители сами воспитывались в семье, в детском саду, в школе, у них возникают иллюзии осведомленности и заблуждения о своих возможностях. В типичном варианте такие родители «упускают» детей, между ними складываются такие отношения, поправить которые уже невозможно.

Другая причина – жестокие, варварские методы «воспитания», в результате которых дети начинают бояться, ненавидеть, презирать родителей и любыми путями спасаются от них [3. С. 236-282].

Неудовлетворительное воспитания детей в современной российской семье требует активизации взаимодействия школы с семьей или, при невозможности такового, компенсации недостатков семейного воспитания [9].

В России назрела острая необходимость реализации мега-проекта «семья» в масштабах всего государства. Данная инновация способна остановить глобальный антропопоток, обустроить мировой закулисой для того, чтобы подорвать потенциал нашей страны и заставить Россию играть отведенную ей партию по их нотам. В рамках государственных программ опережающего развития территорий необходимо максимально активизировать также мегапроекты «Школа», «Общество», «Государство», которые вполне могут помочь в достижении высокого уровня самодостаточности населения, сохранения природных ресурсов, усиления структур безопасности в системе координат «человек и общество» [1. С. 155]. В результате миссия Государства Российского будет определена четко. Государственно-общественный контроль над обширной российской территорией непременно окрепнет, а качество жизни населения страны существенно улучшится.

Список литературы

1. Августин (Анисимов) Записки миссионера: Размышления православного священника о современном мире, Церкви и государстве, о человеке, об устойчивом образе жизни. — Н. Новгород: Изд. Ю. А. Николаев, 2003. – 150 с.
2. Гуров В.Н. Социальная работа школы с семьей. – Москва: Педагогическое общество России, 2002. – 192 с.
3. Кон И.С. Бить или не бить? – Москва: Время, 2012. – 25 с.
4. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. // Модернизация российского образования: Документы и материалы. – М., 2002. – С. 236-282.
5. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — 352 с.
6. Чернова И.И. Основы гендерных знаний: Учеб. пособие. – Н. Новгород: Изд. ВВАГС, 2000. – 113 с.

Интернет источники

7. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/191961/#ixzz3r0TwObbl> (Дата обращения: 08.11.2015).
8. Жеребцова Н.В. Гендерная асимметрия в современном российском обществе // Самиздат. – Режим доступа: http://samlib.ru/z/zherebcowa_n/models.shtml (Дата обращения: 08.11.2015).
9. Замолоцких Е.Г. История образования и педагогической мысли – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/semya-i-shkola-sotsialnye-partnery-istoricheskiy-aspekt> (Дата обращения: 08.11.2015).
10. Потапова О. Современная демографическая ситуация в России. – Режим доступа: <http://www.potapova-olga.ru/sovremennaya-demograficheskaya-situaciya-v-rossii> (Дата обращения: 08.11.2015).

Колударова Светлана Владимировна,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии социальной сферы
факультета социального управления и социологии
Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия

ТЕНДЕНЦИИ ВЛИЯНИЯ БРАКОВ С ИНОСТРАНЦАМИ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Анализируются тенденции влияния браков с иностранцами на демографическую ситуацию в российском обществе. Особое внимание уделяется анализу трех тенденций: тенденция мотивации выбора российскими женщинами иностранных брачных партнеров, тенденция динамики межнациональной брачности с гражданами дальнего зарубежья за период 1998-2012, тенденция выбора иностранными брачными партнерами российских женщин репродуктивного возраста. Каждая тенденция подтверждается статистическими данными, результатами вторичных социологических исследований, проведенных российскими исследовательскими центрами, результатами исследований, проведенных автором, экспертным мнением ведущих российских демографов, а также анализом российских и зарубежных периодических изданий. Установлено, что наиболее значимым фактором формирования тенденций, влияющих на демографическую ситуацию в российском обществе, является качество российского брачного рынка. Показано сравнение демографического воспроизводства России и стран Азии, Америки, Африки, Европы, которое оказывает влияние на демографическое восполнение ресурсов посредством брака с иностранцем.

Ключевые слова: брак, брак с иностранцем, брачный рынок, демография, демографическая ситуация, демографическое воспроизводство, депопуляция, репродуктивный возраст, брачный выбор, мотивация брачного выбора, межнациональная брачность.

E-mail: korneevasvetlaya@yandex.ru

Koludarova Svetlana V.,
PhD of Sociological Sciences, docent, Associate Professor of the department of Sociology
of the Social Sphere of faculty of the Social Management and Sociology,
Russian State Social University, Moscow, Russia

THE TRENDS OF THE INFLUENCE OF INTERNATIONAL MARRIAGES ON THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE RUSSIAN SOCIETY

Tendencies of influence of marriages with foreigners on the demographic situation in the Russian society are analyzed. The special attention is paid to the analysis of three tendencies: the tendency of motivation of a choice the Russian women of foreign marriage partners, the tendency of dynamics of an international brachnost with citizens of foreign countries during 1998-2012, the tendency of choice by the foreign marriage partners of the Russian women of reproductive age. Each tendency is confirmed statistical data, results of the secondary sociological researches conducted by the Russian research centers, results of the researches conducted by the author, expert opinion of the leading Russian demographers, and also the analysis of the Russian and foreign periodicals. It is established that the most significant factor of formation of the tendencies influencing a demographic situation in the Russian society is quality of the Russian marriage market. Comparison of demographic reproduction of Russia and the countries of Asia, America, Africa, Europe, which have impact on demographic completion of resources by means of marriage with the foreigner is shown.

Keywords: marriage, marriage with the foreigner, marriage market, demography, demographic situation, demographic reproduction, depopulation, reproductive age, marriage choice, motivation of a marriage choice, international marriage.

E-mail: korneevasvetlaya@yandex.ru

Браки с иностранцами как социальное явление начали активно развиваться в начале 1990-х годов, когда Россия отрыла границы для международной коммуникации. Данный период соотносится с демографическим кризисом российского общества, который «начался в начале 1990-х гг. и продолжался 20 лет до 2013 года; в результате Россия, занимая четвертое место в мире по численности населения в начале 1990-х гг., передвинулась в новом тысячелетии на девятое» [9. С. 18]. Выход из режима депопуляции, наметившийся спустя 20 лет после её начала, свидетельствует, что и в условиях капитализма (рыночной экономики) возможны не только нисходящая демографическая динамика, но и естественный прирост населения. Об этом свидетельствуют итоги 2013 г., когда впервые за последние два десятилетия естественная убыль сменилась приростом населения [7. С. 21]. Однако достигнуть численности населения 2004 года, которое составляло 144,3 миллиона человек, России пока не удалось. По данным Федеральной службы государственной статистики, по состоянию на 2014 год численность населения России составила 143,7 миллиона человек [14].

Россияне, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, выделяют среди наиболее острых демографических проблем и проблему распада традиционной семьи, роста числа разводов и внебрачных связей (27%) [10]. При этом данная проблема у женщин вызывает тревогу чаще, чем у мужчин (31% и 21%). Безусловно, данный факт, определенным образом, способствует развитию браков россиян с иностранцами на территории России, следствием чего можно выделить следующие тенденции влияния браков с иностранцами на демографическую ситуацию в российском обществе.

Во-первых, мотивация выбора женским населением России иностранного брачного партнера. Данная тенденция обусловлена количественно-качественным дисбалансом российского брачного рынка. По данным Федеральной службы государственной статистики, по состоянию на 2013 год на 1000 мужчин приходится 1160 женщин. Если говорить о возрастных группах, то перевес женщин над мужчинами начинается в возрастной группе 35-39 лет и в последующих возрастах он увеличивается в среднем на 3%. Как отмечает А.И. Антонов, «в настоящее время ситуация на брачном рынке менее благоприятна для женщин» [1. С. 307], для которых особенно важно практическое и результативное воплощение брачного выбора.

Анализ материалов российских и зарубежных периодических изданий закрепляет мнение о характерном желании российских женщин вступить в брак с иностранцем: «русская жена – это уже бренд, который востребован и на Востоке, и на Западе» [3. С. 12]. Также швейцарский журналист отмечает, что «россиянки, желающие выйти замуж за иностранцев из западных стран, уже приехали в район большого Сочи из самых разных уголков огромной страны» [11. С. 3]. Польский журналист акцентирует внимание на том, что «многие россиянки помещают информацию о себе на иностранных порталах знакомств» [15. С. 2].

Качественный дисбаланс российского брачного рынка обусловлен двумя обстоятельствами – высокой смертностью и девиантной подверженностью российских мужчин, что осложняет и ограничивает брачный выбор женщин. По состоянию на 2014 год продолжительность жизни мужчин на 11,2 года меньше продолжительности жизни женщин. Руководитель Центра демографии и экологии человека А.Г. Вишневский отметил, что «потери здоровых мужчин сходны с потерями СССР в годы Великой Отечественной войны» [2. С. 10].

Среди главных причин мужской смертности можно выделить:

- сердечно-сосудистые заболевания, и особенно в молодом возрасте вследствие жизненных стрессов, эмоций;
- образ жизни, прямо отражающиеся на здоровье (небрежное отношение к правильной еде, невнимательность к собственному здоровью, курение);
- смертность, связанная с пьянством; смертность, связанная с криминальными разборками; смертность, связанная с дорожно-транспортными случаями; смертность, связанная с самоубийствами (мужчины склонны к самоубийству в 6 раз чаще, чем женщины).

С точки зрения девиантной подверженности выделяется: склонность мужчин к алкоголизму (каждый седьмой мужчина в России страдает от алкоголизма); склонность мужчин к преступлениям (в местах заключения пребывает более 800 тысяч человек, среди них 90% – мужчины).

Во-вторых, как показывают статистические данные по количеству заключенных браков с иностранцами, преобладающее большинство таких браков заключается женским населением России. Анализ статистических данных Дворца бракосочетания № 4 по городу Москве по зарегистрированным межнациональным бракам с иностранным партнером за пять лет (1998 – 2002 гг.) свидетельствует, что в процентном распределении браки русских женщин с мужчинами-иностранцами составляют в среднем 91%, а русских мужчин с женщинами-иностранками – 9% [4. С. 51]. Данная гендерная тенденция прослеживается и до настоящего времени. По данным Московского Дворца бракосочетания № 4 в 2008 году количество браков между мужчиной-иностранцем и женщиной-россиянкой в 3 раза превышало количество браков между женщиной-иностранкой и мужчиной-россиянином. По данным Управления ЗАГС города Москвы, в 2012 году «количество женихов из дальнего зарубежья традиционно превысило количество невест» [13].

В-третьих, российские женщины именно репродуктивного возраста представляют наибольший интерес для иностранных брачных партнеров. Как показали результаты контент-анализа межнациональных брачных объявлений, мужчины-иностранцы указывают возраст желаемого партнера (русской женщины) в пределах 21-30 лет в 27,9% случаях и 31-40 лет в 21,2% случаях [4. С. 110]. Женщины именно репродуктивного возраста представляют наибольший интерес для иностранных брачных партнеров.

В то же время, в России наблюдается тенденция по сокращению количества потенциальных матерей. В репродуктивный возраст войдет малочисленное поколение 1990-х годов, а их в два раза меньше, чем поколения 80-х годов XX века [5. С. 7]. Как отмечает Л.Л. Рыбаковский, «в 2020 году численность женщин репродуктивного возраста будет меньше нынешней примерно на 4 миллиона, а в 2025 году – почти на 5 миллионов, причем все это сокращение придется на самый активный репродуктивный возраст; женщин в возрасте 20-29 лет будет меньше на 30- 40%» [8. С. 56].

Однако проблемы демографического воспроизводства характерны и для мировых континентов, кроме африканского. Во всем мире значение суммарного коэффициента рождаемости составляет 2,51. При этом этот показатель для Африки равен 4,38; Азии – 2,29; Латинской Америки – 2,14; Северной Америки – 2,01; Океании – 2,41; а для Европы – 1,52 [6. С. 23]. А браки россиянки, согласно данным Управления ЗАГС города Москвы, заключают с гражданами более 100 государств мира (например, в 2011 году с гражданами 114 государств, в 2012 году с гражданами 116 государств), которые включают все континенты мира, что обуславливает вероятность демографического восполнения данных континентов.

Главным образом, неестественные причины выступают нарушением естественной мужской популяции. Мужчины согласно природной, мужской принадлежности, ориентированы на «победу», они – спринтеры. Поэтому, вследствие преодоления жизненных испытаний, они наиболее тяжело переживают моменты беспомощности, что прямо пропорционально отражается на вышеперечисленных причинах. Гендерная асимметрия как существенная преграда, нарушающая нормальное функционирование брачного рынка российского общества, во многом, обусловлена состоянием здоровья мужчин. Поэтому российским мужчинам необходимо больше задумываться о здоровье, что подтверждает и мнение директора Института демографии ГУ ВШЭ Анатолия Вишневого: «среди населения трудоспособного возраста необходимо пропагандировать сознательное отношение к своему здоровью» [12. С. 4].

С позиции демографического аспекта социального воспроизводства женщины – решающие в деле воспроизведения человеческого рода. Репродуктивная функция женщины – обеспечение восполнения численности населения. Таким образом, нормативная значимость репродуктивной функции российской женщины – пополнять человеческими ресурсами российское общество – нарушается в браке с иностранцем. Поэтому необходимо активно работать с межнациональными брачными союзами, пока они не покинули пределы России, и адаптировать их к проживанию на территории России.

Женщины детородного возраста покидают границы России, что способствует повышению рождаемости, но уже на «чужой» территории – пополнение человеческими ресурсами иностранного общества, а не российского. Поэтому необходимо повышать патриотические настроения российских женщин, а также, по мнению известного российского демографа Владимира Николаевича Архангельского, «необходимо поднимать престиж семьи и профессии «мамы» как меры повышения демографического потенциала России».

Гендерная асимметрия российского брачного рынка влияет на демографические показатели воспроизводства, на эмоционально-психологическое настроение населения. Семья занимает высокие рейтинги в иерархии ценностей индивида и является показателем оценки его счастья. Однако наличие гендерной асимметрии служит препятствием, вследствие которого индивиды не всегда могут вступить в брак и создать семью. Женщинам сложнее реализовать брачный выбор, чем мужчинам, поэтому брак с иностранцем открывает новые перспективы для замужества. При этом большинство россиян (60%) считают именно повышение рождаемости коренного населения страны главным условием выхода России из демографического кризиса. Это главный потенциал государства по обеспечению воспроизводства человеческих ресурсов.

Брачные союзы с иностранцами, в большинстве случаев, ориентированы на проживание вне России: российские женщины либо сразу после брака с иностранцем эмигрируют из России, либо в перспективе планируют уехать за границу. Это обстоятельства реально показывает, что российские женщины, вступающие в брак с иностранцем, способствуют понижению демографических показателей пополнения российского общества человеческими ресурсами. Отъезд российских женщин за границу в качестве жен можно рассматривать как процесс утечки российского населения. При этом десятая часть населения России придерживается мнения, что прекращение утечки русского населения за рубеж является одной из мер выхода России из демографического кризиса [10].

Таким образом, необходимо разрабатывать рекомендации на государственном уровне, чтобы брачные союзы россиянок с иностранцами не покидали Россию и улучшали ее демографическую реальность. Необходимо исследовать особенности социальной адаптации брачных союзов с иностранцами на территории России и вырабатывать меры содействия по уменьшению брачной миграции населения.

Список литературы

1. Антонов А.И. Социология семьи. – М.: Инфра-М., 2005. – 640 с.
2. Бендина Н. Российские мужчины вымирают // Росбизнесконсалтинг. – 2005. – 16 февраля 2005. – С. 10-11.
3. Карпицкая Д. Иностранцы тоже плачут // Родительский дом. – 2011. – №9 (146). – С. 12-13.
4. Корнеева С.В. Межнациональные браки с иностранным партнером в современных условиях российского общества: социологический анализ: дисс. ... канд. социол.наук / Российский государственный социальный университет. – Москва, 2006. – 150 с.
5. Леонов А. Не надо рассчитывать, что в семьях будет по три ребенка // Новые известия. – 2007. – 14 ноября. – С. 7-8.

6. Носкова А.В. Семейная тематика в европейской социологии // Социологические исследования. – 2012. – № 3. – С. 21-27.
7. Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России в экстраполяционных и нормативных координатах // Социологические исследования. – 2014. – № 12. – С. 21-30.
8. Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 49-60.
9. Рыбаковский Л.Л. Депопуляция и этнические аспекты в России // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 18-28.

Интернет источники

10. Пути решения демографической проблемы // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 460 от 1 июня 2006 года. <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2682> (Дата обращения: 03.11.2015).
11. Ренггли Т. Жители Сочи не узнают свой город // Иностранная пресса. – 2013. – 12 апреля. <http://www.inosmi.ru/sport/20130412/207992266> (Дата обращения: 23.10.2015).
12. Россиян становится все меньше и меньше / газета «Метро», № 10 (58/1790) от 28 апреля 2009 года. С. 4. www.metronews.ru (Дата обращения: 23.10.2015).
13. Управление ЗАГС города Москвы. Акты гражданского состояния по месяцам за 2012 год. <http://zags.mos.ru> (Дата обращения: 30.10.2015).
14. Федеральная служба государственной статистики: численность и состав населения. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (Дата обращения: 09.11.2015).
15. Ястжембский М. Россия: водка, икра и девушки // Иностранная пресса. – 2013. – 1 августа. <http://www.inosmi.ru/russia/20130801/211442809.html> (Дата обращения: 23.10.2015).

Кузьмин Александр Иванович,
доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института экономики УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются демографические аспекты информационной культуры на основе выборочных обследований населения, охватывающий период с ноября 2014 по февраль 2015 годов: Екатеринбург, Березовский, Первоуральск, «Верхней и Нижней» Тагил, Красноуфимск, Тавда и ряд сельских территорий (каждый пятый респондент). Общее количество респондентов составило 973 человек. Информационная культура была зафиксирована с помощью показателей качества и типа информации, ее выбор средств массовой информации, информационных характеристик связей и выбора конкретных методов коммуникации между членами семьи. Публикация была подготовлена при поддержке Гранта РГНФ № 14-13-66013/15 «Информационная культура жителей Свердловской области: поселенческий и социально-демографический аспекты».

Ключевые слова: культура, население, доходы, заработная плата, пенсия, занятость, семья, брак, дети, возраст.

E-mail: kuz53@list.ru

Kuzmin Alexander I.,
Doctor of social sciences,
Leading research fellow, Institute of economics,
Ural branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

SOCIO-DEMOGRAPHIC DIFFERENTIATION CONSUMERS INFORMATION CULTURE

The article deals with demographic aspects of information culture of the family on the basis of sample surveys of population, covering from November 2014-February 2015 cities: Ekaterinburg, Berezovsky, Pervouralsk, the «Upper and Lower» Tagil, Krasnoufimsk, Tavda and a number of rural territories (every fifth Respondent). The total number of respondents amounted to 973 people. Information culture was fixed with the help of indicators of the quality and type of information, her choice of media, characteristics of information links and the choice of particular techniques of communication between family members. This article was prepared with the support of RGNF grant № 14-13-66013/15 «Information culture of the inhabitants of Sverdlovsk area: socio-demographic and settlement aspects».

Keywords: culture, population, income, wages, pension, employment, family, marriage, children, age.

E-mail: kuz53@list.ru

На основе выборочного социологического обследования (территориальная пропорциональная выборка – «крест»: Нижний и Верхний Тагил, Екатеринбург, Тавда, Первоуральск, Березовский, а так же ряд поселков и сел, расположенных на западе, востоке и юге Свердловской области) стало возможным сконструировать картину социально-демографической дифференциации населения в типичном постиндустриальном регионе России (руководитель

Гранта РГНФ д.с.н., проф. Е.Н. Заборова, руководитель поля – к.с.н., доцент С.Н. Костина (было отобрано и обработано 932 добросовестно заполненных анкеты, затем дополнительно произведена коррекция и гармонизация выборки по полу и возрасту опрошенных).

В теоретическом ключе важно отметить понимание информационной культуры как способности индивида ориентироваться и отбирать необходимые информационные продукты и услуги, что сокращает риски и неопределенность его бытия (П.Ю. Черносвитов, Э.Э. Слабунова, А.Н.Митин и др. авторы). Отметим, что определения информационной культуры как состояния отсутствия у населения информации о решении жизненно важных проблем (С.В. Миранда, К. Таранофф), предполагают близость понятий информационной культуры и депривации (П. Лазарсфельд, С. Стауффер). Особо следует отметить появившиеся публикации по теории информационного общества [1].

В ходе разработки программы исследования, помимо специальных данных об использовании современных технических средств связи и коммуникации в сфере информационной культуры, удалось прояснить вопросы социально-экономического положения и занятости отдельных социальных групп населения Среднего Урала. Остановимся в нашем исследовании на отношении к дефициту денежного дохода и источникам средств существования, что очень важно отметить в преддверии проведения новой переписи населения России. Поскольку средства занятости и источники доходов населения тесно связаны между собой, рассмотрим распределение источников доходов по отраслевому принципу (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение занятых в отрасли по источникам дохода, % к итогу
(V Крамера=0,158 значим, 1136 ответов)**

Отрасль занятости	Зарплата	Пенсия	Социальные выплаты	Доходы от собственности	Веду натуральное хозяйство	Подработка	Помощь детей и родственников	Другие источники доходов
Промышленное производство	65,8	6,8	2,7	3,6	2,3	9,0	6,8	3,2
Автотранспорт	61,1	13,0	0,0	5,6	1,9	11,1	1,9	5,6
Ж.Д. и иной транспорт	29,5	22,7	11,4	0,0	22,7	9,1	4,5	0,0
Образование	60,1	18,7	5,5	2,2	4,0	5,1	2,6	1,8
Медицина	67,6	11,8	2,9	0,0	5,9	5,9	5,9	0,0
Управление	58,3	9,0	1,4	4,2	3,5	11,8	4,9	6,9
Торговля	49,3	3,6	4,3	5,1	1,4	17,4	13,8	5,1
Банковская деятельность	60,0	6,7	6,7	6,7	0,0	13,3	6,7	0,0
Сфера услуг	58,7	2,5	2,5	5,0	0,8	9,1	13,2	8,3
СМИ	80,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	20,0	0,0
ЖКХ	50,0	16,7	0,0	0,0	16,7	8,3	0,0	8,3
Иные отрасли	54,1	13,5	4,1	1,4	6,8	8,1	5,4	6,8

Наибольшее число обеспеченных зарплатами (до 80%) оказалось среди работников сферы средств массовой информации. На втором месте занятые в здравоохранении (67,6%), на третьем – в промышленности (65,8%). Высока доля «пенсионеров» у транспортников и в сфере ЖКХ (22,7 % и 16,7% соответственно). Доходы от собственности наиболее высоки в сфере банковской деятельности, в торговле и у занятых услугами предоставления автотранспорта (до 6 %). Дополнительные заработки, как правило, присущи сфере занятых в торговле (17,4%) и управлении (12%), финансовой и банковской деятельности (13,3%). Интересно, что помощь от родственников получает как основной вид дохода каждый пятый из занятых в

сфере ЖЭУ, в торговле и сфере услуг (13-14%). Больше всего альтернативных источников доходов у управленцев и транспортников (до 6-7%). Натуральное хозяйство присуще, как ни странно, работникам железнодорожного транспорта (до 23%) и ЖКХ (16,7%), тогда как обычно доля занятых им не превышает 6%. Обратим внимание на число уклонившихся от ответа в различных типах поселения (табл. 2). В категории не давших ответа находятся не столько бездомные, сколько имеющие теневые формы источников дохода. В Тавде обращает на себя внимание доля получающих пенсию (42,9%), относительно высока такая среди опрошенных и в Верхнем Тагиле – 17,3%. В сельских поселениях и Березовском доля пенсионеров не превысила 15 %.

Таблица 2

Распределение населения по основным источникам доходов и типам поселения, % к итогу

Города и другие типы поселений	Нет ответа	Зарплата	Пенсия	Социальные выплаты	Доходы от собственности	Ведущее натуральное хозяйство	Подработки	Помощь детей и родственников	Другие источники доходов
Екатеринбург	3,8	50,8	9,7	4,2	3,0	0,5	11,0	10,3	6,8
Нижний Тагил	2,5	52,5	7,5	2,5	0,0	0,0	20,0	2,5	12,5
Верхний Тагил	0,0	57,9	17,3	1,5	3,8	6,0	6,8	6,8	0,0
Тавда	0,0	38,1	42,9	0,0	0,0	9,5	4,8	4,8	0,0
Первоуральск	23,5	31,4	9,8	3,9	2,0	0,0	7,8	13,7	7,8
Березовский	0,0	38,2	14,7	5,9	8,8	0,0	11,8	14,7	5,9
Поселки и села	1,5	47,0	14,8	6,4	2,6	7,5	6,2	8,7	5,5

Разработка обширной группы «не ответивших» выявила, что в Первоуральске, Екатеринбурге, Нижнем Тагиле и, даже отчасти, на селе многие скрывают свое отношение к заработку! Доля не давших ответа об основных источниках доходов достигала от 4 % в Екатеринбурге до 24 % в Первоуральске. Больше всего респондентов подрабатывает в Нижнем Тагиле (каждый пятый) и в екатеринбургском мегаполисе – 11%. Существенное влияние на источники доходов оказывает также брачный статус опрошенных. В свою очередь, семейно-брачное положение находится под сильным влиянием возрастных различий. Распределение источников доходов по брачному статусу выявило высокую долю холостых и незамужних, получающих поддержку от родственников или от детей (у вдовух). Удивительно, но доходы от собственности более всего характерны для категории разведенных (6%). На заработную плату живут, прежде всего, семейные (61,7% от всех получающих таковую). Среди ведущих натуральное хозяйство семейных больше всего – 74%.

В свою очередь, распределение по возрастным группам выявило, что получают в качестве основного источника дохода пенсию в возрастной группе старше 60 лет – 49,6 % (в молодежной – лишь каждый второй отмечает заработную плату как основной источник дохода, тогда как подрабатывают 17% молодых людей и помощь от родителей получает достаточно большое их число – 14 %). Вполне естественно, что каждый второй в пожилом и почтенном возрасте называет основным источником дохода пенсию. На втором месте в этой возрастной группе – зарплата как основной источник дохода – 25,7 % или четверть опрошенных в группе «пенсионеров». Интересно, что каждый десятый живет в основном на содержании от своих детей или родственников (9,6 %). Отметим, что доля работающей («подрабатывающей») молодежи составила 14,2 %, что не так уж и много. Если денег не хватает ни на что или только на еду, то в этих группах заметно представлены, живущие в основном на пенсию (от 13 до 16 %) и ведущие натуральное хозяйство. Как же себя чувствуют в финансовом отношении лица с различным источником дохода (табл. 3)?

Таблица 3

Удовлетворенность денежным доходом у респондентов в зависимости от его основного источника. V Крамера=0,128 значим (1318 ответов)

Уровень дефицита доходов респондентов	Зарплата	Пенсия	Социальные выплаты	Доходы от собственности	Веду натуральное хозяйство	Подработка	Помощь детей и родственников	Другие источники доходов
Денег не хватает ни на что	6,9	6,1	4,6	8,1	9,3	4,3	4,8	7,7
Денег хватает только на еду и самое необходимое	39,5	45,6	38,5	16,2	55,6	41,7	43,7	28,2
Денег хватает на покупку одежды, бытовой техники	42,1	39,4	49,2	27,0	20,4	32,2	38,1	39,7
Денег хватает на покупку авто и недвижимости	5,4	2,8	1,5	18,9	3,7	7,0	6,3	5,1
Денег хватает на все	6,0	6,1	6,2	29,7	11,1	14,8	7,1	19,2
Сумма	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Денег хватает только на еду (черта бедности) в основном у трех категорий населения: 1) у ведущих натуральное хозяйство (55,6%); 2) у живущих в основном на пенсию (45,6%); 3) среди получающих помощь от детей и родственников (43,7%). А вот то, что денег «хватает на все» считают почти треть опрошенных (29,7%), причем те, кто имеет доход от собственности. Удивительно, но денег хватает и на одежду с бытовой техникой у категории населения, получающей социальные выплаты (49,2%). Очень интересно, что в группе молодежи до 30 лет, число считающих, что «денег хватает на все» достигает 13,2 % (не хватает – 9,2%). Скорее всего – это дети состоятельных родителей, не испытывающих стеснения в средствах. Однако, этой молодежи среди владельцев бизнеса практически нет. Наличие детей отражается на достатке и денежном доходе бездетных и имеющих 3-4 детей. Две эти категории более всего страдают от дефицита денежного дохода (табл. 4).

Таблица 4

На что хватает дохода у респондентов с различным фактическим числом детей,
% к итогу

Дефицит дохода	Ни одного ребенка	Один	Двое	Трое	Четверо	Пять и более
Денег не хватает ни на что	7,5	5,0	9,2	0,0	6,7	0,0
Денег хватает только на еду и самое необходимое	32,2	45,2	43,7	60,5	40,0	100,0
Денег хватает на покупку одежды, бытовой техники	42,2	42,7	37,5	32,6	20,0	0,0
Денег хватает на покупку авто-мобиля, недвижимости	5,7	4,5	4,6	2,3	6,7	0,0
Денег хватает на все	12,3	2,5	5,0	4,7	26,7	0,0

Наибольшее число опрошенных считает, что «денег хватает на все» среди менеджеров и особенно в малочисленной группе владельцев бизнеса (попавших в поле внимания обследования) – каждый третий (табл. 5). Обращает на себя внимание большое число уклонившихся от ответа на этот вопрос, особенно среди бизнесменов – владельцев собственности и в целом по выборке (до 16,4%).

Таблица 5

**Отношение к денежному доходу в зависимости от социального статуса респондента,
% к итогу. V Крамера=0,165 значим**

Удовлетворенность своим доходом	Уклонившиеся от ответа	Рабочие	Обслуживающий персонал	Специалисты	Руководитель (менеджер)	Владелец бизнеса (собственник)
Нет ответа	16,4	1,7	4,5	2,2	4,5	7,1
Денег не хватает ни на что	6,7	16,8	8,0	4,5	3,6	0,0
Денег хватает только на еду и самое необходимое	38,5	42,0	33,0	41,0	27,7	28,6
Денег хватает на покупку одежды, бытовой техники	29,7	31,9	43,2	42,2	37,5	28,6
Денег хватает на покупку авто и, недвижимости	2,1	1,7	2,3	4,8	14,3	0,0
Денег хватает на все	6,7	5,9	9,1	5,2	12,5	35,7

Результаты убедительно свидетельствуют, что доход и социальное положение (статус) в современном обществе прочно и крепко связаны вместе. Обращает на себя внимание, что именно среди рабочих и служащих менее всего представлены люди, которые полагают, что у них «денег хватает на все» (6-5%). Даже среди менеджеров и руководителей – таковых всего 13 %. Характер занятости указывает, прежде всего, на то, что денег категорически не хватает или хватает только на еду (соответственно 10,4% и 43,3%) среди группы незанятого населения. Проведенный нами многомерный анализ показывает, что с социальной дифференциацией населения в первую очередь связаны такие факторы, как: уровень информационных угроз (коэфф. Крамера 0,624), сфера приложения труда респондента (0,267), уровень образования (0,238), денежные доходы (0,165), характер занятости и покупательная способность опрошенных. Необычным в этой цепочке факторов является высокая оценка значимости информационных угроз и доступности к источникам информации государственной власти, что требует своего объяснения и дальнейшего исследования. Конечно, уровень затрат на информационные потребности напрямую зависит от уровня доходов населения (коэффициент Крамера=0,185 значим) (табл. 6).

Таблица 6

Распределение групп населения в зависимости от уровня дохода и затрат на услуги, связанные с удовлетворением информационных потребностей (в % от числа ответивших)

Затраты в руб. в месяц на «информпродукты», услуги	Денег не хватает ни на что	Денег хватает только на ТПН	Денег хватает на ТПС	Денег хватает на ТДП	Денег хватает на все
Менее 300 руб.	16,2	13,4	3,6	2,4	4,8
300 – 500 руб.	28,4	25,1	25,6	7,3	11,3
501-1000 руб.	40,5	39,2	45,2	29,3	37,1
1001 – 1500 руб.	8,1	12,5	15,8	19,5	21,0
1501 – 2000 руб.	5,4	6,3	8,3	22,0	9,7
2001 – 3000 руб.	0,0	1,6	1,2	9,8	3,2
Более 3000 руб.	1,4	1,9	0,3	9,8	12,9

Самые большие суммы на удовлетворение потребностей в информационных услугах тратят самые высокодоходные слои населения. Так, если 22% тех, кто может себе позволить покупку товаров длительного пользования (ТДП), тратят в месяц от 1500 до 2000 рублей на оплату информационных услуг, то в категории самых низкодоходных слоев населения таких только 5,4%. Наибольшую заинтересованность в новинках технических устройств проявляет молодежь (27% опрошенных) и мужчины в целом (22%), наименьший – люди в статусе вдов и вдовцов и жители сельской местности. В связи с этим, обратимся к демографическим параметрам выборки, опрошенных на Среднем Урале.

Характеристики брачного состава опрошенных в зависимости от пола оказались стандартными в исследованиях подобного рода. У мужчин в выборке женатых оказалось 46 %, тогда как у женщин – замужних – 55,7%. Холостых мужчин «выявлено» 45,3%, число незамужних составило всего 27%. Доля разведенных мужчин не превысила 6 %, а женщин была почти вдвое больше и составила 11%. Отдельную категорию респондентов представили вдовцы (2,1%) и вдовы – 5,3%. Как выяснилось позже, выявленные семейно-брачные пропорции оказывают почти фатальное влияние на характеристики и показатели состояния семейной культуры обследованного населения Среднего Урала. Гендерные различия в значительной степени уступили факторам семейного положения по степени влияния на потребление потоков информации и их трансляцию родным и близким. Среднее число детей оказалось достаточно высоким и составило по выборке 1,767 на респондента (опрос проходил в основном среди городского населения области). У мужчин среднее число детей оказалось более высоким, чем у женщин 1,875 против 1,729. Причем у мужчин доля вторых детей составила 50,7%, трех – 8% и четыре и более – 3,2%. Однако, параметры семейного положения опрошенных не смогли заметно повлиять на ценностные ориентации личности. Во всех группах опрошенных на первое место вышли ценности здоровья (особенно у вдовых) и института семьи (кроме холостых и разведенных). Ценность детей оказалась особенно высокой у женатых и замужних (16,7 % ответов). В целом, иерархичная цепочка ценностей «здоровье-семья-дети-работа» дополняется значимостью фактора безопасности. Он наиболее значим в семьях вдовых и у женатых (замужних). Ценности свободы, равноправия и информации делят в иерархии основных жизненных ценностей личности предпоследние места наряду с патриотизмом и участием в политической жизни.

Отметим, что доступ к информации как основная жизненная ценность, имеет не высокую значимость (вариация в пределах от 0 в Тавде до 3,7 % в Первоуральске от данных респондентами ответов). На семью падает до 15-17% ответов к итогу, а на здоровье – до 18%. На развлечения, как основную жизненную ценность, ориентирована небольшая группа населения численностью до 4 % в Екатеринбурге и 5 % в Березовском, тогда, как в Тавде – только 1,4%, а в Верхнем Тагиле- 3,2%.

Фактор семейного положения оказывает очевидное влияние на потребность в информации (табл. 7).

Таблица 7

Влияние семейного положения на удовлетворенность поступающей в семью информации, % к итогу

Удовлетворенность поступающей информацией	Холост (не замужем)	Женат (замужем)	Разведен (а)	Вдовец (вдова)	Мужчины	Женщины
Недостаточно, информации не хватает	10,5	8,2	7,5	10,3	9,1	7,7
В целом информации достаточно	66,1	69,1	72,5	53,8	66,1	68,2
Информации слишком много, избыточно	17,6	16,5	11,2	12,8	17,2	15,8
Затрудняюсь ответить	5,8	6,2	8,8	23,1	7,7	7,0

Интересно, что в группе, испытывающей недостаток информации уровень детности не высок. Может это связано с отсутствием жизненного опыта у молодежи. В группе с дефицитом информации доля двух и более детей составила 26,6 %, трех и более – 7,6% (учитывая лиц без детей ст. 18 лет). В группах, испытывающих избыток информации, доля второй и более очередностей составила уже 34,5% или более трети (трех и более детей – 7,2%). В группе респондентов, считающих, что информации поступает в достаточной степени доля двух и более детей была самой высокой – 38,9 % (трех и более – 6,8 %). Доля бездетных в этой группе была самой маленькой – 37,9%. Таким образом, в оптимальной по степени получения информации группе детность респондентов была максимальной и достигала 40 %. Аналогичную величину показала небольшая группа респондентов, затруднившихся ответить на вопрос о размерах поступающей в семью информации (41% вторых и более детей). Пересчет долей и пропорций детности на средние показатели обнаружил, что самое большое число детей имеет группа с оптимальной информированностью. Распределение оценок поступающей информации в группах с различным числом детей обнаружило наибольшее число ответов в группах с двумя-тремя детьми.

Таким образом, оптимальное количество информации поддерживает наиболее положительный баланс фактического числа детей (с позиции оценки уровня простого замещения поколений). В содержательном плане информационная ориентация респондентов вывила подавляющее преобладание среди полученных ответов (всего 2637 по данному индикатору) интереса респондентов к информации развлекательного типа (67,3%). Близко к этому показателю заняла (при очень низкой ценности участия в политике) политическая информация (61,3%). Таким образом, жители Свердловской области интересуются политической ситуаций (в условиях кризиса), но не стремятся пока участвовать в политике. Экономическая и социокультурная информация заинтересовала 40,6% и 37,5%, соответственно, а бытовая – 30,7%, опередив спортивную (29%) и рекламу (17,1%). Прочие виды (научная информация и другие) заинтересовали всего 2,4% опрошенных.

Почему же развлекательная информация, судя по частоте ссылок и относительному числу ответов, подавляет все остальные в глазах населения? Дополнительная разработка данных показала, что частота выбор «развлекательной» очень велика в группе не давших ответов, т.е. не определившихся в целом по другим ответам. Статус развлекательных программ близок к ситуации неопределенности, когда респонденту все равно, что выбрать. Развлекательная информация имеет самое неопределенное происхождение в силу ориентации на нее большинства опрошенных различного пола и возраста. Преобладание развлекательной информации не выявило гендерных различий. У мужчин предпочтение политической информации вышло по рейтингу на первое место! При определении целей поиска информации гендерных различий почти не оказалось, а вот семейное положение влияет и сильно детерминирует фактическое число детей в семье. Следует признать существенное влияние семейного статуса респондента на систему предпочтений населения Среднего Урала тому или иному виду информации (табл. 8).

Таблица 8

Структура предпочитаемых видов информации в зависимости от гендерных различий и семейно-брачного статуса респондента, % к итогу

Тип информации	Холост (не замужем)	Женат (замужем)	Разведен (а)	Вдовец (вдова)	Мужчины	Женщины
Развлекательная	29,0	20,6	21,6	20,8	21,7	24,2
Политическая	19,0	23,2	21,9	14,6	24,0	20,4
Экономическая	13,3	15,3	13,0	12,5	16,5	13,2
В социально-духовной сфере	11,8	13,5	12,6	19,8	8,0	15,4
Спортивная	13,7	8,5	10,4	4,2	17,9	6,7

Тип информации	Холост (не замужем)	Женат (замужем)	Разведен (а)	Вдовец (вдова)	Мужчины	Женщины
Рекламная	7,6	5,2	6,3	3,1	4,2	6,8
Бытовая	5,1	12,8	13,0	24,0	6,4	12,7
Другая	0,5	0,9	1,1	1,0	1,3	0,6
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Если сопоставить число детей с показателем обоснования цели выбора вида той или иной информации в семье, то наибольший рейтинг детности характерен для цели «иметь темы для общения с родственниками и друзьями (доля детей третьей и более очередностей, учитывая бездетных составила 11,2 %!), чтобы «быть в курсе происходящего «в принципе – 7,5%. Низкие показатели детности характерны для целей учебы (3,4%), покупок и приобретений (4,9%), для работы (4,6%)(табл. 9). Однако вариации уровня детности в целом невелики, что и было отмечено выше.

Таблица 9

**Ориентация на вид информации в зависимости от числа детей
до 18 лет в семье, % к итогу в строке**

Число детей	Развлекатель- ная	Политическая	Экономиче- ская	Социально- духовная	Спортивная	Рекламная	Бытовая	Другая
0	28,1	19,4	14,3	11,5	12,9	7,6	6,0	0,2
1	22,7	23,1	13,6	13,6	7,8	6,1	12,5	0,7
2	19,9	22,5	14,9	13,9	8,1	4,1	15,0	1,5
3	15,7	22,1	16,4	15,0	11,4	6,4	12,9	0,0
4	23,8	21,4	11,9	11,9	11,9	4,8	9,5	4,8
5	16,7	16,7	0,0	16,7	0,0	16,7	33,3	0,0

Наиболее высокие показатели детности характерны для групп населения ориентирующихся на бытовую, духовную и рекламную информацию. Группы без детей сосредотачивают свое внимание как правило на информации развлекательной. Ее доля в данной группе составила внушительную величину и достигла 28,1% или более четверти. Многочисленная однодетная группа респондентов более всего ориентирована на развлекательные и политические программы (22,7 и 23,1 % соответственно). Наиболее многочисленной группы двухдетных семей предпочитают политическую (22,5%), бытовую информацию (15%) и экономическую информацию (14,9%) другой информации. Трехдетная группа и «пятidetные» семьи обнаружили самые высокие показатели выбора социально-духовной информации (15 и 16,7% соответственно). Среди групп, ориентирующихся на различные виды информации наибольшее число трех и более детей имеется у предпочитающих бытовую (8,6% детей третьей и более высокой очередности), социально-духовную и спортивную направленность (8,1%). Самая низкая пронатальная направленность характерна для ориентаций на развлечение и политику.

Как можно заметить личное общение и разговоры по телефону пока вытесняют другие каналы информации. Однако представительство социальных сетей для общения родственников уже охватывает 41 % жителей области (табл. 10).

Таблица 10

Что Вы обычно используете для общения с родственниками, знакомыми

№	Значения	f-частота ответов	%	% док.	% ответивших
1	Предпочитаю личное общение	802	28,4	86,4	87,0
2	Разговоры по телефону	743	26,4	80,1	80,6
3	Скайп, другие программы	353	12,5	38,0	38,3
4	Смс	231	8,2	24,9	25,0

№	Значения	f-частота ответов	%	% док.	% ответивших
5	Электронную почту	237	8,4	25,5	25,7
6	Социальные сети	380	13,5	41,0	41,2
7	Письма по почте	69	2,4	7,4	7,5
8	Другие средства связи	4	0,1	0,4	0,4
	<i>Сумма:</i>	2819	100,0	303,8	305,8

Интересно, что, судя по опросу, на общение с членами семьи в сутки респондент тратит достаточно много времени – 2 часа 53 мин. в среднем. Один процент опрошенных вообще не общаются «никогда». В свою очередь, до получаса общаются 12,2%; один-два часа – 28,7 %, 3-4 часа – четверть опрошенных и треть – 34% затрачивает на процесс общения четыре часа и боле в день. При этом величина коэффициента депривации по такой шкале в целом положительная и составляет 0,51. Таким образом, «тяга к общению» в семье очень велика.

Существуют различия в использовании Интернет-ресурсов в зависимости от семейного положения респондентов (табл. 11).

Таблица 11

Использование Интернет-ресурсов в зависимости от семейного положения, %

Виды Интернет-ресурсов	Холост (не замужем)	Женат (замужем)	Разведен (а)	Вдовец (вдова)
Официальные	6,3	10,9	11,2	10,5
Социальные сети	25,2	21,6	22,0	31,6
Блоги	5,0	2,5	3,4	0,0
Ресурсы связи	11,8	9,8	9,1	2,6
Образовательные	9,3	10,6	9,5	15,8
Официальные	7,8	9,4	9,1	5,3
Платежные системы	7,1	11,6	12,9	7,9
Электронные	10,4	10,7	8,2	2,6
Развлекательные	16,7	12,0	12,9	18,4
Другие	0,3	0,8	1,7	5,3
<i>Сумма:</i>	100,0	100,0	100,0	100,0

В завершение доклада хотелось бы отметить значение гендерных различий и семейного положения при выборе для просмотра телевизионных каналов у жителей Свердловской области (табл. 12).

Таблица 12

Какие телевизионные каналы Вы смотрите чаще всего, % к итогу

Телевизионный канал	Холост (не замужем)	Женат (замужем)	Разведен (а)	Вдовец (вдова)	Мужчины	Женщины
Россия	26,7	31,9	28,6	32,7	25,9	31,9
Культура	4,9	9,3	11,9	15,4	7,2	9,4
Первый канал	33,1	31,3	28,6	30,8	26,9	33,5
НТВ	13,4	17,1	18,9	13,5	16,8	15,8
Спорт	14,1	7,2	7,5	2,9	18,3	4,9
Другой канал	7,7	3,3	4,4	4,8	4,9	4,5
<i>Итого:</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Заметна ориентация одиноких и особенно женщин на просмотр программ Первого канала; на канал Россия ориентирована семейная аудитория и женщины; «Спорт» предпочитают, конечно же, мужчины и холостяки; НТВ – канал разведенных и одиноких. Аналогичная ситуация демографической детерминированности аудитории видна при выборе радиостанций и прослушивания радиоканалов у жителей Свердловской области (табл. 13).

Если семейные предпочитают Радио «Си», особенно женщины, то вдовы, холостые и одинокие склонны к прослушиванию передач Маяка, в первую очередь, и ориентированы на «Эхо Москвы».

Таблица 13

Какие радиостанции Вы слушаете чаще всего, % к итогу

Радиостанция	Холост (не замужем)	Женат (замужем)	Разведен (а)	Вдовец (вдова)	Мужчины	Женщины
Маяк	16,0	17,1	17,6	30,8	18,3	16,9
Радио «Эхо Москвы»	7,1	13,2	13,5	23,1	11,2	12,3
Вести FM	21,9	25,7	25,7	11,5	25,4	24,1
Радио СИ	27,2	30,6	32,4	15,4	25,9	31,0
Радио Комсомольская Правда	4,7	4,4	6,8	11,5	6,7	4,2
Другая станция	23,1	8,8	4,1	7,7	12,5	11,6
Сумма столбца:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В целом, полученные результаты, скорее всего, должны быть использованы для уточнения рабочих гипотез дальнейших исследований информационной культуры населения в регионах России.

Список литературы

1. Фрэнк Уэбстер. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова и Н.В. Малыхиной; Под ред. д. филол. н. проф. Е.Л. Вартаковой. Р – Москва: АСПЕКТ ПРЕСС, 2004.

Нарбут Виктория Викторовна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Статистика»
Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

ПРОБЛЕМЫ СМЕРТНОСТИ МУЖЧИН ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

*В статье приведены результаты анализа гендерных различий в смертности населения трудоспособного возраста по причинам смерти. Исследована смертность мужчин трудоспособного возраста по основным классам причин смерти по регионам России. Выделены основные причины смерти и определены субъекты федерации, характеризующиеся повышенной смертностью мужчин по каждой причине смертности. На основе кластерного анализа регионы России объединены в три группы: с низким, средним и высоким уровнем смертности мужчин трудоспособного возраста. Для каждой группы регионов рассчитаны средние показатели смертности мужчин по причинам смерти, а также ожидаемая продолжительность их **жизни**.*

Ключевые слова: гендерные различия в смертности населения, смертность мужчин трудоспособного возраста, демографическая политика, причины смерти, региональный профиль смертности.

E-mail: vika-30@yandex.ru

Narbut Victoria V.,
PhD of Economic Sciences,
Associate Professor of the department
«Statistics»,
Financial university under the
Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

PROBLEMS OF MORTALITY AMONG MEN OF WORKING AGE IN THE CONTEXT OF RUSSIAN DEMOGRAPHIC POLICY

The article presents the results of the analysis of gender differences in mortality working-age population by cause of death. Studied mortality among men of working age by main causes of death in the Russian regions. The basic cause of death and identified the subjects of the federation, characterized by increased mortality of men for each cause of death. Based on the cluster analysis of Russian regions united into three groups: low, medium and high levels of mortality among men of working age. For each group of regions calculated the average male mortality by cause of death, as well as their life expectancy.

Keywords: gender differences in mortality, mortality among men of working age population policy, the cause of death, the regional profile of mortality.

E-mail: vika-30@yandex.ru

Ожидаемая продолжительность жизни населения России, особенно мужчин, отстает от экономически развитых стран, и основной причиной низкой продолжительности жизни является высокая смертность населения трудоспособного возраста. При этом большие демографические потери отрицательно влияют на основные социально-экономические показатели развития страны, прежде всего на темп роста ВВП и обеспеченность экономики трудовыми ресурсами.

Высокая значимость изучения проблем смертности и ожидаемой продолжительности жизни в нашей стране признана на государственном уровне и нашла отражение в официальных документах. Так, в «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» в самом первом пункте сформулировано, что «демографическая политика Российской Федерации направлена на увеличение продолжительности жизни населения и сокращение смертности» [1].

Концепция демографической политики предусматривает с помощью различных мер, направленных на улучшение социально-экономического положения населения, увеличить среднюю ожидаемую продолжительность жизни. Целями демографической политики являются рост численности населения к 2015 г. до 145 млн. чел., и увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2015 г. до 70 лет, а к 2025 г. до 75 лет. Поставлены задачи сокращения уровня смертности не менее чем в 1,6 раза, прежде всего в трудоспособном возрасте от внешних причин, увеличение продолжительности активной жизни и создание условий для ведения здорового образа жизни. Предусмотрено снизить смертность от заболеваний сердечно-сосудистой системы, от травматизма в результате ДТП, от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, от самоубийств.

Также Правительством РФ принята государственная программа «Развитие здравоохранения», в которой к 2020 году планируется:

- снижение смертности от всех причин до 11,4 случаев на 1000 населения;
- снижение младенческой смертности до 6,4 случаев на 1000 родившихся живыми;
- снижение смертности от болезней системы кровообращения до 622,4 случаев на 100 тыс. населения;
- снижение смертности от дорожно-транспортных происшествий до 10 случаев на 100 тыс. населения;
- снижение смертности от новообразований до 190 случаев на 100 тыс. населения;
- снижение смертности от туберкулеза до 11,2 случаев на 100 тыс. населения;
- снижение потребления алкогольной продукции до 10 литров на душу населения в год;
- снижение распространенности потребления табака среди взрослого населения до 26%; увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении до 74,3 лет [2].

На достижение этих и других задач, поставленных в Программе, запланировано выделить 26620,9 млрд. руб. бюджетных ассигнований.

Однако реализация этих задач требует всестороннего статистического анализа сложившейся ситуации, позволяющего понять механизмы формирования основных демографических процессов. Изучение смертности населения в трудоспособном возрасте с учетом ее причин позволит:

- 1) получить полную картину демографической ситуации как в целом по стране, так и в отдельных регионах;
- 2) оценить эффективность проводимых реформ, социальных и политических программ, направленных на увеличение жизненного уровня населения;
- 3) выявить причины, влияя на которые можно снизить смертность и увеличить продолжительность и качество жизни граждан.

Для РФ характерен один из наибольших разрывов в продолжительности жизни мужчин и женщин, а также в показателях смертности, особенно в трудоспособном возрасте (рис.1).

Показатели смертности мужчин в трудоспособном возрасте в 3,6 – 4,3 раза (в разные годы) превышают показатели смертности женщин.

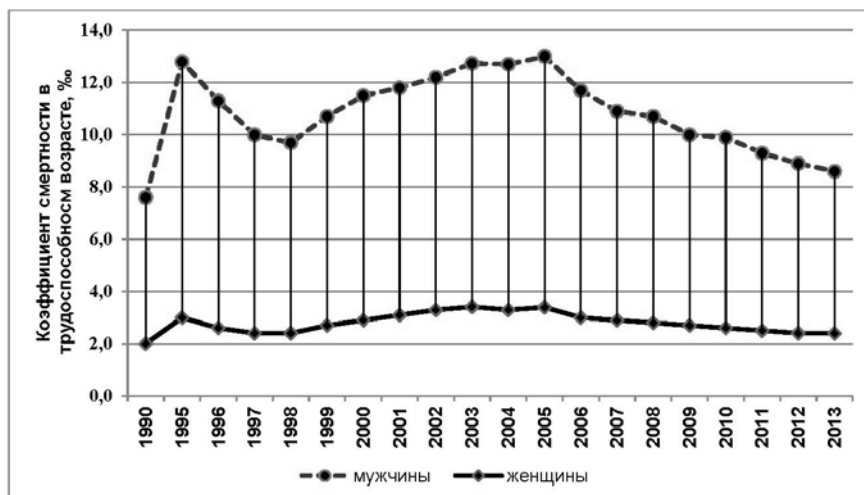

Рис. 1. Динамика коэффициентов смертности мужчин и женщин России в трудоспособном возрасте

Гендерные различия в смертности трудоспособного населения проявляются по всем основным классам причин смерти. Смертность мужчин от внешних причин в 5,0 раз превышает женскую смертность, от болезней системы кровообращения – в 4,8 раза, от болезней органов дыхания – в 4,2 раза, от некоторых инфекционных и паразитарных болезней – в 3,0 раза, от болезней органов пищеварения – в 2,5 раза, от новообразований – в 2,0 раза.

За период с 2000 по 2013 гг. различия в смертности мужчин и женщин от ряда причин стали еще сильнее, в частности от болезней системы кровообращения и новообразований (рис. 2), а существенный разрыв в смертности от внешних причин практически не изменился.

Высокая смертность мужчин от внешних причин является специфической особенностью нашей страны, к тому же она непропорционально сконцентрирована в экономически продуктивном возрасте. В настоящее время около 15% мужских смертей происходит от дорожно-транспортных происшествий, падений, убийств, самоубийств и других внешних причин. В европейских странах доля смертей от внешних причин не превышает 9% [3]. В США, где численность населения в 2,5 раза больше, чем в России, смертность мужчин от внешних причин в 2 раза меньше.

Анализ данных о мужской смертности по причинам смерти позволяет выявить их распределение и выраженность, а также получить ценную информацию для разработки региональной демографической политики.

В состав России входит 85 субъектов федерации, которые различаются между собой природными, социально-экономическими, климатическими, историческими и др. условиями. Исследование смертности мужского населения по основным классам причин смерти по регионам России позволяет определить региональный профиль мужской смертности в трудоспособном возрасте, выявить основные причины смерти и выделить территории, характеризующиеся повышенной смертностью мужчин.

Анализ проводился на основе данных о коэффициентах смертности мужчин трудоспособного возраста за 2013 г. по всем регионам России, за исключением автономных округов, входящих в состав более крупных субъектов федерации.

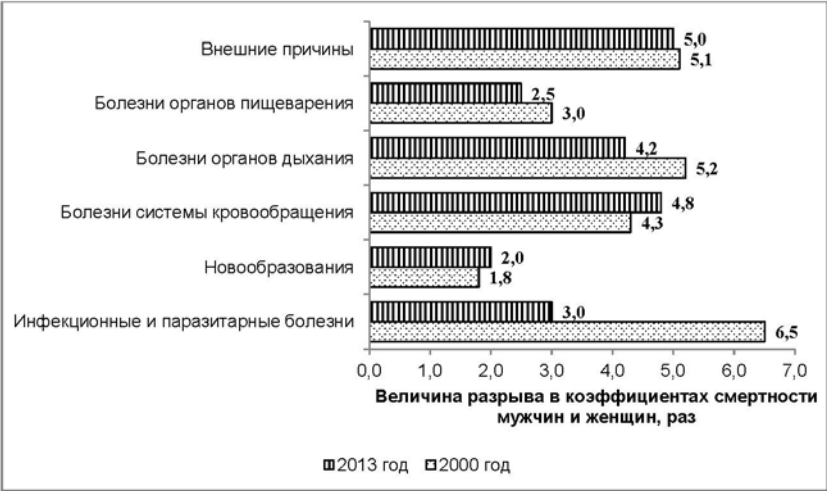

Рис. 2. Превышение смертности мужчин в трудоспособном возрасте над смертностью женщин по классам болезней в 2000 и 2013 гг.

Для формирования регионального профиля смертности мужчин трудоспособного возраста все регионы Российской Федерации по каждому классу смертности были разделены на три группы: с низким, средним и высоким уровнем смертности мужчин. Для образования средней группы бралось среднероссийское значение смертности от конкретной причины с поправкой на среднеквадратическое отклонение. Регионы со значениями выше этого интервала образовывали группу с высоким уровнем смертности, то есть своеобразную группу риска, а со значениями ниже этого интервала – группу с низкой смертностью мужчин.

Таким образом, удалось выделить группы регионов Российской Федерации с повышенной смертностью мужчин трудоспособного возраста по причинам смерти (табл.1).

Таблица 1

Группы регионов России, характеризующиеся повышенной смертностью мужчин трудоспособного возраста

Причины смерти	Количество регионов	Состав регионов
Некоторые инфекционные и паразитарные заболевания	12	Еврейская автономная область, Иркутская, Кемеровская, Курганская, Новосибирская, Оренбургская области, Приморский край, Республика Тыва, Самарская, Свердловская, Ульяновская, Челябинская области
Новообразования	8	Костромская, Орловская, Брянская, Курская области, Республика Мордовия, Тамбовская область, Еврейская автономная область, Курганская область
Болезни системы кровообращения	9	Камчатский край, Магаданская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Карелия, Тверская область, Хабаровский край, Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область
Болезни органов дыхания	11	Амурская область, Ивановская область, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Смоленская область, Чувашская Республика, Иркутская, Кемеровская, Брянская, Магаданская, Новгородская области

Причины смерти	Количество регионов	Состав регионов
Болезни органов пищеварения	14	Республика Северная Осетия-Алания, Владимирская, Вологодская, Нижегородская, Саратовская, Сахалинская, Тульская, Удмуртская, Ярославская области, Чукотский автономный округ, Ивановская область, Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Новгородская область
Внешние причины смерти	10	Республика Алтай, Республика Тыва, Забайкальский край, Республика Бурятия, Курганская область, Еврейская автономная область, Амурская, Иркутская, Кемеровская, Сахалинская области

Для получения комплексной характеристики регионального профиля смертности мужчин в трудоспособном возрасте было осуществлено деление регионов России на группы с помощью кластерного анализа методом k-средних. Все субъекты РФ были разделены на три группы (табл. 2).

Таблица 2

Региональный профиль смертности мужчин трудоспособного возраста

Группа регионов	Количество регионов	Состав регионов
I группа	16	Белгородская область, Москва, Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Волгоградская область, Ростовская область, Ставропольский край, Тюменская область
II группа	52	Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская области, Республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, Республики Калмыкия, Башкортостан, Мордовия, Татарстан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Пермский край, Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская, Свердловская, Челябинская области, Республика Хакасия, Алтайский край, Новосибирская, Омская, Томская области, Республика Саха, Камчатский край, Хабаровский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ
III группа	12	Республика Марий Эл, Самарская область, Курганская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Забайкальский край, Иркутская область, Кемеровская область, Амурская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область

Показатели смертности по причинам смерти, а также ожидаемая продолжительность жизни мужчин в выделенных группах статистически значимо различались (табл. 3). Проверка статистической значимости различий между группами осуществлялась с помощью дисперсионного анализа с последующим апостериорным сравнением групп. Наиболее благоприятными для жизни мужчин являются регионы первой группы, в которую вошли 16 субъектов Российской Федерации. Для этих регионов характерны самые низкие показатели смертности мужчин в трудоспособном возрасте, и самая высокая ожидаемая продолжительность жизни (68,3 года), на три года выше, чем в среднем по России (65,3 года).

**Средние значения показателей смертности мужчин
трудоспособного возраста для каждой группы регионов**

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа
Число регионов	16	52	12
Коэффициент смертность от инфекционных и паразитарных заболеваний, чел. на 100 тыс. лиц трудоспособного возраста	31	38	75
Коэффициент смертности от новообразований, чел. на 100 тыс. лиц трудоспособного возраста	88	121	115
Коэффициент смертности от болезней системы кровообращения, чел. на 100 тыс. лиц трудоспособного возраста	108	320	300
Коэффициент смертности от болезней органов дыхания, человек на 100 тыс. лиц трудоспособного возраста	27	50	59
Коэффициент смертности от болезней органов пищеварения, чел. на 100 тыс. лиц трудоспособного возраста	47	76	73
Коэффициент смертности от внешних причин, чел. на 100 тыс. лиц трудоспособного возраста	160	297	443
Продолжительность жизни, лет	68,3	63,7	61,1

Регионы второго кластера составили самую многочисленную группу – 52 региона (или 65% от общего числа субъектов РФ). Для них характерна более высокая по сравнению с регионами других групп смертность мужчин от новообразований, болезней системы кровообращения и болезней органов пищеварения. Средняя продолжительность жизни мужчин, проживающих в данных регионах, на 4,6 года меньше, чем мужчин, живущих в регионах первой группы, и на 1,6 года меньше среднероссийского уровня.

Самая неблагоприятная ситуация наблюдается в 12 регионах третьей группы. В них самая высокая смертность мужчин трудоспособного возраста от инфекционных и паразитарных заболеваний, болезней органов дыхания, а также внешних причин. Мужская смертность от внешних причин в регионах этой группы в 2,8 раза превышает смертность мужчин из регионов первой группы и 1,5 раза – из регионов второй группы. Средняя продолжительность жизни мужчин регионов третьей группы на 7,2 года меньше мужчин, проживающих в благополучных районах, и на 2,6 года – мужчин, проживающих в регионах второй группы.

Проводимая государством политика по снижению смертности населения России требует учета региональных особенностей смертности российских мужчин трудоспособного возраста и разработки мер, направленных на профилактику различных заболеваний, с учетом регионального профиля мужской смертности.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года» (с изменениями и дополнениями от 1 июля 2014 г.).
2. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 294 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения».

Интернет источники

3. Доклад о состоянии здравоохранения в Европе, 2012 г. Курс на благополучие. Всемирная организация здравоохранения. 2012. – 170 с. – Режим доступа: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0011/196985/EHR2012-EXECUTIVE-SUMMARY-RUS.pdf (Дата обращения: 08.11.2015).
4. Демографический ежегодник России. 2014: Стат.сб. /Росстат. – М., 2014. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (Дата обращения: 08.11.2015).

Павлов Борис Сергеевич,

доктор философских наук, профессор,

действительный член МАН и РАЕН,

Институт экономики УрО РАН,

г. Екатеринбург, Россия

Сарайкин Дмитрий Андреевич,

кандидат биологических наук,

доцент кафедры безопасности

жизнедеятельности и медико-биологических дисциплин

Челябинского государственного

педагогического университета,

г. Челябинск, Россия

Шевелёва Оксана Раисовна,

аспирантка

Физико-технологического института

Уральского федерального университета,

г. Екатеринбург, Россия

ГЕНДЕРНАЯ КОМПОНЕНТА ПРОЦЕССА ВОСПРОИЗВОДСТВА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНЖЕНЕРНОГО КОРПУСА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА

В статье анализируются актуальные проблемы организации системы подготовки инженерных кадров на Урале. Главный «корень» низкого престижа профессии «инженер» в России, пробуксовки в подготовке таких кадров в технических вузах, таится в обесценивании инженерного труда, снижения его социальной и экономической привлекательности. Разрыв связи науки, образования и промышленности ведёт к старению инженерного кадрового корпуса на предприятиях, к уходу наиболее талантливых инженеров в другие сферы деятельности. Авторы показывают, что формирование инженерной компетенции как определяющего профессионально-личностного качества специалиста предполагает актуализацию мотивации студента, его активную, целеустремлённую адаптацию к учебному процессу, повышения его ответственности за усвоение учебной программы. В статье актуализируется проблема выработки «теории социально-профессионального конструирования гендера». Последнее возможно за счёт поиска методологических и научно-практических подходов в разработке и реализации взаимоприемлемых «форм социально-экономического взаимодействия и взаиморасчёта» государства и института семьи за участие последнего в решении актуальной задачи кадрового обеспечения инженерного корпуса для нужд региональной экономики. Выводы и предложения авторов базируются на результатах комплексных социологических исследований, проведённых ими в 2007-2015 гг. в ряде промышленных городов Урала.

Ключевые слова: жизненные планы молодёжи, вуз, гендер в профессии, инженер, качества специалиста, образовательные услуги, профессиональная социализация, репродуктивный труд, риски жизнеобеспечения, рынок труда, работодатели, уральские предприятия.

E-mail: pavlov_boris@mail.ru; saraying@cspu.ru

Pavlov Boris S.,

Doctor of philosophical sciences, Professor,
Member of IAAS and Academy of Natural Sciences,
Institute of Economics Ural branch of RAS,
Yekaterinburg, Russia

Saraikin D. A.,

PhD of biological sciences,
Associate Professor of the department of Life
Safety and Medico-Biological Disciplines
of the Chelyabinsk State Pedagogical University,
Chelyabinsk, Russia

Sheveleva Oksana R.,

postgraduate student,
Physics and Technology Institute
of the Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

THE GENDER COMPONENT OF THE PROCESS OF REPRODUCTION AND USE OF THE ENGINEERING CORPS IN THE INDUSTRY OF THE URALS

The article analyzes the current problems of the organization of the training engineers in the Urals. The main «root» of the low prestige of the «engineer» in Russia, slip in the preparation of personnel in technical colleges, lies in the devaluation of engineering work, reducing its social and economic attractiveness. The gap between science, education and industry leading to an aging engineering corps personnel in enterprises, to the care of the most talented engineers in other fields of activity. The authors show that the formation of engineering competence as a determinant of professional and personal quality specialist involves updating the motivation of the student, his active, purposeful adaptation to the educational process, increasing its liability for the assimilation of the curriculum. The article is updated development problem «theory of socio- professional construction of gender.» This is possible due to search me-methodologically scientific and practical approaches to develop and implement mutually acceptable «forms of social and economic mutual cooperation and mutual settlements» of the state and the institution of the family for the last part in solving the actual problem of staffing the engineering building for the needs of the regional economy. Conclusions and suggestions of the authors based on the results of complex co-sociological studies conducted by them in 2007 -2015 years in a number of industrial-governmental cities in the Urals.

Keywords: the life plans of young people, high school, gender in profession, engineer, quality specialist, educational service, professional socialization, reproductive labor, risks livelihoods, the labor market, employers, ural enterprise.

E-mail: pavlov_boris@mail.ru; saraying@cspu.ru

В условиях неустойчивого социально-экономического развития и активно идущих процессах обновления и интенсификации промышленного производства одной из приоритетных задач российской экономики является воспроизводство кадрового корпуса инженеров, конкурентоспособных не только на региональных рынках труда. Актуализировалась задача повышения эффективности использования профессионального потенциала научно-технических кадров в проектировании, производстве и эксплуатации отечественной техники, способной конкурировать с аналогичными образцами продукции передовых развитых стран.

Главный «корень» низкого социально-экономического престижа профессии «инженер» в России, пробуксовки в подготовке таких кадров в технических вузах, таится в своеобразном «обесценивании» инженерного труда, снижении его социальной и экономической привлекательности. Разрыв связи науки, образования и промышленного производства ведёт к старению инженерного кадрового корпуса на предприятиях, к уходу наиболее талантливых инженеров в другие сферы деятельности [6]. Свой вклад в обострение проблемы в этой сфере трудоузанятости вносят объективно необоснованные гендерные ограничения. В общественном сознании и в реальном секторе экономики традиционно устоялось мнение об инженерном труде как прерогативе занятости мужчин, имеющих к этому виду труда (*в отличие от женщин*) особые психофизиологические задатки, устремления, способности, умения и навыки [2].

В свою очередь, конструирование женской идентичности непосредственно связывают со специфичным для женщины со своеобразным «женским опытом». Он начинает создаваться благодаря особенностям социализации девочек с младенческого возраста, так как родители создают гендерно-нормированный образ новорожденного ребенка (бантики, длинные волосы, нарядные платья и т. п.), а также поощряют гендерно-нормированное поведение (нерешительность, эмпатийность, пассивность и т. п.). В процессе воспитания семья (в лице родителей и родственников), система образования (в лице воспитательниц детских учреждений и учителей), культура в целом (через книги и средства массовой информации) внедряют в сознание детей гендерные нормы, формируют определенные правила поведения и создают представления о том, кто есть «настоящий мужчина» и какой должна быть «настоящая женщина».

Теория социального конструирования гендера, которой придерживаются авторы статьи, основывается на двух постулатах:

- 1) гендер конструируется (строится) посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, семьей, средствами массовой информации;
- 2) одновременно гендер конструируется и самими индивидами – на уровне их сознания (т. е. гендерной идентификации), принятия (*или, непринятия*) заданных обществом норм и ролей и подстраивания под них (в одежде, внешности, манере поведения, предметах и объектах занятости и т. д.).

Эта теория активно использует понятия гендерной идентичности, гендерной идеологии, гендерной дифференциации и гендерной роли. При этом гендерная идентичность означает, что человек принимает определения мужественности и женственности, существующие в рамках своей культуры.

Эти особенности отражаются на выборе направленности профессиональной социализации молодых людей в процессе их онтогенетического развития.

Заявленная нами в статье проблема гендерного аспекта воспроизводства корпуса инженерных кадров предполагает анализ социализационного процесса молодых людей (в первую очередь, женской молодёжи) с позиций подготовки их к выполнению двух основных видов жизнедеятельности: *репродуктивной* (рождение и воспитание потомства, в рамках матримонимального поведения) и *профессионально-производственной* (ориентация и готовность к инженерному труду – в сфере общественной трудовой занятости). Учитывая это, с определённой долей условности, можно выделить три основных этапа целенаправленной профессиональной социализации женской молодёжи с ориентацией на последующий инженерный труд: этап I. – «ОРИЕНТАЦИЯ»; этап II – «ОСВОЕНИЕ»; этап III – «РЕАЛИЗАЦИЯ»

Кратко остановимся на некоторых аспектах обозначенной проблемы. При этом нами будут использованы результаты наших исследований, в частности:

- 2007 г. – опрос 200 экспертов по проблемам женской трудоузанятости в пяти субъектах РФ, входящих в УрФО – в дальнейшем условное обозначение – «Урал -2007»;

- **2013 г.** – опрос 510 учащихся средний и старших классов 15 общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга связанный с анализом процесса подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши – 46%, девушки – 54%) и, соответственно, ЗАТО «Лесной» – 300 человек – **«Урал-2013»**;
- **2015 г. (март-апрель)** – опрос 450 студенток старших курсов по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург): в выборку были включены 225 студенток, обучающихся в институтах технического (инженерного) профиля (**в дальнейшем аббревиатура – «Т»**), и 225 – соответственно гуманитарного профиля (**«Г»**) – **«Урал-2015»**.

Общим для всех этапов профессиональной социализации российской молодёжи (в том числе, естественно, и женской) выступает характер состояния внешней социально-экологической среды взросления с теми рисками, которые она порождает. Можно заключить, считает О.Н. Яницкий, что российское общество постепенно трансформируется в общество всеобщего риска. В самом деле, производство и распространение рисков приобретают всеобщий и экстерриториальный характер, охватывая в равной мере индустриальную систему, социальные институты, повседневную жизнь и биосферу. «Несущая способность систем жинеобеспечения населения многократно превышена. Поскольку социальная жизнь обременена нарастающей чередой больших и малых рисков, опасность, рискозависимость становятся нормами повседневной жизни» [8. С. 48]. Подобный вывод, при всей его жестокости, не лишён оснований и служит подтверждением актуальности исследований, связанных с осуществлением жизненного пути россиян, с освоением социальных ролей и статусов в различных сферах своей жизнедеятельности. Попробуем, хотя бы, схематично соотнести различные виды и ситуации риска (условия, предметы риска), сопровождающие процесс социализации нашего современника – молодого россиянина. Кратко обозначим характер рисков на выделенных нами трёх, хотя и взаимосвязанных и взаимообусловленных, но сравнительно самостоятельных этапах профессиональной социализации.

Этап I. «ОРИЕНТАЦИЯ»:

- вероятность неблагоприятной генной наследственности и приобретения врождённых пороков;
- условия прекоцепционного и перинатального периодов развития ребёнка;
- жилищно-коммунальные и валеологические условия ухода за новорожденным в роддоме, в семье, ДДУ;
- решение о возобновлении матерью работы в общественном производстве;
- направленность развития первичных социокультурных потребностей и условия проявления задатков, наклонностей, способностей
- условия освоения ребёнком, подростком основ и норм физической культуры;
- деформация межпоколенных отношений в родительской семье;
- аноμία к учебной деятельности;
- опасность приобщения к группам асоциального поведения;
- опасность закрепления паразитического образа жизни, «ненужности» и «необязательности» участия в общественно полезном труде;
- первичный выбор будущей профессии.

Этап II. «ОСВОЕНИЕ»:

- выбор конкретного вуза (учебного заведения) для профессиональной учёбы;
- выбор средств (финансовых, организационных и т.д.) для достижения поставленных целей;
- направленность жизненных интересов и устремлений;
- характер и направленность предбрачного поведения;

- риск формирования муже- или женофобии;
- развитие половой импотенции, – опасность заражения венерическими заболеваниями.

Этап III. «РЕАЛИЗАЦИЯ»:

- социально-профессиональная адаптация в сфере производства;
- направленность, содержание и характер дополнительного образования, дополнительных профессий;
- формирование ценностных ориентаций на теневые формы трудоустройства;
- деформации представлений об оптимальной и приемлемой модели семьи;
- ориентация на определённый общественно осуждаемый характер супружеских и внутрисемейных отношений;
- ориентация на тот или иной уровень детности;
- характер предпочтения в сфере досуговых занятий.

Некоторое представление о реальных рисках жизнедеятельности уральских подростков дают результаты нашего опроса «Урал-2013». «Чего ты боишься больше всего в своей жизни?» – на этот вопрос мы попросили ответить тинейджеров в двух уральских городах. Вот какие были получены нами ответы (% от общего числа опрошенных по каждому уральскому городу; в числителе – ответы школьников г. Екатеринбурга N= 510 человек; в знаменателе – ЗАТО «Лесной» N= 300 человек):

I. Потеря родителей, близких:

- боязнь потерять родителей	- 86 / 78
- боязнь болезни, травмы родителей	- 67 / 58
- боязнь потерять друзей	- 43 / 50

II. Насилие, бедствие, потеря свободы:

- боязнь подвергнуться физическому насилию, быть изувеченным, избитым	- 46 / 40
- боязнь попасть в тюрьму, колонию	- 39 / 32
- боязнь быть незаслуженно обвиненным в преступлении	- 38 / 35
- боязнь оказаться заложником в результате теракта	- 33 / 35
- боязнь быть ограбленным, обворованным в доме, квартире, саду	- 30 / 29
- боязнь пострадать от пожара	- 9 / 21

III. Собственное здоровье:

- боязнь привыкнуть к наркотикам	- 31 / 26
- боязнь привыкнуть к курению	- 27 / 24
- боязнь болезни, травмы своей	- 23 / 26
- боязнь привыкнуть к алкоголю	- 23 / 20
- боязнь отравиться продуктами питания	- 19 / 21
- боязнь быть покусанным собакой	- 18 / 14
- боязнь отравиться воздухом	- 7 / 6
- боязнь отравиться водой	- 6 / 3,5

IV. «Превратности судьбы»:

- боязнь не поступить в ВУЗ, колледж после школы	- 25 / 52
- боязнь быть наказанным богом за грехи	- 24 / 16
- боязнь потерять жилье, стать бомжем	- 18 / 34
- боязнь привыкнуть к азартным играм	- 15 / 16

Нетрудно видеть, что наибольшие страхи и тревоги у современных молодых уральцев вызывают возможные ситуации с потерей родителей, близких, угрозы физического насилия и оказаться изгоем социального окружения, в частности, быть втянутым в асоциальные формы поведения. При всей привлекательности подобной социальной ориентированности молодых

людей, в настоящее время она, к сожалению, во многом является иллюзорно-лицемерной. Особенно это касается отношения молодых людей к своему здоровью [1].

Кстати, о гендерных различиях в социально-валеологическом самочувствии подростков на Урале. Они зафиксированы нами лишь в части рискованных факторов их жизнедеятельности. Проиллюстрируем это на результатах опроса подростков из ЗАТО «Лесной» (% от общего числа опрошенных в группе; в числителе – ответы юношей, в знаменателе – девушек):

- боязнь потерять родителей	- 69 / 85
- боязнь не поступить в ВУЗ, колледж после школы	- 48 / 56
- боязнь болезни, травмы родителей	- 45 / 68
- боязнь потерять друзей	- 42 / 57
- боязнь привыкнуть к алкоголю	- 24 / 16
- боязнь привыкнуть к курению	- 23 / 25
- боязнь подвергнуться физическому насилию, быть изувеченным (ой), избитым (ой)	- 21 / 52

И ещё один из немаловажных аспектов социально-психологического самочувствия уральской молодёжи. Для молодых жителей средних и особенно, малых городов особо значимый риск приобретает опасность («боязнь») «непоступления» в ВУЗ, колледж после окончания школы» (в Екатеринбурге 25 %, в «Лесном» – 52 %).

В исследовании «Урал-2013» нами выяснялись некоторые вопросы, связанные с гендерными особенностями профориентации учащейся молодёжи (табл. 1).

Таблица 1

**Гендерные предпочтения уральских подростков при прожективном выборе своей будущей профессии, % от общего числа опрошенных юношей и девушек
(в числителе собственный выбор респондента, в знаменателе – советы его родителей)**

Профессии	Ю – человек	Д – человек
Профессиональный спортсмен	23 / 11	9 / 11
Юрист, адвокат, судья	16 / 16	16 / 15
Инженер	16 / 20	11 / 8
Депутат, политик	15 / 10	8 / 3
Экономист	15 / 9	15 / 13
Военный	12 / 17	5 / 5
Врач	12 / 19	18 / 26
Учитель	10 / 13	16 / 13
Депутат, политик	10	3
Психолог	8 / 11	18 / 8
Полицейский	5 / 9	10 / 7
Архитектор	5 / 7	7 / 8
Космонавт	5 / 5	0,7 / 2
Ветеринар	5 / 4	9 / 8
Агроном	4 / 0	0 / 0
Зоотехник	2 / 2	2 / 2

Для компетентного и заинтересованного читателя приведённые данные могут служить богатейшим материалом для рассуждений, оценок и выводов. Мы же ограничимся двумя ремарками. *Во-первых*, в таблице не отражено «голосование» молодых людей по целому ряду массовых рабочих профессий. Каждая из них набрала не более 1-3 % голосов. И, *во-вторых*, нельзя не обратить внимание на достаточно «скромное» голосование по поводу массовых профессий сельскохозяйственного производства. Несколько большую ориентацию городских

школьников на такую, традиционно сельскую профессию, как «ветеринар» мы связываем, прежде всего, с востребованностью этих специалистов в городе для лечения «декоративных» домашних животных, в первую очередь, собак и кошек [4].

Влияет ли гендерная идентичность при выборе абитуриентом ВУЗа профессии инженера, традиционно относимой к «чисто мужским профессиям»? Вот некоторые результаты опроса «Урал-2015». Приведём результаты ответов студенток УрФУ, проходящих обучение в различных профильных институтах университета (% от общего числа опрошенных по каждому профилю; в числителе ответы студенток – «технарей» – 225 человек, в знаменателе – «гуманитариев»):

1 «Чем вас привлекает (привлекал) ВУЗ, в котором Вы учитесь сейчас?»

- можно получить хорошую профессию, необходимую в рыночных условиях	- 78 / 70
- мне нравится специальность, на которой я учусь	- 60 / 68
- близость учебного заведения к дому, к семье родителей	- 32 / 19
- просто так сложились обстоятельства	- 28 / 0
- возможность учиться со своими друзьями, подругами («за компанию»)	- 6 / 23

2. «Припомните, что явилось для Вас определяющим фактором в выборе профессии, на которую Вы сейчас учитесь, при поступлении?»

- наличие склонности, интересов и способностей	- 43 / 31
- престижность, популярность профессии	- 23 / 22
- так сложились обстоятельства (поступил случайно)	- 21 / 6
- традиции семьи (желание быть похожим на отца, мать, брата, бабушку)	- 20 / 1,3
- желание приобрести материальную независимость	- 17 / 19
- хорошая успеваемость по естественным (гуманитарным) наукам	- 23 / 46

У будущих молодых женщин-инженеров в качестве дополнительных мотивов выбора этой «мужской профессии» было, %:

- востребованность и перспектива профессии	- 69
- быть уважаемым специалистом своего дела	- 22
- стремление творить, изобретать, конструировать	- 21

В рыночной экономике конкурентоспособность женщин на рынке труда (не являются здесь исключением и женщины-инженеры) представляет собой синтез экономической, социально-психологической, демографической составляющих. Экономический аспект включает производительность женского труда, работоспособность, профессиональную отдачу женщин-работниц, выгодность использования женского труда, качество выполнения женщинами их трудовых функций и др. К социально-психологической составляющей конкурентоспособности женщин можно отнести уровень их стартового общего и профессионального образования, квалификации, профессионализм, трудовую мотивацию, качественные характеристики личности женщин, особенности психологии, возможности адаптации к изменяющимся условиям и др. Демографический аспект – это возраст, брачное состояние женщины, количество детей и их возраст, здоровье, матримониальные (репродуктивные) планы и др. Учитывая это, конкурентоспособность рабочей силы женщины можно определить как интегральную величину качественных характеристик указанных аспектов, определяющих привлекательность женской рабочей силы для работодателей [5]. В нашем случае речь идёт о женской трудозанятости в сфере инженерного труда. Добавим к этому, что мы имеем в виду не только профессионально-производственную привлекательность.

Женщины, активно участвуя в преобразованиях российской экономики, меняют формы своей трудовой активности. При этом, основное социальное противоречие, сложившееся в сфере занятости россиянок, заключается в том, что, с одной стороны, рыночная модель поз-

воляет свободно развиваться женской экономической инициативе, самостоятельности, независимости в выборе форм занятости. С другой стороны, в условиях перехода к рынку женщины оказываются менее социально защищенными в сфере труда, чем мужчины. Нашим экспертам («Урал-2007») задавался вопрос «Представьте ситуацию: Вам необходимо выбрать и принять на освободившуюся вакансию (на рабочее место) молодую женщину-работницу. Итак, лишь три из пяти предлагаемых кандидатур (при условии их равного возраста и уровня квалификации, здоровья и т.п.) Кого Вы предпочтете?» (табл. 2).

Таблица 2

Предпочтения уральских предпринимателей в приёме на работу молодых женщин, % от общего числа опрошенных по каждому субъекту РФ

Предпочтения в приеме на работу		Субъекты РФ				
		области Урала			ХМАО	ЯНАО
		Свердловская	Тюменская	Челябинская		
Предпочли бы принять на работу специалистов-женщину						
незамужнюю, бездетную		28	24	38	24	26
семейную, живущую с мужем	без детей	15	21	24	17	5
	один ребёнок	43	57	40	43	21
	двое детей	63	43	43	40	39
молодую мать, воспитывающую ребёнка без мужа		20	14	24	17	12
Семейное состояние роли не играет		43	57	60	48	65

Предприятия, предприниматели, организаторы производства сегодня не желают брать на себя «обузу» по воспроизводству человеческого потенциала, а зачастую и воспроизводство рабочей силы. В этом своеобразном «добровольном» отчуждении предпринимателей (бизнесменов) от насущных проблем демографической деятельности семей (в первую очередь, молодых) коренятся причины плачевного состояния системы общественного призрения и воспитания детей (детское дошкольное воспитание, организация трудового воспитания школьной молодёжи, организация летнего оздоровительного отдыха детей, развитие физической культуры и спортивной деятельности). Эти заботы государство переложило преимущественно на плечи семьи [3].

Особый интерес представляет оценка соизмеримости, с одной стороны, трудового вклада женщины в тот или иной вид своих занятий (временные и количественно-качественные показатели) и, с другой, его социально-экономической оценки (эквивалентная оплата труда, общественно значимое признание). Вследствие ухода женщины из общественного производства для рождения и воспитания детей страдает ее профессиональная квалификация и снижается потенциальная возможность роста оплаты ее труда в будущем. Поэтому естественно, что женщины с наиболее высоким образовательным и профессиональным цензом имеют наименьшее число детей. Нельзя не видеть, что все эти соображения справедливы, отражают реальное положение вещей и имеют самое непосредственное отношение к детерминации рождаемости и к ее социальной дифференциации. С одной стороны, вследствие сложности совмещения женщиной производственной и домашней работой, а, с другой, снижением благосостояния семьи в период «отвлечения» работницы на репродуктивную деятельность.

Выполнение семьёй основной её социально-биологической функции по воспроизводству потомства (рождение детей, их взращивание и воспитание обусловлено и тесно взаимосвязано с реализацией других актуальнозначимых социально-экономических функций семейной группы. К последним, в первую очередь, относится экономическая функция (обеспечение материально-экономической базы существования семейной группы – производительная деятельность) и хозяйственно-бытовая функция (организация и обеспечение повседневной и

перспективной потребительской деятельности членов семьи – потребительская деятельность). В качестве основного субъекта этой деятельности выступает женщина в трёх её функциональных социально-биологических ипостасях: а) социально-биологическое материнство (материнский труд); б) организатор и «хранитель домашнего очага» (домашний бесплатный труд); в) «второй (иногда первый) кормилец» семьи (производственный оплачиваемый труд женщины в общественном производстве).

Если говорить о проблеме эффективности «чисто материнского труда», то в настоящее время социологи ограничиваются, как правило, исследованием проблем мотивации женщин на деторождение, связанных с материально-экономическими стимулами, в частности компенсационные льготы в решении жилищного вопроса молодой семьи, достаточности «материнского капитала» и других социальных благ и привилегий. Практически не исследуется взаимосвязь успешности профессиональной карьеры женщины (в нашем случае, представителя технической интеллигентности) и её семейного образа жизни, демографического поведения.

В рыночной экономике конкурентоспособность женщин на рынке труда представляет собой синтез экономической, социально-психологической, демографической составляющих. Экономический аспект включает производительность женского труда, работоспособность, профессиональную отдачу женщин-работниц, выгодность использования женского труда, качество выполнения женщинами их трудовой функции и др. К социально-психологической составляющей конкурентоспособности женщин можно отнести уровень их стартового общего и профессионального образования, квалификации, профессионализм, трудовую мотивацию, качественные характеристики личности женщин, особенности психологии, возможности адаптации к изменяющимся условиям и др. Третий – демографический аспект – это возраст, брачное состояние женщины, количество детей и их возраст, здоровье, матримониальные (репродуктивные) планы и др.

Учитывая это, конкурентоспособность рабочей силы женщины можно определить как интегральную величину качественных характеристик указанных аспектов, определяющих привлекательность женской рабочей силы для работодателей. Студенткам УрФУ предлагалось ответить на два вопроса: а) «Что, по Вашему мнению, необходимо для того, чтобы молодому специалисту, женщине-инженеру, быть уверенным в получении работы, не быть уволенной? Отметьте не более 7-8-ми вариантов; б) «Что из перечисленного представляет для Вас особую трудность?» («Урал-2015»). Полученные результаты представлены ниже (% от общего числа опрошенных – 450 человек; в числителе ответы на вопрос «а», в знаменателе – вопрос «б»):

- относиться серьезно к работе	- 71 / 9
- хорошая ориентация на рынке труда	- 46 / 6
- контактность, коммуникабельность	- 41 / 6
- привлекательная внешность	- 29 / 30
- не обзаводиться ребенком	- 28 / 17
- навыки ведения бизнеса	- 28 / 25
- универсальная специальность	- 25 / 3
- работа на компьютере	- 23 / 2
- иностранный язык	- 22 / 42
- не выходить замуж	- 15 / 18
- несколько дипломов, профессий	- 14 / 35
- иметь хорошее здоровье	- 14 / 4 (!)
- влиятельные родственники	- 12 / 8
- водительские права	- 11 / 14
- правовая подготовка	- 6 / 5
- ничто не застрахует	- 9 / -

Эффективность организации и использования физического и духовного потенциала семейных женщин-работниц (в нашем случае – инженеров-женщин), оценка предпринимателями и государством его качественных и количественных показателей, их экономическая и нравственно-этическая «взаимоувязка» является сегодня решающим средством, пока слабо используемым резервом активизации демографического поведения семьи технической интеллигенции в России, активизации репродуктивной, экономической и социокультурной деятельности молодых инженеров-матерей, повышения их социализационного (воспитательного) потенциала и обеспечение его эффективной реализации.

Среди латинских сокращений и выражений, переживших десятки веков, мы находим следующее «*Extremis malis, extrema remedia*», что в переводе на русский язык означает: «против серьезных болезней нужны сильные средства». Древнее поучение как никогда актуально и правомочно применительно к семейной политике в России, стремящейся перейти от депопуляционных тенденций к благоприятному режиму расширенного воспроизводства нации.

Сегодня нередко в кругу интеллигенции, особенно среди феминистически настроенных женщин, можно столкнуться с мнениями о, якобы, «объективно» угасающей потребности в детях, об альтернативности бездетных браков, о «ненужности» многодетных семей и т.п. Вряд ли можно признать правомочной такую позицию. Дабы не быть голословными, обратимся к мнению 450 студенток УрФУ. В опросе «Урал-2015» нашим респондентам задавался вопрос: «Какие планы у Вас лично после окончания ВУЗА (в течение последующих 3-5 лет)?». Вот как распределились ответы по наиболее значимым жизненным проявлениям (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе – ответы студенток- «Т» – 225 человек; в знаменателе – «Г» – 225 человек):

- найти хорошее место работы по специальности, полученной в вузе, которое бы устраивало меня по всем позициям	- 85 / 44
- выйти замуж, образовать семью	- 68 / 46
- материально «крепко встать на ноги» (купить квартиру, машину, хорошо зарабатывать и т.д.)	- 64 / 61
- родить ребёнка	- 45 / 46
- постараться уехать работать и жить в другую страну	- 29 / 0
- продолжить учиться, освоить другую профессию	- 30 / 10
- сделать политическую (общественную) карьеру	- 0 / 23
- уйти в науку	- 0 / 10

Полученные данные, на наш взгляд, могут заставить серьёзно задуматься не только компетентных и заинтересованных в своём деле организаторов подготовки инженерных кадров на Урале (и, не только на Урале), но организаторов промышленного производства и общественно-политической жизни страны. Взять, хотя бы, две позиции из проективных планов будущих инженеров-женщин – «полный бойкот» сферы науки и политической карьеры.

Весьма важен для нас и другой вывод, который позволяют сделать результаты проведённого опроса. Подавляющее большинство будущих инженерных кадров «с женским лицом» оптимистично строят свои жизненные планы на получение хорошей высокооплачиваемой инженерной работы, на создание крепкой семьи и рождение потомства. Кстати, каждая третья молодая женщина «планирует» рождение ребёнка в течение первых трёх лет после получения диплома инженера. А на вопрос: «Как Вы считаете, сколько должно быть детей в «нормальной» семье на Урале?» лишь пятеро из 450 опрошенных (около 1%) подчеркнули вариант «ни одного». Ответы остальных распределились так: вариант «один ребёнок» – отметили 6 % студенток; вариант «двое» – 62 %; соответственно – «трое» – 28 % и «четверо и более» – 3 %.

В своё время замечательный русский хирург и педагог Н.И. Пирогов писал: «...итак, пусть женщины поймут свое высокое назначение в вертограде человеческой жизни. Пусть поймут, что они, ухаживая за колыбелью человека, учреждая игры его детства, научая его уста лепетать и первые слова, и первую молитву, делают главными зодчими общества» [7. С. 51].

Трудно не согласиться с этим определением места и роли женщины в строительстве общества. Хочется пожелать, чтобы эти мысли разделяли и те мужчины, от которых зависит строительство и реализация семейной политики в России, создание для женщин благоприятных условий для рождения и воспитания детей, для успешной и желанной реализации ими своего высшего социально-биологического предназначения.

Подведём некоторые итоги и выскажем наши концептуальные предложения в решении обозначенной проблемы. В конце XX- начале XXI-го веков резко увеличился интерес к решению ключевых проблем социально-экономического воспроизводственного процесса, в частности, к деформации демографического поведения российского населения, не обеспечивающего даже его простое воспроизводство. Как известно, основным субъектом и объектом государственной (соответственно и региональной) демографической политики традиционно являлся и является социальный институт семьи. Сквозной составляющей реализуемых ныне, таких государственных социально-экономических политик, как демографическая, семейная, молодёжная, образовательная, промышленная и некоторые другие, является гендерная детерминанта.

Актуализировалась необходимость разработки обоснованной научно-методической концептуальной модели текущих и перспективных мер государства (на уровне регионов), связанных с созданием своеобразного институционально-целевого коридора организации процесса перманентного воспроизводства инженерных кадров для нужд региональной экономики с учётом гендерной компоненты. Создание такого «коридора», по мнению авторов, позволяло бы оптимизировать, с одной стороны, решение задач гендерной политики в сфере трудового воспитания, профориентации, профотбора, профессионального обучения и профессионально-производственной трудозанятости молодых женщин-специалистов в качестве инженеров. С другой стороны, процесс реализации трудового потенциала и успешная профессиональная карьера женщин-работниц (в нашем случае – инженеров-женщин) во взаимосвязи с гендерными характеристиками и биосоциальными возможностями позволяет более предметное и эффективное участие молодых женщин в семейном строительстве, в активизации своего социальнозначимого демографического поведения. К основным компонентам последнего следует отнести, прежде всего, здоровый семейный образ жизни и оптимальное воспроизводство количественных и качественных параметров потомства.

Список литературы

1. Миронов М. П., Павлов Б. С., Попов В. Г. Выбор и освоение профессии риска как социологическая проблема (На материалах учебных заведений ГПС МЧС). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, УрАГС. 2005. – 230 с.
2. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала). – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2014. – 575 с.
3. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала региона как предмет сотрудничества властных структур и семьи // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 25. – С. 2-11.
4. Павлов Б.С. К вопросу о социально-поселенческой ассимиляции сельской молодежи в уральских городах // Социология города. – 2014. – № 4. – С. 15-26.
5. Павлов Б.С., Козлов В.Н., Бердник Л.П. Молодая мать на региональном рынке труда: позиции уральских работодателей // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 31. – С. 86-95.
6. Павлов Б.С., Сиражетдинова А.А. Формирование кадрового корпуса инженеров на Урале: социологический аспект // Экономика региона. – 2012. – № 1. – С. 62-75.
7. Пирогов Н.И. Избр. педагогические сочинения. – М. Педагогика, 1985.
8. Яницкий О.Н. «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска» // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2. – № 2.

Попова Наталья Викторовна,
кандидат философских наук, доцент кафедры организации работы с молодежью
Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

Терентьев Иван Сергеевич,
магистрант кафедры организации работы с молодежью
Уральского федерального университета
имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ ЛЬГОТЫ МОЛОДЫХ РАБОТНИКОВ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье ставится проблема социальных льгот молодых работников на промышленном предприятии как фактора экономической безопасности предприятия. Рассматриваются вопросы социального самочувствия молодых работников, реализации молодежных и социальных программ на промышленных предприятиях. На основе опыта ОАО «Соликамскбумпром» проводится анализ Коллективного договора в части предоставления социальных льгот молодым работникам, в том числе материальной помощи при поступлении на работу после окончания высших учебных заведений и службы в армии, при рождении ребенка. Делается вывод о необходимости наличия корпоративных молодежных социальных программ и системы мониторингов социального самочувствия и эффективности реализации молодежных и социальных программ на предприятии, которые в конечном итоге определяют и социальное развитие молодых работников, и являются индикатором социально-демографической ситуации как в стране, так и на предприятии.

Ключевые слова: предприятие, социальные льготы, социальные программы, экономическая безопасность, социальное самочувствие, молодежные программы, молодой работник, мониторинги эффективности реализации программ.

E-mail: NV_Popova@mail.ru; terenteyv.i.s@mail.ru

Popova Natalia V.,
PhD of Philosophical Sciences, Associate Professor of the department
of Work with Youth Foundation, Ural Federal University named after the
first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
Terentiev Ivan S.,
master student of the department of Youth Foundation, Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

SOCIAL BENEFITS FOR YOUNG WORKERS AS A FACTOR OF ENTERPRISE ECONOMIC SECURITY

The article raises the issue of social benefits for young workers in the industrial enterprise as a factor of company economic security. It is viewed issues of young workers social well-being, the implementation of youth and social programmes in industrial enterprises. Based on the experience of JSC "Solikamskbumprom", it is analyzed the Labour contract in a part of providing social benefits to young workers, including financial assistance, when they start work after graduating from high schools and after military service, or when child is born. It is concluded that it is necessary to have corporate social youth programmes and monitoring systems of social well-being and effectiveness of implementation of youth and social programmes in the enterprise, which finally determine social development of young workers, and are an indicator of the socio-demographic situation both in the country and in the company.

Keywords: enterprise, social benefits, social programmes, economic security, social well-being, youth programmes, young worker, monitoring of effectiveness of programmes implementation.

E-mail: NV_Popova@mail.ru; terenteyv.i.s@mail.ru

Для российских предприятий проблема человеческого фактора в управлении имеет особую важность. За время реформ произошли качественные изменения в системе управления производством. Одновременно это сопровождалось и серьёзной перестройкой структуры рабочей силы, вызванной как социально-экономическими, так и социально-демографическими факторами. Массовая трудовая миграция, снижение рождаемости и многие другие демографические факторы привели к изменению спроса и предложения рабочей силы на рынке труда, к изменению соотношения поколений в рабочей силе.

В настоящее время промышленные предприятия разрабатывают комплекс мер, направленных на привлечение, удержание и адаптацию на предприятии молодых сотрудников, обладающих уровнем квалификации, соответствующих потребностям компании, а также их развитие и повышение эффективной трудовой деятельности. Повышенное внимание к проблемам молодёжи объясняется её особой ролью в общественном воспроизводстве. С одной стороны, молодёжь можно рассматривать как наиболее инициативную и инновационную часть социума. С другой стороны, на рынке труда эта группа является одной из наиболее уязвимых. В России проблематика, связанная с формированием обновлённых моделей социальной политики предприятий в отношении молодёжи, приобретает особое значение в контексте обсуждения влияния демографических процессов на динамику трудовых ресурсов. Одним из факторов привлечения молодёжи на предприятие является активизация бизнеса в отношении социальной поддержки молодых работников и молодых семей.

Необходимо отметить, что Трудовой Кодекс РФ не содержит понятия «молодой специалист». Однако оно встречается в различных нормативных правовых актах, регулирующих трудовые и иные непосредственно с ними связанные отношения с участием молодых специалистов. Так, например, под молодым специалистом в Коллективном договоре ОАО «Соликамскбумпром» понимается работник в возрасте не старше 35 лет, без уточнения образовательного уровня или трудового стажа. Понятие «Молодая семья» Коллективный договор не раскрывает, поэтому поддержка «молодой семьи» на предприятии осуществляется через ряд гарантий и компенсаций молодым работникам, реализуемых специализированными корпоративными службами: самостоятельно или в партнёрстве с профсоюзами. Задача профсоюза – детализировать эту проводимую на предприятии социальную политику и сделать так, чтобы она как можно менее зависела от сиюминутных проблем. Профсоюз заинтересован в закреплении мероприятий по социальной поддержке молодёжи в Коллективном договоре.

Наиболее отчётливой тенденцией в решении проблем привлечения молодёжи является восстановление контактов с профильными учреждениями начального, среднего и высшего профессионального образования. Так, в рамках реализации Программы целевого обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования: в Пермском национальном исследовательском политехническом университете, Уральском государственном лесотехническом университете, Вятском государственном университете, – обучаются 52 работника ОАО «Соликамскбумпром». Отбор кандидатов на заключение договора на обучение происходит на заседании комиссии, в состав которой входят директор по персоналу, главный инженер, главные специалисты и начальник отдела по развитию персонала. После утверждения кандидатур на целевое обучение с ними заключается ученический договор, в рамках которого предприятие оплачивает не только обучение в высшем образовательном учреждении, но и выплачивает стипендию. Студент же обязуется после окончания обучения проработать на предприятии определённое время в зависимости от срока обучения. Профессиональная ориентация, проводимая в ОАО «Соликамскбумпром» в рамках программ «Среда развития» и «Школа бумажника», которые составляются ежегодно, начинается в школах города, где основные усилия направлены на корректировку негативного имиджа занятости в промышленности и формирование привлекательного бренда работодателя. При работе со средними и

высшими профессиональными учреждениями ОАО «Соликамскбумпром» решает стратегическую цель кадровой политики в отношении молодёжи: воспитание и образование молодёжи инженерной и рабочей специальности, руководствуясь при этом «Положением об организации и проведении практики студентов образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования в ОАО «Соликамскбумпром».

Для адаптации и закрепления молодёжи на рабочих местах реализуется комплекс мер, связанных с предоставлением дополнительных социальных льгот, обеспечением возможности повышения квалификации и адаптации. В целях адаптации вновь принятых работников используется институт наставничества: молодой специалист или рабочий, впервые попавший на предприятие, закрепляется за более опытным коллегой, который непосредственно на рабочем месте проводит его обучение и первое время контролирует его обучение. Примером может служить заводское «Положение об адаптации молодых специалистов». Данная система комплексная: она включает образовательные компоненты, адаптацию, развитие навыков, корпоративное вовлечение и итоговую оценку.

С учётом специфических потребностей молодёжи в Коллективном договоре ОАО «Соликамскбумпром» закреплены дополнительные, помимо тех, которые указаны в Трудовом Кодексе и Федеральных законах, меры социальной поддержки, такие как единовременные выплаты, дополнительные дни отдыха, дополнительные выплаты при рождении ребенка и прочие. Предприятие выплачивает материальную помощь молодым работникам, поступившим на работу как после окончания высших учебных заведений, так и уволенным с военной службы. В целях материальной поддержки воспитания детей предусмотрена компенсация части оплаты за содержание детей в детском саду. Сохранив социальную сферу, ОАО «Соликамскбумпром» имеет три ведомственных детских дошкольных учреждения, в которые принимают преимущественно детей работников ОАО «Соликамскбумпром».

Решение проблемы обеспечения жильём молодёжи является не только наиболее важным стимулом для закрепления молодых работников на предприятии, но и основным стимулом для создания семьи и продолжения рода. В настоящее время решить жилищную проблему в полной мере не может ни одно предприятие. В то же время, на предприятии существует потребность в специалистах с инженерным образованием. С целью привлечения талантливой молодёжи с высшим техническим образованием, в «Соликамскбумпром» разработана программа содействия в приобретении жилья. Предприятие предлагает своим работникам отличную перспективу в трудоустройстве и обеспечении собственным жильём. В «Соликамскбумпром» возвращаются вчерашние практиканты, а сегодня дипломированные специалисты из вузов крупных городов, таких как Пермь, Екатеринбург и Киров. Решение квартирного вопроса поможет им закрепиться на предприятии. ОАО «Соликамскбумпром» заключает с молодыми специалистами соглашение о возмещении затрат на приобретение жилья. Предприятие обязуется компенсировать своим работникам около 70% от процентной ставки кредита, и, в результате, существенно снижается годовой процент по ипотеке. Специалист выплачивает за пользование кредитом всего 4 % годовых. Также предприятие берет на себя выплату 50 % от первоначального взноса по ипотечному кредиту. Одновременно предприятие компенсирует часть стоимости аренды жилья. Этими льготами пользуются, в основном, молодые работники без ограничения стажа работы на предприятии.

Локальные акты, издаваемые на предприятии, направлены не столько на стимулирование рождаемости, сколько на поддержку молодой семьи, предоставление дополнительного отпуска по беременности и родам, дополнительного пособия на воспитание ребёнка до полутора лет. ОАО «Соликамскбумпром», реализуя программы по поддержке молодёжи, в силу возможностей пытается решать проблему снижения численности населения г. Соликамска, как за счёт создания условий для рождения детей, так и за счёт миграции трудового ресурса

и закрепления молодёжи на предприятии, тем самым обеспечивая экономическую безопасность и своему предприятию.

Вместе с тем, отсутствует система мониторингов социального самочувствия и эффективности реализации молодежных и социальных программ на предприятии. Вопросы социального самочувствия работников, в том числе молодых работников (в возрасте до 30 лет) в производственных коллективах и на промышленных предприятиях достаточно актуальны, поскольку они напрямую связаны с социальным развитием самих молодых работников. Особенности современной социально-экономической реальности требуют от предприятия активного поиска новых резервов для решения задач успешного конкурентоспособного производства. В первую очередь ставка делается на человеческий капитал – на субъектные качества лиц и коллективов, на мотивацию работников к внедрению инноваций в сфере производства и управления [3.С.1]. Вместе с тем, на промышленные предприятия сегодня приходят молодые люди, сознательный период социализации которых совпал с периодом развития рыночных отношений в России и рыночной (индивидуализированной) психологии. Новое поколение не только получило новый опыт образования и профессиональной подготовки, но и начинает свою трудовую деятельность в обстановке острой кадровой конкуренции. На промышленном предприятии в работе с молодёжью необходимо учитывать социально-демографические и мотивационные особенности данной категории работников, чему и должна служить реализуемая здесь молодежная политика. Более того, в целях экономической безопасности предприятия, администрация должна отслеживать состояние социального самочувствия молодых работников, которое зависит не только от молодежной политики на конкретном предприятии, но и от внешних условий, в том числе от социальной, политической и экономической обстановки в городе.

Социальное самочувствие – достаточно сложный показатель социального мироощущения, и он несводим исключительно к уровню дохода. Хотя связь «социально – профессиональный статус – материальное положение – социальное самочувствие прослеживается [1.С.131]. Социальное самочувствие – интегральная характеристика удовлетворенности или неудовлетворенности человека своим положением, индикатор настроений и ориентаций [1.С.132].

Молодежная политика на предприятии и в организации (политика в отношении работающей молодежи) – система подходов, последовательных действий, направленных на достижение целей и решение задач, для поддержки работающей молодежи в профессиональном саморазвитии и решении социальных проблем. Основная цель молодежной политики на предприятиях – закрепить молодёжь на предприятии и уменьшить стартовые издержки на приём и адаптацию вновь принятых рабочих. Главные задачи молодежной политики на промышленных предприятиях: создание правовых, социально-экономических условий реализации молодыми работниками своего профессионального потенциала, социального становления, самореализации и участия молодежи в общественной и профессиональной деятельности; профессиональное воспитание и образование, адаптация работающей молодежи на производстве, создание условий для полноценной профессиональной самореализации; обеспечение карьерного роста молодых работников, способствующего повышению их социально-имущественного статуса, решение жилищных проблем; реализация общественно значимых инициатив, общественно полезной деятельности молодежи, молодежных организаций; реализация инновационного потенциала молодежи; создание условий для более полного включения работающей молодежи в политическую, социально-экономическую и культурную жизнь общества, в том числе средствами современных информационных технологий; расширение возможностей молодого человека в выборе своего профессионального пути; содействие культурному, духовному и физическому развитию молодежи [2.С. 59].

В связи с вышеизложенным предлагается:

1. Введение раздела «Реализация молодежных социальных проектов и программ» в программу «Молодежь ОАО «Соликамскбумпром», где предусмотреть и систематизировать направления работ со всеми категориями молодых работников в части предоставления социальных льгот и реализации заводских социальных программ, финансово их обеспечив. Положительным моментом будет и то обстоятельство, что сама молодежь предприятия станет самостоятельным и активным субъектом молодежной политики и почувствует себя хозяином своей собственной судьбы и семейной жизни, а также заботу трудового коллектива.

2. Проведение два раза в году мониторинга «Социального самочувствия работников предприятия», а также мониторингов эффективности реализации социальных программ, в том числе программы «Молодежь», «Адаптация вновь принятых молодых работников на предприятии». При проведении данных мониторингов главная цель – проследить динамику эффективности работы по указанным выше направлениям. В ходе мониторингов должны изучаться как объективные (статистические данные, такие как: уровень заработной платы; текучесть персонала; повышение квалификации персонала, в том числе молодых работников и др.), так и субъективные показатели, замеряемые в ходе социологических опросов [2.С.94-101]. Перечень тех или иных показателей в мониторинге определяется программой исследования и требует отдельного рассмотрения.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что в современных условиях промышленные предприятия, в целях своей экономической безопасности, вынуждены иметь корпоративные молодежные социальные программы. Это могут быть отдельные молодежные программы или отдельные социальные льготы, зафиксированные в Коллективном договоре предприятия. В любом случае, реализация социальных программ и предоставление социальных льгот (материальной помощи и др.) должно быть обеспечено финансово, то есть иметь смету расходов.

Актуальность наличия системы мониторингов социального самочувствия и эффективности реализации молодежных и социальных программ на предприятии носит практический характер для конкретного предприятия. Цель таких мониторингов – своевременное принятие управленческих решений по выстраиванию корпоративной социальной политики и принятия молодежных социальных программ, имеющих предназначение – закрепить молодых работников для работы на предприятии, создав систему социальных льгот.

Грамотно выстроенная молодежная политика на предприятии способна оказывать существенное влияние на социальное самочувствие молодых работников, что в конечном итоге определяет и социальное развитие молодых работников, и является индикатором социально-демографической ситуации как в стране, так и на предприятии.

Список литературы

1. Вишневский Ю.Р. Социология молодежи: курс лекций: [учеб пособие] / Ю.Р. Вишневский, Д.Ю. Нархов; [науч. Ред. А.В. Пономарев]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. Федер. Ун-т. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2013. – 165 с.
2. Попова Н.В. Личностно-развивающие основы молодежной политики на современном промышленном предприятии. – Екатеринбург; Изд-во Урал.ун-та, 2008. – 400 с.
3. Попова Н.В. Личностно-развивающие основы молодежной политики на современном промышленном предприятии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Челябинск, 2012.

Силласте Галина Георгиевна,
доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС МИГРАЦИИ

Миграция как социальное явление и многогранный социальный процесс стала междисциплинарным предметом исследования. Однако независимо от научной направленности, в исследованиях отсутствует учет влияния признака пола на миграционные модели поведения. В предлагаемой работе раскрывается гендерная структура миграционных потоков в российском обществе, влияние гендерного фактора на поведение мигрантов. Обращение к гендерной дифференциации миграции позволяет в определенной мере упорядочить многофакторное воздействие социальной среды на поведение мигрантов, их выбор адаптационных моделей проживания в чужой среде, формирование дискурсивного сознания.

Ключевые слова: гендерная асимметрия, дискурсивное сознание, гендерный подход, глобальная миграция, гендерный дискурс.

E-mail: galinasillaste@yandex.ru

Sillaste Galina G.,
Doctor of philosophy sciences, Professor, Honored Worker of Science,
Financial University under the
Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

GENDER DISCOURSE MIGRATION

Migration as a social phenomenon and a multi-faceted social process has become an interdisciplinary subject of study. However, regardless of the scientific field research there is no account of the impact of migration on the basis of sex behavior. In this paper reveals the gender composition of migration flows in the Russian society, the influence of gender on the behavior of workers. Appeal to gender differentiation enables migration to a certain extent regulate multifactor impact of the social environment on the behavior of migrants, their choice of adaptive models of living in a foreign environment, the formation of discursive consciousness.

Keywords: gender asymmetry, discursive consciousness, gender approach, global migration, the gender discourse.

E-mail: galinasillaste@yandex.ru

В общепринятом и всем известном понимании миграция – «переселение, пространственное перемещение людей». На мой взгляд такой подход не дает возможности провести типологию миграционных процессов. Поэтому как социолог, буду исходить в дискурсе гендерной специфики миграции из несколько иной теоретической интерпретации категории миграция. Ее необходимо внести, учитывая новый социальный факт: глобальную феминизацию миграции, признанную мировым сообществом (Доклад ООН по миграции), в качестве одной из важнейших характеристик новой ситуации, которая слабо пока отражается в официальной статистике.

С учетом выше сказанного, буду рассматривать миграцию с одной стороны, как масштабное социальное явление, с другой, как интегративный социальный, экономический и демографический процесс, отражающий совокупность перемещений, совершаемых людьми между

поселениями, районами и странами. Такой социологический акцент в интерпретации позволяет выделить типологические – и конкретно- гендерные характеристики миграции, а также рассмотреть ее с позиций гендерной стадийности, эволюционности процесса и его последствий. Для этого выделяю четыре стадии и одновременно вида гендерной миграции: потенциальную, собственно миграцию, адаптацию к новой социальной среде и ее условиям, а также идентификацию мигрантов.

Рассматривая эволюцию миграции как социального явления и социально-демографического процесса следует отметить, что миграция – как процесс переселения (или перемещения), совершаемый людьми между странами, районами и поселениями, явление не новое, всесторонне изученное с позиций экономической, демографической и социологической науки. Я бы сказала, что наряду с коэффициентами смертности и коэффициентами рождаемости населения миграция стала объективным фактором, определяющим динамику населения любой страны. Совокупность количественных показателей миграции, иммиграции, эмиграции и реэмиграции позволяет довольно глубоко охарактеризовать социальные, экономические и политические условия жизни в каждой стране и одновременно дать характеристику межстрановых перемещений, равно как и уровня международных отношений и сотрудничества с учетом изменившихся социальных и политических предпосылок развития миграции, которые могут менять доминирующие социальные функции миграции.

Сравним два исторических этапа – развитие рыночной и плановой экономики в нашей стране – с позиций смены базовой социальной функции миграции. В СССР с 1926 по 1984 гг. численность горожан за счет миграции возросла с 30,3 млн. чел. до 178,5 млн. чел. [4. С. 160]. Иначе говоря, на 70% за счет перемещения сельского населения в города. По своей гендерной структуре общество за этот период приобрело характер ярко выраженной асимметричности в пользу женщин. Функционально в советское время миграция служила инструментом перераспределения населения между городом и селом и способствовала более полному использованию трудового и социального потенциала населения, росту эффективности труда и производства, а также повышению социального статуса большинства сельских мигрантов. В качестве главной социальной функции миграции в советское время являлась функция перераспределения трудовых ресурсов, которая стала механизмом урбанизации.

В тот период времени основными траекториями миграционных потоков были пять:

- 1) «село-малый город-большой город»;
- 2) «село-село»;
- 3) «село-большой город»;
- 4) значительно реже – «город-село»;
- 5) отдельная траектория – организованная стимулирующая миграция из города в село за счет направления государством в сельскую местность квалифицированных кадров.

Урбанизация села была частью государственной программы развития сельского хозяйства и государственной социальной политики.

Естественно, современная миграционная ситуация в обществе кардинально отличается от советской. По данным последнего Доклада ООН о статистике глобальной миграции наибольшее количество иностранных мигрантов сегодня проживает на территории США (45,8 миллиона), в Российской Федерации (11 миллионов), в Германии (9,8 миллиона) (данные до массового наплыва беженцев Европу летом-осенью 2015 года) [7].

Что характеризует современную миграционную ситуации в мире?

- беспрецедентный рост масштабов и географии мировой миграции;
- выход на первый план трудовой миграции;
- неуклонное увеличение потоков нелегальной (нерегистрируемой) миграции;
- бесспорное усиление значимости международной миграции в демографическом и экономическом развитии стран современного мира;

- строгая поляризация мира (образование перманентных регионов – «доноров» и регионов – «реципиентов» иммигрантов).

Прибывшие в Россию 11 миллионов, естественно, формируют и новое отношение населения к миграции, что в полной мере отражается на оценках общественного мнения россиян. Проблема миграции заняла одно из первых мест в оценке сложности и серьезности значения этого явления для развития и настоящего и будущего России. По данным Фонда общественного мнения (ФОМ), 67% россиян в большой опаской относятся к нелегальным мигрантам. А в группе агрессивного отношения к мигрантам позиции доходят до репрессивных мер. Так, 41% респондентов высказался даже за создание в своих регионах лагерей для нелегальных мигрантов. Исходная позиция российских респондентов одна: «мигрантов стало слишком много» [7].

Женщины, в зависимости от национальности и территориального проживания, миграционно активнее и выезжают на заработки на разных этапах своего жизненного цикла: и дорепродуктивном, и репродуктивном, и пострепродуктивном. При этом ведущей в миграционном перемещении женщин остается трудовая иммиграция. Средний возраст современных трудовых мигранток – 35 лет. При этом возрастная группа «до 34 лет» по численности практически равна группе «после 34 лет»; а «после 45» составляет 20%, «после 50» – всего 6%. Территориально самые молодые мигрантки – из Киргизии (средний возраст 31 год). Напротив, самые «возрастные» мигрантки – из Грузии (41 год) [7]. Как показал анализ, такие события в жизни женщин, как замужество и рождение детей, миграцию не останавливают. Они лишь изменяют ее формы и модели миграционного поведения женщин.

Если обратиться к территориальным характеристикам миграции по странам происхождения, то подавляющее большинство (примерно 2/3 всех официально зарегистрированных трудовых мигрантов) пребывает из стран постсоветского пространства, бывших союзных республик, и в общей численности составляют около 75%. Но больше всего – из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии (табл.1). Ту же тенденцию, но с меньшей интенсивностью, повторяет территориальный разброс в структуре женской миграции. Доля женщин в потоках из Центральной Азии сегодня стабильно возрастает (рис.1) [1].

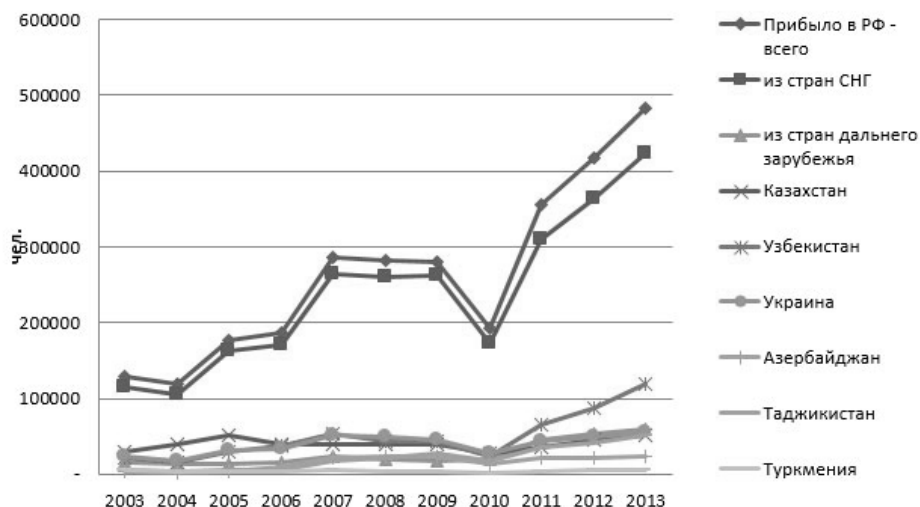

Рис. 1. Динамика численности внешних мигрантов в России за 2003-2013 гг. по странам-донорам, (в %)

Иная гендерная миграционная динамика из Белоруссии и Молдавии, которые и раньше отличались довольно высокой женской миграционной активностью. Они же сохраняют эти показатели и сегодня. Постепенный рост уровня жизни, развитие рынков труда в первую очередь касается столиц и крупных городов бывших союзных республик. Это приводит к плавному, но устойчивому снижению доли жителей столичных и крупных городов в потоке мигрантов и росту пропорции выходцев из малых городов и сел.

Отсюда характерная гендерная особенность миграционных потоков: около половины мигранток (как показали результаты социологического исследования) – это жительницы столичных (23%) и крупных (22%) городов своих стран. Каждая третья (32%) – постоянно проживает в небольших городах. Каждая пятая (22%) – сельчанка [3].

Несмотря на то, что в Центральной Азии, особенно в малых и отдаленных поселениях, как правило, сильно выражены традиционные ценности и гендерные уклады, «закрепляющие» активную экономическую роль за мужчиной, доля выезжающих оттуда на заработки женщин неуклонно растет. Большое влияние на этот процесс оказывает развитие миграционных сетей, что делает миграцию все более доступной для тех социальных групп, которые раньше не имели возможности в ней участвовать. Например, для женщин или жителей отдаленных районов Центральной Азии.

Основными центрами притяжения мигрантов, независимо от гендерного признака, являются Москва и Санкт-Петербург (с Московской и Ленинградской областями), а также Краснодарский край, Татарстан, Белгородская, Калининградская и Нижегородская области, Ханты-Мансийский автономный округ.

Обратимся более подробно к гендерным структурным перемещениям и заглянем за оболочку внешне бросающихся общих миграционных показателей. О гендерных смещениях какого уровня и вида миграции идет речь?

Среди прибывших в 2013 году мигрантов большинство составляют женщины (51%- 2,302 млн.чел). Какова их территориальная структура? Откуда такое количество женщин – мигранток, если в категории международной миграции мужчин в 3 раза больше женщин, а перемещающихся из стран СНГ- в 1,5 раза мужчин больше, чем женщин? Две траектории устойчиво сохраняются в гендерном перемещении женщин. Это внутрироссийская миграция (т.е. внутригосударственное территориальное перемещение, в котором участвуют 53% женщин против 47% мужчин). Если смотреть глубже, то это внутрирегиональное (54%) и межрегиональное перемещения (51%) [2]. Это прибыль населения за счет гендерного перемещения миграционных потоков.

Сколько и кого теряем в этом двустороннем процессе за счет выбытия? По общим (суммарным) показателям больше выбывает из России опять же женщин: 52% против 48% среди мужчин. Однако среди выбывающих в рамках международной миграции, в том числе со странами СНГ, мужчины составляют преобладающее большинство: 72 и 74% соответственно. Иначе говоря, гендерная структура миграции международной и со странами СНГ это в абсолютном большинстве случаев турбулентная миграция мужчин. А значит и проблема нелегальной миграции – это в гендерном разрезе преимущественно проблема трудоустройства и социальной адаптации мужчин: языковая, культурологическая, межкуммуникативная, квалификационная и правовая.

Для женской части миграционных потоков (как показывают исследования, они лучше мужчин знают русский язык, имеют более высокий уровень образования, иную кратность заезда и перемещения) приоритетными, на мой взгляд, являются вопросы их интеграции в качестве дополнительных объектов внутренней социальной политики государства и регионов. А значит: вопросы финансирования социальных программ, организации социальной работы на местах; динамика и качество работы внутренних-региональных и местных-служб занятости.

Именно отсюда в значительной мере исходят и социально-правовые проблемы регуляции, в т.ч. оперативно-медицинской помощи по рождаемости (и матерям-мигранткам и женам мигрантов). Об этом еще раз, теперь с большой социально-резонансной силой, заявил о себе факт не фатальной, а по сути, сознательно доведенной до фатального исхода смерти новорожденного в семье таджикских мигрантов в С.-Петербурге (ноябрь 2015г). Ответственность за этот смертельный исход новорожденного лежит на местных правоохранительных и миграционных службах города. И этот случай не экстраординарный. Он просто, скорее всего, один из многих других скрытых, но ставший объектом гласности и общественного обсуждения.

Важен еще один гендерный аспект: гражданство выбывающих из России. Анализ показывает, что в гендерной структуре выбывающих абсолютное большинство – 72% составляют мужчины (женщин- оставшиеся 28%). Вопрос: где корень гендерной асимметрии выбытия? Какова мера свободы миграционного перемещения? Преобладают в обеих группах граждане России (51% – это мужчины, 49% – женщины). Но среди них имеют своего рода «правовой поплавок», каковым является российское гражданство – в своем большинстве женщины, на 53% имеющие второе гражданство. Среди выбывших из России мужчин абсолютное большинство – это – граждане из стран дальнего зарубежья. Не комментирую, но есть о чем задуматься.

Первое значительное изменение семейной структуры миграции в структуре реальной внутренней миграции произошло в кризисном 2009 году. Тогда ввиду резкого увеличения уровня безработицы, во всех федеральных округах значительно выросла доля мигрантов, прибывающих отдельно без членов семьи. Например, в Северо-Кавказском и в Приволжском федеральных округах таким мигрантом был каждый второй. Преодоление мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. привело к постепенному возвращению ситуации к докризисной структуре. По результатам социологического исследования того периода времени среди мигрантов около половины опрошенных состояли в зарегистрированном браке, 8% -в незарегистрированном. Остальные были холостые, разведенные и вдовы. Это распределение практически совпадает с семейной структурой занятых россиянок [3].

Можно ли нарисовать краткий социальный портрет женщин – мигранток? Пожалуй, если исходить из демографических показателей и социальной структуры мигрирующих (не затрагивая ценностные и мотивационные характеристики измерения), то среднедемографическая мигрантка в России – это женщина-россиянка по паспорту, преимущественно из российского региона, ищущая место трудоустройства взамен полностью или долговременно потерянного месту работы в районе своего проживания; имеющая высшее или среднее образование; знающая русский язык; одинокая (вдовы составляют 83%, а разведенные – 58%, но нередко- 52% – это женщина, имеющая несостоятельного по ряду параметров мужа); готовая на любой вид оплачиваемой работы, в том числе, социальной; неконфликтная по поведению и межличностному общению: скорее – конформистка с зажатым чувством вынужденной социальной ненужности и морально-психологического унижения; адаптивная, вынужденная идти на резкую смену своего прошлого социального и профессионального статуса ради главной мотивации, во многом общей с мужчинами: поиск нового вместо потерянного места работы и оказание помощи семье и близким.

Поэтому пересылают деньги семье на свою «малую родину» все группы мигрантов. Но финансовая составляющая, назову ее «стоимость миграции» – предмет отдельного анализа, на который в данном материале выходить не стану.

Однако концентрирую внимание на одном важнейшем социальном показателе: образовательном, а именно: качестве прибывающих мигрантов в гендерном разрезе, ибо показатель качества того социального капитала, который приобретает или теряет российское общество

в лице внутренних мигрантов. Итак, какова образовательная база мигрирующих в Россию? (табл. 1).

Таблица 1

**Гендерная дифференциация прибывших в Россию мигрантов
по уровню образования и потокам миграции (2013 г) [2]**

Уровень образования мигрантов	Распределение по полу, %	
	женщины	мужчины
<i>Всего прибыло</i>	52	48
<i>в том числе имели образование:</i>		
высшее профессиональное	57	43
<i>из них</i>		
доктора наук	46	54
кандидата наук	44	56
неполное незаконченное высшее)	56	44
среднее специальное	51	49
начальное профессиональное	43	57
среднее общее (полное)	48	52
основное общее (среднее неполное)	48	52
начальное и не имеющие образования	59	41

Уровень образования мигранток сильно различается в зависимости от региона их проживания и трудовой занятости. Так, в Москве существенно выше доля женщин-мигранток, имеющих высшее и незаконченное высшее образование (36,4%). Но одновременно именно в столице самый большой образовательный разрыв уровня образования и характера работы мигранток. Так, 10% женщин, работающих в Москве уборщицами, имеют высшее и незаконченное высшее образование. В Краснодаре (где опрашивались мигрантки, занятые в сельском хозяйстве), в отличие от других регионов, велика доля мигранток с неполным средним образованием (11,6%). В целом уровень образования выезжающих на заработки женщин, как и всех трудовых мигрантов, на протяжении последнего десятилетия остается стабильным.

По данным В.И. Мукомеля, только 6,9 % мигрантам, ранее работавшим в сфере здравоохранения, удалось в России найти работу по специальности и всего 3,4% мигрантов, у себя на родине трудившихся в системе образования, смогли устроиться в российские образовательные и воспитательные учреждения. Остальные же 93,1% и 96,6% иностранных мигрантов, ранее занятых в названных сферах, вынужденно меняют сферу деятельности, преимущественно концентрируясь в сфере торговли и бытового обслуживания населения [6.С.126].

Будирует ли или влияет ли уровень образования мигранток на конкуренцию на местных рынках труда и профессий? Если кратко: влияет, но в основном на рынках труда, а не рынка профессий. Так, из числа трудовых – мигранток наличие конкуренции с местными жителями признали 18% респонденток, имеющих разрешение на работу и лишь 10 % работающих по найму без разрешения на работу на территории РФ [3. С.74]. Что касается официального трудоустройства, то здесь разрыв еще сильнее. Конкуренцию с местным населением признали 23% официально трудоустроенных респонденток из числа мигранток и лишь 11% работающих без официального трудоустройства [3. С.74].

По результатам более масштабного социсследования (З.В. Тюрюкановой и Ж.А. Зайончковской), испытывают конкуренцию с другими трудовыми мигрантами 37% мигрантов; а 28% конкурируют за свое рабочее место с представителями коренного населения [5. С.36]. Другими словами, более четверти опрошенных мигрантов в конечном итоге занимает те рабочие места, на которые претендовали представители коренного населения РФ.

Возраст выбывших межрегиональных мигрантов во всех округах отражает постепенное снижение различий среднего возраста мигрантов мужчин и женщин. Правда, эти различия увеличил послекризисный период. Средний возраст мигрантов в субъектах РФ превышает 30 лет или колеблется вокруг этого значения. Хотя гендерно различается. Во всех федеральных округах средний возраст мужчин мигрантов ниже среднего возраста женщин на 1,1 года. Иначе говоря, мужчины-мигранты моложе женщин и мобильнее их. Это во многом объясняет семейное положение. Абсолютное большинство среди мигрантов-мужчин (в отличие от женщин) люди семейные. Более того, в большинстве федеральных округов отмечается тенденция постепенного «старения» (повышение возраста) женщин-мигранток. Эта тенденция подтверждается и сравнением гендерной структуры внутрирегиональной миграции и международной. Так, во внутрирегиональной миграции женщины составляют от 10,2% (в Дальневосточном федеральном округе) до 16,7% (в Центральном). Если сравнивать внутренние перемещения с международной миграцией, то удельный вес мигранток-женщин старше трудоспособного возраста для всех направлений значительно превышает величину аналогичных показателей международной миграции. Российская женская миграция старше международной. И я не сказала бы, что это плохо, скорее, наоборот. Удельный вес мужчин моложе трудоспособного возраста выше, чем аналогичный показатель для женщин во всех федеральных округах.

Каковы основные сферы трудоустройства и трудовой занятости мигрантов? Их четыре. По снижению показателя предпочтительности и насыщения это: сфера услуг – 38%; торговля почти 20%; строительство – 15,1%; общепит около 13%. По утверждению В.И. Мукомеля, в сфере торговли трудится до 42% всех нелегальных мигрантов, в том числе, 23% мигрантов – продавцов, товароведов и 15,3% – неквалифицированных рабочих [6.С.126]. В совокупности только 4,9% мигрантов, трудящихся в России, занимают должности квалифицированных специалистов [6.С.117].

Таким образом, можно обобщить сказанное:

- 1) сформировался естественным путем теневой, а по сути, – потенциальный рынок труда и занятости женщин – мигранток. Он образовался ввиду возросшей потребности и спроса коренного населения – особенно крупных городов – на оказание социальных услуг (помощь по дому, запрос на гувернанток и нянь, уход за больными, инвалидами и т.д.). В этих сферах социальной помощи концентрируется немало женщин-мигранток, особенно внутренних миграционных потоков. Но это рынок не криминальный, а социально-гуманный, гендерно однородный, в равной мере выгодный и потребителям и занятым на нем женщинами-мигранткам;
- 2) кратность выездов мигрантов с места трудовой занятости в места постоянного проживания на определенный период времени с последующим возвращением к месту трудовой занятости среди женщин много выше, чем среди мужчин. Последние, как правило, отличаются большей устойчивостью трудовой занятости на одном месте, реже возвращаются домой в течение договорного срока (срока найма). Они чаще ограничиваются пересылкой денег домой, а их труд отличается значительно более высоким уровнем эксплуатации, дискриминации, нарушением прав человека;
- 3) о миграционной мифологии, распространяемой в печати для накала миграционной ситуации и поддержания фобий среди населения относительно мигрантов. Самый распространенный миф: *«Почти треть рождающихся в Москве детей рождается от матерей-мигранток»*. Реальность, де-факто: по данным Росстата, в Москве в 2011 г. родились 125 тыс. детей, а это не 30 %, а всего – 8 %. В 2013 г. от общего числа детей (135.853 чел.), родившихся в Москве, дети матерей -мигранток, не имеющих гражданства РФ, составили 10 153 человек, а это 7,47% от общего числа родившихся, но никак не треть. И, наконец, в Российской Федерации из общего число родившихся (а это 1.895.822 чел) дети матерей-мигранток, не имеющих гражданства РФ, составили 49 876 человек, что означает около 2,63% от общего числа родившихся.

Чтобы было понятнее, уточню: а) «матери, не имеющие гражданство РФ» – это все женщины, находящиеся на территории РФ, вне зависимости от статуса мигранта (краткосрочный по визе, краткосрочный без визы, долгосрочный по патенту, имеющий РВП, имеющий вид на жительство); б) приведенные показатели выведены на основании данных формы №1-РОД, которую заполняют родители/родитель или законный представитель в органах ЗАГС при регистрации родившегося ребёнка.

Вместе с тем, объективно оценивая ситуацию, нельзя не признать, что миграция выполняет в современных условиях социальную функцию защиты от депопуляции в связи со стремительным (с 2007 годом) сокращением численности населения и положительным естественным приростом населения.

Другой миф касается девиантности среди мигрантов: *«количество преступлений, совершенных как самими мигрантами, так и против них, увеличилось в полтора раза»*. Реальность де-факто: по оценкам экспертов, «удельный вес преступлений, которые совершают иностранные граждане (по данным МВД России), 3,4% в общем количестве преступлений.

Мифология в сфере миграции играет роль конфликтогенного фактора, так как агрессивует настроения коренного населения, накаляет фобии и неприязнь к «приезжим», негативно сказывается на социально-психологическом климате вокруг мигрантов, а по сути, переносит негативную фактологию «с больной головы на здоровую», т.е. с собственных внутренних нерешенных проблем в регионе на дискриминируемые диаспоры мигрантов.

Если суммарно, в обобщенном виде рассматривать миграцию в единстве ее легальной и нелегальной форм, то можно выделить и негативные и позитивные социальные последствия миграции (независимо от ее гендерной специфики). Остановлюсь лишь на социально негативных последствиях, которые чаще всего связывают с нелегальной миграцией.

1. Рост неуплаты налогов. Теневая занятость и разрастание «теневых секторов» экономики на базе миграции, по оценкам Директора ФМС, приводят к ежегодным потерям бюджета России, составляющим по некоторым расчетам, 40 млрд. руб. (хотя понятно, что абсолютно точных данных о вывозе мигрантами денежных средств из России нет).

2. Жилищная сегрегация (по теории Рекса и Мура), прежде всего, мигрантов-мужчин. Условия трудоустройства и проживания мигранток женщин лучше за счет жилищного съема площади и большей экономической и трудовой независимости.

3. Фактически мы имеем сегодня дело с новой формой рабовладельческих отношений на миграционном рынке. Ее базой является социальная дискриминация, правовая бесправность и беспомощность мигрантов в связи с реально развивающимися формами трудовых отношений. Мигранты для работодателей работники «удобные», так как не претендуют на получение ни гарантированного прожиточного минимума, ни зарплаты, ни медицинского обеспечения, ни других социальных преимуществ. После увольнения мигранты (в отличие от коренного населения) не встанут на учет в службах занятости для получения пособия по безработице; не защитят себя в отношениях с работодателями. По сути, они стали новыми рабами рыночной экономики в российском формате.

4. Эрозия общественной морали. По сути, сформировался институт фиктивного брака, который подпитывается за счет мигрантов, пытающихся таким способом легализовать своё пребывание в стране

5. Этнические диспропорции и конфликты. Увеличение мигрантов в России за последние 20 лет произошло, прежде всего, за счет стран СНГ и Средней Азии и привело к заметному увеличению этнолингвистической «пестроты». Меняется этнический ландшафт в крупных, «регионообразующих» городах (Москва, Санкт-Петербург). Трудно и нет смысла оспаривать сравнение современной России с «плавильным котлом» – этническим и социокультурным. Но принятие мигрантов как мультикультурного образования проходит тяжело, с трудно скрываемой социально-этнической конфликтностью. Сами по себе мигранты стали сильно действующим конфликтогенным фактором развития российского общества. И это общемировая тенденция. Как показывает современное состояние мирового сообщества, это касается,

прежде всего, европейского территориального анклава, в котором конфликтогенность миграции достигла экстремального состояния.

По мнению экспертов, в российском обществе пройден общественно допустимый уровень «этнического разнообразия», после которого толерантность населения и власти может уже не срабатывать. Состояние же социума (т.е. самого населения) агрессивизируется за счет накала фобий, националистических, истерично-шовинистских интонаций СМИ. Это приведет к возрастанию социальной напряженности в обществе.

6. Криминализация сферы занятости, создание подпольных рынков услуг по оформлению поддельной регистрации, виз, приглашений, миграционных карт, разрешений на работу, медицинских книжек и других документов. По данным официальной статистики ФМС, в последние годы количество преступлений, совершенных самими мигрантами и против них, возросло в полтора раза. Все чаще отмечается вовлеченность мигрантов в противоправную деятельность (незаконный оборот оружия, наркотиков, торговлю людьми, терроризм).

7. Усиление угроз социальной и общественной безопасности личности.

8. Закрепление коррупционной составляющей в деятельности государственных органах власти и организациях, обслуживающих мигрантов (полиция, паспортные столы, миграционная служба и т.д.), а на этой почве морально-этическая эрозия государственных служащих этих институтов, снижение доверия государству.

В целом ситуацию с адаптацией мигрантов на рынке труда можно характеризовать как социально дискриминационную и конфликтогенную. Вместе с тем, по прогнозам специалистов, России для ее дальнейшего развития понадобится до 2030г. еще 10 млн. мигрантов.

Итак, противоречивость и сложность миграционной ситуации требует ответа на сакральный русский вопрос «что делать?» для оптимизации ситуации на миграционном рынке и самой миграционной политики государства? Возможно, следовало бы обсудить практические предложения российского научного экспертного сообщества. В частности, и предложения руководителя рабочей группы «Рынок труда, профессиональное образование, миграционная политика» Я. Кузьмина. Он предлагает четыре миграционные модели развития. *Первая модель* базируется на сырьевой модели экономики. Ее сторонники утверждают, что Россия не нуждается в привлечении мигрантов. *Вторая модель* базируется на интенсификацию привлечения среднеквалифицированных мигрантов для возрождения и развития отечественной обрабатывающей промышленности. *Третья модель* основана на усилении процессов модернизации и инноваций, для чего, по мнению сторонников этой модели, необходимо приглашать в Россию иностранных студентов, квалифицированных специалистов вместе с членами их семей, создать максимально эффективную систему образования, адаптированную именно для мигрантов. *Четвертая модель* базируется исключительно на увеличение населения страны за счет мигрантов, для чего предлагает способствовать их более полной интеграции в России. Согласитесь, есть, о чем думать и что всесторонне обсуждать ученым и властным институтам на уровне общественно-научной экспертизы.

Обобщая гендерный дискурс миграции, можно прийти к ряду кратких выводов.

1. Не только для структуры российского населения в целом, но и для процесса миграции и для формирования внутренних рынков труда и занятости мигрантов характерна гендерная асимметрия в пользу женщин. Что подтверждает вывод ООН о глобальной феминизации миграции. В России среди мигрантов преобладают женщины, имеющих более высокий уровень образования, чем мигранты мужского пола.

2. Гендерная асимметрия в преимущественном образовательном уровне женщин среди мигрантов содержит важный качественный социальный показатель, связанный с образовательной и научной мобильностью. Так, среди ученых – докторов и кандидатов наук (кадров высшей квалификации) мигрировавших в Россию, мужчины преобладают. А это отдельная когорта мигрантов, отличающихся своими профессиональными притязаниями и социальными возможностями интеграции в российскую научную и образовательную практику. Однако этой высоко квалифицированной группой трудоустройства, с точки зрения социальной

применимости и адаптации, целенаправленно никто в российских миграционных службах, в службах занятости на местах не занимается. В значительной части эта группа – идентифицирую ее как когорту повышенного социального качества мигрантов – остается невостребованной (или мало востребованной) и предоставлена самопоиску и самоидентификации по своей профессиональной применимости. Ее представительницам и представителям, как правило, изначально надо соглашаться на довольно резкое снижение своего социально-профессионального статуса для адаптации в новой социально-профессиональной среде. Как итог: нерентабельное применение качественной социальной базы данной когорты мигрантов в развитии регионов, крупных и средних городов.

3. Социально-образовательный ресурс «внутренних мигрантов» не соответствует предложению стихийного запроса местных рынков труда и профессий, а потому в большинстве случаев остается либо не востребованным, либо востребованным по социально заниженным для квалифицированного специалиста-мигранта параметрам спроса на профессии и места трудоустройства. Рентабельной политики трудоустройства на российском рынке труда и профессий качественной социально-профессиональной когорты мигрантов в России не выработано, а фактически ее еще нет. Представляется, что этот социальный факт полезно учесть в разработке рекомендаций по увеличению преимуществ миграции и уменьшению ее негативного влияния на развитие общества, о чем ставится вопрос в Докладе Генерального секретаря ООН о глобальной миграции.

Думается, российским социальным институтам, связанным с руководством и контролем в области миграции, полезно было бы конструктивно проанализировать предложения, принятые МОМ и Институтом миграционной политики и зафиксированные в Докладе «Developinga Road Map for Engaging Diasporasin Development:aHandbookforPolicy makers and Practitioners in Home and Host Countries» – «Разработка «дорожной карты» для вовлечения диаспор в процесс развития: пособие для политиков и специалистов, как в своих, так и в принимающих странах»). А на этой основе выработать дополнительные социальные меры не столько для борьбы с миграцией (таких мер принято ни мало), сколько для мероприятий дифференцированного поощрения участия мигрантов в социальной деятельности, способствующей развитию регионов и территорий.

В новых политических условиях политика борьбы с миграцией нуждается в ее социальной переориентации на конструктивистский модуль интеграции мигрантов в региональное развитие даже в сложнейших условиях репрессивного действия экономических санкций против России. Может быть, на этот вопрос нам попытаться посмотреть в контексте развития специфической формы «импортозамещения»?

Список литературы

1. Данные Росстата по миграции. – М.: Росстат, 2010-2012.
2. Женщины и мужчины России. Росстат. – М., 2013.
3. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Женщины-мигранты из стран СНГ в России: трудовые права и практики // Трудовая миграция: тенденции, политика, статистика. Материалы чтений памяти Е.В. Тюрюкановой. – М., 2012. – С. 74.
4. Краткий словарь по социологии. – М., 1989. – С. 160.
5. Миграция и демографический кризис в России // Под ред. Ж.А. Зайончковской, Е.В. Тюрюкановой. – М., 2010. – С. 36.
6. Мукомель В.И. Мигранты на рынке труда: профили, мобильность, незаконная и неформальная занятость // Трудовая миграция: тенденции, политика, статистика. Материалы чтений памяти Е.В. Тюрюкановой. – М., 2012. – С. 126.
7. Анализ международной миграции. Доклад ООН о статистике глобальной миграции. UNITED NATIONS ECONOMIC COMMISSION FOR EUROPE CONFERENCE OF EUROPEAN STATISTICIANS. Workshop on Migration Statistics Chisinau, Republic of Moldova, September 8-9, 2014.

РАЗДЕЛ 3. ПРОБЛЕМЫ РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

*Абидов Магомед Хабибович,
доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора по научной и воспитательной работе
Махачкалинского филиала Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета;
ведущий научный сотрудник Дагестанского государственного
университета народного хозяйства, г. Махачкала, Россия*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В статье представлена общая характеристика социально-экономической ситуации в регионах СКФО, раскрыты основные аспекты демографической и миграционной политики в современной России, выявлены проблемы безработицы в трудоизбыточном регионе России – в Республике Дагестан, указаны меры, предпринимаемые органами государственной власти с целью решения вопроса обеспечения занятости населения республики, обозначены основные регионы России, принимающие трудовых мигрантов из Дагестана, сформулированы возможные направления реализации миграционной политики в Республике Дагестан с учетом региональных особенностей, указано на необходимость усиления роли государства в регулировании миграционных процессов в России.

Ключевые слова: демографическая политика, миграционная политика, занятость, безработица, социально-экономическое развитие, диспропорция, региональный рынок, трудовая миграция, трудоизбыточный регион, экономическая структура населения.

E-mail: abidov73@yandex.ru

*Abidov Magomed Kh.,
Doctor of Economic Sciences, professor,
Deputy Director for Research and educational work, Makhachkala branch of MADI;
Leading researcher, Daghestan state institute of national economy, Makhachkala, Russia*

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN IN THE CONTEXT OF REALIZATION OF DEMOGRAPHIC POLICY OF RUSSIA

The total social and economic situation in South Caucasian regions is given in this article, the basic aspects of the migration policy in modern Russia are revealed, unemployment problems in labour-abundant regions of Russia – In Dagestan are disclosed, the measures undertaken by public authorities for the purpose of the maintenance employment question's decision of the republic population are specified, the basic regions of Russia accept of labour migrants from Dagestan are designated, possible directions of migration policy realization in Dagestan Republic according to regional features are formulated, necessity of strengthening of state role for migration processes regulation in Russia.

Key words: population policy, migration policy, employment, unemployment, socioal and economic development, disproportion, the regional market, labour migration, labour- abundant region, economic structure of the population

E-mail: abidov73@yandex.ru

Современное социально-экономическое положение Дагестана характеризуется низким уровнем развития и существенным отставанием по многим показателям на душу населения от среднероссийских показателей (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели социально-экономического развития Республики Дагестан по сравнению с аналогичными показателями РФ и СКФО в 2014 году

Наименование показателей	Единицы измерения	Республика Дагестан	Российская Федерация	СКФО
Среднедушевые денежные доходы	Руб. в месяц	21716,6	25928,2	18899,7
Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума	% общей численности населения	10,1	10,8	15,9
Уровень безработицы по МОТ	проц.	11,6	5,5	13,0
Обеспеченность жильем на 1 жителя	кв. метров	16,9	23,4	19,1
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций	руб.	17179	30141	19612

Источник: составлено по данным Федеральной службы государственной статистики – www.gks.ru; Территориального органа Федеральной службы госстатистики по Республике Дагестан – dagstat.gks.ru

Основной социальной проблемой, присущей всем субъектам Российской Федерации, входящим в Северо-Кавказский федеральный округ, в равной степени является низкий уровень обеспеченности жильем. Наиболее благоприятная ситуация наблюдается в Республике Северная Осетия – Алания, где на 2014 год обеспеченность жильем составляла 26,5 кв. м на человека (по Российской Федерации – 23,4 кв. м на человека). В Ставропольском крае и Карачаево-Черкесской Республике этот показатель в 2014 году составил 22,1 и 20,0 кв. м на человека соответственно. Более сложная ситуация с жилым фондом наблюдается в Ингушетии и Чечне, где в 2014 году на одного человека приходилось 13,3 и 16,1 кв. м на человека соответственно, что является одним из самых низких в Российской Федерации значений.

Высокий уровень миграционного оттока населения Республики Дагестан связан, в первую очередь, с высоким уровнем безработицы, в связи с чем население вынуждено покидать республику в поисках работы. Следует отметить, что наиболее остро проблема оттока населения стоит в муниципальных районах горной зоны, где необходимо создать условия для сохранения оптимального количества трудоспособного населения.

Анализируя уровень безработицы в динамике по субъектам СКФО за период 2005 – 2015 гг. можно отметить, что Республика Дагестан относится к числу регионов с наиболее высоким коэффициентом напряженности на рынке труда – на одну заявленную в органы службы занятости населения вакансию в республике в 2014 году претендовало 48 (в 2013 году – 62) незанятых граждан (по Российской Федерации – 0,9).

Шесть из десяти российских регионов, лидирующих по доле безработных по сравнению с общим количеством трудоспособного населения, находятся в Северо-Кавказском федеральном округе, самые высокие показатели безработицы – в Чечне и Ингушетии. Дагестан и Кабардино-Балкария с не менее высокими показателями безработицы занимают девятую и десятую строчки рейтинга. На пятом месте, вслед за Северной Осетией, расположилась представительница другого федерального округа – Калмыкия, вровень с Карачаево-Черкесией по уровню безработицы находится Алтай, который также не входит в СКФО. Самые оптимистичные показатели по занятости населения – у Москвы и Санкт-Петербурга, Ленинградской и Московской областей, Липецкой области и на Кубани, Калужской, Нижегородской областях, где уровень безработицы на протяжении всего анализируемого периода составляет менее 1%.

В 2005 – 2015 годы наблюдается постепенный рост уровня занятости населения, однако значение показателя доли безработных в структуре экономически активного населения в СКФО все еще остается достаточно высоким (6,2%) и существенно превосходит значения аналогичных показателей в среднем по Российской Федерации (1,4%). В этот же период в целом наблюдается постепенное и стабильное увеличение доли экономически активного населения в его общей структуре.

Демографическая политика – один из основных компонентов политики народонаселения, имеет своим объектом воспроизводство населения и направлена на достижение желательного в долгосрочной перспективе типа этого воспроизводства. Понятие «демографической политики» не имеет вполне сложившегося однозначного толкования с точки зрения определения ее содержания. Трактовке демографических процессов как охватывающих лишь воспроизводство населения соответствует понимание демографической политики в узком смысле, в более широком смысле – оно приближается к политике народонаселения, включая различные структуры воспроизводства населения и миграцию. Иными словами, в широком смысле демографическую политику отождествляют с политикой в области народонаселения, а в узком смысле, более понятном, рассматривают как одну из ее составляющих. Демографическая политика тесно связана с социальной и экономической политикой, но, тем не менее, имеет и свои особенности [1]. В этом смысле особо следует отметить социальную напряженность, связанную с активизацией миграционных процессов.

На миграционную ситуацию Дагестана продолжают оказывать серьезное воздействие социально-экономическая и общественно-политическая обстановка в республике и в целом на Северном Кавказе. Миграционные потоки в течение последних 20 лет неоднократно меняли свою направленность. Так, до 1990-х годов сальдо миграции в республике было отрицательное в связи с оттоком населения на заработки в другие регионы страны. С начала экономических реформ ситуация кардинально поменялась. Сальдо миграции стало положительным, что связано с возвращением дагестанцев на постоянное жительство в республику из бывших союзных республик.

В последние годы сальдо миграции снова стало отрицательным, что связано, с одной стороны, с отъездом части населения на заработки в Сибирь, Дальний Восток, Республику Калмыкия, Ставропольский и Красноярский края, а с другой стороны, с отъездом на новое место жительства, как некоренного населения, так и дагестанцев, которые направляются на постоянное место жительства в Москву, Астраханскую и Ростовскую области, Краснодарский и Ставропольский края.

В 2014 году миграционная убыль населения составила 13944 человека (минус 22200 и 21500 человек – за 2012 и 2013 годы соответственно). Вместе с тем, Дагестан лидирует в СКФО по числу трудовых мигрантов, выезжающих на заработки не только в Ставропольский и Краснодарский края, но и в Сибирь, в Поволжье, на Дальний Восток. Дагестан остается одним из наиболее трудоизбыточных регионов Российской Федерации, в котором остро проявляется дисбаланс между имеющимися рабочими местами и численностью граждан, ищущих работу. Трудовая миграция – одно из эффективных направлений снижения напряженности на рынке труда в условиях дефицита постоянных рабочих мест, играющее большую роль в обеспечении рационального использования трудовых ресурсов.

Для организации взаимного сотрудничества и расширения возможности трудоустройства безработных и незанятых граждан за пределами республики, заключено более 300 договоров с работодателями, в рамках которых в 2010 году за пределами республики трудоустроено около 11 тысяч, а в 2011 году – более 14 тысяч безработных и незанятых граждан. За 2012 год оказано содействие в трудоустройстве более 10 тыс. граждан на рабочие места постоянного и временного характера на предприятиях городов Москвы и Санкт-Петербурга, Астраханской, Владимирской, Волгоградской, Ивановской, Иркутской, Калужской, Московской,

Пензенской, Ростовской, Самарской, Свердловской, Тульской областей, Краснодарского, Ставропольского краев, Чеченской Республики, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

Также заключено 34 соглашения о сотрудничестве с органами государственной службы занятости населения субъектов РФ, в рамках которых направляются сведения о вакансиях и вакантных должностях, имеющихся на предприятиях в других российских регионах (ежемесячно поступают сведения о более 60 тыс. имеющихся вакансиях). Для информирования граждан разработаны информационные стенды, на которых ежедневно обновляются сведения об имеющихся вакансиях, терминалы, установленные во всех 52 центрах занятости населения республики, а также используются СМИ. В центрах занятости населения регулярно проводится анкетирование (опросы) граждан с целью выявления их предпочтений в характере труда и возможных регионах трудоустройства. В настоящее время в Краснодарском крае по направлению центров занятости населения республики трудоустроено 3782 человек, из которых 3223 человека участвуют в строительстве олимпийских объектов в г. Сочи [5].

За последние годы трудовая миграция активизировалась и внутри Дагестана. По оценочным данным, около 15 процентов трудоспособных мужчин выезжают в свободное время из высокогорных районов в города республики, где работают бригадами по 5-6 человек. Высокий уровень миграции из горных районов Дагестана свидетельствует о социальном неблагополучии и дискомфорте в условиях жизни в местах проживания населения. Довольно активный отток населения, преимущественно мобильной и трудоспособной его части, представленной социально-стратификационными и социально-культурными слоями, общественно значимыми для конкретного сельского общества, достаточно болезненно сказывается на всем дагестанском обществе. Это вызвано тем, что принимающее население, испытывая давление спонтанной миграции населения горных районов, сталкивается с рядом проблем, обусловленных латентными функциями миграций, неизбежно испытывает разнообразные социальные напряжения, выражающиеся в различных признаках социальной дезорганизации.

Однако численность экономически активного населения растет в Дагестане по-прежнему заметно быстрее, чем число рабочих мест. Хотя возврата в горные села практически нет, численность сельского населения все равно увеличивается за счет естественного прироста, что ведет к росту безработицы и обострению социально-экономических проблем [2; 3].

По прогнозам, в ближайшие годы в связи с уменьшением численности трудоспособного населения во многих российских регионах потребность в привлечении трудовых мигрантов будет только возрастать. В связи с этим вопросам трудовой миграции стало уделяться повышенное внимание. Трудовая миграция сегодня оценивается как серьезный фактор развития экономики, имеющий важное значение не только для экономического роста, но и для обеспечения социальной динамики, повышения уровня и качества жизни граждан.

Необходимость и важность скорейшего решения данных проблем наглядно демонстрируют результаты анализа рынка труда и уровня жизни населения республики. Среди наиболее распространенных специальностей, по которым иностранным гражданам в последние несколько лет выдаются разрешения на работу, являются: арматурщик, паркетчик, подсобный рабочий, бетонщик, каменщик, мастер, стропальщик, оператор стеклоформирующих машин, повар.

В последние десятилетия в республике процесс урбанизации происходит ускоренными темпами, в результате чего обострился вопрос оттока трудоспособного населения с горных территорий в города. Остро стоит вопрос сокращения оттока с гор на низменность и сохранения оптимальной численности населения в горах. Покидают обжитые места, в первую очередь, из-за отсутствия и неразвитости социальной, транспортной инфраструктуры. Наблюдается отход молодежи от традиционных занятий животноводством и кормопроизводством,

что связано с деградацией пастбищ для выпаса скота и выхода из пользования больших площадей земельных ресурсов, все еще слаба материально-техническая база социальных учреждений. Многие дагестанцы, живущие в особых горных условиях, не получают от государства положенные им льготы. В горах из-за высотности значительно выше издержки производства и низка экономическая эффективность, низки и закупочные цены на сельхозпродукцию, а из-за выхода из оборота низкопродуктивных, мелкоконтурных земельных участков, сельхозугодия становятся непригодными и заброшенными.

Для Дагестана сохранение и развитие горных территорий является стратегически важной задачей, поскольку «оголение» горных районов приводит к потере культурного наследия, разрушению многовекового жизненного уклада и повышению демографического напряжения равнинной части. В связи с этим в Республике Дагестан принят Закон «О горных территориях Республики Дагестан» от 16 декабря 2010 года № 72, устанавливающий правовые основы развития горных территорий региона, сохранения и рационального использования их природных ресурсов и культурного наследия, определены приоритетные направления развития горных территорий. Основными целями реализации государственной горной политики определены устойчивое развитие горных территорий Республики Дагестан, обеспечение социальной поддержки и занятости населения горных населенных пунктов, обеспечение условий повышения уровня и качества жизни жителей горных населенных пунктов, увеличение их доходов, а также сокращение различий в социально-экономическом развитии горных, равнинных и предгорных территорий, создание условий для сокращения оттока и закрепления молодежи в горных населенных пунктах, сохранение и воспроизводство природных ресурсов горных территорий, создание благоприятного инвестиционного климата и привлечение инвестиций на развитие горных территорий [4].

Список литературы

1. Абидов М.Х. Формирование рынка труда трудоизбыточного региона // Актуальные проблемы глобальной экономики. Материалы X научной конференции молодых ученых экономического факультета РУДН. – М.: Эконом-Информ, 2008.
2. Абидов М.Х., Магомедова Л.А. Современные аспекты миграционной политики в трудоизбыточном регионе // Научное-обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2015. – № 1. – С. 142-146.
3. Абидов М.Х., Магомедова Л.А. Современные тенденции демографического развития республики Дагестан // Научное-обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4. – С. 52-55.
4. Закон РД «О горных территориях Республики Дагестан» от 16 декабря 2010 года № 72.
5. Отчетные материалы Министерства труда и социального развития РД.

Архангельский Владимир Николаевич,
кандидат экономических наук,
заведующий сектором теоретических проблем
воспроизводства и политики населения
Центра по изучению проблем народонаселения
экономического факультета
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ДИНАМИКИ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ

(Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №15-06-09027 «Причины и последствия дифференциации демографического развития регионов России и возможности ее сокращения»)

В России, начиная с 2007 г., прирост показателей рождаемости значительно больше, чем в предыдущие годы. Он существенно различается по регионам страны. Динамика рождаемости в этот период во многом обусловлена реализацией мер демографической политики. Их влияние целесообразно оценивать по показателям рождаемости для вторых и последующих рождений. Эти данные есть не по всем субъектам Российской Федерации. Косвенную оценку динамики показателей рождаемости по вторым и последующим рождениям можно получить на основе анализа изменения коэффициентов рождаемости в возрастных группах 30-34 года и 35-39 лет. В статье выделены регионы с наибольшим и наименьшим приростом показателей рождаемости по вторым и последующим рождениям за 2007-2014 годы, в том числе отдельно за 2007-2011 и 2012-2014 годы.

Ключевые слова: рождаемость, демографическая политика, возрастные коэффициенты рождаемости, очередность рождений, регионы, суммарный коэффициент рождаемости.

E-mail: archangelsky@yandex.ru

Arkhangelskiy Vladimir N.,
PhD of Economic Sciences,
Head of the sector of theoretical problems
reproduction and population policy,
Center for population studies, Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

REGIONAL FEATURES OF MODERN DYNAMICS OF FERTILITY IN RUSSIA

(The study was supported by a grant RFBR №15-06-09027 «Causes and consequences of differentiation of demographic development of Russian regions and possibilities of its reduction»)

In Russia, since 2007, the increase in fertility is considerably more than in previous years. It varies greatly by region of the country. Dynamics of fertility in this period is largely due to the implementation of the population policy. Their impact should be assessed in fertility rates for second and subsequent births. These data have not in all subjects of the Russian Federation. Indirect assessment of the dynamics of fertility in second and subsequent births can be obtained on the basis of the analysis of changes in fertility rates in the age groups 30-34 years and 35-39 years. The article highlights the regions with highest and lowest growth in fertility rates for second and subsequent births for the years 2007-2014, including separately for 2007-2011 and 2012-2014.

Keywords: fertility, demographic policy, age-specific fertility rates, birth order, regions, total fertility rate.

E-mail: archangelsky@yandex.ru

После значительного и затяжного снижения рождаемости в России, начиная с конца 1980-х гг., и достижения минимального ее уровня в 1999 г. показатели рождаемости начали повышаться. Причем, начиная с 2007 г., когда были введены дополнительные меры государственной помощи семьям с детьми, ее рост был существенно большим, чем в 2000-2006 гг. Если в 2006 г., по сравнению с 1999 годом, абсолютное число родившихся было больше на 21,8%, то в 2014 году, по сравнению с 2006 годом, – на 29,3% (для обеспечения сопоставления данные за 2014 г. взяты без учета Крымского федерального округа). Прирост общего коэффициента рождаемости в эти годы составил, соответственно, 24,1% и 29,1%. Существенно больше различия между двумя этими периодами времени в приросте суммарного коэффициента рождаемости – если в 2006 году, по сравнению с 1999 годом, он был больше на 12,8% (справедливо ради, надо отметить, что максимальная величина суммарного коэффициента рождаемости в этот период была в 2004 г. (на 16,2% больше, чем в 1999 г.)), то в 2014 году, по сравнению с 2006 годом, – на 34,1%.

Дело в том, что в 2000-2006 гг. росту общих показателей рождаемости способствовало не только повышение интенсивности деторождения (возрастные коэффициенты рождаемости), но и увеличение доли женщин репродуктивного возраста: вклад первой компоненты составил 60,7%, второй – 39,3%. В 2007-2014 гг. (в целом за период) изменения половозрастной структуры населения уже, наоборот, тормозили рост общего коэффициента рождаемости (негативное влияние структурных сдвигов начало проявляться с 2009 г.). Если бы этих изменений не было, то общий коэффициент рождаемости составил бы в 2014 г. 13,7‰ (вместо фактического 13,3‰).

Отрицательное влияние трансформации половозрастной структуры населения на динамику общих показателей рождаемости начало бы проявляться раньше, если бы не «постарение» возрастной модели рождаемости. Начиная с 2008 г. максимальный уровень рождаемости сместился из возрастной группы 20-24 года в группу 25-29-летних женщин. При этом, если численность 20-24-летних женщин сокращается, начиная с 2008 г., и на начало 2015 г. она была меньше по сравнению с началом 2008 г. на 27,4%, то численность 25-29-летних женщин росла вплоть до начала 2013 г., а к началу 2015 г. уменьшилась на 1,3%. Количество же 30-34-летних женщин продолжает возрастать и, согласно среднему варианту прогноза Росстата, достигнет максимума к началу 2018 г. При этом коэффициент рождаемости у этих женщин приближается к его уровню у тех, кто на 10 лет моложе (20-24 года). Если в 2008 г. различия между ними были 1,5-кратные, то в 2014 г. они составили 12,1% (20-24 года – 89,6‰, 25-29 лет – 79,9‰).

Таким образом, в ближайшие годы сокращение доли женщин репродуктивного возраста будет способствовать сокращению абсолютного числа родившихся и общего коэффициента рождаемости, но это влияние будет тормозиться из-за сдвига возрастной модели рождаемости к более старшим возрастам женщин, численность и доля которых будет уменьшаться в значительно меньшей степени, чем более молодых.

Точнее судить о влиянии демографической политики на динамику рождаемости можно используя суммарный коэффициент рождаемости дифференцированно по очередности рождения, так как такая дифференциация присутствует во многих реализуемых мерах помощи семьям с детьми. Суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождением в 2014 г. был больше, чем в 2006 г., на 0,251 или на 61,7%, а по третьим – на 0,111 или в 2,1 раза. Прирост его по первым рождением составил 0,054 или 7,2%.

Для того, чтобы оценить влияние мер демографической политики, реализуемых с 2007 г., на динамику суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождением в 2007-2014 гг., нужно сделать оценку того, какой бы она могла быть, если бы этих мер не было. Среднегодовой прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождением в период 2000-2004 гг. (ограничиваемся данным периодом, так как в 2005

г. величина этого показателя снизилась, а в 2006 г. – практически не изменилась) составил 0,0184, т.е. примерно 0,02. Если бы такой прирост величины этого показателя был ежегодно, начиная с 2007 г., то в 2014 г. величина суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождениям составила бы 0,711. На самом деле она равнялась 0,950, т.е. была на 0,239 или на 33,6% больше. Если считать, что на динамику суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям реализуемая демографическая политика, практически, не влияла, то суммарный коэффициент рождаемости в целом по всем рождениям составил бы 1,511, а фактически он равнялся 1,750, т.е. был на 15,8% больше. Таким образом, результативность осуществляемых с начала 2007 г. мер демографической политики в отношении рождаемости можно оценить в дополнительные 0,239 величины суммарного коэффициента рождаемости, что составляет 33,6% для вторых и последующих рождений или 15,8% для всех рождений.

Динамика показателей рождаемости существенно различается по регионам России. Эти различия уже анализировались в ряде работ [1. С.27-52; 2. С.22-80; 3. С.76-109], но они не учитывали (так как были написаны в более раннее время) изменения показателей рождаемости в период, начиная с 2012 г., когда активно стали реализовываться региональные меры демографической политики.

Возможности анализа дифференциации динамики показателей рождаемости по очередности рождения по регионам России ограничены, так как далеко не по всем субъектам Российской Федерации есть информация о распределении родившихся по очередности рождения за все годы, начиная с 2006 г. (т.е. накануне начала реализации дополнительных мер помощи семьям с детьми).

В какой-то степени об изменении показателей рождаемости по вторым и последующим рождениям можно судить на основе возрастных коэффициентов рождаемости (по всем рождениям), прежде всего, в возрастных группах 30-34 года и 35-39 лет, но с большой долей условности, так как относительно больший прирост показателей рождаемости у женщин этих возрастов в каких-то регионах может быть связан не только с увеличением числа вторых и последующих рождений, но и с более быстрой распространяемостью откладываний рождений детей к более старшим возрастам. Чтобы отчасти элиминировать влияние фактора можно использовать не величину прироста возрастного коэффициента рождаемости, а ее превышение по сравнению со среднегодовым приростом в данном регионе в 2000-2006 гг.

Нужно иметь в виду, что применительно к обоим возрастным группам (30-34 года и 35-39 лет) можно говорить о приблизительной косвенной оценке лишь вторых и последующих рождений, не выделяя отдельно вторых, третьих и последующих.

Среди всех родившихся у 30-34-летних женщин в России в 2014 г. 50,8% составляли вторые рождения и 24,9% – третьи и последующие. В то же время на эту возрастную группу приходилось 32,0% вторых рождений, а 37,4% вторых рождений имели место у женщин 25-29 лет. Казалось бы, в связи с этим, для анализа динамики показателей рождаемости можно было бы использовать коэффициент рождаемости в возрастной группе 25-29 лет, но 46,6% рождений у женщин этого возраста были первыми (41,3% – вторыми, 12,1% – третьими и последующими) и поэтому они очень существенно влияют на динамику коэффициента рождаемости в возрасте 25-29 лет. В возрастной группе 30-34 года первые рождения составляли всего 24,3% и здесь их влияние на динамику коэффициента рождаемости значительно меньше.

В возрастной группе 35-39 лет в 2014 г. вторые и последующие рождения составляли 84,7%, так что они практически полностью определяют динамику коэффициента рождаемости у женщин этого возраста. Говорить об этом коэффициенте как характеризующем уровень рождаемости по третьим и последующим рождениям нельзя, так как они составляют здесь 41,3% и их меньше, чем вторых рождений (43,4%). В то же время следует иметь в виду, что на 35-39-летних женщин в 2014 г. в России приходилось лишь 12,3% от всех вторых рождений.

Только в возрастной группе 40-44 года третьих и последующих рождений больше половины (52,5%). Однако использовать динамику коэффициента рождаемости в возрастной группе 40-44 года для характеристики уровня рождаемости по третьим и последующим рождениям нецелесообразно, так как, во-первых, существенное влияние на эту динамику имеет изменение величин показателей по первым и вторым рождениям (суммарно они составляют 47,5%), а во-вторых, на эту возрастную группу приходилось в 2014 г. лишь 6,4% третьих и последующих рождений.

Оценивая повышение показателей рождаемости по вторым и последующим рождением в субъектах Российской Федерации в 2007-2014 гг., как, отчасти, возможный результат реализации мер демографической политики, целесообразно, кроме оценки за весь период 2007-2014 гг., сделать ее еще и раздельно – за 2007-2011 гг., когда среди мер, способных существенно повлиять на изменение уровня рождаемости, были, в основном, федеральные, и за 2012-2014 гг., когда существенно активизировались региональные меры в большинстве субъектов Российской Федерации.

Наибольший (среди регионов, по которым есть данные о распределении родившихся по очередности рождения за 2006 и 2014 гг.) прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождением в 2014 г. по сравнению с 2006 г. произошел в республиках Алтай (1,196), Марий Эл (0,661), Чувашской (0,553), Удмуртской (0,533), Хакасии (0,533) и Коми (0,511), в Омской (0,588) и Кировской (0,527) областях.

Отдельно по вторым рождением в наибольшей степени суммарный коэффициент рождаемости в 2014 г. по сравнению с 2006 г. вырос в республиках Алтай (на 0,645), Марий Эл (на 0,428), Чувашской (на 0,360) и Удмуртской (на 0,359), в Омской (на 0,380) и Кировской (на 0,350) областях.

По третьим и последующим рождением наибольший прирост суммарного коэффициента рождаемости в 2014 г. по сравнению с 2006 г. имел место в республиках Алтай (0,551), Калмыкия (0,242), Марий Эл (0,233), Хакасии (0,214) и Дагестан (0,213), в Омской области (0,208), в Ненецком автономном округе (0,201).

С другой стороны, менее всего увеличился в 2014 г. по сравнению с 2006 г. суммарный коэффициент рождаемости по вторым и последующим рождением в Белгородской (на 0,335), Тульской (на 0,334), Московской (на 0,317) и Ленинградской (на 0,240) областях, в Республике Мордовия (на 0,300), в Ставропольском крае (на 0,332) и в Санкт-Петербурге (на 0,329).

Если говорить отдельно о вторых рождением, то наименьший прирост суммарного коэффициента рождаемости в 2014 г. по сравнению с 2006 г. был в Московской (0,197) и Ленинградской (0,149) областях, в республиках Калмыкия (0,196), Адыгея (0,188) и Дагестан (0,176), в Ставропольском крае (0,178), а по третьим и последующим рождением – в Воронежской (0,107), Орловской (0,104), Белгородской (0,100) и Ленинградской (0,091) областях, в Санкт-Петербурге (0,103), в Республике Мордовия (0,080).

За 2007-2011 гг. (когда преобладающее влияние в большинстве регионов могли оказывать федеральные меры) сравнительно больший прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождением был в республиках Удмуртской (0,386), Хакасия (0,365), Марий Эл (0,357), Калмыкия (0,352), Татарстан (0,345), Чувашской (0,331), в Челябинской (0,341) и Омской (0,330) областях.

В этих же регионах в 2007-2011 гг. был наибольший прирост суммарного коэффициента рождаемости и отдельно по вторым рождением: республики Удмуртская (0,264), Марий Эл (0,250), Татарстан (0,247), Чувашская (0,239) и Хакасия (0,233), Челябинская (0,230) и Омская (0,229) области.

Суммарный коэффициент рождаемости по третьим и последующим рождением в этот период существенно всего вырос как в ряде отмеченных выше регионов с высоким приростом показателя по вторым рождением (республики Хакасия (0,132), Удмуртская (0,122) и Марий

Эл (0,107), Челябинская (0,111) и Омская (0,101) области), так и в некоторых других (республики Калмыкия (0,188), Дагестан (0,170) и Адыгея (0,117), Астраханская область (0,110)).

Существенно меньшим, чем в других регионах, прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождениям в 2011 г. по сравнению с 2006 г. был в Мурманской (0,195), Московской (0,181), Пензенской (0,167), Тульской (0,167) и Ленинградской (0,142) областях, в Республике Мордовия (0,161).

Отдельно по вторым рождениям наименьший прирост суммарного коэффициента рождаемости в 2014 г. по сравнению с 2006 г. был в Пензенской (0,117), Астраханской (0,116) и Ленинградской (0,096) областях, в Ставропольском крае (0,113), в Республике Дагестан (0,088), а по третьим и последующим рождениям – в Пензенской (0,050), Ленинградской (0,046), Мурманской (0,046) и Тульской (0,044) областях.

По величине прироста суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождениям в 2014 г. относительно уровня 2011 г. (т.е. в тот период, когда активно начали реализовываться региональные меры демографической политики) лидеры среди субъектов Российской Федерации были уже несколько другими, чем в 2007-2011 гг. Из тех, у кого прирост этого показателя был весьма значительным в предыдущий период, в их числе оказались Республика Марий Эл (прирост в 2014 г. по сравнению с 2011 г. – 0,304) и Омская область (прирост – 0,258). Кроме них, наибольший прирост суммарного коэффициента по вторым и последующим рождениям был в Республике Коми (0,291) в Кировской (0,302) и Сахалинской (0,280) областях, в Ямало-Ненецком автономном округе (0,277).

Отдельно по вторым рождениям высоким приростом суммарного коэффициента рождаемости в 2012-2014 гг. отличились республики Марий Эл (0,178) и Тыва (0,173), Кировская (0,189) Сахалинская (0,158), Ульяновская (0,156), Омская (0,151) области. По сравнению с 2007-2011 гг. остались опять же (как и в целом по вторым и последующим рождениям) только Республика Марий Эл и Омская область.

Они же остались и среди регионов с наибольшим приростом суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям. В Республике Марий Эл в 2012-2014 гг. он составил 0,126, а в Омской области – 0,107. Кроме них, в число этих регионов в 2012-2014 гг. входят Ямало-Ненецкий (0,138) и Ненецкий (0,126) автономные округа, республики Саха (Якутия) (0,138), Коми (0,120), Карачаево-Черкесская (0,111) и Чувашская (0,101), Сахалинская (0,122), Кировская (0,113) и Новгородская (0,104) области.

Менее всего увеличился суммарный коэффициент рождаемости по вторым и последующим рождениям в 2014 г. по сравнению с 2011 г. в Ленинградской (0,098) и Брянской (0,089) областях, в республиках Адыгея (0,092) и Калмыкия (0,087).

По вторым рождениям наименьший прирост суммарного коэффициента рождаемости был в республиках Саха (Якутия) (0,049), Адыгея (0,039) и Калмыкия (0,033), в Еврейской автономной области (0,044), а по третьим и последующим – в Белгородской (0,040), Орловской (0,037) и Брянской (0,029) областях.

Теперь обратимся к возрастным коэффициентам рождаемости для возрастных групп 30-34 года и 35-39 лет. Проанализируем их приросты по всем субъектам Российской Федерации, а не только по тем, по которым не было данных о распределении родившихся по очередности рождения. Во-первых, это даст возможность сравнить показатели по всем регионам, а, во-вторых, сопоставление полученных результатов с теми, которые были рассмотрены выше на основе показателей рождаемости по очередности рождения, позволит оценить возможность использования коэффициентов рождаемости в возрастных группах 30-34 года и 35-39 лет для косвенной оценки динамики показателей рождаемости по вторым и третьим рождениям при отсутствии непосредственных данных о распределении родившихся по очередности рождения.

Как уже отмечалось выше, сначала были рассчитаны для каждого региона среднегодовые приросты коэффициентов рождаемости в возрастных группах 30-34 года и 35-39 лет за 2000-2006 гг. Затем для каждого года в период с 2007 по 2014 гг. было рассчитано отклонение прироста возрастного коэффициента рождаемости от среднегодового за 2000-2006 в соответствующей возрастной группе. Сумма этих отклонений рассчитывалась в целом за 2007-2014 гг. и отдельно за 2007-2011 гг. и 2012-2014 гг.

Рассчитанный таким образом относительный прирост коэффициента рождаемости в возрастной группе 30-34 года больше всего в целом за 2007-2014 гг. был в республиках Ингушетия (41,1‰-х пунктов), Татарстан (33,3‰-х пунктов), Тыва (30,2‰-х пунктов), Марий Эл (30,0‰-х пунктов), Кабардино-Балкарской (28,8‰-х пунктов), Саха (Якутия) (28,6‰-х пунктов), Удмуртской (27,3‰-х пунктов) и Бурятии (26,5‰-х пунктов), в Омской (31,9‰-х пунктов), Кировской (28,6‰-х пунктов) и Курганской (26,7‰-х пунктов) областях, в Пермском крае (26,7‰-х пунктов).

Наибольшая величина относительного прироста коэффициента рождаемости в возрастной группе 35-39 лет за 2007-2014 гг. имела место в республиках Марий Эл (25,0‰-х пунктов), Ингушетия (21,7‰-х пунктов), Чувашская (20,0‰-х пунктов), Тыва (19,1‰-х пунктов), Татарстан (18,7‰-х пунктов), Башкортостан (17,6‰-х пунктов), Коми (16,7‰-х пунктов) и Удмуртская (16,1‰-х пунктов), в Курганской (19,7‰-х пунктов), Омской (18,3‰-х пунктов), Кировской (18,3‰-х пунктов) и Ульяновской (16,3‰-х пунктов) областях. По сравнению с регионами, лидирующими по относительному приросту коэффициентов рождаемости в возрастной группе 30-34 года, здесь присутствуют республики Башкортостан, Чувашская и Коми, Ульяновская область, но отсутствуют республики Кабардино-Балкарская, Саха (Якутия), Бурятия, Пермский край. Нужно иметь в виду, что у 35-39-летних женщин большее, чем у тех, кто на 5 лет моложе, влияние на динамику коэффициента рождаемости оказывают третьи и последующие рождения, хотя доля вторых рождений у них тоже очень велика (как было показано выше, в 2014 г. в целом по России вторых рождений у них было несколько больше, чем третьих и последующих).

По сравнению с представленным ранее перечнем регионов с наибольшим приростом за 2007-2014 гг. суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождениям здесь отсутствуют только Алтай и Хакасия. Это позволяет говорить, что анализ динамики коэффициентов рождаемости в возрастных группах 30-34 года и 35-39 лет позволяет косвенно судить о динамике уровня рождаемости по вторым и последующим рождениям, но с учетом отмеченной выше некоторой условности такого анализа.

Можно, вероятно, на основе анализа динамики коэффициентов рождаемости в возрастных группах 30-34 года и 35-39 лет, косвенно судить о существенном приросте в 2007-2014 гг. показателей рождаемости по вторым и последующим рождениям в республиках Бурятия, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Саха (Якутия) и Тыва, в Пермском крае и в Курганской области. По этим регионам из-за отсутствия необходимых данных нет информации о суммарном коэффициенте рождаемости по вторым и последующим рождениям за 2006 г. и поэтому нельзя рассчитать его прирост к 2014 г.

Существенно меньший, чем в других регионах, относительный прирост коэффициентов рождаемости в возрастной группе 30-34 года в 2007-2014 гг. имел место в Смоленской (9,9‰-х пунктов), Калужской (9,6‰-х пунктов), Мурманской (7,9‰-х пунктов), Астраханской (7,3‰-х пунктов), Ленинградской (6,1‰-х пунктов) и Тверской (4,9‰-х пунктов) областях, в Камчатском крае (9,4‰-х пунктов) и в Москве (5,6‰-х пунктов), а в возрастной группе 35-39 лет – в Магаданской (8,8‰-х пунктов), Смоленской (8,8‰-х пунктов), Ярославской (8,1‰-х пунктов), Амурской (7,8‰-х пунктов), Ленинградской (7,0‰-х пунктов) и Владимирской (6,3‰-х пунктов) областях, в республиках Адыгея (7,7‰-х пунктов) и Мордовия (6,7‰-х пунктов), в Камчатском крае (3,1‰-х пунктов) и в Москве (8,0‰-х пунктов). С определенной

долей условности можно сказать, что в этих регионах результативность демографической политики в отношении рождаемости в 2007-2014 гг., вероятно, была наиболее низкой.

За период 2007-2011 гг. наибольший относительный прирост коэффициентов рождаемости в возрастной группе 30-34 года произошел в республиках Ингушетия (53,7‰-х пунктов), Алтай (32,7‰-х пунктов), Тыва (28,9‰-х пунктов), Татарстан (25,4‰-х пунктов), Удмуртская (22,3‰-х пунктов) и Кабардино-Балкарская (21,2‰-х пунктов), в Омской области (21,5‰-х пунктов), а возрастной группе 35-39 лет – в республиках Ингушетия (53,1‰-х пунктов), Тыва (20,7‰-х пунктов), Алтай (18,2‰-х пунктов), Татарстан (13,6‰-х пунктов), Удмуртская (13,6‰-х пунктов) и Чувашская (12,1‰-х пунктов), в Курганской области (13,2‰-х пунктов).

Совершенно иначе выглядит перечень регионов, в которых в 2012-2014 гг. был наибольший относительный прирост коэффициентов рождаемости в возрастных группах 30-34 года и 35-39 лет. Из числа тех, у кого в 2007-2011 гг. были наибольшие показатели, здесь остались только Омская область и Чувашская Республика. В возрастной группе 30-34 года наибольший относительный прирост коэффициентов рождаемости был в Кировской (13,4‰-х пунктов), Ульяновской (11,8‰-х пунктов), Омской (10,4‰-х пунктов), Сахалинской (9,9‰-х пунктов) и Ростовской (9,7‰-х пунктов) областях, в республиках Коми (12,2‰-х пунктов), Марий Эл (11,9‰-х пунктов) и Карелии (9,9‰-х пунктов), а в возрасте 35-39 лет – в республиках Марий Эл (13,1‰-х пунктов) и Чувашской (7,9‰-х пунктов), в Хабаровском крае (8,2‰-х пунктов), в Омской (8,2‰-х пунктов), Кировской (8,0‰-х пунктов) и Сахалинской (7,9‰-х пунктов) областях, в Ненецком автономном округе (8,1‰-х пунктов).

С другой стороны, наименьший относительный прирост коэффициентов рождаемости в возрастной группе 30-34 года в 2007-2011 гг. был в Ленинградской (4,3‰-х пунктов), Новгородской (3,7‰-х пунктов), Тверской (2,4‰-х пунктов) и Сахалинской (1,4‰-х пунктов) областях и в Камчатском крае (2,0‰-х пунктов), а в 2012-2014 гг. – в Калужской (1,9‰-х пунктов) и Ленинградской (1,8‰-х пунктов) областях, в республиках Калмыкия (2,1‰-х пунктов) и Тыва (1,3‰-х пунктов), в Москве (0,3‰-х пунктов).

В возрастной группе 35-39 лет в число регионов с самым низким относительным приростом возрастных коэффициентов рождаемости в 2007-2011 гг. входят Ярославская (2,8‰-х пунктов) и Магаданская (2,3‰-х пунктов) области, Камчатский край (1,4‰-х пунктов), Ненецкий автономный округ (2,0‰-х пунктов), а в 2012-2014 гг. – Ленинградская (1,9‰-х пунктов) и Владимирская (1,2‰-х пунктов) области, республики Мордовия (1,3‰-х пунктов) и Адыгея (1,0‰-х пунктов), Камчатский край (1,7‰-х пунктов).

Таким образом, результаты анализа показали существенные региональные различия в динамике показателей рождаемости, которые следует учитывать при оценке результативности возможных дополнительных мер демографической политики в отношении рождаемости, при разработке демографических прогнозов на региональном уровне.

Список литературы

1. Демографические контуры регионов России. – М.: Экон-Информ, 2009.
2. Демографическое настоящее и будущее России. – М.: Экон-Информ, 2012.
3. Демографическое развитие России в XXI веке. – М.: Экон-Информ, 2009.

Бабич Светлана Гавриловна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры статистики
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова,
г. Москва, Россия

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье представлена динамика численности населения РФ, отмечается рост численности населения в большинстве регионов страны. Анализ региональной структуры населения свидетельствует о тождественности сравниваемых структур в федеральных округах страны, несмотря на незначительное снижение удельного веса численности населения в большинстве федеральных округов в их общей численности. Изучение динамики абсолютного числа родившихся и умерших в большинстве субъектов РФ свидетельствует о том, что в большинстве регионов страны отмечается сокращение числа родившихся при одновременном уменьшении числа умерших. Анализ относительных показателей естественного движения населения и произведенная группировка регионов по величине коэффициента жизненности населения свидетельствует о сложной демографической ситуации во многих регионах страны.

Ключевые слова: численность населения, динамика, структура, рождаемость, смертность, естественный прирост, коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, коэффициент естественного прироста населения, коэффициент жизненности населения.

E-mail: bab_sv@rambler.ru

Babich Svetlana G.,
PhD of Economic Sciences, Docent,
Associate Professor of the department of Statistics,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian

STATISTICAL ANALYSIS OF THE MAIN INDICATORS OF NATURAL MOVEMENT OF POPULATION IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article presents the dynamics of the population of the Russian Federation; there is population growth in most regions of the country. Analysis of the regional structure of the population indicates the identity of comparable structures in the federal districts of the country, despite a slight decrease in the proportion of the population in most of the federal districts in the total. The study of the dynamics of the absolute number of births and deaths in the majority of subjects of the Russian Federation shows that in most regions of the country is marked reduction in the number of births, while reducing the number of deaths. An analysis of the relative performance of Vital and produced by grouping the regions by the value of the vitality of the population shows a complicated demographic situation in many regions of the country.

Keywords: population dynamics, structure, fertility, mortality, natural increase, birth rate, death rate, rate of natural population growth rate of population viability.

E-mail: bab_sv@rambler.ru

В результате проводимой Правительством РФ политики, направленной на улучшение демографической ситуации в стране, наблюдается рост численности населения в большинстве регионов страны. За период с 2012 по 2014 г. численность населения РФ увеличилась на 3,3 млн. чел. (на 2,3%) и к началу 2015 г. по данным Росстата составила 146,3 млн. чел. В большинстве федеральных округов страны наблюдалось увеличения численности населения, но в большей степени оно произошло в Северо-Кавказском федеральном округе – на 1,75%. А в двух федеральных округах – Приволжском и Дальневосточном – отмечается сокращение численности населения на 0,32% и 0,88% соответственно (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения в федеральных округах РФ

Федеральный округ	Численность населения на начало года, тыс. человек		Темп прироста численности населения, %
	2012 г.	2015 г.	
Центральный	38537,6	38951,5	1,07
Северо-Западный	13660,1	13843,6	1,34
Южный	13884,0	14003,8	0,86
Северо-Кавказский	9492,9	9659,0	1,75
Приволжский	29811,5	29715,5	-0,32
Уральский	12143,4	12275,9	1,09
Сибирский	19261,0	19312,2	0,27
Дальневосточный	6265,9	6211,0	-0,88
Крымский	-	2294,9	-

В течение рассматриваемого периода в региональной структуре численности населения существенных изменений не наблюдается: лидирует Центральный федеральный округ, удельный вес которого в начале 2015 г. составил 26,6% в общей численности населения страны, второе место занимает Приволжский федеральный округ – 20,3% (рис. 1).

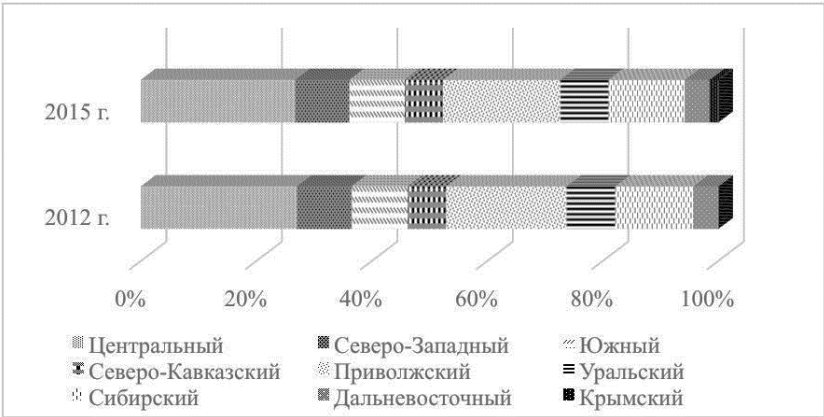

Рис. 1. Региональная структура численности населения РФ на начало года (в % к итогу)

В начале 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. незначительное уменьшение доли всех федерального округов, кроме Крымского, обусловлено, в основном, ростом численности населения РФ за счет присоединения Крымского федерального округа.

Для изучения динамики региональной структуры численности населения страны был рассчитан Индекс Рябцева (I_R), полученное значение которого ($I_R = 0,021$) свидетельствует о тождественности сравниваемых структур.

В течение рассматриваемого периода росту численности населения в РФ способствовало увеличение числа родившихся на 40,6 тыс. чел. (на 2,13%) по сравнению с увеличением числа умерших на 6,0 тыс. чел. (на 0,32%). В большинстве федеральных округов страны также отмечается рост числа родившихся. Так, например, в Южном федеральном округе данный показатель возрос на 2,54%, а в Приволжском – только на 0,45%. Сокращение числа родившихся отмечается в двух федеральных округах – Сибирском и Дальневосточном – соответственно на 1,70% и 0,07%. Уменьшение числа умерших наблюдается во всех федеральных округах, кроме Южного, в котором данный показатель увеличился на 0,15% (табл. 2).

Таблица 2

Динамика числа родившихся и умерших в федеральных округах РФ

Федеральный округ	Число родившихся, человек		Темп прироста, %	Число умерших, человек		Темп прироста, %
	2012 г.	2014 г.		2012 г.	2014 г.	
Центральный	439610	444919	1,21	538076	530214	-1,46
Северо-Западный	167025	170284	1,95	188412	183680	-2,51
Южный	174813	179259	2,54	186225	186510	0,15
Северо-Кавказский	166020	166577	0,34	78823	77456	-1,73
Приволжский	395050	396820	0,45	416267	414351	-0,46
Уральский	184007	185014	0,55	153347	151937	-0,92
Сибирский	288189	283294	-1,70	263362	255719	-2,90
Дальневосточный	87370	87305	-0,07	81823	78172	-4,46
Крымский	-	29211	-	-	34308	-
РФ	1902084	1942683	2,13	1906335	1912347	0,32

Поскольку в 2014 г. в таких регионах, как г. Москва и Санкт-Петербург; Краснодарский край; Республики Башкортостан, Дагестан и Татарстан; Ростовская, Самарская, Свердловская, Нижегородская и Тюменская области, удельный вес которых в общей численности населения составляет 35,8%, отмечается рост числа родившихся, поэтому несмотря на то что в 47 субъектах РФ в 2014 г. по сравнению с 2012 г. произошло сокращение числа родившихся при одновременном уменьшении числа умерших в 66 регионах страны, в стране в целом наблюдается естественный прирост населения.

Изучение динамики числа родившихся и умерших в федеральных округах страны не дает полного представления о сложившейся демографической ситуации. Более целесообразно, по нашему мнению, произвести анализ относительных показателей естественного движения населения с помощью общих коэффициентов рождаемости смертности, коэффициентов естественного прироста населения и жизненности населения. В РФ в 2014 г. отмечается естественный прирост населения, поскольку коэффициент естественного прироста населения составил 0,2‰, т.е. в расчете на каждую тысячу человек населения в стране на 0,2 чел. рождается больше, чем умирает.

Необходимо отметить, что, начиная с 2005 г., только за последние два года в нашей стране отмечается естественный прирост населения. Несмотря на рост абсолютного числа родившихся в большинстве регионов страны и сокращение числа умерших, в 2014 г. в четырех федеральных округах страны (Северо-Кавказском, Уральском, Сибирском и Дальневосточном) отмечается естественный прирост населения, а в пяти федеральных округах РФ – естественная убыль населения.

Самая благоприятная ситуация наблюдается в Северо-Кавказском федеральном округе, лидирующем по величине коэффициента естественного прироста населения, а наиболее сложная ситуация сохраняется в Центральном и Крымском федеральных округах, в которых в расчете на 1000 человек населения число родившихся меньше числа умерших соответственно на 2,2 чел., т.е. наблюдается естественная убыль населения (табл. 3).

Таблица 3

Динамика коэффициентов рождаемости и смертности в федеральных округах РФ

Федеральный округ	Общий коэффициент рождаемости, ‰		Общий коэффициент смертности, ‰		Коэффициент естественного прироста (убыли) населения, ‰	
	2012 г.	2014 г.	2012 г.	2014 г.	2012 г.	2014 г.
Центральный	11,4	11,4	13,9	13,6	-2,5	-2,2
Северо-Западный	12,2	12,3	13,8	13,3	-1,6	-1
Южный	12,6	12,8	13,4	13,3	-0,8	-0,5
Северо-Кавказский	17,4	17,3	8,3	8,0	9,1	9,3
Приволжский	13,3	13,3	14,0	13,9	-0,7	-0,6
Уральский	15,1	15,1	12,6	12,4	2,5	2,7
Сибирский	15,0	14,7	13,7	13,2	1,3	1,5
Дальневосточный	14,0	14,0	13,1	12,6	0,9	1,4
Крымский	-	12,9		15,1	-	-2,2
РФ	13,3	13,3	13,3	13,1	0	0,2

По данным Росстата в 2014 г. самые высокие значения коэффициента естественного прироста населения наблюдаются в Чеченской Республике (19,2‰) и Республике Ингушетия (18,0‰), а минимальные значения – в Псковской (-7,5‰) и Тульской (-7,1‰) областях. Необходимо отметить, что в 2014 г. в 42 регионах страны (из 82 субъектов) отмечается естественная убыль населения. Как уже отмечалось сложная ситуация сохраняется в Центральном федеральном округе, в котором только в одном из 18 субъектов данного округа (в г. Москва) наблюдается естественный прирост населения, и в Крымском федеральном округе, в двух регионах которого отмечается естественная убыль населения (табл. 4).

Таблица 4

Число субъектов РФ по величине естественного прироста (убыли) населения

Федеральный округ	Число регионов, единиц		
	всего	в том числе, в которых наблюдается	
		естественный прирост	естественная убыль
Центральный	18	1	17
Северо-Западный	10	3	7
Южный	6	3	3
Северо-Кавказский	7	7	-
Приволжский	14	7	7
Уральский	4	3	1
Сибирский	12	10	2
Дальневосточный	9	6	3
Крымский	2	-	2

Воспроизводство населения характеризует коэффициент жизненности населения (коэффициент Покровского), рассчитываемый в процентах как соотношение числа родившихся и умерших в стране или отдельном регионе в течение года. Если в начале 2012 г. в стране коэффициент жизненности составлял 99,8%, то в 2014 г. он составил 101,6%, что свидетельствует об улучшении ситуации в естественном движении населения, т.к. число родившихся превысило число умерших.

Из федеральных округов по величине коэффициента жизненности населения заметно выделяется Северо-Кавказский федеральный округ, в котором его значение превышает 200%, тогда как, например, в Центральном федеральном округе данный показатель не превышает 84%. Несмотря на увеличение значений коэффициента Покровского во всех федеральных округах страны, в 2014 г. только в четырех из них (Северо-Кавказском, Уральском, Сибирском и Дальневосточном) его величина превышала 100%, свидетельствуя о процессе воспроизводства населения (рис. 2).

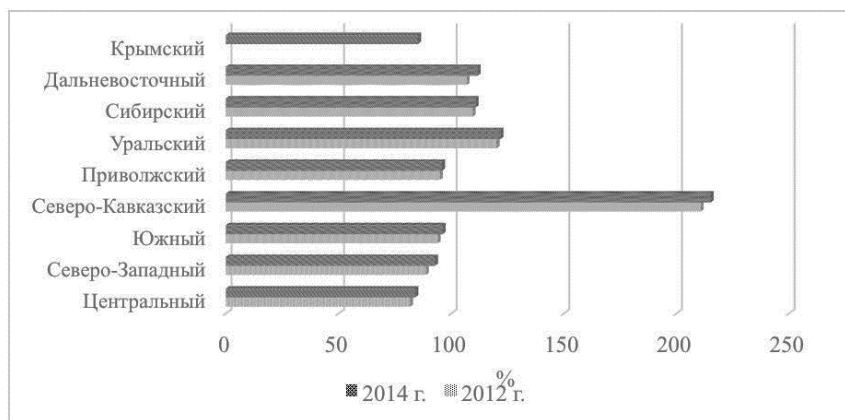

Рис. 2. Динамика величины коэффициент жизненности населения в федеральных округах РФ на начало года, %

Большой интерес, по нашему мнению, представляет изучение значений коэффициента Покровского в субъектах РФ, из которых по величине данного показателя лидирует Республика Ингушетия, в которой величина данного показателя составила 621,6%, а минимальное значение отмечается в Тульской области – 58,4%.

По данным Росстата за 2014 г. на основе рассчитанного коэффициента жизненности населения все регионы страны были условно разделены на восемь групп.

В первую группу, в которой коэффициент жизненности населения не превышает 75%, вошли 17 регионов страны, в основном, Центрального и Северо-Западного федеральных округов. Это Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Курская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Нижегородская и Пензенская области, Республика Мордовия. В регионах, составляющих эту группу, сохраняется сложная ситуация в воспроизводстве населения, поскольку в расчете на 100 умерших число родившихся не превышало 75 человек.

Вторую группу с величиной коэффициента Покровского от 75 до 100% составили 25 субъектов РФ: Белгородская, Калужская, Костромская, Липецкая, Московская, Ярославская, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Волгоградская, Ростовская, Кировская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Курганская, Кемеровская, Амурская области; Республики Адыгея, Карелия и Крым; Алтайский и Приморский края; Еврейская автономная область, город Севастополь.

В 26 субъектах РФ, составляющих третью группу, наблюдается превышение числа родившихся над числом умерших, поскольку коэффициент жизненности населения находится в

пределах от 100 до 125%. В данную группу вошли Мурманская, Астраханская, Оренбургская, Свердловская, Челябинская, Иркутская, Новосибирская, Омская, Томская, Магаданская и Сахалинская области; Республики Башкортостан, Коми, Марий Эл, Татарстан, Удмуртская, Чувашская и Хакасия; Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Пермский, Ставропольский и Хабаровский края, города Москва и Санкт-Петербург.

В пяти регионах четвертой группы – Республиках Калмыкия, Карачаево-Черкесской, Северной Осетии-Алании; Забайкальском крае и Чукотском автономном округе – коэффициент Покровского находится в пределах от 125 до 150%.

В трех субъектах РФ – Республиках Алтай, Бурятия и Кабардино-Балкарская, вошедших в пятую группу, коэффициент жизненности населения составляет от 150 до 200%.

Шестую группу также составляют три региона страны, в которых коэффициент Покровского находится в пределах от 200 до 300% – это: Тюменская область, Республики Саха (Якутия) и Тыва.

Самые высокие значения коэффициента жизненности населения отмечаются в Республике Дагестан (344,96%), составляющей седьмую группу, и в двух регионах восьмой группы – в Республиках Ингушетия и Чеченской, в которых значения коэффициента Покровского превышает 480%.

Произведенная группировка регионов страны по величине коэффициента жизненности населения свидетельствует о том, что во многих регионах страны необходимо принимать срочные меры по повышению рождаемости.

Правительство РФ предпринимает ряд мер по улучшению демографической ситуации в стране и стимулированию рождаемости. Например, продолжаются выплаты материнского капитала, размер которого в 2015 г. увеличился на 5,5% по сравнению с предыдущим годом и составил 453,03 тыс. руб. В 2015 году отдельным семьям была предоставлена возможность получения единовременной выплаты за счёт средств материнского капитала в размере 20 тыс. руб., а также возможности направления материнского капитала на улучшение жилищных условий в любое время со дня рождения второго, третьего и последующего детей. В соответствии с подписанным в октябре 2015 г. Распоряжением Правительства РФ № 2043-р в 53 регионах страны для поддержки семей будут производиться выплаты денежных средств в связи с рождением третьего и последующих детей. Кроме того, проводится большая работа по улучшению медицинского обеспечения детей, доступности получения мест в дошкольных образовательных учреждениях.

Одним из показателей, характеризующих демографическую ситуацию в стране, является ожидаемая продолжительность жизни при рождении, которая постепенно увеличивается как для всего населения, так и отдельно для мужчин и женщин. По данным Росстата за период с 2009 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении для населения страны возросла на 2 года и в 2013 г. составила 70,8 лет.

Существенный вклад в рост численности населения страны вносят граждане, прибывающие в России из различных стран. За период с 2012 по 2014 г. число прибывших в РФ граждан иностранных государств составило 590,8 тыс. чел, что на 41,5% больше, чем в 2012 году. Конечно, наша страна заинтересована в том, чтобы к нам приезжали молодые, образованные и профессионально подготовленные граждане других государств. Утвержденная Правительством РФ программа по оказанию содействия добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, должна способствовать миграционному притоку в нашу страну.

Предпринятые меры должны оказать позитивное влияние на сложившуюся демографическую ситуацию в стране.

Список литературы

1. Россия в цифрах. 2015: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2015 – 543 с.
2. Естественное движение населения Российской Федерации в 2014 г. Стат. бюллетень. – М., 2015.
3. Естественное движение населения Российской Федерации в 2012 г. Стат. бюллетень. – М., 2013.

Белгарокова Наталья Мухамедовна,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры «Прикладная социология»
Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

На фоне регулярного обсуждения демографического кризиса в России, нередко тиражируется утверждение о том, что демографическая проблема якобы не распространяется на кавказские регионы. Действительно, долгое время популяционные процессы на Кавказе отличались иным демографическим вектором – население неуклонно росло. Однако мало кто из специалистов знает, что в результате возросшей рождаемости, снижающейся смертности и интенсивных миграционных процессов в СКФО произошли кардинальные демографические перемены, охватившие регион в последнее время. Значения и долгосрочная динамика большинства основных социально-демографических показателей в Северо-Кавказском федеральном округе существенно отличаются от соответствующих значений и динамики показателей в среднем по Российской Федерации.

Ключевые слова: демографическая ситуация, демографическая политика, воспроизводство населения, миграция, миграционные процессы, естественный прирост, смертность, рождаемость, межэтнические отношения.

E-mail: NBelgarokova@fa.ru

Belgarokova Natalia M.,
PhD of Social Sciences,
Associate Professor of the department of «Applied Sociology»,
Financial university under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia

ESPECIALLY SOCIAL AND DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE NORTH CAUCASIAN FEDERAL DISTRICT

Regular discussions on the background of the demographic crisis in Russia, are often replicated assertion that the demographic problem supposedly did not extend to the Caucasus region. Indeed, for a long time, population processes in the Caucasus differed other vector population – the population grew steadily. However, very few non-experts know that as a result of increased fertility, declining mortality and intensive migration processes in the North Caucasus Federal District there have been dramatic demographic changes that gripped the region in recent years. Values and long-term dynamics of most of the main socio-demographic indicators in the North Caucasus Federal District, differ significantly from the corresponding values and the dynamics of indicators of the average in the Russian Federation.

Keywords: demographics, population policy, reproduction of the population, migration, migration, natural growth, mortality, fertility, inter-ethnic relations.

E-mail : NBelgarokova@fa.ru

Известно, что национальная безопасность страны во многом зависит от демографической устойчивости. Северокавказский федеральный округ, который часто обращает на себя внимание российской и мировой общественности, в демографическом отношении также переживает переломный момент. Обладая высокой плотностью населения среди экономических районов России, Северный Кавказ значительно проигрывает по заселенности территории своим пограничным соседям. Особенность региона в воспроизводственных процессах выражена в резких межгрупповых и этнических различиях перехода к депопуляции. Основой положительного естественного прироста населения Северного Кавказа являются воспроизводственные процессы сельского населения республик района и прирост населения титульных национальностей данных республик (табл. 1). Уровень рождаемости на Северном Кавказе не только дифференцирован по группам территорий, но и по этнической структуре внутри одной группы.

Таблица 1

Показатели естественного движения населения в I полугодии 2015 года [11]

Субъект федерации	Человек			На 1000 человек населения		
	родившиеся	умершие	естествен- ный при- рост (+), убыль (-)	родившиеся	умершие	естествен- ный при- рост (+), убыль (-)
Российская Федерация	926776	988097	-61321	12,8	13,6	-0,8
Северо-Кавказский федеральный округ	75153	39461	+35692	15,7	8,2	+7,5
Республика Дагестан	25231	8229	+17002	17,0	5,5	+11,5
Республика Ингушетия	4098	739	+3359	17,8	3,2	+14,6
Кабардино-Балкарская Республика	6067	3963	+2104	14,2	9,3	+4,9
Карачаево-Черкесская Республика	2794	2270	+524	12,0	9,8	+2,2
Республика Северная Осетия – Алания	4813	3923	+890	13,8	11,2	+2,6
Чеченская Республика	15128	3352	+11776	22,2	4,9	+17,3
Ставропольский край	17022	16985	+37	12,3	12,2	+0,1

Рассматривая изменение численности населения, можно отметить, что только в четырех из шести регионов СКФО в разные годы последнего десятилетия наблюдалась отрицательная демографическая динамика (рис. 1). Иными словами, в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Осетии в 2000-е годы наблюдалось сокращение численности населения. Кроме того, заметим, что рост численности населения в Ставропольском крае обеспечивается исключительно за счет миграции [1].

Между тем, по демографическим прогнозам Росстата, уже в среднесрочной перспективе указанные регионы столкнутся с еще более удручающими демографическими переменами. Так, по среднему варианту прогноза (рис. 2), ожидается, что уже к 2031 г. депопуляционные тенденции охватят Дагестан и Ставропольский край.

В остальных приведенных регионах масштабы депопуляции существенно усилятся и только единственным исключением станет Адыгея, где ожидается ощутимый рост населения (рис. 3) [11].

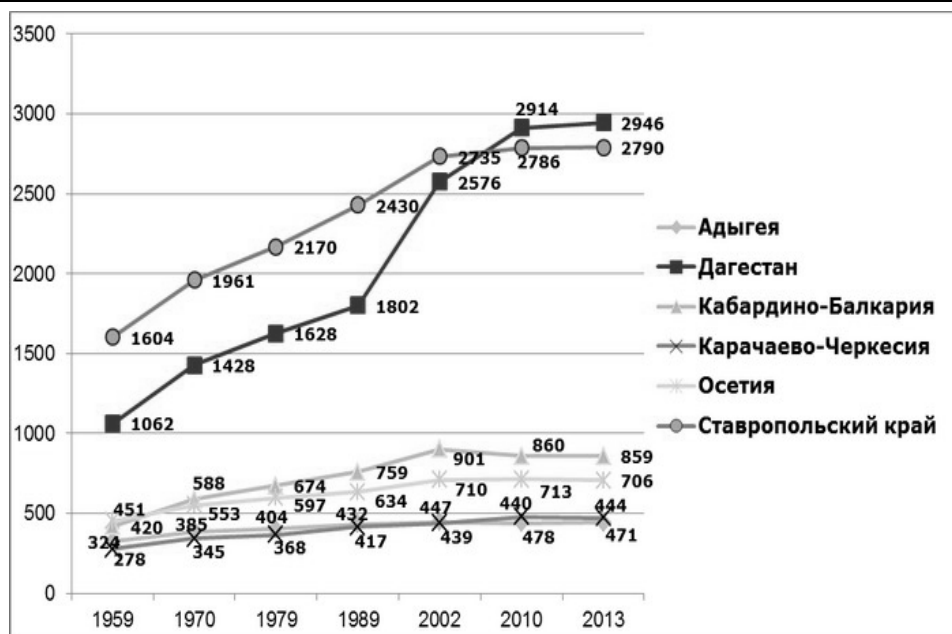

Рис. 1. Изменение численности населения в некоторых регионах Северного Кавказа 1959-2013 гг. (тыс. человек)

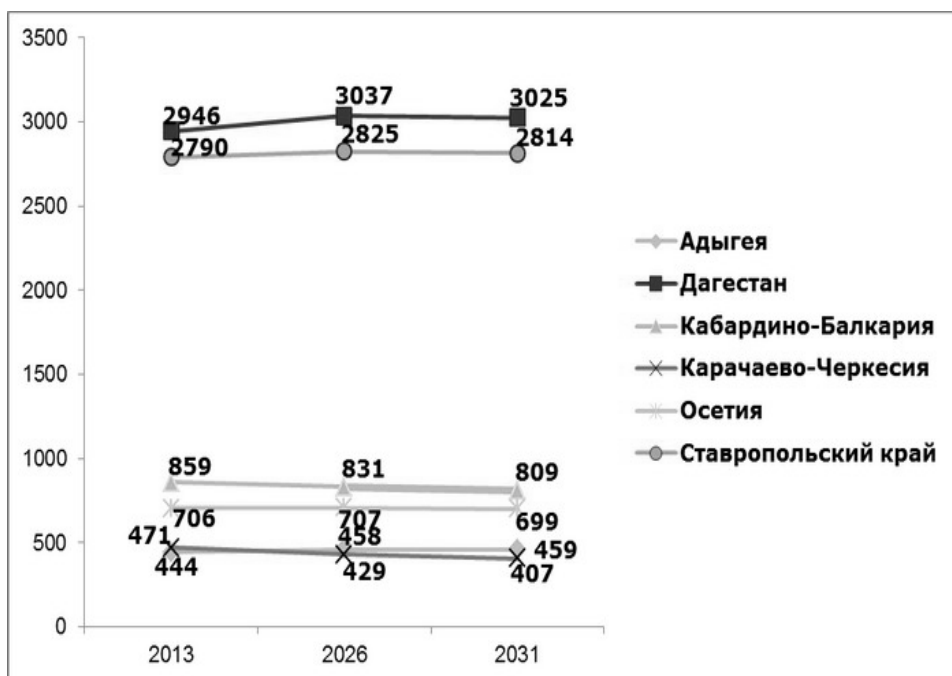

Рис. 2. Изменение численности населения в некоторых регионах Северного Кавказа по среднему варианту прогноза 2013-2031 гг. (тыс. человек)

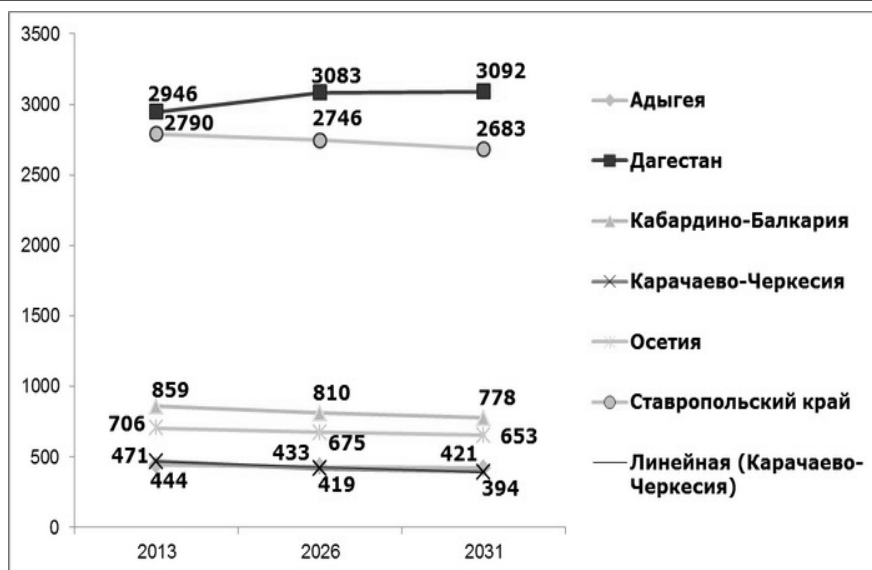

Рис. 3. Изменение численности населения в некоторых регионах Северного Кавказа по низкому варианту прогноза 2013 – 2031 гг. (тыс. человек)

Из графиков видно, что в среднем варианте прогноза возникают вопросы по оптимистическим оценкам в отношении Адыгеи, а в низком варианте аналогичные сомнения возникают по поводу Дагестана, по которому авторы прогноза надеются на устойчивый рост численности населения вплоть до 2031 г. Спорность данного утверждения, с одной стороны, в том, что в низком варианте прогноза, как правило, рассматривается наиболее пессимистический сценарий развития событий, с другой стороны – оптимистические ожидания диссонируют со средним (более оптимистическим) вариантом прогноза и хронологией демографического развития республики.

По показателям рождаемости Северо-Кавказский федеральный округ занимает 1-е место в стране. В 2009 году высокие показатели рождаемости в Северо-Кавказском федеральном округе формировались в основном за счет показателей Чеченской Республики (более 29 новорожденных на 1000 человек населения), в 2014 г. этот показатель снизился до 24 новорожденных на 1000 человек населения. В Республиках Ингушетия и Дагестан в 2009 г. было более 18 новорожденных на 1000 человек населения, а в 2014 г. этот показатель вырос до 20,38 и 19,10 соответственно [6]. В других субъектах Российской Федерации, входящих в этот федеральный округ, значения показателей рождаемости отличаются от средних показателей по Российской Федерации незначительно (рис. 4).

Как видно, лишь в двух из одиннадцати регионов Северного Кавказа наблюдается уровень рождаемости, находящийся выше порога демографического воспроизводства. Но даже у сегодняшних демографических лидеров (чеченцев и ингушей) за несколько последних десятилетий рождаемость упала в 1,5 и в 1,4 раза, соответственно. Высокий уровень рождаемости в Северо-Кавказском федеральном округе предопределяет увеличение доли детей в общей численности населения этого федерального округа (на начало 2006 года – 18,6%), а также увеличение доли молодежи в общей численности лиц трудоспособного возраста. Особенно заметно увеличилась доля молодежи в Чеченской Республике (32,9%), Республике Ингушетия (28,9%) и Республике Дагестан (25,4%). Предполагаемый прирост населения в Северо-Кавказском федеральном округе в 2010 – 2020 годах составит около 800 тыс. человек [3].

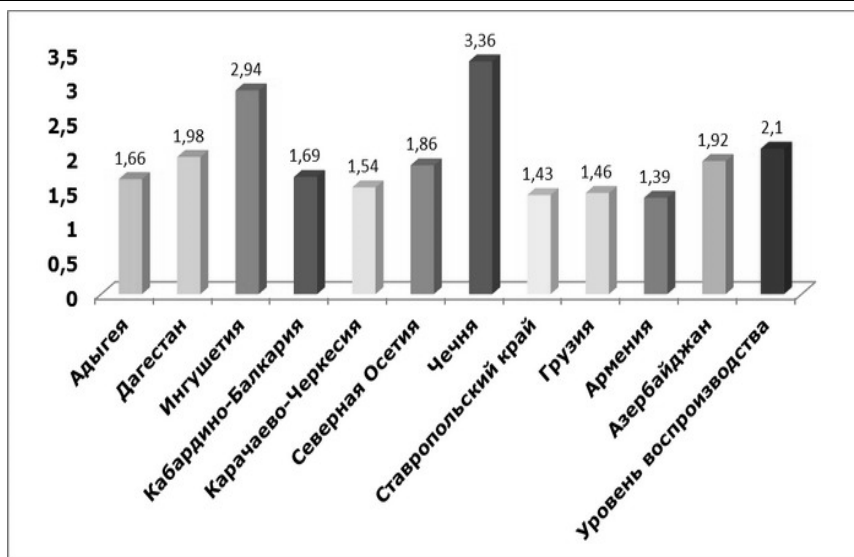

Рис. 4. Сопоставление суммарного коэффициента рождаемости в регионах Северного Кавказа и Закавказья с уровнем воспроизводства населения, 2011, 2013 г.

При этом наблюдается пропорциональная зависимость между уровнями рождаемости титульных национальностей и русского населения в республиках Северного Кавказа; специфика в смертности населения всего Северного Кавказа определяется положением со смертностью в республиках, так как уровень смертности населения второй группы территорий близок к среднероссийскому. Вместе с тем, смертность русского населения в национальных республиках в 2 раза выше, чем титульных национальностей. К тому же, уровень смертности титульного населения дифференцирован как по республикам, так и по этносам в одной республике. В то же время, среди причин смерти населения региона более значительное место, чем в России в целом, занимают причины, свойственные развивающимся странам – это болезни органов пищеварения, инфекционные и т.п. Но показатель смертности в Северо-Кавказском федеральном округе самый низкий по Российской Федерации – 8,9 умерших на 1000 человек населения в 2009 году (в среднем по Российской Федерации – 14,6 человека на 1000 человек населения), в 2014г. этот показатель снизился еще до 8,1 умерших. Самые низкие значения показателей смертности на 1000 человек населения были зафиксированы в 2009 году в Республике Ингушетия (3,7 умерших), Чеченской Республике (5,3 умерших), Республике Дагестан (6,1 умерших). В остальных субъектах Российской Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, значение этого показателя также ниже среднероссийского. Значение показателей продолжительности жизни населения Северо-Кавказского федерального округа также является самым высоким в Российской Федерации [4. С. 3-8].

Серьезной проблемой для СКФО является высокая младенческая смертность и среди федеральных округов – здесь она в полтора раза выше, чем в стране в целом. Показатели по Российской Федерации 6,6, а в Северо-Кавказском округе, почти 10% [6]. За три года младенческая смертность в округе снизилась на 19,2% (на конец 2014 года с 14,6 до 11,8 на тысячу родившихся живыми детей), за девять месяцев текущего года – ещё на 14% (до 9,9 промилле). Материнская смертность за три года снизилась на 9,4% (фактически с 14 до 12,6 на 100 тыс. родов). Структура причин младенческой смертности и главных причин смертности всего населения России и Северного Кавказа совпадает.

Также необходимо подчеркнуть особенности возрастной структуры населения Северо-Кавказского федерального округа. Это более молодое население по сравнению с Российской Федерацией в целом. Удельный вес детей в структуре составляет 24%, а доля пожилого населения – лишь 16%, тогда как в целом по стране обратная ситуация – 17 и 23,5% соответственно [3]. Такое сокращение численности детей и подростков, а также соответствующее увеличение доли пожилых людей может повлечь за собой серьезные проблемы, связанные с формированием трудовых ресурсов способных, сохранять и развивать материальный и интеллектуальный потенциал в регионах и приведет к росту демографической нагрузки. Уменьшение численности молодежи через 20 – 25 лет может быть обусловлено и негативными изменениями в здоровье женщин – рожениц и рождающихся детей. При сохранении тенденции сокращения числа нормальных родов уже в ближайшей перспективе этот показатель может оказаться ниже планки в 10% от всего числа родов, что окажет негативное влияние на качественные характеристики молодых людей.

По динамике численности населения территорию Северного Кавказа можно разделить на две группы: для первой группы характерно увеличение численности населения, а для второй – убыль. К первой группе относятся Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Чеченская Республика (хотя и в этих республиках наблюдается общая для всего северокавказского региона тенденция постепенного сокращения общего прироста населения). Ко второй группе территорий, на которых периодически или стабильно уменьшается численность населения, относятся Ставропольский край, Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия. Для Ставропольского края характерна естественная убыль населения, здесь депопуляция носит этнический характер и затрагивает в большей степени славянские этнические группы. Однако и в национальных республиках есть территории с преобладанием русского населения, в которых также наблюдаются высокие показатели естественной убыли населения [9].

Сельскохозяйственная специализация Северо-Кавказского федерального округа определяет низкий уровень урбанизации населения округа. Доля сельского населения в этом федеральном округе на 1 января 2009 г. составляла 51,2 %, а на 1 января 2010 г. – 51,1 % или 4729,1 тыс. человек (в среднем по Российской Федерации – 26,9 %). В Республике Дагестан, Республике Ингушетия и Карачаево-Черкесской Республике сельское население составляет 56% – 57% всего населения этих республик, а в Чеченской Республике – 64,7 %. Большинство сельских жителей проживают на территориях, имеющих слабо развитую транспортную инфраструктуру, что затрудняет развитие трудовой мобильности населения и обуславливает сравнительно низкий уровень жизни населения. В Республике Дагестан и Карачаево-Черкесской Республике численность сельского населения продолжает расти. Такая ситуация, с одной стороны, играет позитивную роль в условиях высокой безработицы, которая значительно легче переносится в селе, чем в городе. С другой стороны, эта структура предопределяет низкий уровень налоговых поступлений и, как следствие, дотационность региональных бюджетов [5].

Негативной тенденцией в 1990-х годах в Северо-Кавказском федеральном округе стала вынужденная миграция. Горячие точки, военные конфликты в ближнем зарубежье, сложные межэтнические отношения, с одной стороны, и благоприятные климатические условия, с другой стороны, сделали эту территорию перекрестком миграционных потоков [2]. В настоящее время Северный Кавказ – наиболее тревожный регион России с многообразием этномиграционных, этнокультурных и конфессиональных проблем. Присутствие на территории региона значительного числа мигрантов из государств ближнего зарубежья, беженцев и вынужденных переселенцев, избирательность территории поселения мигрантов, реструктуризация этнических групп из-за эмиграции в старое зарубежье – все это усугубляет проблемы ре-

гулирования и нормализации современной обстановки в СКФО. Для Северного Кавказа устойчивой тенденцией является миграция по этническим признакам: русские выезжают из национальных республик, а представители кавказских народов преимущественно возвращаются в «свои» национальные республики. Большая часть русских из национальных республик расселяется в Ставропольском, Краснодарском краях и в Ростовской области. Несмотря на это в этих субъектах происходит сокращение доли русского населения из-за неблагоприятных тенденций в естественном движении населения (низкой рождаемости и высокой смертности русского населения). На фоне сокращения русского населения в этих территориальных образованиях увеличивается доля других этносов, здесь сформировались (и формируются) крупные диаспоры и общины. Наиболее многочисленными из них являются армянская, азербайджанская, грузинская, месхетинских турок, греческая, корейская и др. Они оказывают существенное влияние на обострение межэтнической напряженности в социально-экономической сфере и на этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе в целом. Изменение этнического состава населения внесло определённые коррективы в характер межэтнических отношений, способствовало повышению общего уровня социальной напряженности, усилению националистических и сепаратистских настроений, криминализации обстановки [8].

В 2008 году в целом по Северо-Кавказскому федеральному округу миграционная убыль составила 11,9 тыс. человек, в том числе в Республике Дагестан – 9,8 тыс. человек, Кабардино-Балкарской Республике – 2,9 тыс. человек, Республике Северная Осетия – Алания – 2,7 тыс. человек, Карачаево-Черкесской Республике – 1,9 тыс. человек и Чеченской Республике – 1 тыс. человек [4, стр.9-12]. Миграционный прирост отмечался в Ставропольском крае (5,5 тыс. человек) и Республике Ингушетия (0,9 тыс. человек). В таблице 2 представлены расчеты по данным Росстата, отражающие миграцию населения в 2014 году. Из нее видно, что наибольшие относительные потери населения несут Ставропольский край и республика Дагестан.

Таблица 2

Общие итоги миграции населения в I полугодии 2015 года [11]

Субъект федерации	Число прибывших, человек	В % к I полугодию 2014г.	Число выбывших, человек	В % к I полугодию 2014г.	Миграционный прирост (+), убыль (-), человек
Российская Федерация	2128624	105,7	2020683	106,5	+107941
Северо-Кавказский федеральный округ	90307	97,6	102525	101,5	-12218
Республика Дагестан	19382	94,7	26577	100,3	-7195
Республика Ингушетия	4318	98,9	3248	102,4	+1070
Кабардино-Балкарская Республика	5229	94,6	6959	100,1	-1730
Карачаево-Черкесская Республика	5314	97,8	6591	102,4	-1277
Республика Северная Осетия – Алания	6383	92,0	8187	104,9	-1804
Чеченская Республика	9842	111,5	9903	102,2	-61
Ставропольский край	39839	97,3	41060	101,4	-1221

Под воздействием миграции удельный вес русских в общей численности населения во всех национальных республиках округа резко сократился. За период с 1989 по 2002 год субъекты Российской Федерации, входящие в состав Северо-Кавказского федерального округа, покинули около 300 тыс. русских (27,5 % общей численности населения). В последние годы

темпы оттока несколько снизились, но обозначилась тенденция оттока русского населения из некоторых районов Ставропольского края [4, стр. 7-11], что может привести к сворачиванию целых отраслей экономики и замедлению социально-экономического развития. На фоне оттока русских из этих республик происходит миграционный приток представителей титульных национальностей, что закрепляет процесс этноизоляции на Северном Кавказе, чреватый неблагоприятными этнополитическими последствиями для России.

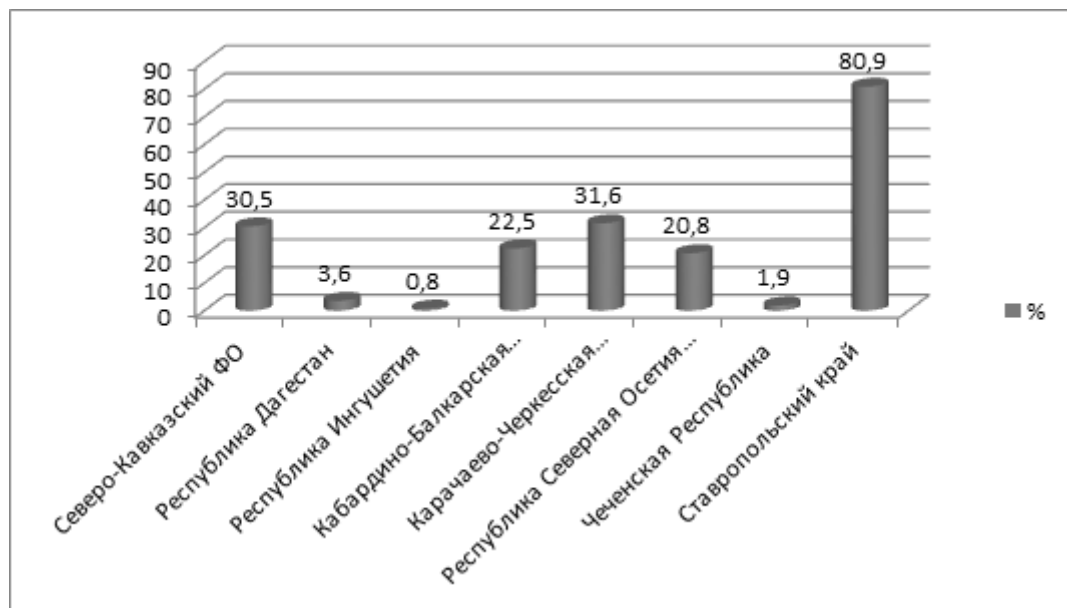

Рис. 5. Процентное соотношение численности русского населения и общей численности в субъектах Северо-Кавказского федерального округа на 2012 г.

Большая часть русского населения сосредоточена в Ставропольском крае, то есть как раз там, где наблюдается естественная убыль населения. Отметим, что Республики Северная Осетия — Алания, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская имея в своем составе от 20,8 % до 31,6 % русского населения, тоже демонстрировали в конце 1990-х начале 2000-х естественную убыль населения. Однако такие республики как Чеченская, Дагестан и Ингушетия, где уровень русского населения не превышает 3,6 %, обеспечивают достаточно высокий естественный прирост населения. Именно благодаря данным регионам Северо-Кавказский федеральный округ имеет столь положительную общую картину естественного движения населения [8].

Общественно-политическая и социально-экономическая значимость предотвращения оттока русского населения и создание условий для его возвращения и безопасного и комфортного проживания на территории Северо-Кавказского федерального округа была обозначена Д. А. Медведевым, будучи еще президентом РФ. Этот вопрос обсуждался им на встрече с общественными лидерами этого федерального округа в ходе заседания Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, посвященном ситуации на Северном Кавказе.

Сегодня прекращение оттока и возвращение русского населения на территорию Северо-Кавказского федерального округа является стратегической задачей. Русское население для

Северо-Кавказского федерального округа не только важнейший фактор стабилизации этнополитической ситуации, но и источник высококвалифицированных кадров, необходимых для обеспечения устойчивого развития этого федерального округа и достижения его инвестиционной привлекательности [10].

Управление миграционными процессами в Северо-Кавказском федеральном округе требует активного участия федерального центра в части разработки и реализации обширной программы, предусматривающей комплекс административных, социальных, экономических и культурных мер по количественной и пространственной регуляции миграционных потоков, а также по обеспечению процесса взаимной адаптации мигрантов и принимающих их территорий. Для решения проблемы избытка трудовых ресурсов Северо-Кавказского федерального округа ежегодные размеры трудовой миграции должны составлять 30 – 40 тыс. человек [2]. В приеме мигрантов требуется задействовать десятки регионов Российской Федерации. Эксперты отмечают, что важной задачей является работа по привлечению для постоянного проживания на территории Северо-Кавказского федерального округа русского населения из других регионов Российской Федерации и русскоязычного населения из государств – участников Содружества Независимых Государств, прежде всего, высококвалифицированных специалистов.

В связи с этим, была сформулирована цель демографической политики и приоритеты миграционной политики для русских территорий и национальных республик Северного Кавказа: в субъектах с естественным приростом населения цель демографической политики должна состоять в сохранении этой тенденции, а в субъектах с естественной убылью населения целью демографической политики должно стать создание условий для формирования предпосылок стабилизации и последующего естественного прироста населения путем воздействия на процессы рождаемости и смертности, улучшение здоровья населения (особенно трудоспособного возраста), укрепление института семьи [7]. Также должны быть обоснованы концептуальные подходы по социальной и культурной интеграции мигрантов для снятия межэтнической напряженности и обеспечению этнополитической стабильности в СКФО. Эти положения отражены в Государственной программе «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 года.

Таким образом, роль естественного движения в формировании населения в СКФО неуклонно сокращается, что является тревожной тенденцией не только для региона, но и для страны в целом, учитывая стратегическое положение Северного Кавказа. Роль миграционного прироста остается значительной, но, к сожалению, в миграционных потоках у людей продолжают доминировать открытые или скрытые вынужденные мотивы переселения. Не может не вызывать озабоченность этнический состав миграционных потоков. В данной связи опасность несет не столько приток – различных этнических групп в русскоязычные регионы, сколько отток русских из северокавказских национальных республик, что усиливает там моноэтничность населения. Особым направлением действий должна стать гармонизация межнациональных отношений. Прежде всего, речь идет о государственной политике, которая эффективно противодействует экстремизму, способствует формированию толерантного сознания в гражданском обществе. Необходимо использовать систему образования и дошкольного воспитания для формирования у подростков терпимости к иной культуре и вере. Целесообразна мобилизация возможностей средств массовой информации для воспитания терпимости и гуманистического мировоззрения [5].

Руководители регионального и местного уровней также могут существенно помочь в разрешении проблем. Требуется политика смягчения режима прописки для уже допущенных и проживающих мигрантов. Следует признать, что неопределенность их статуса во многом провоцирует конфликты и способствует их «вынужденной маргинализации». Этот принцип, однако, не исключает необходимости регулирования новых миграционных потоков так, как это

практикуется во многих развитых странах [2]. Кроме того власти на местах отнюдь не исчерпали собственных возможностей по созданию новых рабочих мест и фактически не используют образовательно-квалификационный потенциал и предпринимательские способности вынужденных мигрантов. Имеет смысл помогать не только мигрантам, но и коренному населению в открытии своего дела, создании новых рабочих мест и, таким образом, способствовать интеграции мигрантов в общество.

Список литературы

1. Абдулманапов П.Г. Демографическая безопасность регионов северокавказского федерального округа России // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2012. – № 1. – С. 353-365.
2. Белозёров В.С. Эволюция этномиграционных процессов на Северном Кавказе / Проблемы миграции и опыт её регулирования в полиэтническом Кавказском регионе. Москва-Ставрополь, 2003.
3. Будницкая Ю. А. Демографические и миграционные процессы, их этнокультурные особенности в субъектах Северного Кавказа: диссертация на соискание ученой степени к.э.н – Москва, 2009. – 129с.
4. Население России 2012. Двадцатый ежегодный демографический доклад. Ответственный редактор А.Г. Вишневский. – М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 412.
5. Региональные проблемы преобразования экономики: социально-демографические приоритеты субъектов Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала, 2013. – С. 32-44.

Интернет источники

6. Демографический ежегодник России, 2014 года [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_16/Main.htm (Дата обращения: 08.11.2015).
7. Официальный портал Правительство России. Государственная программа Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 года. Распоряжение от 17 декабря 2012 г. №2408-р. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://government.ru/docs/3362/> (Дата обращения: 12.11.2015).
8. Игорь Белобородов. Кавказский демографический дрейф. Информационно-аналитическая служба Русская народная линия. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2013/12/30/kavkazskij_demograficheskij_drejf/ (Дата обращения: 20.10.2015).
9. Официальный портал всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census (Дата обращения: 10.11.2015).
10. Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в СКФО [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://skfo.gov.ru/skfo> (Дата обращения: 08.11.2015).
11. Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник, 2014 года [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/Main.htm. Социально-экономическое положение федеральных округов – 2015 года [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_20/Main.htm (Дата обращения: 08.11.2015).

Берова Фаризат Жамаловна,
доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
отделения «Региональный менеджмент» Института информатики и проблем
регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик, Россия

Беров Астемир Закирович,
аспирант отделения «Региональный менеджмент»
Института информатики и проблем регионального управления
Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик, Россия

Яхутлова Марианна Леонидовна,
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Центра социально-политических исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик, Россия

Яхутлов Кантемир Леонидович,
аспирант отделения «Региональный менеджмент»
Института информатики и проблем регионального управления
Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик, Россия

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА

В статье отмечается особая значимость рассмотрения демографической безопасности России через призму регионов. Определены целевые ориентиры и пороговые значения индикаторов социально-демографической безопасности региона. Предложены индикаторы демографической безопасности, характеризующие динамику изменения воспроизводства населения в количественном и качественном измерении. Обозначены основные системообразующие факторы демографической проблемы, предложены этапы и приоритетные направления социально-демографической политики. Представлена авторская модель стратегии демографической безопасности.

Ключевые слова: демографические процессы, демографическая безопасность, прогноз, демографическая политика, регион, индикаторы демографической безопасности

E-mail: berova@list.ru

Berova Farizat Zh,
Doctor of Economics Sciences,
Institute of computer science and regional management,
Kabardino-Balkarian Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Berov Astemir Z.,
post-graduate student,
Institute of computer science and problems of regional management,
Kabardino-Balkarian Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Yakhutlova Marianna L.,
PhD of Economics Sciences, Institute of Socio-Political Studies,
Kabardino-Balkarian Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Yakhutlov Kantemir L.,
post-graduate student,
Institute of computer science and problems of regional management,
Kabardino-Balkarian Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

PRIORITY DIRECTIONS OF SOCIO-DEMOGRAPHIC POLICY IN THE REGION

The article notes the significance of the study of demographic security through the prism of Russian regions. Targets and thresholds indicators of socio-demographic security of the region are defined. Demographic security indicators, describing the dynamics of the reproduction of the population in quantitative and qualitative terms are proposed. The main factors of the demographic problem are outlined, milestones and priorities for social and demographic policy are suggested. Author's model of demographic security strategy is presented.

Keywords: demographic trends, demographic security, population policy, the region, the indicators of demographic security.

E-mail: berova@list.ru

Прежде чем перейти к приоритетным направлениям социально-демографической политики региона необходимо определить степень демографической безопасности. Исследование демографической безопасности обусловлено не только максимальной концентрацией экономических интересов на социальных проблемах, но и их обособлением в определенные самостоятельные системы с четко выраженным субъектом этих интересов. Особенно показательным в этом отношении может быть региональный уровень формирования демографических интересов и способов их защиты. Рассмотрение населения региона в качестве субъекта демографической безопасности предполагает описание его как системы, подверженной внутренним и внешним угрозам стабильности протекающих в ней процессов. Только в этом качестве регион способен фигурировать как субъект демографической безопасности, осуществлять функции поддержания и сохранения безопасности, иметь органы, выполняющие эти функции.

Основной целью обеспечения демографической безопасности страны должно явиться не просто сохранение численности населения и предотвращения депопуляции, но и сохранение этнической структуры населения и генофонда нации. В соответствии с целями демографической безопасности и в зависимости от сложившейся демографической ситуации в регионах России могут быть разные задачи [1,3]. Сочетание интересов центра и региона, на наш взгляд, имеет двойственный характер:

- регионы выступают как территории с локализованными демографическими, социально-экономическими, экологическими и прочими процессами, которые могут угрожать экономической безопасности РФ и иметь территориально-дифференцированный характер проявления;
- регион субъект регулирования со стороны центра процессов, связанных с обеспечением общей безопасности РФ, с одной стороны, и проводник собственной социально экономической политики, с другой.

Демографическая ситуация показывает общие тенденции демографического и репродуктивного поведения населения в стране на национальном уровне. Репродуктивное поведение населения ведущий элемент, формирующий изменения в демографических процессах страны, является ключевым вопросом в анализе демографической ситуации.

Также не достаточно глубоко исследованы вопросы взаимовлияния экономических и демографических процессов. Что не позволяет разрабатывать комплексные программы экономико-демографического развития региона. При изучении демографической ситуации практически не учитывается роль экономических процессов в её формировании. Депопуляция — это крайняя форма демографической ситуации, характеризующаяся тенденцией превышения уровня смертности над уровнем рождаемости. Рождаемость, смертность и миграция являются основными демографическими процессами, которые определяют динамику, численность населения и характер демографической ситуации в стране. Названные демографические процессы по своей природе инертны, последствия этих процессов могут иметь отдаленный характер проявления.

Рассмотрение населения региона в качестве субъекта демографической безопасности предполагает описание его как системы, подверженной внутренним и внешним угрозам стабильности протекающих в ней процессов. Только в этом качестве регион способен фигурировать как субъект демографической безопасности, осуществлять функции поддержания и сохранения безопасности, иметь органы, выполняющие эти функции. Появление комплекса нетрадиционных для российской экономики угроз ее безопасности на региональном уровне не может быть правильно диагностировано без соответствующей системы показателей. Поэтому, характеризуя экономику региона, проблемы обеспечения ее внутренней и внешней безопасности, необходимо создание базы данных для мониторинга демографической безопасности. Необходим более широкий синтез, позволяющий в полной мере отразить пути совершенствования экономической системы для удовлетворения потребностей населения региона, и, таким образом, получить базу для исчерпывающих выводов о роли населения в

экономических процессах и процессе развития территории в целом. Эти задачи можно решить только на основе рассмотрения совокупности свойств населения, которые отображают различные аспекты его жизнедеятельности, проявляются во влиянии населения на экономику, политику, культуру и определяют закономерности воспроизводства народонаселения.

Таким образом, для изучения взаимосвязи экономических и демографических процессов, для разработки стратегических программ по их регулированию необходимо составить комплексную систему показателей, способную отобразить взаимное влияние экономических, социальных и демографических факторов во всем их многообразии.

Для анализа взаимного влияния свойств населения на экономические процессы и, наоборот, используется понятие «демографическая безопасность региона», под которым подразумевается совокупность экономических, социальных, демографических и др. процессов на территории, взаимодействие которых определяет способность населения адаптироваться к конкретным экономическим, социальным, культурным, природным условиям, воспринимать их изменения и формировать новые условия, направленные на повышение качества жизни и обеспечение безопасного развития населения региона.

Используя ниже перечисленные показатели, можно разработать методику для оценки уровня экономико-демографического развития региона, построить модель экономико-демографического развития. Эти модели целесообразно использовать при формировании стратегии экономико-демографической политики в регионе.

Поскольку экономика и демография представляют собой жизненно важные стороны деятельности общества, государства и личности, то понятие безопасности в первую очередь связано с оценкой жизнеспособности экономики и населения, их прочности при возможных внутренних и внешних угрозах. «Национальная безопасность есть способность общества своевременно распознать и оценить все классы угроз и принять необходимые меры к оптимальному их снижению и/или отражению с учетом текущих возможностей страны и долгосрочных интересов ее развития, а также сотрудничества в этих целях с другими странами и народами» [4]. В данном определении содержится указание на сущность, цель и средства обеспечения национальной безопасности, а также на зависимость принимаемых мер не только от интересов, но и от текущих возможностей страны в каждый конкретный момент развития во всех сферах жизнедеятельности общества. Современная научная мысль несколько расширяет понятие безопасности в следующих направлениях: от национальной безопасности к безопасности групп и отдельных личностей; от национальной безопасности к системе международной безопасности; от исключительно военной безопасности к политической, экономической, социальной и т.д. Таким образом, система национальной безопасности предстает как совокупность всех видов безопасности: экономической, демографической, социальной, политической, военной, экологической, технологической, интеллектуальной, информационной, психологической и др.

В этом случае идея безопасности оформляется как интегрирующая доктрина, содержание которой понимается как поддержание широкого комплекса ценностей общества и обеспечение возможностей их развития. При обеспечении принципов и оснований обеспечения безопасности личности и общества, стабильности государства, прежде всего, следует определиться с демографической безопасностью. На наш взгляд, при рассмотрении демографической безопасности нужно понять несколько моментов. *Во-первых*, демографическая безопасность — это процесс. Процесс не только прямолинейный, но и циклический, имеющий свои точки перелома. *Во-вторых*, надо определить то, что может его ограничивать и как можно это преодолеть, либо процесс не пойдет в нужном направлении.

Ряд указанных элементов государственной деятельности должны осуществляться, на наш взгляд, на основе государственной стратегии по обеспечению демографической безопасности (рис. 1).

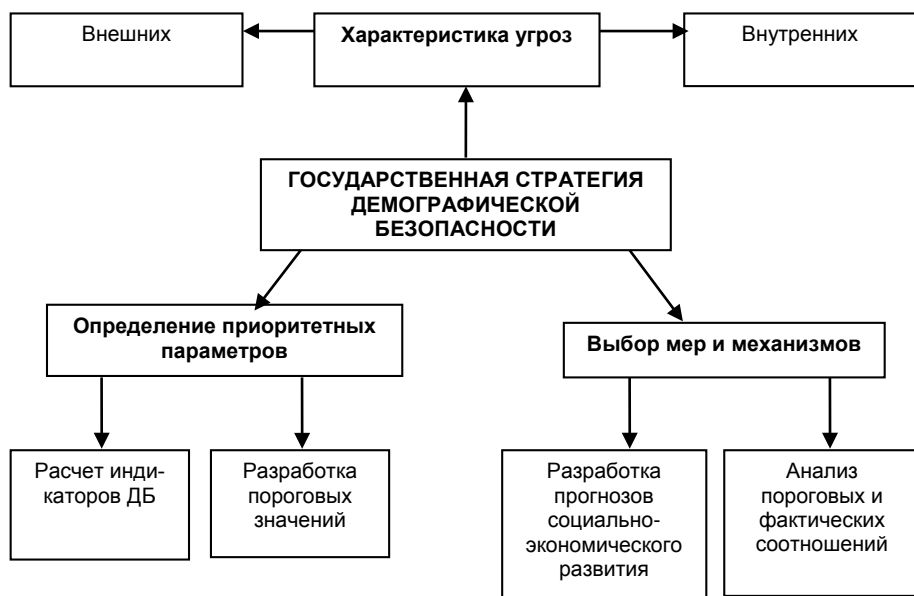

Рис. 1. Государственная стратегия демографической безопасности

Интересы демографической безопасности РФ сегодня требуют объективного и всестороннего мониторинга экономики и общества с использованием индикаторов демографической безопасности, который предполагает, прежде всего, фактическое отслеживание, анализ и прогнозирование важнейших групп демографических, социальных и экономических показателей (индикаторов), а также реализацию специально разработанных механизмов противодействия угрозам безопасности и достижения устойчивого состояния развития региона.

Стратегию демографической безопасности мы представляем как систему, состоящую из трех блоков (рис. 2). *Первый блок* — это мониторинг состояния социально-экономической ситуации, информации о развитии населения, производственной и финансовой сфер на территории, диагностика угроз демографической безопасности, выявление случаев, когда фактические параметры социального и экономического развития отклоняются от пороговых значений демографической безопасности, и определение этих пороговых значений. Эти индикаторы должны охватывать все факторы, определяющие качество жизни населения: состав и движение населения, уровень его жизни, социальную инфраструктуру региона. *Второй блок* прогнозный, т.е. разработка прогнозов социально-экономического развития и оценка в рамках этих прогнозов показателей, которые определяют демографическую безопасность региона. Производится расчет комплексных показателей, отражающих взаимосвязи экономики и населения. Результатом этих расчетов должно стать получение индикаторов экономико-демографического развития территории. *Третий блок* — реализация государственной стратегии, заключающаяся в разработке мер, методов и механизмов по обеспечению демографической безопасности страны. На третьем этапе, на основании полученных индикаторов экономико-демографического развития, осуществляется информационная поддержка выработываемых стратегических решений, направленных на совершенствование процессов, происходящих во всех трех сферах.

В стратегии демографической безопасности должны быть определены целевые установки и возможные диапазоны развития регионов и страны в целом. Для этого, как нам кажется, необходимо проанализировать внутренние и внешние условия развития региона и, ру-

ководствуясь целевыми установками государственной системы демографической безопасности, рассмотреть возможные варианты наиболее эффективной линии регионального развития демографической политики.

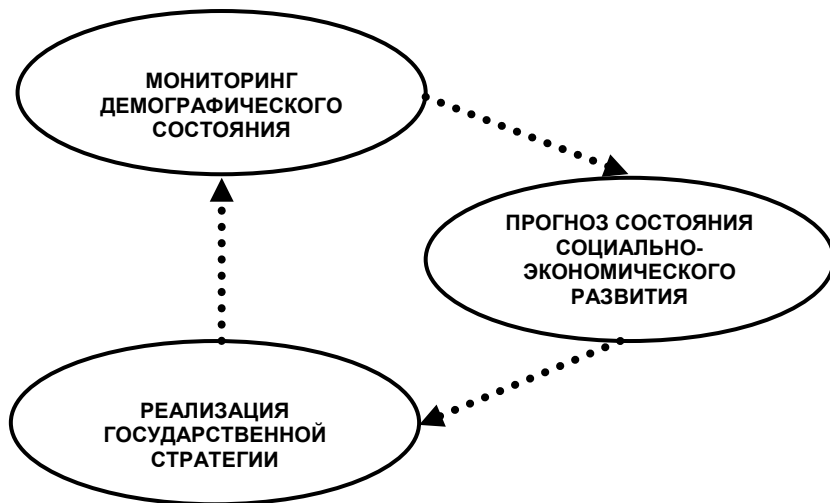

Рис. 2. Система стратегии демографической безопасности

Поскольку существует большое множество индикаторов, характеризующих экономические и демографические аспекты развития территории, то, прежде всего, следует выбрать из них главные, наиболее объективно отражающие уровень экономико-демографического развития территории. Затем показатели нормируются к единице и на их основе рассчитываются индексы демографического и экономического развития.

Мы предлагаем систему показателей, отражающих экономико-демографическое развитие территории, основанную на использовании статистической информации. Данная система включает 2 основные группы показателей развития региона: экономические и социально-демографические показатели. В блок экономических показателей включены показатели, характеризующие объем и структуру промышленного, сельскохозяйственного производства региона, строительства, финансово-бюджетной сферы. В социально-демографический блок включены показатели, характеризующие состав населения, его движение, уровень жизни, обеспеченность услугами социальной сферы.

При определении критериев демографической безопасности России следует воспользоваться уже имеющимися базовыми показателями, характеризующими в основном пороговые значения развития социальных и экономических процессов. Вместе с тем, критерии демографической безопасности должны быть тщательно отобраны с учетом как используемых в этом случае показателей стран экономических лидеров, так и отечественной практики. Их количество и, тем более, качество достаточны для того, чтобы служить надежными индикаторами, сигнализирующими о возникновении и развитии дестабилизирующих тенденций, и в то же время они не должны чрезмерно отягощать систему демографической безопасности, которая призвана оперативно и, главное, безошибочно реагировать на возможные угрозы как внешние, так и внутренние.

Национальные интересы требуют анализа и оценки демографических факторов и демографических угроз, их величины и скорости изменения, воздействия на демографическую ситуацию в стране с учетом средние и долгосрочной перспективы. К числу демографических угроз, исходя из интересов национальной безопасности страны, следует отнести:

- долговременную динамику уменьшения численности населения страны;

- сокращение естественного прироста населения из-за превышения смертности над рождаемостью и в результате отсутствия расширенного воспроизводства населения (устойчивая депопуляция);
- увеличение демографической нагрузки, т.е. увеличение числа лиц моложе трудоспособного возраста (МТВ) и особенно старше трудоспособного возраста (СТВ), приходящихся на 1000 человек трудоспособного возраста (ТВ);
- уменьшение рождаемости (менее 2,15 ребенка на одну женщину детородного возраста или менее 10 детей в расчете на 1000 человек в год);
- рост смертности (более 8 человек в расчете на 1000 человек в год);
- устойчивое превышение численности женщин над численностью мужчин (особенно для возрастов от 25 до 50 лет);
- сокращение численности населения (мужчин), признанного годным по состоянию здоровья и другим показателям (образовательный уровень, профессиональная подготовка и др.) для службы в вооруженных силах страны до уровня, не обеспечивающего в нужном объеме комплектование вооруженных сил в мирное и военное время.

Оценка демографической ситуации, исходя из прогнозов (на кратко и среднесрочную перспективу), предполагает использование:

- метода демографических коэффициентов, включающего общие коэффициенты естественного движения населения, половозрастные демографические коэффициенты, стандартизированные коэффициенты;
- моделирования демографических процессов, в основе которого расчет потенциала роста населения с учетом различных факторов, влияющих на темп его роста;
- социологических и графоаналитических методов, позволяющих всесторонне изучить демографическое поведение населения, выявить реально действующие социально-психологические нормы и на основе этого дать прогностическую оценку рождаемости, смертности, брачности, разводимости и т.д.

Основные индикаторы оценки демографической безопасности:

- общий коэффициент рождаемости;
- суммарный коэффициент рождаемости;
- общий коэффициент смертности;
- коэффициент младенческой смертности;
- коэффициент старости населения;
- естественный прирост (убыль) населения (человек/1000 человек населения);
- миграционный прирост (убыль) населения (человек/1000 человек населения);
- ожидаемая продолжительность жизни населения в анализируемый период (ОПЖ);
- демографическая нагрузка (число нетрудоспособных на 1000 человек трудоспособного возраста);
- средняя численность занятых на 1000 человек трудоспособного населения;
- средняя численность незанятых в трудоспособном возрасте и нетрудоспособных на 1000 человек занятых.

Помимо перечисленных выше индикаторов демографической безопасности, считаем необходимым включить дополнительно следующие, такие важные показатели, характеризующие динамику изменения воспроизводства населения в количественном и качественном измерении, как: коэффициент старения населения; скорость старения (омоложения) населения; скорость вымирания нации; инвалидность детей до 16 лет. Особая значимость предложенных нами индикаторов демографической безопасности заключается в том, что они отражают изменение скорости в воспроизводстве населения (в частности, наступление депопуляции, изменения в структуре населения) и помогут принять соответствующие экстренные меры в текущей социальной политике. Большинство индикаторов демографической безопасности в основном отражают сложившуюся на данный момент ситуацию.

Скорость вымирания нации наиболее полно и объективно отражает состояние динамики воспроизводства населения (рис. 3).

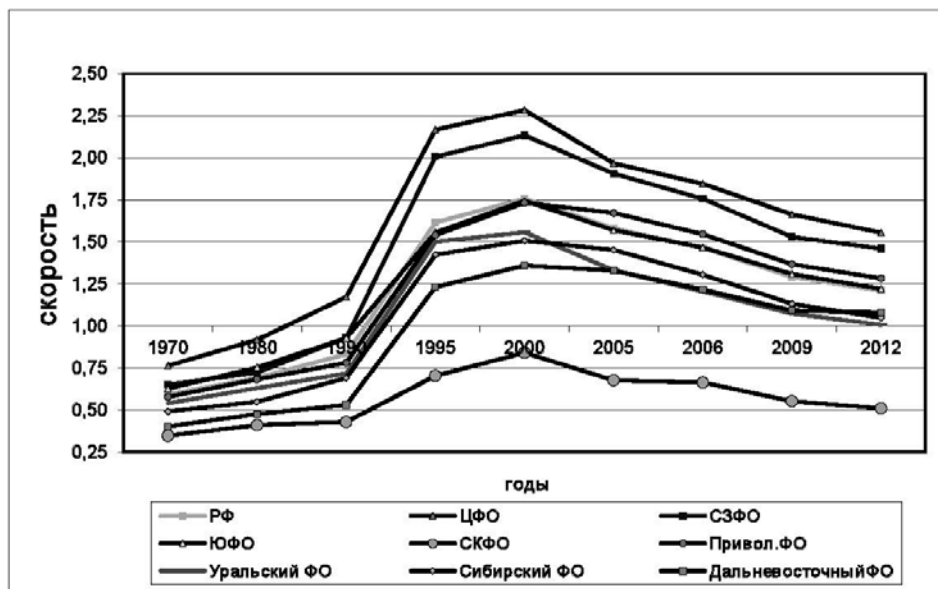

Рис. 3. Скорость вымирания населения по ФО РФ

Процесс вымирания нации в России был заложен еще в середине 1970-х гг. Довольно высокими темпами он стал проявляться в 1995-2005 гг. В Центральном и Северо-Западном федеральном округах отношение численности умерших к численности родившихся в 1995-2005 гг. увеличилось более чем в 2 раза, в Приволжском и Южном федеральном округах аналогичный показатель составил 1,5-1,75 раза, что соответствует среднероссийскому. Только в Северо-Кавказском федеральном округе данный показатель находится ниже единицы, что свидетельствует о сохранении положительной динамики в воспроизводстве населения, при этом следует отметить также тенденцию повышения скорости вымирания в 1995-2005 гг. в результате снижения рождаемости и повышения смертности населения. С 2005 года во всех федеральных округах наметилась тенденция снижения данного показателя, что объясняется, в первую очередь, повышением рождаемости и некоторой стабилизацией смертности. Однако следует отметить, что данный показатель выше единицы во всех федеральных округах, за исключением Северо-Кавказского, в среднем по России он составляет 1,28, то есть на каждые 25 родившихся детей умирают 32 человека.

По мнению демографа А. Б. Синельникова: «При всей важности решения проблемы смертности, никакое ее снижение не приведет к прекращению депопуляции в долгосрочной перспективе. Необходимый для обеспечения простого замещения поколений суммарный коэффициент рождаемости (не ведущий ни к росту, ни к убыли населения) даже при самой низкой смертности должен составлять 2,1 ребенка на одну женщину. Фактически же, он составляет в России лишь 1,3 ребенка, что примерно на 40% ниже необходимого уровня. При этом каждое последующее поколение в стране будет на 40% уступать предыдущему поколению по численности. В таких условиях в долгосрочной перспективе, при любой, сколь угодно высокой средней продолжительности жизни, численность населения страны неизбежно будет сокращаться, если только естественная убыль населения не будет компенсироваться иммиграцией, хотя это не решает проблему депопуляции по существу» [5].

При этом следует сказать, что, как отмечает Л.Л. Рыбаковский, замещающая миграция, когда естественная убыль компенсируется иммиграцией, ведет не к сохранению популяции, а к её изменению со всеми этнокультурными и социальными последствиями. В этом случае через определенное время кардинально меняется этнический и генетический облик населения страны [7]. В этом плане необходимо более глубокие исследования по регулированию внутренних миграционных процессов [3].

Приведем текущие значения показателей индикаторов демографической безопасности за 2012 год и, рассчитанные нами, их пороговые значения и целевые ориентиры (табл. 1).

Таблица 1

Целевые ориентиры и пороговые значения индикаторов социально-демографической безопасности

Показатели	Характеристика	Текущее значение	Пороговое значение	Целевой ориентир
1. Общий коэффициент рождаемости	Число родившихся живыми за год на 1000 человек населения	16,0	10	20
2. Общий коэффициент смертности	Число умерших за год на 1000 человек населения	9,0	10	8
3. Коэффициент младенческой смертности	Число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми	8,7	10	4-5
4. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет: - всего; - мужчины; - женщины	Количество лет, которое предстоит прожить поколению новорожденных при сохранении для каждого возраста существующего уровня смертности	72,4 67,5 77,3	70 68 75	82,5 80 85
5. Общая заболеваемость детей	Всего зарегистрировано за год больных в возрасте 0-14 лет на 1000 детей	1259,4	1200	1100
6. Инвалидность детей до 16 лет	Отношение числа детей-инвалидов до 16 лет к общей численности детей	-	-	-
7. Общая заболеваемость взрослого населения	Всего зарегистрировано за год больных в возрасте 18 лет и старше на 1000 взрослого населения.	803,5	1100	1000
8. Первичная заболеваемость туберкулезом	Зарегистрировано за год больных с диагнозом туберкулез, установленным впервые в жизни, на 100 тыс. Населения	48,3	40	30
9. Удельный вес предотвратимых причин смерти, %	Число умерших от предотвратимых причин смерти к общей численности умерших	5,3	5	2
10. Уровень потребления алкоголя, л.	Объем потребления алкогольных напитков в пересчете на абсолютный алкоголь на одного человека в год	4,1	6	4
11. Коэффициент старения населения, %	Доля лиц в возрасте 65 лет и старше, в общей численности населения	10,8	15	9-10

Показатели	Характеристика	Текущее значение	Пороговое значение	Целевой ориентир
12.Скорость старения (омоложения) населения	Отношение численности населения 65 лет и старше, к общей численности детей 0-14 лет	0,7	0,9-1	0,5
13.Скорость вымирание нации	Отношение числа умерших к числу родившихся живыми, за год	0,8	0,9-1	0,5-0,6
14. Коэффициент депопуляции	Ежегодная убыль численности населения	-	-	-

* В 2008 году младенческая смертность составила 5,83, что не характерно для республики, в среднем она составляет 14-16 промилле.

По результатам прогноза, проведенного совместно с проф. Б.А. Ашабоковым, критической болевой точкой для республики является 2017 год – резкое снижение (падение) рождаемости, что приведет к истинной депопуляции [1]. В дальнейшем, начиная с 2016-2017 гг. в ближайшие 20-30 лет население республики будет убывать, особенно с 2021 г. (табл. 2).

Таблица 2

**Число родившихся, число умерших, естественный прирост населения КБР до 2031 года
(тыс. человек)**

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2031
Число умерших	11,22	11,36	11,5	11,64	11,78	11,92	12,06	12,2	12,34	12,48	12,62
Число родившихся	8,68	8,64	8,6	8,56	8,52	8,487	8,44	8,4	8,36	8,32	8,28
Прирост, (убыль)	-2,54	-2,72	-2,9	-3,08	-3,26	-3,44	-3,62	-3,8	-3,98	-4,16	-4,34

Рост численности населения возможен только при снижении уровня смертности. За небольшой период времени с 1980-х до 2015 гг. воспроизводство населения в республике перейдет от прогрессивного типа к стационарному (2000-2010 гг.) и в дальнейшем к регрессивному типу. Ускорение нарастания депопуляции с 2016-2017 гг. произойдет как за счет изменения интенсивности рождаемости (падения) и смертности (повышения), так и возрастной структуры населения [2].

Анализ различных ситуационных моделей показывает, что одним из оптимальных путей предотвращения депопуляции населения в республике является сохранение уровня рождаемости 2007-2008 гг. (по прогнозу 8,5 тыс. детей) и снижение смертности к 2015 году до уровня 1990 года, т.е. предкризисного периода [6].

Упустив возможности улучшения демографической ситуации на данном этапе, как Россия, в целом, так и Кабардино-Балкария действительно войдет в долговременную полосу нарастающей депопуляции. С учетом особенностей (этнических, религиозных, ментальности и т. д) существует реальная возможность предотвращения депопуляции населения, сохранения на первых порах «нулевого» роста с постепенным переходом к росту населения, хотя и незначительному.

Таким образом, исходя из ожидаемых изменений в возрастной структуре, результатов прогноза и вытекающих социальных проблем, весь прогнозируемый период необходимо разбить на 2 этапа: *I-й этап до 2020 г.; II-й этап 2021-2030 гг.* На первых порах важно сохранение «нулевого» роста населения, переход от регрессивного типа воспроизводства населения к стационарному. *На первом этапе* до 2020 года предполагается стабилизация рождаемости на

уровне, обеспечивающем простое воспроизводство населения, преодоление критической черты смертности, решения острых социальных проблем. На втором этапе 2021 – 2030 годы достигается стабилизация численности населения, повышение продолжительности жизни, уровня и качества жизни.

Демографическая проблема как в Кабардино-Балкарской Республике, так, в целом, и в России является многофакторной проблемой. Основными системообразующими факторами демографической проблемы являются: идеологический фактор; социально-экономический фактор; административно-организационный фактор; медико-биологический фактор; фактор общего состояния окружающей среды.

Определение степени, первоочередности и результатов взаимовлияния факторов различной природы, требует использования технологии соответствующих дисциплинарных и междисциплинарных подходов. Исследование основных системообразующих факторов и поиск решения демографической проблемы сведены к пяти блокам:

- 1) блок нормативных демографических параметров;
- 2) блок комплексного анализа реальных демографических проблем;
- 3) блок исследования субъективных факторов демографической проблемы;
- 4) блок исследования объективных факторов демографической проблемы;
- 5) блок принятия решения и анализа риска.

Проект Национальной программы демографического развития России направлен, в основном, на пассивную политику социальной поддержки населения, как в области здравоохранения, так и в области рождаемости. Государственная политика в области рождаемости должна быть нацелена на создание достойных условий для всестороннего воспитания и развития желаемого количества детей. В целях предотвращения наметившихся негативных тенденций в демографических процессах, в первую очередь, необходимо радикальное изменение политики реформ и придание ей социальной направленности. Стержнем реформы должен стать демографический блок. Каждый этап реформирования экономики России должен соотноситься с демографическим состоянием населения, в соответствии с демографическими проблемами и с учетом специфики региона, политические и социальные институты должны выдвигать задачи первостепенной важности.

Список литературы

1. Ашабоков Б.А., Берова Ф.Ж. Об одном подходе к прогнозу демографических процессов в регионе: теория и результаты реализации // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 4.
2. Берова Ф.Ж. Результаты прогноза динамики возрастной структуры населения КБР // Известия КБНЦ РАН. – 2009. – № 6 (32).
3. Берова Ф.Ж., Яхутлова М.Л. Классификация миграционных процессов РФ на основе кластерного анализа // Известия КБНЦ РАН. – 2008. – № 4 (24). – С. 14-21.
4. Косолапов Н. Национальная безопасность в меняющемся мире // МЭМО. – 1992. – № 10. – С. 17.

Интернет источники

5. Синельников А. Б. «Что более приемлемо для населения: стимулирование рождаемости или приток иммигрантов?». // Научный интернет-журнал «Демографические исследования». №1. – Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=21&idArt=787 (Дата обращения: 11.11.2015).
6. Рыбаковский Л.Л. – Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/stat1a8.html>. (Дата обращения: 10.11.2015).
7. Берова Ф.Ж. Региональные особенности демографических процессов в России: методологические аспекты исследования: Автореф... д-ра экон. наук. (ИСПИ РАН). – Нальчик, 2012. – 25 с. а также диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Режим доступа: http://dibase.ru/article/07022012_berovafzh //www.dissercat.com (Дата обращения: 10.11.2015).

Брушкова Людмила Алексеевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры «Прикладная социология»
Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

ВЛИЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛОВ НА РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЯН

В статье предпринята попытка рассмотреть репродуктивное поведение россиян сквозь призму таких категорий как человеческий и социальный капиталы. Описаны модели репродуктивного поведения обладателей высокого и низкого человеческого капиталов. Показано, что малодетность в современных условиях обусловлена необходимостью «качественной» социализации детей, предполагающей затраты на формирование и развитие их человеческого капитала. Обоснован вывод, что повышенная рождаемость в домохозяйствах низшего класса оборачивается распространением социально-деструктивного материнства, порождающего целый спектр трудноразрешимых социальных проблем. Показано, что социальный капитал также влияет на репродуктивное поведение россиян, способствуя или препятствуя принятию решения о деторождении, однако его роль в этом отношении неизмеримо ниже, чем роль человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, социальный капитал, репродуктивное поведение, средний класс, низший класс, социальная сеть, человеческое развитие, трансформация семьи, материнство несовершеннолетних, включающий социальный капитал, исключаящий социальный капитал.

E-mail: lbrushkova@yandex.ru

Brushkova Lyudmila A.
PhD of Sociologic Sciences,
Associate Professor of the department of «Applied sociology»,
Financial university under the
Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

THE INFLUENCE OF HUMAN AND SOCIAL CAPITAL ON REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF RUSSIANS

This paper is an attempt to discover reproductive behavior of Russian population using human and social capital concepts. Patterns of reproductive behavior of social groups – holders of high and low human capital are described. Expressed opinion that low level of fertility in the modern society is connected to necessity of “qualitative” socialization including their human capital development cost. Higher rate of fertility in low class house holdings results in socially destructive maternity spreading that causes wide range of hard social problems. Social capital influences reproductive behavior if Russians as well but its impacts is much more lower comparing the human capital.

Keywords: human capital, social capital, reproductive behavior, middle class, low class, social network, human development, family transformation, teenagers’ maternity, inclusive social capital, exclusive social capital.

E-mail: lbrushkova@yandex.ru

В современной науке понятия «человеческий» и «социальный капитал» (так сказать, с легкой руки, Г. Беккера, П. Шульца и П. Бурдьё) стали очень популярными и используются для объяснения очень широкого круга социальных и экономических явлений: от экономического роста и социальной стратификации до брачного и репродуктивного поведения индивидов и социальных групп. Многочисленные исследования показывают, что в последнее время репродуктивные установки и поведение россиян все больше зависят не столько от чисто демографических характеристик людей – пола, возраста, семейно-брачного статуса, детности, сколько от их социально-экономических параметров – образования, занятости, доходов, социальных связей и др. Это значит, что данная проблема может быть рассмотрена и сквозь призму таких категорий как человеческий и социальный капиталы.

Изначально понятие «человеческий капитал» было призвано отразить эффективность инвестиций в человека, повышающих его способность к труду, а именно вложений в образование и профессиональные навыки. Впоследствии оно стало пониматься гораздо шире, вобрав в себя такие аспекты человеческого развития как состояние здоровья и долголетие, образование (общее и специальное), квалификацию и переобучение индивида и другое. Последние расчёты, сделанные экспертами Всемирного банка, включают в понятие «человеческий капитал» целый спектр потребительских расходов: на питание, одежду, жилища, образование, здравоохранение, культуру, а также расходы государства на эти цели. В отличие от экономического капитала человеческий капитал неотделим от самого человека, то есть он не может быть украден, потерян, растрочен и т.п. Хотя надо сказать, что Здоровье, умения и навыки также подвержены износу и устареванию. Поэтому можно говорить не только о возрастании, но и об убывании человеческого капитала.

Рост человеческого капитала страны напрямую зависит от инвестиций в него: государственных и частных. Страны, в которых практикуется система всеобщего государственного образования и здравоохранения характеризуются как более высоким уровнем развития человеческого капитала, так и более низким уровнем социального неравенства. Примером здесь могут служить скандинавские страны (Дания, Швеция, Норвегия и Финляндия) известные своими достижениями в области человеческого развития. В России в настоящее время наблюдается целый ряд негативных тенденций в развитии человеческого капитала, связанных, в частности, и с тем, что бремя расходов на образование и здравоохранение все больше перекладывается на плечи домохозяйств. Это имеет прямое отношение к репродуктивному поведению россиян.

За годы рыночных реформ в общественном мнении россиян сложилось стойкое убеждение, что ребенок – это дорогостоящее «предприятие». Так, согласно данным опросов, в Москве на питание ребенка приходится тратить от 4 до 9 тысяч рублей в месяц или от 48 до 108 тысяч рублей в год. На средства гигиены для ребенка уходит от 3 до 5 тысяч ежемесячно или от 36 до 60 тысяч ежегодно. Покупка детской одежды и обуви «облегчает» семейный бюджет на сумму от 25 до 80 тысяч рублей в год. На медицинское обслуживание ребенка тратится от 20 до 120 тысяч рублей в год. В целом, содержание одного столичного ребенка обходится родителям от 200 до 574 тысяч рублей в год. И это – не считая трат на платные образовательные услуги, развлечения, покупку игрушек и электронных гаджетов.

Достаточно весомая доля расходов российских домохозяйств приходится на покупку школьной формы, спортивной одежды и сменной обуви (примерно 4700 рублей), на учебные пособия и тетради – в среднем 3077 рублей. По мнению 42% опрошенных жителей Санкт-Петербурга и 58% жителей Москвы, на подготовку ребенка к школе нужно не менее 10 тысяч рублей. Поступление ребенка в школу означает для многих родителей необходимость покупки ему мобильного телефона, хотя определенная часть родителей делает это и раньше. Так, по данным опроса Фонда общественного мнения от 15.10.2013, 66% родителей детей в возрасте от 5 до 16 лет заявили, что у их ребенка есть мобильный телефон средней стоимостью 3500 рублей [4].

Рост «детских» затрат российских домохозяйств продолжается на протяжении всего времени обучения детей. В особенности это касается домохозяйств среднего класса, которые

прибегают к услугам частных репетиторов и финансируют высшее образование своих детей. Можно сказать, что экономическая «стоимость» качественной социализации ребенка в современных условиях значительно возросла, что ведет к росту соответствующих затрат домохозяйств. «Детская» нагрузка российских семей особенно ощущается в условиях постепенного уменьшения роли систем государственного образования и здравоохранения. Желание родителей создать адекватную современным требованиям «материальную базу» и, по возможности, сделать так, чтобы их ребенок (дети) ни в чем не нуждались и не чувствовали себя ущемленными в сравнении со своими сверстниками, вносит свои коррективы в репродуктивные планы россиян, особенно когда это касается обзаведения вторым и последующими детьми.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что в настоящее время материальная обеспеченность во многом определяет репродуктивные планы россиян. В особенности это касается современной молодежи, материальные стандарты жизни которой, в условиях перехода к обществу потребления и развлечения, еще выше, в сравнении с более старшими поколениями. Так, одним из ключевых условий создания семьи и рождения детей для многих молодых россиян является наличие собственного благоустроенного жилья. Материальная обеспеченность в сознании современных россиян – это не только обеспеченная и комфортная жизнь, но и возможности для развития, как их самих, так и детей. Становление экономики знания предъявляет повышенные требования именно к качеству человеческого капитала работников, что диктует необходимость вложений в образование (общее и дополнительное), повышение квалификации.

Исследователями давно подмечено существование обратной зависимости между уровнем человеческого капитала женщин и их репродуктивными установками и поведением. Как правило, чем выше уровень образования и профессиональной квалификации женщины, тем слабее у нее мотивация на деторождение и тем меньше у нее детей. Данный эффект рассматривается социологами как, во многом, закономерный результат эмансипации женщин. Расширение внедомашних сфер деятельности и соответствующих возможностей женщин привело к тому, что ценность детей в их сознании находится в состоянии конкуренции с другими не менее важными для них ценностями – свободным временем, профессиональным и личностным ростом, досугом и развлечениями. То есть дети перестали быть абсолютной и безальтернативной ценностью для женщин, как это было в прошлом. Эта ценностная трансформация расценивается многими специалистами как уже свершившийся факт и норма жизни современного общества. Так, по мнению Г. Беккера, автора концепции «экономики рождаемости», главной причиной снижения потребности в детях является снижение «предельной полезности» каждого последующего ребенка для человека и семьи. Связано это с ростом цены человеческого времени, которое превращается в самостоятельный фактор благосостояния людей, наряду с другими материальными и нематериальными факторами. Продолжая логику Г. Беккера, многие исследователи приходят к выводу, что в условиях современного общества, когда приходится выбирать между количеством и качеством человеческого капитала, малодетность (наличие 1-2 детей) становится нормой репродуктивного поведения.

Увеличение времени обучения, т.е. инвестиций в собственный человеческий капитал ведет к откладыванию молодежью времени вступления в брак, создания семьи, что объективно сокращает время, отведенное на рождение детей. Как показывают исследования, «большинство юношей и девушек хотят до брака завершить образование, иметь высокооплачиваемую работу и отдельное от родителей жилье. Поскольку приобретение жилья затягивается на неопределенный срок, а «высокооплачиваемая работа» — понятие относительное, происходит откладывание брака» [2. С. 197]. Такие существенные сдвиги, по оценкам экспертов, трудно переоценить, поскольку «изменение возраста вступления в брак приводит к постепенному сдвигу всего календаря демографических событий» [1. С. 128].

Согласно данным опроса Фонда общественного мнения от 28.01.2014, большинство россиян считают, что, сегодня люди, заведя семью, стараются отложить рождение детей на более позднее время, и это характерно не только для мужчин. Так считает 53% россиян в целом,

43% мужчин и 61% женщин, если речь идет о женщинах. Относительно мужчин мнения россиян распределились так: население в целом – 60%, мужчины – 52%, женщины – 66% [5]. Как мы уже отмечали выше, объясняется это желанием молодежи нарастить свой человеческий капитал и обеспечить материальные возможности для формирования и развития человеческого капитала своих детей.

Однако в России существует и другая, прямо противоположная, тенденция, связанная с влиянием человеческого капитала на репродуктивное поведение населения. Касается она репродуктивного поведения женщин низшего класса, проявляющегося в более высоком уровне рождаемости в таких домохозяйствах. К низшему классу современного российского общества исследователи относят социальные слои, чьи структурные позиции на рынке труда оказываются наиболее слабыми. Так, в качестве комплексного критерия отнесения к низшему классу, в рамках исследования Института социологии РАН 2009 г., были взяты следующие характеристики: положение на рынке труда (труд средней и низкой квалификации, отсутствие занятости), образовательный статус (уровень образования – не выше среднего специального) и уровень дохода (среднемесячные душевые доходы в семье на уровне ниже медианного для страны). Под профессиональными позициями, не предполагающими высокой квалификации, понимались должности работников физического труда низкой и средней квалификации, рядовых работников сферы торговли и сферы услуг, технических служащих. Эти социальные слои были названы исследователями «зоной формирования низшего класса», размеры которой в российском обществе оказались достаточно велики – около 25% всего экономически активного населения страны. В терминах теории человеческого капитала эта зона может быть названа зоной наиболее низкого человеческого капитала российского общества.

Трудовая ситуация в зоне формирования низшего класса в целом может быть охарактеризована как бесперспективная. Так, «лишь 17% находящихся в зоне формирования низшего класса (при 26% у рабочего и 59% у среднего) имеют работу, которую они считают интересной, 17, 25 и 65% соответственно способны оказать влияние на принятие решений хотя бы в масштабах своего подразделения» [3. С. 30]. Представители низшего класса, как правило, занимают рабочие места, отличающиеся не только низкой оплатой и неудовлетворительными условиями, но и нестабильностью. Так, «60% потенциальных или реальных представителей российского низшего класса, расценивают, как весьма вероятную, возможность остаться в ближайший год без работы (подобное мнение выражают 22% представителей среднего класса, 43% рабочего). Среди представителей низшего класса в 3,5 раза выше, чем в среднем классе, и в 2 раза выше, чем в рабочем классе, доля тех, кто имеет опыт длительной (свыше 3-х месяцев в течение последнего года) безработицы» [3. С. 30].

Согласно данным исследования, большинство (59%) представителей формирующегося российского низшего класса составляют женщины, что делает проблему их репродуктивного поведения особенно актуальной. Любопытно отметить, что по своему гендерному составу низший класс оказывается схожим со средним классом, также примерно на 60% состоящим из женщин. Однако модели репродуктивного поведения у представительниц этих двух классов диаметрально противоположны. Уровень фертильности женщин, находящихся в низшем классе гораздо выше, чем женщин среднего класса. Так, «две трети женщин в зоне формирования низшего класса имеют в составе своих домохозяйств несовершеннолетних детей (для сравнения – в составе среднего класса таковых менее половины). При этом около 60% их растят детей в условиях отсутствия полноценной семьи (гражданский брак, разведены, матери-одиночки и т.п.); в среднем классе аналогичный показатель составляет всего около четверти» [3. С. 31]. В среде низшего класса отмечаются «очень низкие, по сравнению с другими группами, показатели брачности (42% состоящих в браке при 67% у не входящих в состав низшего класса) и заметно более высокие показатели семейных конфликтов из-за проблем с алкоголизмом и наркоманией» [3. С. 32]. Таким образом, в домохозяйствах низшего класса отмечается рост числа рождений в социально неблагоприятных условиях: в неполных и асоциальных семьях, рождений у женщин несовершеннолетнего возраста.

Рост числа беременностей несовершеннолетних девушек – это относительно недавнее социальное явление, требующее своего объяснения. Социологи всего мира, включая российских, отмечают снижение возраста начала сексуальных отношений, которое у девушек идет гораздо интенсивнее, чем у юношей. Так, по данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (RLMS-HSE) за 2010 г., «свыше 90% молодых граждан в возрасте от 17 до 30 лет без каких-либо предубеждений относятся к добрачным связям, а каждый пятый из этих людей оценивает их положительно. Причем, младшая молодёжь (от 14 до 19 лет) более склонна к позитивным оценкам, чем старшая (от 20 до 29 лет). Значительная часть молодых людей рассматривает добрачные сексуальные отношения как важный и необходимый этап подготовки к браку. Более того, в настоящее время сексуальные отношения до брака становятся нормой в молодёжной среде. Многие юноши и девушки довольно рано вступают в половые отношения. Так, среди девушек в возрасте от 14 до 20 лет таких оказалось 24,5%, а среди 20—29-летних женщин — 86,7%. При этом средний возраст полового дебюта в группе 14—19-летних составил 16,7 лет, а в группе 20—29-летних женщин — 18,1 лет. Из-за снижения возраста полового дебюта более четверти женщин беременеют ещё в возрасте до 20 лет. И это один из самых высоких показателей по числу подростковых беременностей в развитых странах» [6. С. 200].

Исследователи отмечают корреляцию возраста полового дебюта с уровнем образования женщин, а также экономическим и социальным статусом их семей. Как правило, беременности несовершеннолетних чаще встречаются в экономически и социально неблагополучных семьях. Появление детей у несовершеннолетних матерей создает довольно серьезные ограничения для развития их собственного человеческого капитала, а именно, завершения образования и овладения профессией, что зачастую, независимо от желания самих матерей, повышает риски бедности их домохозяйств, транслируя это состояние и их детям. Кроме того, несовершеннолетние матери, в силу своей социальной и психологической незрелости, как правило, не способны стать полноценными агентами социализации собственных детей.

Таким образом, повышенная рождаемость в среде домохозяйств низшего класса означает рост числа рождений при одновременном снижении их качества. Можно сказать, что в этой среде получает распространение модель социально-деструктивного материнства, сопровождающегося физической гибелью детей, ростом числа плохо социализованных детей, ростом социального сиротства и другими негативными явлениями.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

- современное российское общество отличается достаточно высоким уровнем социального неравенства (которое продолжает углубляться), одним из измерений которого является дифференциация социальных групп по уровню развития человеческого капитала;
- человеческий капитал детерминирует долговременные социальные установки (в терминологии П. Бурдье «габитус») и поведение различных групп, в том числе и в отношении деторождения;
- социальные группы с высоким уровнем человеческого капитала, относящиеся, прежде всего, к среднему классу, ориентированы на качественную социализацию своих детей, предполагающую инвестиции в их человеческий капитал, и собственное развитие, включая квалификационный рост, что ведет к ограничению деторождения и утверждению малодетной модели семьи (1-2 ребенка) в качестве социальной нормы;
- социальные группы с низким уровнем человеческого капитала, образующие низший класс, отличаются более высокой рождаемостью. Однако ввиду отсутствия осознанных стратегий социализации детей и материальных возможностей для их реализации, качество человеческого капитала появляющихся детей остается низким, что ведет к усилению девиантности в обществе. Незапланированное появление детей в домохозяйствах низшего класса часто ограничивает возможности человеческого развития не только самих детей, но и их матерей, в особенности, несовершеннолетних.

Рассмотрим теперь влияние социального капитала на репродуктивное поведение россиян. Социальный капитал определялся автором этого понятия, П. Бурдьё, как внутригрупповые связи и отношения, могущие быть полезными индивиду. В дальнейшем Дж. Коулмен и Р. Патнэм расширили это понятие, рассматривая социальный капитал не только как фактор индивидуальной полезности, но и стабильности, и благополучия общества в целом. В отличие от человеческого капитала, который является собственностью индивидов, социальный капитал всегда принадлежит группе: им могут воспользоваться все члены группы в равной мере. Социальный капитал – это своеобразные каналы, по которым передаются другие блага (богатство, власть, престиж и др.).

Социальный капитал существует в виде различных сетей неформальных связей и имеет количественный и качественный аспекты, а именно, количество связей и их «сила», теснота, близость. Как известно, М. Грановеттер выделял сильные и слабые связи. Сильные связи – это связи с близкими людьми (родственниками, друзьями), ответственные в основном за эмоциональную поддержку человека. Слабые связи – это связи с «дальними» людьми (знакомыми и знакомыми знакомых). Именно эти связи, по мнению Грановеттера, способствуют продвижению индивида в обществе, так как благодаря им человек получает разнообразную информацию из различных уголков сети, что значительно расширяет его социальные возможности. Другие авторы предпочитают делить социальный капитал на исключаяющий и включающий. Исключающий капитал способствует сплочению группы и формированию у ее членов чувства идентичности (семейной, этнической, религиозной, профессиональной, корпоративной и др.). Включающий капитал – это связи и отношения с более широким сообществом, которые могут способствовать восходящей мобильности индивида. Дефицит исключаящего капитала ведет к потере чувства идентичности индивида, а дефицит включающего капитала – к ограничению его социальной мобильности.

Теоретики социального капитала отмечали тенденцию к его убыванию в современных условиях, что проявляется, по их мнению, в ослаблении семейных, родственных, соседских связей, снижении общественной, гражданской и политической активности людей. Связывали они это с появлением и утверждением двухкарьерной семьи, распространением электронных развлечений и развитием системы государственной помощи.

Можно ли использовать концепцию социального капитала для объяснения репродуктивного поведения российского населения? Обратимся к данным исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), проведенного в 2004 году (размер пространственной выборки составил 4547 респондентов, панельной – 3018). Объектом исследования были мужчины и женщины наиболее активных репродуктивных возрастов: женщины, которым в 2004 году было 18-44 года; мужчины, не имеющие партнерши в домохозяйстве или вне его, в возрасте 18-44 года; мужчины любого возраста с партнершей 18-44 лет. В данном исследовании социальный капитал рассматривался как характеристика индивида, а не группы и определялся как «способность акторов гарантировать выгоды посредством членства в социальных сетях и других социальных структурах» [7. С. 3].

Исследование выявило существенную роль социального окружения в формировании репродуктивного поведения на этапе формирования семьи, когда происходит и экономическое самоопределение ее членов. Оказалось, что оптимальным здесь является нахождение потенциальных родителей на «небольшой дистанции», социальной и физической, со своими близкими родственниками. Так, было выявлено, что тесные отношения с родителями, проживающими отдельно, положительно сказываются на желании стать родителями. Напротив, если потенциальная бабушка живет очень далеко, то повышается вероятность откладывания рождения первенца. Любопытно, что те, кто живет вместе с родителями, также склонны откладывать рождение ребенка.

По мнению исследователей, «размер социальной сети положительно влияет на репродуктивное поведение независимо от числа детей в тех случаях, когда через эту сеть предоставляются ресурсы общего вида, не обладающие специфическими характеристиками и не предъ-

являющие к участникам сети дополнительных требований, например, денежная и материальная помощь. Напротив, когда социальная сеть используется для обмена специфическими ресурсами, например, неформальными услугами по уходу за детьми, которые могут быть предоставлены ограниченным кругом лиц из окружения респондента, ее влияние на дальнейшее репродуктивное поведение респондентов оказалось статистически слабо значимым» [7. С. 5].

В ходе исследования выяснилось, что доступ к институциональным услугам не оказывает сколько-нибудь значимого влияния на репродуктивное поведение россиян, что согласуется с результатами ряда зарубежных исследований. Расширение социальной поддержки государства в адрес матерей, как правило, не дает сколько-нибудь значимого увеличения рождаемости. В то же время, развитие и доступность услуг по уходу за детьми положительно влияют на рождаемость на макроуровне. Взаимосвязь между этими параметрами опосредована состоянием и динамикой рынка труда в целом и женской занятости, в частности.

Таким образом, исследователи приходят к выводу, что «различные аспекты социального капитала, действительно, влияют на репродуктивное поведение российского населения. Однако, это влияние проявляется через повышение возможностей домохозяйства сглаживать колебания дохода в связи с рождением и воспитанием детей и отчасти снижение возможных издержек по уходу за детьми» [7. С. 5].

Сравнивая влияние человеческого и социального капиталов на репродуктивное поведение российских женщин, мы приходим к выводу, что влияние первого неизмеримо выше, чем второго. Рост инвестиций в человеческий капитал существенно меняет ценностно-мотивационную сферу индивидов в целом и их установки на детей, в частности. Наличие же или отсутствие социальной поддержки потенциальных и реальных родителей может только несколько скорректировать их репродуктивные установки, не меняя их по существу.

Список литературы

1. Елисеева И.И., Клецин А.А. Городская семья в России: современные тенденции // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. – СПб: Нестор-История, 2010. – 512 с.
2. Козырева П. М., Лежнина Ю. П. Российская молодежь: семья, брак и сексуальность // Россия и Китай: молодежь XXI века [монография] / отв. редакторы: М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. – М. Новый хронограф, 2014. – С. 192-220.
3. Тихонова Н. Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. – 2011. – №5. – С. 24-35.

Интернет источники

4. Мобильные телефоны у детей. Для чего нужны мобильные телефоны детям? – Режим доступа: <http://www.fom.ru> (Дата обращения: 28.09.2015).
5. Семья и дети. – Режим доступа: <http://www.fom.ru> (Дата обращения: 28.09.2015).
6. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводится НИУ ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/org/hse/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> (Дата обращения: 01.10.2015).
7. Синявская О.В. «Социальный капитал и гендерное равенство в объяснении рождаемости в России» (Выступление на XI Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 6-8 апреля 2010 года) в рамках сессии «Что мы знаем и чего мы не знаем о современной российской семье и рождаемости») Демоскоп № 421–422, 1-23 мая, 2010. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0421/analit02.php> (Дата обращения: 28.09.2015).

Егин Артем Сергеевич,
магистрант
Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия
руководитель: Тропина Жанна Николаевна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Финансовые рынки и
финансовый инжиниринг»
Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

РАЗВИТИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ

В настоящей статье рассматривается проблема социально-экономического благополучия россиян через развитие финансовых институтов в РФ. В рамках исследования автором статьи описаны причины отсталости российских финансовых рынков. Автор анализирует проблемы, связанные с недоверием населения к финансовым рынкам, общей рыночной конъюнктурой и институтами, формирующими рынок инвестиционных услуг в России. По результатам исследования автором статьи предложены варианты решения вышеуказанных проблем.

Ключевые слова: финансовые рынки, социально-экономическое благополучие, инвестиционные услуги.

E-mail: artemegin@gmail.com

Egin Artem S.,
master student,
Financial university under the
Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Instructor: Tropina Zhanna N.,
PhD of economic sciences, Docent,
Associate Professor of the department «Financial Markets and Financial Engineering»,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

DEVELOPMENT OF INVESTMENT SERVICES IN THE RUSSIAN FEDERATION AS A SOCIO-ECONOMIC WELFARE OF THE POPULATION

In this article the problem of socio-economic well-being of Russians through the development of financial institutions in the Russian Federation. In the study, the author of the article describes the causes of the backwardness of Russian financial markets. The author analyzes the problems associated with distrust of the financial markets, general market conditions and institutions that form the market of investment services in Russia. According to research by the author proposed solutions to the above problems.

Keywords: financial markets, economic and social welfare, investment services.

E-mail: artemegin@gmail.com

В данной статье рассматривается проблема недостаточной активности населения на рынках капитала в качестве частных инвесторов, а также возможные пути решения этой проблемы. Проблема стала наиболее актуальной после введения санкций со стороны ЕС и США, последствием которых стало значительное увеличение оттока капитала из России. В связи с чем, государство вынуждено искать внутренние источники развития экономики. Автор данной статьи видит в привлечении населения на рынки капитала тот необходимый внутренний ресурс, который помог бы вернуть рост российской экономике и социальное благополучие населению.

На сегодняшний день, несмотря на значительные усилия биржи, многочисленных брокеров, инвестиционных компаний, процент «длинных денег» домохозяйств в общей массе капитала, представленного на фондовом рынке, крайне мал по сравнению с развитыми западными обществами. Вместе с тем, именно процент «длинных денег» является важным фактором экономического развития. Основная часть денег на рынке – это спекулятивный капитал.

Почему получается так, что институт биржевого рынка развивается не так, как нам хотелось бы? Почему большая часть населения не интересуется рынком ценных бумаг? Для ответа на эти вопросы рассмотрим проблему отсутствия активности населения на рынках капитала с нескольких сторон: 1) недоверие населения к финансовому рынку; 2) общая рыночная конъюнктура; 3) институты, формирующие рынок инвестиционных услуг в России.

Недоверие российского населения к финансовому рынку вполне обосновано, поскольку на рынках капитала и биржевой торговли много мошенников. Далеко за примерами недобросовестных субъектов на рынках капитала ходить не нужно: различные финансовые пирамиды, форекс – кухни и т.д. Указанные организации представляются добропорядочными финансовыми посредниками, обещая их клиентам быстрый и легкий заработок. На деле получается, что люди теряют деньги, воспользовавшись услугами данных компаний. Единоразово, воспользовавшись такими услугами, население не спешит вновь вкладывать деньги на финансовом рынке.

Недоверие населения к финансовому рынку тесно связано с низкой финансовой грамотностью и культурой инвестирования. Большая часть трудоспособного населения, а также нынешние пенсионеры большую часть жизни прожили в СССР, где были совсем другие моральные ценности, другая экономика, которой идеи капиталистического мира были чужды и резко критиковались. Однако, как мы знаем, ситуация резко изменилась и людям пришлось быстро осваиваться в новых рыночных условиях, в которых каждый предоставлен сам себе, социальная защита государства ограничена и выживает самый сильный и хитрый. В таких условиях, когда финансовая грамотность населения крайне низка, мошенники легко зарабатывают деньги и остаются безнаказанными.

Решение данной проблемы сводится к непосредственной работе государства с населением в области повышения финансовой грамотности. Например, на данный момент существует совместная программа Министерства финансов РФ и Всемирного банка, посвященная повышению финансовой грамотности населения. На эту программу в течение 8 лет (2010 – 2018) будет потрачено 113 млн. долларов [6].

Краткая идея и стратегия программы выглядит следующим образом.

Целями программы являются:

- 1) улучшение финансовой грамотности российских граждан (особенно, среди детей школьного возраста и студентов), действующих и потенциальных пользователей финансовых услуг с низким и средним уровнем дохода;
- 2) укрепление рыночных, финансовых устоев в обществе для улучшения защиты потребителей в сфере финансовых услуг.

Программа состоит из пяти компонентов. *Первый компонент* включает в себя разработку стратегии финансовой грамотности и мониторинга, и разработку способа оценки защиты

прав потребителей. Сюда входит укрепление институциональной и правовой основ для повышения финансовой грамотности и осуществления политики защиты прав потребителей, развитие системы мониторинга и оценки проекта. *Второй компонент* включает в себя строительство институционального и человеческого потенциала для повышения финансовой грамотности в России на федеральном и региональном уровнях. *Третий компонент* состоит из разработки и реализации образовательных программ и информационных кампаний для повышения финансовой грамотности. Он включает в себя разработку и реализацию образовательных программ, информационных кампаний и расширение масштабов существующих инициатив по улучшению финансовой грамотности. *Четвертый компонент* состоит в укреплении защиты прав потребителей в сфере финансовых услуг путем укрепления потенциала в области охраны потребителей финансовых услуг. *Пятый компонент* включает в себя управление проектами. Сюда входит реализация, мониторинг и оценка, которая основана на правилах и процедурах МБРР и российского законодательства.

Положительным результатом окончания данной программы может стать достижение российским населением уровня финансово-грамотного населения, предложенного UK Financial Services Authority (FSA). Эта организация считает, что население можно назвать финансово-грамотным, если оно соответствует следующим критериям: ежемесячно ведет учет расходов и доходов семьи; живет по средствам – без излишних долгов; финансовое планирование осуществляется на перспективу; приобретает финансовые продукты и услуги на основе выбора; ориентируется в вопросах финансовой сферы.

Итоги данной программы будут известны только к 2018 году, но уже сейчас ясно, что эта программа нужна нашему государству, т.к. концепция повышения финансовой грамотности заложена в экономическую стратегию Российской Федерации на период до 2020 года, что, несомненно, подчеркивает важность данной проблемы.

Общая рыночная конъюнктура также не способствует развитию финансовых рынков. Обычный депозит для рядового инвестора в нынешних условиях, когда экономическая ситуация на рынках нестабильна, оказывается намного выгоднее, чем вложения в ценные бумаги. Инвестор, размещая денежные средства на депозитах в банках, входящих в систему страхования вкладов, почти полностью исключает риск потери инвестиций. Другой причиной, почему инвесторы не спешат вкладывать свои деньги в биржевые инструменты, например, является то, что очень трудно собрать диверсифицированный портфель. Многие отрасли, представленные 1-2 компаниями, или же бумаги крайне неликвидны.

Вместе с тем, на общую рыночную конъюнктуру влияют высокие комиссии брокеров, если речь идет о классических инструментах (акциях и облигациях). В связи с чем, на Московской Бирже среди частных инвесторов (в большей степени спекулянтов) популярен срочный рынок, где комиссии брокеров намного ниже. При этом следует отметить, что рынок деривативов является сложной средой для зарабатывания денег. Ведь многие люди, не думая об экономических рисках, не понимая до конца финансовые инструменты, которыми они торгуют, «обжигаются» на этом рынке и перестают доверять бирже как экономическому институту, на котором можно зарабатывать деньги. Более того, даже профессиональные игроки и квалифицированные инвесторы не всегда понимают риски данных инструментов, в частности, глобальный финансовый кризис 2008 года явным образом показал это.

Одним из главных и системообразующих участников на финансовом рынке является Московская Биржа, значение которой сложно преувеличить. Вследствие этого проанализируем успехи ее деятельности и покажем значение её функционирования для развития финансового рынка.

Итак, по имеющимся данным за октябрь 2015 года Московская Биржа может похвастаться следующими результатами:

- наибольшая активность участников наблюдалась на срочном и валютном рынках Московской биржи, объемы торгов на которых по сравнению с октябрём 2014 года выросли на 61,8% и 41,3%;
- среднесуточный объём торгов – 44,7 млрд. рублей (33,4 млрд. рублей в октябре 2014 года);
- объём торгов производными финансовыми инструментами на Московской бирже в октябре 2015 года вырос на 61,8% и составил 10,1 трлн. рублей (6,3 трлн. рублей в октябре 2014 года) или 173,6 млн. контрактов (142,8 млн. контрактов в октябре 2014 года);
- объём торгов на валютном рынке вырос в октябре 2015 года на 41,3% до 30,7 трлн. рублей (21,7 трлн. рублей в октябре 2014 года), в том числе кассовые сделки (спот) – 10,7 трлн. рублей, сделки своп – 20,0 трлн. рублей;
- среднесуточный объём торгов на валютном рынке Московской биржи составил 1 395,1 млрд. рублей (22,1 млрд. долларов США) по сравнению с 944,4 млрд. рублей в октябре 2014 года [5].

В целом, количество активных счетов физических лиц на московском фондовом рынке в 2014 году выросло на 43% относительно 2013 года, на срочном рынке количество счетов возросло на 22% по сравнению с аналогичным периодом 2013 года, а на валютном рынке количество счетов увеличилось более чем в 8 раз [5].

Безусловно, на первый взгляд, цифры выглядят обнадеживающе. Однако, объяснение такого увеличения активности граждан, по мнению автора статьи, вызвано не популяризацией финансового рынка как такого, а кратковременным повышенным спекулятивным спросом на некоторые инструменты. Например, повышенную активность населения в валютной секции можно объяснить возобновлением действий на уже открытых счетах старых клиентов, которые решили «поиграть» на нестабильном курсе рубля. На срочном рынке также есть фьючерсы на валюту, который популярен у спекулянтов, у людей, которые раньше торговали на рынке Форекс, потому что здесь за счет внесения только гарантийного обеспечения достигается определенное плечо. Проблема состоит в том, что это именно спекуляции, и эти спекуляции мало влияют на развитие института «длинных денег», и экономики в целом.

Таким образом, валютный рынок в принципе выполняет функцию валютных рисков путем операций с валютой или сделками своп, но этого недостаточно для нормального развития экономики. Срочный рынок хоть и растет большими темпами на основании статистических данных, но в реальности он небольшой. Например, на рынок заходит одна крупная нефтяная компания, которая хочет хеджировать возможное падение нефти путем покупки опционов типа Put или же продаж фьючерсов на нефть. Но, к ее сожалению, велика вероятность того, что она не сможет собрать необходимую ей позицию для хеджирования рисков. Впоследствии это может привести к тому (при условии, что цена нефти идет вниз), что нефтяная отрасль будет развиваться меньшими темпами, значит, меньше людей будут работать в этой сфере, а это в свою очередь приведет к росту безработицы. Также, если нефтяные доходы упадут, то от этого недополучит государственный бюджет, что, в конечном счете, может отразиться на сокращении социальной помощи со стороны государства. Общий результат – рост экономики замедлится.

Несколько слов хотелось бы сказать также о брокерских компаниях и институтах коллективного инвестирования, которые представлены в России ПИФаами. Не секрет, что основной заработок брокерской компании – это комиссионные доходы или же продажа торговых сигналов (советов по покупке и продаже ценных бумаг). Причем качество этих советов оставляет желать лучшего, потому что главная задача брокера (имеется в виду сотрудника компании) сделать с вами как можно больший оборот, ведь от этого зависит его бонус. В итоге получается, что инвестор теряет на комиссиях, на платах за советы, на плохих торговых идеях и, в конце концов, покидает биржевой рынок – деньги с рынка уходят, ликвидность падает, существование «длинных денег» на рынке остается под вопросом.

Ситуация с ПИФами схожая, только вместо комиссий здесь существуют наценки при покупке паев и дисконты, соответственно при продаже. Управляющие фондами и люди, которые продают непосредственно паи обычным людям, также не несут никакой ответственности. Вдобавок к этому, стратегии, предлагаемые ПИФаами, довольно скудны и поэтому обычный депозит в банке часто выглядит более приемлемым вариантом, нежели чем вложение в рискованный актив. Помимо этого многие брокеры при работе с ПИФаами (в данном случае они выступают в роли институционального клиента брокера) пользуются стратегией *Front Running*, которая запрещена законом, но наказать брокера в реальности за эту стратегию очень трудно. Суть *Front Running* состоит в том, что брокер ставит свой собственный ордер перед крупным ордером клиента, который, по его мнению, приведет к движению рынка. Трейдеру от клиента поступает заказ на приобретение пакета ценных бумаг, однако он вначале покупает их для себя, а затем продает на рынке по более высокой цене. В итоге мы опять получаем нехватку длинных денег в экономике из-за недоверия инвесторов к данным институтам, что приводит к ее замедлению.

По нашему мнению, улучшение финансовых институтов возможно при выполнении следующих задач:

- усовершенствование действующего российского законодательства в сфере регулирования финансовых рынков и ужесточение юридической ответственности брокеров и управляющих за недобросовестные действия как на финансовом рынке, так и в правоотношениях с клиентами;
- внесение изменений в нормативные документы, связанные с ПИФаами, а именно расширение перечня разрешенных инструментов, увеличение комбинаций долей в портфеле этих инструментов.

Возможно, что кто-то возразит, что тем самым ПИФаы становятся более рискованными инструментами. С одной стороны, это правда. С другой стороны, если пункт, написанный выше, будет осуществлен, то управляющие будут понимать свои персональные риски и соответственно более качественно контролировать риски инвесторов.

В заключении хотелось бы отметить, что Россия может стать благополучным для жизни государством с уровнем жизни, аналогичным уровню жизни западных стран, причем развитие финансового рынка должно стать одной из основных движущих сил роста российской экономики.

Список литературы

1. Александров Д. ИИС: туманные перспективы на фоне широких возможностей // Рынок ценных бумаг. – 2015. – № 4. – С. 37–39.
2. Дикий А. А. Жизнь в кредит: установки и поведенческие стратегии россиян // Социологические исследования. – 2012. – № 5. – С. 134–140.
3. Ибрагимова Д. Х. Сберегательное поведение россиян в 2009 – 2013 гг. // Банковское дело. – 2013. – № 12. – С. 44–49.
4. Кузина О. Е. Анализ динамики пользования банковскими кредитами и долговой нагрузки россиян // Деньги и кредит. – 2013. – № 11. – С. 30–36.

Интернет источники

5. Объемы торгов на Московской бирже в октябре 2015г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://moex.com/n11282/?nt=106> (Дата обращения: 12.11.2015).
6. Программа Министерства финансов и Всемирного банка по повышению финансовой грамотности населения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/projects/P120338/financial-education-financial-literacy?lang=en> : (Дата обращения: 12.11.2015).

Зверева Наталия Викторовна,
доктор экономических наук,
профессор кафедры народонаселения
экономического факультета
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ

Выявлены основные проблемы рождаемости и политики в этой области в России и определены основные направления их решения с учетом как сложной социально-экономической ситуации в стране, так и возможностей использования опыта развитых стран с более высокой рождаемостью. Главное достоинство семейно-демографической политики в области рождаемости заключается в комплексном подходе, обеспечении связи (учета целей этой политики) с политикой занятости, доходов (неравенства) и образования. Эта политика отличается гибкостью, учитывает меняющуюся социально-экономическую ситуацию и потребности людей (в т.ч. потребность в детях). Создание целостной инфраструктуры детства облегчает родителям трудности, связанные с рождением и воспитанием детей, единство системной организации политики (в т.ч. и для учета затрат на нее), мониторинговые социолого-демографические исследования играют важную роль в анализе эффективности политики в области рождаемости в России.

Ключевые слова: рождаемость, демографическая политика, потребность в детях, инфраструктура детства, вариативные формы детского воспитания, равное распределение семейных и внесемейных обязанностей между полами, равные стартовые возможности для всех детей, социологические исследования рождаемости, организация демографической политики, эффективность демографической политики

E-mail: zvereva52@yandex.ru

Zvereva Nataliya V.,
Doctor of Economic Sciences,
Professor of the department of population of economics faculty,
Lomonosov Moscow state university, Moscow, Russia

CHALLENGES AND WAYS OF SOLUTION OF FERTILITY PROBLEMS IN RUSSIA

There are revealed the basic problems of fertility and policy in this field in Russia and defined the basic directions of their decision, taking into account both the difficult socio-economic situation in the country and the possibility of using the experience of developed countries with higher birth rates. The main advantage of the socio-demographic policy in the field of fertility is an integrated approach, linking (integration of the goals of this policy) with employment, incomes policy (inequality) and education. This policy is flexible and takes into account changing socio-economic the situation and needs of the people (including the need for children). Creating a holistic infrastructure childhood facilitates for parents difficulties associated with the birth and upbringing children, the unity of the system policy (including expenditure on it), monitoring socio-demographic studies play an important role in the analysis of the effectiveness of policy in the field of fertility in Russia.

Keywords: fertility, population policy, need for children, infrastructure for children, variant forms of child upbringing, equal sharing of family and nonfamily work and responsibilities between the sexes, equal starting opportunities for all children, sociological study of fertility, population policy organization, effectiveness of population policy.

E-mail: zvereva52@yandex.ru

Выступая на конференции «Демографическое развитие России: новые вызовы и возможные решения проблем», проходящей в Совете Федерации (13-14 октября 2015 г.) заместитель директора Департамента демографической политики и социальной защиты населения Минтруда России Е.В.С трахова отметила, что сегодня к вызовам демографического развития можно отнесли: сокращение численности женщин активного репродуктивного возраста; достижение уровня рождаемости, близкого к репродуктивным установкам населения. «У нас сокращается численность женщин репродуктивного возраста очень значительно. Общее снижение составит 4,7 млн. человек, уже на 1,5 млн. снизилось. До 2020 года будет продолжаться сокращение еще порядка 3,7 млн. человек, это очень много» [6].

Репродуктивные установки населения (ожидаемое число детей) составляют в среднем 2 ребенка на женщину (табл. 1).

Таблица 1

**Желаемое и ожидаемое число детей по возрастным группам
(«Репродуктивные планы населения», 2012)¹**

Возраст (лет)	Женщины		Мужчины	
	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей
до 25	2,20 (N=966)	2,00 (N=928)	2,14 (N=638)	1,93 (N=608)
25-29	2,29 (N=1074)	1,99 (N=1039)	2,30 (N=708)	2,02 (N=674)
30-34	2,34 (N=966)	2,01 (N=906)	2,38 (N=541)	2,09 (N=527)

Совместное действие этих факторов (численности женщин репродуктивного возраста и низкое ожидаемое число детей, в реальности в поколениях оно будет еще ниже) приведет к снижению числа родившихся (по прогнозу Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) снижение числа родившихся уже начинается [2]). Нужно иметь в виду, что численность женщин в возрасте 20-25 лет в настоящее время снижается, в то время как численность женщин в возрасте 30-39 лет начнет снижаться позже. Поэтому в ближайшие 3-4 года стимулирование более раннего рождения первого ребенка (до 25 лет) при условии, что первые дети все равно рождаются, но позже, будет иметь двоякие последствия. Оно будет препятствовать снижению рождаемости в ближайшее время в возрастной группе до 25 лет (это первый ребенок), что потребует больших финансовых затрат. В то же время акцент на поддержке женщин, собирающихся родить первого ребенка в более позднем возрасте, приведет к более значительному росту числа рождений (численность женщин этой возрастной группы еще не снижается, при этом нужно больше внимания обращать на укрепление материнского здоровья). Итоговое число рождений в поколениях вряд ли изменится.

Нужно учитывать переход нашей страны к западноевропейской модели семьи: первым ребенком рождается позже. Но интервал между рождением первого и последнего ребенка снижается из-за того, что возраст рождения последнего ребенка повышается в наименьшей степени, а в наибольшей – возраст рождения первого ребенка. (Поэтому скорректированный на возраст матери при рождении ребенка определенной очередности суммарный коэффициент рождаемости и реальный СКР с ростом очередности рождения все более сближаются – табл. 2). В 2013 г. скорректированный суммарный коэффициент рождаемости выше, чем во времена политики начала 1980-х г, и отличается на 0,2 от суммарного коэффициента по первым рождениям, примерно такое же отличие было и в 1990-х гг. Наибольшая разница суммарного коэффициента рождаемости и его скорректированного на возраст матери – по первым рождениям и в странах с относительно высоким для развитых стран СКР (Франции, Швеции). По третьим – она наименьшая.

¹ Исследование проведено под руководством ФСГС осенью 2012 г., охватило 30 регионов, 10 тыс. человек

Именно разница между скорректированным коэффициентом по первым рождениям и СКР по первым рождениям обуславливает соответствующие различия в СКР и скорректированным СКР в Швеции. Основные задачи демографической политики в области рождаемости в современных условиях, по нашему мнению, следующие.

Таблица 2

Суммарный коэффициент рождаемости и скорректированный суммарный коэффициент рождаемости при политике начала 80-х гг. и в настоящее время²

Год	TFR	adjTFR	TFR1	adjTFR1	TFR2	adjTFR2	TFR3	adjTFR3
1980	1.86	1.80	0.97	0.96	0.64	0.61	0.15	0.14
1981	1.89	1.90	0.95	0.95	0.67	0.65	0.16	0.16
1982	2.0	1.92	0.94	0.92	0.73	0.72	0.18	0.19
1983	2.1	2.01	0.96	0.92	0.81	0.79	0.20	0.21
1984	2.05	1.95	0.97	0.95	0.77	0.71	0.21	0.20
1985	2.05	2.09	1.00	0.98	0.76	0.76	0.21	0.23
1986	2.18	2.27	1.00	1.00	0.83	0.86	0.25	0.29
2013	1,71	2,1	0,81	1,01	0,53	0,49	0,20	0,19

Создание равных стартовых возможностей для детей из семей с разным доходами и числом детей. Общее условие роста рождаемости - повышение уровня жизни (зарботной платы), поскольку в настоящее время (при желаемом числе детей 2) экономические меры стимулирования рождаемости могут рассматриваться населением просто как дополнительные меры повышения уровня жизни, имеющие только косвенное отношение к рождаемости (независимо от желаемого числа детей, отношение к отдельным мерам политики отличается незначительно). Направлением семейно-демографической политики в области рождаемости в развитых странах является предоставление реального выбора женщине — работать или воспитывать детей. При этом предпочтение отдается мерам, позволяющим совмещение работы и ухода за детьми (например, не только система пособий, но и налоговые льготы). Размер пособий во Франции позволяет семьям не «проваливаться» в бедность после рождения детей. Для повышения дохода семьи нужно работать обоим родителям. На Западе в последнее время – наоборот существует слабо положительная связь между доходом и рождаемостью.

Есть предложения о повышении МРОТ, обеспечивающей 1 взрослого и 1 ребенка. Но это может привести и к росту безработицы, и к росту цен (при той же производительности), негативно скажется на развитии производства. Эти «побочные» эффекты необходимо учитывать при проведении социально-демографической политики в области рождаемости. Кроме того, такой большой рост МРОТ повысит и зарплату высокодоходных групп населения (а им не обязательно нужен рост зарплат для рождения еще одного ребенка).

Федеральные гарантии – разработка федерального закона, обеспечивающего гарантии всем детям вне зависимости от места проживания, уровня жизни семей и числа детей. Ребенка рожают не на 1,5 или 3 года. Поэтому в любом случае, даже в кризисных условиях, при временном снижении зарплат, или потере работы семья должна быть уверена в том, что дети будут обеспечены качественным здравоохранением и образованием (стабильность, уверенность в будущем детей). В связи с этим необходим закон о минимальных федеральных социальных гарантиях для семей с разным числом детей, предоставляющий семьям с детьми

²Для расчета скорректированного СКР использованы данные за 2013 и 2014 гг. (расчет среднего возраста матери при рождении ребенка), поскольку в 2007 г. – учитывали очередность рождения только 34 региона, среди них в отдельных регионах отмечались: «неизвестно» или возраст матери, или очередность рождения. Хотя 2013 г. не представляется точным использовать для сравнения с началом 80-х гг., когда данные об очередности рождения по возрасту матери собирались по всем регионам. Статистика начала 80-х гг. взята с сайта Института Макса Планка. (Режим доступа: <http://humanfertility.org> (дата обращения 07.11.2015)); данные по 2013 г. – расчеты автора

гарантии минимального обеспечения детей на протяжении всего жизненного пути семьи (не только, как правило, на три года и несистемно). Семьи на разных этапах жизненного пути с различным числом детей испытывают специфические проблемы; учет их иерархии для разных семей с детьми определяет и степень влияния отдельных государственных мер их поддержки, значит будет различной результативность, важность каждой меры.

Региональные доплаты могут обеспечить дифференциацию пособий до 1,5 лет (40% зарплаты) в зависимости от очередности рождения (40% от зарплаты на первого ребенка): на второго 50%, на третьего и последующих – 80% от зарплаты матери или отца (в зависимости от того, кто берет отпуск по уходу за ребенком до 1,5 лет).

Создание инфраструктуры детства. Обеспеченность детскими дошкольными учреждениями с акцентом в настоящее время на развитие вариативных форм воспитания детей до 3 лет (разного типа с различающимся режимом работы (от нескольких часов до пяти дней, включая и институт нянь, сертифицированных и обеспечиваемых через Центры социального обслуживания или Центры помощи семье и детям. Существует институт социальных работников для пожилых людей, полезно было бы создать такой же и для детей). Может сыграть позитивную роль стимулирование развития мини - детских садов, объединяющих многодетных мам в крупных городах. Для них, как правило, не нужны дополнительные помещения. Работа с общественными объединениями многодетных родителей (эту роль могут взять на себя тоже могут муниципалитеты или структуры в Советах муниципальных образований) с целью развития форм взаимопомощи самих многодетных.

Важно обратить внимание (как на одну из первоочередных мер) на повышение качества работы этих учреждений (не столько за счет роста заработной платы работающих с детьми), но на сокращение численности групп, более полный учет здоровья детей (не только инвалидов или с хроническими заболеваниями, но и часто болеющих) и интересов (режима рабочего дня, учебы) работающих родителей. Нужным представляется увеличение доли компенсации родителям оплаты детских дошкольных учреждений. Хороший пример в этом плане – Франция, где одновременно развиваются различные формы раннего образования и системы ухода за детьми младшего возраста (насчитывается не менее десяти различных вариантов внесемейного ухода за детьми от 0 до 5 лет).

Задача укрепления материнского здоровья. Как уже указывалось, в связи с повышением возраста матери при рождении первого ребенка, могут возникнуть проблемы с возможностью забеременеть в старшем возрасте. Поэтому полезным представляется продолжение увеличения квот, а в идеале – своевременное обеспечение всех нуждающихся в ЭКО за счет ОМС, а также увеличение суммы родовых сертификатов.

Возможно расширение направлений использования материнского капитала, выплачиваемого и из федерального бюджета (дополнительные средства не нужны) - на лечение детей при наличии соответствующего медицинского заключения, на оплату их ежегодного отдыха (в ряде регионов региональный материнский капитал на третьего ребенка можно использовать также и на лечение ребенка или матери - на лечение детей, например, в республике Саха (Якутия), а в Тульской области – на их санаторно-курортное лечение). Можно использовать его и на лечение матери или отца (при необходимости) для рождения еще ребенка, если есть репродуктивные проблемы, особенно это важно в связи с ростом возраста рождения первого ребенка.

Возможность материальной поддержка, в том числе через материнский (семейный) капитал. В настоящее время борьба с детской бедностью и защита прав ребенка входят в одну из главных тем европейской социально-демографической повестки дня. В нашей стране, к примеру, в ряде регионов региональный материнский капитал возможно потратить на неотложные нужды семьи (а в Мурманской области – и на приобретение автотранспорта), фактически он превращается в дополнительную финансовую помощь при снижении уровня жизни

семьи при рождении ребенка. Как правило, его величина невелика (кроме отдельных регионов). Как региональная мера в таком размере он может помочь только самым бедным и сельским семьям. В то же время компенсация кредитов на жилье, размер которой дифференцирован по очередности рождения ребенка, развитие рынка коммерческого жилья (часть платы за жилищно-коммунальные услуги и наем берет на себя государство или социально ответственный бизнес) поможет снизить и интергенетические интервалы, т.е. чем раньше родишь следующего ребенка, тем меньше выплаты по кредиту (своеобразная «плата за скорость», как в Швеции, способствующая сокращению указанного интервала).

Возможно каждый год увеличивать частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком любой очередности до 1,5 лет на 1 месяц за счет непередаваемого частично оплачиваемого отпуска отцу, но не более чем до 2-х лет (муж может взять этот отпуск и одновременно с женой в течение 1,5 лет). Если муж не берет этот отпуск, то отпуск так и останется 1,5 года (его может взять любой член семьи, как и сейчас). Когда ребенку исполнится два года, ему необходимо обеспечить место в детском дошкольном учреждении.

У нас по сравнению с развитыми странами слабо развита и дистанционная и неполная занятость (стимулирование работодателей, помощь матерям в переобучении в удобное для них время, т.е. вечером, когда отец дома, если нет компьютера – покупка за государственные средства для работы на основе социального договора). Налоговое стимулирование работодателей (например, сокращение налога на землю). Налоговое стимулирование работодателей в отношении более позитивного отношения и к неполному рабочему дню родителей с несколькими детьми, находящихся в отпуске по уходу за ребенком (при той же государственной помощи – переобучение, в удобное для них время, когда отец, мать или другой родственник может остаться с ребенком). Стимулирование работодателей предоставления гибкого графика работы родителям с несколькими детьми (там, где это возможно по технологии). Стимулирование в регионах социально ответственного бизнеса для введения программ дополнительной поддержки родителей с маленькими детьми (только не с помощью «кнута», с помощью «пряника»). В Финляндии безработные женщины, чьи дети не посещают детские дошкольные учреждения, получают специальное пособие («child-care allowance»), что позволяет снизить влияние экономических циклов на рождаемость. [7. С.49]

Несмотря на множество доплат (федеральных, региональных) – наши исследования показывают, что основное для рождения ребенка – это жилье, доход, (но заработанный: «дайте заработать самим», «достойная оплата за труд», а жилье сейчас и зависит от дохода), качественное государственное обеспечение здравоохранения и образования для детей. Семья рождает детей для себя. Поэтому нужно создать условия не для иждивенчества, а для того, чтобы даже родители с детьми могли работать и быть уверенны, в том, что их дети под присмотром, чтобы родители меньше тратили «лишнего», времени, не связанного с общением с детьми, после работы (социальная инфраструктура и инфраструктура детства). При возникновении проблем с занятостью государство должно помогать таким семьям на основе социального контракта.

Для стран Северной Европы характерна интенсивная поддержка семьи, которая заключается в создании возможностей и стимулов для женщин с маленькими детьми в полной мере участвовать в рынке труда. Кроме того, обеспечивается щедрая компенсация упущенного дохода в период ухода за детьми (но на более короткий срок, чем у нас), занимающего весь день, и предоставляются субсидируемые государством и, следовательно, доступные по стоимости услуги по уходу за маленькими детьми. Меры в области семейной политики в странах Северной Европы разрабатывались для обеспечения гендерного равенства на работе и в уходе за детьми. О них часто отзываются как о самых передовых в отношении гендерного равенства. Вышеназванные меры в области политики дают семьям в странах Северной Европы достаточно гибкости в организации своей работы и ухода за детьми. В целом, в североευропейских

странах женщины очень активны на рынке труда, рождаемость относительно высокая, также высока доля детей в возрасте 0–3 лет, охваченных организованным уходом (более 70% в Дании, 44% в Швеции и 35% в Норвегии) [2].

Проведение мониторинговых исследований результативности мер политики. На Западе проводятся многочисленные исследования о влиянии более равномерного распределения семейных и производственных функций между женщинами и мужчинами. Однозначных выводов пока нет. Но само наличие и многочисленность этих исследований свидетельствуют о переориентации политики от денежных выплат к новым мерам.

В зарубежных исследованиях нет единого термина, определяющего соотношение семейной и профессиональной сторон жизни человека. Наиболее часто встречаемыми терминами, определяющими согласование профессиональной и семейной жизни, являются «work-family balance», «work-life balance», «work-family reconciliation», «harmonization of paid and unpaid work». Политика, направленная на достижение такого согласования, обозначается как «work-family balance policy», «work-family reconciliation policy». В переводе с английского языка «balance» означает «равновесие», «reconciliation» - «согласование». Такое «согласование» важно при проведении социально-демографической политики в области рождаемости [3. С.58].

Но основной вывод есть: если женщина в современных развитых странах не работает, то муж испытывает и там «двойную» нагрузку по материальному обеспечению семьи. Если женщина работает – то жена испытывает «двойную нагрузку» - семья и работа. Оба варианта нерациональны для принятия решения о рождении детей в семье. Нужно, вероятно, способствовать изменению «гендерных стереотипов» в современном обществе в отношении роли женщины и мужчины в семье и на работе [4. С.55]. Этому может помочь постепенное введение «непередаваемого» отпуска отцу, охрана репродуктивного здоровья и развитие инфраструктуры детства. Необходимо квалифицированное демографическое консультирование социальной и коммерческой рекламы и более интенсивное и целенаправленное использование социальных сетей.

Актуальны дополнительные «точечные» социолого-демографические исследования результативности отдельных мер: сравнение двух регионов с примерно одинаковым исходным СКР и уровнем жизни, но в одном данная мера начала реализовываться, в другом – нет. Возможно также сравнение двух групп населения в регионе – одна воспользовалась данной региональной мерой, а другая – нет или выбор одного «пилотного региона» для опробования новой меры.

Совершенствование организации проведения политики. В странах Европы расширяется институциональная сеть специализированных социальных служб, на которые возложена функция контроля над детско-родительскими отношениями, а инвестирование в детей стало рассматриваться как часть социальных инвестиций государства. Главным лоббистом и управляющим партнером семейно-демографической политики выступает Национальная касса семейных пособий (CNAF) и ее 102 отделения в регионах. Совместно с органами местного самоуправления они организуют работу по оказанию услуг семьям, выплате пособий, проведению работы с кризисными семьями, оказывают содействие в выплате алиментов. Семейная политика в развитых странах с высокой относительно России рождаемостью включает как систему пособий и льгот, так и развитую сеть услуг для помощи семьям в воспитании детей. Эта сеть постоянно расширяется исходя из появляющихся потребностей семей, т.е. существует постоянная обратная связь между органами, принимающими решение, и семьями, интересы которых представляют многочисленные ассоциации семей и Национальный союз семейных ассоциаций [5. С.22]

Главное достоинство семейно-демографической политики в области рождаемости заключается в комплексном подходе, обеспечении связи (учета целей этой политики) с политикой занятости, доходов (неравенства) и образования. Эта политика отличается гибкостью («flexibility»), учитывает меняющуюся социально-экономическую ситуацию и потребности людей (в т.ч. потребность в детях). Кроме того, создание целостной инфраструктуры, облегчающей родителям трудности, связанные с рождением и воспитанием детей, начиная с курсов молодых родителей и заканчивая высококачественными услугами, предоставляемыми в детских дошкольных учреждениях (вариативными формами детского воспитания), грантами на образование детей, обеспечением занятости молодежи.

Список литературы

1. Neyer Gerda Family policies and low fertility // Western European Journal of Population and Social Security. – 2003. - №1. - С.48-67.
2. Funabashi K. Welfare Mix for Child Care in France and Japan/ /Internal Meeting of the European Sociological Association research network Sociology of Families and Intimate Lives (September 14 – 2012). – Milan: Sociology. – 2012. – С. 32-43.
3. Thevenon, O. Family policies in OECD countries: A comparative analysis // Population and Development Review. – 2011. - 37(1). – С. 57–87.
4. Lewis J., ed. Children, changing families and welfare states. – Cheltenham: Edward Elgar Publ. – 2006. – С. 43-57.
5. Семейная политика во Франции: возможности применения успешного опыта в России. - Институт научно-общественной экспертизы. – М. – 2012. – 32 с.

Интернет-источники

6. Демографическое развитие России: новые вызовы и возможные решения проблем (13-14 октября 2015 г.). – Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/social/family/188/> (Дата обращения: 03.11.2013).
7. Hoem Jan M., Why does Sweden Have Such High Fertility// Presentation for the annual meeting of the Deutsche Gesellschaft für Demographie, Potsdam, 16 March 2005, p.40. – Режим доступа: <http://www.demogr.mpg.de/Papers/Working/wp-2005-009.pdf> (Дата обращения: 27.12.2009).

Можженкова Елена Михайловна,
магистрант 1-го курса факультета социологии и политологии
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия
руководитель: Письменная Елена Евгеньевна,
доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры «Прикладная социология»
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

ДОСТУПНОСТЬ И КАЧЕСТВО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается влияние качества оказания медицинских услуг на социально-демографическое развитие общества. Особое внимание авторами уделяется проблеме числа медицинских организаций и обеспеченность больничными койками. Проводится сравнение финансирования системы здравоохранения России с развитыми странами. Особое внимание уделено региональному неравенству в контексте оказания медицинских услуг и реализации программы лекарственного обеспечения в стране. Установлено, что неблагоприятные тенденции демографической ситуации в России во многом связаны с низкой эффективностью мер по социально-экономическому развитию.

Ключевые слова: доступность и качество медицинских услуг, демографическое развитие, оптимизация здравоохранения, заболеваемость, смертность, численность населения.

E-mail: nikitaR@list.ru; sem-mag@mail.ru

Mozhenkova Elena M.,
master student of 1st course
of the faculty of Sociology and Political Science,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Instructor: Pismennaya Elena E.,
Doctor of Social Sciences, docent,
Professor of the department «Applied sociology»,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

THE AVAILABILITY AND QUALITY OF MEDICAL SERVICES TO THE POPULATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FACTOR OF DE- MOGRAPHIC DEVELOPMENT

The article discusses the influence of the quality of medical services on the socio-demographic development of the society. Particular attention is paid to such notions as «the number of medical organizations and the number of hospital beds». Much attention is given to health financing. It is specially noted regional inequality of medical care. It is spoken in detail medicine assistance scheme. It is established that the adverse trends of the demographic situation in Russia largely related with low efficiency of measures for socio-economic development.

Keywords: availability and affordability of medical services, demographic modernization, optimization of public health service, disease incidence, morbidity, number of inhabitants.

E-mail: nikitaR@list.ru; sem-mag@mail.ru

Доступность и качество оказания медицинских услуг является важнейшим фактором социально-демографического развития общества. С одной стороны, с 2006 года стартовал национальный проект «Здоровье» [12], в основе которого заложены цели по оптимизации здравоохранения: повышение доступности и качества медицинской помощи, укрепление здоровья, развитие высокотехнологичной медицинской помощи, а также профилактическая направленность медицинской помощи; с другой стороны, анализ информации по изучаемой теме позволяет утверждать, что цели оптимизации системы здравоохранения не реализованы в РФ в полной мере.

При этом с каждым годом россиян становится почти на один миллион меньше. Так, в 2004 г. количество населения РФ составляло 144,3 млн., к 2013 г. ситуация изменилась: 143,3 млн., по прогнозам в дальнейшем эта цифра будет только снижаться и к 2020 г. составит 141,7 млн., а к 2030 году – 132,8 млн. [17]. Кроме того, растет число людей, нуждающихся в качественной медицинской помощи, об этом свидетельствуют материалы, опубликованные в 2014 году Министерством здравоохранения РФ, где представлен анализ различных групп заболеваний: туберкулез, ВИЧ, злокачественные новообразования, психические расстройства, наркология, травмы. На примере злокачественных новообразований можно проследить эту динамику: если в 1992 году число впервые выявленных пациентов с таким диагнозом было 402899 человек, то в 2013 году этот показатель составил уже 535887 человек [14]. Все более распространены случаи таких заболеваний среди детей: в возрастной группе от 0 до 14 лет число зарегистрированных случаев злокачественных заболеваний в 2005 году было 2382, а в 2012 году этот показатель составил уже 2751.

Таким образом, данные цифры свидетельствуют, что потребность в медицинском обслуживании надлежащего объема и качества населения России растет, но и сфера здравоохранения нуждается в серьезной трансформации.

Сегодня государство следует курсу на сокращение медицинских учреждений и койкомест. Так, если в 1940 году число больничных организаций составляло 8,5 тыс., в 1950 – 10,5 тыс., а уже в 1990 году – 12,8 тыс. [17]. Эти данные свидетельствуют о положительной динамике в системе здравоохранения, а уже с 1990-х годов динамика носит противоположный характер: в 2000 году число медицинских организаций составило 10,7 тыс., а в 2013 году этот показатель сократился практически вдвое: 5,9 тыс. медицинских учреждений. Подобная ситуация происходит с обеспеченностью больничными койками: с 1940 по 1990 гг. их количество только возрастало от 482 тыс. до 2037,6 тыс. соответственно, а в 2013 году их количество составило 1301,9 тыс. [5. С. 162]. В результате таких изменений возрастает нагрузка на поликлиники и возможны случаи, когда из-за отсутствия свободных мест в больнице растет угроза риска жизни нуждающегося в госпитализации человека. В сложившихся условиях вряд ли можно добиться положительной динамики в контексте демографического развития.

Одной из мер, которая пока носит рекомендательный характер, является соблюдение временного регламента приема пациентов. С позиции Министерства здравоохранения РФ 15 минут – это оптимальное время для осмотра пациента, заполнения медицинской карты и выписки рецепта. Анализируя этот факт, возникает вопрос: а можно ли стандартизировать пациентов, нуждающихся в медицинской помощи, ведь каждый случай индивидуален и требует особого подхода и времени?

Отдельной проблемой можно считать региональное неравенство в объеме и качестве медицинского обслуживания: в 2011 году в 42 российских регионах обеспеченность врачами сельской местности была ниже среднероссийского значения. При этом, фактически, от сердечно-сосудистых заболеваний в сельской местности умирает на 18 % граждан больше, чем в городе, а от острых отравлений и травм на 40% больше [1].

Невозможно говорить об оптимальном социально-демографическом развитии страны, когда сокращаются объемы финансовой поддержки сферы здравоохранения. Если в США и Дании затраты в 2013 году на здравоохранение составляют 10 % от ВВП, в европейских странах – 6-9%, то в России – это всего порядка 3 % [11]. Недостаточный уровень финансового обеспечения здравоохранения может стать предпосылкой расцвета теневого рынка, когда за

«бесплатные» медицинские услуги с пациента могут требовать деньги. Фактически, подтверждением данного обстоятельства может служить следующее: в 2013 году 22 % из 1300 человек осуждены за получение взятки, каждый 5-ый из них – работник сферы здравоохранения [2. С. 94-103]. Здесь же стоит отметить, что в 2014 году выявлено и изъято из обращения более 600 тысяч незарегистрированных медизделий и 1109 серий (более 2,3 млн упаковок) недоброкачественных, фальсифицированных и контрафактных лекарственных средств [10].

Эта проблема остросоциальна, поскольку сегодня растет разрыв между богатыми и бедными категориями населения. В настоящее время разница между 10% богатых и бедных россиян в разных источниках оценивается от 18 до 27 раз [1. С. 52]. При этом в России отмечена самая высокая степень расслоения среди бывших социалистических стран. Базовыми причинами такого расслоения служат, как правило, невысокие доходы, что особенно характерно для сельской местности, высокая семейная нагрузка и неполный состав семей.

Требующей внимания проблемой можно считать несостоятельность системы дополнительного лекарственного обеспечения (ДЛО). Эта программа исполняется с 2005 года и нацелена на то, чтобы обеспечить отдельные категории граждан-льготников необходимыми лекарственными средствами за счет средств федерального бюджета. Почти третья часть региональных аптек, проверенных активистами ОНФ, не располагает полным набором наиболее востребованных лекарств. В рамках подготовки к Всероссийскому форуму ОНФ по здравоохранению активисты ОНФ в 72 регионах проверили 771 аптеку на наличие ряда льготных лекарств, входящих в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов. Кроме того, мониторинг публикаций СМИ позволяет выделить наиболее серьезные нарушения в контексте здравоохранения в оценках респондентов: чаще всего неодобрение людей вызывает именно отсутствие лекарственных препаратов (31% публикаций). На втором месте – рост цен на лекарства (25,5%), на третьем – публикации об отказах в выдаче льготных рецептов со стороны медиков (15%), на четвертом – предложения купить льготные лекарства за свой счет (13,7%), на пятом – продажа просроченных лекарств (7%). Одна из причин отсутствия наиболее востребованных лекарств в аптеках, по мнению члена регионального штаба ОНФ в Калужской области главврача Калужской областной детской больницы Виктора Михайлова, в том, что предприниматели, опасаясь экономических рисков, отказываются от участия в некоторых аукционах по закупке лекарственных препаратов [13].

Еще одним фактом снижения демографического развития России можно считать и утверждение о том, что сегодня наблюдается низкий уровень ответственности государства в отношении миграционной политики: на сегодняшний день в России не существует государственной службы, которая бы вела учет заболеваемости мигрантов, в результате этого мигранты могут стать источником распространения серьезных заболеваний. Например, в 2009 году среди мигрантов было выявлено 918 ВИЧ-инфицированных [4. С. 48-51]. В таких условиях здоровье общества и его социально-демографическое развитие подвергается существенному риску.

Сегодня здравоохранение вышло на путь стремительной коммерциализации. Очевидным подтверждением этому может служить Постановление от 4 октября 2012 г. N 1006 «Об утверждении порядка и условий предоставления медорганизациями платных медицинских услуг». Стоит отметить, что постановление можно считать несовершенным, поскольку появившаяся возможность предоставления платных и бесплатных услуг «под одной крышей» может привести к выталкиванию пациентов из сферы безвозмездного здравоохранения. Невозможно оказывать платные услуги в госучреждениях при тотальном дефиците медицинских кадров и нехватке профессионального медицинского оборудования. Кроме того, в законе нет информации относительно стоимости услуг и четко не прописана процедура контроля качества оказания платных медицинских услуг. По данным Левада-центр, лишь 2 % россиян убеждены, что возможность получить в случае необходимости хорошее медицинское обслуживание не является для них проблемой, а 70% – абсолютное большинство – сомневаются в этой возможности [6. С. 66].

В заключении хотелось бы отметить, что в статье 7 Конституции Российской Федерации указано, что наше государство охраняет здоровье людей [9]. Однако российская система здравоохранения сегодня далека от совершенства, что напрямую может привести к таким отрицательным демографическим показателям как рост заболеваемости, смертности и сокращение численности населения. Таким образом, неблагоприятные тенденции, характерные для демографических процессов в РФ, во многом связаны с низкой эффективностью мер по социально-экономическому развитию. Снижение уровня смертности, увеличение продолжительности жизни в России возможно только при росте реальных доходов граждан и обеспечении населения доступной и качественной медицинской помощью.

Список литературы

1. Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // СОЦИС. – 2007. – №5. – С. 52.
2. Букалерева Л.А., Полукаров А.В. Детерминация коррупционных преступлений в сфере здравоохранения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 94-103.
3. Иванова А.Е., Рязанцев С.В. Вклад мигрантов в смертность населения г. Москвы // Научное-обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2015. – № 3. – С. 174-184.
4. Ивахненко Г.А. Здоровье трудовых мигрантов в России // Социология медицины. – 2013. – №2. – С. 48-51.
5. Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах. Справочное издание. – М., 2014. – С. 162.
6. Общественной мнение-2009. – М.: Левада-Центр, 2009. – С. 66.
7. Семина Т.В. Социологическая оценка кадров здравоохранения с целью выявления их правового и этического поведения // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 59-64.
8. Рязанцев С.В., Иванова А.Е., Гришин А.С. Методика оценки предотвратимой смертности населения: территориальный и исторический подходы// Научное-обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2013. – № 6. – С. 69-76.

Интернет источники

9. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // СПС Консультант-Плюс (Дата обращения: 04.11.2015).
10. Айболит под надзором. Каждая вторая медицинская организация нарушает закон // Российская газета, официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/08/11/murashko.html> (Дата обращения: 04.11.2015)
11. Гуманитарные технологии и развитие человека экспертно-аналитический портал/ Рейтинг стран мира по уровню расходов на здравоохранение, официальный сайт. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/> (Дата обращения: 04.11.2015).
12. Национальный проект «Здоровье» //РИА Новости, официальный сайт. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20090512/170852739.html> (Дата обращения: 04.11.2015).
13. ОНФ: Почти треть аптек в регионах не имеют необходимого набора наиболее востребованных лекарств//Общероссийский народный фронт, официальный сайт. – Режим доступа: <http://onf.ru/2015/04/29/onf-pochti-tret-aptek-v-regionah-ne-imeyut-neobhodimogo-nabora-naibolee-vostrebovannyh/> (Дата обращения: 04.11.2015).
14. Социально значимые заболевания населения России в 2013 году. Статистические материалы. Москва, 2014. – Режим доступа: <http://psychiatr.ru/download/1821?view=1&name=Заболеваемость+2014.pdf> (Дата обращения: 04.11.2015).
15. Специальный доклад уполномоченного по правам человека в Саратовской области: Проблемы жителей сельских поселений муниципальных районов Саратовской области. – Режим доступа: <http://saratov.gov.ru/government/organs/ombudsman/docs/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf> (Дата обращения: 04.11.2015).
16. Федеральная служба государственной статистики, официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (Дата обращения: 04.11.2015).
17. Федеральная служба государственной статистики, официальный сайт. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/ (Дата обращения: 04.11.2015).

Орусова Ольга Вячеславовна
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории
Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В КАЛМЫКИИ В ПЕРИОД 1990-2014 ГОДЫ

В статье представлен анализ социально-демографических процессов в Республике Калмыкия в период 1990-2014 гг., выявлены проблемные места региона, а также основные причины их возникновения. Работа основана на официальных статистических данных и направлена на получение объективной оценки социально-демографической ситуации в регионе. Отмечается, что наиболее острые и актуальные проблемы региона связаны в первую очередь с уровнем жизни населения: крайне низкие среднестатистические доходы, размеры заработной платы и пенсий; очень высокий уровень безработицы. Меры социальной политики вкупе с мерами по экономическому развитию региона могут улучшить в будущем демографическую ситуацию в Республике Калмыкия.

Ключевые слова: демографическая ситуация, Республика Калмыкия, демографическая политика, миграция, смертность населения, уровень рождаемости.

E-mail: orusovaolga@hotmail.com

Orusova Olga V.,
PhD of Economic Sciences,
Associate Professor of the department «Economic Theory»,
Financial university under the
Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

THE ANALYSIS OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN KALMYKIA IN THE PERIOD 1990-2014 YEARS

The article presents the analysis of the social and demographic processes in the Republic of Kalmykia in the period 1990-2014 years. It revealed problems in the region, as well as the main reasons for their occurrence. The study is based on official statistics and aimed at obtaining an objective assessment of the socio-demographic situation in the region. It is noted that the most pressing and urgent problems of the region are linked primarily to the quality of life of the population: the extremely low per capita incomes, wages and pensions; a very high unemployment rate. Measures of social policy, together with the measures for economic development of the region can improve in the future demographic situation in the Republic of Kalmykia.

Keywords: the demographic situation, the Republic of Kalmykia, demographic policy, migration, mortality, birth rate.

E-mail: orusovaolga@hotmail.com

Эффективная региональная политика невозможна без всестороннего анализа демографических процессов, определяющих воспроизводство основного фактора экономического

развития – рабочей силы. Актуальность данного исследования predetermined чрезвычайной важностью и необходимостью получить объективную оценку социально-демографической ситуации в регионе.

Республика Калмыкия относится к дотационным регионам Российской Федерации, не покрывающим расходы своего бюджета собственными доходами по причине слабой развитости экономики. Это обстоятельство, безусловно, оказывает негативное влияние на социальное развитие и демографический потенциал региона.

Основными задачами исследования являются:

- 1) на основе официальных статистических данных провести анализ демографических процессов в республике за период 1990-2014 гг.;
- 2) показать деятельность местных органов власти по реализации демографической политики;
- 3) выявить актуальные проблемы и предложить возможные пути их решения.

В Республике Калмыкия, как и в других регионах Российской Федерации, сохраняется сложная демографическая ситуация, ее оценку проведем по важнейшим характеристикам демографического потенциала. Важнейшим показателем, с которого следует начать исследование, являются данные об общей численности населения. Первоисточником получения сведений о населении являются переписи населения, последняя Всероссийская перепись населения была проведена в 2010 году. С 1 по 31 октября 2015 года Федеральная служба государственной статистики (Росстат) будет провела выборочное статистическое наблюдение «Социально-демографическое обследование (микрперепись населения) 2015 года», мероприятие позволит получить данные о современном социально-демографическом положении населения, актуализировать уже действующие и разработать необходимые программы развития нашего общества и оказания помощи незащищенным слоям населения. К сожалению, на момент написания данной статьи результаты микрпереписи населения еще не опубликованы.

Можно заметить, что, начиная с 1990 года, отмечается ежегодное сокращение численности населения, которое обусловлено тем, что снижающийся естественный прирост не покрывает миграционную убыль населения республики (табл. 1).

Таблица 1

Изменение численности населения Республики Калмыкия В 1990-2014 гг. [9; 10]

Год	Численность населения, тыс. человек	Общий прирост, тыс. человек	Общие коэффициенты рождаемости, число родившихся на 1000 человек населения	Общие коэффициенты смертности, число умерших на 1000 человек населения	Коэффициенты естественного прироста на 1000 человек населения	Коэффициенты миграционного прироста на 1000 человек населения
1990	329	0	20,9	8,2	12,7	-3,8
1995	319	-1	13,7	10,6	3,1	-3,5
2000	305	-6	11,3	11,2	0,1	-3,6
2005	294	4	12,9	11,4	1,5	-3
2006	289	-5	13,0	10,9	2,1	-3,8
2007	287	-2	14,2	10,7	3,5	-8,1
2008	284	-3	15,0	10,2	4,8	-9,5
2009	282	-2	14,7	10,7	4,0	-6,1
2010	289	7	15,3	11,0	4,3	-7
2011	287	-2	14,6	10,1	4,5	-12,1
2012	284	-3	15,0	10,1	4,9	-13,8
2013	283	-1	14,6	9,9	5,7	-12,2
2014	282	-1	14,1	9,9	4,2	-14,2

Вместе с тем, в республике за этот период отмечался естественный прирост населения, тогда как в подавляющем большинстве российских регионов главной причиной депопуляции была естественная убыль населения. Однако, начиная с 1990-х годов, рождаемость снизилась почти на 40% (с 20,9 на 1000 населения в 1990 году до 14,1 в 2014 году) [9].

В 2005-2014 годах отмечался некоторый рост рождаемости, что связано в первую очередь с тем, что в детородный период вступило достаточно многочисленное поколение женщин, родившихся в 80-е годы XX века. Увеличению рождаемости в Республике Калмыкия во многом способствовал Федеральный закон Российской Федерации от 29.12. 2006. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семьи», а также реализация национального проекта «Здоровье». И все же, несмотря на положительную динамику естественного прироста, численность населения убывает вследствие миграции населения в крупные города Российской Федерации в связи с отсутствием рабочих мест. По официальным данным Федеральной службы государственной статистики Республики Калмыкия уровень безработицы в регионе составляет 15% от населения и является одним из самых высоких показателей в стране [9].

Заметные изменения произошли в возрастном составе населения. Резкое снижение рождаемости привело к сокращению общей численности населения, в том числе детей и подростков, то есть жителей моложе трудоспособного возраста, усилению процесса демографического старения. В сравнении с переписью 1989 года по данным переписи населения 2010 года средний возраст жителей республики увеличился на 4,6 лет и составил 33,8 лет, на начало 2010 года он увеличился еще на 1 год и составил 34,8 лет, в том числе у мужчин – 33,1 лет, у женщин – 36,3 лет. При численном сокращении младшего поколения и уменьшения его доли вырос удельный вес населения старше трудоспособного возраста. За последний межпереписной период численность населения старше трудоспособного возраста увеличилась на 7,7 тыс. человек, в то же время численность детей и подростков за этот период сократилась на 31,3 тыс. человек. По сравнению с 2002 годом в 2010 году численность детей и подростков в возрасте 0-15 лет сократилась еще на 11,1 тыс. человек.

Несмотря на вступление в трудоспособный возраст молодежи, родившейся в 80-х годах XX века, начался процесс старения трудовых ресурсов. Так, если в 1989 году удельный вес лиц в возрасте старше 35 лет составлял 41,7% от численности населения трудоспособного возраста, то в 2010 году он увеличился до 54,0%, а на начало 2011 года составил 52,4%. По сравнению с данными переписи населения 1989 года перепись населения 2010 года показала, что число пожилых людей в Республике Калмыкия увеличилось на 9,9 тыс. человек, в том числе в сельской местности – на 6,6 тыс. человек. Рост коэффициента старения населения, проживающего в сельской местности, в этот период с 4,7% до 9,1% является следствием оттока молодежи из села в город. В результате изменения возрастной структуры населения, число пожилых людей (65 лет и старше) к началу 2011 года выросло еще на 2067 человек, в том числе в сельской местности – на 973 человека. Многолетнее снижение уровня естественного воспроизводства населения в сочетании с увеличением абсолютной численности людей старших возрастов сделали процесс демографического старения населения практически необратимым, а резкий спад рождаемости в 90-е годы прошлого века лишь ускорили его.

Особую тревогу вызывает то, что люди стали умирать более молодыми. В 2006 году по сравнению с уровнем 1989 года в республике число умерших в возрасте 15-19 лет на 1000 населения соответствующего возраста увеличилось в 1,6 раза. В структуре причин смерти наибольший удельный вес занимают умершие от болезней системы кровообращения (36,0%), несчастных случаев, отравлений и травм (14,2%), новообразований (12,9%). Удельный вес умерших от старости составляет 17,6% всех умерших. Болезни системы кровообращения продолжают оставаться наиболее распространенной причиной смерти населения, составляя 35,1% всех смертельных исходов у женщин и 36,6% у мужчин. Средний возраст

смерти от болезней системы кровообращения составляет 67,9 лет, у мужчин – 65,1 лет, женщин – 71,3 лет [9].

В 2006 году уровень смертности от болезней системы кровообращения в Республике Калмыкия был ниже среднероссийского уровня в 2,2 раза. Остаются высокими показатели первичного выхода на инвалидность и смертности вследствие злокачественных новообразований. Отмечается общее увеличение контингента психически больных, высокий рост инвалидизации и повышение числа общественно-опасных действий среди данного контингента с 40 до 54 в 2006 году.

Довольно ощутимые потери несет ежегодно население республики в результате гибели от несчастных случаев, отравлений и травм. С момента проведения в 2010 году Всероссийской переписи населения от несчастных случаев погибло 2154 человека. Уровень смертности от неестественных причин в Республике Калмыкия в 2010 году был на 20,6% ниже, чем в среднем по России, но в 2,9 раз выше, чем в Республике Дагестан, на 25,7% выше, чем в Ростовской области, на 18,0% выше, чем в Ставропольском крае. В составе причин смерти от несчастных случаев наибольший удельный вес занимают самоубийства – 28,4%, убийства – 12,6%, несчастные случаи, связанные с транспортом – 14,8%.

Одной из основных проблем демографического развития республики является смертность населения в трудоспособном возрасте. Число умерших в трудоспособном возрасте в 2010 году составило 1105 человек, из них подавляющее большинство – 882 человека – мужчины (79,8%). Их смертность в 4,0 раза превышает смертность женщин.

Одной из важнейших медико-демографических характеристик здоровья населения и качества здравоохранения является уровень младенческой смертности. В 2010 году число умерших в возрасте до 1 года составило 54 человека, 14,2 в расчете на 1000 родившихся. Уровень младенческой смертности в Республике Калмыкия в 2010 году по сравнению с уровнем прошлого года вырос в 1,9 раза. Основными причинами смертности детей первого года жизни явились: состояния, возникающие в перинатальном периоде (0-6 дней) – 55,5% и врожденные аномалии развития – 33,3% (то есть причины связанные со здоровьем матери).

В последние годы в республике повышается общая заболеваемость новорожденных. В 1992 году рождался больной или заболел каждый шестой младенец (с массой тела 1000 грамм и более), в 1999 году уже два из пяти, в 2006 году – каждый второй. Рост заболеваемости новорожденных приводит к увеличению показателя младенческой смертности. Показатель младенческой смертности в республике достаточно высок.

Миграция является одним из существенных факторов изменения численности и территориального размещения населения. Отрицательное сальдо миграции – одна из основных причин сокращения численности населения республики в последние годы. В 2014 году число прибывших в республику составило 11611 человек, из них прибыло из-за пределов республики 4623 человека. Число выбывших за год составило 14250 человек, из них выбыло за пределы республики 7264 человека. Сальдо миграции составило – 2639 человек [9]. По сравнению с 2013 годом в 2014 году объем миграции увеличился на 1,8%. Коэффициент интенсивности миграции (разница между прибывшими и выбывшими в расчете на 1000 жителей республики) в 2014 году составил – 7,2 промилле (в 2013 году – 5,7 промилле) [5].

Основными причинами смены места жительства населения являются: причины личного характера (62,6% из числа выбывающих за пределы республики и 38,9% из числа прибывших из-за пределов Калмыкии в возрасте 14 лет и старше отмечают данную причину), возврат к прежнему месту жительства (9,4% и 36,3% соответственно), в связи с работой (11,3% и 14,5% соответственно), в связи с учебой (9,4% и 3,2% соответственно) [1]. Активный миграционный обмен сложился с Ростовской областью – 14,4% в объеме внешней миграции, Ставропольским краем – 13,5%, Астраханской областью – 10,2%, Волгоградской областью – 9,6%, Республикой

Дагестан – 8,0% [1]. Основной причиной выбытия в данные регионы мигрантами указаны причины личного, семейного характера.

Главной чертой внутриреспубликанской миграции населения является переезд жителей районов в столицу: 1732 мигранта выбрали г. Элисту новым местом жительства. Основными причинами смены места жительства при миграции в пределах республики в большинстве случаев указываются причины личного характера – 41,7% от общего числа мигрантов в возрасте 14 лет и старше, в связи с работой – 25,3%, возврат к прежнему месту жительства – 21,0% [1].

Основная часть прибывших – это лица в трудоспособном возрасте (74,2% всех прибывших и 75,9% прибывших из-за пределов Калмыкии). Доля населения в трудоспособном возрасте в числе всех выбывших составила 74,8%, в числе выбывших за пределы республики – 76,2%. Наиболее мобильными из них являются лица в возрасте 20-24 года и 30-39 лет.

Описанные демографические проблемы естественно вызвали реакцию местных властей, поэтому в 2002 году было принято Распоряжение Правительства Республики Калмыкия от 03.07.2002 N 336-р «О принятии необходимых мер по реализации концепции демографического развития Республики Калмыкия на период до 2015 года». Концепция представляет систему принципов, приоритетных направлений в сфере регулирования демографических процессов: в области укрепления здоровья и увеличения ожидаемой продолжительности жизни, стимулирования и укрепления семьи, миграции и расселения [8].

В целях улучшения демографической ситуации в Республике Калмыкия, Правительство Республики Калмыкия утвердило в 2008 году Комплексную программу по улучшению демографической ситуации в Республике Калмыкия на 2008-2011 годы [6]. Цели Программы – стабилизация численности населения Республики Калмыкия, формирование предпосылок к последующему демографическому росту. Основные задачи Программы:

- стимулирование рождаемости, поддержка семьи, материнства и детства;
- укрепление здоровья населения и снижение уровня смертности;
- развитие социальной сферы в сельской местности;
- регулирование миграционных процессов;
- формирование информационной политики по демографическому развитию.

Общий объем финансирования мероприятий Программы был запланирован (в текущих ценах) – 1672,0 млн. рублей, из них средства федерального бюджета – 859,3 млн. рублей; средства республиканского бюджета – 675,56 млн. рублей; средства местных бюджетов – 60,25 млн. рублей средства внебюджетных источников – 76,89 млн. рублей [6]. К сожалению, не все мероприятия, заложенные в программу, были воплощены в жизнь из-за недостатка финансовых средств.

В республике начала работу Программа опережающего обучения работников. Эта мера позволит повысить квалификацию или переобучиться тем людям, которые сегодня не уверены, что завтра могут не потерять работу. Центр занятости оплачивает таким людям обучение посредством заключения договоров с учебными заведениями. Одной из мер снижения уровня безработицы стала организация самозанятости населения, осуществляемая Агентством занятости населения и труда РК. За время действия этой программы 552 человека, имеющих статус безработного, с помощью субсидий открыли свое дело. Сумма субсидий на сегодняшний день составляет 58.800 рублей [8].

Проведенный анализ подтверждает заявленный тезис о сложной демографической ситуации в Республике Калмыкия, сложившейся в период 1990-2014 гг. Для полноты выделения демографических проблем данного региона в таблице 2 представлены значения основных демографических показателей на начало 2014 года в Республике Калмыкия и в среднем по Российской Федерации. Жирным шрифтом выделены показатели, имеющие отклонения от среднероссийского значения, принятого в качестве нормы [7].

Таблица 2

Основные демографические показатели Республики Калмыкия [10]

Показатель	Республика Калмыкия	РФ
Изменение численности населения (прирост за год, %)	-0,7	0,2
Население старше трудоспособного возраста, %	18,5	23,5
Население в трудоспособном возрасте, %	60,2	59,3
Городское население, %	44,9	74,2
Соотношение мужчин и женщин (на 1000 мужчин приходится женщин)	1084	1159
Коэффициент демографической нагрузки (на 1000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособных возрастов)	660	687
Рождаемость	14,6	13,2
Смертность	9,9	13
Младенческая смертность	7,7	8,2
Коэффициент естественного прироста	4,7	0,2
Ожидаемая продолжительность жизни мужчин	65,65	65,13
Ожидаемая продолжительность жизни женщин	77,25	76,30
Брачность	7,1	8,5
Разводимость	4,5	4,7
Соотношение браков и разводов (на 1000 браков приходится разводов)	643	545
Миграционный прирост (убыль)	-122	21

Следует отметить положительный естественный прирост населения, вызванный прева-лированием рождаемости над смертностью, в Калмыкии он превышает среднероссийский по-казатель на 4,5 промилле. По уровню рождаемости Калмыкия занимает 25 место в России. Коэффициент рождаемости в 2013 году был выше среднероссийского показателя на 1,4. В числе родившихся детей преобладают мальчики (52% из числа родившихся в 2013 году) [7].

Коэффициент смертности в республике достаточно низкий и по данному показателю рес-публика находится 10 месте. Основными причинами смертности населения республики явля-ются болезни системы кровообращения, новообразования, несчастные случаи, отравления и травмы. Также в регионе наблюдается ежегодное снижение уровня смертности примерно на 0,1-0,9 человек.

По уровню ожидаемой продолжительности жизни Калмыкия занимает 18 место в России, и важно отметить, что за последние 10 лет в республике продолжительность жизни повыси-лась для мужчин примерно на 4,48 года, а для женщин на 3,38, что является ключевым фак-тором старения населения сверху. Ежегодно снижается доля трудоспособного населения (60,2% в 2013г. по сравнению с 63,4% в 2010г.) и повышается доля населения старше трудо-способного возраста (18,5% в 2013г. по сравнению с 16,2% в 2010 году). Как и в целом по Рос-сии, в республике уже в течение многих лет сохраняется превышение численности женщин над количеством мужчин. На начало 2014 года на 1000 мужчин в республике приходится 1081 женщина (доля мужчин в регионе – 48%)[7].

Однако, показатель брачности в республике ниже среднероссийского на 1,4, и с 2011 года прослеживается тенденция к сокращению браков. Соотношение браков и разводов представ-ляет негативную динамику в течение последних лет, и составляет на данный момент 643 раз-вода на 1000 браков, тогда как в 2010 году это значение составляло лишь 475. Текущая ситу-ация в регионе хуже, чем в среднем по России [7].

Доля сельского населения (55,1%) в республике также существенно отличается от сред-нероссийского уровня, где сельское население составляет лишь четверть. Но статистика

также свидетельствует о том, что доля городского населения в республике ежегодно увеличивается, а доля сельского населения сокращается (население в 2010 году: городское – 44,1%, сельское – 55,9%).

По состоянию на 1 января 2015 года, численность населения республики по данным Росстата составляет 280 581 человек, республика очень слабо заселена (плотность населения – лишь 3,8 человек/км). В то время, как в целом по России, появились положительные тенденции в динамике численности населения, в Калмыкии уже на протяжении многих лет наблюдается устойчивое сокращение численности населения (с 2010 года численность снизилась примерно на 9 тыс. чел).

Как известно, рост и сокращение численности населения имеют два основных фактора: естественный и миграционный прирост или убыль населения. Сокращение населения в республике происходит преимущественно за счет устойчивой миграционной убыли, которую не покрывает естественный прирост (табл. 3) [1].

Таблица 3

**Оценка численности постоянного населения по компонентам изменения
на 1 января 2015 года [6]**

Численность населения на 1.01.2015	Прирост численности населения за 2014 год, человек	Естественный прирост в 2014, человек	Миграционный прирост в 2014, человек
280564	-1182	1330	-2639

По показателю миграционного прироста Калмыкия имеет один из самых низких показателей в России – -122 мигранта на 10 тыс. человек (уступает лишь ЯНАО, Еврейской АО, Магаданской и Мурманской областям). Однако в 2013 году наблюдались небольшие тенденции роста, и по сравнению с предыдущим годом показатель миграционного прироста повысился на 16 человек на 10 тыс. человек [1].

Основу миграционного оттока составляет межрегиональная миграция: 52% выбывших в 2013 году мигрировало в другие регионы РФ. Наибольшей миграционной активностью обладает городское население (74% из числа выбывших в другие регионы). Устойчивое сокращение численности населения – важнейшего экономического ресурса – существенно сужает возможности и перспективы результативного развития региона.

В 2012 году проводилось социологическое исследование миграционных установок населения Калмыкии среди жителей до 30 лет (табл. 4). Опрос показал, что лишь около 18% респондентов не желают уезжать из республики; почти треть планирует покинуть республику, а затем вернуться; 22% жителей предпочитает покинуть республику навсегда; и 24,2% – задумывается о выезде за пределы России. Прежде всего, такие результаты обусловлены крайне низким уровнем социально-экономического развития республики, желанием молодежи реализовать свой потенциал, улучшить свое материальное положение и устроиться на высокооплачиваемую работу [3]. Именно отрицательный коэффициент миграционного прироста свидетельствует о низком уровне жизни людей и слабо развитой социальной сфере.

Как видно из табл. 4, ситуация с уровнем жизни населения действительно является катастрофической и становятся ясны причины активной эмиграции населения. Несмотря на то, что среднедушевые доходы, потребительские расходы, среднемесячная номинальная зарплата и пенсии ежегодно демонстрируют тенденции роста, они продолжают оставаться на крайне низком уровне. В 2013 году Калмыкия заняла по данным показателям 79-83 позиции среди всех регионов. К примеру, среднемесячная зарплата составляет лишь 17471 рублей в

месяц – это на 41% ниже среднероссийского показателя. Особенно настораживает неестественно высокая доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума – 35,4% [9].

Таблица 4

Социальный портрет Республики Калмыкия по итогам 2013 года [5]

Показатель	Республика Калмыкия	РФ
Среднедушевые денежные доходы населения, руб.	11311 (83 место)	25928
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, руб.	17471 (82 место)	29792
Средний размер назначенных пенсий, руб.	8598 (79 место)	10030
Величина прожиточного минимума, 4 кв. 2013 г., руб.	6823 (46 место)	7326
Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, %	35,4(самый высокий показатель в РФ)	10,8
Потребительские расходы в среднем на душу населения, руб.	6199 (81 место)	19075
Общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на 1 жителя, м ²	22,8 (54 место)	23,4
Удельный вес ветхого и аварийного жилья, %	0,9	2,8
Заболеваемость на 1000 человек населения	694,3	799,4
Численность населения на 1 врача, человек	186,8 (20 место)	204,5
Численность населения на 1 работника среднего медицинского персонала, человек	86,0	94,6
Численность зрителей театров на 1000 населения	123 (63 место)	249
Число посещений музеев на 1000 населения	96 (80 место)	668
Охват детей дошкольными образовательными учреждениями, %	53,1(76 место)	63,0
Выпуск квалифицированных рабочих и служащих с начальным профессиональным образованием, на 10000 занятого населения	89	61
Количество высших учебных заведений	1	969
Уровень безработицы, %	12,5 (80 место)	5,5
Уровень зарегистрированной безработицы, %	2,3	1,2
Уровень занятости населения, %	57,6	64,3

Ситуация с занятостью населения также крайне проблематична. Уровень занятости в регионе – 57,6%, население работает преимущественно в сельском хозяйстве, сфере образования, занимается оптовой и розничной торговлей и ремонтом. Общий уровень безработицы в регионе – один из самых высоких в России (80 место) и на начало 2014 года он более чем в 2 раза превышает среднероссийский уровень. Главными факторами повышения безработицы в регионе являются низкий размер предлагаемой заработной платы и непривлекательность трудовой деятельности в сфере сельского хозяйства. Однако, официальная безработица все же ежегодно снижается, и за последние 10 лет она сократилась на 5,5 процентных пункта (в 2005 г. – 18; в 2010 г. – 14,8; в 2013 – 12,5) [2].

В сфере образования уровень развития региона все еще остается довольно низким. Несмотря на высокую распространенность высшего образования среди населения и совершенствование учебного процесса в образовательных учреждениях, условия в республике все еще недостаточны для полной реализации потенциала молодежи. На данный момент в республике действует один государственный вуз (Калмыцкий государственный университет) и 6 ССУЗов. Именно поэтому большая часть выпускников предпочитает обучаться в других регионах. Кроме того, пессимистична ситуация с количеством дошкольных образовательных

учреждений. Особенно на фоне нынешнего повышения рождаемости в регионе, стоит острая необходимость увеличения количества детсадов.

Что касается культуры, республика имеет очень богатый библиотечный фонд – 9991 экз. на 1000 человек, и занимает 7 место в РФ. Однако количество театров и музеев в регионе – одно из самых низких в России и, неудивительно, что по числу посещений музеев на 1000 населения Калмыкия лишь на 80 месте [3].

Состояние жилищных условий и уровень здравоохранения наиболее приемлемы для достойной жизни населения. Что касается первого, наиболее значимым являлось стремительное сокращение удельного веса ветхого и аварийного жилья в течение последних лет: с 2,3% в 2011 г. снизился до 0,9% в 2013 году. Также стоит отметить достаточно небольшую численность населения на 1 врача, по которой Калмыкия занимает 20 место в России. Данные положительные тенденции явились результатом мероприятий в рамках проведения приоритетных национальных проектов и целевых программ в сфере ЖКХ и здравоохранения, на которые выделялись наибольшие финансовые средства [8].

Но стоит отметить, что Республика Калмыкия, являясь регионом-реципиентом, очень ограничена в финансовом обеспечении проводимой региональной политики, что значительно сужает возможности эффективных преобразований в социальной сфере. Несомненно, огромное влияние окажет развитие экономики в регионе, чему необходимо уделить особое внимание.

В ходе проведенного исследования демографической ситуации в Республике Калмыкия были получены преимущественно негативные результаты, в большей степени связанные с крайне низким уровнем жизни населения и развития социальной сферы. Как следствие, это дает почву для интенсивной эмиграции населения в регионы с более достойными условиями для жизнедеятельности. Негативный характер демографических процессов в регионе определяется в первую очередь миграционным оттоком, масштабы которого напрямую зависят от итогов реализации необходимых социально-экономических мер. Более того, эмиграция трудоспособного населения снижает трудовой потенциал республики.

В результате демографических процессов, произошедших в Республике Калмыкия за «перестроечные» годы, численность населения неуклонно снижалась. Анализ статистических сведений за последние годы свидетельствует об улучшении ситуации, когда впервые за много лет в республике отмечен естественный прирост населения. В тоже время в республике сохраняется неблагоприятная социально-экономическая ситуация, влияющая на структуру демографии и миграции населения. Высокая степень безработицы среди населения, снижение его численности по причинам внутренней миграции жителей Калмыкия в другие регионы в поисках работы – эти тенденции по-прежнему остаются основными в динамике миграционных процессов на территории республики.

Необходимо укрепить появившиеся положительные тенденции в росте рождаемости и снижении смертности, а также сохранить и продолжить достигнутые улучшения в сфере жилищно-коммунального хозяйства и здравоохранения.

Таким образом, в республике существует острая необходимость формирования социальной политики, направленной, прежде всего, на улучшение общего благосостояния граждан и повышения привлекательности региона с целью сокращения миграционного оттока. Своевременная и эффективная региональная политика позволит сократить огромный разрыв республики от более развитых регионов России, а также создаст необходимые условия для оптимизации демографической ситуации в регионе.

Список литературы

1. Бадмаева Н.В. Влияние миграционных процессов на социальную структуру региона (на примере Республики Калмыкия) // Развитие региона как социальной системы: социально-экономические индикаторы и показатели: Монография / Под общ. ред. О.В. Байдаловой. – Волгоград, 2014 г. – С. 168-183.
2. Намруева Л. В. Миграционные установки молодежи Калмыкии // Вестник Калмыцкого университета. – 2013. – №. 2 (18).
3. Чурюмова Д. М. Основные тенденции в демографическом процессе населения Республики Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – С. 124.

Интернет источники

4. Распоряжение Правительства Республики Калмыкия от 03.07.2002 N 336-р «О принятии необходимых мер по реализации концепции демографического развития Республики Калмыкия на период до 2015 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kalmykia.news-city.info/docs/sistemsr/dok_iergqi.htm (Дата обращения: 08.11.2015).
5. Демографический ежегодник. 2014. Регионы России-2014 // Федеральная служба государственной статистики РФ. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/Main.htm (Дата обращения: 08.11.2015).
6. Комплексная программа по улучшению демографической ситуации в Республике Калмыкия на 2008-2011 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawsrf.ru> (Дата обращения: 08.11.2015).
7. Маркеева Б.Э. Социально-демографическая диагностика Республики Калмыкия // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ekonomika.snauka.ru/2015/04/7867> (Дата обращения: 15.10.2015).
8. Официальный сайт Министерства социального развития, труда и занятости Республики Калмыкия. – Режим доступа: <http://zan.kalmregion.ru/tsentry-zanyatosti-respubliki-kalmykiya/> (Дата обращения: 08.11.2015).
9. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистике по Республике Калмыкия. – Режим доступа: <http://statrk.gks.ru>. (Дата обращения: 08.11.2015).
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2001-2014. // Федеральная служба государственной статистики РФ – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (Дата обращения: 08.11.2015).

Полкова Татьяна Владимировна,
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
центра социоэкономической динамики
Института экономики Уральского отделения Российской академии наук,
г. Екатеринбург, Россия

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

(Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 15-06-09169 «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста»)

В статье анализируется современная демографическая ситуация в регионах Уральского федерального округа, включая демографический прогноз до 2038 г. Демографическая ситуация округа отражает основные современные проблемы (сокращение численности населения, низкая рождаемость, высокая смертность, невысокая продолжительности жизни, демографическое старение, иммиграция). Показаны возможные пути формирования демографической политики в разрезе пронаталистского и иммиграционного направлений с учетом того, что демографические процессы чрезвычайно сложны, инертны и по большому счету и не должны поддаваться жесткой управленческой регламентации, но инертность содержит в себе и залог устойчивости саморегулирующейся системы народонаселения. Кроме того, при формировании таких стратегий важно учитывать не только валовые показатели, но и качественные, региональные особенности, этнические, расселенческие аспекты.

Ключевые слова: воспроизводство населения, демографические процессы, рождаемость, смертность, естественный прирост, миграция, старение населения, экономический кризис, регионы, демографическая политика.

E-mail: polkova_tv@mail.ru

Polkova Tatyana V.,
PhD of Economic Sciences, Senior researcher at the
Centre for socio-economic dynamics research,
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

PROBLEMS OF THE URALS POPULATION REPRODUCTION IN THE CONTEXT OF REGIONAL DEVELOPMENT STRATEGY BUILDING

(This article was written with the support of the grant RFBR № 15-06-09169 «Development of methodical instrumentariya measure and evaluate the impact of socio-economic, medical and demographic factors on mortality of the population of working age»)

In the article the modern demographic situation in regions of Ural federal district, including the demographic forecast till 2038 is analyzed. The demographic situation in the district reflects the main modern problems (population reduction, low birth rate, high mortality, low life expectancy, demographic aging, and immigration). Some possible ways of population policy formation in the context «pronatalist» and «immigration» directions are shown taking into account that demographic processes are extremely complex, inertial and by the highest standards are not liable to a rigid administrative regulation, but this time lag contains also guarantee of stability of self-regulating population system. Besides, when forming such strategy it is important to consider not only gross indicators, but also qualitative, regional features, ethnic, settlement aspects.

Keywords: population reproduction, demographic processes, birth rate, mortality, natural increase, migration, aging of the population, economic crisis, regions, population policy.

E-mail: polkova_tv@mail.ru

В последние годы демографический кризис в России все больше и больше привлекает внимание ученых, политиков, общественности, СМИ к проблемам развития населения в стране. В то же время имеет место упрощенное представление о демографических процессах, их факторах на базе слабо обоснованных гипотез, аналогий, отслеживания динамики одного из показателей, чаще всего, какого-либо общего демографического коэффициента, некорректное использование демографических показателей в политических дискуссиях.

К основным демографическим проблемам современности относятся проблемы низкой рождаемости, высокой смертности, невысокой продолжительности жизни, демографического старения, иммиграции и депопуляции (сокращения численности населения). Социально-демографическая ситуация в России за последние годы претерпела существенные изменения. Урал в этом плане является достаточно типичным среди субъектов РФ, и тенденции изменений социально-демографических процессов в регионе во многом схожи с тенденциями в других регионах.

За прошедшее столетие границы Уральского района неоднократно изменялись. В 2000 г. был образован Уральский федеральный округ в составе шести субъектов РФ – Свердловской, Челябинской, Курганской и Тюменской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, занимающий территорию 1,8 млн кв. км (10,5% территории России) с числом жителей 12,6 млн человек (8,7% населения России). Крупнейшие нефтегазодобывающие территории резко усилили экономическую роль Уральского федерального округа (УрФО), он занимает второе место после Центра по объему валового регионального продукта (ВРП). Урал заметно выделяется по числу городов областного и республиканского значения. Следует отметить, что центр расселения на территории Уральского региона постепенно смещается на юго-восток. Население УрФО на 1 января 2014 г. составило 12,226 млн. человек

С 1993 г. тенденция роста населения сменилась снижением. Сокращение численности населения было свойственно всем территориям Урала, и особенно сильно было выражено в Курганской, Свердловской и Челябинской областях. Однако в последние годы наметились определенные улучшения и, начиная 2010 г., в целом по округу стал наблюдаться естественный прирост населения (с 1,1 промилле в 2010 г. до 2,7 промилле в 2013 г.). Отрицательный естественный прирост сохраняется по настоящее время лишь в Курганской области (-2,1 промилле). В Свердловской и Челябинской областях этот показатель пока ненамного поднялся над нулевой отметкой (0,7 и 0,2 промилле соответственно), находясь близко к среднероссийскому показателю – 0,2 промилле в 2013 г.; а в Тюменской области и особенно входящих в ее состав Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО уровень рождаемости уже намного превышает уровень смертности: по последним официальным данным, естественный прирост населения в этих регионах составил соответственно 8,8; 11,2 и 11,4 на 1000 человек населения. Это обусловлено главным образом «молодой» возрастной структурой населения вышеуказанных территорий.

Существенную проблему в последние годы представляла низкая рождаемость, современные параметры которой меньше требуемого для простого замещения поколений. Ситуация в регионе с рождаемостью отражает перемены в репродуктивном поведении населения России в целом, которые определяются распространением малодетных семей (1-2 ребенка), сближением уровней рождаемости в сельской и городской местности, откладыванием на более позднее время рождения первого ребенка, ростом внебрачной рождаемости и увеличением процента бесплодных семейных пар. Однако в последние годы ситуация обещает быть более оптимистичной – в 2013 г. общий коэффициент рождаемости в Тюменской области составил 17,0 промилле (в том числе в ХМАО – 17,5, в ЯНАО – 16,8 промилле), в Свердловской области – 14,4 промилле, в среднем по округу 15 промилле, при том, что среднероссийский показатель составлял лишь 13,2 родившихся на 1000 населения. Наметившуюся положительную тенденцию подтверждает суммарный коэффициент рождаемости: в 2013 г. по УрФО наблюдался

СКР, позволяющий ожидать простое и даже слегка расширенное воспроизводство населения: в среднем по округу этот показатель составлял 2,689, в том числе по ЯНАО 3,187, по Курганской области – 2,809, Челябинской области – 2,697.

Что касается еще более точного индикатора рождаемости – нетто-коэффициента воспроизводства, то здесь картина более сдержанная. Известно, что воспроизводство населения территории с нетто-коэффициентом воспроизводства больше 1 называется расширенным, равным 1 – простым воспроизводством, а меньше 1 – суженным. В зависимости от возрастной структуры населения в последнем случае, начиная с определенного периода, численность населения будет обязательно сокращаться, тогда говорят о том, что имеет место депопуляция [8]. Нетто-коэффициент воспроизводства населения в целом УрФО составлял в 2013 г. в среднем по округу 0,909, превышая единицу лишь в Ямало-Ненецком АО – 1,005 и в Курганской области – 1,008 [6].

Несмотря на внешнюю оптимистичность ситуации, авторитетные демографы полагают, что снижение естественной убыли населения России в последние годы – «...явление, по-видимому, временное, обусловленное преходящими факторами» [1. С. 16]. Среди них следует отметить значительный рост числа женщин детородного возраста (эхо повышения рождаемости в 1980-е годы), способствующий увеличению числа рождений, а также приостановку роста и даже сокращение числа пожилых людей, тормозившие рост числа смертей. Влияние обоих факторов уже ослабевает, но какое-то время еще сохранится, что будет содействовать дальнейшему сокращению естественной убыли населения.

В определенной степени тенденция роста общего коэффициента рождаемости может сохраниться в ближайшие годы, поскольку она связана с увеличением численности потенциальных матерей (в репродуктивный период вступили многочисленные поколения родившихся в середине 1980-х годов) в условиях реализации активных мер по поддержке семей с детьми, но при этом рассчитывать на ее повышение до уровня простого замещения поколений (2,2 ребенка на 1 женщину за всю ее жизнь), оснований нет. Через несколько лет число потенциальных матерей вернется к уровню начала 1990-х годов, с которого началось его увеличение, а рост числа пожилых снова наберет силу за счет самых многочисленных послевоенных поколений 1950-60-х годов рождения, влияние благоприятных структурных факторов вновь сойдет на нет и в будущем сокращение населения России более вероятно, чем его рост [1. С. 17].

Для областей Уральского федерального округа в последние годы был характерен относительно высокий уровень смертности населения (в 2013 г. по Курганской области он составлял 16,1 промилле, Челябинской – 13,9, Свердловской – 13,7; Тюменской области – 8,2 умерших на 1000 населения). В среднем УрФО демонстрирует хорошие позиции по данному показателю (2-е место по России), главным благодаря нефтегазодобывающим округам ХМАО и ЯНАО – 6,3 и 5,4 промилле соответственно [4]. Низкие показатели общей смертности не обязательно указывают на социальное благополучие, это следствие молодой возрастной структуры, а также того, что приезжее население старше трудоспособного возраста не остается там надолго и предпочитает доживать остаток жизни на «большой земле».

Смертность детей в возрасте до 1 года – один из важнейших критериев демографического благополучия региона – также демонстрирует тенденцию к снижению: 2013 г. В среднем по УрФО она составляла 7,4 (по России – 8,2) на 1000 родившихся живыми), в том числе в Ханты-Мансийском АО – 5,4, в Ямало-Ненецком АО – 10,4, в Свердловской области – 6,9 случаев на 1000 родившихся живыми [4].

Среди умерших в трудоспособном возрасте основную долю составляют мужчины; основные причины преждевременной смертности населения в трудоспособном возрасте – несчастные случаи, отравления и травмы. Среди этой группы причин преобладают самоубийства, убийства, автотранспортные травмы, случайные отравления алкоголем. Основные причины

смертей для населения в целом (по убывающей) – болезни системы кровообращения; несчастные случаи, отравления и травмы; новообразования. Подобная структура причин смертности характерна для большинства территорий УрФО.

Состояние здоровья и уровень смертности отражаются на показателях ожидаемой продолжительности жизни населения, которая на 2013 год составляла в среднем по УрФО 70,06 года для обоих полов (мужчины – 64,14 женщины – 75,93 года). При этом следует заметить, что за последние 5 лет средняя продолжительность жизни подросла по регионам на 2-3 года и среди женщин уверенно превысила 75-летнюю отметку (за исключением Курганской области, где она составляла в 2013 г. 74,97 года).

В настоящее время Урал сохраняет положительный миграционный прирост (сальдо миграции). В результате миграционного обмена УрФО имел в 2013 г. прирост, равный 3 человек на 10000 населения, однако этот показатель демонстрирует снижение по сравнению с предыдущими годами, интенсивный отток населения имеет место в Курганской области (-77), ЯНАО – (-129), ХМАО – (-29), часть Тюменской области без северных добывающих округов – напротив, активно привлекает мигрантов (сальдо миграции +124) [4]. В последние годы положительное сальдо миграции почти полностью покрывало объемы естественной убыли населения. Произошли существенные изменения в динамике, направлениях и масштабах миграционных потоков, в мотивации миграционного поведения населения. В стратегическом плане снижение миграционного прироста считается негативным моментом, если учитывать депопуляцию, старение населения и сохраняющийся спрос на представителей массовых рабочих профессий (потребность в трудовой иммиграции).

На фоне спада миграционной активности населения резко возрос миграционный оборот с бывшими союзными республиками, значительными факторами этой миграции стали политические конфликты и напряженность межэтнических отношений. По данным миграционных служб, в последнее десятилетие ежегодно статус беженцев и вынужденных переселенцев на Урале получали около 10000 человек. В большинстве своем это русскоязычное население из республик бывшего СССР. Наибольшее же количество эмигрантов – из Украины и среднеазиатских республик ближнего зарубежья.

На динамику миграционных процессов в Уральском регионе основное влияние оказывают следующие факторы. *Во-первых*, это сложившиеся за прошлые годы тенденции движения населения, превратившие Урал из района, отдающего население, в принимающий. *Во-вторых*, это различного рода деструктивные процессы, вызывающие вынужденные миграции. *В-третьих* – развитие рыночных отношений, облегчающее перемещение людей.

Возрастная структура населения Урала, как и в целом населения России, по демографическим меркам считается «старой»: доля лиц старше трудоспособного возраста по данным 2013 г. составляла 21,6% (на 3 проц. пункта больше, чем 5 лет назад). Тенденция к постарению населения проявляется во всех регионах. Наиболее «старым» традиционно является население Курганской области, где доля лиц старше трудоспособного возраста составляет 26,7%; самая молодая возрастная структура – в Тюменской области и округах ХМАО и ЯНАО (соответственно 14,9 и 12,4 и 8,7% лиц старше трудоспособного возраста). Демографическое старение сопровождается рядом негативных социально-экономических последствий – осложняет процесс возобновления поколений, а главное – увеличивает экономическую нагрузку на трудоспособное население. Изменение возрастной структуры в сторону постарения ведет к увеличению показателя демографической нагрузки на трудоспособное население (соотношение численности населения в дорабочем и послерабочем возрасте к таковой в трудоспособном возрасте).

В 2013 г. коэффициент демографической нагрузки (количество лиц нетрудоспособных возрастов на 1000 человек трудоспособного возраста) составлял на Урале 362 человек и был немного ниже среднероссийского показателя (397). В Тюменской области он был наиболее

низким, составив 233 (188 и 127 в округах ХМАО и ЯНАО), в Курганской области – самым высоким (482), в Свердловской области – 415 человек в нетрудоспособных возрастах на 1000 человек трудоспособного возраста. На возрастной структуре Урала благоприятно сказался кратковременный всплеск рождаемости середины 1980-х годов, но тенденция старения неуклонно прогрессирует. Суммарная демографическая нагрузка будет нарастать и в дальнейшем из-за перехода в послерабочие возраста большой группы родившихся в 1960-е гг.

Нынешнее сокращение населения России и Уральского федерального округа, в том числе, сильно отличается от всех предыдущих, наблюдавшихся в XX веке и вызванных различными социальными потрясениями (войнами, голодом) и репрессиями 1930-х годов. Сейчас убыль населения обусловлена устойчивыми изменениями в массовом демографическом поведении россиян. Соответственно, рассчитывать на то, что в ближайшем будущем сохранится положительный естественный прирост населения, а вместе с тем и рост числа жителей страны, нет больших оснований, и все демографические прогнозы согласуются с этим (рис. 1) [3].

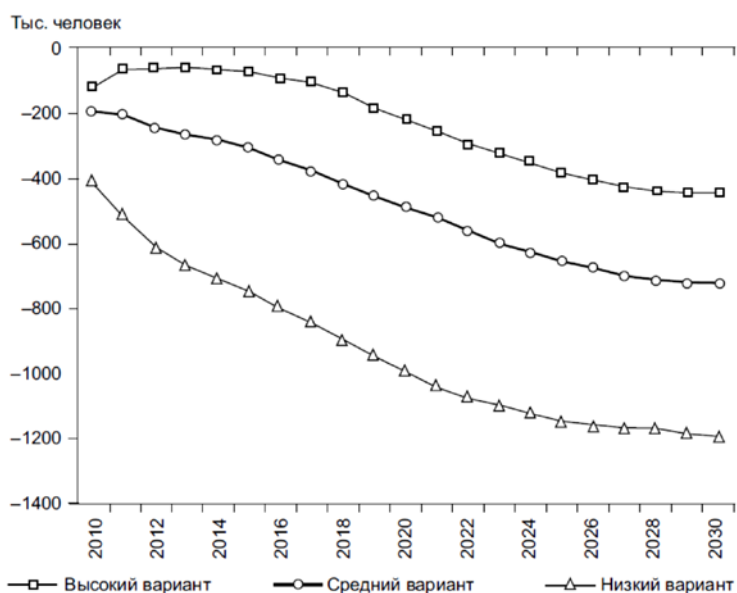

Рис. 1. Годовой естественный прирост населения России по трем вариантам прогноза Росстата, 2010-2030 гг.

Согласно демографическому прогнозу, составленному сотрудниками Института экономики УрО РАН, через 15-20 лет рождаемость снова снизится, смертность возрастет, уменьшится число детей и лиц молодого возраста, численность населения пожилого возраста, напротив, будет увеличиваться.

Динамика общей численности населения УрФО на перспективу до 2038 г. по двум вариантам представлена на рис. 2 [2. С. 65-88]. В отечественной демографии принято выделять три главных причины депопуляции в нашей стране:

- 1) глобальная тенденция модернизации – второй демографический переход, все развитые страны имеют низкую рождаемость, двигаясь от многодетной семьи к среднететной, а затем и к малодетной; сам факт повсеместной распространенности низкой рождаемости в индустриальных урбанизированных обществах не позволяет говорить о специфически российском кризисе. Скорее, речь может идти об общем кризисе всей современной

«постиндустриальной» западной цивилизации, причины которого нельзя устранить в одной стране;

- 2) потери в Великой Отечественной войне и демографическая яма после этого периода, повторяющаяся каждые 25 лет;
- 3) социально-экономический кризис начала 1990-х гг. – недостатки избранной модели социально-экономической трансформации общества и перехода к рыночной экономике. Именно последнее обстоятельство привело к снижению уровня и качества жизни большинства семей, неуверенности в завтрашнем дне всех слоев общества, социальной дезадаптации значительной части семей, росту преступности, насилия, асоциального поведения. Значительная часть российских семей не может обеспечить социально приемлемый уровень благосостояния на трудовой основе, а действующие социальные гарантии, выплаты и льготы не обеспечивают реальной защиты семей от нищеты и лишений: ежемесячная государственная помощь способна возместить лишь 5-7% необходимых затрат, а по оценкам специалистов, более половины несовершеннолетних россиян живут в семьях с доходом ниже черты бедности.

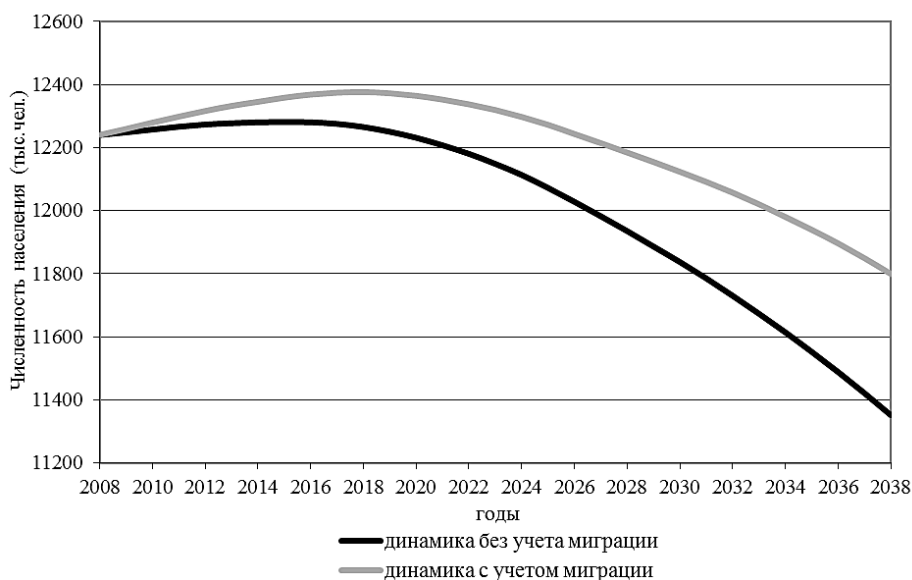

Рис. 2. Динамика общей численности населения Уральского федерального округа на перспективу до 2038 г. (прогноз)

Для того чтобы просто поддерживать численность населения России на уровне начала XXI века, ей нужно принимать ежегодно не менее 700 тысяч человек в год и постепенно наращивать этот объем до 1,2-1,3 миллиона человек в 2030-2035 годах. Преодоление затянувшегося демографического кризиса в России требует проведения социально ориентированной экономической и активной демографической политики, направленной на снижение смертности, заболеваемости и увеличение продолжительности активной, творческой жизни человека, создание благоприятных условий для повышения качества жизни семей и наиболее полной реализации потребностей семей в детях, привлечение трудовой иммиграции и создания условий для закрепления мигрантов в России.

В нашей стране сформировалось два основных направления по отношению к демографической политике – «пронаталистское» и «миграционное». Сторонники первого придерживаются в принципе правильной, но несколько не согласующейся с реальным положением дел позиции – они считают, что проблему депопуляции можно решить за счет повышения рождаемости до уровня простого воспроизводства и за счет активного экономического стимулирования. Последователи «миграционного» направления более реалистичны: понимая, что даже в самых благоприятных условиях в ближайшем будущем к уровню простого воспроизводства населения мы не приблизимся, предлагают идти путем, испытанным во всех развитых странах, то есть путем привлечения иммигрантов.

В соответствии с вышеуказанными направлениями для выхода из демографического кризиса существует два варианта:

- 1) восстановление устойчивого положительного естественного прироста населения;
- 2) приток населения извне, крупномасштабная иммиграция.

Первый вариант предполагает резкое и очень значительное повышение рождаемости, практически удвоение ее нынешнего уровня, что в современных экономических условиях маловероятно. В реальности главным образом иммиграция в состоянии противодействовать сокращению численности и старению населения России, как и других «постпереходных», промышленных и урбанизированных стран. Стратегия улучшения демографического положения России за счет миграции пока не находит большой поддержки в обществе. По мнению А.Г. Вишневого, «в стране сложилась своеобразная мифология, преувеличивающая как количество иммигрантов, так и негативные последствия их присутствия. Сейчас настаивать на привлечении в Россию большого числа иммигрантов политически рискованно. Но и уклониться от использования «иммиграционного ресурса» невозможно...закрывать двери перед иммигрантами – значит смириться с непрерывным сокращением населения, его старением, потерей места в мировой демографической иерархии, непрерывным ухудшением и без того не лучшего соотношения население/территория и т.д.» [7].

Несмотря на очень активную пронаталистскую политику, нигде в Европе пока не достигнут уровень рождаемости, обеспечивающий даже простое воспроизводство населения. Но, по мнению Л.Л. Рыбаковского, «наверное, не стоит пренебрегать теми возможностями, которые может дать хорошо продуманная семейная политика, поскольку в современных условиях повышение суммарного коэффициента рождаемости даже на сотые доли, несколько замедляющее старение населения, позволяют снизить остроту очень многих социальных и экономических проблем» [9].

Исходя из проанализированных особенностей воспроизводства населения Уральского федерального округа, и в контексте основной общественной цели – улучшения качества жизни населения, предлагается выделить следующие направления деятельности государства в данной области: экономическое, социальное, демографическое (включая миграционное).

В числе стратегических целей демографической политики – повышение уровня рождаемости, снижение показателей преждевременной смертности, рост средней продолжительности жизни, предоставление прав и социальных гарантий семье, женщинам, детям и молодежи. Демографическая политика должна иметь своей целью рационализацию воспроизводства населения, обеспечение его устойчивости и не только количественный, но и качественный прирост, выражающийся в расширении образованного среднего слоя в целях предотвращения прирост за счет низкоквалифицированных иммигрантов и социально неблагополучных граждан. Необходимо обеспечивать социальными гарантиями все семьи.

Приоритеты современной демографической политики.

- 1) в области здоровья и продолжительности жизни:

- здоровье населения всех возрастов, прежде всего детского, а также трудоспособного контингента, для которого ключевые проблемы состоят в снижении преждевременной смертности от травм и отравлений, основных неинфекционных болезней (болезни органов кровообращения, новообразования, болезни органов дыхания, болезни органов пищеварения) и инфекционных болезней;
 - репродуктивное здоровье населения, в первую очередь беременных женщин, и качество потомства;
- 2) в области рождаемости и укрепления семьи:
- формирование гражданской позиции общества в отношении необходимости повышения рождаемости и укрепления семьи, в первую очередь молодой семьи;
 - формирование в процессе социализации семейно ориентированной личности через систему подготовки детей, подростков и молодежи к семейной жизни, повышение воспитательного потенциала семьи как основного субъекта социализации.

В реализации демографической политики целесообразно опираться, помимо Концепции демографического развития России и Концепции миграционного развития, на «Национальную программу демографического развития России» [5], разработанную по инициативе организации «Деловая Россия», несмотря на то, что объемы ее финансирования в намного превышают президентскую программу, эти цифры вполне «подъемные» для новой российской экономики.

Поскольку в современных условиях невозможно в короткие сроки добиться значительного падения коэффициента смертности, прирост населения целиком связывается с увеличением рождаемости. Но доказано, что ускоренный рост численности населения отрицательно влияет на экономическое развитие, если доля иждивенцев по сравнению с долей работающих возрастает до такой степени, что этот рост препятствует повышению уровня жизни. Затруднения возникают и при игнорировании процессов количественного роста и упоре только на качественные аспекты развития. Повышение уровня жизни включает и укрепление здоровья населения, и повышение образовательного уровня, профессиональное и общекультурное совершенствование и т.п. Но и это преимущество также нельзя абсолютизировать, поскольку оно означало бы проведение осознанного курса на депопуляцию.

В области миграции и расселения основные усилия государства должны быть нацелены не столько на затратную задачу увеличения валового миграционного потока, сколько на гибкое регулирование параметров миграционного оборота, обеспечивающее стабильное и систематическое увеличение миграционного прироста. В вопросах иммиграционной политики приоритет должен отдаваться интересам обеспечения качественного состава прибывающей рабочей силы, требуется жесткая селективная политика, основывающаяся на текущих запросах рынка труда и занятости.

Ввиду того, что население больших городов растет за счет миграции, а не за счет рождаемости, политика, направленная на развитие лишь больших городов, является неблагоприятной для восстановления нормального режима замещения поколений, поскольку более естественной средой для проживания больших семей являются малые города и села.

Соответственно должна быть принята система законов, благоприятствующая занятию семейным предпринимательством, в том числе сельскохозяйственным, а также свободной торговлей продуктами своего труда. Кроме того, желательно уделять большее внимание полным семьям, к примеру, облагать налогами семью в целом, а не членов семьи по отдельности. Наилучшим путем к выходу из кризиса являются не столько прямые выплаты, сколько инвестиции в создание условий, когда уровень и качество жизни семей с детьми не будут ухудшаться по сравнению с семьями без детей.

На наш взгляд, при формировании стратегии демографической политики следует избегать крайностей, необоснованных эмоциональных выводов, недостоверных прогнозов, использования недоказанных аргументов, неверного определения причинно-следственных связей (*post hoc ergo propter hoc* – к примеру, таких утверждений, как «благодаря работе нашей комиссии на селе повысилась рождаемость», которые часто можно услышать в публичных выступлениях чиновников, политиков).

Нужно помнить, что демографические процессы чрезвычайно сложны, инертны и, по большому счету, не должны поддаваться жесткой управленческой регламентации. Но данная инертность содержит в себе и залог устойчивости саморегулирующейся системы народонаселения в мирных условиях. Кроме того, при формировании таких стратегий важно учитывать не только валовые показатели, но и качественные, региональные особенности, этнические, расселенческие аспекты.

В реализации как приоритетных национальных проектов, так и федеральных и региональных целевых программ основной упор в финансировании приходится на регионы. Таким образом, регионы призваны сыграть важнейшую роль в вопросах совершенствования воспроизводства населения, а от согласования усилий федерального и регионального уровней в этом направлении во многом зависит уровень социально-экономического развития.

Список литературы

1. Население России 2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИД ВШЭ, 2011. — 334 с.
2. Оценка качества экономического роста региона с учетом противоречий воспроизводства человеческого потенциала / Шеломенцев А.Г. и др. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2010. – 179 с.
3. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. – М., 2010.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.

Интернет источники

5. Национальная программа демографического развития России на период 2006-2015 гг. Проект // Российская газета: интернет-портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2006/05/26/demografiya-proekt.html> (Дата обращения: 20.10.2015).
6. Демографический ежегодник России. 2014: Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (Дата обращения: 20.10.2015).
7. Вишневский А. Великая малонаселенная держава // Русский архипелаг: сетевой проект «Русского мира» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/demography-position/vishnevsky/great/?version=forprint (Дата обращения: 13.11.2015).
8. Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ias/dic_nrr.php (Дата обращения: 20.10.2015).
9. ОПП. Интернет-газета социальной переписки. Рег. ном. А-1141. – Режим доступа: http://www.openpost.msk.ru/archive/173/OPP173_3.htm (Дата обращения: 10.05.2015).

Русанова Нина Евгеньевна,
доктор экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
лаборатории гендерных исследований
Института социально-экономических
проблем народонаселения РАН,
г. Москва, Россия

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассмотрены некоторые эффекты, возникшие в обществе в связи с применением вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) для лечения бесплодия. Несмотря на не-большой количественный вклад в повышение рождаемости, ВРТ становятся все популярнее у населения и требуют институционального регулирования, поскольку создают новые меди-цинские, правовые и экономические проблемы, связанные со здоровьем детей, родившихся после ЭКО, использованием оставшегося биологического материала, особенностями новых роди-тельских статусов (суррогатных, генетических и прочих), объемов государственного финан-сирования ВРТ, коммерциализацией отрасли.

Ключевые слова: бесплодие, вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), экстракор-поральное оплодотворение (ЭКО), репродуктивное здоровье, суррогатное материнство, ком-мерциализация ВРТ.

E-mail: ner238@rambler.ru; ninrus238@mail.ru

Rusanova N. E.,
Doctor of economic sciences, docent,
Leading researcher at the laboratory for gender studies,
Institute of Socio-economic studies of population
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

SOCIO-DEMOGRAPHIC EFFECTS OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES

The article discusses some of the effects arising in a society in connection with the use of assisted repro-ductive technologies (ART) for infertility treatment. Despite the small quantitative contribution to in-creasing the birth rate, ART is becoming more popular among the population and require institutional regulation, since they create new medical, legal and economic issues related to the health of children born after IVF, using the remaining biological material, especially new parenthood (surrogate, genetic, and so on.), public funding of ART, the commercialization of ART

Keywords. Infertility, assisted reproductive technologies (ART), in-vitro fertilization (IVF), reproduc-tive health, surrogacy, commercialization of ART

E-mail: ner238@rambler.ru; ninrus238@mail.ru

В 2018 г. исполняется 40 лет со дня появления на свет первого в мире ребенка, рожденного с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), основанных на экстракорпоральном оплодотворении (ЭКО). На рубеже 1980-90 гг. ВРТ были внедрены в общественное здравоохранение, и бесплодие стало рассматриваться как фактор рождаемости, а не просто как проблема мужского и женского репродуктивного здоровья, которая ранее в лучшем случае лишь констатировалась. За это время ВРТ из лабораторной инновации стали обычной процедурой, применяемой при проблемах с зачатием, о чем свидетельствует и рост числа новорожденных, появившихся на свет с помощью ВРТ, и расширение масштабов процедур, основанных на ЭКО, и увеличение количества специализированных репродуктивных клиник (табл. 1).

Таблица 1

Некоторые показатели развития ВРТ в России в 1995-2013 гг. [1]

Показатели	1995 г.	2013 г.
Число клиник, применяющих ВРТ	12	148
Количество циклов ВРТ	3690	69025
Число циклов ВРТ/1 млн населения	24,9	481,0
Доля родов после ВРТ (% от всех родившихся)		0,93
Частота наступления беременностей (% на цикл)	18,5	29,6-38,2
Частота завершения наступивших беременностей родами (%)	65,3	74,5-78,8

Многokратное увеличение числа «зачатых в пробирке» новорожденных сопровождается ростом числа вопросов, возникающих вокруг этого метода лечения бесплодия. Несмотря на то, что часть таких детей уже сами стали родителями, причем без применения ВРТ, до сих пор ведутся дискуссии о принципиальной допустимости программ ЭКО для общественного здравоохранения. Некоторые представители медицинского сообщества предлагают запретить ВРТ, мотивируя это «нарушением экологии воспроизводства, приводящим к почти двукратному росту младенческой смертности и врожденных аномалий» [10]. Отрицательные эмоции вызывают сегодня часто даже не сами методы вспомогательной репродукции, а преимплантационная диагностика с целью отбора эмбрионов по конкретным признакам, которая иногда необходима по медицинским показаниям. Возникают споры при разводах, после которых бывшие супруги не могут решить, кто из них получает право распоряжаться криоконсервированными эмбрионами.

Хотя практика показала, что максимальный «демографический» эффект ВРТ не превышает 5% от общего числа родившихся в год при самых благоприятных возможностях доступа к ним (например, в некоторых странах северной Европы), «социальный» отклик велик даже в странах, весьма сдержанно реагирующих на практическое применение вспомогательной репродукции. В Польше - последней европейской стране с неурегулированными вопросами ВРТ - длительное общественное обсуждение этой темы завершилось лишь в 2015 г. на самом высоком государственном уровне, и сторонников оказалось вдвое больше, чем противников [9].

Общим для ВРТ как высокотехнологичных программ является высокая стоимость, делающая их недоступными для многих, однако в каждой стране есть свои проблемы, обусловленные обычно национальными традициями и менталитетом. Это выражается, в частности, в преимплантационном определении пола, в отказе от анонимности репродуктивного донорства для снижения риска наследственных заболеваний, в выборе приоритетов при суррогатном материнстве и другое.

В России за тридцатилетнюю историю ВРТ наибольшее внимание привлекало здоровье детей, рожденных в результате ЭКО, об заявляют педиатры, а также юридические сложности, возникающие в программах суррогатного материнства.

В большинстве случаев основные проблемы можно объединить в несколько групп:

- Здоровы ли дети, родившиеся после ЭКО?
- Что делать с оставшимся после ЭКО «биоматериалом», т.е. с половыми клетками и эмбрионами?
- Каковы особенности новых родительских статусов (суррогатные, генетические и прочие)?
- В каких случаях государственный бюджет должен финансировать применение ВРТ?
- Допустима ли коммерциализация отрасли?

Исходной спецификой отечественной репродуктологии в рамках общественного здравоохранения была ее рыночная ориентация, поскольку отрасль формировалась в переходные 1990-е годы. Это сразу позволило снять проблему разделения «медицинской помощи» и «медицинской услуги», не противопоставляя «клиентов» и «пациентов», и клиники смогли самостоятельно реализовывать современные маркетинговые схемы. ВРТ в условиях новой российской экономики стали «имитационными» инновациями с хорошо отработанным алгоритмом развития, что помогло им не только заполнить рыночную нишу внутри страны, но и выйти на мировой рынок. Немногочисленные репродуктивные центры начала 1990-х гг., преимущественно частные, производили уникальный товар, но, при отсутствии государственной поддержки в условиях структурной перестройки, объем выпуска этого товара – число циклов ЭКО и реализованных программ ВРТ – был ниже общественно необходимого. Соответственно, абсолютное количество ВРТ-новорожденных и их доля среди всех новорожденных (менее 1%) были минимальны, что на фоне начавшейся депопуляции свидетельствовало о необходимости институциональных мер.

С начала 2000-х гг. государство стало субсидировать лечение бесплодия, создавать современные перинатальные центры, в структуре которых предполагались отделения ЭКО, а в 2007 г. начала действовать система квотирования ЭКО как высокотехнологичной медицинской помощи (ВМП), включающая федеральные, региональные и муниципальные квоты. Однако квоты распределялись по государственным учреждениям, частные клиники исключались из этого процесса. Процедура ЭКО, по сути амбулаторно-поликлиническая, проводилась в условиях стационарной госпитализации, что вело к значительным и необоснованным расходам государства. Пациенты были вынуждены ехать в столичные центры из отдаленных регионов, тратя на дорогу и проживание значительные средства, они не знали своего врача, а врач до момента вступления в программу ЭКО не был знаком со своими больными. Подчас пациенты имели противопоказания к программе ЭКО, были не обследованы и не подготовлены в должной степени, иногда им вообще не показан был данный вид лечения бесплодия. По муниципальным квотам пациентки должны были быть не старше 38 лет, проживать в данном регионе, состоять в зарегистрированном браке, не иметь общих детей в этом браке; в некоторых регионах квотировались только те формы бесплодия, которые лучше всего поддавались лечению. В силу таких ограничений доступ к ВРТ получали женщины 30-32 лет, с высокой вероятностью достижения беременности, то есть отбирались «перспективные» больные. Те, кто не мог по каким-либо причинам получить муниципальные квоты, имели шансы претендовать на федеральные квоты или оплачивать лечение самостоятельно. Лечение по федеральным квотам проводилось, в основном, в учреждениях федерального подчинения, обслуживающих население всей страны. Обычно пациенты здесь были на несколько лет старше, могли находиться в незарегистрированном браке или вообще оставаться одинокими, иметь детей в любом браке, страдать осложненными формами бесплодия, то есть были менее «перспективными» с точки зрения вероятности наступления беременности. Но любые квоты ограничивали число попыток ЭКО (обычно двумя) и если беременность не наступала или ребенок не рождался, то продолжать лечение можно было только за свой счет.

С 2011 г. правовое обеспечение применения ВРТ в России происходит на основе Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), который предусматривает не только общегосударственные, но и территориальные гарантии бесплатного оказания гражданам медицинской помощи [4]. В 2012 г. был издан приказ Министерства здравоохранения РФ № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаний и ограничений по их применению» [2], который вступил в силу в 2013 г. и формализовал не только порядок проведения программ ВРТ, но и противопоказания к ним. Сюда вошли некоторые инфекционные и паразитарные заболевания, в частности, активная форма туберкулеза, ВИЧ в первичных, прогрессивных вторичных и терминальной стадиях, сифилис, злокачественные новообразования, некоторые заболевания крови и кроветворных органов, отдельные формы сахарного диабета и психических расстройств, некоторые заболевания нервной системы и системы кровообращения, печеночная и почечная недостаточность, тяжелые артриты, некоторые врожденные аномалии и ряд других, однако по абсолютному большинству противопоказаний допускалось повторное обращение после проведения соответствующего лечения. Приказ также вводил единые формы медицинской отчетности по всем процедурам, входящим в программы ВРТ, что позволило проводить сравнительный анализ результатов.

Финансовая база ВРТ регулируется Федеральным законом РФ от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», где в п.б ст. 51 отмечено, что «финансовое обеспечение высокотехнологичной медицинской помощи осуществляется за счет средств обязательного медицинского страхования с 1 января 2015 г.» [3]. Поэтому уже с 2013 г. квотирование ЭКО дополнилось возможностью выполнения в рамках программ ОМС, что повышало доступность этого вида лечения, особенно в отделенных регионах, где расположено много частных репродуктивных клиник. Квотирование по своей сути означает лимитирование, то есть в данном случае ограничение числа бесплатных попыток ЭКО, но ОМС такое ограничение снимает, однако вводит другие, например, женщине должно быть от 22 до 38 лет на момент начала программы ВРТ [6]. Тем не менее, в 2015 г. в рамках Территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам РФ медицинской помощи репродуктивные клиники всех российских регионов проводят лечение бесплодия методом ЭКО за счёт средств фонда ОМС, причем часто это происходит в комфортных для пациента и рентабельных для клиники условиях дневного стационара.

Российские педиатры уже неоднократно заявляли, что состояние здоровья детей, родившихся в результате применения ВРТ, хуже, чем у их сверстников, рожденных в естественных циклах [7]. «Процесс ЭКО слишком коммерциализирован, чему способствовала главная цель - рост числа рождений: количество, а не качество (здоровье новорожденных). Но около 70% детей появляются на свет слабовидящими, слабослышащими, с проблемами в иммунной системе, не позволяющими им хорошо учиться в школе» [8]. Оценки репродуктологов свидетельствуют об обратном, однако до сих пор нет полноценных репрезентативных клинических наблюдений о состоянии здоровья детей, рожденных с помощью ЭКО, во многом из-за нежелания родителей афишировать факт такого рождения. На практике детей выписывают из родильного дома, после чего они пропадают из поля зрения репродуктологов.

Одной из проблем последнего времени стали случаи отказа пациентов от программы ЭКО. Обычно выделяются три основных причины: физическая отягощенность в процессе лечения; психологический дискомфорт, связанный с бесплодием и особенностями ВРТ; высокая неопределенность результата текущей попытки ЭКО.

К ним можно добавить еще несколько причин отказов [5. С. 184-186];

- 1) отказ на этапе принятия решения об ЭКО. В этом случае пациенты в процессе ознакомления с программой ЭКО получают информацию, которая не соответствует их ожиданиям:

материальные затраты не соответствуют их возможностям или ожиданиям, не устраивает неопределенность результата, пугает физическая отягощенность лечения, в редких случаях возникает кризис отношений в паре и ЭКО становится неактуально;

- 2) отказ от продолжения процедуры на первой попытке ЭКО. В этом случае пациенты сталкиваются с физическим отягощением лечения и/или психологическим дискомфортом, о которых не подозревали до начала лечения. Причиной могут стать также осложнения отношений в паре, вплоть до семейного кризиса, одним из исходов которого является отказ от продолжения лечения;
- 3) отказ от программы при переходе к более сложным формам лечения (донация, преимплантационная диагностика, суррогатное материнство). Это наиболее частые причины отказа, далеко не всегда обусловленные материальными обстоятельствами. Чаще это соображения этические (неприятие донации, страх повреждения эмбрионов), трансформация мотивации рождения ребенка (*«значит, «не дано» иметь детей»*), недоверие к суррогатной матери;
- 4) отказ от очередной попытки после неудач (может быть до или в процессе программы). Здесь действует весь комплекс причин, но их приоритет и конкретное содержание могут быть различными. Можно выделить два крайних варианта. В первом варианте происходит усугубление действия всех причин: накопление физического и психического дискомфорта, недостаток материальных возможностей, усугубление обострения партнерских отношений. В результате происходит трансформация мотивации на лечение и отказ от него. Во втором варианте, наоборот, происходит адаптация к процедуре и даже укрепление партнерских отношений, но резко снижается надежда на успех, и принимается решение об изменении жизненных планов: переход к усыновлению или принятие бездетности.

Специфика репродуктивного поведения при бесплодии определяется несколько иными факторами, чем при отсутствии нарушений репродуктивной функции. Анализ тематических интернет-сайтов и проведенные в последние годы локальные опросы пациентов российских специализированных клиник показывают существенно меньшую обусловленность репродуктивного выбора такими важными для других параметрами, как возраст, доход, жилье, карьера, семейный статус. Для таких женщин рождение детей становится главной целью жизни, причем они априори готовы к многодетности и стремятся к материнству, даже если перешли границы репродуктивного возраста (16-49 лет). Благодаря институциональному регулированию пациентами репродуктивных клиник стали одинокие женщины, желающие родить ребенка от анонимного донора, в том числе, женщины старше 50 лет, намеренные использовать донорский эмбрион, то есть родить генетически чужого ребенка. Здесь, кроме морально-этических вопросов, возникают проблемы дополнительной нагрузки на государственный бюджет, который должен будет выплачивать социальные трансферты уже неработающей матери и еще неработающему ребенку.

Таким образом, несмотря на растущую востребованность методов ВРТ как основного метода лечения бесплодия во всем мире, способствующего росту рождаемости, они остаются темой острых общественных и профессиональных дискуссий. Единого рецепта решения проблем ВРТ не найдено, каждая страна выбирает свой. В России важным предложением медицинского сообщества является более четкое регулирование допуска к ВРТ и введение обязательного мониторинга здоровья детей, рожденных с помощью ЭКО, особенно при генетических нарушениях, приводящих к невозможности зачатия естественным путем, а также «ответственное отношение медиков к обследованию женщины перед ЭКО, поскольку за такой помощью чаще обращаются женщины позднего репродуктивного возраста и с медицинскими проблемами [8].

Список литературы

1. Корсак В.С., Смирнова А.А., Шурыгина О.В. ВРТ в России 2013. Регистр ВРТ. 19 ежегодный ретроспективный отчет. – СПб., 2015. – 44 с.
2. Приказ МЗ РФ № 107н от 30 августа 2012 г. «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаний и ограничений по их применению»// СПС «Консультант-Плюс».
3. Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)// СПС «Консультант-Плюс».
4. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Гл. 10. Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. ст. 81. Территориальная программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи// СПС «Консультант-Плюс».
5. Филиппова Г.Г. Причины отказа пациентов от программы ЭКО. Репродуктивные технологии сегодня и завтра. Материалы XXV Юбилейной международной конференции Российской Ассоциации Репродукции Человека (9-12 сентября 2015 г., г. Сочи). – Сочи, 2015. – 224 с.

Интернет-источники

6. Пробирка®. Информационный портал по проблемам бесплодия, вспомогательным репродуктивным технологиям и ЭКО. – Режим доступа: <http://www.probirka.org/eko/quotas/7975-eko-po-oms-2015.html> (Дата обращения: 09.11.2015).
7. Справка о состоянии здоровья детей, родившихся в результате использования вспомогательных репродуктивных технологий / Союз педиатров России. – Режим доступа: http://www.pediatr-russia.ru/pediatr/diagnos/article_10.html (Дата обращения: 09.11.2015).
8. Страсти вокруг ЭКО: эксперты спорят о здоровье детей, зачатых в пробирке. – Режим доступа: <http://medportal.ru/mednovosti/news/2015/05/07/635eko/> (Дата обращения 09.11.2015).
9. Sejm uchwalił ustawę o in vitro. Newseek Polska. 25-06-2015. – Режим доступа: <http://polska.newsweek.pl/sejm-przyjal-ustawe-o-in-vitro,artykuly,360752,1.html> (Дата обращения: 09.11.2015).
10. Zakazać in vitro. List 300 ludzi nauki 06.09.2012, – Режим доступа: <http://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/zakazac-in-vitro-list-300-ludzi-nauki,275325.html> (Дата обращения: 09.11.2015).

Сапегина Наталья Владимировна,
консультант
Администрации Алтайского края,
г. Барнаул, Россия

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ ОТ СМЕРТНОСТИ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

В статье на основе данных официальной статистики рассматриваются социально-экономические последствия смертности трудоспособного населения в Алтайском крае. Смертность населения – основной демографический процесс, определяющий трудовой потенциал территорий и оказывающий огромное влияние на развитие экономики (особенно во время финансово-экономического кризиса). Для оценки последствий смертности трудоспособного населения автором модифицирована методика, позволяющая оценить социально-экономические потери населения на основе имеющихся данных официальной статистики. По данной методике автором были проведены расчеты социальных потерь населения Алтайского края, городской и сельской местности, выполнена оценка ущерба для экономики региона. В статье описаны трудности, возникающие при оценке социально-экономических потерь населения на региональном и муниципальном уровне. Уделено внимание тем перспективным направлениям научно-прикладных исследований, которые становятся актуальными в связи с необходимостью сохранения человеческого капитала.

Ключевые слова: причины смерти, смертность трудоспособного населения, территориальная дифференциация, сельское население, городское население, статистика, малые территории, социальные потери, экономический ущерб, Алтайский край.

E-mail: sapegina_nata@mail.ru

Sapegina Natalia V.,
consultant,
Administration of the Altai territory,
Barnaul, Russia

SOCIO-ECONOMIC LOSSES FROM MORTALITY OF THE WORKING- AGE POPULATION IN THE ALTAI REGION

On the basis of the official statistics data, socio-economic consequences of mortality of the working population in the Altai Territory. Mortality – the main demographic process that determines the employment potential of the territories, and has a huge impact on economic development (especially during the financial crisis). To evaluate the effects of the working population mortality author modified methods of calculating territories' socio-economic losses of the mortality of the working population in the Altai Territory on the base of statistical data. By this method the author has calculated the social loss of the population of the Altai Territory, urban and rural areas, estimated the damage to the economy of the region. The article describes the difficulties to evaluation the socio-economic costs of the population at the regional and municipal level. The article places a special emphasis on the prospective lines which should be kept in focus of the public authorities and applied science in order to preserve human capital.

Keywords: cause of death, the death rate of the working population, the territorial differentiation, the rural population, the urban population, statistics, small area, social losses, economic damage, Altai Territory.

E-mail: sapegina_nata@mail.ru

Улучшение общественного здоровья населения и, прежде всего, сокращение смертности является главной целью и основным критерием оценки эффективности проводимых реформ в различных сферах. Показатель смертности населения фигурирует не только в документах, касающихся оценки эффективности деятельности учреждений здравоохранения и качества оказания медицинских услуг. Он является, одним из ключевых показателей, включаемых в перечень индикаторов, отражающих оценку деятельности руководителей органов государственной власти регионов, находит свое отражение в документах о создании зон территориального развития, в различных государственных программах регионов и многих других документах. Смертность – относится к ключевым демографическим процессам, оказывающим влияние на численность и структуру населения, а также определяющим демографический потенциал территорий. Снизить смертность населения возможно за счет проведения эффективной демографической политики, учитывающей демографическую дифференциацию территорий [7; 12].

Основным документом, определяющим цели, задачи, приоритеты в сфере регулирования демографических процессов в Алтайском крае (в частности, смертности населения) на сегодняшний день является Концепция демографического развития Алтайского края на период до 2025 года [3], являющаяся составной частью демографической политики Российской Федерации. В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [1] и Концепции демографического развития Алтайского края на период до 2025 года сделан акцент на дифференцированном подходе к реализации мер демографической политики. Данные требования связаны с усилением неоднородности развития территорий, которые наблюдаются как на региональном, так и на субрегиональном уровне.

Различным аспектам изучения демографической дифференциации регионов Российской Федерации посвящены работы Рыбаковского Л.Л. [9], М.Н. Халкечева [10], Ищенко А.Н. [7]. Анализом демографических процессов на субрегиональном уровне занимаются Чуднова В.И. [17], Карпов А.В. [8], Денисенко М.Б. [6], Особенности демографического развития Алтайского края и его муниципальных образований посвящены многочисленные исследования Еремина А.А. [12]. Так, в одной из работ А.А. Еремина [12] представлен анализ глубины и динамики смертности населения Алтайского края в период с 1990 до 2012 года. На основе анализа различных показателей смертности населения автор делает вывод о том, что кризис смертности в Алтайском крае глубже, чем общероссийский и среднесибирский, и для его преодоления потребуются дополнительный комплекс мер, учитывающих структуры смертности региона и её территориальную дифференциацию.

При изучении смертности населения на субрегиональном уровне исследователи сталкиваются с рядом трудностей, связанных с анализом статистических данных, формируемых для муниципальных образований, так называемых малых территорий («small areas»). К основным трудностям, связанным с оценкой смертности населения муниципальных районов и городских округов относятся [6]:

- частые территориально-административные преобразования;
- малочисленность событий, например, смертных случаев в отдельных возрастных группах или от разных причин, и количества жителей, что влияет на устойчивость и степень достоверности рассчитываемых показателей, а также саму возможность их расчета;
- ошибки наблюдения в малых совокупностях, которые могут сильно исказить картину изучаемого процесса, например, смертности по причинам, и повлиять на величину рассчитываемых показателей;
- особые события, которые могут существенно повлиять на величину оцениваемых показателей и привести к их аномальным оценкам, например, крупная автомобильная авария.

В целях нивелирования некоторых трудностей, связанных с обработкой данных для малых территорий, мы оценили динамику смертности населения на уровне региона, а также по

укрупненным группам территорий (сельским и городским), в некоторых случаях использовали средние значения показателя за несколько периодов.

Основными исходными данными послужили статистические материалы Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю [14, 15]. В целом Алтайский край – регион с демографической ситуацией, отражающей общие закономерности демографического развития России. Благодаря реализации комплекса мер, направленных на решение первоочередных демографических проблем, в последние годы удалось добиться нисходящей направленности общей смертности населения региона. По сравнению с общей смертностью, смертность трудоспособного населения как в России в целом, так и в Алтайском крае снижается меньшими темпами (рис. 1).

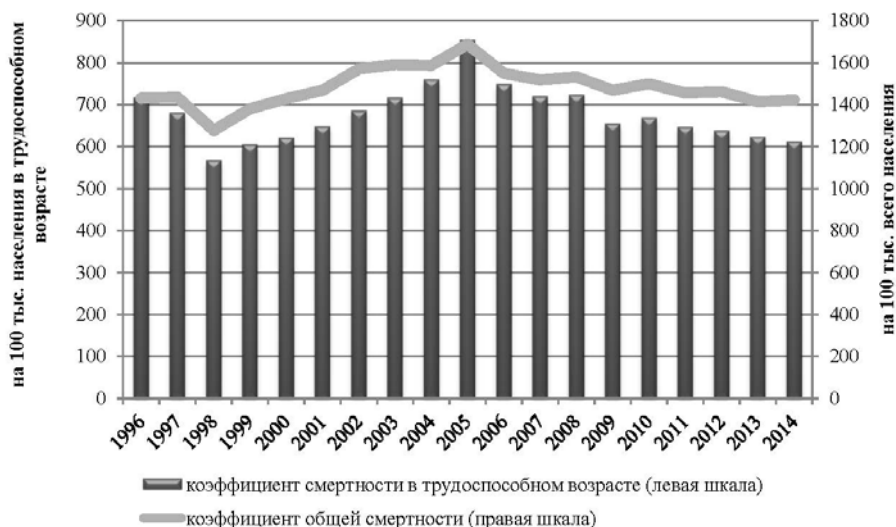

Рис. 1. Динамика смертности населения Алтайского края

По итогам первого полугодия 2015 показатель смертности трудоспособного населения в крае сократился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 8,8%. В первом полугодии 2015 года Алтайский край входил в группу субъектов России со средним показателем смертности трудоспособного населения, а по регионам Сибирского Федерального округа – находился в пятерке лучших. Но, несмотря на позитивные тенденции, по отдельным классам причин Алтайский край продолжает занимать последние позиции в России и Сибирском Федеральном округе. К таким классам причин относятся: туберкулез (РФ – 81 место, СФО – 11), злокачественные новообразования (РФ – 78, СФО – 12), ишемическая болезнь сердца (РФ – 61, СФО – 9), самоубийства (РФ – 71, СФО – 7), убийства (РФ – 63, СФО – 4). В среднем за последние 3 года в структуре преждевременной смертности населения Алтайского края наибольшие доли принадлежат группам болезней системы кровообращения, несчастным случаям, отравлениям и травмам, а также новообразованиям, составляя в сумме около двух третей в общей структуре преждевременной смертности. Основным отличием картины смертности населения трудоспособного возраста от общей структуры смертности является повышенная доля внешних причин смерти.

Особенно острой остается проблема, связанная с преждевременной смертностью сельского трудоспособного населения, существенно превышающей соответствующий показатель для городов. Что в большей степени связано с доступностью и качеством медицинских услуг,

уровнем жизни населения, условиями труда. За последние 5 лет преждевременная смертность жителей сельской местности края превосходила городской показатель в среднем на 1,8‰ (рис. 2). Но необходимо ответить, что этот период характеризуется стабильным снижением преждевременной смертности сельского населения региона.

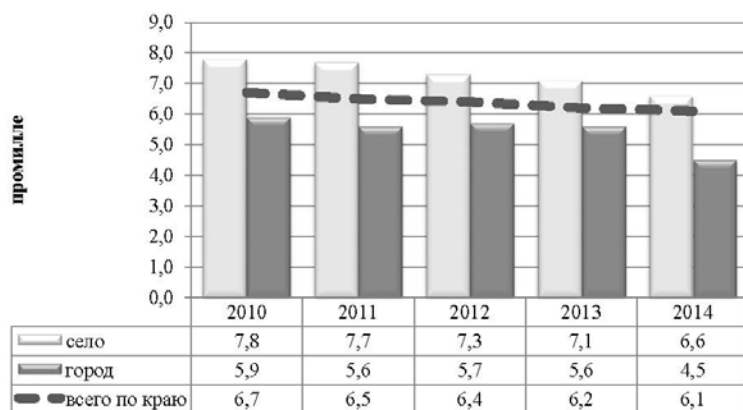

Рис. 2. Динамика коэффициента преждевременной смертности в Алтайском крае

В связи с неравномерностью социально-экономического развития территорий трудоспособное население в большей мере сконцентрировано в городских населенных пунктах. Поэтому, несмотря на более низкие относительные показатели для городского населения, абсолютные значения смертности (количество случаев) для жителей города практически для всего рассматриваемого периода превышают показатель для села (рис. 3).

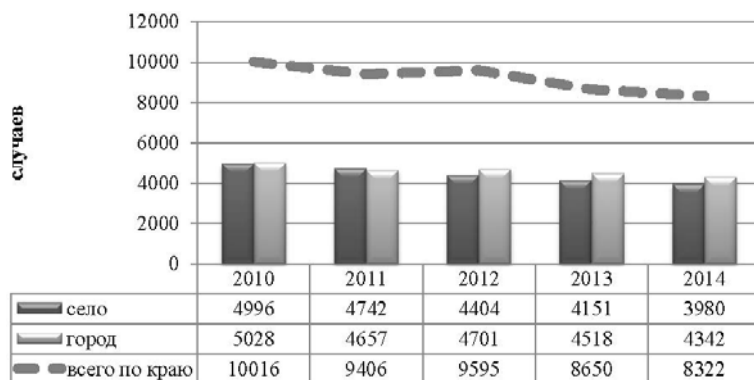

Рис. 3. Динамика преждевременной смертности в Алтайском крае

Несмотря на то, что смертность трудоспособного населения Алтайского края в последние годы имеет стабильную нисходящую направленность и является одной из самых низких среди субъектов Российской Федерации, на субрегиональном уровне заметны существенные различия её величины для городского и сельского населения.

Сложившиеся тенденции сокращения доли трудоспособного населения в общей численности населения края, увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население, низкие темпы снижения смертности трудоспособного населения, «пессимистические про-

гнозы» по уровню смертности в регионе [11], а также новые политико-экономические параметры в жизни общества, возникшие в результате введения отраслевых санкций, обуславливают необходимость оценки социально-экономического ущерба, возникающего в результате смертности трудоспособного населения.

Различные аспекты социальных и экономических потерь населения рассматриваются в работах Головчина М.А. [5], Суховеевой А.Б., Комаровой Т.М. [16], Безрукова Н.С., Полянской Е.В. [4], Шубановой А.А., Калашникова К.Н. [18]. В связи с высокой практической значимостью подобных исследований на федеральном уровне с 2012 году организован ежегодный мониторинг экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения [2]. Согласно данному мониторингу Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации ежегодно проводится расчет индексов, характеризующих соответствующие показатели для Российской Федерации в целом, но для регионального и муниципального уровня таких расчетов не проводится.

Однако до настоящего времени не разработано единого подхода к оценке социально-экономических потерь жизни населения для регионального и муниципального уровня. Расчет оценки экономических потерь населения для региона и его муниципальных образований по методике, предложенной Росстатом проблематичен в связи с отсутствием полного перечня доступных статистических показателей, формируемых для уровня регионального и муниципального уровня, необходимых для оценки социальных и экономических потерь населения и проблемами анализа демографических процессов на малых территориях.

Информации о проводимых оценках социально-экономических потерь жизни населения Алтайского края нами не найдено. Учитывая глубину кризиса смертности в Алтайском крае, а также важность данных исследований для планирования социально-экономической политики региона считаем возможным провести предварительную оценку ущерба от смертности трудоспособного населения Алтайского края с использованием упрощенного подхода, что позволит увидеть масштаб потерь населения и наносимого ущерба экономике региона. В качестве методологической базы оценки социального и экономического ущерба в результате смертности трудоспособного населения Алтайского края, в целом, и его городского и сельского населения, в частности, нами использована методика, предложенная Шибановой А.А. и Калашниковым К.Н. [18] с некоторыми изменениями. Данная методика достаточно проста и удобна для предварительной оценки экономического ущерба и позволяет использовать имеющуюся статистическую информацию и учесть разницу в возрастных границах трудоспособного населения мужчин и женщин.

Согласно модифицированной методике социальные потери общества от смертности в трудоспособном возрасте характеризуются интегральным показателем «потерянные годы потенциальной жизни» (ПГПЖ), который рассчитывается по формуле и выражается в количестве человеко-лет:

$$\text{ПГПЖ} = \sum_i d_i a_i, \quad (1)$$

где:

d_i – число случаев смерти в i -й возрастной группе;

a_i – количество недожитых лет;

$a_i = T - x_i$, где T – возраст, ранее достижения которого, все смерти считаются преждевременными;

x_i – середина i -ого возрастного интервала.

Для оценки потерь населения региона от смертности в трудоспособном возрасте нами используются базовые значения показателя T , равные для мужчин 60, для женщин – 55 лет, а расчеты размера ПГПЖ производятся на основе данных по смертности в рамках пятилетних возрастных групп, начиная с 15 лет.

На основе данных о ПГПЖ для Алтайского края в целом произвели расчет стоимости потерянных лет потенциальной жизни в результате смертности трудоспособного населения в данном году. Для стоимостного выражения потерь населения использовали формулу:

$$П_j = ПГПЖ_j C_j, \quad (2)$$

где:

$П_j$ – стоимость потерянных лет потенциальной жизни в результате смертности населения в году j ,

$ПГПЖ_j$ – количество человеко-лет, потерянных в результате преждевременной смертности человека в году j

C_j – стоимость одного года статистической жизни в году j .

В качестве стоимостного выражения социальных потерь населения на региональном уровне использовали данные о размере годового ВРП в расчете на численность экономически активного населения. При использовании показателя «размера ВРП на одного занятого в экономике» необходимо учитывать, что согласно методике Росстат к экономически активному населению относятся лица в возрасте от 15 до 72 лет.

Согласно проведенным расчетам в период 2010-2014 годы в регионе в целом происходило сокращение ПГПЖ как для городской, так и для сельской местности. В 2014 году ПГПЖ для края в целом составили – 113 390 человеко-лет (рис. 4).

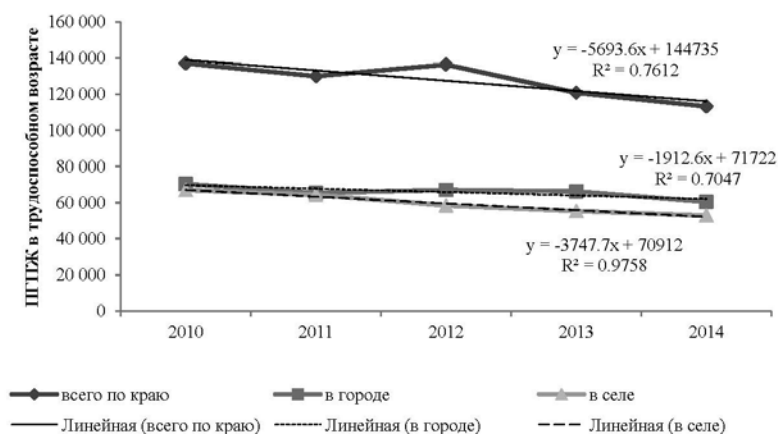

Рис. 4. Динамика потерянных лет потенциальной жизни в результате преждевременной смертности в трудоспособном возрасте

При оценке динамики годовых показателей ПГПЖ методом линейной аппроксимации, установлено, что на территории края имеется статистически достоверная тенденция к снижению показателя. Оценка значимости коэффициента детерминации выполнена с помощью критерия Фишера. Согласно проведенной оценке все рассчитанные коэффициенты детерминации статистически значимы. Полученные значения коэффициента детерминации позволяют сделать вывод о том, что в 76% случаев увеличение периода на 1 год приводит к снижению ПГПЖ на 5 6934 человеко-лет (для Алтайского края в целом), в 70% случаях ПГПЖ трудоспособного городского населения снижаются на 1 912 человеко-лет, в 98% случаях ПГПЖ трудоспособного сельского населения сокращаются на 3 748 человеко-лет.

Экономическая оценка потерь трудового потенциала Алтайского края, в том числе в разрезе территорий приведена в табл. 1.

Таблица 1

**Динамика социальных потерь населения и размера упущенной выгоды в производстве ВРП
Алтайского края в результате преждевременной смертности населения трудоспособного
возраста в 2010-2013 гг.**

№	Показатель	2010	2011	2012	2013
1	ПГПЖ (всего по краю), человеко-лет	137 238	130 168	136 541	120 943
	<i>в том числе:</i>				
2	в городе	70 461	65 503	67 153	66 314
3	в селе	67 073	64 517	58 465	55 389
4	Размер ВРП на одного занятого в экономике, тыс. руб.	241.1	272.4	308.8	357.0
5	Размер упущенной выгоды в производстве ВРП (всего по краю), млн. руб.	33 091	35 459	42 165	43 172
6	Размер упущенной выгоды в производстве ВРП на одного занятого в экономике (всего по краю), рубл.	26 343	29 084	35 287	37 511
7	Доля упущенной выгоды от общего объема ВРП, %	10.9	10.7	11.4	10.5

Размер упущенной выгоды в производстве ВРП Алтайского края в 2013 году составил 43.2 млрд. рублей и около 10.5% от общего объема ВРП в этом году. За период 2010-2013 годы общие потери в производстве ВРП составили 153.9 млрд. рублей. Несмотря на то, что доля упущенной выгоды в производстве ВРП Алтайского края значительно не меняется, размер упущенной выгоды ежегодно возрастает.

Рост упущенной выгоды в производстве ВРП при снижении величины показателей потерь лет потенциальной жизни обусловлен ростом ВРП и снижающейся численностью экономически активного населения региона. Что приводит к увеличению «значимости», с экономической точки зрения, потерянного года потенциальной жизни. Так, за период наблюдения в регионе зарегистрировано снижение численности экономически активного населения с 1 256.2 тыс. человек (2010 год) до 1 150.9 тыс. человек (2013 год), или на 8.4% и рост ВРП с 302 901 млн. рублей (2010 год) до 410 825 млн. рублей (2013 год), или на 35.6%.

При оценке погодичных интервалов упущенной выгоды в производстве ВРП Алтайского края установлено существование статически достоверной тенденции роста экономических потерь. Полученные значения коэффициента детерминации позволяет сделать вывод о том, что в 93% случаев увеличение периода на 1 год приводит к увеличению упущенной выгоды на 3 694.7 млн. рублей (рис. 5).

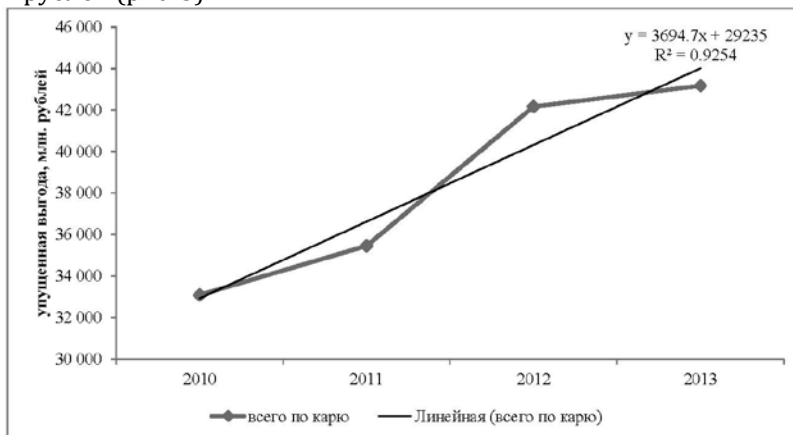

Рис. 5. Динамика роста упущенной выгоды в производстве ВРП

Полученные в результате исследования данные еще раз подтверждают тот факт, что смертность приносит огромный социальный ущерб в виде невосполнимых демографических потерь, а также экономический ущерб в виде произведенного валового внутреннего продукта.

С целью снижения социально-экономических потерь, возникающих в результате смертности трудоспособного населения Алтайского края необходимо:

- совершенствовать методику оценки социально-экономических потерь населения для регионального уровня;
- изучить методики проведения оценки социально-экономических потерь населения в разрезе муниципальных образований, а также основных классов причин смерти, а в случае необходимости адаптировать данные методики для расчета показателей на субрегиональном уровне с учетом имеющихся статистических данных и специфики их анализа;
- на основе разработанных методик проводить ежегодную оценку социально-экономических потерь населения в результате смертности населения трудоспособного возраста;
- на основе проведенной оценки проводить дифференциацию муниципальных образований по степени социально-экономического ущерба в результате смертности трудоспособного населения и разработку и реализацию мер, делая акцент на территориях, имеющих наибольшие социально-экономические потери;
- разработать и реализовывать в первоочередном порядке комплекс дифференцированных мер, направленных на снижение устранимых причин смерти населения, таких как болезни системы кровообращения, новообразования, вносящих значительный вклад в структуру смертности в Алтайском крае;
- при разработке и реализации данных мер активно привлекать предпринимателей региона;
- рекомендовать работодателям поддерживать инициативы сотрудников, направленные на укрепление здоровья, формировать приверженность трудового коллектива к ведению здорового образа жизни, здоровому питанию, мотивировать на занятия физической культурой и спортом, туризмом, информировать трудовой коллектив о влиянии на здоровье негативных факторов и возможности их предупреждения.
- со стороны органов государственной власти и местного самоуправления стимулировать (вознаграждать) работодателей наиболее активно реализующих перечисленные рекомендации;
- разработать и проводить ежегодный мониторинг реализации и эффективности комплекса мер, направленных на снижение смертности в трудоспособном возрасте, в том числе, в разрезе основных классов причин смерти;
- на основе результатов мониторинга в случае необходимости проводить ежегодные корректировки комплекса мер по снижению смертности населения.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 года № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».
2. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации, Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, Министерства финансов Российской Федерации и Федеральной службы государственной статистики от 10 апреля 2012 г. N 192/323н/45н/113 «Об утверждении Методологии расчета экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения».
3. Распоряжение Губернатора Алтайского края от 31 июля 2015 года № 54-рг «Об утверждении Концепции демографического развития Алтайского края на период до 2025 года».

4. Безруков Н.С., Полянская Е.В. Экономическая оценка потерь общественного здоровья как фактора развития человеческого капитала // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2009. – 12 (1). – С. 57-64.
5. Головчин М.А. Социально-экономические потери от наркомании в регионах России // Вопросы статистики. – 2015. – №9. – С. 47-55.
6. Денисенко М. Б. Вопросы изучения смертности населения малых территорий // Смертность населения: тенденции, методы изучения, прогнозы / Под ред. Денисенко М.Б., Бахметовой Г.Ш. – М.: Макс Пресс, 2007.
7. Ищенко А.Н. Региональные особенности современного демографического развития России; Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М., 2008. – 49 с.
8. Карпов А.В. особенности демографического развития сельских поселений Сибири (на примере Омской области): Автореф. ... дисс. канд. экон. наук. – Омск, -2011. – 26 с.
9. Практическая демография / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005. – 280 с.
10. Халкечев М.Н. Демографическая дифференциация регионов России: динамика и развитие. – М.: ЦСП, 2006. – 224 с.

Интернет источники

11. Демографический прогноз до 2030 года. Родившиеся, умершие и естественный прирост населения. – Режим доступа: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/ru/statistics/population/ (Дата обращения: 05.11.2015).
12. Еремин А.А. Динамика смертности в Алтайском крае на современном этапе. // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 3/1 (79). – Режим доступа: <http://izvestia.asu.ru/2013/3-1/geos/TheNewsOfASU-2013-3-1-geos-03.pdf> (Дата обращения: 05.11.2015).
13. Официальный сайт Алтайского государственного университета. – Режим доступа: http://www.asu.ru/structure/faculties/geograhpy_dep/structure/economgeo/persons/320/ (Дата обращения: 05.11.2015).
14. Региональная база данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Режим доступа: http://10.33.35.2/dbinet_dg/ (Дата обращения: 16.10.2015).
15. Смертность населения в трудоспособном возрасте (оперативная информация) за январь-июнь 2014 и 2015 гг.. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (Дата обращения: 16.10.2015).
16. Суховеева А.Б., Комарова Т.М. Некоторые аспекты экономической оценки потерь здоровья в результате смертности населения Дальнего Востока России // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». – Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/633/30/lang,ru/> (Дата обращения: 12.10.2015).
17. Чуднова В.И. Структурно-территориальные изменения демографической ситуации в Иркутской области // География и природные ресурсы. – 2008 г. – № 2. – Режим доступа: <http://www.izdatgeo.ru/pdf/gipr/2008-2/122.pdf> (Дата обращения: 05.11.2015).
18. Шубанова А.А, Калашников К.Н. Экономическая оценка потерь трудового потенциала населения // Экономические и социальные перемены: факты. Тенденции прогноз – 2008. – № 4. – С. 53-61. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-otsenka-poter-trudovogo-potentsiala-naseleniya> (Дата обращения: 12.10.2015).

Симагин Юрий Алексеевич,
кандидат географических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института социально-экономических проблем народонаселения РАН,
доцент кафедры «Макроэкономическое регулирование»
Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье рассмотрены проблемы демографического развития регионов Дальневосточного федерального округа России. На основе использования базы данных «Муниципальная Россия», сформированной в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН, проанализирована внутрорегиональная дифференциация составляющих динамики численности населения – естественного прироста и миграций. Выявлено влияние на демографические и миграционные процессы административных преобразований последних десятилетий. Ликвидация поселков городского типа, городских и сельских поселений, преобразование муниципальных районов в городские округа разрушают сложившиеся системы расселения и обслуживания населения. Это способствует росту смертности населения и усилению миграционного оттока. В итоге депопуляция ускоряется, что препятствует всему социально-экономическому развитию Дальнего Востока, который и так является самым слабозаселенным макрорегионом страны.

Ключевые слова: демографическое развитие, Дальний Восток, местное самоуправление, городские округа, муниципальные районы, городские и сельские поселения, естественный прирост, миграции, динамика численности населения, поселки городского типа.

E-mail: yas63@yandex.ru

Simagin Yuriy A.,
PhD of Geography, Docent,
Senior researcher, Institute of socio-economic problems of population, Russian Academy of Sciences,
Associate Professor of the department «Macroeconomic regulation»
Financial university under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

PROBLEMS OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FAR EAST AT THE MUNICIPAL LEVEL

The article considers the problems of demographic development of the Far-Eastern federal district of Russia. Through the use of database «Municipal Russia», formed in the Institute of socio-economic studies of population Russian Academy of Sciences, analyzed the intra-regional differentiation of the components of the population dynamics – natural increase and migration. The effect of the demographic and migration processes in administrative changes of the past decades. Elimination of townships, urban and rural settlements, the transformation of the municipal districts in municipal districts destroy the existing system of resettlement and population service. It contributes to increased mortality and increased migration outflow. In the end, depopulation is accelerated, which prevents the entire socio-economic development of the Far East, which is the most sparsely populated macro-region of the country.

Keywords: demographic development, the Far East, the system of local government, urban districts, municipal districts, urban and rural settlement, fertility, mortality, migration, population dynamics, urban-type settlements

E-mail: yas63@yandex.ru

Дальний Восток (Дальневосточный федеральный округ), является самым слабозаселенным макрорегионом Российской Федерации – плотность населения в нем составляет всего 1,0 человек на 1 км², что в 8,5 раз меньше, чем в среднем по стране [7. С. 7-8]. Нехватка населения и трудовых ресурсов является серьезным тормозом всего социально-экономического развития российского Дальнего Востока. При этом ускоренное развитие именно дальневосточного региона является одним из главных приоритетов социально-экономического развития нашей страны на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективу. Так, в своем обращении к Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года Президент Российской Федерации В.В. Путин сказал, что «подъем Сибири и Дальнего Востока – это наш национальный приоритет на весь XXI век» [4].

Естественно, что социально-экономическое развитие Дальнего Востока должно подкрепляться его демографическим развитием. В субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ, в полной мере осуществляются все мероприятия государственной демографической политики, направленные на увеличение рождаемости и снижение смертности населения. Во многих регионах Дальнего Востока приняты дополнительные меры, направленные на улучшение демографической ситуации [1. С. 283-285]. Концепция Государственной миграционной политики Российской Федерации также предполагает, что к 2026 году численность населения Дальнего Востока будет расти за счет переселенцев из других федеральных округов России и зарубежных государств [8].

Но к настоящему времени с точки зрения демографического развития Дальний Восток является одной из наиболее проблемных территорий России. Численность его населения на 1 января 2015 года составляет 6211,0 тыс. человек, что на 1,3% меньше, чем по данным последней всероссийской переписи населения, проводившейся в октябре 2010 года. В противоположность этой тенденции к сокращению жителей региона население всей страны за тот же период увеличилось на 0,8% (без учета присоединения Республики Крым и города Севастополя) [8. С. 9-10].

Еще негативнее выглядит ситуация при сравнении современных данных и сведений за 1992 год – год максимальной численности населения России. За этот период численность жителей Российской Федерации сократилась на 3,2% (без учета Крыма и Севастополя), что явилось отражением острого демографического кризиса 1990-х – 2000-х годов [1. С. 46.] Но население Дальнего Востока уменьшилось за этот же период на 22,7% или в 7 раз сильнее. Среди всех федеральных округов страны демографический кризис острее всего проявился именно на Дальнем Востоке. И положительные демографические тенденции последних лет, которые наблюдаются по России в целом (рост численности населения с 2011 года, естественный прирост в 2013-14 гг.), на демографическую ситуацию дальневосточных регионов практически не повлияли. Во всех субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ, сокращение численности населения продолжалось и в последние годы.

Главной составляющей сокращения численности населения Дальнего Востока в последние десятилетия стала миграция населения преимущественно в центральные и южные регионы европейской части страны. Особенно сильно миграционный отток повлиял на численность населения самых северо-восточных регионов Дальнего Востока, отличающихся наиболее суровыми природно-климатическими условиями. Численность населения Чукотского автономного округа с 1992 года сократилась более чем в 3 раза, Магаданской области – более чем в 2 раза, Камчатского края – примерно на 1/3. Но в южных регионах Дальнего Востока, отличающихся сравнительно старой возрастной структурой населения (Приморский край, Амурская и Еврейская автономные области), значительный вклад в сокращение численности жителей внесла также естественная убыль населения. В сочетании с интенсивным миграционным оттоком это также вызвало существенное сокращение численности населения.

Положительные демографические тенденции последних лет затронули и регионы Дальнего Востока. Так, в 2014 году в большинстве (6 из 9) субъектов Дальневосточного федераль-

ного округа (Камчатском и Хабаровском краях, Магаданской и Сахалинской областях, Республике Саха (Якутия) и Чукотском автономном округе) наблюдался естественный прирост населения. Но общий прирост численности (с учетом сальдо миграций) это обеспечило только в Республике Саха (Якутия), и то всего на 2,2 промилле. Тогда как в Магаданской области в 2014 году население сократилось на 15,0 промилле, в Еврейской автономной области – на 11,9 промилле [7. С. 26-27].

При этом следует отметить, что значительные межрегиональные различия в показателях демографических и миграционных процессов, которые наблюдаются в нашей стране, не в полной мере раскрывают имеющуюся территориальную дифференциацию существующих проблем. Во многих случаях оказывается, что различия между муниципальными образованиями внутри одного региона более значительны, чем дифференциация между регионами – федеральными округами или субъектами Российской Федерации. И без анализа внутрирегиональных различий невозможно найти подходы к решению существующих проблем. Это в полной мере касается и демографического развития Дальнего Востока.

Провести анализ демографических в миграционных процессов на внутрирегиональном уровне (по городским округам и муниципальным районам) позволяет база данных «Муниципальная Россия», сформированная в Институте социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук [5. С. 358-360]. Эта база основана на данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, которые, к сожалению, не являются абсолютно полными, но охватывают подавляющее большинство (98-99%) существующих в настоящее время в России муниципальных образований первого уровня (муниципальных районов и городских округов). По муниципальным образованиям второго уровня (городским и сельским поселениям) имеющаяся статистика позволяет проводить сравнительный анализ только по отдельным категориям населенных пунктов, в частности, по поселкам городского типа (ПГТ).

Всего в настоящее время в регионах Дальневосточного федерального округа имеется 172 муниципалитета первого уровня – городских округов и муниципальных районов. И если на региональном уровне все территории в последние годы характеризовались сокращением численности населения (в основном за счет миграции, но некоторые также и за счет естественной убыли), то на муниципальном уровне ситуация является совсем не такой однозначной (табл. 1). При этом первые три строки таблицы характеризуют территории с ростом численности населения, а следующие три строки – с сокращением численности.

Таблица 1

**Территории Дальнего Востока с разными составляющими
динамики численности населения в 2010-14 гг. [5]**

Составляющие динамики численности населения	Субъекты Российской Федерации		Городские округа и муниципальные районы	
	Количество	%	Количество	%
Сочетаются естественный и миграционный прирост	0	0	17	9,9
Естественный прирост перекрывает миграционный отток	0	0	15	8,7
Миграционный приток перекрывает естественную убыль	0	0	8	4,7
Миграционная убыль перекрывает естественный прирост	4	44,4	43	25,0
Естественная убыль перекрывает миграционный приток	0	0	0	0
Сочетается естественная и миграционная убыль	5	55,6	89	51,7
Всего	9	100	172	100

Большинство дальневосточных муниципалитетов первого уровня (около $\frac{3}{4}$ из 172), как и все субъекты Российской Федерации, в последние годы характеризуются сокращением численности населения. Больше всего доля таких муниципалитетов в Чукотском автономном округе (6 из 7), Магаданской области (8 из 9) и Камчатском крае (11 из 13), то есть именно в тех регионах, которые характеризуются максимальными темпами сокращения численности населения по сравнению с 1992 годом, о чем говорилось выше. Но почти в $\frac{1}{4}$ дальневосточных муниципалитетов наблюдается рост численности населения. И самая высокая доля таких не только в наиболее благополучной в демографическом отношении Республике Саха (Якутия) – 13 из 36, но и в одной из самых кризисных на Дальнем Востоке Еврейской автономной области – 2 из 6. Какие же муниципалитеты отличаются увеличением численности населения, то есть являются «точками демографического роста» Дальнего Востока России?

Муниципальные образования Дальнего Востока с ростом численности населения можно разделить на 3 группы. Первая из них – самая значительная по численности населения – это административные центры субъектов Российской Федерации. Почти все они (кроме Магадана и Южно-Сахалинска) характеризуются ростом численности населения, в основном за счет миграции жителей из других муниципальных образований соответствующего региона. В городах Анадыре, Благовещенске, Петропавловске-Камчатском и Якутске наблюдается также естественный прирост населения за счет молодой возрастной структуры жителей, сложившейся из-за миграционного притока населения в предыдущие временные периоды. То есть имеется демографическое развитие, но за счет «собственных ресурсов», которые ограничены и ввиду малочисленности населения окружающих регионов в перспективе не смогут оказывать положительное влияние на демографическое развитие. В административных центрах регионов, граничащих с Китаем (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Биробиджан, а также Уссурийск), большой вклад в миграционный прирост и увеличение численности населения вносят жители зарубежных государств, но это в основном не китайцы, а переселенцы из стран СНГ, для которых здесь имеются хорошие условия для вовлечения в приграничную торговлю с китайскими контрагентами [3. С. 123]. Можно сказать, что в данном случае демографическое развитие соответствует потребностям рыночной экономики, так как население растет в тех пунктах, где фокусируются потоки товаров, услуг, денег и других ресурсов.

К этой же группе относятся и некоторые муниципалитеты, прилегающие к региональным административным центрам – Биробиджанский район в Еврейской автономной области, городской округ Артем в Приморском крае, Хабаровский район в Хабаровском крае и т.д. Ускоренное развитие пригородных территорий, в том числе демографическое, является закономерным этапом процессов урбанизации, который в наиболее развитых частях страны (окрестности Москвы и Санкт-Петербурга) начался еще в начале XX века, а к началу XXI века распространился практически на всю территорию России. Статистической фиксации этого этапа урбанизации (обычно он обозначается как субурбанизация) способствует сформировавшаяся за последние 10 лет система муниципальных образований, которая не позволяет городам беспрепятственно расширять свои территории, поглощая пригородные зоны, как это было в советский период развития страны. При этом сформировавшуюся систему муниципальных образований России нельзя назвать окончательной, так как она имеет много недостатков [6. С. 92].

Вторая группа муниципалитетов с ростом численности населения – это городские округа и муниципальные районы, которые имеют особое значение для обеспечения безопасности и обороноспособности страны, поскольку занимают стратегическое приграничное положение или являются важными пунктами базирования Вооруженных Сил Российской Федерации. В данном случае демографическое развитие подкрепляется соответствующим финансированием из федеральных источников. В основном это закрытые административно-территори-

альные образования (Фокино и Большой Камень в Приморском крае, Вилючинск в Камчатском крае, Углегорск в Амурской области), а также к этой группе можно отнести Анивский и Южно-Курильский городские округа в Сахалинской области. В этой группе везде население растет не только за счет миграций, что связано с перемещением воинских частей и обслуживающей их инфраструктуры, но и за счет естественного прироста, обусловленного молодой возрастной структурой жителей. Особенно быстро растет население городского округа Углегорск, в котором сооружается новый космодром «Восточный».

Третья группа – муниципальные районы, в которых численность населения увеличивается из-за высокого естественного прироста, который перекрывает миграционный отток. Практически все эти районы расположены в Республике Саха (Якутия) и в их населении преобладает коренное население (якуты, эвены), традиционно характеризующееся высокой рождаемостью – в некоторых районах в последние годы стабильно выше 20 промилле при среднероссийском показателе около 13 промилле. Интенсивный миграционный отток из этих районов, наблюдавшийся 10-20 лет назад, почти прекратился, так как уезжало в основном «пришлого» население, для которого в рыночных условиях проживание в суровых климатических условиях перестало быть привлекательным. Но в данном случае демографическое развитие (рост численности населения), явно не успевает за экономическим (в отличие от муниципалитетов предыдущих двух групп), что в перспективе может увеличить распространение таких проблем, как безработица, преступность, алкоголизм и др. Разработку специальных программ экономического развития для районов с преобладанием населения коренных национальностей можно считать одной из главных задач органов власти регионов Дальнего Востока.

При этом главной проблемой демографического развития Дальнего Востока остается депопуляция, которая, несмотря на положительные тенденции последних лет, характерна более чем для $\frac{3}{4}$ муниципальных образований первого уровня (городских округов и муниципальных районов) Дальневосточного федерального округа. Причем в более чем $\frac{1}{2}$ муниципалитетов наблюдалось сочетание естественной убыли и миграционного оттока населения, что является самым негативным вариантом демографического развития территории. Большие всего таких муниципалитетов в Магаданской области – все 8 районов кроме городского округа Магадан, в котором население сокращается, но за счет того, что миграционный отток превышает естественный прирост населения.

Негативно на Дальнем Востоке складывается ситуация и на уровне муниципалитетов второго уровня – городских и сельских поселений. Идет довольно быстрое сокращение количества таких муниципалитетов, что отрицательно влияет на условия жизни людей, демографическую и миграционную ситуацию. Только в 2014 году в Дальневосточном федеральном округе было упразднено 18 городских и сельских поселений. Сокращение числа таких муниципалитетов объясняется депопуляцией и необходимостью экономии бюджетных средств. Но фактически упразднение структур местного самоуправления ведет к разрушению системы обслуживания населения, что еще больше ускоряет депопуляцию, ведет к сокращению трудовых ресурсов и, соответственно, препятствует развитию экономической деятельности и формированию налоговой базы для бюджетов. То есть экономия бюджетных средств в настоящее время выливается в потери налоговых поступлений в будущем и практически невосполнимую утрату демографического потенциала территорий.

Особый случай муниципальных преобразований, получивший, к сожалению, воплощение и на Дальнем Востоке – создание городских округов вместо муниципальных районов. При этом на больших территориях система муниципалитетов второго уровня (городских и сельских поселений) полностью ликвидируется, что также ведет к разрушению систем обслуживания населения, территориальному удалению органов местного самоуправления от жителей и, в конечном итоге, ускорению депопуляции. Наибольшие масштабы в Дальневосточном

федеральном округе такие преобразования получили в Сахалинской области, где к настоящему времени сохранился только один муниципальный район с двумя городскими и одним сельским поселениями. Вся остальная территория поделена на городские округа, самые большие из которых занимают 10-15 тыс. км², что превышает площадь некоторых субъектов Российской Федерации. Естественно, что при таких территориальных масштабах и низкой транспортной освоенности территории создать условия жизни населения на местном уровне по современным стандартам (медицинское обслуживание, образования и др. сферы) практически невозможно. В итоге увеличиваются смертность населения и миграционный отток жителей, территория городского округа кроме его административного центра начинает быстро депопулировать.

Сокращению численности населения обширных территорий на муниципальном уровне способствовала также практика преобразования поселков городского типа (ПГТ) в сельские населенные пункты или их полная ликвидация, получившая на Дальнем Востоке страны большое распространение в последние десятилетия. Тогда как на слабозаселенных территориях именно ПГТ обычно являются опорным каркасом системы расселения, разрушение которого ведет к быстрой депопуляции вплоть до полного обезлюдения. Масштабы ликвидации ПГТ по регионам в сравнении с данными переписи населения 1989 года представлены в табл. 2 [2; 7].

Таблица 2

Динамика количества ПГТ по регионам Дальневосточного федерального округа

Регион	Количество ПГТ		Динамика, %
	1989 год	2015 год	
Приморский край	48	27	56,3
Камчатский край	12	2	16,7
Хабаровский край	31	18	58,1
Амурская область	32	16	50,0
Магаданская область	34	20	58,8
Сахалинская область	34	5	14,7
Республика Саха (Якутия)	67	42	62,7
Еврейская АО	12	11	91,7
Чукотский АО	18	5	27,8
Всего	288	146	50,7

Из данных табл. 2 видно, что количество ПГТ на Дальнем Востоке за период 1990-2015 гг. сократилось в 2 раза, а в некоторых регионах – от 3 до 6 раз. Общая численность населения в дальневосточных ПГТ за указанный период уменьшилась с 1625 тыс. до 611 тыс. человек или почти в 3 раза. То есть темпы сокращения в данном случае в 3 раза выше, чем темпы сокращения всего населения Дальнего Востока. С 1989 года население дальневосточных ПГТ сократилось почти в 2 раза сильнее, чем население всех поселков городского типа страны.

Не следует забывать, что многие ПГТ России, в том числе дальневосточные, являлись и являются моноотраслевыми населенными пунктами, вся жизнедеятельность которых зависит от одного-двух предприятий. В рыночных условиях такие населенные пункты очень сильно подвержены кризисным явлениям, вызванным внешними по отношению к населенному пункту причинами. Это ведет к оттоку населения, особенно молодежи и людей в активном трудоспособном возрасте, а затем к увеличению смертности и сокращению рождаемости вследствие изменившейся возрастной структуры жителей. Таким образом, ликвидация некоторых изолированных моноотраслевых поселков, существовавших при одном предприятии, является вполне оправданной после закрытия этого предприятия. Но на Дальнем Востоке

были ликвидированы или преобразованы в сельские населенные пункты также многие поселки, являвшиеся районными центрами и/или расположенные на транспортных магистралях, то есть действительно представлявшие собой каркас системы расселения и обслуживания населения.

Таким образом, для стабилизации численности населения и демографического развития муниципальных образований Дальнего Востока России, кроме действующих мер демографической и миграционной политики, необходимо прекратить имеющуюся практику ликвидации муниципалитетов второго уровня (городских и сельских поселений) и поселков городского типа. Их преобразование или присоединение к городским округам фактически ликвидирует структуры органов власти на местах, ломает сложившиеся системы сферы обслуживания населения, способствуют увеличению смертности и миграционного оттока жителей. При этом в корректировке нуждается существующая система налогообложения, при которой более 90% муниципалитетов страны оказываются дотационными и поэтому не способными в полной мере решать стоящие перед ними задачи по созданию нормальных условий жизни для населения и демографическому развитию территорий.

Список литературы

1. Демография/ под ред. В.Г. Глушковой и Ю.А. Симагина. 7-е изд., переработанное и дополненное. – М.: КНОРУС, 2013. – 204 с.
2. Городские поселения РСФСР по данным всесоюзной переписи населения 1989 года. – М.: Госкомстат РСФСР Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. – М.: Росстат, 2015. – 570 с.
3. Мишук С.Н. Современные миграционные связи Дальнего Востока России и стран СНГ // Новые векторы миграции на Евразийском пространстве. Серия «Демография. Социология. Экономика». – Том 1. Июнь 2015 г. – М.: Экон-информ, 2015. – С. 121-135.
4. Обращение к Федеральному Собранию Президента Российской Федерации В.В. Путина // Российская газета. Федеральный выпуск №6258 (282) от 13 декабря 2013 года.
5. Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. База данных «Муниципальная Россия». // Статистика как средство международных коммуникаций. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 358-360.
6. Симагин Ю.А. Муниципальная реформа: 10 лет спустя// Народонаселение. – 2013. – №4. – С. 87-93.
7. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. – М.: Росстат, 2015. – 570 с.

Интернет источники

8. Концепция Государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. – Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf> (Дата обращения: 23.10.2015).

Тропина Жана Николаевна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Финансовые рынки и
финансовый инжиниринг»
Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

ПОВЫШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ДИСБАЛАНСА

В статье представлен анализ проблем, с которыми столкнется Россия в ближайшем десятилетии, это снижение нефтегазовой ренты и старение населения. Стагнация добычи нефти приведет в перспективе к снижению влияния ресурсного сектора на экономику. Снижение количества трудоспособных граждан может негативно сказаться на состоянии экономики и благосостоянии граждан. Возможности преодоления демографического дисбаланса связаны с повышением экономической активности населения, поддержанной соответствующими мерами государственной политики.

Ключевые слова: экономическая активность населения, занятость, трудоспособное население, старение, дефицит бюджета, социальная нагрузка на бюджет.

E-mail: tropina_zanna@inbox.ru

Tropina Zhanna N.,
PhD of economic sciences, Docent,
Associate Professor of the department
«Financial markets and financial engineering»,
Financial university under
Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

THE INCREASING ECONOMIC ACTIVITY OF THE POPULATION AS A WAY TO OVERCOME THE DEMOGRAPHIC IMBALANCE

This paper presents an analysis of the problems facing Russia in the next decade, the decline of oil and gas rents and population aging. The stagnation of oil production will lead in the long term to reduce the impact of resource sector on the economy. Reducing the number of able-bodied citizens can have a negative impact on the economy and welfare of the citizens. Opportunities to overcome the demographic imbalance associated with increased economic activity of the population, supported by appropriate public policies.

Keywords: economically active population, employment, working-age population, the aging of the budget deficit, the social burden on the budget.

E-mail: tropina_zanna@inbox.ru

Одна из самых актуальных экономических проблем в условиях жестких санкций со стороны Запада – вывод российской экономики на траекторию роста. Экономический рост в стране невозможен без полноценного обеспечения трудовыми ресурсами. В ближайшие годы страна столкнется с экономическими последствиями демографического провала 1990-х годов. Возможности финансирования социальной сферы в стране за счет бюджета ограничены. В этих условиях становятся актуальными меры, направленные на изменение финансового поведения населения.

В докладе Всемирного банка по России «В поисках нового “серебряного века” в России» отмечается, что одними из основных факторов, которые в ближайшие годы будут определять темпы роста экономики в России, будут сокращение нефтегазовой ренты и старение населения. Уровень цен на нефть чрезвычайно значим для российского бюджета. После того, как Саудовская Аравия в ноябре 2014 г. в целях стабилизации нефтяных цен отказалась от продолжения проведения политики сокращения предложения нефти, цена на нефть снизилась со 115 долл. за баррель (июнь 2014 г.) до примерно 50 долларов. Стремление Саудовской Аравии сократить в перспективе добычу за счет выдавливания с рынка производителей, использующих дорогостоящие технологии (глубоководная и сланцевая), и реализация его на практике привели к серьезным негативным последствиям для российского бюджета (как известно, нефтяного).

По самым благоприятным прогнозам, восстановление цен на нефть произойдет не ранее 2017 года. Прогноз для России, данный в указанном докладе Всемирного банка, сводится к следующему: быстрое серьезное сокращение резервов, рост государственного долга до 120% ВВП, хронический дефицит бюджета (около половины бюджета будет идти на выплату пенсий), стагнация экономики в течение ближайших 50 лет и как итог, снижение уровня жизни населения [7]. Оценка Всемирного банка является базовым сценарием, основывается на среднем варианте прогноза Росстата, в соответствии с которым цена на нефть вырастет в ближайшие годы и стабилизируется на уровне 105 долларов за баррель [7].

При этом, по мнению экспертов Всемирного банка, ключевое значение в возможности изменения этого негативного сценария имеет рост экономической активности населения страны и занятости, именно меры государственной поддержки экономической активности граждан помогут избежать негативных последствий старения населения, повысить удовлетворенность жизнью и обеспечить рост конкурентоспособности экономики. Поскольку Всемирный банк отталкивается в своем прогнозе от стабилизации добычи нефти, то приходит к заключению о возможности в перспективе снижения влияния ресурсного сектора на экономику. Сокращение же количества трудоспособных граждан (при росте доли пожилого населения), по мнению экспертов банка, может негативно сказаться на устойчивости бюджета, состоянии экономики в целом и благосостоянии граждан.

Если в период с 1997 по 2011 гг. имело место увеличение численности населения трудоспособного возраста, обеспечивавшего приблизительно треть роста ВВП на душу населения из среднегодовых для этого промежутка времени 4,9%, то периоду 2012-2030 гг. соответствует обратный демографический тренд [7]. По оценкам Всемирного банка, негативный вклад этого тренда в ВВП составит 1,5 – 2,3 п.п. за каждый год этого периода [7].

Особенно сильное воздействие на состояние экономики окажет старение рабочей силы в 2020-е гг., когда трудоспособным станет малочисленное поколение девяностых годов. Итог: уже в следующем десятилетии количество молодых работников сократится более чем на 7 млн., что в два раза больше, чем за 2010-е гг. [7]. Суммарное сокращение трудоспособного населения за 2010-2050 гг. составит 23 млн. человек (почти на четверть), при этом коэффициент демографической нагрузки повысится в 1,5 раза [7]. Итогом старения населения станет снижение темпов роста потенциального ВВП до среднегодовых 1,3% на отрезке 2015-2040 гг., а стагнация добычи нефти обеспечит снижение доли нефтегазовых доходов бюджета в 2

раза, с 30% до 14% к 2050 году [7]. Изменятся и расходы бюджета на социальную сферу. Так, доля расходов, четко отражающих демографические изменения (медицинская помощь, социальная защита), вырастет с 32 до 49%, доля трансфертов Пенсионному фонду вырастет в 2 раза и достигнет значения, превышающего 20% [7].

Поскольку, по прогнозам Всемирного банка, резервы будут достаточно быстро израсходованы, то источником финансирования растущих обязательств станет государственный долг, он, в соответствии с прогнозом, вырастет в 6 раз [7]. Из-за высокой социальной нагрузки на бюджет возникнет угроза серьезного падения уровня доходов населения, прежде всего пенсионного возраста.

Возможности преодоления демографического дисбаланса в этой ситуации могут быть связаны только с повышением экономической активности населения, поддержанной соответствующими мерами государственной политики. Необходимо отметить, что занятость в России в целом достаточно высока, на уровне трудоспособного населения составляет около 60%, при этом оставшиеся 31 % не работают и не заняты поиском работы [7]. Но в рамках отдельных групп населения (пожилые и молодые граждане) она низка. Так, в группе 20-24 летних, занятыми являются лишь 60% [7]. Россия серьезно проигрывает европейским странам по уровню занятости пожилых людей и молодежи. Например, в Исландии занятыми в группе 20-24 летних являются 80%, этот уровень – самый высокий уровень занятости в Европе. В группе лиц старше 60 лет в России занятыми являются 40% мужчин и 25% женщин, в то время как в Исландии 85% мужчин и 73% женщин [7]. Реальный возраст выхода на пенсию для мужчин в России – 63,3 года, для женщин – 60 лет, а по странам ОЭСР в среднем 64,2 и 63 года соответственно [7]. При этом многие пенсионеры в России продолжают работать из-за низкого уровня пенсий и серьезно растущих в этот период расходов.

Увеличить количество недостающей для стабильного развития экономики рабочей силы, т.е. нейтрализовать негативный эффект старения населения, выйти на чистый положительный вклад в темпы роста ВВП до 2050 года, в соответствии с рекомендациями Всемирного банка, можно путем увеличения пенсионного возраста до 65 лет для женщин и мужчин. Но результативная активизация пожилых людей возможна только при соблюдении ряда условий, которые на данный момент в России соблюдаются слабо. Необходимо установить ограничения, влияющие на состояние здоровья пожилых людей, уровень их квалификации и мобильность.

В рамках мер государственного воздействия может быть представлено стимулирование предприятий в целях проведения целенаправленной политики занятости пожилого населения, поддержки производительности труда этой группы (учет исходных физических возможностей, предоставление гибкого графика работы). Однако, по мнению экспертов Всемирного банка, акцент в политике повышения занятости может быть сделан, прежде всего, на пропаганде здорового образа жизни и превентивной медицине. Именно эта группа мер может дать больший эффект, чем само повышение пенсионного возраста. При условии полномасштабной реализации государством мероприятий по повышению уровня занятости населения, трудовые ресурсы по оценке экономистов Всемирного банка к 2030 г. могут увеличиться на 3 млн. человек, повышение пенсионного возраста обеспечит прирост еще на 2 млн. человек [7].

На данный момент реальные меры, предпринимаемые правительством в этом направлении, сводятся к попыткам сократить теневую занятость в целях повышения числа плательщиков (при количестве занятых около 70 млн. отчисления в ПФР не производятся примерно третьей частью) [7]. В рамках концепции, реализуемой Минтрудом, предполагается удерживать количество пенсионеров на уровне 40 млн. человек и постепенно повысить количество плательщиков до 53 млн. к 2030 году. Однако возможность в рамках реализации этих мер нейтрализовать эффект старения вызывает сомнения. Известно, что неформальная занятость является альтернативой, прежде всего, не формальному сектору, а безработице вообще.

Еще одним направлением повышения уровня занятости населения является поддержка семей. По оценкам экспертов Всемирного банка меры по стимулированию рождаемости в России сводятся, прежде всего, к финансовым трансфертам, в то время как для женщин европейских стран, в том числе и России, рождение ребенка (особенно второго) является выбором между возможностью работать и материнством. Стабильная занятость матерей может быть обеспечена за счет повышения доступности услуг дошкольных учреждений и учреждений детского досуга (при росте их числа), замены продолжительных декретных отпусков краткосрочными и высокооплачиваемыми, сокращения гендерных разрывов при оплате труда [7].

Несмотря на то, что уровень экономической активности граждан серьезно меняется в течение последних лет, (этому способствует внедрение практики опережающего потребления, повышение материальных возможностей граждан, позитивное изменение уровня личной ответственности за собственное экономическое благосостояние и внедрение регулятором новых, привлекательных для частных лиц финансовых продуктов) присутствие населения на финансовом рынке является достаточно скромным.

Низкая финансовая активность граждан страны отмечена и Президентом РФ В.В. Путиным, «...средства населения почти не работают на рынке капитала. Это означает, что население не получает своей доли дохода от экономического роста, от увеличения капитализации экономики. Нужны программы вовлечения в инвестиции средств населения – через пенсионные и доверительные фонды, фонды коллективного инвестирования. В странах с развитой рыночной экономикой это значительная часть национального капитала... Надо сформировать такие условия, когда внутри частного сектора российской экономики возникнут “длинные деньги” в форме устойчиво растущих накоплений частных лиц, в том числе пенсионных. Поддержка формирования “длинных денег” должна стать приоритетом на ближайшие 10-15 лет» [9].

Рекомендации экспертов Всемирного банка вполне соответствуют установкам, озвученным Президентом страны. В нынешних условиях по заключению экспертов, государству, с одной стороны, необходимо возобновить накопление резервов, которые в дальнейшем могут быть использованы на решение проблем старения населения, а, с другой стороны, государством должны быть созданы для граждан стимулы сберегать и инвестировать свободные денежные средства. Стимулирование населения к накоплению и инвестированию позволит в перспективе поддержать экономический рост и снизить нагрузку на бюджет. Определенную позитивную роль в этом движении сыграла объявленная государством программа софинансирования пенсий. Но постоянное реформирование пенсионной системы в течение последних 20 лет не создает уверенности населения в сохранности и преумножении денежных средств на пенсионных счетах граждан.

В части инвестиционной активности граждан одной из последних новаций финансового рынка являются индивидуальные инвестиционные счета, позволяющие гражданам при приобретении финансовых инструментов получать налоговые вычеты двух видов в зависимости от выбранной инвестиционной стратегии (ежегодный налоговый вычет на сумму не более 400 тыс. рублей за один налоговый период и вычет в размере доходов по счету по итогам, не менее чем 3-х летнего инвестиционного периода). При широком привлечении граждан к инвестиционным операциям с использованием возможностей индивидуальных инвестиционных счетов только 10% экономически активного населения (7 млн. человек) сможет обеспечить поступление на финансовый рынок (в основном на его сегмент фондовый рынок) до 2,8 трлн. руб. в год [1].

На данный момент депозитами в банках располагают только 45 млн. человек (65% от числа экономически активных граждан, или приблизительно 1/3 населения страны) [1]. Средний размер банковского депозита составляет 130-140 тыс. рублей [1]. Введение индивидуальных инвестиционных счетов благодаря режиму налоговых льгот позволит гражданам

более эффективно инвестировать свободные денежные средства в инструменты фондового рынка, при этом банки будут конкурировать с брокерами и управляющими компаниями за средства граждан.

Необходимо отметить, что одним из серьезных препятствий для финансовой и инвестиционной активности граждан является высокий уровень инфляции в стране. Реальный доход при инвестировании в любой финансовый инструмент может быть получен только при превышении доходности по инструменту уровня инфляции. Уточненный базовый прогноз Минэкономразвития по инфляции выглядит следующим образом – 12,2% по итогам 2015 года[9]. В настоящее время на рынке не так много инструментов, способных обеспечить гражданам приемлемый уровень дохода.

Комплексные меры по повышению экономической активности населения в России (при условии их реализации) могут обеспечить рост потенциального ВВП на 0,6 п.п. в год (в 1,5 раза) [7]. Влияние результативных реформ на рост ВВП в долгосрочной перспективе может быть выше, чем на рост такого фактора как цены на нефть, даже при условии их роста (альтернативный сценарий оценивает рост до 122 долл. за баррель) [7]. Грамотно выстроенная политика, нацеленная на рост экономической активности населения, позволит в определенной мере сгладить негативные последствия сокращения рабочей силы, а воздействие на финансовое поведение населения обеспечит решение проблемы повышения доходов населения и снижения нагрузки на государственный бюджет.

Список литературы

1. Александров Д. ИИС: туманные перспективы на фоне широких возможностей. // Рынок ценных бумаг. – 2015. – № 4. – С. 37–39.
2. Дикий А. А. Жизнь в кредит: установки и поведенческие стратегии россиян // Социологические исследования. – 2012. – № 5. – С. 134–140.
3. Ибрагимов Д. Х. Сберегательное поведение россиян в 2009 – 2013 гг. // Банковское дело. – 2013. – № 12. – С. 44–49.
4. Кузина О. Е. Анализ динамики пользования банковскими кредитами и долговой нагрузки россиян // Деньги и кредит. – 2013. – № 11. – С. 30–36.
5. Новиков А. В. Финансовый рынок России: динамика развития после кризиса // ЭКО. – 2013. – № 7. – С. 5–25.
6. Стребков Д. О. Мотивация прихода российских частных инвесторов на фондовый рынок // Экономическая социология. – 2007. – № 5. – Т. 8. – С. 17–39.

Интернет источники

7. Доклад Всемирного банка «В поисках нового “серебряного века” в России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/eca/russian/> (Дата обращения: 12.11.2015).
8. Изучение инвестиционной активности потенциальных инвесторов [Электронный ресурс] / Фонд «Общественное мнение». – 2015. – Режим доступа: <http://fin.fom.ru/Ekonomika/10861> (Дата обращения: 12.11.2015).
9. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2015 год и на плановый период 2016-2017 годов [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/macro/prognoz/20140926/> (Дата обращения: 12.11.2015).
10. Путин В. В. О наших экономических задачах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://putin2012.ru/events/149> (Дата обращения: 12.11.2015).

Фаузер Виктор Вильгельмович,
доктор экономических наук, профессор,
руководитель отдела социально-экономических проблем,
заведующий лабораторией демографии и социального управления
Института социально-экономических и
энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар, Россия

Лыткина Татьяна Степановна,
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
лаборатории демографии и социального управления
Института социально-экономических и
энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар, Россия

Фаузер Владимир Викторович,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики
Ухтинского государственного технического университета,
г. Ухта, Россия

Панарина Ирина Александровна,
старший лаборант лаборатории
демографии и социального управления
Института социально-экономических и
энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар, Россия

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

(Исследование выполнено в рамках НИР «Репродуктивные и миграционные установки населения северных регионов России» (№ ГР 01201355947, 2013-2015 гг.))

На материалах трехлетнего мониторингового социологического исследования представлены репродуктивные установки студенческой молодежи Республики Коми, их отношения к проблеме многодетности и институту материнства. Особое внимание уделено проблемам государственного регулирования частной жизни в области рождаемости, формам поддержки различных семей и решению демографических проблем территории. Согласно, проведенному исследованию государство должно проводить политику поддержки семейных ценностей и стимулировать уровень рождаемости в стране. Обозначены направления государственной демографической политики: ее уровни, субъекты реализации и объекты получения. В заключение приводится система жизненных ценностей студенческой молодежи, где дети занимают важное место, наряду со здоровьем и материальным благополучием.

Ключевые слова: Республика Коми, студенческая молодежь, репродуктивное поведение, рождаемость, государственная демографическая политика, жизненные ценности.

E-mail: fauзер@iespn.komisc.ru; tlytkina@yandex.ru; fauзер@list.ru; panarina@iespn.komisc.ru

Fauzer Victor V.,

*Doctor of Economic Sciences, professor,
Head of the department
of socio-economic problems and the laboratory
of demographic and social management,
Institute of socio-economic and energy problems
of the North Komi Science Centre,
Ural Branch of the RAS,
Syktyvkar, Russia*

Lytkina Tatyana S.,

*PhD of Sociological Sciences,
Senior researcher,
The laboratory of Demography and Social Management,
Institute of Socio-Economic and Energy Problems
of The North Komi science Centre,
Ural Branch of the RAS,
Syktyvkar, Russia*

Fauzer Vladimir V.,

*PhD of Economic Sciences,
Associate Professor of the department of Economics,
Ukhta State Technical University,
Ukhta, Russia*

Panarina Irina A.,

*Senior assistant of the laboratory
of Demographic and Social Management,
Institute of Socio-Economic and Energy Problems
of the North Komi Science Centre,
Ural Branch of the RAS,
Syktyvkar, Russia*

REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF STUDENT'S YOUTH: A SOCIOLOGICAL MEASUREMENT

(The study was performed within the project «Reproductive and migration installation of population of Northern regions of Russia» (№ GR 01201355947, 2013-2015))

The article presents a three-year monitoring of sociological research on the reproductive attitudes of students of the Republic of Komi, their attitude to the problem of large families and the institution of motherhood. Particular attention is given to problems of state regulation of private life in the fertility, the different forms of supporting for families and solving demographic problems territory. According to the conducted study the state must adopt policies that support family values and stimulate the birth rate in the country. The article indicated by the direction of the state demographic policy: it levels, implementing subjects and getting objects. In conclusion, we presented a system of life values of student's youth, in which children play an important role, along with health and wealth.

Keywords: Komi Republic, student youth, reproductive behavior, fertility, state demographic policy, life values.

E-mail: fauzer@iespn.komisc.ru; tlytkina@yandex.ru; fauzer@list.ru; panarina@iespn.komisc.ru

Изучение проблем рождаемости и репродуктивного поведения населения в системе демографических исследований России всегда занимало центральное место. Современный интерес к этим проблемам во многом вызван радикальными изменениями в характере воспроизводства населения, наблюдаемого в России и в мире на протяжении всего XX и в начале XXI веков.

В научной литературе под репродуктивным поведением понимают следующее: репродуктивное поведение (генеративное поведение, прокреативное поведение) – система действий, отношений и психических состояний личности, направленных на рождение или отказ от рождения ребенка любой очередности, в браке и вне брака. В рамках репродуктивного поведения выделяют:

- 1) совокупность поведенческих актов и решений, непосредственно направленных на рождение ребенка, то есть собственно репродуктивное поведение;
- 2) контрацептивное поведение, то есть действия, направленные на предотвращение зачатия;
- 3) абортное поведение, то есть действия, имеющие целью предотвратить нежелательное рождение.

Собственно репродуктивное поведение направлено на реализацию полного репродуктивного цикла – от момента принятия решения о зачатии ребенка до его рождения. Контрацептивное и абортное поведение служат инструментами регулирования как каждого конкретного репродуктивного цикла (предотвращение зачатия, прерывание беременности при помощи искусственного аборта), так и всего репродуктивного цикла семьи (формирование желательных протогенетических и интергенетических интервалов – периодов времени между началом сожителства и рождением первого ребенка и интервалов между рождениями всех последующих детей, соответственно) для достижения желаемого числа детей. Репродуктивное поведение предполагает наличие обязательного условия – плодовитости, то есть физиологической способности к зачатию. В случае бесплодия одного или обоих супругов и при наличии неудовлетворенной потребности в детях формирование данной семьи либо прекращается (посредством развода), либо осуществляется путем усыновления (удочерения) желаемого числа детей [1. С. 251].

К основным структурным элементам репродуктивного поведения относятся:

- потребность в детях, регулируемая репродуктивными нормами и ценностями, репродуктивными установками и мотивами;
- многообразные семейные ситуации и условия жизни, способствующие, либо препятствующие реализации потребности в детях;
- процесс избирательного оценивания условий реализации потребности в детях, формирующий линию репродуктивного поведения;
- результаты репродуктивного поведения (итоговое число детей в семье).

Все структурные элементы тесно взаимосвязаны друг с другом, изменение одного из них по цепочке приводит к изменению других элементов, но сама структура остается неизменной. Главной движущей силой репродуктивного поведения является потребность в детях, которая рассматривается как социальная потребность высшего уровня и конкурирует с другими потребностями.

При формировании потребности в детях огромную роль играют репродуктивные нормы, которые выступают социальным регулятором потребности в детях, репродуктивного поведения личности. Репродуктивные нормы, усвоенные индивидом и вошедшие в систему его ценностей, определяют потребность в детях, репродуктивное поведение, а значит, итоговое число детей и уровень рождаемости. Уменьшение репродуктивных норм приводит к снижению уровня рождаемости, увеличение – к повышению рождаемости. Перемены, которые происходили и происходят в России на протяжении последних двух десятилетий, повлияли на изменение норм детности: наметился постепенный переход от двухдетности к однодетности как идеальной модели семьи.

Важным фактором репродуктивного поведения, определяющим уровень рождаемости, являются ценностные ориентации личности, от которых зависит потребность в детях, оценка условий ее реализации и репродуктивная мотивация. Указанные факторы определяют репродуктивную установку, которая состоит из элементов, находящихся в тесной взаимосвязи: социальных норм; личностных представлений; особенностей характера и темперамента индивида.

Обострившаяся проблема рождаемости в нашей стране выдвигает на первый план необходимость изучения вопросов, касающихся репродуктивного поведения в части мотивации рождения детей. В зависимости от преследуемых индивидом целей репродуктивные мотивы подразделяются на экономические, социальные и психологические. В современных условиях на первое место вышли психологические, на второе – социальные, на третье – экономические мотивы. Выявленная иерархия репродуктивных мотивов свидетельствует об ослабленной потребности в детях, характерной для городского населения, особенно для жителей крупных и крупнейших городов. Психологические мотивы, выйдя на первый план, будут способствовать дальнейшему снижению рождаемости и увеличению доли однопородных и бездетных семей.

Основным субъектом репродуктивного поведения, в рамках которого формируются общесемейные потребности в детях, реализуется репродуктивная функция, выступает семья. Семья является единственным в своем роде социальным институтом, специфической функцией которого является рождение детей. Семейные ситуации как один из элементов структуры репродуктивного поведения складываются из повседневной жизни семьи. Оценка ситуаций позволяет принять то или иное решение, которое приведет к итоговому числу детей в семье.

Потребность в детях, формируемая через репродуктивные установки и репродуктивные мотивы, управляет репродуктивным поведением, но это управление не было бы возможным без взаимодействия с ситуациями образа жизни, в которых происходит удовлетворение потребности в детях. Изучение репродуктивных установок в течение последних двадцати лет позволило выявить следующую закономерность: снижение числа рождений в семье наблюдается не только на фоне одновременного уменьшения потребности в детях, но и под сильным влиянием ситуации, в которой оказывается семья, и не в последнюю очередь – экономической ситуации. Так, та часть населения, которая испытывала потребность в двух детях, не смогла ее удовлетворить, так как негативно оценила свои возможности родить ребенка в условиях социально-экономического кризиса [2. С. 8-10].

Сокращение рождаемости в современной России вызвано в первую очередь изменениями в семейно-брачных отношениях, во многом обусловленными как общемировыми тенденциями, так и социально-экономическими особенностями трансформационного периода, определившими изменения в репродуктивных мотивах и установках. Изменившиеся условия жизни российских семей вызвали серьезные деформации в репродуктивном поведении россиян и, соответственно, в тенденциях рождаемости.

Уменьшение численности населения России, в т.ч. за счет резкого сокращения рождаемости, неправильно было бы связывать только с экономическим кризисом 1990-х годов. Снижение рождаемости было отмечено демографами в 60-е годы XX века. Низкая рождаемость, более позднее вступление в брак, рост нерегистрируемых сожительства и внебрачной рождаемости не являются особенностью демографического развития России, просто западные страны намного раньше прошли этот этап при вполне благополучной социально-экономической ситуации. Несомненно, связь между современными демографическими тенденциями и проводимыми в России в 1990-е гг. социально-экономическими и политическими реформами существует, но не столь уж тесная и однозначная.

Анализ изменений в сфере семейно-брачных отношений, в репродуктивном поведении, происходивших в России на протяжении XX столетия, позволяет сделать вывод, что Россия все время следовала по общему с западными странами пути. Отличие состоит в том, что развитие российской экономики отставало от наиболее развитых в промышленном отношении капиталистических стран на 50-100 лет. Именно поэтому и демографические перемены коснулись России почти на 100 лет позже, чем стран Западной Европы. Но Россия не просто повторяла демографический путь других стран. Ее отличительные черты связаны с множеством конкретных исторических событий, с политической обстановкой, с традициями, с темпами индустриализации, урбанизации, с резкими изменениями законодательства в области семейно-брачных отношений и т.д.

С середины 1990-х гг. в России начался новейший этап снижения рождаемости, выразившийся в откладывании первых рождений в самых молодых возрастных группах матерей, что привело к снижению суммарного коэффициента рождаемости. На наш взгляд, падение рождаемости в этот и последующий период связано как с социально-экономическими переменами 1990-х гг., падением уровня и качества жизни большинства населения, так и с общим кризисом российского общества, с тем, что уже несколько поколений детей формируют свои семьи подобно семьям своих родителей, не знающих массовой высокой рождаемости традиционного типа; с кризисом семьи, который как раз и проявляется в устойчивых установках на малодетность, а иногда даже и на бездетность; с отсутствием в обществе интересов, направленных на воспроизводство населения, заключение браков и укрепление семейно-брачных отношений; с изменением под влиянием средств массовой информации семейного, репродуктивного и сексуального поведения; с преобладанием материальных потребностей над духовно-нравственными.

До начала 2000-х гг. Россия шла по тому же пути снижения рождаемости, по которому уже прошли экономически развитые страны, не одно десятилетие проводящие пронаталистскую политику, тем не менее ни одной из них не удалось добиться повышения уровня рождаемости и обеспечить хотя бы простое воспроизводство населения. Однако российский народ отличается от жителей стран Западной Европы не только социально-экономическими условиями жизни, но и культурными и духовными ценностями, традициями, ориентированными на семью, продолжение рода, у российского населения исторически сложился другой менталитет. Поэтому при создании экономических условий, обеспечивающих достойный уровень жизни, россияне будут иметь более высокие репродуктивные установки, которые в настоящее время в значительной степени сдерживаются тем социально-экономическим неблагополучием, которое складывается в условиях социального расслоения более чем у 60% российских семей.

Существующий сегодня уровень рождаемости будет определять степень обеспеченности отраслей народного хозяйства человеческими ресурсами через 16-18 или 20 лет, в зависимости от продолжительности профессионального обучения. Кроме того, на уровень обеспеченности человеческими ресурсами будут влиять масштабы выхода за пределы трудоспособности тех, кто родился 50-60 лет назад. Следовательно, для полноты и точности прогнозирования обеспеченности отраслей экономики собственными человеческими ресурсами и мигрантами извне, необходимо знать репродуктивные установки населения.

Описание выборки. Учитывая недопустимо низкий уровень рождаемости и важность решения задачи увеличения количества детей в семьях, была поставлена цель – определить какую демографическую политику необходимо проводить государству, региональным правительствам, отдельным хозяйствующим субъектам для повышения уровня рождаемости и каких аспектов жизнедеятельности человека она может касаться [3. С. 61-62]. Для реализации поставленной цели – выявления направлений и аспектов демографической политики, которые могли бы регулировать и проводить государство, регионы и хозяйствующие субъекты, в

2011-2012-2013 гг. по репрезентативной выборке был проведен опрос студентов вузов Республики Коми в возрасте 16-27 лет. Опрос проводился в 4-х городах: Воркуте, Усинске, Ухте и Сыктывкаре сотрудниками лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН совместно с учеными Сыктывкарского государственного университета, Ухтинского государственного технического университета, Коми государственного педагогического института, Сыктывкарского лесного института, Коми республиканской академии государственной службы и управления, Филиала Санкт-Петербургского государственного горного института им. Г.В. Плеханова (технического университета) «Воркутинский горный институт». В заключительный период – в 2013 г. в обследовании приняли участие 582 студента в возрасте 18-27 лет.

Большая часть студентов учится в г. Сыктывкаре – 60,1%, из них в СыктГУ – 21,5%, КГПИ – 0,5%, СЛИ – 23,5%, Сыктывкарском филиале СПбГЭУ – 14,6%. Среди опрошенных 29,6% являются студентами УГТУ и 10,3% – его Усинского филиала. По возрасту респонденты распределились так (%): 18-19 лет – 9,8; 20-21 лет – 54,8; 22-24 лет – 22,6; 25-26 лет – 2,1; 27 лет и старше – 10,7. Средний возраст студентов составил 21,7 лет.

Примерно половина студентов проживает с родителями – 46,9%, живут в общежитии – 19,7%, имеют благоустроенную отдельную квартиру – 19,6%, снимают квартиру – 7,4%, комнату – 2,1%, у остальных есть разного вида благоустроенное и неблагоустроенное жилье.

По месту нахождения учебного заведения контингент студентов сформирован на 54,4% уроженцами данного населенного пункта, а на 45,6% – иногородними студентами.

На момент опроса основными источниками доходов студентов являлись (%): родители и родственники – 63,9; заработная плата – 42,4; стипендия – 28,2; случайные заработки – 15,6 и пенсия – 8,1. Содержит друг или подруга 5,8%, муж или жена – 6,9%; указали на другие источники – 0,7% респондентов. Имеющиеся источники доходов позволили опрошенным студентам так оценить свой уровень доходов (%): денег достаточно для приобретения продуктов и одежды – 67,7; денег достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать – 16,6; денег хватает лишь на покупку продуктов питания – 14,0; денег не хватает даже на приобретение продуктов питания – 1,7.

По национальности среди студентов преобладают (в %) русские – 72,7, затем следуют коми – 16,4; украинцы – 4,5; татары – 2,1; азербайджанцы – 1,0; немцы – 0,9; белорусы – 0,2; представители других национальностей – 2,2.

Важность проведения такого опроса обусловлена тем, что Республика Коми в демографическом плане не является лидером в области рождаемости. Среди 85 субъектов Российской Федерации она делит 27-28 место с Челябинской обл. (14,2 рождений на 1000 человек населения). Лучше обстоят дела в области смертности – 24-25 место с Республикой Татарстан, при общем коэффициенте смертности 12,2 случаев на 1000 человек населения (2014 г.).

Результаты опроса. На желание иметь или не иметь детей, а если иметь, то сколько, оказывает влияние, помимо социально-экономических и институциональных факторов, восприятие молодежью материнства. Обычно под материнством понимается функция женского организма, направленная на продолжение человеческого рода и включающая биологические (вынашивание, рождение и вскармливание ребёнка) и социальные (воспитание ребёнка) аспекты. Высоко оценивая институт материнства, молодежь осознает, что рождение детей изменит их жизнь, придаст ей новые черты, наложит ответственность за жизнь и благополучие их ребенка. Значимым является то, что большинство опрошенных респондентов считает, что рождение детей не ухудшит их материальное положение (57,7%), не ограничит свободу и возможности самореализации личности (58,5%), не будет препятствовать карьерному росту (57,6% – 2013 г.). Увеличилась доля тех, кто считает, что рождение детей ухудшит их матери-

альное положение с 24,1% до 26,6%. В идеальной семье, по мнению более чем половины респондентов – 64,4% (2011 г. – 61,8%, 2012 г. – 60,5%), должно быть 2 ребенка, еще 22,4% говорят о трех, а «ни одного» – только 0,7%. Можно отметить, что следовать идеалу готовы практически все респонденты: иметь 2-х детей хотели бы 58,4%, трех – 21,0%, четырех и более – 2,6%, «ни одного» ребенка – 1,7%.

На этом фоне возникает закономерный вопрос: «Почему многие семьи не хотят иметь много детей?». По значимости причины, препятствующие иметь много детей, распределились следующим образом (%), 2013 г.): трудности материального порядка, так как содержание детей становится все дороже – 74,7; считают, что у них плохие жилищно-бытовые условия – 56,4; чувство неуверенности в завтрашнем дне – 40,5; боятся трудностей ухода за детьми – 24,9; не уверены в прочности своей семьи – 18,9; страх остаться без работы – 16,2; супруги считают, что дети помешают им жить так, как хочется – 10,8; женщины стали слабее здоровьем – 8,6.

На репродуктивные установки молодежи оказывает влияние состояние их здоровья. Опрос показал, что, несмотря на молодость, только 70,8% опрошенной молодежи отметили, что у них хорошее здоровье и особых жалоб нет; каждый пятый (21,1%) отметил, что в последнее время здоровье стало хуже; страдают хроническими заболеваниями – 5,5%; постоянно себя плохо чувствуют – 2,6%. Продолжая тему здоровья можно отметить, что, отвечая на вопрос: «Есть ли у Вас какие-либо заболевания, препятствующие рождению детей?», – 76,4% ответили – нет; не знают – 19,2% и только 4,4% знают о своей проблеме.

Таким образом, ответы респондентов показывают, что будущий репродуктивный потенциал молодежи хоть и не находится под явной угрозой, но доля больных, на наш взгляд, значительна. Поэтому респондентам было предложено определить, что должно предпринять государство, чтобы улучшить здоровье подрастающего поколения. Приведем меры, предложенные респондентами (%): развивать спортивную инфраструктуру (строительство спортивных комплексов с футбольными/хоккейными площадками, бассейнами и др.) – 83,3; прекратить рекламу табака и алкоголя, запретить курение в общественных местах – 62,0; ввести обязательное ежегодное медицинское обследование детей (диспансеризация) – 48,1; пропагандировать в газетах, на телевидении преимущества здорового образа жизни – 40,9; прекратить пропаганду сексуальной распушенности в СМИ – 39,7.

Говоря о репродуктивном здоровье населения, нельзя не коснуться проблемы контрацепции и аборт. Поскольку незнание основ контрацепции часто ведет к аборту, а последний – к бесплодию. Судя по опросу, 91,0% студенческой молодежи о средствах контрацепции осведомлены достаточно хорошо, 6,9% имеют поверхностное представление и лишь 0,5% осведомлены очень плохо. В то же время, отвечая на вопрос: «Известны ли Вам факты, когда девушкам из вашего окружения приходилось делать аборт?», положительно ответили 65,6%. Как видим по ответам на последний вопрос, имеет место широкое распространение абортов как средства контрацепции (велика доля девушек, прошедших через аборты).

Безусловно, аборт – крайняя и вынужденная мера. Это хорошо осознает студенческая молодежь. Отвечая на вопрос: «В случае наступления незапланированной (нежелательной) беременности, что Вы предпримите или посоветуете партнеру?», были получены следующие ответы: родить ребенка и оформить брачные отношения – 44,7%; трудно сказать, не сталкивались с такой ситуацией – 38,3%; родить ребенка без оформления брачных отношений – 11,4%; сделать аборт – 5,6%. Как видим, молодежь предпочитает, несмотря на возможные трудности, дать ребенку жизнь.

В программе исследования были вопросы о роли государства в регулировании рождаемости. В ходе опроса респондентам был задан следующий вопрос: «Имеет ли государство право влиять на уровень рождаемости и число детей в семье в случае, если низкая рождаемость ведет к сокращению численности населения и несет в себе угрозу государственным интере-

сам?». Студенческая молодежь на него ответила так (%): да имеет право, но в строго определенных рамках, не нарушая прав личности – 30,6; никогда об этом не думали – 30,1; нет, ни при каких объективных условиях – 12,5; да, безусловно, имеет право – 11,8; да, в критической (кризисной) ситуации – 8,2; такая политика безнравственна – 5,4 (2013 г.). Как видим, большая часть респондентов считает, что государство имеет право «вмешиваться» в семейную жизнь населения (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:

«Имеет ли государство право влиять на уровень рождаемости и число детей в семье в случае, если низкая рождаемость ведет к сокращению численности населения и несет в себе угрозу государственным интересам?», опрос 2011-2013 гг., %

Мнение респондентов	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Никогда об это не думали	23,1	33,2	30,1
Да, безусловно	15,6	18,3	11,8
Да, в критической (кризисной) ситуации	7,5	8,6	8,2
Да, но в строго определенных рамках, не нарушая прав личности	36,8	26,4	30,6
Нет, ни при каких объективных условиях	8,3	7,8	12,5
Такая политика безнравственна	6,8	5,2	5,4
Другое мнение	1,9	0,5	1,4

Среди аспектов демографической политики, которые должно регулировать государство, респонденты выделили следующие (%): выплату пособий на детей – 67,7; выплату алиментов – 53,8; возраст вступления в брак – 30,4; доступность аборт – 18,7; право на развод – 13,1; число детей в семье – 11,2; возраст при рождении первого ребенка – 8,9; доступность средств предупреждения беременности – 8,6 (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Аспекты демографической политики, которые должно регулировать государство», опрос 2011-2013 гг., %

Аспекты демографической политики	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Возраст вступления в брак	34,7	36,5	30,4
Возраст при рождении первого ребенка	11,3	10,5	8,9
Число детей в семье	14,7	12,7	11,2
Право на развод	12,7	10,1	13,1
Доступность абортов	22,6	17,9	18,7
Доступность средств предупреждения беременности	11,3	11,1	8,6
Выплата алиментов	54,4	49,9	53,8
Выплата пособий на детей	69,9	61,5	67,7
Затруднились ответить	9,5	13,1	12,2

По мнению студенческой молодежи, наибольшую поддержку могут получить следующие меры стимулирования рождаемости (%): увеличение пособий (разовых и ежемесячных) на каждого ребенка – 58,6; предоставление бесплатного жилья многодетным семьям – 47,8; рост доходов (заработной платы, стипендий и т.п.) – 46,6; различные формы льготного кредитования жилья – 37,5; предоставление бесплатного жилья молодым бездетным и однодетным семьям – 37,3; частичное изменение трудового законодательства (например, льготный возраст

выхода на пенсию для матерей, родивших троих и более детей; увеличение ежегодных отпусков для женщин, имеющих детей и т.д.) – 21,1; налоговые льготы для работающих матерей и отцов – 17,4; пропаганда многодетности – 5,0 (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Какие меры стимулирования рождаемости, на Ваш взгляд,
могут получить наибольшую поддержку населения?», опрос 2011-2013 гг., %**

Меры стимулирования рождаемости	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Различные формы льготного кредитования жилья	43,2	39,7	37,5
Предоставление бесплатного жилья молодым бездетным и одноподетным семьям	39,3	41,7	37,3
Предоставление бесплатного жилья многодетным семьям	47,3	48,3	47,8
Увеличение пособий (разовых и ежемесячных) на каждого ребенка	57,4	53,5	58,6
Частичные изменения трудового законодательства (например, льготный возраст выхода на пенсию для матерей, родивших троих и более детей; увеличение ежегодных отпусков для женщин, имеющих детей и т.д.)	17,0	20,9	21,1
Пропаганда многодетности	6,0	5,9	5,0
Налоговые льготы для работающих матерей и отцов	19,7	17,6	17,4
Рост доходов (заработной платы, стипендий и т.п.)	59,4	46,9	46,6
Другое мнение	0,9	0,7	0,2

Определившись с мерами стимулирования рождаемости, в ходе опроса мы попытались выяснить, а каким семьям государство должно оказывать помощь в первую очередь. Ответы по мере важности распределились так (%): малообеспеченным семьям – 58,2; многодетным семьям – 46,4; всем семьям, независимо от числа детей – 39,7; молодым бездетным и одноподетным семьям – 34,0; семьям, состоящим из детей и одного родителя – 33,0; социально здоровым семьям – 9,8; семьям, имеющим официальный брачный статус – 8,9; семьям коренных народов Севера – 5,0.

Респондентам был также задан вопрос: «Могут ли семьи с детьми существовать без помощи государства?». В своем большинстве респонденты считают, что помощь государства семье на современном этапе нужна. О необходимости помощи государства молодым семьям считают – 64,7% респондентов; семьям с 1-2 детьми – 51,8%; семьям с 3 детьми – 77,7%; с 4 и более детьми – 91,9%; городским семьям – 44,7%; сельским семьям – 57,8%.

Материалы опроса позволили получить информацию о демографической политике, которую должно проводить государство, чтобы повысить рождаемость. Так, большая часть респондентов считает, что «государство должно помочь семье иметь столько детей, сколько она сама хочет» – 49,0%; или – «если число детей в семьях слишком мало, то государство должно попытаться заинтересовать семьи иметь большее число детей, создав, естественно, и необходимые условия для этого» – 36,7. Однако часть респондентов считает, что «государство ни в какой степени и никаким образом не должно влиять на рождение в семьях того или иного числа детей» – 14,3% (2013 г.) (табл. 4). Следует также обратить внимание на то, что проблема низкой рождаемости, помимо демографических потерь, неблагоприятно скажется на основных показателях социально-экономического развития страны в целом и ее северных регионов в частности: на темпе роста валового внутреннего продукта и обеспеченности отраслей народного хозяйства человеческими ресурсами, потребует структурных и качественных изменений в системе оказания медицинской и социальной помощи с учетом увеличения доли граждан старшего возраста, повлечет существенное изменение этнической структуры и ряд других негативных социальных последствий.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Мнение о политике государства в отношении рождаемости», опрос 2011-2013 гг., %**

Политика государства в отношении рождаемости	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Государство должно помочь семье иметь столько детей, сколько она сама хочет	51,8	53,7	49,0
Если число детей в семьях слишком мало, то государство должно попытаться заинтересовать семьи иметь большее число детей, создав, естественно, и необходимые условия для этого	36,4	31,1	36,7
Государство ни в коей степени и никаким образом не должно влиять на рождение в семьях того или иного числа детей	13,8	17,2	14,3

Приведем мнение респондентов о мерах, которые могут (или нет) повысить рождаемость, приведем позитивные оценки (вопрос предполагал два ответа: либо «да», либо «нет»). Так, по мнению опрошенных студентов, запрет аборт до рождения первого ребенка – 37,6%; полный запрет абортов положительно скажется на рождаемости – 31,1%; введение налога на бездетность – 30,5%; ограничение доступности различных средств предупреждения беременности – 20,6%; снижение брачного возраста – 13,4%; запрет разводов – 7,4%.

В заключение приведем иерархию жизненных ценностей студентов (%): иметь хорошее здоровье – 81,6; материальное благополучие – 74,6; иметь детей – 64,9; хорошие жилищные условия – 58,2; достичь успехов в работе – 53,8; чтобы брак был стабильным – 51,7; реализовать себя в различных сферах жизни – 41,4; состоять в браке – 37,3; интересно проводить досуг – 25,4. Как видно из опроса, дети занимают 3-ю позицию в системе ценностей. Все логично: есть материальный достаток и здоровье – можно подумать и о рождении детей.

Таким образом, если государственные органы Республики Коми, ответственные за демографическую политику, прислушаются к мнению населения и будут проводить ее эффективно, то к 2030 г. население республики не уменьшится еще на 60 тыс. человек, не изменится ее этнический состав, и каждая семья будет иметь 2-3 желанных ребенка.

Аналогичные результаты были получены при изучении репродуктивного поведения населения Республики Башкортостан [2. С. 20]. При определении приоритетов демографической политики в процессе исследования было изучено мнение респондентов относительно общих и целевых мер, необходимых для повышения рождаемости. К мерам общего характера респонденты отнесли (%): стабильную высокооплачиваемую работу – 79,5; общую экономическую стабильность – 74,6; качественное медицинское обслуживание – 66,2; средствам массовой информации необходимо пропагандировать семейные ценности, уважительное отношение к женщине, детям, здоровый образ жизни – 44,7; развитие системы досуга, физической культуры, спорта – 12,5. Тем самым подтверждается, что реализация репродуктивных установок россиян сдерживается в значительной степени социально-экономическим неблагополучием.

К целевым мерам улучшения условий жизни семьи, необходимых для повышения рождаемости, респонденты отнесли (%): субсидии молодым семьям для приобретения жилья – 91,4; увеличение размера пособий на каждого ребенка и социальных выплат матерям при рождении детей – 78,1; наличие полной семьи, хорошие взаимоотношения в семье – 61,1; субсидии для оплаты содержания детей в детских садах – 52,0; налоговые льготы для работающих матерей и отцов – 51,4; частичные изменения трудового законодательства – 51,0; оплата материнского труда с учетом трудового стажа – 36,9; помощь старших родителей по воспитанию детей – 12,3; запрещение абортов – 8,4; другое – 2,7; затруднились ответить – 1,6 [2. С. 20].

Подведем итоги.

Демографическая политика, призванная повлиять на репродуктивное поведение населения с целью повышения уровня рождаемости, должна быть направлена на решение двух задач. Первая задача – создание благоприятных условий жизни семьям для рождения и воспитания желаемого числа детей путем общего социально-экономического развития страны, повышения уровня жизни, проведения активной демографической политики. Но это – необходимое, но не достаточное условие улучшения ситуации. Вторая задача – формирование потребности семей в детях путем повышения общественного престижа и значимости семьи с несколькими детьми; формирования у детей и подростков позитивного образа полной, состоящей в зарегистрированном браке семьи с несколькими детьми; возрождения традиционных ценностей семьи и детей. Только в сочетании решение этих двух задач при комплексном подходе – одновременной реализации экономических, административно-правовых, воспитательно-пропагандистских мер – даст желаемый эффект.

В настоящее время в России в качестве экономических мер предусмотрены федеральные и региональные пособия, налоговые льготы, государственная поддержка в улучшении жилищных условий молодых семей и др. Такие меры материальной поддержки материнства и детства как, например, материнский капитал, льготы по оплате услуг детских дошкольных учреждений, – новые, действуют с января 2007 г. и нацелены не только на улучшение материального благосостояния семей с детьми, но и на стимулирование рождаемости.

Неудовлетворительные жилищные условия ограничивают реализацию репродуктивных установок населения современной России. Особенно они сдерживают рождение детей в молодых семьях. Поэтому в целях обеспечения доступности жилья, помимо увеличения количества и повышения качества жилищного строительства, необходимо на федеральном, региональном и муниципальных уровнях предусмотреть содействие семьям с детьми и молодым семьям в улучшении жилищных условий.

Учитывая высокую распространенность аборт как средства контрацепции, необходимо разработать стратегию контрацептивного поведения, оптимальную как для интересов семьи, так и общества, сделать доступной для широких слоев населения, особенно молодежи, информацию о безопасном сексуальном поведении, о нарушениях детородной функции после аборта. Число аборт увеличивается в том случае, если происходит ухудшение социально-экономической ситуации в стране, и многие женщины сознательно идут на прерывание даже запланированной беременности, поэтому борьба с абортами должна вестись не с помощью запретительных мер, а путем создания благоприятных условий для рождения и воспитания детей.

Одной из причин современного демографического кризиса в России является идейно-духовное неблагополучие нашего общества. С началом реформ в 1990-е гг. в нашей стране началась подмена традиционно российских ценностей западными. На наш взгляд, для формирования в обществе нравственных, в том числе семейных ценностей, необходимо пересмотреть государственную политику в сфере СМИ; государственную политику в области образования; скорректировать молодежную политику.

Неблагоприятные демографические процессы происходят в России на фоне значительного ухудшения здоровья населения, прежде всего детей. Приоритет государственной политики в области охраны и укрепления здоровья населения России должен строиться на основе формирования здорового образа жизни и повышения доступности и качества медицинской помощи, усиления охраны репродуктивного здоровья.

Таким образом, все направления демографической политики в отношении рождаемости должны быть согласованы с такими важными сферами социальной политики, как политика в сфере доходов и оплаты труда, образования, жилищного строительства, здравоохранения, занятости, культурной, молодежной, семейной политики, политики социальной защиты

населения и т. д. Кроме того, одним из обязательных условий эффективности демографической политики является индексация, дополнение и обновление мер.

Проанализировав основные демографические факторы репродуктивного поведения и рождаемости, характер репродуктивного поведения в условиях современной российской экономики, можно сделать вывод, что любые изменения в социально-экономическом и политическом развитии страны приводят к пересмотру репродуктивных установок и ориентаций от поколения к поколению. Более того, в экстремальных условиях они могут меняться и в рамках репродуктивного цикла одного поколения. В среднесрочной перспективе рождаемость будет зависеть от трех групп факторов: демографических, экономических и социальных. При сохранении относительно стабильной социально-экономической ситуации в стране и материальном стимулировании рождаемости семьи, имеющие потребность в нескольких детях, но ограничившиеся рождением меньшего числа детей из-за материальных затруднений, отсутствия жилищных условий или отложившие рождение желаемого ребенка до «лучших времен», смогут повысить число детей в семье до желаемого. Но и в этом случае значение суммарного коэффициента рождаемости не достигнет величины необходимой для простого воспроизводства населения, потому что есть семьи, которые удовлетворены уже имеющимся числом детей, а некоторые вообще предпочитают бездетность. Несмотря на то, что репродуктивное поведение россиян в современных условиях во многом определяется той степенью материального неблагополучия, которое характерно для большей части населения, экономические меры не являются решающими, так как в динамике демографических процессов (рождаемости) гораздо большую роль играют не экономические меры, а потребность в детях. Самое главное – это возродить ценность семьи и детей на уровне государственной политики и повысить репродуктивные установки семей.

Огромная роль в решении демографических проблем принадлежит информационной политике государства. До сих пор средства массовой информации не переориентированы на пропаганду семейных ценностей, позитивного восприятия семей с тремя-четырьмя детьми.

Список литературы

1. Захарова О.Д. Факторы демографические // Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. – 352 с.
2. Скрыбина Я.А. Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной российской экономики: автореф. ... дис. канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2011. – 27 с.
3. Фаузер В.В. Государственное регулирование рождаемости // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 5. – С. 58-64.

Фомин Николай Николаевич,
кандидат социологических наук,
коммерческий директор Дирекции финансовых продуктов
ЗАО «Центр Финансовых Технологий»,
г. Москва, Россия

ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ДЕМПИНГА КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Стратегию действий в сфере развития экономики и регулирования внешней трудовой миграции необходимо рассматривать в контексте общенациональной цели, под которой следует понимать безопасность и благополучие россиян, построение сильного и самостоятельного государства. Регулирование трудовой миграции должно быть тесно увязано с концепцией демографического развития страны, в том числе с необходимостью обеспечения ее социокультурной и геополитической безопасности.

Ключевые слова: социальный демпинг, миграция, национальная идея, демократия.

E-mail: prime21@mail.ru

Fomin Nikolay N.
PhD of sociological sciences,
Commercial director of Direction of Financial Products
CAO «Center of Financial Technologies»,
Moscow, Russia

AXIOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL DUMPING AS A FACTOR OF INFLUENCE ON SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE RUSSIAN SOCIETY

Action strategy in the sphere of economic development and regulation of external labour migration should be considered in the context of national goals, defined as the safety and welfare of Russians, the building of a strong and independent state. Regulation of labour migration should be closely linked with the concept of demographic development of the country, including the need to ensure its socio-cultural and geopolitical security.

Keywords: social dumping, migration, national idea, democracy.

E-mail: prime21@mail.ru

Финансовый кризис в России, начавшийся в 2014 году, может быть охарактеризован как серьезное ухудшение экономической ситуации, спровоцированное резким снижением цен на энергоресурсы и введением экономических санкций. Поскольку значительная часть бюджета России пополняется за счет доходов от продажи нефти и газа, их удешевление негативно сказалось на стране.

Основным инструментом борьбы с кризисом, по решению Правительства РФ, станет законопроект, предусматривающий сокращение в 2015-16 годах большинства категорий расходов федерального бюджета на 10% за счет исключения неэффективных затрат [3]. При этом будет полностью обеспечено исполнение обязательств социального характера, то есть расходы на образование, медицину и прочие важнейшие структуры общества не сократятся.

Также не уменьшатся расходы на обеспечение обороноспособности государства, поддержку сельского хозяйства и исполнение международных обязательств Российской Федерации.

Таким образом, на сегодняшний день в России болезнь экономики пытаются лечить за счет самой же пораженной недугом экономической сферы. Однако в условиях кризиса особое значение имеет провозглашение высших национальных ценностей, становясь одним из действенных механизмов его преодоления. Мировой исторический опыт выхода из кризисных ситуаций свидетельствует, что успешным он был именно в тех случаях, когда государство предлагало народу мобилизующие и консолидирующие идеологические императивы.

Одних экономических мер для выхода из кризиса никогда не бывает достаточно. В таком контексте показателен пример США времен Великой Депрессии, когда в обиход вошло понятие «американская мечта». Во многом именно эта «мечта» создала Америку, не только как главный геополитический и экономический центр современного мира, но и как законодателя ценностей. А ядром этой ценностной системы стала демократия, которая в сегодняшних реалиях приняла уже не завуалированную, а явную форму экспортного продукта. Собственно, «продвижение демократии» стало удачной упаковкой для жесткого, часто безжалостного лоббирования интересов американского государства и капитала. В результате само понятие «демократия» лишилось своего изначального смысла: вместо власти народа в интересах народа демократия по-американски в других государствах становится властью интересов Вашингтона над народом этой страны.

В сравнительно короткий – по историческим меркам – промежуток времени, в четверть века, вместились разбомбленная Югославия, разорванный в клочья Ирак, истекающий кровью и исходящий наркотиками Афганистан. Беснующиеся на площадях Киева неонацисты, растерзанный Каддафи и публичные казни мирных сирийцев – реальность тотального и сокрушительного экспорта демократии, развязанного Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО во всем мире.

При этом происходящим событиям дается очень специфическая трактовка – это не преступления против человечности, не агрессия сверхдержавы и не экспансия империализма. Американские официальные лица хотят, чтобы все мы верили: хаос и кровь мирных жителей, щедро проливаемая ими в процессе завоевания Вашингтоном мирового господства, отвечает интересам большинства народов Земли, даже если преимущества этой политики сразу не видны. Их заветная мечта состоит в том, чтобы перестроить мир по американскому образцу, ключевыми элементами которого являются «свободное предпринимательство», «индивидуализм» и то, что они называют демократией.

Экспорт демократии нынешними США по своим принципам ничуть не отличается от колониальной торговли с туземцами: не хотят брать наш товар – навязем силой. И высокомерие американской внешней политики – полностью соответствует политике времен флибустьеров и конкистадоров. Весь мир для США лишь рынок сбыта. А расширение этого рынка обязательно требует «силовой поддержки». В докладе «Стратегия национальной безопасности», подготовленном Белым домом в сентябре 2002 года, говорится: «Сохраняя верность нашему наследию и принципам, мы не используем силу для достижения односторонних преимуществ. Наоборот, мы добиваемся такого баланса сил, который способствует достижению человеческой свободы – условий, когда все страны и все общества могут самостоятельно выбирать блага и трудности, связанные с политической и экономической свободой». Это – официальная риторика, которая достаточно прямолинейно доносит содержащуюся в ней суть: «Пришло время подтвердить важную роль американской военной мощи. Мы должны строить и поддерживать наш оборонный потенциал на надлежащем уровне... Наши вооруженные силы будут достаточно сильны, чтобы отбить охоту у потенциальных противников наращивать свой военный потенциал в надежде превзойти или сравняться по мощи с Соединенными Штатами... Для предупреждения или предотвращения враждебных актов со стороны наших

противников Соединенные Штаты, если потребуется, будут действовать превентивно». В цифрах эти «превентивные действия», предпринятые после окончания Второй мировой войны, выглядят следующим образом: США более 50 раз пытались свергнуть иностранные правительства, большинство из которых было избрано демократическим путем; грубо вмешивались в демократические выборы как минимум в 30 странах; совершили более 50 покушений на лидеров иностранных государств; бомбили население более чем 30 стран; пытались подавить народные или национально-освободительные движения в 20 странах [1].

Применительно к Советскому Союзу, а впоследствии и к России эпохи начального накопления капитала, импорт нашей страной «демократических ценностей» привел к «трагедии общенационального, прежде всего, гуманитарного характера. В результате распада СССР 25 миллионов этнических русских оказались за рубежом, помимо своей воли и, как у нас в народе говорят, в одночасье. Повторю свой тезис о том, что русский народ оказался самым большим разделенным народом в мире. И это, безусловно, трагедия» [4].

Призывы равняться на демократию своей главной целью преследуют усердное обслуживание интересов политических и финансовых элит Запада. Именно о них точно сказал американский политолог Майкл Паренти: «Целью этих элит является не могущество само по себе, а способность обеспечивать плутократический контроль над планетой, приватизировать и либерализовать экономики других стран мира, взваливать на плечи народов всех стран, включая Северную Америку, все прелести ничем неограниченного рыночного корпоративного капитализма. Борьба идет между теми, кто считает, что земля, труд, капитал, технологии и рынки всего мира должны использоваться исключительно для максимального наращивания капитала в интересах немногочисленного меньшинства, и теми, кто считает, что все это должно использоваться для общего блага и социально-экономического развития большинства».

Таким образом, можно констатировать неопровержимый факт, что на сегодняшний день противостояние и отставание национальных интересов происходит в информационном поле преимущественно на ценностном, идеологическом уровне. И финансовый кризис – это лишь одна из материальных форм проявления данного противостояния, в большей степени, его последствие. И в данной ситуации для России, как никогда, важной является консолидация общества вокруг национальной идеи, что позволит осуществить успешное решение экономических, социальных, политических и духовных проблем.

В контексте национальной идеи России цели миграционной политики должны соответствовать ее вектору и позволять достигать поставленных целей в демографическом развитии страны. Целевой направленностью миграционной политики России должны стать:

- 1) привлечение в Россию, в первую очередь, представителей ее титульных народов (соотечественников) на постоянное место жительства из государств нового зарубежья для замещения естественной убыли населения страны (сальдо миграции должно быть, как минимум, не меньше масштабов естественной убыли населения);
- 2) привлечение трудовых мигрантов из государств нового и старого зарубежья в отрасли и регионы в соответствии с экономическими и геополитическими интересами России (объемы трудовой миграции должны покрывать дефицит в трудовых ресурсах на рынке труда);
- 3) расселение внутрироссийских мигрантов и иммигрантов из числа соотечественников, а также закрепление постоянного населения в важных с геополитической точки зрения регионах страны (прежде всего, в приграничных районах Сибири и Дальнего Востока);
- 4) сокращение эмиграции из страны на постоянное место жительства за рубеж россиян, в том числе высококвалифицированных кадров [2].

Стратегию действий в сфере развития экономики и регулирования внешней трудовой миграции необходимо рассматривать в контексте общенациональной цели, под которой следует понимать безопасность и благополучие россиян, построение сильного и самостоятельного государства. Регулирование трудовой миграции должно быть тесно увязано с концепцией демографического развития страны, в том числе с необходимостью обеспечения ее социокультурной и геополитической безопасности.

Список литературы

1. Блум У. «Смертоносный экспорт Америки – демократия. Правда о внешней политике США и многом другом». – М.: «Кучково поле», 2014.
2. Фомин Н.Н. Структура и основные параметры социального демпинга как социального процесса: Дисс. ... канд. социол. наук. – М. 2010. – С. 48-133.

Интернет ресурсы

3. Российская Газета. Экономике России написали два сценария. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/01/13/scenariy-site.html> (Дата обращения: 02.11.2015).
4. Путин назвал распад СССР гуманитарной трагедией. – Режим доступа: <http://sobytiyamire.com/blog/43448093215/Putin-nazval-raspad-SSSR-gumanitarnoy-tragediey> (Дата обращения: 02.11.2015).

Шевченко Наталья Владимировна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры социальных технологий,
старший научный сотрудник лаборатории
исследования демографических процессов,
Белгородский государственный университет,
г. Белгород, Россия

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье проводится анализ демографической ситуации Белгородской области на современном этапе развития. Представлена характеристика динамики рождаемости, смертности и естественной убыли населения области. Проанализированы в динамике показатели смертности населения от большинства основных классов и отдельных причин смерти. Охарактеризована возрастно-половая структура населения области, проведен анализ демографической нагрузки на трудоспособное население области и анализ современных миграционных потоков.

Ключевые слова: демография, рождаемость, смертность, естественный прирост, миграция, регион, Белгородская область.

E-mail: Nshevchenko@bsu.edu.ru

Shevchenko Natalia V.,
PhD of Economic Sciences,
Associate Professor of the department of Social Technologies,
Senior research fellow at the laboratory of
Studies of demographic processes,
Belgorod State University,
Belgorod, Russia

FEATURES OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT BELGOROD REGION

In article the analysis of a demographic situation of the Belgorod region at the present stage of development is carried out. The characteristic of dynamics of birth rate, mortality and natural losses of the population of area is submitted. Indicators of mortality of the population from the majority of the main classes and separate causes of death are analysed in dynamics. The age and sexual structure of the population of area is characterized, the analysis of demographic load of able-bodied population of area and the analysis of modern migratory streams is carried out.

Keywords: demography, birth rate, mortality, natural increase, migration, region, Belgorod region.

E-mail: Nshevchenko@bsu.edu.ru

Современная демографическая ситуация на территории Белгородской области характеризуется позитивными изменениями в динамике процессов естественного движения населения: растет рождаемость, снижаются показатели смертности населения и естественной убыли. В миграционных процессах, происходящих на территории области, сохраняется положительное сальдо миграции.

На сегодняшний день область остается одним из немногих субъектов РФ и в Центральном федеральном округе, численность населения которого продолжает расти (рис. 1).

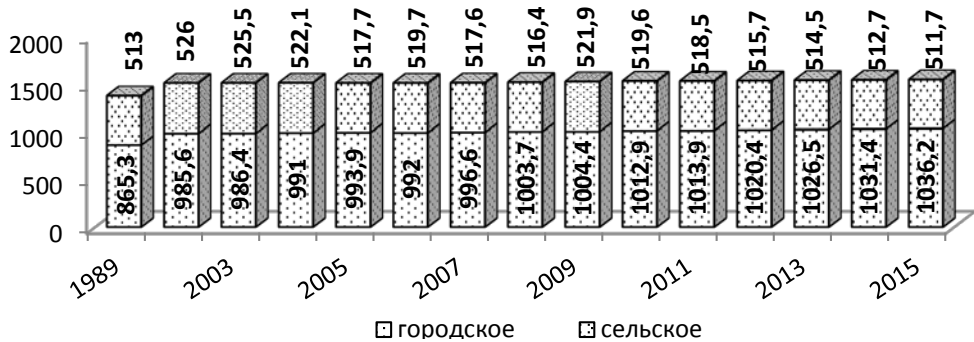

Рис. 1. Динамика численности населения Белгородской области, тыс. человек

Общая численность населения Белгородской области, по оценке Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Белгородской области, на 01 января 2015 года составила 1547,8 тыс. человек и увеличилась по сравнению с 2014 годом на 3,7 тыс. человек, или на 0,2% [3]. На формирование и изменение численности населения области непосредственное влияние оказывают процессы естественного движения и миграции. Динамика процессов естественного движения населения в последние годы характеризуется позитивными тенденциями, вследствие чего негативное влияние естественной убыли на изменение численности снижается, а эффективность влияния на нее миграционного прироста увеличивается. Сегодня показатели рождаемости в области продолжают расти, в 2014 г. число родившихся составило 17848 человек, общий коэффициент рождаемости составил 11,5 на 1000 человек населения. По сравнению с 2010 г. число родившихся увеличилось на 1213 детей, общий коэффициент рождаемости – на 5,5%. По сравнению с 1999 г. (периодом самой низкой рождаемости) в 2014 г. в области родилось детей в 1,6 раза больше, общий коэффициент рождаемости вырос на 43,8 % (рис. 2).

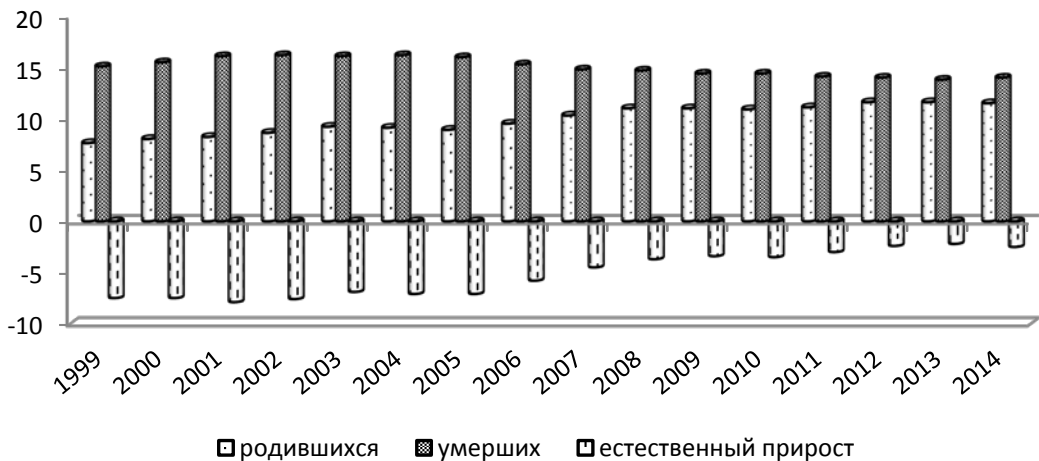

Рис. 2. Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста населения Белгородской области (на 1000 человек населения)

Суммарный коэффициент рождаемости продолжает расти. В городской местности суммарный коэффициент рождаемости составил 1,418 рождений на 1 женщину фертильного возраста, в сельской – 1,773. Превышение рождаемости в сельской местности над городской составило 25%. Население области воспроизводится сегодня на 70% [1. С. 15]. Увеличение числа родившихся по сравнению с 2013 годом отмечается на территории Старооскольского городского округа – на 37 детей, а также в 10 муниципальных районах, из них наибольшее: в г. Валуйки и Валуйском районе – на 74 ребенка, Яковлевском – на 53 ребенка, Алексеевском районе и г. Алексеевка – на 22 ребенка, Корочанском, Ракитянском и Чернянском – на 15 детей в каждом [3].

Динамика показателей смертности сегодня продолжает формироваться в соответствии с позитивными тенденциями в демографических процессах последних лет. Число умерших за 2014 год составило 21641 человек и увеличилось по сравнению с 2013 годом на 262 человека, или на 1,2%. Общий коэффициент смертности составил 14,0 умерших на 1000 человек населения против 13,9 – в 2013 году (рис. 2). Имеющий место рост показателей смертности населения в 2014 году является следствием изменений в возрастной структуре населения, наблюдавшихся на территории области на протяжении последних лет, и связанных с накоплением доли лиц пожилых возрастов в структуре населения. Так, с 2000 по 2014 год число лиц старше трудоспособного возраста увеличилось в области на 42 тыс. человек, или почти на 12% и составило на 1 января 2014 года 393,9 тыс. человек, или 25,5% в возрастной структуре населения области. По предварительным данным доля лиц старше трудоспособного возраста в возрастной структуре умерших выросла по сравнению с 2013 годом на 1,5 процентного пункта и составила в 2014 году почти 80% [3]. Следует отметить снижение показателей смертности по сравнению с 2013 годом отмечается на территории городского округа г. Белгород, а также в 7 муниципальных районах: в Борисовском, г. Валуйки и Валуйском районе, Волоконовском, Красненском, Краснояружском, Новооскольском и в Яковлевском.

На протяжении 2014 года на территории области сохранялась тенденция снижения в динамике показателей смертности населения от большинства основных классов и отдельных причин смерти. В 2014 году по сравнению с 2013 годом в области снизились коэффициенты смертности населения от болезней системы кровообращения – на 12,9%, новообразований – на 10,7%, некоторых инфекционных и паразитарных болезней – на 8,5% и болезней органов дыхания – на 6,3%. Вместе с тем, болезни системы кровообращения и новообразования остаются основными причинами смертности населения области – 760,8 и 190,6 умерших на 100 тыс. населения, т.к. в большинстве своем они присущи пожилым людям. На третьей позиции смертность населения от внешних причин – 99,4 умерших на 100 тыс. населения. Среди внешних причин смерти по сравнению с 2013 годом отмечается снижение коэффициентов смертности от убийств – на 14%, случайных отравлений алкоголем – на 5,3% и самоубийств – на 4,7%. Коэффициент смертности от всех видов транспортных несчастных случаев вырос по сравнению с 2013 годом на 7%, в том числе от дорожно-транспортных происшествий – на 10,9%. Кроме того, население области чаще, чем от других болезней, умирало в прошедшем году от болезней органов пищеварения (49,7 умерших на 100 тыс. населения) и болезней органов дыхания (45,9 умерших на 100 тыс. населения). Коэффициент смертности населения от туберкулеза, сложившийся в области в 2013 году, являлся самым низким среди субъектов РФ. В 2014 году он продолжал снижаться и составил 1,8 умерших на 100 тыс. населения против 1,9 – в 2013 году [3].

Сохраняющиеся положительные тенденции в динамике рождаемости и смертности продолжают оказывать позитивное влияние на масштабы естественной убыли населения. Естественная убыль населения, сложившаяся вследствие превышения числа умерших над числом родившихся, составила 3819 человек, что на 323 человека больше по сравнению с 2013 годом. Коэффициент естественной убыли населения составил 2,4 на 1000 человек населения (рис.

2). Снижение естественной убыли населения по сравнению с 2013 годом отмечается в Старооскольском городском округе и в 6 муниципальных районах: Борисовском, г. Валуйки и Валуйском районе, Красненском, Краснояружском, Новооскольском и в Яковлевском. Естественный прирост населения сложился в 2014 году в городском округе г. Белгород (266 человек), в Белгородском муниципальном районе (68 человек), а также в городах: Старый Оскол (261 человек), Алексеевка (59 человек), Строитель (35 человек) и в поселках городского типа: Северный (73 человека), Ровеньки (51 человек), Разумное (24 человека) и Ивня (9 человек) [3].

Возрастно-половая структура населения формируется на протяжении длительного времени и является, в свою очередь, одним из показателей, характеризующих репродуктивный потенциал населения, реализация которого во многом обусловлена социально-экономическими предпосылками. Длительное время на территории области благоприятным для рождаемости оставался фактор роста числа женщин детородных возрастов (15-49 лет). Сегодня сохраняется, обозначившаяся в последний межпереписной период, тенденция снижения численности женщин детородных возрастов. За время, прошедшее после Всероссийской переписи населения 2010г., общее число женщин детородных возрастов (15-49 лет) на 3,2% по состоянию на 1 января 2014 г. составило 376444 человек [1. С.14].

Тенденции последних лет сохраняются и в динамике интенсивности рождений: удельный вес первенцев, в общем числе родившихся продолжает сокращаться (в 2012г. – 50,5%, в 2010г. – 53,5%). Доля повторных рождений соответственно растет. В 2012г. она составила: вторых – 37,8%, третьих – 8,7%, четвертых и более детей – 3%. Вследствие роста интенсивности рождений в 2012г. роженицей стала каждая 22-я женщина фертильного возраста. Сохраняется тенденция роста показателей рождаемости у матерей старших возрастов, и как следствие – увеличение среднего возраста матери при рождении ребенка. В 2012г. доля родившихся у женщин в возрасте 25-29 лет составила 34,7% от общего числа родившихся, в возрасте 30-34 лет – 21,2%, 35-39 лет – 8,7%. По сравнению с 2010г. доля родившихся у женщин указанных возрастных групп выросла соответственно на 2, 2,1, 0,9 процентного пункта. Средний возраст матери при рождении ребенка в 2012г. составил 27,6 года против 27,3 года в 2010г [1. С.16].

Численность детей и подростков в возрасте 0-17 лет в последний межпереписной период продолжала снижаться. По данным ВПН-2010 она составила 265,3 тыс. человек и сократилась по сравнению с итогами ВПН-2002 на 53,3 тыс. человек (на 16,7%). Доля их в общей численности населения области уменьшилась с 21,1% в 2002 году до 17,3% в 2010 году [2. С. 8].

Изменение численности основных возрастных групп населения обусловлено как характером текущих процессов воспроизводства, так и динамикой перераспределения, то есть перехода отдельных поколений из одной возрастной группы в другую (рис. 3).

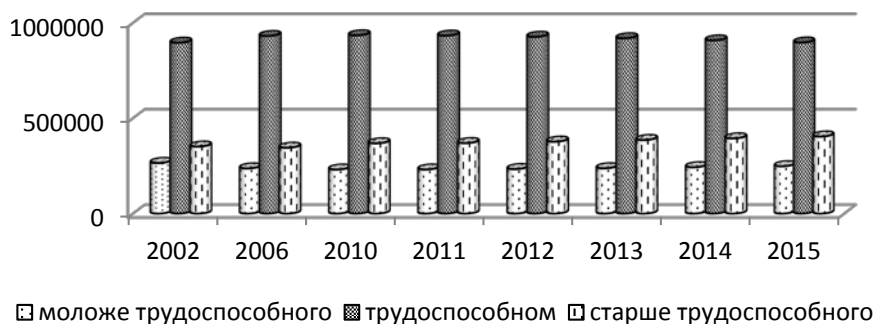

Рис. 3. Динамика численности населения Белгородской области по основным возрастным группам

Продолжающийся процесс демографического старения населения привел к увеличению численности населения старше трудоспособного возраста. Абсолютная численность лиц пенсионного возраста зависит, прежде всего, от численности лиц, вступающих в эту возрастную группу. В последний межпереписной период 2002-2010 годов пожилое население области пополнялось за счет вхождения в эту возрастную группу многочисленных поколений родившихся послевоенных лет (1940-1950-х годов XX века), выходили из этой группы малочисленные поколения родившихся в довоенные годы XX века. Кроме этого, на динамику численности лиц пенсионного возраста все заметнее оказывает влияние снижающийся уровень смертности населения старших возрастов.

Происходящие изменения в возрастном составе населения оказывают непосредственное влияние на динамику показателя демографической нагрузки. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года зафиксировали самую высокую долю населения в трудоспособном возрасте за всю историю российских переписей и самый низкий показатель демографической нагрузки. По данным ВПН-2010 на 1000 человек трудоспособного возраста в области пришлось 640 человек нетрудоспособного возраста против 688 человек в 2002 году и 846 в 1989 году, вследствие резкого снижения нагрузки детьми и подростками в возрасте 0-15 лет [2. С.9]. После ВПН-2010 показатели демографической нагрузки снова стали расти. По данным на 1 января 2012 года на 1000 человек трудоспособного возраста в области пришлось уже 658 человек нетрудоспособного возраста, как за счет незначительного роста нагрузки детьми, так и за счет существенного увеличения нагрузки лицами пенсионного возраста (рис. 4).

Состояние бракоразводной ситуации оказывает прямое влияние на показатели рождаемости, так как и сегодня, функция воспроизводства населения в значительной степени сохраняется за семьей. Число заключенных браков в 2014 году составило 13207 пар и снизилось по сравнению с 2013 годом на 2%, или на 269 пар. Число разводов составило 7654 пары и уменьшилось на 0,8%, или на 64 пары по сравнению с 2013 годом. На 1000 браков в 2014 году пришлось 580 разводов против 573 – в 2013 году [3].

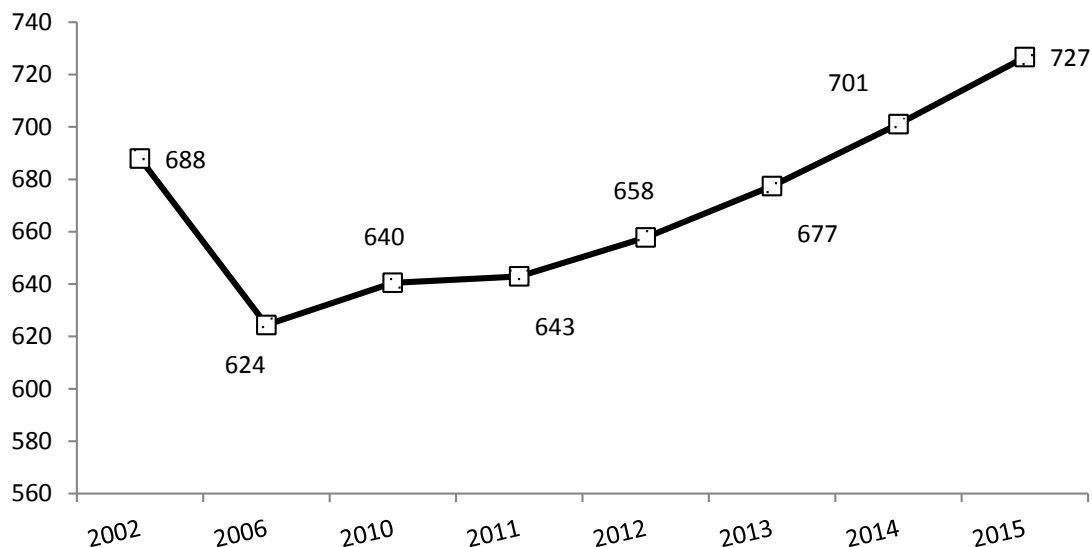

Рис. 4. Коэффициент демографической нагрузки (на 1000 человек трудоспособного возраста приходится нетрудоспособных, человек)

В условиях сложившейся естественной убыли населения единственным ресурсом сохранения и роста численности населения области становится миграционный прирост. Сегодня, несмотря на изменение характеристик миграции, ее масштабов, направлений и интенсивности, по-прежнему сохраняется положительное миграционное сальдо. Сложившийся за 2014 год миграционный прирост населения составил по области 7591 человек, что на 1025 человек, или на 15,6% больше, чем за 2013 год. Сохраняющийся в области миграционный прирост является следствием миграционного обмена со странами СНГ и субъектами России. Миграционный прирост за счет обмена населением со странами СНГ составил 7007 человек. По сравнению с 2013 годом он вырос на 3568 человек, или в 2 раза, что стало следствием увеличения миграционного прироста в обмене населением с Украиной – в 3,6 раза, Казахстаном – в 1,4 раза, Азербайджаном – в 1,3 раза. Наибольший миграционный прирост по-прежнему сохраняется в обмене населением с Украиной, Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, Республикой Молдова и Арменией: его суммарная величина составила 6878 человек, или 98,2% прироста международной миграции [3].

Сложившийся за 2014 год миграционный прирост межрегиональной миграции снизился по сравнению с 2013 годом на 2438 человек, или в 5,2 раза и составил 586 человек. Вместе с тем, несмотря на снижение, наибольший миграционный прирост отмечен в обмене населением с субъектами Дальневосточного (1268 человек), Уральского (955 человек) и Сибирского (736 человек) федеральных округов. Отрицательное сальдо миграции сохраняется в обмене населением с субъектами Центрального (2738 человек) и Южного (75 человек) федеральных округов.

В миграционном обмене с другими зарубежными странами миграционный прирост, имевший место в 2013 году, в 2014 году сменился миграционной убылью, составившей 2 человека. Мигранты, прибывающие в область из регионов России, стран СНГ и других зарубежных стран в большинстве своем селятся в городской местности, а также в сельских населенных пунктах районов, близко расположенных к крупным городам. Вследствие этого, наибольший миграционный прирост населения в 2014 году сложился в городских округах: г. Белгород – 4654 человека и Старооскольском – 827 человек, а также в муниципальных районах: Корочанском – 715 человек, Белгородском – 570 человек, Грайворонском – 544 человека, Ракитянском – 416 человек, г. Валуйки и Валуйском районе – 370 человек, Новооскольском – 340 человек, Борисовском – 290 человек, Яковлевском – 210 человек и в Шебекинском районе и г. Шебекино – 155 человек [1]. Миграционная убыль населения отмечается на территории Губкинского городского округа (288 человек) и 8 муниципальных районов, среди которых наибольшая: в Алексеевском районе и г. Алексеевка (613 человек), Прохоровском (275 человек), Вейделевском (139 человек), Ивнянском (104 человека) и в Чернянском (100 человек).

Несмотря на положительную динамику показателей общей численности населения, проблема демографического развития области заключается в том, что возрастно-половой дисбаланс в структуре населения сохраняется. Уже в ближайшей перспективе волнообразная динамика изменения численности различных возрастных контингентов существенным образом может повлиять на проведение экономической и социальной политики. Постоянная смена многочисленных поколений малочисленными создает дополнительное напряжение в обществе. Социальная инфраструктура будет работать с разной нагрузкой, требуя то расширения, то сворачивания различных учреждений.

Малочисленные поколения, в отличие от многочисленных поколений, имеют определенные привилегии; лучше обеспечены работой; социальной инфраструктурой; испытывают меньшую конкуренцию при поступлении в высшие учебные заведения и др. Вместе с тем снижение численности населения в трудоспособных возрастах в дальнейшем может привести к нехватке трудовых ресурсов. Проблема еще в старении рабочей силы, которое отразится на ее способности воспринимать инновации в мире технологий. Сокращение численности детей

и подростков, вследствие вхождения в репродуктивный возраст малочисленных поколений, родившихся в 1990-е годы XX века, потребуют новых более эффективных мер, направленных на повышение рождаемости. Дальнейшее развитие получит процесс демографического старения населения. Уже в ближайшей перспективе пожилые люди составят значительную часть нашего общества, к тому же наименее социально защищенную. Потребуется совершенствование системы медицинского обеспечения, в том числе принятие мер по укреплению здоровья и обслуживанию лиц пожилого возраста, нуждающихся в постоянной помощи и уходе.

Сложившаяся демографическая ситуация требует определенных политических и экономических решений со стороны органов государственного управления и власти, направленной на:

- снижение уровня смертности населения, в первую очередь среди детей, подростков и лиц трудоспособного возраста, путем совершенствования профилактической и лечебно-диагностической помощи для сохранения репродуктивного здоровья;
- увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения, со снижением заболеваемости, профилактикой травматизма и отравлений;
- повышение рождаемости за счет роста числа рождений вторых и последующих детей;
- укрепление института семьи и брака, значимости семейных ценностей, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений, формирование ориентации на вступление в брак;
- нормализация миграционного притока, повышение уровня его регулирования, оптимизация половозрастной структуры населения городских и сельских поселений и сбалансированного демографического развития территорий.

Список литературы

1. Демографическая ситуация в Белгородской области: прошлое, настоящее, будущее: Аналитическая записка / Белгородстат. – Белгород, 2013. – 36 с.
2. О возрастно-половом составе населения Белгородской области, Аналит. зап./ Белгородстат. – Белгород, 2013. – 50 с.

Интернет источники

3. Демографическая ситуация в Белгородской области за 2014 год. – Режим доступа: <http://belg.gks.ru> (Дата обращения: 02.11.2015).

Шинкарёва Ольга Владимировна,
кандидат экономических наук, доцент,
Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Россия

АНАЛИЗ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ МЕСТАМИ В ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ И ПРИЧИН ИХ НЕПОСЕЩЕНИЯ В РАЗРЕЗЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ

Статья посвящена анализу обеспеченности населения Российской Федерации местами в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по программам дошкольного образования, присмотру и уходу за детьми в разрезе федеральных округов. На основе анализа отдельных показателей Комплексного наблюдения условий жизни населения выявляются причины, по которым дети не посещают дошкольные образовательные учреждения, и делается вывод о недостатках в данной области в каждом федеральном округе.

Ключевые слова: рождаемость, демографический прогноз, демографическая политика, демографические тенденции, дошкольное образование, детский сад, места в детских образовательных учреждениях, Росстат, Комплексное наблюдение условий жизни населения, федеральный округ.

E-mail: shinkareva_ol@mail.ru

Shinkareva Olga V.,
PhD of Economic Sciences, docent,
Moscow City Teacher Training University, Moscow, Russia

THE ANALYSIS OF PROVISION WITH PLACES IN PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF RUSSIA AND REASONS FOR THEIR NON-ATTENDANCE IN THE CONTEXT OF FEDERAL DISTRICTS

The article is devoted to the analysis of population security by places in the organizations which are carrying out educational activities for programs of preschool education, supervision and care of children in a section of federal districts. On the basis of the analysis of Complex supervision of population living conditions the reasons for which children do not visit preschool educational institutions are established, and the conclusion about shortcomings in the field of each federal district is drawn.

Keywords: birth rate, a population forecast, population policy, demographic tendencies, preschool education, kindergarten, places in child care educational institutions, Rosstat, Complex supervision of population living conditions, the federal district.

E-mail: shinkareva_ol@mail.ru

Одной из основных задач в области демографии в нашей стране является задача увеличения рождаемости. Президент России Владимир Путин отмечает, что «необходимо сделать все, чтобы семья с тремя и большим количеством детей в России стала нормой» [3]. Только увеличение рождаемости позволит нашей стране избежать значительного сокращения численности населения, что видно из демографического прогноза численности населения Российской Федерации до 2051 года, разработанного Федеральной службой государственной статистики. Данный прогноз представлен в 3 вариантах:

- 1) низкий вариант – основан на экстраполяции существующих демографических тенденций, и предполагает снижение общей численности населения России до 128,4 миллиона человек к 2051 году;
- 2) высокий вариант – является нормативным и ориентирован на достижение целей, определенных в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года и прогнозирует численность населения нашей страны в размере 159 миллионов человек к 2051 году;
- 3) средний вариант – в нем учтены сложившиеся демографические тенденции и принимаемые меры демографической политики.

Средний вариант прогноза признается Росстатом наиболее реалистичным. Согласно ему, население Российской Федерации к 2051 году должно составлять 146,4 миллиона человек [2]. Для того, чтобы достичь данного показателя, прогноз предполагает плавное повышение суммарного коэффициента рождаемости с 1,768 в 2015 году до 1,965 к 2050 году [2]. Таким образом, одним из актуальнейших аспектов демографической политики Российской Федерации в настоящее время является вопрос мотивации населения к рождению детей. Очень важным в данном вопросе является проблема доступности организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми – детских садов. Ведь невозможность отдать ребенка в сад практически всегда приводит к невозможности работы одного из родителей, ухудшая тем самым материальное положение семьи, и может служить одной из основных причин отказа от рождения последующих детей. Это понимает и руководство нашей страны, в частности, В. Путин отмечает, что «при поддержке рождаемости следует развивать всю необходимую инфраструктуру – детские сады, школы, кружки, педиатрическую помощь» [3].

В России численность воспитанников в дошкольных образовательных организациях за период с 2000 года постоянно растет и по состоянию на 2013 год составляет 6 347,3 тысячи человек [5]. Тем не менее данных учреждений не хватает: по данным Росстата, на начало 2014 года 2 717,6 тыс. детей стоят на учете для определения в дошкольные образовательные организации [1. С. 138]. В связи с этим цель исследования – проанализировать обеспеченность местами в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по программам дошкольного образования, присмотру и уходу за детьми в разрезе федеральных округов, и выявить наиболее важные причины непосещения детьми садов в каждом федеральном округе.

Рассмотрим численность детей, приходящихся на 100 мест в детских образовательных учреждениях, согласно Росстату (рис. 1) [6].

Как видно из рисунка, количество детей превышает имеющиеся места в учреждениях: наименьшая нехватка мест приходится на 2008, 2012 и 2013 годы (по 105 человек на 100 мест), наибольшая – на 2010 год (107 человек на 100 мест). При этом нехватка мест в разрезе Федеральных округов неравномерная (рис. 2) [6].

Видна неравномерность в обеспеченности населения детскими садами: наименьшая их нехватка – в Северо-Западном и Центральном Федеральных округах (101 и 102 человека на 100 мест соответственно), наивысшая – в Южном и Северо-Кавказском Федеральном округах (114 и 117 человека на 100 мест соответственно). Последний факт частично можно объяснить высокой рождаемостью в данных округах, превышающей темпы возведения новых детских садов. При том следует отметить, что количество мест в детских садах не является единственным показателем, на который следует ориентироваться, определяя варианты открытия новых учреждений исходя из демографической ситуации. Необходимо оценивать и потребности людей в детских садах, для чего следует проанализировать причины, по которым ребенка не отдают в сад.

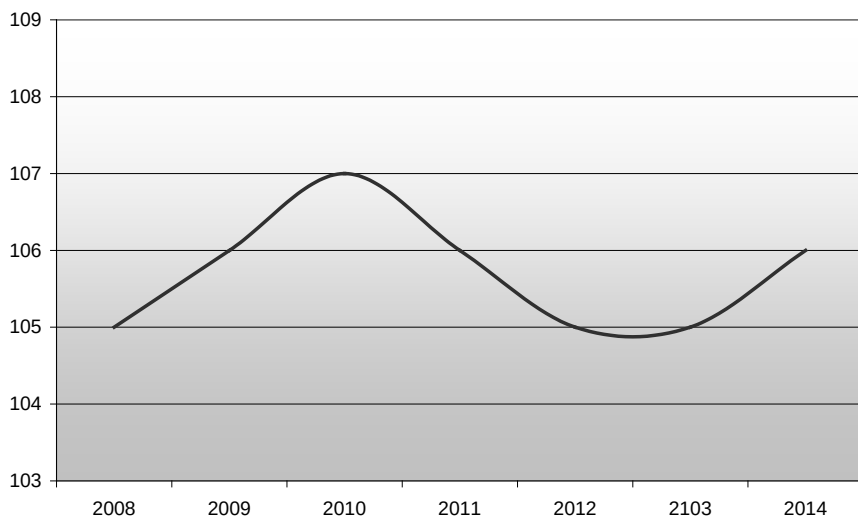

Рис. 1. Численность детей, приходящихся на 100 мест в детских образовательных учреждениях Российской Федерации

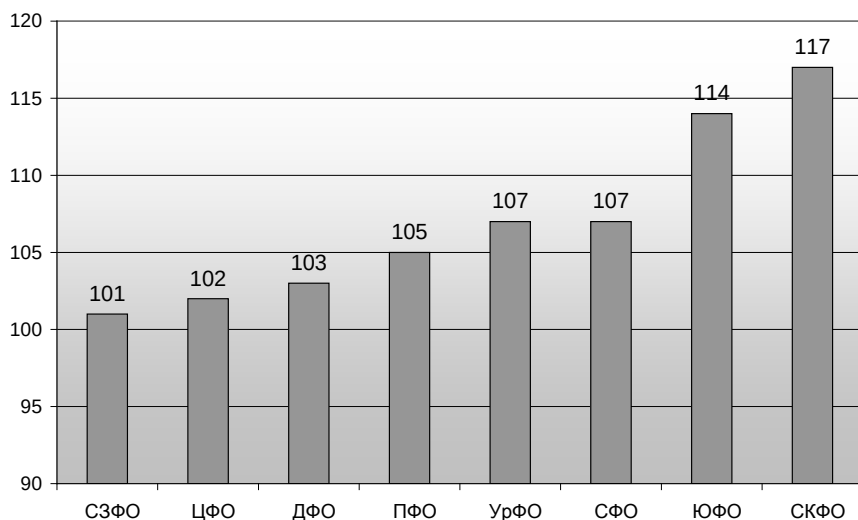

Рис. 2. Численность детей в 2014 году, приходящихся на 100 мест в детских образовательных учреждениях, в разрезе федеральных округов Российской Федерации (без Крымского федерального округа),

Федеральной службой государственной статистики было проведено Комплексное наблюдение условий жизни населения в целях получения статистической информации, отражающей фактические условия жизнедеятельности российских семей и их потребности в обеспечении безопасной и благоприятной среды обитания, здорового образа жизни, воспитании и развитии детей, в повышении трудовой, профессиональной и социальной мобильности, улучшении жилищных условий, установлении и развитии социокультурных связей. В нем исследованы и причины непосещения детских садов (рис. 3) [4].

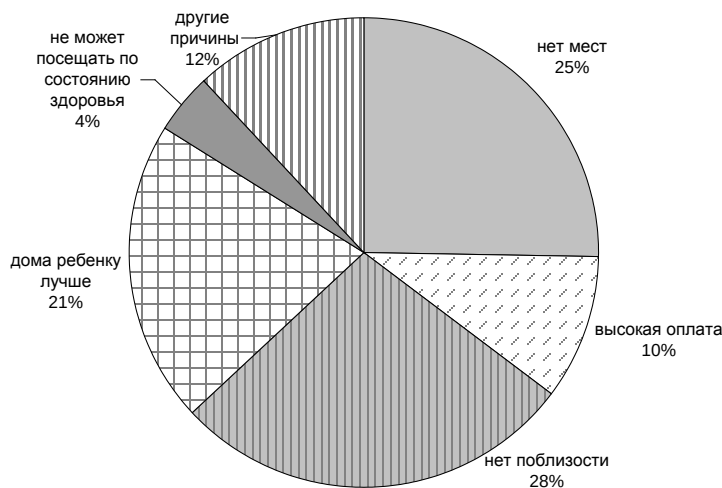

Рис. 3. Распределение детей в возрасте 3 – 6 лет по причинам непосещения дошкольного образовательного учреждения (в % к общему числу детей в соответствующем возрасте, не посещающих дошкольное образовательное учреждение), в 2011 году

Из приведенной диаграммы видно, что в 2011 году только 21% детей из числа не посещающих детский сад, делают это по желанию родителей, которые считают, что дома ребенку лучше. Остальные 79% родителей хотели бы отдать своих детей в детский сад, но не имели на это возможности по каким-либо причинам, наиболее частыми из которых являлась нехватка мест в садах (25%) или отсутствие поблизости детского учреждения (28%). В 2014 году ситуация уже изменилась (рис. 4).

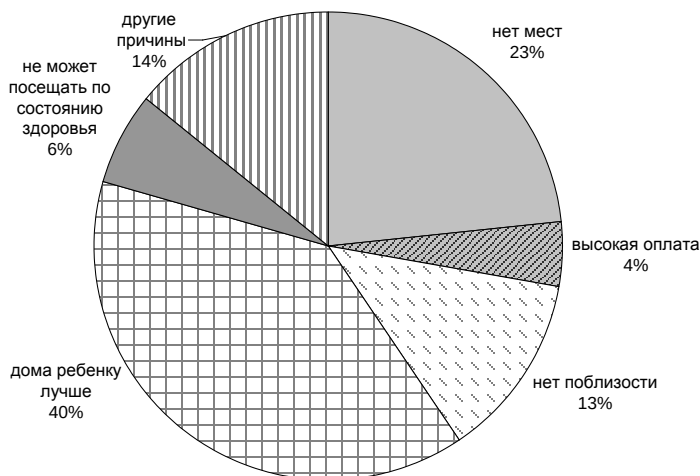

Рис. 4. Распределение детей в возрасте 3 – 6 лет по причинам непосещения дошкольного образовательного учреждения (в % к общему числу детей в соответствующем возрасте, не посещающих дошкольное образовательное учреждение), в 2014 году

Из приведенной диаграммы видны положительные тенденции: доступность детских садов (доля респондентов, чьи дети не посещают детский сад из-за его отсутствия поблизости, снизилась с 28% до 13%), а доля детей, не посещающих сады по желанию родителей, выросла почти в 2 раза до 40%, повысилась. Еще одна положительная тенденция – снижение доли респондентов, чьи дети не посещают детский сад по причине высокой оплаты (с 10% в 2011 году до 4% в 2014 году).

Рассмотрим более подробно причины, заставляющие родителей не отдавать детей в учреждения, занимающиеся присмотром и уходом за детьми, в 2014 году. Сначала рассмотрим такую причину, как убеждение родителей, что их детям лучше дома, чем в детском саду. Данная причина дает нам наглядное представление о наиболее «благополучных» и «неблагополучных» федеральных округах – чем выше доля респондентов, оставляющих детей дома по своему желанию, тем, соответственно, меньше доля тех, кто хотел бы отдать своего ребенка в детский сад, но не имеет возможности. На рисунке 5 отражена доля респондентов, не отдающих своих детей в детские сады по желанию родителей, в разрезе федеральных округов [4].

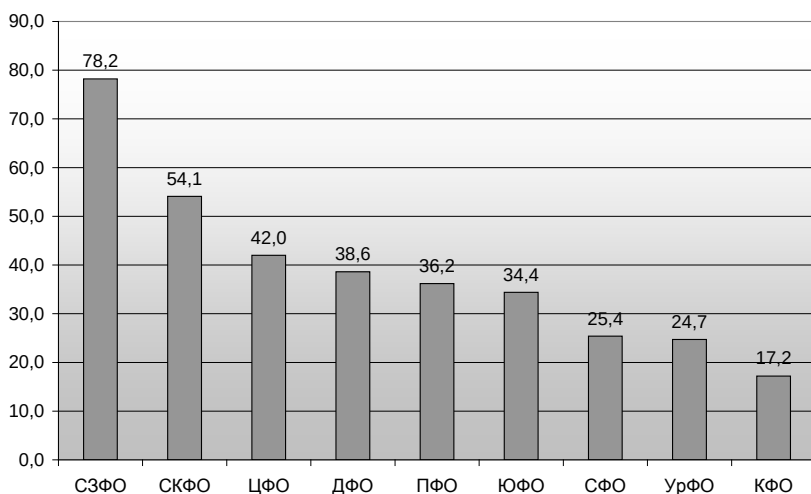

Рис. 5. Непосещение организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотру и уходу за детьми по причине убеждений родителей (в % к общему числу детей в соответствующем возрасте, не посещающих дошкольное образовательное учреждение)

Сравнивая данные со среднероссийским показателем (40%), следует отметить, что выше него только Северо-Западный, Северо-Кавказский и Центральный федеральные округа. Наиболее благополучным можно признать Северо-Западный федеральный округ (78,2% родителей не отдают ребенка в сад по личным соображениям), наименее благополучными – Северный (25,4%), Уральский (24,7%) и Крымский федеральные округа (17,2%).

Перейдем к анализу такой причины, как отсутствие мест в детских садах (рис. 6) [4].

Наиболее благополучным в этом плане также является Северо-Западный федеральный округ – только 7,9 респондентов ответили, что не отдают детей в сад из-за нехватки мест. Ниже среднероссийского (23%) показателя Центрального и Северо-Кавказского федеральных округов. Наименее благополучная ситуация – в Северном и Уральском федеральных округах (34,7% и 38,9% соответственно) [4]. По данному пункту показатели федеральных округов, за исключением Крымского, ниже или чуть выше среднероссийского (13%).

Наиболее благополучные – Уральский и Северо-Кавказский федеральные округа, очень тяжелая ситуация – в Крымском федеральном округе – более половины респондентов не могут отдать ребенка в сад по причине его отсутствия поблизости.

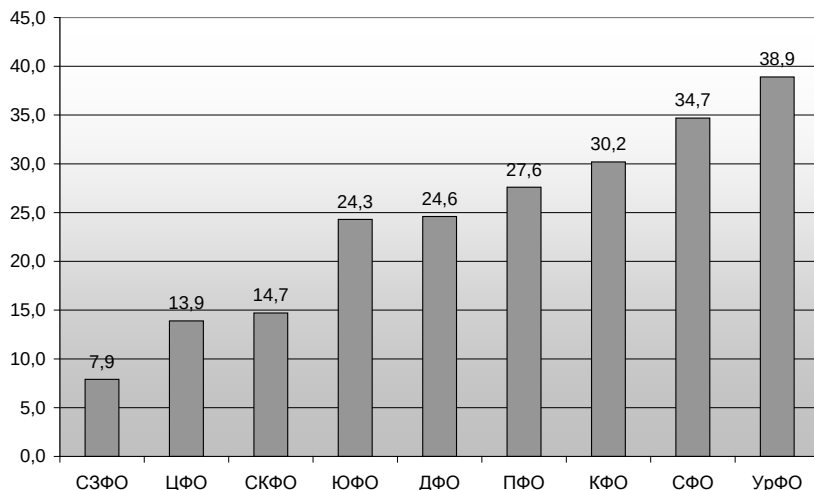

Рис. 6. Непосещение организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотру и уходу за детьми по причине отсутствия в них мест (в % к общему числу детей в соответствующем возрасте, не посещающих дошкольное образовательное учреждение)

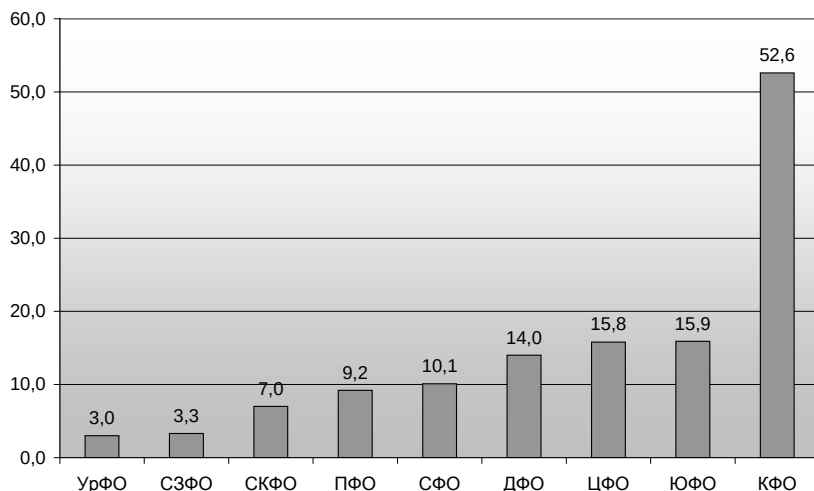

Рис. 7. Непосещение организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотру и уходу за детьми по причине их отсутствия поблизости (в % к общему числу детей в соответствующем возрасте, не посещающих дошкольное образовательное учреждение)

Перейдем к такой причине, как невозможность посещать детские учреждения по состоянию здоровья (рис. 8) [4].

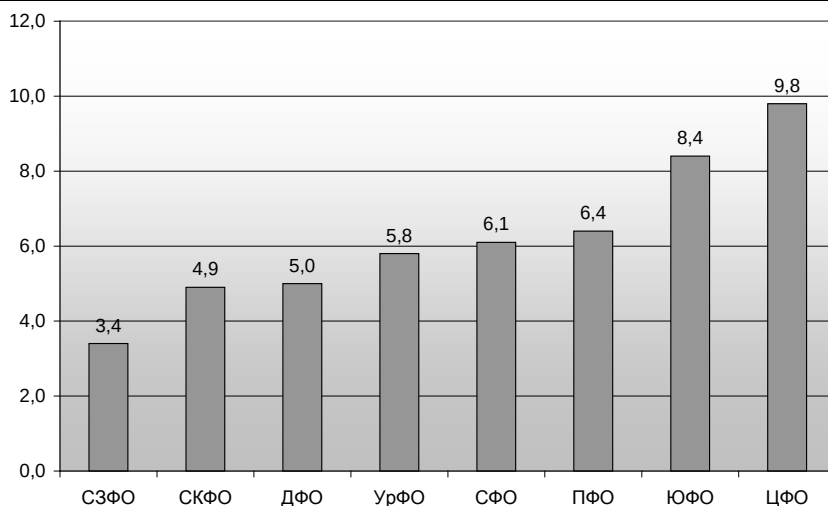

Рис. 8. Непосещение организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотру и уходу за детьми по состоянию здоровья (в % к общему числу детей в соответствующем возрасте, не посещающих дошкольное образовательное учреждение)

Наиболее «здоровым» является Северо-Западный федеральный округ, наиболее тяжелая ситуация – в Южном и Центральном округах – значительное число респондентов (8,4% и 9,8% соответственно) ответили, что их дети не посещают сад по состоянию здоровья. По Крымскому федеральному округу данный аспект не рассмотрен Росстатом.

Еще одна рассматриваемая нами причина – высокая оплата – занимает последнее место в числе причин, по которым детей не отдают в сад. Однако в разрезе округов цифры значительно разнятся (рис. 9) [4].

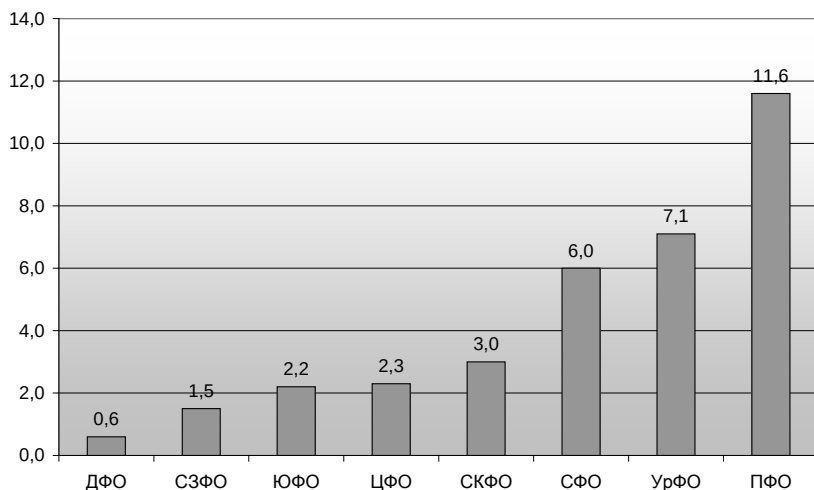

Рис. 9. Непосещение организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотру и уходу за детьми, из-за высокой оплаты (в % к общему числу детей в соответствующем возрасте, не посещающих дошкольное образовательное учреждение)

Наибольшие финансовые возможности платить за детский сад имеют родители в Дальневосточном федеральном округе (только 0,6% отметили невозможность ребенка посещать учреждения по данной причине), при этом в Приволжском федеральном округе данная причина занимает значительный удельный вес – 11,6%. По Крымскому федеральному округу данный аспект не рассмотрен Росстатом.

Таким образом, анализируя вышесказанное, следует отметить, что наиболее благополучная ситуация с доступностью детских садов для населения в настоящее время сложилась в Северо-Западном округе – он является лидером практически по всем показателям. Более-менее благополучная ситуация сложилась и в Северо-Кавказском округе: несмотря на то, что обеспеченность детскими садами в нем наименьшая по России, значительная часть населения не отдает детей в сад из личных побуждений, а все «негативные» причины непосещения детских садов ниже среднероссийских показателей.

В остальных федеральных округах на основе проведенного анализа выявлены следующие недостатки:

- в Центральном – отсутствие поблизости детских садов и слабое здоровье значительной части детей;
- в Дальневосточном – отсутствие поблизости детских садов;
- в Приволжском – нехватка мест в детских садах и высокая для значительной части родителей оплата за них;
- в Южном – нехватка мест в детских садах, отсутствие данных учреждений вблизи мест проживания для большей части населения, а также слабое здоровье значительной части детей;
- в Северном – нехватка мест в детских садах и высокая для значительной части родителей оплата за них;
- в Уральском – нехватка мест в детских садах и высокая для значительной части родителей оплата за них;
- в Крымском – нехватка мест в детских садах, а также отсутствие данных учреждений вблизи мест проживания для значительной части населения.

По нашему мнению, на вышеперечисленные аспекты следует обратить особое внимание при реализации государственной политики в области дошкольного образования.

Список литературы

1. Россия в цифрах. 2015: Краткий стат. сб. – Москва: Росстат, 2015. – 543 с.

Интернет источники

2. Демографический ежегодник России. 2014: Стат. сб. – Москва: Росстат, 2014. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_16/Main.htm (Дата обращения: 24.10.2015).
3. Путин считает выполнимой задачу увеличения рождаемости в стране / ИТАР-ТАСС. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/11716265/> (Дата обращения: 23.10.2015).
4. Распределение детей в возрасте 3 – 6 лет по причинам непосещения дошкольного образовательного учреждения. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (Дата обращения: 24.10.2015).
5. Численность детей в дошкольных образовательных учреждениях. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/# (Дата обращения: 24.10.2015).
6. Численность детей, приходящихся на 100 мест в дошкольных образовательных учреждениях. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (Дата обращения: 24.10.2015).

Шкиперова Галина Тимофеевна,
кандидат экономических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела
«Моделирования и прогнозирования регионального развития»
Института экономики Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия
Молчанова Екатерина Владимировна,
доктор экономических наук, кандидат технических наук,
старший научный сотрудник отдела
«Моделирования и прогнозирования регионального развития»
Института экономики Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

(Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), грант № 13-06-98803_p_север_a)

В статье предлагается методика оценки медико-демографических и социально-экономических показателей регионального развития. Основу методики составляет комплекс экономико-математических методов (алгоритм построения рейтинговых оценок и множественный регрессионный анализ), которые программно реализованы на языке R. Полученные результаты позволяют прогнозировать и разрабатывать сценарные условия влияния развития экономики республики на окружающую среду и состояние здоровья населения.

Ключевые слова: демография, экология, ожидаемая продолжительность предстоящей жизни, смертность, регион, моделирование, социально-экономические процессы.

E-mail: shkiperova@mail.ru; molch@yandex.ru

Shkiperova Galina T.,
PhD of Economic Sciences, docent,
Senior researcher of the department of
«Modelling and forecasting of regional development»,
Institute of economics Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk, Russia
Molchanova Ekaterina V.,
Doctor of Economic Sciences, PhD of Technical Sciences,
Senior researcher of the department of
«Modelling and forecasting of regional development»,
Institute of economics Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk, Russia

METHODOLOGY OF ASSESSMENT DEMOGRAPHIC AND SOCIO-ECONOMIC TRENDS OF REGIONAL DEVELOPMENT (ON EXAMPLE OF REPUBLIC KARELIA)

(The work was supported by the Russian Foundation for basic research (RFBR), grant № 13-06-98803_p_sever_a))

The article suggests a methodology for assessing demographic and socio-economic trends of regional development (on example of Republic Karelia). The methodology is the complex of economic-mathematical methods (the algorithm of ratings and multiple regression analysis), that have been programmatically implemented in the language R. The results allow predicting and developing scenarios for the impact of development of economy of the Republic Karelia on the environment and the health of the population.

Key words: demography; ecology; anticipated life expectancy; mortality rate; region; modeling; socio-economic processes.

E-mail: shkiperova@mail.ru; molch@yandex.ru

Качество жизни является одним из важнейших признанных во всем мире показателей, характеризующих уровень развития стран и регионов. Для России, которая столкнулась с серьезными демографическими проблемами, социально-экономическими преобразованиями, оценка качества и образа жизни населения в территориальном аспекте приобретает особую актуальность. Определение влияния различных факторов и условий жизни (труда, качества питания, жилья, окружающей среды, материального положения, физического и морального самочувствия, качества медико-фармацевтической помощи и др.) на состояние человеческого потенциала представляет собой весьма сложный и трудоемкий процесс. Однако именно этот процесс позволяет выявить границы социальной безопасности страны и факторы, определяющие уровень и перспективы социально-экономического благополучия территории.

В нашем исследовании мы будем придерживаться прагматического подхода, используя комплекс эконометрических алгоритмов при построении рейтинговых оценок качества жизни населения для муниципальных образований Республики Карелия. В настоящее время разработка и использование различных рейтингов приобрела особую популярность. В мире насчитывается сотни различных рейтинговых агентств, которые являются коммерческими организациями и оценивают платежеспособность, долговые обязательства, а также другие важные финансовые показатели эмитентов. Свою оценку они представляют в виде кредитных рейтингов, которые присваиваются организациям, регионам, странам в зависимости от их кредитоспособности. Однако рейтинговые агентства в основном делают акцент на построение финансовых оценок: кредитных рейтингов, рейтингов надежности, качества услуг, инвестиционной привлекательности и т.п. При этом очень мало внимания уделяется построению рейтингов качества жизни, социальных и экологических характеристик, состояния здоровья и благополучия населения [3; 5; 7]. В данной работе мы воспользовались методикой С.А. Айвазяна и реализовали ее в виде специального программного модуля для муниципальных образований Республики Карелия, подробное описание алгоритма и его интерпретация приведена в работе [1]. Интегральный индикатор (рейтинговая оценка) синтетической категории «качество жизни в регионе» представляет собой определенного вида свертку оценок более частных свойств и критериев этого понятия (которые могут быть представлены в виде различных комбинаций статистических показателей). Этапы построения интегрального индикатора можно определить следующим образом: формирование исходного перечня статистических показателей, унификация измерительных шкал, вычисление редуцированного набора частных критериев, построение интегральных индикаторов. Далее приведены основные этапы алгоритма и полученные результаты.

Этап 1. *Определение исходного перечня статистических показателей и унификация измерительных шкал.*

Исходный перечень статистических показателей $x^{(1)}, x^{(2)}, \dots, x^{(p)}$ должен достаточно полно характеризовать измеряемую синтетическую категорию. Будем называть их частными критериями. Обычно отобранные частные критерии имеют разную природу, а соответственно и разные единицы измерения. Поэтому для сравнения их между собой требуется проведение операции унификации. Для этого надо к каждому из критериев применить такое преобразование, в результате которого все они будут измеряться в безразмерной N -бальной шкале. Нулевое значение преобразованного показателя должно соответствовать самому низкому качеству по данному свойству, а максимальное (N) – самому высокому. Выбор унифицирующего преобразования зависит от типа, к которому принадлежит анализируемый частный критерий:

- 1) исходный частный критерий X связан с анализируемым интегральным свойством качества жизни монотонно возрастающей зависимостью (чем больше значение X , тем выше качество):

$$\tilde{x} = \frac{x - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}} N, \quad (1)$$

- 2) исходный частный критерий X связан с анализируемым интегральным свойством качества жизни монотонно убывающей зависимостью (чем больше значение X , тем ниже качество):

$$\tilde{x} = \frac{x_{\max} - x}{x_{\max} - x_{\min}} N, \quad (2)$$

- 3) исходный частный критерий X связан с анализируемым интегральным свойством качества жизни немонотонной зависимостью (между $x_{\min}$ и $x_{\max}$ существует некоторое оптимальное значение $x_{\text{опт}}$, при котором достигается наивысшее качество):

$$\tilde{x} = \left(1 - \frac{|x - x_{\text{опт}}|}{\max\{(x_{\max} - x_{\text{опт}}), (x_{\text{опт}} - x_{\min})\}}\right) N. \quad (3)$$

В результате данного этапа получаем унифицированные значения частных критериев апостериорного набора показателей:

$$(\tilde{x}_i^{(1)}, \tilde{x}_i^{(2)}, \dots, \tilde{x}_i^{(p)}), \quad i = \overline{1:n}. \quad (4)$$

Этап 2. Формирование редуцированного набора частных критериев.

Поскольку зачастую экспертами на первом этапе отбирается достаточно большое количество частных критериев, на втором этапе происходит формирование редуцированного набора частных критериев (снижение размерности исходного пространства частных критериев). Из сформированного экспертами априорного набора частных критериев необходимо выделить сравнительно небольшое число показателей таким образом, чтобы они прямо характеризовали интегральное свойство, и чтобы можно было достаточно точно восстановить значения всех остальных показателей. Для этого можно воспользоваться методом главных компонент.

Этап 3. Построение подблочных интегральных индикаторов.

После разбиения частных критериев на подблоки, можно приступить к построению «подблочных» интегральных индикаторов. Пусть:

$$\tilde{X} = \left(\tilde{x}_i^{(1)}(j), \tilde{x}_i^{(2)}(j), \dots, \tilde{x}_i^{(p_j)}(j)\right)^T, \quad (5)$$

значения унифицированных частных критериев j -го блока ($j = 1, 2, \dots, k$), характеризующие анализируемый объект ($i = 1, 2, \dots, n$). Интегральные индикаторы $y_i(j)$, $j = 1, 2, \dots, k$ строятся в форме унифицированной (или модифицированной) первой главной компоненты переменных (5). Для этого необходимо реализовать следующие шаги для каждого $j = 1, 2, \dots, k$:

- 1) Вычислить оценки $\hat{\Sigma}_{\tilde{X}}(j)$ ковариационных матриц $\Sigma_{\tilde{X}}(j)$ переменных (5):

$$\hat{\Sigma}_{\tilde{X}}(j) = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (\tilde{X}_i(j) - \bar{\tilde{X}}(j))(\tilde{X}_i(j) - \bar{\tilde{X}}(j))^T, \quad (6)$$

где $\bar{\tilde{X}}(j) = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \tilde{X}_i(j)$,

- 2) Определить собственные значения $\lambda_1(j) \geq \lambda_2(j) \geq \dots \geq \lambda_{p_j}(j)$ матрицы $\hat{\Sigma}_{\tilde{X}}(j)$, т.е. решить уравнение вида:

$$|\hat{\Sigma}_{\tilde{X}}(j) - \lambda I_{p_j}| = 0, \quad (7)$$

- 3) Вычислить собственный вектор $C_1(j) = (c_{11}(j), c_{12}(j), \dots, c_{1p_j}(j))^T$ матрицы $\hat{\Sigma}_{\tilde{X}}(j)$, т.е. решить систему уравнений вида:

$$(\hat{\Sigma}_{\tilde{X}}(j) - \lambda_1 I_{p_j}) C_1(j) = 0, \quad (8)$$

- 4) Построить первую главную компоненту частных критериев $x^{(1)}(j), x^{(2)}(j), \dots, x^{(p_j)}(j)$ j -го блока:

$$\hat{y}(j) = \sum_{s=1}^{p_j} c_{1s}(j) (\tilde{x}^{(s)}(j) - \bar{\tilde{x}}^{(s)}(j)), \quad (9)$$

где $\bar{\tilde{x}}^{(s)}(j) = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \tilde{x}_i^{(s)}(j)$,

- 5) Для унификации измерительных шкал строим интегральный индикатор переменных j -го блока в следующей форме:

$$y_i(j) = w_s(j) \tilde{x}_i^{(s)}(j), \quad (10)$$

где $w_s(j)$ – весовой коэффициент s -го частного критерия в j -ом блоке:

$$w_s(j) = \begin{cases} c_{1s}(j) / \sum_{v=1}^{p_j} c_{1s}(j), & \text{если все коэффициенты } c_{1s}, s = \overline{1:p_j}, \text{ одного знака} \\ c_{1s}(j)^2, & \text{если знаки коэффициентов } c_{1s}, s = \overline{1:p_j}, \text{ различаются} \end{cases} \quad (11)$$

В результате получаем набор значений подблочных интегральных индикаторов:

$$y_i(1), y_i(2), \dots, y_i(k), \quad i = 1, 2, \dots, n. \quad (12)$$

Этап 4. Построение сводного интегрального индикатора.

Суть построения сводного интегрального индикатора состоит в переходе на более высокий уровень иерархии в общей схеме интегральных индикаторов, когда для анализируемой синтетической категории, характеризуемой набором интегральных индикаторов вида (12), требуется построить единый (сводный) измеритель.

Для этого следует использовать геометрический образ положения i -го анализируемого объекта в виде точки с координатами (12) в N -мерном пространстве интегральных индикаторов. Поскольку унифицированные показатели и подблочные интегральные индикаторы измерялись в N -бальной шкале (чем больше значение частного критерия, тем выше качество), предлагается оценивать сводный интегральный индикатор i -го объекта (O_i) по анализируемой синтетической категории расстоянием от точки с координатами (12) до «эталона» (Э), который задается координатами $(N, N, \dots, N)$.

Для измерения расстояний предлагается использовать взвешенную евклидову метрику, в которой веса определяются пропорционально разбросу данных по каждой из осей $y(j)$ и числу критериев k_j , входящих в состав j -го блока ($j = 1, 2, \dots, k$):

$$\rho_i^2 = \sum_{j=1}^k q(j) (y_i(j) - N)^2, \quad (13)$$

где:

$$q(j) = p_j s^2(j) / \sum_{l=1}^{k_j} p_l s^2(l),$$

$$s^2(j) = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (y_i(j) - \bar{y}_i(j))^2,$$

$$\bar{y}_i(j) = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n y_i(j).$$

Таким образом, блочный интегральный индикатор для i -ого объекта определяется следующим образом:

$$\hat{y}_i = N - \rho_i. \quad (14)$$

При формировании информационной базы факторов было выделено два блока показателей для построения интегральных индексов: «качество населения» и «социо-эколого-экономические характеристики» [2; 4; 6]. В результате расчетов установлено, что первые ранговые

места занимают Петрозаводский и Костомукшский городские округа, что вполне объяснимо с точки зрения социально-экономического развития этих территорий. В крупных городах республики лучше развита медицинская помощь, своевременно проводится диагностика и профосмотры. Уровень и качество жизни на этих территориях значительно выше, чем в целом по республике. Последние ранговые места по сводному индексу занимают Лоухский, Олонецкий и Медвежьегорский районы. Эти районы можно охарактеризовать, как особо проблемные по показателю «качество населения». Построенные таким образом рейтинговые оценки показателей «качество населения» и «социо-эколого-экономические характеристики» позволяют определить приоритеты социально-экономической политики, как на региональном, так и на муниципальном уровне.

Важной является также задача определения влияния каждого фактора на демографические процессы. В данной работе были проведены численные эксперименты, позволяющие оценить возможность использования математических методов и моделей в реальной управленческой практике для оценки состояния здоровья населения в зависимости от социально-экономических и экологических факторов. Построена регрессионная модель зависимости ожидаемой продолжительности предстоящей жизни – ОППЖ (лет) от факторов социально-экономического развития и экологической ситуации. Модель является модификацией производственной функции Кобба-Дугласа, которая достаточно широко используется в социально-экономических исследованиях. Из всех используемых экологических показателей наиболее значимым фактором оказались выбросы в атмосферу от всех источников. В результате расчетов за 2003-2012 гг. для Республики Карелия при хороших статистических характеристиках получено, что увеличение среднедушевых денежных доходов населения на 1% сопровождается ростом ОППЖ на 0,16%, а рост выбросов в атмосферу ведет к снижению ОППЖ на 0,17%. Данный факт еще раз подтверждает, что социально-экономическое благополучие населения оказывает положительное влияние на состояние здоровья, в то время как плохая экологическая ситуация провоцирует его ухудшение.

Меры по улучшению демографической ситуации должны носить комплексный характер, связанный с переориентацией целевых программ на решение задач демографической политики с учетом региональной специфики. Выделенные закономерности могут послужить основанием для разработки управленческих решений в области эколого-экономических взаимодействий, при подготовке региональных программ. Полученные уравнения были использованы при прогнозировании и разработке сценарных условий влияния развития экономики республики на окружающую среду и состояние здоровья населения.

Список литературы

1. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения: экономический подход. – М.: Наука, 2012.
2. Демографический ежегодник Республики Карелия: стат. сб. Петрозаводск. – Петрозаводск: Карелиястат, 2012. – 110 с.
3. Молчанова Е.В., Кручек М.М. Эконометрический подход к построению рейтинговых оценок территорий (на примере Республики Карелия) // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. – № 3 (334). – С. 196-208.
4. Муниципальные образования Республики Карелия: стат. сб. Петрозаводск. – Петрозаводск: Карелиястат, 2013. – 378 с.
5. Римашевская Н.М., Бочкарева В.К., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В., Токсанбаева М.С. Человеческий потенциал российских регионов // Народонаселение. – 2013. – № 3. – С. 82-141.
6. Смертность населения Республики Карелия по причинам смерти: Стат. бюллетень. – Петрозаводск: Карелиястат, 2012. – 196 с.
7. Шкиперова, Г.Т. Анализ и моделирование взаимосвязи между экономическим ростом и качеством окружающей среды (на примере Республики Карелия) // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. – № 43. – С. 41-49.

РАЗДЕЛ 4. ВЛИЯНИЕ ИММИГРАЦИИ И ЭМИГРАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Гурченков Евгений Владимирович,
кандидат социологических наук,
главный эксперт Правового управления ООО «Интер РАО Инжиниринг»,
г. Москва, Россия

ЦЕНА МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

Учитывая замедление роста российской экономики в условиях санкций со стороны западных стран особую актуальность приобретает влияние миграции на экономику Российской Федерации. В статье приведены конкретные цифры вклада в экономику страны от легальной миграции, показана патентная система, как реально работающий механизм.

Ключевые слова: миграция, кризис, экономические санкции.

E-mail: egurchenkov@gmail.com

Gurchenkov Evgeny V.
PhD of Sociological Sciences,
Chief expert legal department ООО «Inter RAO Engineering»,
Moscow, Russia

THE PRICE OF MIGRATION IN THE CONTEXT OF ECONOMIC SANCTIONS

Given the slowdown of the Russian economy under sanctions from the Western countries of particular relevance is the impact of migration on the economy of the Russian Federation. The article provides specific figures of contribution to the economy from legal migration, shown patent system works.

Keywords: migration, crisis, economic sanctions.

E-mail: egurchenkov@gmail.com

Начиная с середины 2014 года рост российской экономики замедляется, и по итогам прошедшего года экономический рост составил менее 1%. На экономическую систему страны воздействует ряд таких внешних факторов, как снижение цен на нефть на мировом рынке, сохранение экономических санкций и российских контрсанкций (торговое эмбарго).

Отметим, что не только внешние факторы влияют на замедление роста экономики, но и ряд внутренних причин, к которым можно отнести: отсутствие стратегии структурных экономических реформ, отложение мероприятий по диверсификации экономики, рост социаль-

ных обязательств на фоне ухудшения экономических показателей, непоследовательная монетарная политика. Последствиями перечисленных условий, оказывающих колоссальное давление на российскую экономику, являются падение национальных биржевых индексов, девальвация рубля, отток капитала из страны, падение объема внешних и внутренних инвестиций, ускорение инфляции (опасность возникновения стагфляции), снижение рейтингов кредитоспособности страны ведущими рейтинговыми агентствами (до уровня «BBB–» (Fitch Ratings), «Baa3» (Moody's Investors Service), «BB+» (Standard & Poor's)).

Мотором сохранения показателя роста экономики в положительном тренде остается рост внутреннего потребления (в частном и государственном секторах), но последние месяцы показали сложность дальнейшего наращивания этого показателя. Влияние же миграции на рост внутреннего потребления и экономику России весьма противоречиво. Прежде всего, надо отметить, что Россия вследствие наличия данного явления несет значительные потери. Они могут быть уменьшены только при сокращении размеров криминальной и нелегальной миграции, посредством легализации той части нелегалов, которая изъявляет добровольное желание получить вид на жительство и вложить свои капиталы в развитие экономики России. По данным социологических исследований, доля таких мигрантов в зависимости от конъюнктуры рынка и других социальных и экономических переменных составляет примерно 20%, однако зачастую они не могут легализоваться из-за сложного и длительного процесса.

Благодаря проделанному диссертационному исследованию [1. С. 27], автор обосновал одну из первоочередных задач, стоящих перед Российской Федерацией – увеличение прибыли от миграции, осуществляемой добровольно, на законном основании. Каждый мигрант, прибывающий в Россию легально и обустривающийся на постоянное место жительства, приезжает, как правило, не с пустыми руками, владеет личным имуществом, располагает определенными материальными и финансовыми средствами в виде доходов от реализации недвижимости, в том числе, жилья, денежными сбережениями и т.п. Безусловно эти средства очень сложно оценить в стоимостном выражении, ибо условия переезда бывают самые разные. Для экспертной оценки материальных и финансовых ресурсов, имеющихся у мигрантов, целесообразно условно выделить три категории мигрантов: вынужденные мигранты (беженцы или вынужденные переселенцы); выезжающие добровольно по социально-экономическим причинам (в поисках работы, продолжения образования детей, в целях воссоединения семей); мигранты, желающие открыть в России собственное дело и имеющие для этого первоначальный капитал.

Имущественное состояние первой группы следует оценивать как минимальное, учитывая, что им приходится выезжать в экстремальных условиях, зачастую бросая все нажитое на месте. Самая многочисленная группа – вторая, испытывает довольно большие трудности с продажей жилья и другого недвижимого имущества с тем, чтобы получить средства для обустройства на новом месте в России. Лишь потенциальные предприниматели обладают значительной суммой первоначального капитала и денежных сбережений для решения всех вопросов, связанных с переездом, обустройством на новом месте и открытием собственного дела.

Стоимость домашнего имущества и сумма денежных средств, приходящихся на одного мигранта (включая малолетних детей и стариков), составляет, по оценке экспертов, 3000-6500 долларов. Сопоставление стоимости имущества и денежных средств мигрантов, прибывших в Россию за 1991-2013 гг., с размерами доходов, вывезенными нелегальными мигрантами из страны за этот же период позволяет констатировать: Россия потеряла средств в 4-5 раз больше, чем приобрела. Однако, прежде чем сделать окончательный вывод об эффективности миграции на основании этих расчетов, необходимо учесть следующие факторы.

- 1) *экономический*. Мигранты, получившие вид на жительство или гражданство и ставшие полноправными членами российского общества, трудоустраиваются, пополняют трудовой и интеллектуальный потенциал, омолаживают структуру населения. Они начинают

- производить материальные ценности, оказывать услуги населению (врачи, учителя, работники сферы обслуживания и т.п.). Кроме того, каждое рабочее место, создаваемое мигрантом, способствует образованию новых рабочих мест в смежных сферах или отраслях занятости, развитию инфраструктуры. Здесь вступает в действие так называемый мультипликативный эффект занятости. По имеющимся расчетам западных экономистов, каждый мигрант кормит дополнительно 20 человек [3. С. 56]. Согласно исследованиям, проведенным Л. Максаковой, в Узбекистане, каждый мигрант создает дополнительно 30 рабочих мест [2. С. 148]. Каждое новое рабочее место в основном производстве требует создания нескольких в обслуживающих отраслях. А это дополнительное вовлечение в производство и сферу услуг местных трудовых ресурсов, рост доходов и расширение покупательского спроса, что в свою очередь стимулирует вложения в развитие экономики;
- 2) *увеличение интеллектуального потенциала принимающей стороны – России.* Среди мигрантов доля лиц с высшим образованием составляет 26%. Учитывая, что за 13 лет чистая миграция в Россию из стран СНГ составила более 5 млн. человек, численность мигрантов с дипломами с высшим образованием – 1,2 млн. человек, а стоимость подготовки одного специалиста по самым скромным подсчетам составляет не менее 5000 долларов. Исходя из этого, можно допустить, что интеллектуальный потенциал России увеличился за счет миграции не менее чем на 6 млрд. долл. США;
- 3) *демографический.* Его необходимо учитывать с позиций перспективного улучшения воспроизводственных процессов населения России. Мигрируют люди в более молодых возрастах, что положительно сказывается на возрастной структуре населения, семейно-брачной ситуации и способствует росту рождаемости.

Таким образом, суммируя действия всех трех факторов, оказывающих прямое и косвенное воздействие на социально-экономическое развитие, можно предположить, что общий эффект от миграции в Россию выше тех негативных последствий, которые связаны с миграцией. Общий эффект от миграционных процессов может быть повышен при условии сокращения масштабов нелегальной миграции и одновременном увеличении притока в Россию легальных мигрантов. Затраты государства на урегулирование первой и стимулирование второй необходимы, так как будут способствовать увеличению общего социально-экономического эффекта от миграции.

Институт патентов, который действует с июля 2010 г. для мигрантов, работающих у физлиц, доказал свою эффективность. Если в 2010 г. по данной статье в региональный бюджет Нижнего Новгорода поступило 9 млн руб., то в 2011 г. – 34 млн руб., а в 2014 г. – уже 159,612 млн руб. В последние годы количество патентополучателей росло: в 2014 г. оно достигло 20 тыс. человек и еще 13 тыс. получили разрешение на трудовую деятельность [4]. С 1 января 2015 г. иностранные работники, трудящиеся как у физических, так и у юридических лиц, должны приобрести соответствующий патент, с ежемесячным отчислением подоходного налога, размер которого определяется регионами в соответствии с Федеральным законом № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Эти поправки отменяют систему квот для трудовых мигрантов, пребывающих в Россию из «безвизовых» стран и существенно упрощают процесс легального трудоустройства мигрантов. Патент выдается на срок от 1 до 12 месяцев с возможностью продления еще на год. Таким образом, трудовые мигранты смогут законно находиться на территории России в течение двух лет и после этого срока должны уехать из России.

Для получения патента и продления срока действия патента нужно будет каждый месяц платить определённую сумму, которая в каждом регионе разная, и устанавливается местными властями. Так, в Москве и Московской области нужно будет платить ежемесячно по-

рядка 4000 рублей в месяц. При этом ему также понадобится получить сертификат о прохождении теста на знание основ русского языка, истории и законодательных основ российского государства. При этом каждый легальный мигрант принесет в бюджет порядка 12 тыс. руб. и это – не считая ежемесячных отчислений.

В начале года приток мигрантов в страну сокращается, но ближе к весне он вновь возрастает. Как будет развиваться ситуация – на фоне ухудшения российской экономики, ослабления рубля и действий экономических санкций покажет время. По ожиданиям ФМС платежи от обладателей патентов вырастут уже в текущем году. По заявлениям аналитиков приток мигрантов в ближайшие 6 месяцев уменьшится, в том числе из-за затрат на приобретение патентов и ослабления курса рубля по отношению к иностранным валютам. Расходы мигрантов в России возрастут, а конечный заработок сократится и многие будут вынуждены уехать. Однако страны, из которых прибывала большая часть работников, просто не смогут их трудоустроить, поскольку местный рынок труда уже сформировался и адаптировался к меньшему количеству рабочей силы. Не найдя работы на Родине, они будут вынуждены вернуться в Россию на более низкий уровень дохода или же прибегнув к «серым» схемам трудоустройства. Если вслед за рублем также обвалятся валюты сопредельных государств (в настоящее время ситуация характерна для Украины, Казахстана, Республики Беларусь), из которых приезжают мигранты, последним по-прежнему будет выгодно работать в России. Потребность на их услуги в российской экономике объективно может уменьшиться в условиях уже идущего сокращения объемов строительных работ, оборотов в торговле и т. д.

В ближайшие два-три года приток иностранных работников будет явно уменьшаться, причем это будет происходить на фоне ожидающегося во второй половине текущего десятилетия сокращения числа трудоспособного населения в стране на 600-800 тыс. человек ежегодно. И хотя многие россияне, достигшие пенсионного возраста, продолжают работать, понятно, что из-за данной демографической проблемы (острота которой начнет смягчаться к 2020 г.) общая ситуация на рынке труда неизбежно усложнится. В результате, восстанавливающейся экономике России может грозить дефицит рабочих рук, а наличие дешевой рабочей силы при определенных обстоятельствах поможет ее скорейшему восстановлению. Если брать в расчет демографический критерий, то России для компенсации естественной убыли населения и стабилизации его численности, потребуется ежегодно иметь положительное сальдо миграции примерно 1 млн. человек за счет обмена со странами СНГ.

Экономика РФ с учетом перспектив развития и структурной перестройки, сокращения численности трудоспособного населения, будет требовать, несмотря на финансовый кризис и экономическую изоляцию, которые уже вносит определенные коррективы, дополнительных рабочих рук. Масштабы их привлечения зависят от темпов экономического развития на ближайшую перспективу, обновления основных фондов и роста производительности труда, от способности российского государства справиться с финансовым кризисом. При этом должны быть учтены процессы высвобождения работников в ряде отраслей экономики, в частности, из топливно-энергетического комплекса, металлургии, железнодорожного транспорта, банковской сферы.

Дополнительных работников следует привлекать с учетом потребности экономики России в кадрах определенных профессий и квалификации. Привлекать иностранную рабочую силу необходимо на основе возобновления расчетов балансов трудовых ресурсов по регионам России, что позволит сократить дефицит рабочей силы, а также пополнить бюджет за счет уплаты предпринимателями, привлекающими иностранных работников, установленных законодательством пошлин.

Нехватка высококвалифицированной рабочей силы является препятствием для построения более динамичной и наукоемкой экономики в России, особенно в рамках взятого курса

по импортозамещению. В условиях, когда средний срок службы оборудования в промышленности достигает более 20 лет, проблему изношенности основных фондов Россия решает за счет импорта высокотехнологичного оборудования из-за рубежа. Однако введенные секторальные санкции наложили вето на поставку в Россию ряда высокотехнологичного оборудования, особенно сильно санкции коснулись банковской сферы, нефтедобычи и оборонной промышленности. В настоящее время по поручению Президента Минпромторг осуществляет разработку плана импортозамещения. Так, для защиты внутреннего рынка могут быть введены защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, но этих мер будет недостаточно без наличия квалифицированных работников. Решить проблему нехватки высококвалифицированной рабочей силы можно в том числе и за счет привлечения специалистов из-за рубежа. В этом случае механизм импортозамещения будет сопровождается притоком квалифицированной рабочей силы.

В то же время миграция имеет и отрицательные последствия. Этническая миграция сегодня — это, в какой-то степени, новый тип колонизации, захвата территорий и ресурсов. Отсюда вытекает неотвратимость роста социальной напряженности и этнических конфликтов. Результаты многочисленных исследований последних лет показывают, что в настоящее время между мигрантами и принимающей средой увеличивается социальная дистанция, растет социальный разрыв. Мигранты и коренные жители России стремятся обособиться и изолироваться друг от друга, создать свои собственные социокультурные пространства на единой территории страны, региона, города. При этом мнение россиян в отношении привлечения мигрантов на временную работу разделились: примерно половина считает, что следует, и примерно столько же — что не следует [5]. Но даже допуская для себя возможность видеть мигрантов в качестве дешевой рабочей силы, большинство россиян не желают принимать их как своих соотечественников, граждан своей страны.

Таким образом россияне, признавая определенную пользу мигрантов для экономики, воспринимают их как некую враждебную силу, с которой связана угроза национальной безопасности страны. Опыт прошлых лет показывает, что экономический кризис 2008-2010 гг., несомненно, способствовал обострению напряженности в отношениях между коренным населением и мигрантами. Ухудшение ситуации в экономике и на рынке труда может спровоцировать выход латентного недовольства сторон в явное этническое противостояние, в борьбу за ресурсы и рабочие места. Вследствие отсутствия социальной защиты трудящихся-мигрантов или ее слабости для многих из них решающим мотивом трудоустройства является не работа по специальности, а возможность заработать. Поэтому трудящиеся-мигранты соглашались на непрестижные, вредные и тяжелые работы. Данные социологических опросов [5] выявили, что не по своей профессии и специальности работают 43,2% мигрантов. Эта категория трудящихся-мигрантов теряет свой потенциал. К недостаткам следует отнести краткосрочный характер большинства заключаемых контрактов.

Влияние иммиграции на государственный бюджет обычно оценивается как относительно небольшое и носящее неоднозначный и дифференцированный характер. Оно различается в долгосрочном и краткосрочном плане, на национальном и местном уровнях, в зависимости от характера миграции, от квалификации и продолжительности пребывания мигрантов в принимающей стране и отчасти от их возраста. Для России характерна высокая доля нелегалов среди мигрантов, занятых в частном секторе экономики, а это недополученные налоги, которые по оценке Министерства финансов могут составить 2 млрд. долл. США ежегодно. Это в очередной раз подтверждает первоочередную задачу: увеличение прибыли от миграции, осуществляемой добровольно, на законном основании. Например, согласно исследованиям, проведенным на материалах США и Канады, средний иммигрант получает меньше социальных выплат и платит больше налогов и взносов, чем средний представитель коренного населения, и чистое финансовое сальдо бюджетных расходов и доходов, связанных с их пребыванием,

имеет позитивный эффект для государственной казны. В частности, временные трудовые мигранты, не нуждающиеся ни в образовании, ни в пенсионном обеспечении, а зачастую и в медицинском обслуживании, дают очевидную экономию на социальных расходах. Иммигранты оказывают часто краткосрочное негативное воздействие на бюджет в связи с тем, что обычно они испытывают сложности в трудоустройстве или имеют низкооплачиваемую работу и нуждаются из-за этого в государственной поддержке. С увеличением срока пребывания, их легализации в стране и доходов мигрантов, их выплаты в бюджет растут, а получаемые ими пособия сокращаются. Таким образом, учитывая жизненный цикл спроса на социальные услуги и взносы иммигрантов в бюджет, можно утверждать, что в долгосрочном плане только легальные мигранты могут быть выгодны принимающему обществу. Вместе с тем, как следует из исследований К. Стореслеттен, с помощью миграции нельзя решить все будущие бюджетные проблемы, связанные со старением населения, мигранты, независимо от возраста, не способны восполнить соответствующие потери казны.

Рассмотрение социальных последствий экономического поведения мигрантов позволяет сделать следующие выводы:

- суммируя действия демографического, экономического и образовательного факторов, оказывающих прямое и косвенное воздействие на социально-экономическое развитие, можно предположить, что общий эффект от миграции в Россию выше тех негативных последствий, которые связаны с миграцией;
- общий эффект от миграционных процессов может быть повышен при условии сокращения масштабов нелегальной миграции и одновременном увеличении притока в Россию легальных мигрантов;
- основным положительным эффектом от роста миграции для России становится интенсификация внутриэкономического развития;
- одновременно этническая миграция сегодня — это, в какой-то степени, новый тип колонизации, захват территорий и ресурсов. Отсюда вытекает неотвратимость роста социальной напряженности и этнических конфликтов.

Международная миграция все чаще рассматривается в качестве одной из движущих сил процесса развития, которое содействует достижению согласованных на международном уровне целей развития. Хотя экономические выгоды миграции очевидны, ее социальные издержки по-прежнему вызывают серьезную озабоченность, а гуманитарным и социально-экономическим аспектам миграции зачастую уделяется лишь незначительное внимание в рамках обсуждения вопросов миграции и в действующих механизмах директивного уровня.

Список литературы

1. Гурченков Е.В. Влияние экономического поведения мигрантов на развитие рыночных отношений в России: Дисс. ... канд. социол. наук. – М., 2010. – С. 27-97.
2. Максакова Л. П. Экспорт рабочей силы из Узбекистана // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / Отв. ред. Ж. А. Зайончковская. – М., 2003. – С. 148.
3. Mushtaq Hussain. Measuring Migrant Remittances: From the Perspective of the European Commission. Paper for International Technical Meeting on Measuring Migrant Remittances, World Bank, January 2005, p.24–25 Washington, p.5. Borjas, G.J., R. B. Frieman, and L. F. Katz. How Much Do Immigration and Trade Affect Labor Market Outcomes // *Brooking Papers on Economic Activity*. 1977. 1. – P. 56.

Интернет источники

4. Аналитический обзор. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/52903/print> (Дата обращения: 21.04.2015).
5. Тюрюканова Е. Трудовая миграция в России. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/authors/?author=450> (Дата обращения: 12.05.2015).

Жестерев Денис Владимирович,
аспирант Института региональных
экономических исследований Российской академии наук,
г. Москва, Россия

ПОТРЕБНОСТЬ В ИНОСТРАННОЙ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЕ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИИ

В статье приведено обоснование и дан анализ дополнительной потребности в иностранной рабочей силе в России. В качестве эффективного варианта для развития российской экономики рассмотрена миграция квалифицированных специалистов и их использование по видам экономической деятельности в Российской Федерации. Проведена классификация регионов России по уровню инновационной активности, рассмотрен зарубежный опыт привлечения интеллектуальных ресурсов и возможности его использования в России. В статье также проанализированы основные направления, центры притяжения и формы стимулирования привлечения высококвалифицированных специалистов из зарубежных стран.

Ключевые слова: интеллектуальная миграция, высококвалифицированный персонал, высокопроизводительные рабочие места, инновации, центры притяжения, потребность в рабочей силе, занятость, иностранные специалисты, миграция в регионы, инвестиции, рынок труда.

E-mail: denis.zhesterev@gmail.com

Zhesterev Denis V.
postgraduate student,
Institute of Regional Economic Research of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

LABOUR REQUIREMENT OF QUALIFIED SPECIALISTS FOR THE RUSSIAN REGIONS' ECONOMY

The article touches upon the basis of labour requirement in Russia. The effective method for the developing of Russian economy is migration of highly-skilled specialists and the analysis of areas of their employment divided by categories of economic activities in Russian Federation. There is classification of Russian regions by the level of innovative activity. In the article also was studied foreign experience of attracting highly-qualified personnel and its application in Russia. There is also the analysis of main trends, attraction centres and other forms of stimulation the high-quality foreign migration to Russia.

Keywords: intellectual migration, highly-qualified personnel, high-productive efficient workplace, innovation, attraction centres, labour requirement, employment, foreign specialists, migration to regions, investments, labour market.

E-mail: denis.zhesterev@gmail.com

В современном мире, в условиях глобализации экономики и, соответственно, усиливающей взаимной интеграции на рынках капитала, технологий и труда, все большая активность проявляется по отношению к высококвалифицированным специалистам как со стороны отдельных компаний и фирм, так и в целом со стороны государств. В международных терминах уже появилось словосочетание «война за таланты», в которой участвуют ведущие транснациональные компании и кадровые агентства, при том что основные проекты являются государственными заказами в научно-технической сфере и с применением высоких технологий. Та-

ким образом, потребность в высококвалифицированных кадрах является приоритетной областью государственной политики, в частности. В концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года поставлена стратегическая задача – обеспечить «создание условий и механизмов для привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля, предпринимателей и инвесторов, прежде всего на долгосрочной основе» [1].

Анализ рынка труда квалифицированных кадров показывает, что спрос и предложение по странам значительно разнятся. Показатели зависят от качества, специализации и направлений использования квалифицированных специалистов в области науки, техники и профессиональных услуг. К примеру, в Китае основным направлением является наука и техника. С начала политики реформ спрос на квалифицированных технических специалистов в КНР стабильно увеличивался, и в 2013 г. число таких специалистов превысило 45 млн человек. Однако, по данным годового отчета о развитии человеческих ресурсов, в Китае только 13% специалистов имеют высшее образование, в то время как в США – 60% работников промышленных предприятий имеют техническое образование. Это значит, что Китаю не хватает, как минимум, 22 млн. квалифицированных сотрудников [7].

В России спрос на квалифицированных специалистов обеспечивается во многом инфраструктурными проектами, связанными с инжинирингом. Для исполнения заказа, предусматривающего выполнение определенного класса работ, важен подбор кадров с необходимым уровнем квалификации, который является основным требованием работодателя в настоящее время с учетом наличия конкурентных предложений на рынке труда. По данным анализа заявок и оценок компаниями обеспеченности квалифицированными кадрами Российский союз промышленников и предпринимателей опубликовал следующие выводы:

- 1) наибольший дефицит в кадрах компании отмечают по двум профессиональным группам: специалисты высшей квалификации и квалифицированные рабочие;
- 2) примерно 60% респондентов в первом случае и примерно 70% во втором заявили, что вышеназванных специалистов им не хватает.

Такие оценки являются показательными для определения перспектив развития экономики в целом, так как отрасли, основывающиеся на внедрении и использовании высокотехнологического оборудования, нуждаются в соответствующих специалистах.

Задачи новой индустриализации, повышения инвестиционной привлекательности регионов РФ, создания современных технологических производств, инфраструктуры и отраслей «новой экономики» широко обсуждаются научным и экспертным сообществом. В частности, они были сформулированы в докладе Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» в 2011 г. [8]. Согласно «дорожной карте», предложенной в качестве плана развития, в России необходимо к 2025 г. создать 25 млн. современных рабочих мест. Президент России В. Путин определил срок реализации задачи по созданию 25 млн. высокопроизводительных, качественных рабочих мест к 2020 году. При этом к 2018 г. должна возрасти в полтора раза производительность труда и доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте [2].

Для обеспечения необходимого уровня развития и соответствия приоритетным областям высокотехнологичной деятельности, обозначенной ключевым элементом, выступает трудовой потенциал. Роль человеческого капитала является основополагающей, так как уровень конкурентоспособности современной инновационной экономики в первую очередь определяется качеством кадров. Для непосредственного исполнения поставленных экономических целей и задач необходимо наличие высококвалифицированных кадров с соответствующим образованием и опытом, способных работать как на этапе подготовки проектов и, соответственно, обучения молодых специалистов, так и использования ноу-хау и технологий. Реги-

оны России имеют неодинаковые возможности для подготовки собственных высококвалифицированных кадров. Потребность экономики в таких специалистах может быть восполнена за счет привлечения иностранных работников. С учетом недостаточности собственных кадров, дефицита опытных и квалифицированных работников в определенных сферах привлеченные иностранные специалисты являются кандидатами на замещение вакантных позиций в российских организациях.

Определение дополнительной потребности в иностранной рабочей силе в Российской Федерации формируется Правительством РФ по проекту Министерства труда и социальной защиты на основании соответствующих предложений Минэкономразвития России, Минпромторга России, Минстроя России, Минсельхоза России, Минспорта России, Минздрава России и Минтранса России (рис. 1).

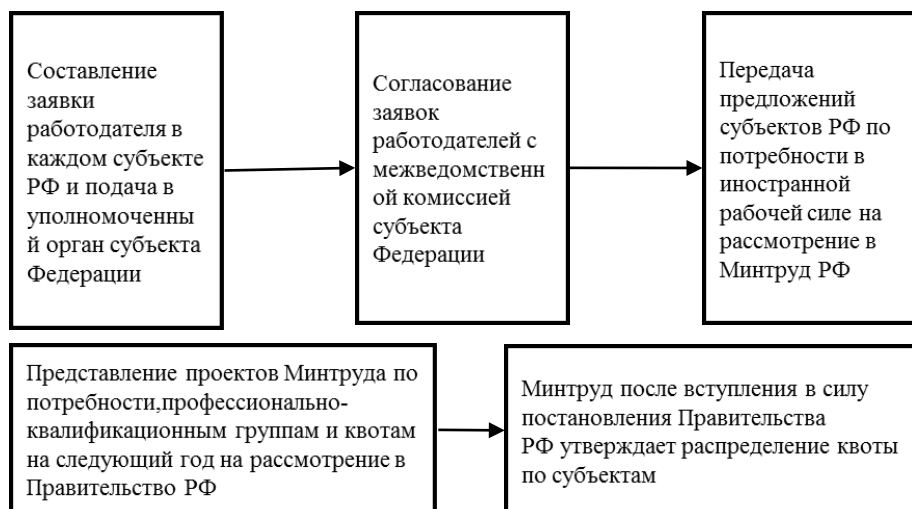

Рис. 1. Схема определения потребности в иностранной рабочей силе в РФ

Потребность в иностранной рабочей силе определяется в каждом субъекте Федерации на основании заявок работодателей, заказчиков работ и услуг для замещения вакантных должностей либо для выполнения работ или услуг, которые рассматриваются межведомственной комиссией субъекта Российской Федерации по вопросам привлечения и использования иностранных работников. При этом рассмотрение заявок работодателей проходит с учетом обеспечения принципов национальной безопасности, поддержания баланса трудовых ресурсов, содействия трудоустройству граждан России в приоритетном порядке. На основе анализа влияния привлечения иностранных работников на социально-экономическое развитие и рынок труда субъекта РФ формируется заявка на замещение потребности в дополнительной рабочей силе.

Механизм определения в субъектах Российской Федерации потребности в привлечении иностранных работников и подготовки предложений по объемам квот действует следующим образом. Уполномоченный орган субъекта Федерации ежегодно должен:

- 1) собрать и обобщить заявки работодателей, которые были поданы в соответствии с необходимым количеством иностранцев для замещения вакантных должностей для осуществления трудовой деятельности;
- 2) рассмотреть и согласовать заявки:

- с органами исполнительной власти субъекта Федерации, осуществляющими управление в соответствующих отраслях экономики, а также в области образования, занятости населения и других областях;
 - с территориальным органом Федеральной миграционной службы;
 - с территориальным органом Федеральной службы по труду и занятости, осуществляющим государственный надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства (государственной инспекцией труда);
 - с трехсторонней комиссией по регулированию социально-трудовых отношений субъектов Российской Федерации (состоит из представителей объединений профессиональных союзов, объединений работодателей, Правительства РФ);
- 3) направить заключения по результатам анализа заявок в уполномоченные органы субъектов Федерации для последующего согласования потребности в привлечении иностранных работников и предложений по объемам квот осуществляется в субъектах РФ с межведомственными комиссиями по вопросам привлечения и использования иностранных работников, образованными заинтересованными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, территориальными органами ФМС, государственными инспекциями труда, трехсторонними комиссиями по регулированию социально-трудовых отношений субъектов РФ. Их состав утверждается высшими должностными лицами субъектов Федерации;
- 4) проинформировать работодателей о результатах рассмотрения заявок и на основании решений межведомственных комиссий сформировать предложения субъектов Федерации с обоснованиями:
- о потребности в привлечении иностранных работников, в том числе о приоритетных профессиях и специальностях привлекаемых иностранных работников;
 - по объемам квот на предстоящий год.

На основе анализа данных по распределению квот по субъектам РФ на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу по профессионально-квалификационным группам за пятилетний период (2010-2015 гг.) были составлены таблицы, в которых отражена динамика заявок регионов на привлечение иностранной рабочей силы (табл. 1).

Таблица 1

Распределение квот на выдачу разрешений иностранным гражданам для осуществления трудовой деятельности по федеральным округам за 2010-2015 гг. [4]

Федеральные округа	Количество разрешений, шт.					
	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
РФ – всего	1944356	1745584	1745584	1745584	1631586	275856
Центральный ФО	479575	377053	424761	344321	325960	36509
Северо-Западный ФО	264348	250094	240823	247142	224259	29082
Южный	94431	100457	96711	89752	79480	19992
Северо-Кавказский ФО		8880	8334	9311	7456	2525
Приволжский ФО	126271	121112	133063	153572	142751	23237
Уральский ФО	140270	139426	145550	171927	171564	16311
Сибирский ФО	125251	111976	108982	105709	87629	37276
Дальневосточный ФО	130903	112835	109754	102451	103011	46904
Крымский ФО						361
Резерв квоты по РФ	583307	523751	477606	521399	489476	63659

Анализ, проведенный на основе заявок работодателей из регионов и утвержденных квот Минтруда России, позволяет сделать вывод, что потребность в иностранных специалистах в целом по Российской Федерации и по федеральным округам снижалась за 5-летний период с

2010 по 2015 гг. В 2013 г. в Северо-Кавказском ФО была отмечена повышательная тенденция по распределенным квотам, что может объясняться значительной потребностью в иностранных специалистах, в том числе с учетом крупных инфраструктурных проектов, которые находились на стадии строительства или завершения строительства в регионах федерального округа и соседних регионах. В 2014 г. возросло количество распределенных квот на Дальневосточный ФО, что связано с созданием особой экономической зоны в ДФО. Тенденции 2015 г. являются результатом как геополитической ситуации, так и экономических трудностей, с которыми столкнулись промышленники и предприниматели. С учетом внутренних и внешних факторов, оказывающих давление на российскую экономику в 2015 г., приток иностранных специалистов значительно сократился, а также Правительством была скорректирована выдача квот.

В 2013 году Министерством труда и социальной защиты РФ была проведена работа по совершенствованию механизма привлечения иностранных работников и обеспечению приоритетного права на трудоустройство российских граждан. Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 82 внесены изменения в ФЗ № 115 от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в разделе по порядку определения потребности в иностранных работниках и формирования соответствующих квот на осуществление иностранными работниками трудовой деятельности на территории России. В настоящее время не существует другого метода определения потребности в иностранной рабочей силе для экономики РФ. В новой редакции ФЗ № 82 с целью улучшения инвестиционного климата в России были отменены квоты на высококвалифицированных иностранных специалистов, а также членов их семей [5]. Помимо этого, Приказом Минтруда № 456н от 23 сентября 2013 г. утвержден перечень профессий и специальностей иностранных работников, осуществляющих руководство и координацию деятельности, связанной с ведением торговли, а также квалификационные требования к таким работникам [5].

Привлечение иностранных работников в РФ характеризуется ежегодным увеличением доли квалифицированных иностранных специалистов, обладающих соответствующей предварительной профессиональной подготовкой. Распределение потребности в привлечении в Российскую Федерацию иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам отражает тенденции развития рынка труда, сопровождающиеся увеличением спроса на квалифицированные рабочие кадры, которые в 2014 г. составляли 82,4% от потребности по России в иностранных работниках, что на 3,4% выше потребности по РФ за 2013 г. [5].

На 2014 г. Правительство РФ определило потребность в привлечении в 1631,6 тыс. человек, что составило 93,5% от потребности страны в иностранных работниках в 2013 г., а также объемы квот на выдачу иностранным гражданам 357,9 тыс. приглашений на въезд в Россию в целях осуществления трудовой деятельности (87,3% от объема соответствующей квоты, установленной на 2013 г.). Потребность в привлечении иностранных работников в 2014 г. составила 2,3% (доля уменьшилась на 0,1% по сравнению с 2013 г.) от численности занятых в экономике в среднегодовом исчислении и 2,3% (показатели 2013 г. аналогичны) от численности экономически активного населения России.

Потребность в привлечении в Российскую Федерацию иностранных работников формируется с учетом сложившегося положения на рынке труда, демографической ситуации, принципа приоритетного использования национальных трудовых ресурсов, возможностей обустройства иностранных граждан и оценки эффективности использования иностранной рабочей силы в предыдущем году. В настоящее время основной прилив интеллектуальных кадров идет в те сферы деятельности, которые определяют развитие рыночных институтов (финансовая деятельность, операции с недвижимостью, предоставление различных услуг) либо отражают интересы зарубежных стран в сырьевых ресурсах (добыча полезных ископаемых).

Повышена доля высококвалифицированных иностранных специалистов и в сфере торговли, где отдача от вложенных средств наиболее быстрая. В то же время привлечение интеллектуальных ресурсов в сектора реальной экономики, прежде всего обеспечивающих внедрение новых технологий, явно недостаточно. Другая проблема состоит в том, что подавляющая часть высококвалифицированных кадров (до 70%) оседает в Москве, еще какая-то часть в Санкт-Петербурге, а в другие регионы они не привлекаются. Хотя и в других регионах есть хорошо развитая инфраструктура для разработки и реализации инновационных технологий. Распределение субъектов Российской Федерации по инновационной активности и центры притяжения интеллектуальной миграции представлены в табл. 2 и на рис. 2.

Таблица 2

**Ранжирование регионов России по объему инновационных товаров, работ и услуг
(в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг в 2013 г.) [3]**

Регионы	Объем инновационных товаров, работ, услуг, в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг
В целом по РФ – 9,2%	
1. Регионы-лидеры по инновационной активности	
Сахалинская обл.	57,8
Архангельская обл.	28,9
Респ. Мордовия	23,9
Самарская обл.	22,9
Респ. Татарстан	21,1
Нижегородская обл.	18,1
Пермский край	16,7
г. Москва	15,3
Ульяновская обл.	15,1
2. Регионы с высоким уровнем инновационной активности	
Липецкая обл.	13,3
Московская обл.	12,7
г. Санкт-Петербург	12,2
Чувашская Респ.	12,0
Хабаровский край	11,7
Респ. Адыгея	10,1
Магаданская обл.	10,0
Ставропольский край	9,7
Тульская обл.	9,6
Владимирская обл.	9,4
Ярославская обл.	9,3
Новосибирская обл.	9,3
3. Регионы с пониженным и низким уровнем инновационной активности	
Челябинская обл.	8,0
Тверская обл.	7,7
Пензенская обл.	7,5
Кировская обл.	6,8
Свердловская обл.	6,4
Забайкальский край	6,3
Респ. Башкортостан	6,2
Респ. Бурятия	6,0
Брянская обл.	5,4

Регионы	Объем инновационных товаров, работ, услуг, в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг
Респ. Коми	5,1
Красноярский край	5,1
Удмуртская Респ.	4,8
Амурская обл.	4,7
Воронежская обл.	4,6
Новгородская обл.	4,6
Вологодская обл.	4,4
Белгородская обл.	4,3
Курская обл.	4,3
Саратовская обл.	3,9
Курганская обл.	3,9
Алтайский край	3,9
Омская обл.	3,7
Томская обл.	3,7
Кабардино-Балкарская Респ.	3,3
Смоленская обл.	3,0
Тамбовская обл.	3,0
Респ. Саха (Якутия)	2,9
Рязанская обл.	2,8
Ленинградская обл.	2,8
Респ. Марий Эл	2,2
4. Регионы-аутсайдеры по инновационной активности	
Костромская обл.	1,9
Астраханская обл.	1,8
Чукотский АО	1,7
Орловская обл.	1,4
Оренбургская обл.	1,4
Камчатский край	1,2
Волгоградская обл.	1,1
Псковская обл.	1,0
Приморский край	1,0
Мурманская обл.	0,8
Иркутская обл.	0,6
Ивановская обл.	0,5
Кемеровская обл.	0,4
Карачаево-Черкесская Респ.	0,4
Краснодарский край	0,3
Тюменская обл.	0,3
Респ. Карелия	0,2
Калининградская обл.	0,1
Респ. Дагестан	0,1
Респ. Алтай	0,1

Из табл. 2 видно, что лидирующая группа регионов-инноваторов немногочисленна, включает всего 9 субъектов Федерации и значительно превосходит остальные регионы по развитию технологий. В более чем половине регионов уровень инновационной активности ниже среднего значения по стране, а 20 регионов являются явными аутсайдерами, где внедрение

инноваций находится в зачаточном состоянии. Еще в семи субъектах РФ – Республике Калмыкия, Республике Тыва, Республике Хакасия, Еврейской АО, Чеченской Республике, Республике Северная Осетия-Алания, Республике Ингушетия – инновационная продукция в 2013 г. не производилась. Среди аутсайдеров не только некоторые отстающие по уровню экономики регионы (Республика Дагестан, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Алтай), но и такие индустриально-развитые и ресурсно-сырьевые регионы как Оренбургская, Иркутская, Тюменская, Кемеровская области, Краснодарский и Приморский края. Высококвалифицированные специалисты нужны как регионам-лидерам инноваций, чтобы поддерживать прогресс, так и не в меньшей, а даже в большей степени, регионам аутсайдерам для обеспечения их ускоренного социально-экономического развития.

Рис. 2. Схема центров притяжения интеллектуальных мигрантов

Так, в ряде ведущих университетов страны действуют программы привлечения иностранных студентов и преподавателей. Согласно данным, опубликованным в 2012/2013 учебном году, к примеру, в Дальневосточном федеральном университете обучались 1300 студентов и преподавали 100 профессоров из зарубежных стран. В Национальном исследовательском Томском политехническом университете насчитывалось 3000 иностранных студентов и 100 профессоров, в Казанском (Приволжском) федеральном университете – 1400 студентов и 45 профессоров. Университеты России имеют устойчивые связи и программы сотрудничества и обмена с ведущими образовательными учреждениями из США, Канады, Китая, Индии, Австралии, Японии и стран ЕС [2].

Примерами наукоградов, которые строятся с нуля в новом столетии, являются инновационный центр «Сколково», занимающийся разработкой и коммерциализацией новых технологий, наукоград «Иннополис» – спутник Казани, рассчитанный на 155 тыс. жителей. Территории опережающего развития – специальные территории – «локомотивы» экономики, для которых установлены особые правовые режимы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности, формируются в Республике Бурятия, Иркутской области и других регионах Сибири и Дальнего Востока. Эти территории создаются в соответствии с федеральным законом, принятым 29 декабря 2014 г. [2].

По мнению зарубежных экспертов, в России существуют хорошие перспективы не только для ведения бизнеса, но и для открытия центров исследований и разработок. В РФ есть целый ряд отраслей, которые развиваются благодаря возможностям повышения конкуренции. Ряд отраслей активно осваивает современные технологии инжиниринга, проектирования, цифрового производства и моделирования: авиа- и судостроительная, автомобильная, оборонная, энергетическая и промышленное оборудование. Россия является перспективным направлением как для западных компаний для ведения и развития бизнеса, инвестирования,

так и для иностранных специалистов. Возможности для роста также существенны: по сравнению с Западом, лидерами по спросу на высокие технологии у нас еще не являются сектора электроники, медицинского оборудования и фармацевтики.

Привлечение иностранных специалистов для реализации различных проектов в Россию продиктовано как развитием экономики и большей интегрированности торговых связей России, так и увеличением количества российских и зарубежных компаний, нуждающихся в квалифицированных и опытных сотрудниках, которых по той или иной причине нет на отечественном рынке труда. Крупные, средние и малые иностранные фирмы предпочитают назначать на позицию топ-менеджеров и представителей компании в России соотечественников, это является обязательным пунктом организационной структуры филиалов. Однако потребность в иностранных специалистах не только для каждого региона, но и для каждой отрасли и в различных сферах деятельности неодинакова и требует обоснования. Прослойка высококвалифицированных специалистов среди мигрантов очень мала и не превышает 0,2% общей численности специалистов в стране. Потребность же экономики в иностранных кадрах высшей квалификации по данным Минэкономразвития составляет 40-60 тыс. человек [6]. Приоритетным направлением является изучение и анализ данных по потребности в дополнительной рабочей силе, заявок работодателей из различных сфер деятельности и создание на этой основе структурированной системы мониторинга, учета и контроля за рынком труда. Такое определение потребностей и научный подход к привлечению и стимулированию иностранных квалифицированных специалистов позволит повысить эффективность управления миграционными процессами в России.

Список литературы

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года.
2. Указы Президента РФ № 596 от 7 мая 2012 г. «О долгосрочной государственной экономической политике»; № 599 от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»; № 473 от 29 декабря 2014 г. «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

Интернет источники

3. База данных Федеральной службы государственной статистики. Сборники «Регионы России» 2010-2014 гг., «Труд и занятость в России» 2010-2014 гг. <http://www.gks.ru/> (Дата обращения: 11.10.2015).
4. База данных Министерства труда и социальной защиты. РФ – Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/docs/> (Дата обращения: 11.10.2015).
5. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации на 2014-2016 годы. – Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/about/reports/1> (Дата обращения: 11.10.2015).
6. Доклад Министерства экономического развития РФ «О привлечении высококвалифицированных специалистов, необходимых для модернизации российской экономики». – Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/> (Дата обращения: 15.10.2015).
7. Новости Китая – «КНР нужны квалифицированные технические специалисты». 11.10.2013. – Режим доступа: <http://china24news.com/economics/598-chinese-workforce-needs-more> (Дата обращения: 02.11.2015).
8. Общероссийская общественная организация «Деловая Россия», План «Новая Индустриализация». – Режим доступа: <http://www.deloros.ru/> «Дорожная карта Стратегии 25*25: ключевые промышленные кластеры» (Дата обращения: 15.10.2015).

Злотникова Лидия Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации,
г. Гомель, Беларусь

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛИЗАЦИИ МИГРАНТОВ В ГРАНИЦАХ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Изучение миграции в настоящее время сосредоточено на количественных изменениях в структуре, направлениях и механизмах управления. Мы считаем, что миграция – это объективный процесс, сложно прогнозируется, поэтому основное внимание в статье обратили на проблемы социализации в контексте социально-экономических последствий. Единое экономическое пространство Республики Беларусь и Российской Федерации – уникальный объект для анализа социальной компоненты двусторонней миграции. Ее особенность отмечена продолжительностью совместного общественного производства, реализацией единых морально-нравственных ценностей, сохранением прочных семейных и дружеских связей. Наличие определенной нормативной базы между двумя государствами позволяет создать прочный фундамент для проведения полномасштабных научных исследований, организации эффективной информационной базы, стимулирования интеграции и действенного управления миграционными процессами.

Ключевые слова: миграция, социализация, моральные ценности, управление, последствия, единое экономическое пространство, нормативно-правовые документы, информация, фобия, стереотипы.

E-mail: lidia_zloynikova@mail.ru

Zlotnikova Lidiya M.,
PhD of Economic Sciences, docent,
Belarusian trade and economic university
of consumer cooperation,
Gomel, Belarus

THE THEORY AND PRACTICE OF SOCIALIZATION OF MIGRANTS AT THE BORDERS OF THE SINGLE ECONOMIC SPACE

Migration studying is concentrated on quantitative changes in structure, the directions and mechanisms of management now. We consider that migration is an objective process, is difficult predicted therefore the main attention in article was paid to socialization problems in the context of social and economic consequences. A common economic space of Republic of Belarus and the Russian Federation – unique object for the analysis social components of bilateral migration. Its feature is noted by duration of a joint social production, realization of uniform moral values, preservation of strong family and friendly relations. Existence of a certain regulatory base between two states allows to create the strong base for carrying out full-scale scientific researches, the organizations of effective information base, stimulation of integration and effective management of migratory processes.

Keywords: migration, socialization, moral values, management, consequences, common economic space, standard and legal documents, information, phobia, stereotypes.

E-mail: lidia_zloynikova@mail.ru

Проблемы социализации в настоящее время представляют собой одно из важнейших направлений гуманитарных исследований, в структуре которых находят отражение не только личные, общественные, но и международные ценности. Их актуальность усиливается постоянно нарастающими миграционными передвижениями, характеризующиеся неуправляемостью, непредсказуемостью, различиями по интенсивности, целям и социально-демографическому составу. Разнообразие определений понятия «социализация» обязывает дать его трактовку в нашем небольшом исследовании. Под социализацией мы понимаем становление, развитие и поддержание социального в человеке. Соотношение природного и социального в человеке способно постоянно изменяться. Поддержание природной компоненты не требует от человека особых усилий. Социальные характеристики и проявления в поведенческой практике требуют усиленной, направленной и постоянной работы не только человека над собой, но и соответствующих социально-экономических и политических институтов. Выбор человеком места жительства, форм и видов занятости являются составляющими процессов социализации. Одним из промежуточных этапов социализации можно считать формирование и реализацию гражданской позиции.

Высшим проявлением эффективной социализации, по нашему мнению, является личность. Личность – это концентрация лучших проявлений профессионализма, ответственности, самореализации и самосознания. Именно меньшинство, нацеленное на революционные преобразования в различных сферах жизнедеятельности человека, способно определять прогресс развития человека, предлагать обществу новые товары, технологии, услуги, механизмы реализации. В трактовке Л. Мизеса: «Спор о роли личности в истории упускает самое главное, суть проблемы. Все, о чем думают, что делают и чего добиваются, – это деятельность индивидов» [2. С. 810]. Взращивание творцов сложно происходит в стабильно развивающейся экономике. Условия постоянного изменения среды обитания, поиска адекватных способов адаптации мигрантов требуют объединения усилий разных стран и разных народов.

Сложно отрицать объективно закономерный характер интеграции в мировой системе. Следуя за тенденциями цивилизационного развития, 2 апреля 1996 г. главы государств Российской Федерации и Республики Беларусь подписали Договор об образовании Сообщества России и Белоруссии. В целях укрепления правового обеспечения нового образования 25 декабря 1998 г. была принята Декларация о дальнейшем единении России и Беларуси. Основные положения нормативных документов теоретически создают правовые условия для удовлетворения жизненных интересов своих граждан. Образование союзного государства направлено на объединение усилий по управлению социально-экономическим развитием. Расширение возможностей человека для эффективной социализации, выявление и развитие человеческого потенциала требуют неуклонного выполнения его основных прав и свобод. Важнейшим инструментом нормативно-правовых положений обозначенных документов признано осуществление единой социальной политики на пространстве России и Беларуси. Эти и многие другие положения нормативных документов сложно подвергать сомнению. Есть один, но очень важный аспект – это теоретическая, а не эмоциональная подготовка, а затем и реализация благих намерений по созданию максимально благоприятных условий для становления гражданина и формирования личности.

В соответствии с математически выверенной точностью успешное функционирование сложных систем предполагает максимально возможное тождество структурных элементов. В нашем случае свободное перемещение людей по территории декларируемого единого пространства предполагает единые правовые социальные, экономические и политические условия. Однако принятые нормативные акты и реальные условия жизнедеятельности человека в обоих государствах радикально отличаются. По данным официальной статистики миграционное движение Республики Беларусь за период между переписями (1999-2009 гг.) составило прирост в 54,5 тыс. человек.

Перерасчет динамики движения населения после переписи 2009 г. за период 2000-2008 гг. выявляет отрицательное миграционное сальдо в 97,0 тыс. человек. Такая же ситуация была характерна и для оценки тенденций в миграционном движении Республики Беларусь и в предыдущий межпереписной (1989-1999 гг.) период [4]. Это свидетельствует о сложности проблемы определения белорусско-российской миграции населения, в которой Республика Беларусь выступает как страна реципиент, так и страна донор.

Эти данные подтверждаются статистическими данными миграционного движения между Россией и Беларусью, приводимые Росстатом и Белстатом. По данным департамента по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь за период 2010-2014 гг. имеется положительное сальдо миграции в 20, 0 тыс. человек. В тоже время, по данным Росстата Российской Федерации в безвозвратном белорусско-российском миграционном обмене Россия имеет положительное сальдо в 30,2 тыс. человек, т.е. отклонение составляет более 50 тыс. человек. Учитывая тот факт, что миграционные потоки между союзными государствами, носят не только официальный характер, но и неофициальный, т.е. постоянно ездят на работу из Беларуси определенное количество трудоспособного населения, как правило, в репродуктивном возрасте, приведенные статистические данные отражают лишь незначительную часть проблемы. К тому же многие наниматели, пользуясь вербальной информацией о принятых правовых документах, часто не требуют обязательной регистрации.

Низкий уровень контроля за миграционными потоками обусловлен еще и тем, что между странами не существует границы, с каждым годом транспортные компании увеличивают свои обороты. За последние 3 года между областными центрами, находящимися на востоке Республики Беларусь, курсируют не только пассажирские поезда, но и большое количество автомобилей. Так, в Гомеле в настоящее время функционируют пять автомобильных транспортных компаний, которые используют маршрутки и полноценные автобусы. Рост транспортного потока говорит о проблемах, связанных с трудовой миграцией. По различным источникам информации общее количество занятых белорусов на рынке труда России колеблется от миллиона (2007-2008 гг.) до 600 тыс. человек (2013-2014 гг.).

Высокая трудовая миграция из Беларуси, на наш взгляд, представляют основу многих проблем, связанных с процессами социализации на территории декларативного союзного сообщества. Мы делаем акцент на декларативном характере союзных отношений по следующим причинам. До настоящего времени правовые документы не получили должного эмпирического содержания. Мигранты из Беларуси, решая проблемы занятости в России, оказываются в противоречивом нормативно-правовом и социально-экономическом положении. Внешние атрибуты Союзного государства в виде герба, флага и гимна скорее маскируют противоречия, чем способствуют их исследованию и решению. Теория миграции предлагает два вида миграции: внутреннюю и внешнюю. Под внутренней понимается перемещение внутри одной отдельно взятой страны. Внешняя трактуется как перемещение между различными странами. Белорусские трудовые мигранты представляют особый тип, так как по нормативно-правовым договорным отношениям формально признано существование единого союзного государства. К тому же белорусы, которые годами работают на территории России, не меняют гражданство, подавляющее большинство живут без регистрации. До недавнего времени белорусским гражданам разрешалось жить без регистрации только 30 дней. Однако, как свидетельствуют результаты личных контактов, многие работодатели не обращали внимания на существовавшие ограничения. В Беларуси не разрешено двойное гражданство, в России двойное гражданство – правовая норма. Количество белорусов, имеющих двойное гражданство, очень сложно установить.

Жизнь в одном государстве, общая история гипотетически отражают наличие многих общекультурных ценностей, обычаев, подавляющее большинство белорусских мигрантов хорошо владеют русским языком, нет особых отличий во внешнем облике, привычкам, формах

и методах коммуникаций. Несмотря на отмеченные тождества в отдельных сферах деятельности белорусские работники в России вынуждены практически полностью нести ответственность за повышение квалификации или получение второго образования. Квалифицированная медицинская помощь оказывается для белорусов еще менее доступной, чем для россиян. Если в мировой миграционной практике в настоящее время преобладает миграция ученых, инженерно-технических специалистов, то белорусы в основном заполняют рабочие места, часто вопреки полученному высшему профессиональному образованию.

Российский рынок для граждан Беларуси – это, прежде всего, возможность получения более высокого дохода для содержания семьи на родине. Более высокие заработки и декларируемая свобода перемещения создают напряженные условия на рынке труда Беларуси. Постоянный рост свободных рабочих мест влечет за собой сокращение поступлений в бюджет государства. Эти и многие другие причины, среди которых получение опыта более высокой организации производства на территории России, повлекли за собой негативную реакцию государства.

2 апреля 2015 в Республике Беларусь своеобразным способом была отмечена дата подписания первого нормативного документа об организации союзного государства. Именно в этот день был подписан декрет Президента Республики Беларусь «О предупреждении социального иждивенчества». В обществе данный нормативный документ получил звучное название «О борьбе с туеядцами». К категории туеядцев причислены, прежде всего, люди, работающие в России. То есть подписанные нормативные документы об общем социально-экономическом пространстве, свободе передвижения ресурсов, в том числе рабочей силы, создания равных условий гражданам Беларуси и России оказываются под большим вопросом. В контексте приведенного примера ярчайшим образом проявляется отсутствие научного обеспечения нормативных государственных документов, ухудшение положения специалистов, получивших возможность не только зарабатывать средства для семьи, но и более эффективно реализовать свой потенциал. Сложившаяся неоднозначная ситуация на рынке труда Беларуси гипотетически может повлечь за собой рост фактической миграции, т.е. люди с двойным гражданством, или пока еще сомневавшиеся в изменении места жительства, могут увеличить численность граждан России.

Сегодня сложно предсказать последствия новых регулирующих механизмов рынка труда на территории Союзного государства. Но одно можно утверждать с высокой долей вероятности. В ближайшие годы Россия вынуждена будет решать проблемы социализации с учетом роста количества мигрантов. Из различных источников известно, что Россия испытывает реальные трудности с наличием детских дошкольных учреждений, средних школ, обеспеченностью кадрами. При всем внешнем сходстве менталитета, традиций в функционировании учебных заведений Беларуси и России существует огромное количество различий. Наличие декларации о едином образовательном пространстве, к сожалению, не имеет нормативно-правовой силы в Республике Беларусь. В течение самостоятельного существования белорусского государства активно реализуется идея национальной системы образования. В возрастающих объемах в учебниках по истории школьникам предлагается информация о войнах между русскими и белорусами. Сторонники утилитарной национализации страны предпринимают реальные шаги по расширению обучения на белорусском языке. Возвышение значимости национальных факторов сопровождается радикальными отличиями в учебных программах на всех ступенях получения образования. Структура учебных предметов, содержание, количество времени на тот или иной предмет, промежуточные и конечные результаты оцениваются в другой системе координат. Гипотетически, если в ближайшее время четверть тех, кто работает в России, захочет переехать на постоянное место жительства (это около 500 тыс. человек), то возможно появление определенных проблем.

Действующие стереотипы в отношениях между народами, проживающими в разных политико-экономических и морально-нравственных условиях, не позволяют ответить на следующие вопросы.

Во-первых, как различаются содержания понятий и действий «добро – зло»? Риторика официальных средств массовой информации в Беларуси основана на абсолютизации различий. Работающий глава семьи в России, может ничего не знать о моральных ценностях членов семьи.

Во-вторых, социология до настоящего времени, на наш взгляд, мало уделяет внимания проблемам языка, который давно превратился в инструмент воздействия на окружающих. Беглый анализ средств массовой информации, различных «оппозиционных сайтов» в Республике Беларусь говорит о том, что языковые штампы негативного содержания в отношении россиян, становятся нормой. Общеизвестно, что мышление тесно связано с используемым языком. Образно говоря, официальный язык протокольных мероприятий и обыденное использование языковых норм характеризуются сущностными различиями. Вербальные штампы используются не только официальными лицами, но и населением. В условиях отсутствия социального контроля, трактуемого как свобода выражения собственного мнения, диверсифицируется использование далеко небезобидных вербальных штампов. Их носители, устанавливая себе особую роль и предназначение, яростно отделяются от окружающего мира.

В-третьих, проблемы миграции в границах союзной территории носят латентный характер. Все перечисленные особенности усиливают роль моделирования социальных процессов, их негативные проявления и последствия.

В условиях глобализации управление процессами миграции традиционными методами: установление квот, регистрация, различные виды оплаты за использование труда мигрантов не приносят ожидаемого эффекта. Желавшие переселиться на территорию другой страны находят различные способы для этого и достигают своей цели. При этом не только поддерживают коррупцию, но и стимулируют создание различных неформальных организаций. Информация давно стала в прямом и переносном смысле двигателем социального поведения человека. Еще несколько десятилетий тому назад многие не знали понятия «фобия». Сегодня формирование фобий в отношении людей, языка стали настолько распространены, что многие помимо своей воли начинают испытывать неосознанный страх перед представителями другой страны.

Несмотря на огромное количество официальной риторики об успехах интеграционных процессов между Россией и Беларусью, по мнению жителей Беларуси, «россияне – это захватчики, агрессоры, коррупционеры, воры, бандиты и т.д.» Сколько времени и как придется воздействовать на человека в буквальном смысле слова «переформатированного на русофобское поведение»?

Внесенная в сознание людей более двадцати лет тому назад мысль о том, что государство должно быть отделено от идеологии, приносит свои плоды. Сегодня все чаще обращается внимание на моральные и нравственные ценности, их влияние на поведенческие практики, отношения и коммуникации между людьми. Хотелось бы напомнить, что мораль – это общепринятые нормы и правила поведения, а идеология представляет собой в узком смысле слова набор идеалов, к которым стремится человек и общество в целом. Мораль и идеология тесно связаны, отдельное существование проблематично. Трансформация экономических целей и ценностей стала возможна на основе отрицания предыдущего исторического опыта совместного проживания. Однако, несмотря на то, что выросло новое поколение, потребительское отношение к России, у жителей Беларуси остается по-прежнему очень сильным. Успехи оцениваются как результаты собственной деятельности, а неудачи как «российские проекты, нацеленные на завоевание и подчинение белорусского народа».

Демографические проблемы, на наш взгляд, это, прежде всего проблемы кризиса ценностей, идеалов и либеральной утопии. Широко растиражированная система утопических взглядов классической экономической теории, рожденной в умах мыслителей и никогда не существовавшей в реальности, оказала пагубное воздействие на жизнедеятельность человека. На первый взгляд, может показаться непривычным, нелогичным и т.д. в рамках рассмотрения проблем миграции, обращение к проблемам культуры, нравственности и морали. Но именно нацеленность на повышение материального благосостояния толкает людей на радикальные перемены в жизни. Поэтому, отделяя демографические проблемы от социально-экономических условий жизнедеятельности прошлой жизни с ее идеалами, ценностями, невозможно даже приблизиться к объективной оценке происходящего. Очевидная несостоятельность тиражирования экономики потребления в условиях эмоционального раздела единой социально-экономической системы, отсутствие научного обоснования историко-социального значения социалистического государства представляются нам латентной системой трудностей межстрановой миграции. Можно по-разному относиться к истории единой страны, раздражаться, негодовать или, наоборот, восторгаться, очевидно, только одно, отсутствие генетических механизмов передачи социального опыта не означает, что длительное совместное проживание осталось в прошлом. Историческая память по-прежнему оказывает влияние на поведение людей. Многие не хотят мириться с тем, что существуют различные институциональные, правовые преграды на пути выбора удобного места жительства. Сложно, а иногда и невозможно, объяснить человеку, что положения, закрепленные в нормативных межгосударственных документах, не имеют прямого действия, их реализация возможна только в условиях разработки огромного пакета ведомственных инструкций и правил. Красной нитью в декларациях о союзе двух государств проходит положение о совместных усилиях развития науки, образования, культуры, формирование общего научного, технологического и информационного пространства, согласование социальной политики, включая вопросы равенства в трудоустройстве, оплате труда, получения медицинской помощи и т.д. Реальность можно продемонстрировать на примере функционирования Республиканского центра радиационной медицины, расположенного в г. Гомеле. Его строительство началось как союзный проект для оказания эффективной медицинской помощи пострадавшим от аварии на Чернобыльской станции. В настоящее время вопросы «равной» доступности решаются значительными различиями в ценах предоставляемых услуг. Более высокие цены на лечение не только в центре, но и на санаторно-курортные услуги для россиян по сравнению с белорусами способствуют формированию фобий. Фраза «понаехали» – это уже не просто эмоции, она все чаще выражает негативное отношение к россиянам.

В определенной степени можно объяснить стремление государства с наименьшими затратами пополнить государственный бюджет. Однако сложно найти социально-экономические оправдания системной изоляции. Последняя базируется на упорном стремлении создать не только собственную науку, сформировать собственное образование, но и изолировать промышленное производство. Примеров неудачного, т.е., неэффективного, создания собственного производства огромное количество. Это длительные переговоры о создании совместных предприятий в автомобилестроении и комбайностроении, которые закончились в буквальном смысле ничем. Страны понесли серьезные экономические потери. Но ученые, прежде всего экономисты и социологи, пока находятся в роли сторонних наблюдателей, не торопятся представить объективные оценки материальных, экономических потерь. Множество причин отстраненности гуманитариев от реальных процессов, на наш взгляд, можно свести к оценке роли социологии П. Сорокиным: «имеет дело по своим специальным направлениям со всеми сферами ...пространства» [З. С. 161]. Социология, не отставая от процессов дифференциации и узкой специализации в естествознании и материальном производстве, оказалась разделенной на множество частных теорий. Талант предвидения обозначенного процесса П. Сорокина

нашел выражение: «...homo socius социологией рассматривается как родовой и многогранный, одновременно и нераздельно экономический, политический религиозный, этический, художественный, частью рациональный и утилитарный, частью нерациональный и даже иррациональный и при всем этом отличающийся непрерывным взаимодействием все этих аспектов» [З. С. 162].

Проблемы миграции в рамках построения Союзного государства Белоруссия-Россия представляются нам важнейшим предметом не только развития новой социологии, повышения ее реальной теоретической и эмпирической значимости, но прочным основанием для интеграции гуманитарной науки двух стран. Бесспорно, что миграция между странами находится в прямой зависимости от экономического, социального развития, политического климата и возможностей реализации личных целей. Какие внутренние причины в обеих странах тормозят объективно обусловленный процесс интеграции и какие могут появиться в ближайшей перспективе – ответить очень сложно. Практика показывает, что все предпринимаемые попытки реализовать амбиции национальной независимости оказались дорогостоящей иллюзией. Создание нового производства без подлинной экономической, социальной, научной и культурной интеграции с Россией оказывается такой же мечтой, как свободное вхождение в мировую экономическую систему. В Беларуси гипотетически пока единственным действенным ресурсом, практически не востребованным, остается человеческий потенциал. Можно много и долго говорить, и писать о сохранившейся производственной инфраструктуре, промышленном потенциале и т.д. Но материальные факторы характеризуются не только физическим и моральным старением, создание нового высокопроизводительного, социального и экономического эффективного хозяйства подвластно только человеку, объединяющему усилия с себе подобными. Решение проблем неуправляемой миграции находится в плоскости подлинной производственно-экономической, социально-культурной и научной интеграции. В заключение хотелось бы привести слова великого физика и человека С. П. Капицы из последней научной работы «Парадоксы роста: Законы развития человечества»: «Моделирование роста человечества дает возможность обратиться к проблемам нашего времени и процессам, происходящим в России. Именно ответственное управление обществом и «конструирование будущего» требуют понимания масштаба нынешней революции и в первую очередь обращения к сознанию и культуре. В этом случае материальное развитие и тем более стремление к обществу потребления больше не могут считаться столь приоритетной целью развития, как в недалеком прошлом» [1. С. 35].

Список литературы

1. Капица С.П. Парадоксы роста: Законы развития человечества: Монография. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2010. – 102 с.
2. Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. – Москва: Экономика, 2000. – 878 с.
3. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество: Монография. – Москва: Политиздат, 1992. – 543 с.
4. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Статистический сборник. 2015. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015. – 449 с.

Интернет источники

5. Демографический ежегодник России. 2014. Статистический сборник. – Москва: Федеральная служба государственной статистики России, 2014. (Электронная версия). – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1686071/> – (Дата обращения: 02.11.2015).

Зубец Алексей Николаевич,
доктор экономических наук,

руководитель Департамента социологии и политологии
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

Сазанакова Александра Сергеевна,

магистрант II курса факультета социологии и политологии
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

Зиброва Ольга Сергеевна,

магистрант I курса факультета социологии и политологии
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

МЕЖДУНАРОДНАЯ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

В статье рассмотрены вопросы измерения качества жизни населения страны в целом, отдельных федеральных округов, регионов и городов России с использованием показателей межстрановой и межрегиональной миграции. Предложены подходы к ранжированию федеральных округов, регионов и городов России по качеству жизни с использованием статистики миграции населения, а также с использованием субъективных показателей, полученных на основании опросов населения, которые описывают миграционные настроения и удовлетворенность своей жизнью среди населения.

Ключевые слова: качество жизни, миграция, миграционные настроения, удовлетворенность жизнью.

E-mail: ANZubets.fa.ru, sazanakova.alex@gmail.com, zibrovaolga@gmail.com

Zubets Alexey N.,

Doctor of Economic Sciences,
Head of the faculty of Sociology and Political Science,
Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia

Sazanakova Alexandra S.,

II year master student of the faculty of Sociology and Political Science,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Zibrova Olga S.,

I year master student of the faculty of Sociology and Political Science,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

INTERNATIONAL AND INTERREGIONAL MIGRATION AS AN QUALITY OF LIFE INDICATORS POPULATION

The article is dedicated to the issues of life quality measurement. Authors suggest the approaches to measuring quality of life in federal districts, regions and cities of Russia using statistics of international and interregional migration and subjective indicators obtained from surveys describing the migration moods and satisfaction with their lives among the population.

Keywords: quality of life, migration, migration mood, life satisfaction.

E-mail: ANZubets.fa.ru, sazanakova.alex@gmail.com, zibrovaolga@gmail.com

В последние десятилетия в научных исследованиях все более популярной становится тема качества жизни населения. Его повышение является, по мнению очень многих ученых, критерием эффективности социально-экономического развития. Однако так было не всегда. До второй половины XX века центральная роль наращивания производства и потребления товаров и услуг в части повышения комфортности жизни человека и защиты его от внешних опасностей не вызывала сомнений – ровно в той степени, в какой не были удовлетворены базовые потребности широких групп населения. Например, в Директивах по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971 – 75 годы, принятых на XXIV съезде КПСС, было указано: «главная задача пятилетки состоит в том, чтобы обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда». Была также поставлена задача насыщения рынка промышленными товарами народного потребления при стабильном уровне государственных розничных цен – и при этом ни слово том, что сегодня называется «качеством жизни» [1].

Однако с ростом уровня потребления выяснилось, что, начиная с определенного уровня благополучия, рост доходов не обеспечивает адекватного увеличения доли людей, удовлетворенных жизнью и считающих себя счастливыми. Поэтому на сегодняшний день можно говорить о том, что экономическое развитие, наращивание производства товаров и услуг перестало быть центральным элементом системы, обеспечивающей рост комфортности существования человека. Специалисты начали поиск показателей, которые могли бы заменить наращивание ВВП в качестве индикатора эффективности, «критерия истины» социально-экономического развития. На эту роль сегодня с серьезными основаниями претендует понятие «качества жизни человека».

Проблема «качества жизни» впервые стала обсуждаться в науке и в социальных исследованиях в 60-х годах XX века в связи с вопросами общественной безопасности, состояния окружающей среды и сохранения здоровья людей. В настоящее время она приобрела более объемный и сложный характер, включая в себя проблематику целей и ценностей общества, а также отдельного человека.

В настоящее время проблема качества жизни людей – одна из наиболее обсуждаемых и в научных кругах, и в общественно-политических СМИ. Сегодня и Правительство России рассматривает его как один из ключевых индикаторов социально-экономического развития. Цели и приоритеты политики Правительства Российской Федерации в этой области определены «Основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года» [8]. В них указано, что «Правительству Российской Федерации предстоит ... обеспечить устойчивое и динамичное повышение качества жизни россиян, решение демографических, социальных и экологических задач, надежное обеспечение национальной безопасности». В своем Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации от 4 декабря 2014 года Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил необходимость определить, «какие передовые решения потребуются для того, чтобы обеспечить национальную безопасность, высокое качество жизни людей». Как видно, это понятие стало общепотребительным не только в научной среде, но и среди лиц, занимающихся стратегическим развитием страны [9].

На сегодняшний день существует множество подходов к трактовке понятия «качество жизни». Разные исследователи включают разные системы показателей для измерения качества жизни [2-5]. В различных подходах качество жизни определяется условиями существования человека и измеряется через социально-экономические показатели общего благосостояния людей. Подходы к определению качества жизни можно разделить на две крупные основные группы: объективные и субъективные. Объективные подходы сосредотачиваются

на таких компонентах качества жизни, как пища, жилье, образование. Пример такого подхода – Индекс человеческого развития (ИЧР), который рассчитывается ООН ежегодно для сравнения уровня жизни в различных странах [10]. Индекс публикуется в рамках Программы развития ООН в отчётах о развитии человеческого потенциала и был разработан в 1990 году.

При подсчёте ИЧР учитываются 3 вида показателей:

- ожидаемая продолжительность жизни;
- уровень грамотности населения страны;
- уровень жизни, оценённый на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) в долларах США;
- ИЧР ООН является наиболее известным, но не единственным расчетным показателем качества жизни людей, основанным на анализе объективных показателей социально-экономического развития (см. анализ источников по этой теме в [6]).

Серьезным недостатком методов оценки качества жизни, основанных на использовании объективных показателей социально-экономической статистики, является субъективный характер их отбора, а также неопределенность степени влияния на фактическое качество жизни людей. Неясным и субъективным, как правило, является назначение весовых коэффициентов, используемых для объединения различных объективных индикаторов в интегральные показатели качества жизни.

В рамках этих подходов вообще неясно, в какой степени объективные показатели отражают реальную комфортность среды существования человека.

Ответом на сомнения в объективности способов расчета показателей качества жизни, основанных на данных социально-экономической статистики, является переход на методы оценки, основанные на субъективных представлениях человека об условиях собственного существования, которые получены по данным социологических опросов. Субъективные подходы сосредотачиваются на рассмотрении ценностных установок и переживаний. Согласно субъективному подходу, качество жизни складывается из самочувствия, удовлетворенности жизнью, счастья (или комбинации этих элементов).

Ярким примером методов оценки качества жизни людей, основанных на данных социологических исследований, может быть Глобальный индекс благополучия, разработанный исследовательской организацией Gallup совместно с Healthways [7]. Глобальный индекс благополучия является мировым барометром восприятия собственного благополучия населением. Фактической базой индекса стали социологические исследования, проведенные по всему миру в рамках программы Gallup World Poll. Данные позволили оценить благополучие человека на индивидуальном уровне, уровне семьи, компании или организации, где человек работает, города, области, страны и на глобальном уровне. Индекс включает в себя пять элементов благополучия: наличие у человека жизненных целей и возможность их достичь; круг общения, семейное благополучие; финансовое благополучие; комфортные отношения на уровне местного сообщества; здоровье.

Чтобы получить представление об уровне благополучия по каждому из этих направлений, респондентам задают следующие вопросы. Согласны ли вы с тем, что:

- вам нравится то, что вы делаете каждый день;
- вы узнаете или делаете что-то интересное каждый день;
- в вашей жизни есть человек, который всегда поощряет вас, чтобы быть здоровым,
- ваши друзья и семья дают вам положительную энергию каждый день;
- у вас есть достаточно денег, чтобы сделать все, что вы хотите;
- в течение последних семи дней вы волновались о деньгах;
- город или район, где вы живете является идеальным местом для вас;
- в течение последних 12 месяцев вы получили признание за содействие в улучшении города или района, где вы живете;

- в течение последних семи дней вы были активны каждый день;
- ваше физическое здоровье почти идеальное.

В рамках индекса уровень благополучия человека по каждому показателю описывается тремя уровнями: «процветает», «борется» или «страдает». «Процветание» определяется как высокий уровень благополучия, «борьба» – умеренное или нестабильное благополучие, «страдание» – низкий и нестабильный уровень.

Однако и у субъективных методов оценки качества жизни, основанных на данных социологических исследований, есть свои недостатки. Применение большого количества субъективных показателей для исследования качества жизни населения не только значительно осложняет процесс самого исследования, но и увеличивает срок его проведения. По-прежнему остается проблема субъективности отбора тех или иных показателей. При этом неясно, чем объясняется тот или иной уровень субъективной оценки собственного благополучия респондентом: реальной доступностью благ, необходимых для обеспечения высокого качества жизни, или же незнанием об их существовании?

Таким образом, очевидно, что оценка качества жизни нуждается в комплексном подходе, при котором, с одной стороны, ее делали бы сами люди, и, с другой стороны, оценки благополучия, сделанные населением, поддавались бы более или менее простой объективной оценке. В качестве такого простого и объективного показателя может быть использован баланс миграционных потоков, как международных, так и внутрироссийских. В рамках данного подхода предполагается, что население «голосует ногами» за качество жизни на различных территориях, покидая менее благополучное место жительства в пользу более комфортных и притягательных стран, регионов и городов. Фактически, это интегральный показатель, обобщающий уровень дохода и наличие высокооплачиваемых рабочих мест, качество и доступность жилья, работу коммунальных служб, благоустройство города, удобство для путешествий и состояние транспортной инфраструктуры, уровень развития здравоохранения и образования в городе, климат, экологическую обстановку. К ним относятся, среди прочего, политические, языковые, этнические характеристики социальной среды существования человека, которые могут повышать или понижать качество его жизни. При этом, принимая решения о миграции, человек «взвешивает» положительные и отрицательные составляющие качества жизни, применяя субъективные «весовые коэффициенты», отражающие их значимость. Кроме того, баланс миграции – достаточно легко наблюдаемый показатель, отражающийся в статистке регистрации граждан.

Этот подход сочетает в себе простоту и универсальность: специалисту, анализирующему качество жизни на той или иной территории, нет необходимости отбирать наиболее важные индикаторы, а также замерять и комбинировать объективные и субъективные показатели. Отпадает потребность определять весовые коэффициенты для таких разнородных индикаторов, как например, транспортная доступность, культурная и языковая среда, средняя годовая температура, доступность хорошей работы или уровень дохода. Всю эту работу проделывает сам потребитель, предоставляя исследователям готовый вывод из «интегрирования» всех важных для него показателей – факт отъезда на новое место жительства или готовность остаться на месте.

Анализ баланса международной миграции из России и в Россию по данным Росстата за 2014 год (табл. 1) показывает, что Россия, например, по состоянию на 2014 год превосходила по качеству жизни такие страны, как Польша, Венгрия, Италия или Греция. При том, что Россия уступает этим странам по размеру душевого ВВП, полученный результат может показаться неверным. Однако надо иметь в виду, что в России гораздо ниже как общий уровень безработицы, так и безработица среди квалифицированных специалистов, что и приводит, в конечном счете, к более высокой оценке качества жизни в нашей стране.

**Сальдо международной миграции России со странами мира по данным Росстата за 2014 год
(въехавшие и выехавшие на постоянное место жительства)**

Сальдо международной миграции, (+ перевес въезда в Россию над выездом, – перевес отъезда из России над въездом)					
№	Страна	Баланс миграции с Россией	№	Страна	Баланс миграции с Россией
1	Германия	-1053	34	Куба	93
2	США	-948	35	Япония	115
3	Финляндия	-548	36	Пакистан	150
4	Канада	-521	37	Литва	161
5	другие страны	-348	38	Республика Корея	166
6	Австралия	-237	39	Йемен	170
7	Великобритания	-216	40	Нигерия	220
8	Нидерланды	-192	41	Замбия	230
9	Норвегия	-172	42	Турция	244
10	Швейцария	-166	43	Марокко	268
11	Чешская Республика	-146	44	Эстония	303
12	Испания	-134	45	Египет	333
13	Бельгия	-119	46	Греция	387
14	Франция	-114	47	Индия	475
15	Новая Зеландия	-107	48	Ирак	510
16	Дания	-98	49	Вьетнам	571
17	Швеция	-83	50	Латвия	607
18	Австрия	-76	51	Сирия	637
19	Португалия	-53	52	Афганистан	773
20	Болгария	-28	53	Абхазия	868
21	Израиль	-28	54	КНДР	1519
22	Белиз	-20	55	Китай	1955
23	Сербия	-13	56	Туркмения	2598
24	Польша	6	57	Грузия	4178
25	Венгрия	11	58	Беларусь	6722
26	Италия	14	59	Азербайджан	12350
27	Ливан	30	60	Киргизия	15255
28	Перу	31	61	Республика Молдова	17498
29	Бангладеш	45	62	Таджикистан	19340
30	Южная Осетия	49	63	Армения	23953
31	Монголия	58	64	Узбекистан	36733
32	Иордания	61	65	Казахстан	40768
33	Палестина	62	66	Украина	84939

Разумеется, у такого подхода к оценке качества жизни есть ограничения. Рейтинг качества жизни, построенный на анализе миграционных потоков, говорит нам об относительном качестве среды существования человека в той или иной стране, не давая нам построить систему абсолютных показателей. Кроме того, миграция определяется режимом пересечения границы и получения права на постоянное проживание, установленным той или иной страной, что, безусловно, снижает точность оценок.

Миграционный подход к оценке качества жизни гораздо лучше работает внутри страны, где нет ограничений на межрегиональное перемещение населения. Нами представлены расчеты по данным Росстата, отражающие миграционные потоки между федеральными округами России (табл. 2). Из таблицы видно, что наибольшие относительные потери населения несут Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа, прием мигрантов осуществляя территории Центра, Северо-Запада и Юга России.

Таблица 2

Балансы миграции (человек) между отдельными федеральными округами России, а также отношение баланса мигрантов к населению округов

Показатель	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Отношение баланса мигрантов к населению округа	0,31%	0,26%	0,13%	-0,29%	-0,17%	-0,11%	-0,24%	-0,57%
Центральный		-6514	-15983	-14426	-42178	-11094	-18240	-10947
Северо-Западный	6514		-2444	-5079	-9900	-5436	-11043	-8383
Южный	15983	2444		-5211	-3594	-5399	-6208	-10497
Северо-Кавказский	14426	5079	5211		1141	2724	-345	-214
Приволжский	42178	9900	3594	-1141		1422	-3096	-2398
Уральский	11094	5436	5399	-2724	-1422		-3504	-847
Сибирский	18240	11043	11962	345	3096	3504		-2390
Дальневосточный	10947	8383	10497	214	2398	847	2390	

Отношение баланса миграции к населению региона наглядно показывает, что наивысшим качеством жизни среди регионов России сегодня отличаются г. Севастополь, г. Москва, Московская область, Краснодарский край и Республика Крым (табл. 3).

Таблица 3

Отношение баланса миграции к населению региона за 1 полугодие 2015 года по данным Росстата

№	Субъект федерации	Показатель	№	Субъект федерации	Показатель
1	г. Севастополь	2,46%	44	Республика Башкортостан	-0,05%
2	г. Москва	0,56%	45	Вологодская область	-0,06%
3	Московская область	0,52%	46	Нижегородская область	-0,06%
4	Краснодарский край	0,51%	47	Смоленская область	-0,06%
5	Республика Крым	0,48%	48	Удмуртская Республика	-0,06%
6	Калининградская область	0,34%	49	Брянская область	-0,06%
7	Республика Адыгея	0,27%	50	Рязанская область	-0,07%
8	Курская область	0,25%	51	Владимирская область	-0,07%
9	Республика Ингушетия	0,24%	52	Пензенская область	-0,08%
10	Республика Алтай	0,22%	53	Тверская область	-0,08%
11	Чукотский АО	0,21%	54	Республика Тыва	-0,08%
12	Белгородская область	0,20%	55	Пермский край	-0,09%

№	Субъект федерации	Показатель	№	Субъект федерации	Показатель
13	Ненецкий АО	0,17%	56	Омская область	-0,10%
14	Воронежская область	0,16%	57	Ивановская область	-0,10%
15	Ленинградская область	0,14%	58	Волгоградская область	-0,11%
16	Липецкая область	0,14%	59	Республика Марий Эл	-0,11%
17	Тюменская область	0,12%	60	Чувашская Республика	-0,11%
18	Ярославская область	0,12%	61	Тамбовская область	-0,12%
19	Республика Хакасия	0,11%	62	Иркутская область	-0,12%
20	Ханты-Мансийский АО	0,11%	63	Оренбургская область	-0,13%
21	Новгородская область	0,09%	64	Кировская область	-0,13%
22	Новосибирская область	0,09%	65	Томская область	-0,13%
23	Псковская область	0,04%	66	Орловская область	-0,14%
24	Республика Татарстан	0,04%	67	Мурманская область	-0,15%
25	Костромская область	0,04%	68	Амурская область	-0,16%
26	Челябинская область	0,04%	69	Приморский край	-0,16%
27	Тульская область	0,03%	70	Республика Саха (Якутия)	-0,17%
28	г. Санкт-Петербург	0,03%	71	Кабардино-Балкария	-0,20%
29	Ростовская область	0,02%	72	Забайкальский край	-0,21%
30	Саратовская область	0,01%	73	Хабаровский край	-0,23%
31	Республика Мордовия	0,00%	74	Курганская область	-0,24%
32	Чеченская Республика	0,00%	75	Республика Дагестан	-0,24%
33	Свердловская область	-0,01%	76	Республика Северная Осетия	-0,26%
34	Кемеровская область	-0,01%	77	Архангельская область	-0,27%
35	Калужская область	-0,02%	78	Карачаево-Черкесская Республика	-0,27%
36	Сахалинская область	-0,02%	79	Астраханская область	-0,28%
37	Республика Карелия	-0,02%	80	Еврейская авт. Область	-0,35%
38	Республика Бурятия	-0,02%	81	Камчатский край	-0,41%
39	Красноярский край	-0,03%	82	Республика Калмыкия	-0,43%
40	Алтайский край	-0,03%	83	Республика Коми	-0,46%
41	Ставропольский край	-0,04%	84	Ямало-Ненецкий АО	-0,55%
42	Ульяновская область	-0,04%	85	Магаданская область	-0,64%
43	Самарская область	-0,05%			

Как указано выше, анализ миграционных потоков дает возможность построить относительный рейтинг качества жизни населения стран или регионов, при этом не позволяет оценить его в абсолютных показателях. Для преодоления этого препятствия можно рассчитать комплексный индекс качества жизни в городах России, основанный на следующем наборе социально-экономических показателей:

- отношение числа прибывших в город на постоянное место жительства к числу тех, кто покинул город;
- готовность к миграции, рассчитываемая по данным социологических опросов;
- удовлетворенность жизнью среди населения города, для расчета которой также используются данные социологических опросов.

Субъективный показатель «Готовность к миграции» отражает настроения населения, готовность покинуть город, «проголосовав ногами» за низкое качество жизни на этой территории. Отдельно мы рассматриваем удовлетворенность жизнью населения по отдельным городам. Как и готовность к миграции, он обобщает различные составляющие качества жизни в том или ином городе, «интегрируя» их с определенными «весами», означающими потребительскую ценность.

При построении обобщающего индекса качества жизни были использованы следующие весовые коэффициенты: индекс баланса миграции – 0,25; индекс готовности к миграции – 0,25; индекс удовлетворенности жизнью – 0,5. При этом миграционные потоки отражаются двумя показателями – фактической миграцией (балансом миграции), объективным показателем, рассчитываемым на основании данных официальной статистики Росстата, а также субъективной готовностью к миграции. Обоим показателям мы присваиваем равные веса по 0,25 в силу одинаковой важности этих индикаторов.

Обобщающий Индекс качества жизни по городам России с населением более 500 тыс. человек, рассчитанный на основании приведенного выше подхода, представлен на рис. 1.

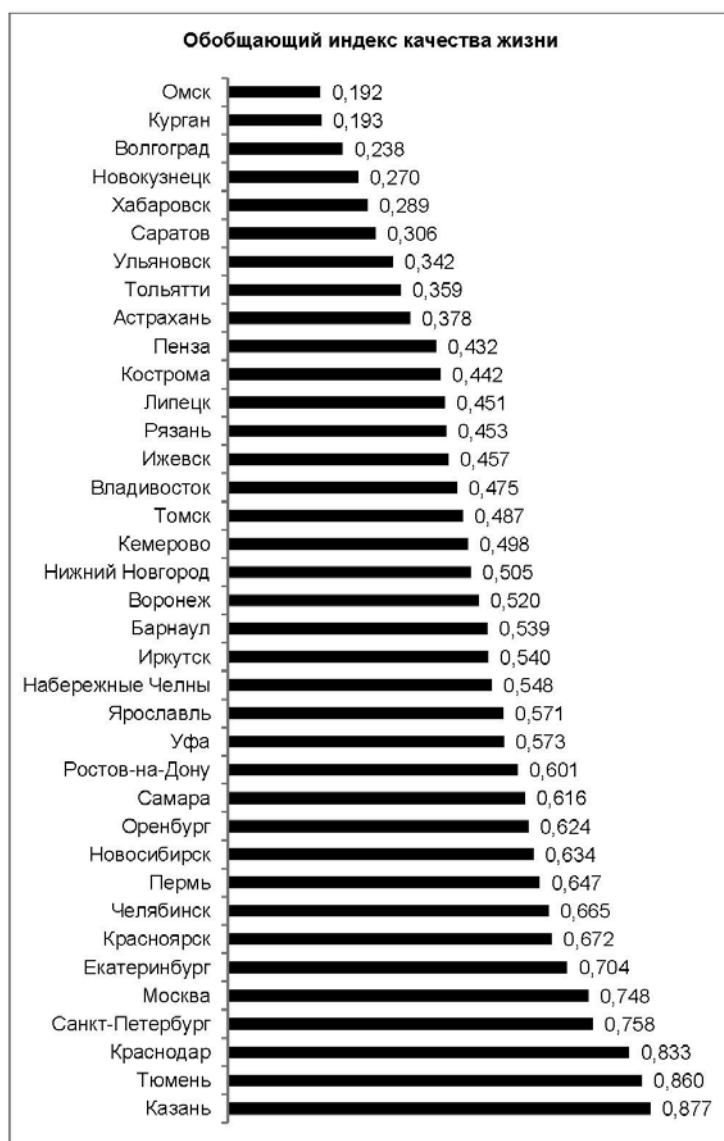

Рис. 1. Обобщающий индекс качества жизни по крупным и средним городам России, построенный на основании субъективных и объективных миграционных показателей

Таким образом, качество жизни населения является интегральным показателем, в состав которого могут входить различные объективные и субъективные индикаторы. Одним из таких индикаторов могут служить миграционные потоки, как внутри страны, так и международные, поскольку человек стремится найти наиболее комфортные условия для жизни. К числу таких условий относится качество жилья, условия труда, инфраструктура города, развитость сферы услуг и т.д. Данный подход позволит проводить своевременный мониторинг качества жизни в регионах, опираясь на данные официальной статистики и социологических опросов.

Список литературы

1. XXIV съезд КПСС, стенографический отчет, Т. 2. – М., 1971. – С. 16; С. 227.
2. Айвазян С. А. Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях / С.А. Айвазян; Рос. акад. наук, Центр. экон.-мат. ин-т. – М.: ЦЭМИ РАН, 2000. – 117 с.
3. Айвазян С. А. Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения. Часть I. Методология анализа и пример ее применения / С.А. Айвазян // Мир России. – 2010. – Т. X. – № 4. – С. 59–96.
4. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 3–42.
5. Спиридонов С. П. Индикаторы качества жизни и методологии их формирования // Вопросы современной науки и практики / Университет им. В. И. Вернадского. – 2010. – № 10-12 (31). – С.208-223.

Интернет источники

6. Отчет о НИР ГЗ-2014 «Исследование качества жизни в городах России. – М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2014. – С. 40-62. – Режим доступа: http://www.fa.ru/chair/priklsoc/Documents/21_12_2014_Life_Quality.pdf (Дата обращения: 10.11.2015).
7. Описание на сайте проекта Gallup-Healthways Wellbeing Index по адресу – Режим доступа: <http://www.well-beingindex.com/> (Дата обращения: 10.11.2015).
8. См. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (новая редакция) от 4 мая 2015 года. – Режим доступа: <http://government.ru/news/18119/> (Дата обращения: 09.11.2015).
9. См. Послание Президента Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 года. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (Дата обращения 9.11.2015)
10. См. на сайте программы UNDP. – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en> (Дата обращения: 10.11.2015).

Красинец Евгений Семенович

кандидат экономических наук,
заведующий лабораторией миграционных исследований
Института социально-экономических проблем народонаселения
Российской академии наук, г. Москва, Россия

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

(Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-02-00122) и РФФИ,
проект 15-06-05817)

В статье рассматривается комплекс вопросов трудовой миграции населения и ее социально-экономических последствий в современной России. Анализируются противоречивые последствия трудовой иммиграции, ее позитивные и негативные эффекты для развития национальной экономики. Обсуждаются проблемы притока на отечественный рынок труда низкоквалифицированной рабочей силы из-за рубежа. Дается оценка проблемам нелегальной миграции и незаконной занятости трудовых мигрантов. Освещается ряд ключевых направлений, связанных с совершенствованием государственной миграционной политики Российской Федерации. Выдвигаются предложения в области законодательного и нормативно-правового обеспечения миграционных процессов. Формулируются рекомендации в части информационно-аналитического обеспечения реализации миграционной политики российского государства. Привлекается внимание к вопросам расширения международного сотрудничества России по вопросам миграции в формате Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, иностранная рабочая сила, миграционная политика.

E-mail: e_krasinets@mail.ru

Krasinets Eugene S.,

PhD of economic sciences,
Head of the laboratory for migration studies,
Institute of Social and Economic Studies of Population, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

LABOUR MIGRATION ISSUES AND IMPROVING THE MIGRATION POLICY IN MODERN RUSSIA

(Produced with the financial support of RGNF, project No. 15-02-00122 and RFBR,
project 15-06-05817)

In the article the complex of questions of labor migration and its social and economic consequences in modern Russia are considered. Contradictory consequences of labor immigration, its positive and negative effects for development of national economy are analyzed. Inflow problems on labor market of the low-qualified foreign labor are discussed. The assessment is given to problems of illegal migration and irregular employment of labor migrants. A number of the key directions connected with improvement of the state migration policy of the Russian Federation are lit. Proposals in the field of legislative support of migration are made. Recommendations regarding information and analytical ensuring realization of migration policy of the Russian state are formulated. The attention is drawn to questions of expansion of the international cooperation of Russia on migration on the format of the Eurasian Economic Union.

Keywords: migration, labour migration, foreign labour, migration policy.

E-mail: e_krasinets@mail.ru

В современных условиях социально-демографического развития Российской Федерации существенно возрастает значение миграции, как компонента демографической динамики и составной части отечественного рынка труда. Миграции принадлежит особая роль в достижении стратегически необходимых параметров демографического развития, определенных в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Одной из главных особенностей современной миграционной обстановки в России является ее активное вовлечение в мировой рынок труда. Привычным фактом повседневности в стране стали трудовые мигранты. Трудовая иммиграция – наиболее массовый, динамичный и значимый с социально-экономической точки зрения миграционный поток в стране. Масштабы этого явления ежегодно оцениваются в несколько миллионов человек. Как следствие массового притока трудовых мигрантов в национальную экономику решаются многие экономические проблемы, улучшается сбалансированность отечественного рынка труда, компенсируется недостаток рабочей силы. С использованием трудовых мигрантов усиливается ресурсный потенциал экономического роста, реализуются многие важные инвестиционные проекты. В результате притока рабочей силы из-за рубежа формируется дополнительный спрос, стимулируется рост инвестиций. Иностранцы активно используются в реализации крупномасштабных проектов (строительство объектов саммита АТЭС во Владивостоке, зимней Олимпиады в Сочи), работают на стройках, заняты в сельском хозяйстве, трудятся в сфере торговли, точках общественного питания, на транспорте, в ЖКХ, гостиничном бизнесе, оказывают различные услуги домохозяйствам, осуществляют уход за детьми, больными и престарелыми на дому. Мигранты из-за рубежа позволяют многим российским компаниям, малым и средним предприятиям сохранять конкурентноспособность из-за низкой стоимости иностранной рабочей силы. Благодаря трудовым мигрантам повышается доступность товаров и услуг для сравнительно бедной части населения России. Трудовая миграция оказывает прямое воздействие на экономическое развитие. По имеющимся оценкам, трудовыми мигрантами создается от 8 до 10% ВВП страны [1. С. 274]. Привлечение и использование иностранных работников в соответствии с потребностями российской экономики являются необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития.

Несмотря на постепенную нормализацию в России трудовой миграции, в этой сфере сохраняется ряд острых проблем, затрагивающих важные сферы жизни российского общества. В межгосударственной миграции основные миграционные потоки, их направления и структура, а также качественный состав мигрантов уже длительное время не отвечают текущим и стратегическим национальным интересам Российской Федерации. Количество и качество прибывающих в страну трудовых мигрантов не соответствует потребностям инновационного развития отечественной экономики. Поток мигрантов, прибывающих в Россию, в значительной мере состоит из людей низкой квалификации, иной ментальности и культуры, зачастую не владеющих русским языком. В страну в поисках работы по большей части едут люди без высшего, средне-профессионального, а иной раз – и без общего среднего образования. Основная масса мигрантов прибывает из бедных стран и регионов, заполняет ниши в нижнем сегменте рынка труда, сосредотачивается в нижней части социальной пирамиды, что приводит к маргинализации населения и снижению качества трудового потенциала страны. Занятость мигрантов в сфере неквалифицированного труда характеризуется не только его низкой престижностью и оплатой, но также и тем, что в значительной мере она встраивается в неформальные и теневые сектора экономики. Доступность дешевой иностранной рабочей силы ослабляет стимулы для инвестиций, обеспечивающих ускоренный рост производительности труда. Масштабное использование малоквалифицированного и низкооплачиваемого труда мигрантов тормозит процессы модернизации экономики и консервирует отсталость страны. Массовый приток малоквалифицированных, культурно более далеких и менее адаптивных мигрантов – серьезный вызов российскому государству и миграционной политике страны.

В современных условиях особого внимания требуют процессы нелегальной миграции и незаконной занятости иностранных граждан. В связи с невозможностью точно измерить масштабы этого явления разброс экспертных оценок количества незаконных мигрантов очень велик – от 3 до 10 млн. человек [2. С. 25]. По официальным источникам информации, в России количество незаконных мигрантов составляет свыше 4 млн. человек [3. С. 282]. По данным ФМС России, в 2014 году в результате нарушения миграционного законодательства въезд в Россию был закрыт для 676 тыс. иностранных граждан, выдворено и депортировано свыше 139 тыс. человек [6]. Основная масса трудовых мигрантов сосредоточена в теневом секторе экономики, либо работает с нарушением трудового, налогового и прочего законодательства РФ. Незаконное использование работодателями дешевой и бесправной иностранной рабочей силы усиливают давление на рынок труда низкоквалифицированной рабочей силы, ставят преграды для роста производительности труда, повышения эффективности занятости и роста оплаты труда российских граждан. Применение в больших масштабах нелегальной, дешевой и бесправной иностранной рабочей силы снижает социальные стандарты занятости и темпы модернизации в целом ряде отраслей. Нерегулируемая миграция нерезидентов в высокоприбыльные отрасли российской экономики ведет к масштабному выпадению финансовых средств из доходов федерального бюджета. По оценкам И.В. Ивахнюк, ежегодно только из-за невыплаченных трудовыми мигрантами налогов российский бюджет недополучает 200-250 млрд. руб. [4. С. 161]. Труд мигрантов прочно срастается с теневой экономикой, дешевая рабочая сила активно используется недобросовестными предпринимателями, теневым и криминальным бизнесом. Из-за бесконтрольности за указанными процессами в России реально формируется «латентная» социально-общественная прослойка.

Содействуя распространению опасных для окружающих инфекционных и паразитарных заболеваний, ВИЧ, гепатита, нелегальные мигранты создают угрозы для санитарно-эпидемиологического благополучия населения России. Оказывая дестабилизирующее воздействие на межэтнические отношения, незаконная миграция является одной из главных причин усиления негативного отношения к мигрантам со стороны части населения Российской Федерации, роста антимигрантских настроений и возникновения на этой почве конфликтных ситуаций. Латентная занятость значительного количества трудовых мигрантов негативно отражается на социально-экономическом развитии Российской Федерации, несет огромные политические и экономические риски, является важным фактором снижения управляемости и повышения непредсказуемости процессов в обществе.

Негативные тенденции сохраняются во внутренней трудовой миграции в связи с миграционным оттоком населения из восточных регионов на запад страны, прежде всего, в Центр. При этом практически весь миграционный прирост, получаемый Центральным федеральным округом, аккумулируют Москва и Московская область. Во все российские регионы отдает население важный геополитический и стратегический регион РФ – Дальневосточный федеральный округ. В результате внутренней миграции усиливается дисбаланс в распределении населения по территории Российской Федерации, падает плотность населения в стратегически важных приграничных районах, в заселение которых вложены огромные материальные и людские ресурсы.

Проблемы миграции, с которыми сталкивается российское общество, носят характер долговременных явлений. Они свидетельствуют о том, что проводимая в настоящее время миграционная политика недостаточно эффективна. Ее малая результативность проявляется в неблагоприятных тенденциях во внутренних миграциях, больших масштабах незаконной трудовой иммиграции, преимущественном использовании низких профессионально-квалификационных и образовательных характеристик иностранных работников, несовершенстве действующей системы управления миграционными процессами, высоком уровне административных барьеров и применении «серых» схем в привлечении трудовых мигрантов. По

мнению О.Д. Воробьевой и А.В. Топилина, соотношение численности нелегальных и легальных трудовых иммигрантов в 3-4 раза свидетельствует о полной неуправляемости процессами трудовой миграции в нашей стране [5. С. 7].

Основные направления действий для решения миграционных проблем и совершенствования миграционной политики российского государства определены рядом стратегических документов, в частности, Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [7]. Важные задачи в этой сфере связаны, прежде всего, с правовым обеспечением миграционных процессов. Складывающаяся в России миграционная ситуация предполагает развитие правовой системы регулирования миграционных процессов. Решение этой задачи может включать в себя приведение всех законодательных актов о миграции в единую систему путем разработки Миграционного кодекса Российской Федерации, в котором законодательно могли бы быть определены механизмы для реализации принципа приоритетного использования национальных трудовых ресурсов при привлечении иностранных работников-мигрантов. При дальнейшей разработке законодательства, регулирующего проблемы миграции, необходимо упрощение процедур привлечения квалифицированных трудящихся-мигрантов по профессиям, востребованным на рынке труда, введение балльной системы оценок отбора мигрантов для получения ими вида на жительство, позволяющей создавать преференции в привлечении и использовании в национальной экономике высококвалифицированных специалистов и квалифицированных работников. Кроме того, в законодательные акты требуется внесение изменений, направленных на совершенствование порядка подтверждения владения русским языком, истории России и основ законодательства Российской Федерации для отдельных категорий иностранных граждан с учетом сроков и целей их пребывания на территории Российской Федерации.

В сфере регулирования трудовой миграции важно развивать официальную (государственную и частную) инфраструктуру, состоящую из разнообразных сервисов (справочных, консультационных, правовых, посреднических и пр.), позволяющим мигрантам находиться в правовом поле российского законодательства и помогающим им в социальной адаптации и интеграции.

Продуманная региональная социально-экономическая политика, направленная на снижение миграционного оттока населения из приграничных и стратегически важных районов Сибири и Дальнего Востока, может существенно улучшить ситуацию в области внутренней трудовой миграции населения. В этой связи целесообразно разработать комплекс дополнительных стимулирующих социально-экономических мер для переселения в восточные регионы страны при реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Вместе с тем, должно быть усилено внимание к существенному улучшению информационного обеспечения решения проблем регулирования миграции. Важнейшими составными элементами решения данной общей задачи являются использование в статистической практике учета разнообразных форм территориальной мобильности населения, развитие системы статистического наблюдения за временными трудовыми мигрантами в формате ЕАЭС и рабочей силой, прибывающей в Россию из-за рубежа, введение внятной статистики трудовой миграции, расширение круга разрабатываемых показателей в этой области, а также внедрение в статистическую деятельность системы регулярных обследований в сфере внутренней и международной миграции населения.

При подготовке документов стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации большое значение имеет разработка прогнозов потребности национальной экономики в иностранных работниках. Очевидно, что при оценках и прогнозах реальной потребности в трудовых мигрантах недостаточно отталкиваться только от демографических проектировок численности населения в трудоспособном возрасте. Необходимо четко определиться на перспективу с внутренними резервами увеличения российского трудового потенциала и возможностями дополнительных источников увеличения рабочей

силы за счет улучшения здоровья населения, решения проблем структурной безработицы, сокращения незанятости нуждающихся в работе, изменений в неформальной занятости граждан, повышения внутренней (в том числе трудовой) мобильности населения. На уровне субъектов Российской Федерации усилия должны быть направлены на разработку прогнозных балансов трудовых ресурсов в разрезе видов экономической деятельности с учетом изменения демографической ситуации и структуры профессионального образования, а также возможностей привлечения и использования иностранной рабочей силы.

В рамках реализации государственной миграционной политики России на международном уровне целесообразно предпринять конкретные меры по переходу к программам организованного приема востребованных отечественной экономикой трудовых мигрантов из-за рубежа, используя в этих целях заключение международных соглашений об организованном привлечении и использовании иностранных работников.

Международная трудовая миграция является важным фактором политической интеграции стран СНГ. В формате Евразийского экономического союза большое значение имеет разработка Стратегии миграционной политики стран-участниц Евразийского экономического союза, определяющей приоритетные направления регулирования миграции населения в рамках ЕАЭС, и «Дорожной карты Евразийской интеграции в миграционной сфере», которая позволит обеспечить рост позитивного социально-экономического и гуманитарного эффекта миграционных процессов населения на едином пространстве государств-участников интеграционного объединения.

Для устойчивого и сбалансированного экономического роста, повышения эффективности использования трудовых ресурсов, правовой и социальной защиты населения, создание бесконфликтных условий переселения населения и трудовой миграции из одних стран в другие, необходимо сближение миграционной политики государств-участников нового интеграционного объединения. Важно усиливать интеграционный потенциал трудящихся-мигрантов в части обучения их русскому языку, ознакомления с основами миграционного законодательства, а также традициями и культурой российского государства. Особое внимание должно быть уделено координации деятельности участников Евразийского экономического союза в области регулирования миграционных процессов и установления визовых режимов с соседними странами; налаживание статистического учета всех трудовых мигрантов; формирование единой системы иммиграционного контроля, действующей внутри евразийского интеграционного объединения.

Список литературы

1. Рязанцев С.В. Трансформация миграционных процессов и построение миграционной политики // Россия: новая социальная реальность. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2010 году: анализ и прогноз / Под ред. Г.В. Осипова, В.В. Локосова. – Москва: ИСПИ РАН, 2011. – 422 с.
2. Красинец Е.С., Рязанцев С.В., Шевцова Т.В. Миграционные процессы: состояние, тенденции и проблемы государственного регулирования // Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие / Под ред. проф. В.В. Локосова. – Москва: Экон-информ, 2015. – 411 с.
3. Миграционные процессы в России / Под ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского. – Москва: Экон-информ, 2014. – 383 с.
4. Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: теория и политика. – Москва: МАКС Пресс, 2008. – 192 с.
5. Воробьева О.Д., Топилин А.В. Стоит ли? Патенты для иностранных работников у юридических лиц // Миграция XXI век. – 2014. – № 6-7 (26-27), ноябрь-декабрь. – С. 3-7.

Интернет источники

6. Статистические данные ФМС России // Официальный сайт Федеральной миграционной службы России. – Режим доступа: www.fms.gov.ru (Дата обращения: 10.11.2015).
7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 год // Официальный сайт Федеральной миграционной службы России. – Режим доступа: www.fms.gov.ru (Дата обращения: 10.11.2015).

Лукьянец Артем Сергеевич
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
Центра социальной демографии и экономической социологии
Института социально-политических исследований
Российской академии наук,
г. Москва, Россия

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

(Исследование проведено в рамках гранта РФФИ № 15-36-20930 мол –а-вед)

В статье отмечается динамика численности населения приграничных субъектов Дальневосточного федерального округа. Проанализирована демографическая ситуация на Дальнем Востоке, а также представлены демографические прогнозы. Рассмотрено значение геополитического положения Дальнего Востока.

Ключевые слова: миграция, международная миграция, геополитическая обстановка, социально-демографическое развитие.

E-mail: artem_ispr@mail.ru

Lukyanets Artem S.,
PhD of economic sciences,
Senior researcher,
Center for social demography and economic sociology,
Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE FAR EAST

(The study was conducted in the framework of the grant RFBR № 15-36-20930 mol–a-ved)

The article shows the dynamics of the population of border regions of the far Eastern Federal district. Analyzed the demographic situation in the Far East, and presents population projections. Discusses the importance of the geopolitical position of the Far East.

Keywords: migration, international migration, the geopolitical situation, the socio-demographic development.

E-mail: artem_ispr@mail.ru

Дальний Восток является стратегически важной частью страны с точки зрения экономического и геополитического потенциала. Кроме ресурсного потенциала, возможно более важное значение имеет геополитическое положение этих территорий. Сегодня Дальний Восток является форпостом на восточных границах России. Геополитические процессы, выраженные противостоянием Японии, Китая и Тайваня, по поводу спорных островов сотрясают и без того накаленную обстановку в регионе. Наличие протяженной границы с самой густонаселенной страной – Китаем, неурегулированный спор с Японией по поводу Южных Курил, требуют от российских властей повышенной готовности к возможным геополитическим вызовам и угрозам [1. С. 75-76].

Еще одной геополитической угрозой можно рассматривать растущую экономическую и военную мощь Китая. Мировая экспансия Китая в первую очередь проявляется в экспорте капиталов, товаров, а также своего населения. Общая площадь Дальневосточного Федерального округа составляет 6,2 млн. км² или 34,6% площади всей России, что делает этот округ

самым большим по территории. Так, по данным Росстата, по состоянию на 1 января 2015 года население ДФО составляет 6,211 млн. человек, что составляет 4,3% от всего населения России [7].

Распад Советского союза негативно сказался на демографических тенденциях России в целом, а в еще большей степени в ее восточной части. В период с 2000-2015 гг. население Дальневосточного федерального округа сократилось на 702 тыс. человек, что составляет почти 10,2%. Приграничные субъекты федерального округа, наиболее важные с геополитической точки зрения, по настоящее время имеют отрицательную динамику численности населения, несмотря на то, что в некоторых субъектах в 2014 г. был зафиксирован положительный естественный прирост (рис. 1).

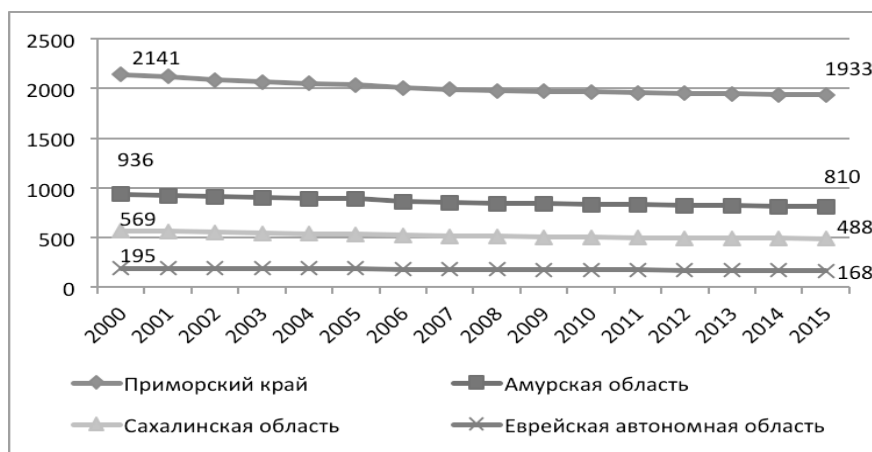

Рис. 1. Динамика численности населения (на 1-е января 2015 года)

Данные по естественному движению представлены в табл. 1. В последние годы из-за изменения возрастной структуры населения, а также в результате реализуемых мер по поддержке рождаемости и снижению смертности, в части приграничных субъектов ДФО в 2014 г. был зафиксирован положительный естественный прирост.

Таблица 1

Изменение коэффициента естественного прироста в 2000-2014 г.

Субъект федерации	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Дальневосточный ФО	-3,46	-3,78	-0,58	-0,21	0,89	1,31	1,47
Камчатский край	-1,67	-1,53	-0,58	0,40	1,41	1,62	1,65
Приморский край	-5,19	-5,72	-2,45	-2,12	-1,08	-0,83	-0,65
Хабаровский край	-5,66	-5,40	-1,63	-1,68	0,10	0,60	0,69
Амурская область	-4,38	-4,85	-1,51	-1,21	-0,41	0,16	-0,17
Сахалинская область	-4,11	-6,02	-2,81	-2,33	-1,18	-0,17	0,56
Еврейская автономная область	-4,79	-6,31	-1,84	-1,30	-1,10	-0,89	-1,04
Чукотский АО	1,90	3,88	0,94	2,51	2,57	2,53	2,73

Однако на фоне динамики естественного прироста населения более негативное воздействие оказывает миграция населения [4. С. 65; 5. С. 78]. Единственно, необходимо сразу отметить, что речь идет о внутренней миграции. Основной тенденцией современной миграционной ситуации в России можно считать расширение зоны оттока населения, сокращение зоны

его притока и постепенное усиление поляризации территории страны по результативности миграционных потоков.

Внутренняя миграция или, правильнее сказать, отток населения в другие регионы страны стал определяющим фактором сокращения численности населения субъектов ДФО. В 2014 г. только за счет внутренней миграции округ потерял 35,6 тыс. человек. Все без исключения субъекты, включая приграничные, имели отрицательный прирост во внутрироссийских перемещениях [6. С. 77]. Дальневосточный федеральный округ имеет отрицательное сальдо со всеми федеральными округами России.

В то же время международная миграция за последние годы является компенсирующим фактором сокращения численности населения в результате внутренней миграции. В 2014 г. международная миграция дала немногим менее 11 тысяч человек, которые преимущественно пришлось на три субъекта: Приморский край, Хабаровский край, Амурская область. Несмотря на то, что миграционная привлекательность Дальнего Востока в миграционном обмене с зарубежными странами растет, приходится констатировать, что миграция, в целом, остается основным фактором сокращения численности населения ДФО.

Согласно демографическим прогнозам, при сохранении современных тенденций, численность населения Дальнего Востока продолжит сокращаться, обостряя и без того сложную геополитическую обстановку [3. С. 74]. На сегодняшний день единственным реальным инструментом является четко продуманная миграционная политика, которая отвечала бы и интересам восточных регионов и страны в целом.

Обеспеченность Дальнего Востока значительными запасами природных ресурсов должно явиться тем фундаментом, на котором будет базироваться комплексная федеральная программа по развитию восточных территорий. Накопленный советский опыт показал и доказал всю значимость экономических инструментов миграционной политики. В то же время для эффективного их использования необходимо создание соответствующих условий в принимающих территориях, которые возможно создать совместными усилиями государства и бизнеса [2. С. 85].

Список литературы

1. Лукьянец А.С., Максимова А.С., Чухнин В.С., Смирнов А.В. Миграционная компонента в социально-демографическом развитии приграничных территорий Сибири и Дальнего востока // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4-5. – С. 74-77.
2. Рязанцев С.В. Миграция и миграционная политика Российской Федерации Научный доклад. Выпуск I / Под. ред. д.э.н. проф. С.В. Рязанцева. – М., Издательство Евразийского научно-исследовательского института проблем права, 2011.
3. Рязанцев С.В., Гусаков Н.П., Маньшин Р.В. Проблемы старения населения России // Научное-обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2014. – № 1. – С. 83-87.
4. Рязанцев С.В., Иванова А.Е., Гришин А.С. Методика оценки предотвратимой смертности населения: территориальный и исторический подходы // Научное-обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2013. – № 6. – С. 69-76.
5. Рязанцев С.В., Иванова А.Е., Гришин А.С. Алкогольная смертность в России как результат девиантного поведения // Научное-обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2013. – № 6. – С. 64-72.
6. Рязанцев С.В., Боженко В.В. Новые формы экономической миграции в приграничье // Научное-обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2013. – № 6. – С. 77-82.

Интернет источник

7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – Режим доступа: <http://gks.ru> (Дата обращения: 09.11.2015 г.).

Мищук Светлана Николаевна,
кандидат экономических наук, доцент,
заведующая лабораторией

Института комплексного анализа региональных проблем
Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Биробиджан, Россия

Комарова Татьяна Михайловна,
кандидат географических наук, доцент,

зам. директора по науке Института комплексного анализа региональных проблем
Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Биробиджан, Россия

МИГРАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ (ПРИМЕР ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

В работе представлены результаты анализа динамики миграционных процессов, происходящих в приграничном регионе Дальнего Востока России, Еврейской автономной области. Рассмотрена современная геодемографическая ситуация в муниципальных районах области, рассчитаны значения интегрального показателя социально-демографической безопасности муниципальных районов в динамике. Показано, что миграция играет значительную роль в сокращении численности населения региона. Неблагоприятная демографическая ситуация в ЕАО оценивается авторами с точки зрения социально-демографической безопасности как социальная напряженность с переходом в отдельных муниципальных районах в социальный кризис, приводит к дальнейшему снижению привлекательности региона и увеличению миграционного оттока населения.

Ключевые слова: миграция населения, Дальний Восток России, Еврейская автономная область, геодемографическая ситуация, социально-демографическая безопасность муниципальных районов.

E-mail: svetamic79@mail.ru; carpi-komarova@yandex.ru

Mishchuk Svetlana N.,
PhD of Economic Sciences, docent,

Head of laboratory, Institute of complex analysis regional issues,
Far Eastern branch Russian Academy of Sciences, Birobidzhan, Russia

Komarova Tatyana M.,
PhD of Geographical Sciences, docent,

Deputy Director on science, Institute of complex analysis regional issues,
Far Eastern branch Russian Academy of Sciences, Birobidzhan, Russia

MIGRATION AND DEMOGRAPHIC SECURITY OF THE BORDER REGION OF THE RUSSIAN FAR EAST (AN EXAMPLE OF THE JEWISH AUTONOMOUS OBLAST)

The paper presents the results of the analysis of the dynamics of migration processes in the border region of the Russian Far East, the Jewish Autonomous Oblast (JAO). The current geo-demographic situation in the municipal districts of the region, the calculated value of the integral index of socio-demographic security of municipal regions in the dynamics. The migration plays a significant role in reducing the population of the region. The unfavorable demographic situation in the JAO is estimated by the authors in terms of socio-demographic security as social tensions with the transition to individual municipalities in the social crisis, leads to a further reduction of the attractiveness of the region and the increase in migration outflow.

Keywords: migration of the population, Far East Russia, the Jewish Autonomous Oblast, geo-demographic situation, socio-demographic safety of municipal districts.

E-mail: svetamic79@mail.ru; carpi-komarova@yandex.ru

Еврейская автономная область (ЕАО) располагается на юге Дальневосточного федерального округа (ДФО). Дальний Восток является форпостом на восточных границах России. Наличие протяженной границы с самой густонаселенной страной – Китаем, неурегулированный спор с Японией по поводу Южных Курил, требуют от российских властей повышенной готовности к возможным геополитическим вызовам и угрозам [4]. ЕАО характеризуется негативными демографическими и социально-экономическими процессами, происходящими с 1991 года. Ранги коэффициентов естественного и миграционного прироста населения области имеют наихудшие показатели среди субъектов ДФО (табл. 1) [3. С. 37-64].

Таблица 1

Коэффициенты общего, естественного и миграционного приростов; распределение субъектов ДФО по рангам коэффициентов в 2013 году

Субъект федерации	Коэффициенты на 1000 населения			Ранг среди субъектов РФ			Ранг среди субъектов ДФО		
	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост
РФ	2,2	0,2	2,1						
ДФО	-4,0	1,3	-5,3	8	4	8			
Магаданская область	-13,5	0,6	-14,16	83	37	82	9	4	9
ЕАО	-13,4	-0,9	-12,5	82	51	80	8	9	8
Амурская область	-6,9	0,2	-7,1	70	43	68	7	6	6
Сахалинская область	-4,6	-0,2	-4,4	60	44	65	6	7	4
Приморский край	-4,5	-0,8	-3,7	59	49	60	5	8	2
Чукотский АО	-4,4	2,5	-7,0	58	20	67	4	2	5
Камчатский край	-2,1	1,6	-3,8	42	27	62	3	3	3
Республика Саха (Якутия)	-0,8	8,7	-9,6	36	8	76	1	1	7

Население ЕАО на начало 2015 г. составило 168,4 тыс. человек, из которых 68% городские жители. За период с 1992 г. по 2014 г. население сократилось почти на 52 тыс. человек, в том числе за счет миграции на 31 тыс. человек. Доля миграции в общем снижении численности населения области составила в этот период 60% [6].

В течение последних 25 лет происходит изменение территориальной структуры населения по районам области: сохраняется высокая доля населения г. Биробиджана. При общем снижении абсолютных и относительных показателей численности населения в районах области, кроме того, для Сидовичского района, граничащего с Хабаровским краем, характерны более низкие темпы убыли населения. При оценке численности населения с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. – в Сидовичском районе численность населения возросла в сравнении с прошлым годом.

Как уже было отмечено, миграция оказывает существенное влияние на демографические показатели области. В отличие от ситуации на ДВ, в ЕАО в течение последних 10 лет отмечается увеличение доли миграции в общей убыли населения ЕАО. При этом для области характерно увеличение миграционной убыли населения в абсолютных величинах.

Миграционный отток населения области более чем на 90% обусловлен динамикой межрегиональной миграции. Начиная с 2010 г., преобладающая доля мигрантов из ЕАО сосредоточена в рамках Дальневосточного федерального округа. Ранее миграционное сальдо ЕАО с регионами ДВ было положительным, отрицательное сальдо фиксировалось с Центральным, Южным и Уральским федеральными округам.

Наиболее привлекательными для мигрантов регионами на Дальнем Востоке являются Хабаровский, Приморский край, Амурская область. При этом, для Хабаровского края характерны наиболее интенсивные миграционные связи с ЕАО. В 2002 г. 31,2% мигрантов в рамках ДВО прибыли в ЕАО из Хабаровского края, в 2013 г. – 39%. Среди выбывшего населения из ЕАО в ДФО в 2002 г. 33,9% сменили место жительства на Хабаровский край, в 2013 г. – около 50%. На наш взгляд, основная причина миграции населения из Хабаровского края в область – закрепление мигрантов в Сидовичском районе, граничащем с г. Хабаровском (расстояние между районным центром п. Сидовичи и г. Хабаровском – 111 км, между п. Приамурский и г. Хабаровск – 26 км).

В рамках внутриобластной миграции положительное сальдо миграции отмечается в г. Биробиджане и Биробиджанском районе, непосредственно граничащем с областным центром. При учете внешней для области миграции происходит увеличение отрицательных показателей сальдо миграции.

По результатам выборочного обследования межрегиональной трудовой миграции, проведенного Госкомстат РФ в 2011-2012 гг., нами рассчитана доля внешних межрегиональных трудовых мигрантов в общей численности «внешних» мигрантов в субъектах ДФО. В ЕАО все трудовые мигранты, зарегистрированные в других субъектах, прибыли из дальневосточных регионов.

Обращает внимание увеличение числа занятых, зарегистрированных в дальневосточных субъектах, но работающих в других регионах РФ. Максимальное число внешних мигрантов в 2012 г., более 8 тыс. человек, зарегистрировано в ЕАО. Доля данной категории мигрантов составляет около 10% от числа занятого населения ЕАО в 2012 г. В Приморском и Хабаровском крае соответствующий показатель составил 0,7%, в Амурской области – 1,7%. Данная ситуация объясняется, в первую очередь, более низкой заработной платой в ЕАО (25 тыс. руб. в 2012 г., что являлось минимальным показателем среди южных регионов ДВ), а также отсутствием возможности трудоустроиться [2. С. 77-78].

В силу территориальной близости к ЕАО и более высоких показателей развития рынка труда в Хабаровском крае, около 90% всех межрегиональных трудовых мигрантов из ЕАО заняты в данном регионе.

На основе демографических показателей ЕАО нами дана оценка геодемографической ситуации по муниципальным районам ЕАО в 2012 г., на основе которой выделены три типа районов:

- 1) с относительно благоприятной ситуацией (положительным естественным приростом населения);
- 2) с относительной стабильностью населения;
- 3) с неблагоприятной ситуацией (убылью населения).

Относительно благоприятная геодемографическая ситуация (тип I) сложилась в Биробиджанском районе. Здесь уровень рождаемости выше среднерегионального, что объясняется высокой долей лиц молодых возрастов и низкой долей пожилых.

К типу II относятся сельские Октябрьский и Ленинский районы, а также Биробиджан. В целом для этого типа характерны либо низкая естественная убыль населения, либо низкий естественный прирост; высокая миграционная подвижность; относительно благоприятная возрастная структура населения. При общих сходных чертах отмечаются некоторые разли-

чия между сельской и городской местностями. В первой при естественном приросте отмечается миграционная убыль населения, в связи с этим численность населения все же медленно сокращается. В то же время доля населения, живущего в Биробиджане, из года в год возрастает и в 2012 г. составила уже почти 44% областного, т.е. наблюдается усиление моноцентризма – сосредоточения в областном центре все большей доли жителей региона [1. С. 51-52].

Неблагоприятная геодемографическая ситуация (III тип) характерна для Облученского и Смидовичского районов, в которых доля городских жителей составляет соответственно 86 и 67%. Здесь отмечается высокая смертность населения, обусловленная высокой долей пожилого населения и неблагоприятной экологической ситуацией в некоторых населенных пунктах. Сокращение населения здесь также обусловлено кризисной экономической ситуацией в поселках городского типа в связи с их монопрофильностью и реформами на железнодорожном транспорте. Несмотря на сходные черты, следует отметить, что ситуация в Облученском районе хуже, поскольку для Смидовичского района характерен небольшой миграционный приток.

Для оценки социально-демографической безопасности отдельных муниципальных образований ЕАО нами использованы следующие доступные показатели: коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, коэффициент естественного прироста населения, коэффициент миграции, коэффициент младенческой смертности. На их основе был рассчитан интегральный показатель социально-демографической безопасности муниципальных образований ЕАО. При мониторинге рейтинга муниципальных образований предпочтителен интервальный анализ, который позволяет более четко классифицировать изменения ситуации.

Анализ динамики демографической безопасности по муниципальным районам ЕАО в период с 1990 по 2013 гг. (табл. 2) показал, что еще в 1990 г. районы, концентрировавшие более 70% населения области, относились к зоне социальной напряженности. Ведущим фактором служила высокая смертность как взрослого населения, так и младенческая. В дальнейшем ситуация в области продолжала ухудшаться. К 2000 г. два муниципальных района (Смидовичский и Облученский), концентрировавшие 34% населения, уже относились к зоне кризиса. Остальные районы устойчиво находились в зоне социальной напряженности. К 2005 г. показатели социально-демографической безопасности резко ухудшились в Облученском районе. Помимо него к зоне кризиса стал относиться и город Биробиджан, в котором доля населения увеличилась до 59%. К 2013 г. доля населения, относящегося к зоне социального кризиса, увеличилась до 81%, зоны социальной напряженности сократилась с 68 до 19%.

Таблица 2

**Динамика демографической безопасности по муниципальным образованиям
Еврейской автономной области (рассчитано Т.М. Комаровой)**

Территория	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2013 г.
ЕАО	0,45	0,35	0,34	0,31
г. Биробиджан	0,46	0,31	0,37	0,20
Биробиджанский район	0,68	0,52	0,34	0,33
Ленинский район	0,63	0,45	0,45	0,33
Смидовичский район	0,39	0,29	0,23	0,12
Октябрьский район	0,67	0,45	0,31	0,22
Облученский район	0,33	0,26	0,29	0,12

В целом можно отметить ухудшение положения во всех муниципальных образованиях, при наихудшей ситуации в Облученском и Смидовичском районах. Основная причина ухудшения ситуации – возрастная структура населения, а именно: высокий показатель коэффициента старения (доля лиц старше 60 лет).

Таким образом, в настоящее время требуется принятие кардинальных мер по улучшению социально-демографической безопасности в муниципальных районах. Эти меры должны быть долговременными и заключаться, по крайней мере, в росте уровня жизни населения, совершенствовании медицинского обслуживания сельского и городского населения, росте занятости населения [5].

Неблагоприятная демографическая ситуация, которая с точки зрения социально-демографической безопасности может быть оценена как социальная напряженность с переходом в отдельных муниципальных районах в социальный кризис, приводит к дальнейшему снижению привлекательности региона и увеличению миграционных настроений населения, что в свою очередь может еще более усугубить демографическую ситуацию в области и ухудшить национальную безопасность всей страны.

Список литературы

1. Калинина И.В., Комарова Т.М. Формирование расселения и социально-демографическая безопасность в Еврейской автономной области // Известия РАН. Серия географическая. – 2013. – № 6. – С. 48-58.
2. Мищук С.Н. Ретроспективный анализ миграционных процессов в Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 74-81.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.
4. Лукьянец А.С., Максимова А.С., Чухнин В.С., Смирнов А.В. Миграционная компонента в социально-демографическом развитии приграничных территорий Сибири и Дальнего востока // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4-5. – С. 74-77.
5. Рязанцев С.В., Гусаков Н.П., Маньшин Р.В. Проблемы старения населения России // Научное-обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2014. – № 1. – С. 83-87.
6. Рязанцев С.В., Боженко В.В. Новые формы экономической миграции в приграничье // Научное-обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2013. – № 6. – С. 77-82.

Сигарева Евгения Петровна,
кандидат экономических наук,
заведующий сектором воспроизводства населения
Института социально-политических исследований РАН,
г. Москва, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Работа посвящена анализу концептуальных взглядов на развитие демографической и миграционной политики. Изучению подлежали два фундаментальных документа, которые определяют демографическую и миграционную политику в современной России: Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. и Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период 2025 г. Анализ был направлен на изучение их взаимного влияния на возможности улучшения демографических процессов за счет использования миграционной составляющей для роста численности населения. Исследовались основные итоги деятельности миграционной службы в последние годы с позиций эффективности реализации миграционной концепции. В статье использованы данные статистических и социологических обследований и результаты научных работ других авторов.

Ключевые слова: демография, миграция, политика, концепция, население, источники роста населения, занятость населения, внешняя миграция, внутренняя миграция, гражданство.

E-mail: sigarevae@mail.ru

Sigareva Eugenia P.,
PhD of economic sciences,
Head of sector of reproduction of the population,
Institute of Social and Political Research,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

THE CONCEPTUAL CONTRADICTIONS OF DEMOGRAPHIC AND MIGRATION POLICY

Work is devoted to the analysis of conceptual views of development of population and migration policy. Two fundamental documents which define population and migration policy in modern Russia were subject to studying: The concept of population policy of the Russian Federation for the period till 2025 and the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2025. The analysis was directed on studying of their mutual influence on possibilities of improvement of demographic processes due to use of a migratory component for population growth. The main results of activity of migratory service from positions of efficiency of implementation of the migratory concept were investigated in recent years. In article data of statistical and sociological inspections and results of scientific works of other authors are used.

Keywords: demography, migration, policy, concept, population, sources of growth of the population, employment of the population, external migration, internal migration, nationality.

E-mail: sigarevae@mail.ru

В настоящее время в мировом пространстве происходят тектонические сдвиги в отношении параметров демографического и миграционного движения населения. В Европейском обществе возникла проблема, имеющая миграционный характер, которая уже навсегда изменит картину ее народонаселения. В США обозначены проблемы с демографическим развитием «белого населения», являющегося в свое время основой создания этого государства. Китай ускоренными темпами меняет свою демографическую политику, которая ранее была ориентирована на сдерживание роста численности населения.

Россия, столкнувшаяся с проблемой сокращения численности населения еще в начале 90-х годов прошлого столетия, в демографическом и миграционном развитии современный период опирается на разработанные концепции демографического и миграционного направления. Анализ этих документов и подведение некоторых итогов их реализации свидетельствует о наличии серьезных противоречий в них.

Проблема заключается в том, что Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. [3] была утверждена раньше, чем Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [4]. И предстоящий период реализации первого документа, который является третьим этапом, совпадает с периодом реализации второго документа, который будет вторым этапом. Такое «опоздание» утверждения миграционной концепции, казалось бы, должно усилить влияние миграционной составляющей на параметры изменения численности населения за счет реализации еще одного документа. Однако, Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в большей степени имеет самостоятельное значение и включает многочисленные вопросы, прямо не относящиеся к проблеме использования миграции для увеличения численности населения. Поэтому в данной работе возникла необходимость рассмотреть возможности синергии демографической и миграционной политики в контексте реализации этих двух концепций.

В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. относительно ее миграционной части в качестве основной задачи указано: «привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции» [3]. Решение задачи по привлечению мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития включает в себя:

- содействие добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, а также стимулирование возвращения в Российскую Федерацию эмигрантов;
- привлечение квалифицированных иностранных специалистов, в том числе выпускников российских образовательных организаций высшего образования, на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, привлечение молодежи из иностранных государств (прежде всего из государств – участников Содружества Независимых Государств, Латвийской Республики, Литовской Республики и Эстонской Республики) для обучения в Российской Федерации с возможным предоставлением преимуществ в получении российского гражданства по окончании обучения;
- совершенствование миграционного законодательства Российской Федерации;
- разработку социально-экономических мер по повышению миграционной привлекательности территорий, из которых происходит отток населения и которые имеют приоритетное значение для национальных интересов, разработку и внедрение федеральных и региональных программ, направленных на создание благоприятных условий для адаптации иммигрантов к новым условиям и интеграции их в российское общество на основе уважения к российской культуре, религии, обычаям, традициям и жизненному укладу россиян;

- создание условий для интеграции иммигрантов в российское общество и развития терпимости в отношениях между местным населением и выходцами из других стран в целях предотвращения этноконфессиональных конфликтов [3].

Более того, Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. на каждом этапе имела четкие численные ориентиры, позволяющие представлять в количественном выражении изменения численности населения за счет миграции. Так, на втором этапе стояла задача: «уменьшить отток квалифицированных специалистов, увеличить объемы привлечения на постоянное место жительства в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, квалифицированных иностранных специалистов и молодежи, обеспечить на этой основе миграционный прирост на уровне не менее 200 тыс. человек ежегодно» [3]. На третьем этапе предполагается: «в целях замещения естественной убыли населения в результате возможного сокращения уровня рождаемости предстоит активизировать работу по привлечению на постоянное место жительства в Российскую Федерацию иммигрантов трудоспособного возраста», а также «обеспечить миграционный прирост на уровне более 300 тыс. человек ежегодно» [3]. То есть первый документ, несмотря на то, что в более существенной мере содержал вопросы по повышению уровня рождаемости, снижению уровня смертности, повышению уровня продолжительности жизни, еще включал и задачи миграционного приращения населения России.

Если же сделаем содержательный анализ Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [4], то окажется, что миграция как источник пополнения численности населения и потенциал демографического развития, представлена лишь номинально. Так, в содержательной части просто констатируется, что: «Переселение мигрантов на постоянное место жительства в Российскую Федерацию становится одним из источников увеличения численности населения страны в целом и ее регионов, а привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития» [4]. Концепция свидетельствует, что миграционное законодательство ориентировано на привлечение временных иностранных работников и не содержит мер, способствующих переезду на постоянное место жительства, адаптации и интеграции мигрантов. Более того, в концепции признаются неудачи прошлой миграционной политики в отношении использования миграции как источника пополнения населения. Например, «за исключением Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, отсутствуют программы привлечения на постоянное место жительства мигрантов с востребованными в стране профессионально-квалификационными, образовательными, экономическими, демографическими, социокультурными и другими характеристиками, способных успешно адаптироваться и интегрироваться в российское общество. Сложности в получении разрешения на временное проживание и вида на жительство затрудняют процесс получения гражданства для большинства законопослушных мигрантов» [4].

В отличие от «демографической» концепции, концепция «миграционная» не имеет никаких численных параметров, которые позволили бы оценить ее реализацию статистическим образом. В ней просто обозначается в качестве цели «стабилизация и увеличение численности постоянного населения Российской Федерации» [4], а в качестве задачи – «создание условий и стимулов для переселения в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан» [4]. Поэтому, несмотря на то, что в ней заявлено согласование с концепциями демографического развития и социально-экономического развития страны, она не выполняет важнейшую задачу пополнения численности постоянного населения за счет миграции. Более того, изменение принципа статистического учета миграционных потоков вуалирует

роль миграции в численности постоянного населения России. Таким образом, в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. недостаточную роль играют вопросы пополнения численности населения за счет миграции, что делает ее не только формальной, но и противоречащей задачам увеличения миграции на постоянное место жительства как источника роста численности населения.

Если мы проанализируем итоговые ежегодные отчеты ФМС РФ по реализации деятельности управления миграционными процессами после принятия и утверждения концепции миграционного развития, то станет заметным, что вся система миграционного регулирования направлена на увеличение нерационального миграционного оборота, а не на использование миграции в качестве источника пополнения населения России (табл. 1). Так, доля лиц, получивших гражданство России, то есть тех, кто связывает свое будущее с ней и тем самым оформляет полноценную политико-правовую связь с государством Российской Федерации, составляет менее 1 процента от числа въезжающих на ее территорию иностранных граждан. А от числа находящихся на территории России иностранцев лица, получившие гражданство РФ, на протяжении последних лет достигают, примерно, 1,3%-1,4%. Зато число оформленных протоколов насчитывается в пределах миллионов. Более того, суммы наложенных штрафов за нарушение миграционного законодательства с каждым годом увеличиваются.

Таблица 1

Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2012-2015 гг.

Показатели миграции	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 (9 мес.)
Въехало иностранных граждан	15 870 340	17 342 369	17 281 971	14 367 464
Поставлено на миграционный учет	6 627 847	7 075 857	8 393 655	6 626 545
Находится на территории Российской Федерации ИГ и ЛБГ	10 085 049	10 847 352	11 072 255	10 613 101
Привлечено к административной ответственности (составлено протоколов)	2 520 732	2 530 443	2 324 912	1 711 528
Наложено административных штрафов (тыс. руб.)	6 142 339,20	6 449 665,50	6 151 002,90	6 709 089,30
Направлено представлений о закрытии въезда ИГ и ЛБГ	88 748	459 337	644 918	385 183
из них закрыт въезд ИГ и ЛБГ	73 816	449 581	675 950	378 278
Выдворено и депортировано	35 115	82 413	139 034	83 409
Выдано разрешений на работу	1 340 056	1 273 984	1 303 258	172 335
Оформлено разрешений на работу ВКС и КС	55 848	155 776	194 925	46 376
Оформлено патентов	1 289 204	1 537 832	2 386 641	1 479 673
Направлено денег в бюджеты (тыс. руб.)	32 817 255,50	36 929 954,70	44 682 306,90	41 784 542,00
в том числе патенты (тыс. руб.)	6 674 916,70	8 395 775,50	18 311 659,70	23 427 735,40
Выдано видов на жительство и разрешений на временное проживание	346 830	350 093	435 802	369 103
Получили гражданство Российской Федерации	95 737	135 788	157 791	142 847
Прибыло соотечественников и членов семей в Российскую Федерацию и прошло регистрацию в ТО ФМС России	56 874	34 697	106 319	131 376

Суммы, направленные в бюджеты за оформление патентов для трудовых мигрантов, исчисляются в триллионах. То есть, для существующей системы миграционного регулирования

становится более важным постоянный оборот миграционных перемещений внешних потоков, а не стимулирование увеличения численности постоянного населения страны. К этому можно добавить анализ соотношения лиц, получающих разрешение на временное проживание и вид на жительство, и лиц, получивших гражданство России. Первые в 3-4 раза превышают вторых. Значит, в составе населения России увеличиваются группы населения, проживающие на ее территории, но не связанные с ней гражданством, что, в свою очередь, формируют проблему лояльности.

Идея повышения миграционной активности населения, не раз озвученная в демографической и миграционной концепциях, а также используемая в качестве средства влияния на существующий дисбаланс в распределении населения и использовании трудовых ресурсов, вступает в противоречие с необходимостью демографического ренессанса.

Во-первых, по результатам исследований потоков внутренней миграции доказано, что «лишь пятая часть от всех переселений между регионами страны вела к изменению их численности населения. Остальные 4/5 от всех переселений между регионами страны были взаимно погашаемыми...» [1. С.229]. Это означает, что на 80% внутренние миграции являются неэффективными в качестве средства для улучшения баланса распределения населения и являются лишь явлением, создающим бессмысленную «круговерть» населения. Еще в преддверии утверждения миграционной концепции по данным ВЦИОМа, который в 2010 г. провел всероссийский опрос предприятий и организаций, были получены результаты, свидетельствующие о том, что потребность в работниках может быть удовлетворена в значительной степени за счет местных жителей (табл. 2). Это также свидетельствует о том, что «заточенность» современной системы миграционного регулирования на увеличение внешних трудовых потоков, посредством «облегчения» ее документирования и стимулирование мобильности внутренних мигрантов, не соответствует конъюнктуре российского рынка труда.

Таблица 2

«Как Вы считаете, можно ли найти местных работников (жителей Вашего региона) на те вакансии, которые есть сейчас в Вашей организации?», доля ответивших, %

Варианты ответов	Доля ответивших, %
Можно найти местных работников на все вакансии	75
Можно найти местных работников на часть вакансий	12
Невозможно/очень трудно найти местных работников	10
Затрудняюсь ответить	3
Итого	100

Во-вторых, такая миграция опосредованно ухудшает условия для естественного воспроизводства населения. Необходимость участия в миграционных процессах, которая в подавляющих случаях определяется выталкивающими факторами, а не стимулирующими, ложится, главным образом, на относительно молодое население, что вынуждает его откладывать реализацию своего брачного и репродуктивного поведения. Создание семьи и рождение детей для мигранта становится более проблематичным в связи с необходимостью поиска работы. К слову скажем, что поиск работы в современной российской действительности при наличии государственной системы трудоустройства ложится, главным образом, на самих соискателей вакансии. По данным результатов выборочного обследования организаций в октябре 2014 г. – 73% безработных искали работу самостоятельно, без содействия служб занятости [5]. Кроме того, если до середины 1990-х годов более половины мужчин в России вступали в брак

до 24 лет, то сегодня доля мужчин, создающих семью в пределах этого возраста составляет, лишь 25% [2. С. 245]. По данным обследования населения по проблемам занятости в сентябре 2015 г. коэффициент превышения уровня безработицы среди молодежи в среднем по возрастной группе 15-24 лет по сравнению с уровнем безработицы населения в возрасте 30-49 лет и составляет 3,9 раза, в том числе среди городского населения – 4,8 раза, сельского населения – 2,6 раза [6]. Таким образом, повышенный уровень безработицы среди молодежи вынуждает ее к повышению миграционной мобильности, что, в свою очередь, сдерживает и отодвигает реализацию брачных и репродуктивных планов, а также ухудшает процессы естественного воспроизводства населения.

В качестве итоговых выводов можно отметить следующее. Демографическая и миграционная политика, выраженная в реализации двух фундаментальных концепций, не только слабо согласуется между собой, но во многом имеет противоречия. Это сдерживает использование миграционных возможностей, связанных, например, с геополитическими изменениями и наличием вынужденных переселенцев из Украины, для существенного пополнения населения страны для постоянного проживания. Государственная программа по возвращению соотечественников не подкреплена значимыми стимулами для переезда в Россию на постоянное жительство. Облегчение документирования и льготы по получению гражданства не могут выступать в качестве стимула. Это меры по совершенствованию бюрократических процедур, так широко используемых в современной системе миграционного управления. Для кардинального изменения существующей ситуации и реального использования миграции в качестве источника пополнения населения, а не его учетного элемента, следует не только согласовать по отдельным направлениям «демографическую» и «миграционную» концепции, но, возможно, разработать Концепцию развития народонаселения России, учитывающую и мощный, не разрабатываемый и не учитываемый в исследуемых концепциях, аспект – рационального расселения населения. Этого требует современная тектоника демографических и миграционных процессов в глобальном масштабе.

Список литературы

1. Кожевникова Н.И., Мартыненко С.В. Структура межрегиональной миграции населения России // Демографическое настоящее и будущее России и ее регионов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 30-31 мая 2012 года / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: Экон-информ, 2012. – С. 227-229.
2. Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. Специфика брачного и репродуктивного поведения в высокообразованных группах населения России // Миграционные мосты в Евразии: Материалы VII международной научно-практической конференции «Роль трудовой миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран (Москва- Ставрополь, 11-18 октября 2015 г.) / Под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В. – М.: Экон-информ, 2015. – С.244-246.

Интернет источники

3. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/191961/> (Дата обращения: 01.11.2015).
4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=131046;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.5270833356771618> (Дата обращения: 01.11.2015).
5. О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2014 г. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/2015/potrorg/potr14.htm (Дата обращения: 01.11.2015).
6. Занятость и безработица в Российской Федерации в сентябре 2015 года. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/213.htm (Дата обращения: 05.11.2015).

Ушакова Валентина Григорьевна,
кандидат исторических наук, доцент,
факультет социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург, Россия

БРАЧНАЯ МИГРАЦИЯ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье анализируются материалы социологических исследований проблем брачной миграции. Акцент делается на демографическом и гендерном аспектах миграционного процесса, характерного для современной России. На основании статистических данных, выводах научного изучения проблемы автор выделяет факторы, усиливающие процессы женской брачной эмиграции. В заключении сформулированы выводы и предложены пути смягчения негативных последствий брачной эмиграции из России.

Ключевые слова: брачная миграция, демография, гендер, феминизация, семья, эмиграция, женщины, мужчины, гендерная социология.

E-mail: wale@peterlink.ru

Ushakova Valentina G.,
PhD of Historical Sciences, docent;
of the department of sociology
St. Petersburg state university,
Saint-Petersburg, Russia

MARRIAGE MIGRATION: DEMOGRAPHIC AND GENDER ASPECTS

The article analyzes the materials of sociological research on marriage migration. The focus is on demographic and gender aspects of the migration process, which is characteristic for modern Russia. On the basis of statistical data, the conclusions of scientific study the author identifies the factors that enhance the processes of female marriage immigration. In the conclusion, conclusions are formulated and ways of mitigation of negative consequences of marriage emigration from Russia are offered.

Keywords: marriage migration, demography, gender, feminization, family, emigration, women, men, gender sociology.

E-mail: wale@peterlink.ru

Глобализационные процессы, активно развивающиеся в настоящее время, актуализируют проблематику, связанную с миграцией. В частности, по данным Госкомстата, «...численность постоянного населения Российской Федерации на 1 января 2015г. составила 146,3 млн. человек, из них 2,4 млн. человек проживало в Крымском федеральном округе. По сравнению с началом 2014 г. число жителей России возросло на 333,7 тыс. человек, или на 0,23% (на соответствующую дату предыдущего года – на 319,9 тыс. человек, или на 0,22%). Увеличение численности населения за 2014г. сложилось за счет естественного и миграционного приростов. При этом миграционный прирост составил 89,9% от общего прироста населения» [1].

Следует отметить, что миграция дифференцирована по целям и мотивам. Можно выделить категории политической, экономической, социальной, социо-психологической, этниче-

ской, брачной, трудовой миграции. Обратимся к рассмотрению брачной миграции в гендерном аспекте, поскольку она непосредственно затрагивает национальные интересы как России, так и других стран.

Брачная миграция – это вид географической мобильности с целью создания семьи, заключения брака. Часто она служит достижению целей восходящей социальной мобильности в стране, наиболее привлекательной для каждого конкретного человека, а также решению экономических, социо-психологических проблем. Брачная миграция существовала всегда, однако уже в 1990-е годы увеличение возможностей международных контактов людей, вывело проблему брачной миграции на уровень социальной видимости и общественного дискурса. К сожалению, серьёзных научных социологических исследований этой проблемы практически нет. Обратимся к краткому анализу немногочисленных публикаций.

Так, Тюрюканова Е. В. обращает внимание на то, что брачная миграция – это специфически женский вид перемещений для России. Используя оригинальный эмпирический материал обследований, проведенных в 1993-1994 гг. в Лаборатории социальной демографии и Центре гендерных исследований ИСЭПН РАН (120 мигрантов из России в Италию и 72 мигранток-женщин, выезжающих для временной работы в разные страны мира), она попыталась раскрыть характер и основные проблемы миграции женщин из России. При этом Тюрюканова Е. В. подчёркивает, что эмпирика итальянского потока дает хорошие возможности для изучения проблематики женской миграции, так как Италия является важным направлением брачной миграции женского населения из России. Автор отмечает, что дифференциация российско-итальянского миграционного потока по признаку пола позволяет выявить интересные закономерности. Индивидуальные мигранты составили 68% выборочной совокупности, из них почти 2/3 – женщины.

С точки зрения социально-демографических характеристик существенное различие между выезжающими женщинами и мужчинами наблюдалось по возрасту (женская часть потока была существенно моложе) и семейному положению (среди женщин в 2,5 раза больше не состоящих в браке, чем среди мужчин, среди которых более 3/4 – семейные). Такая структура потока отражает специфику мотиваций мужской и женской миграции. Существенно отличаются возвратные намерения женщин и мужчин. Почти вдвое больше женщин, чем мужчин, готовы воспользоваться любой возможностью, чтобы продлить свое пребывание за границей.

Нельзя не согласиться с Тюрюкановой Е. В. в том, что отношение к брачной миграции должно определяться ее социальным смыслом. «В этом контексте мы имеем дело с феноменом, который заключается в том, что некоторая часть общества избирает жизненную стратегию, связанную с выездом за границу путем брака с иностранным гражданином. Согласно интервью, проведенным автором с выезжающими в Италию женщинами, это, чаще всего, именно определенная идеология и программа деятельности по реализации личностных целевых установок, а не случайный выбор партнера» [2]. Вступление в брак или заключение долгосрочного контракта сами по себе не являются причиной эмиграции. Это лишь действия, направленные на реализацию определенной жизненной идеологии. Брачная миграция и предшествующий ей поиск партнера, это нечто вроде «стратегии успеха», альтернативной таким личностным «программам» у женщин, как стремление к политическому или профессиональному успеху и лидерству. Каковы же основные характеристики брачной миграции?

Тюрюканова Е. В. отмечает, что брачные мигранты представлены, в основном, молодыми женщинами: 60% – в возрасте до 30 лет, из них 7% – моложе 20 лет; 30% респонденток – в возрасте 30-40 лет. Средний возраст брачных мигрантов составляет 28 лет, что почти на 5 лет меньше, чем в среднем по всему потоку. Более половины женщин имеют высшее образование.

Это необыкновенно высокий уровень для подобного вида миграции в мире. Такова специфика современной брачной эмиграции из России. В качестве причин подобной нетипичной ситуации автор обращает внимание на то, что женщины с высшим образованием могут иметь более широкое общение с иностранными гражданами во время учебы и дальнейшей работы. У них больше шансов найти себе пару за рубежом.

С другой стороны, сказывается, вероятно, большая неудовлетворенность и неустроенность высокообразованных женщин в России. Это связано, как с высокими профессиональными запросами, трудностями совмещения профессиональной и семейной карьеры, так и с усилением экономической дискриминации женщин на рынке труда, вытеснением их из высокооплачиваемых секторов, феминизацией безработицы. Профессиональный состав брачных мигрантов свидетельствует о том, что эта миграция носит достаточно элитный характер: научные сотрудники и преподаватели составили 26% выборочной совокупности, служащие – 23%, инженерно-технические работники и студенты – по 9% [2].

Значительное число женщин выезжает из России с детьми (35%) или другими родственниками (5%). Однако, трудно определить, какое количество детей принадлежит прошлым расторгнутым бракам, а сколько – настоящему браку с иностранцем. Среди мигранток 23% отметили, что в ближайшее время намерены перевезти за границу своих ближайших родственников, в первую очередь родителей. Таким образом, Тюрюканова Е. В. предлагает рассматривать брачную миграцию как один из источников цепной эмиграции из страны. При этом она может охватывать не только ближайших родственников, но и, например, подруг. Влияние подобного «демонстрационного эффекта» в данном случае представляется значительным [2].

По мнению Рудаковой О.В., женская миграция в России имеет ряд характерных черт.

Во-первых, для женщин в большей степени характерен выезд в другую страну для долговременного или постоянного проживания.

Во-вторых, среди работников, переправляемых за границу нелегальным способом, женщины занимают наибольший удельный вес. Нелегальное положение в принимающих странах вынуждает их заниматься нелегальным трудом, связанным, прежде всего, с работой в сфере услуг или приближенных по статусу.

В-третьих, для женской миграции характерно наличие значительной доли брачной миграции, то есть миграция с целью удачного брака. Такие мигранты представлены в основном молодыми женщинами.

Средний возраст брачных мигрантов составляет около 30 лет. У большинства брачных мигрантов весьма высокий уровень образования: более половины женщин имеют высшее образование. По профессиональному составу брачных мигрантов выделяются: научные сотрудники и преподаватели – 26%, служащие – 23%, инженерно-технические работники и студенты – 10%, другие профессии – 41%. Почти 1/3 мигранток-женщин никогда не были замужем, еще 35% – разведены или вдовы. Таким образом, 2/3 женщин не имеют собственной семьи, кроме родительской. Такая структура женской трудовой миграции (в особенности высокая доля молодых незамужних женщин) говорит в пользу гипотезы о том, что профессиональная деятельность хотя и декларируется как основной мотив миграции, но, очевидно, является таковым отнюдь не для всех мигрантов. Следует отметить, что мотивы брачной и трудовой миграции во многом близки и часто переплетаются, так что граница между этими двумя видами перемещений иногда носит условный характер. По мнению экспертов, трудовые мотивации определенной части молодых женщин – лишь формальный повод для выезда, а не подлинная цель [3].

Следует отметить, что если в 1998 г. доля женщин – трудовых мигрантов в возрасте 16-29 составляла 50,5% в общей численности женской миграции, то в 2010 г. она повысилась до

86,9%. Подавляющая часть эмигрирующих женщин – женщины репродуктивного возраста, причем тех возрастных групп, на которые приходится «пик» рождений. Кроме того, по оценкам экспертов, в обход официальных каналов трудовой миграции ежегодно выезжает в 20 раз больше женщин, чем фиксирует статистика [3]. Это самостоятельное трудоустройство по личным каналам, а также выезд через нелегально (без лицензии) действующих посредников.

Существуют географические закономерности эмиграции российских женщин: женщины из европейской части страны чаще выезжают в страны Европейского Союза, Ближнего Востока. Жительницы регионов российского Дальнего Востока ориентированы на выезд в азиатские страны (Японию, Сингапур, Гонконг, Китай, Корею, Турцию) и Австралию. США и Канада в равной степени притягательны для российских женщин из разных частей страны.

Представляется очевидным, что предрасположенность к браку с иностранными партнерами основывается на нарушении количественных и качественных показателей российского брачного рынка. Происходит усложнение реализации брачного выбора, особенно для женщин, повышение требований, которые российские женщины предъявляют к брачным партнерам, и углубление причин, по которым российские мужчины им не соответствуют, что напрямую отражается на качестве воспроизводства населения России. В результате подавляющее большинство межнациональных браков заключается женской частью населения России, а ведь именно с женщинами связано воспроизводство человеческого рода. Следовательно, складывается противоречие между потребностью российского общества в простом воспроизводстве и «оттоком» российских женщин посредством браков с иностранными гражданами за пределы Российской Федерации.

Переизбыток высокообразованных и профессионально занятых женщин, с одной стороны, и критическое положение популяции русских мужчин, их частая неадекватность в роли брачных партнеров порождают серьезные проблемы. *Во-первых*, заключаемые в настоящее время браки все чаще входят в так называемую группу риска, так как разница в уровнях образования супругов является одним из факторов неустойчивости брака, следовательно, и возможной причиной развода. *Во-вторых*, из-за завышенных притязаний относительно статуса и образования супруга, некоторые женщины остаются незамужними вообще, другая их часть выходит на международный брачный рынок.

В 2008 году Москва установила своеобразный рекорд. Если в 2007 году жители столицы создали семью с гражданами 102 стран, то в 2008 уже с гражданами 106 стран. Среди государств дальнего зарубежья лидируют Турция, Германия, США, Израиль и Великобритания. Ну а среди стран СНГ на первом месте стоит Украина, с гражданами которой было заключено около 4000 браков. Итого в Москве в 2008 году заключено 12000 интернациональных браков [4].

Миграционный прирост населения Санкт-Петербурга ежегодно увеличивается, положительное сальдо миграции в 2011 году составило 58,6 тыс. человек (в 2010 году – 36,8 тыс. человек, в 2009 году – 31,2 тыс. человек). Иностранные граждане составляют 9,9% из числа прибывших на постоянное место жительства. Санкт-Петербург входит в число субъектов Российской Федерации, в которых население увеличилось за счет превышения миграционного прироста над естественной убылью жителей города. В 2011 году практически каждый двенадцатый брак регистрировался с иностранными гражданами (в 2010 году – каждый одиннадцатый). По информации Комитета по делам ЗАГС Санкт-Петербурга из 49363 зарегистрированных в 2011 году браков 4411 заключены с иностранными гражданами. Органами ЗАГС в 2011 году произведена государственная регистрация рождений 5112 детей у иностранных граждан, что составляет почти 10 процентов от регистрируемых рождений в Санкт-Петербурге (9,5%).

Рождение и воспитание детей в семьях иностранных граждан актуализирует проблемы социально-культурной интеграции, обеспечения социальных гарантий детям и взрослым членам семей, доступности социальных услуг, медицинской помощи, образования [5]. Например, Белобородов И.И. [6] приводит следующие данные, которые требуют самого серьёзного внимания и анализа. По абсолютному объёму иммиграции Россия занимает второе место в мире, уступая лишь США — государству с давними традициями иммиграции и отработанной системой ассимиляции приезжих. Масштабы миграции настораживают своей стихийностью: за период 1992—2010 гг. только в поле зрения официальной статистики попали 8,4 млн. иммигрантов.

Даже, если согласиться с очень спорным предположением, будто большинство приехавших (около 2/3) — этнически русские, то, так или иначе, получается, что по официальным (далеко не полным) данным с начала девяностых к нам въехало 2,8 млн. человек с иной культурой и ментальностью. В то же время, по некоторым оценкам, численность незаконных иммигрантов, пребывающих на территории России, доходит до 15–18 млн. человек, т. е. составляет примерно 10,5–12,7% населения.

Неблагоприятная ситуация сложилась и в эмиграционной сфере. За период с 1992 г. по 2010 г. Россию покинуло более 3,6 млн. чел. В основном это были квалифицированные специалисты, пополнившие экономически активное население, а также интеллектуальный и репродуктивный потенциал других стран. Только по официальным данным, из-за активной женской эмиграции, стимулируемой разного рода агентствами по трудоустройству за рубежом, за период с 1994 по 2009 г. из России выехали почти 900 тысяч женщин. Значительная часть из них преступным путем, под предлогом поиска хорошо оплачиваемой работы, оказалась вовлечена в секс-индустрию и другие нелегальные виды деятельности. Целесообразно предположить, что реальная цифра уехавших из России женщин является выше официальной в 1,5–2 раза.

По имеющимся экспертным оценкам, женская эмиграция привела к прямым репродуктивным потерям в виде 833 тысяч не родившихся детей в ближайшем пятилетии. Так, Рязанцев С. В. [7] приводит убедительные данные о том, что за последние пятнадцать лет Россию покинули около 1 млн. женщин, в том числе 885 тыс. женщин выехали на постоянное место жительства; более 106 тыс. женщин выехали на временную работу за границу, но зачастую также оставались в странах приема на постоянное место жительства.

С одной стороны, на рынках труда стран «стареющих» экономик открылись специфические ниши, где востребован труд женщин. Многие россиянки работают сиделками, ухаживают за престарелыми людьми, занимаются уборкой домов. С другой стороны, демографические проблемы в этих странах повлияли на то, что славянские женщины оказались востребованными на брачных рынках Европы, США и Азии. Они красивые, заботливые, неприхотливые, хорошо ведут домашнее хозяйство. К тому же, многие из них не имеют прав в принимающих странах и готовы терпеть притеснения мужа из-за детей, сохранения семьи, невозможности и нежелания возвращения домой.

Слабо изученным остаётся вопрос мужской эмиграции из России. Источниковая база является крайне узкой, гендерная статистика отсутствует, научные исследования практически не проводятся. Существующие данные, опубликованные в открытой печати, свидетельствуют о том, что каждый год из России эмигрируют тысячи молодых мужчин [8]. Сегодня существует среди них три эмиграционных потока: брачный, интеллектуальный, этнический. Причины обусловлены серьёзностью проблем, с которыми сталкиваются российские мужчины, среди которых лидируют:

- 1) высокий уровень смертности мужчин трудоспособного возраста;
- 2) неблагоприятные условия труда;
- 3) неблагоприятные социально-экономические условия;

4) низкий уровень самосохранительного поведения и другие.

Центральные области России – лидеры по мужской смертности: Псковская область – 23,6% умерших на 1000 человек, большинство из них мужчины. Коэффициент естественной убыли составил 15,2%. В Тверской области – аналогичный коэффициент составляет 14,6%, в Тульской области – 14,4%. Далее следуют Ивановская, Смоленская и другие области. При этом в России существует большая разница в продолжительности жизни мужчин и женщин — 12 лет.

Интеллектуальная эмиграция лишает российский брачный рынок самых привлекательных женихов. В США объявлена Национальная программа по разработке новых технологий и открыто 300 тыс. вакансий для иностранных специалистов, в том числе из России. Примерно 20% каждого выпуска Московского физико-технического института уезжают за границу. За последнее десятилетие цифра составила до 1,5 тыс. человек. Из Новосибирского университета примерно 5% из 1000 молодых специалистов каждый год уезжают работать в другие страны. Физики, химики, биологи из России уезжают в США, Канаду, страны Западной Европы, Японию и Китай. В Силиконовой долине в Калифорнии для русских специалистов открываются блестящие возможности. А соотношение русских мужчин и женщин в возрасте от 18 до 35 лет в Силиконовой долине – 10 : 1. Именно русские иммигранты последней волны занимают первое место среди женихов Америки. Именно с русскими эмигрантами чаще всего заключаются успешные браки [8].

Проблема заключается в том, что из России эмигрирует её национальный генофонд, и это, несомненно, размывает, ослабляет русский этнос и российский суперэтнос. Наблюдается процессе, аналогичный процессу «утечки мозгов», – «утечка женщин». По данным Министерства юстиции США, за последние 12 лет только в эту страну по визам невест выехало 75 тыс. россиян [9].

Факторы, усиливающие процессы женской брачной эмиграции:

- институализация поиска иностранных брачных партнёров;
- повышение интереса российских женщин к браку с иностранцем;
- существование устойчивого спроса на российских невест;
- бедность материнских монородительских семей с детьми;
- демографические проблемы Западной Европы;
- демографические проблемы самой России;
- духовное неблагополучие, потеря смысла жизни, социально-экономический стресс;
- этнические параметры женской брачной миграции: быстрее всего вымирает мужское население регионов России, где преобладают русские;
- национально-культурные особенности России: пренебрежительное отношение как к природным, так и к человеческим ресурсам;
- психологические факторы: в общественное сознание постсоветского общества внедрились два наиболее привлекательных женских образа: женщины-предпринимателя и жены «нового русского»;
- стремление успешных в профессиональном отношении, с высоким социальным статусом женщин реализовать себя в качестве жены и матери;
- недостатки русских, российских мужчин в качестве мужей: пьянство, лень, непостоянство, отсутствие стремления к саморазвитию;
- традиционные ценности и патриархальные стереотипы: мужчина должен выполнять инструментальную, а женщина – экспрессивную роль; сдержанное отношение большей части российских женщин к феминистским ценностям, что является привлекательным качеством для многих мужчин из Западной Европы и США;

- имидж российских женщин: умные, красивые, нежные, со своим характером и интересами, но нуждающиеся в мужском плече;
- «женственный образ России», закрепившийся в сознании носителей российской культуры и других культур.

Каковы характеристики иностранных брачных партнёров? По данным клуба знакомств French Romance в Санкт-Петербурге, это, в большинстве своём, – состоятельные и надёжные люди, средний годовой доход которых составляет 80 000 долларов. Основной возраст иностранных мужчин от 30-ти до 50-ти лет, многие в возрасте от 40 до 50-ти разведены, имеют, как правило, взрослых детей. Это мужчины среднего достатка [9]. Иностранные партнёры ищут в России женственных, «традиционных» жен, а в России активизируются в поисках иностранных мужей наиболее самостоятельные, образованные, феминизированные женщины.

Практически сформировалась новая модель адаптации женского населения России к изменившейся социально-природной среде: брак с иностранцем и отъезд из России. Уникальность этой модели состоит в том, что часть женского населения России в целях самосохранения и воспроизводства в лучших условиях, отказывается от адаптации в своей изменившейся социокультурной среде, предпочитая освоить новое жизненное пространство и адаптироваться в иной социальной культуре. В российской культуре сохраняется высокий престиж для женщины замужества и семьи. Кроме того, современная модель «успешного» человека предписывает «успешность» в исполнении главных ролей: матери/отца, жены/мужа, профессионала в трудовой деятельности. Эти факторы зачастую «выталкивают» из круга внимания российских мужчин наиболее успешных, феминизированных женщин.

Феминизация современного миграционного процесса является характерной тенденцией современности и будет ведущей в ближайшие 20 лет. По последним данным переписей населения основных стран-реципиентов, в среднем 48% всех трудовых мигрантов составляют женщины [10]. Однако профессиональный потенциал брачных мигрантов часто не реализуется и, таким образом, остается потерян не только для нашей страны, но и для общества вообще. Существует серьезная проблема адаптации и интеграции, прежде всего профессиональной, российских женщин, в частности, в западном обществе.

Положительная динамика брачных агентств, знакомств и заключённых браков позволяет утверждать, что эта культурная новация является процессом и имеет тенденцию к закреплению в культуре как традиция. Для России этот процесс при дальнейшем развитии может иметь несколько следствий:

- 1) некоторое выравнивание демографического дисбаланса между женским и мужским населением за счёт оттока женского населения;
- 2) значительная потеря национального генофонда;
- 3) ослабление жизненных сил русского суперэтнуса и славянской метаэтнической общности;
- 4) ухудшение качества человеческого потенциала.

Какие следствия может иметь этот феномен для тех стран и культур, куда устремляются российские женщины в качестве жён? Эта тема ещё ждёт своих исследователей.

В настоящее время в России назрела необходимость радикальных действий по предотвращению негативных условий и последствий эмиграции как женщин, так и мужчин. Несмотря на все отрицательные аспекты, запретить эмиграцию за рубеж невозможно, однако государство должно регулировать данный процесс в своих национальных интересах. Для этого, на наш взгляд, необходимо:

- признать домашний труд по рождению и воспитанию детей, воспроизводству человеческого потенциала самостоятельным сегментом рынка труда со всеми экономическими и социальными гарантиями;
- жестко пресекать гендерную дискриминацию на рынке труда;

- пропагандировать духовно-нравственные ценности семьи, материнства, отцовства, родительства и детства;
- содействовать сокращению уровня смертности населения, в том числе мужчин трудоспособного возраста;
- усовершенствовать законодательство в сфере регулирования миграционных процессов;
- содействовать проведению социологического мониторинга российского брачного рынка.

Интернет источники

1. http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_01/IssWWW.exe/Stg/d01/4-0.doc/ (Дата обращения: 04.03.2015).
2. Тюрюканова Е. В. Миграция женщин из России: еще одна «стратегия успеха»? // Гендерные аспекты социальной трансформации. Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. – Москва: 1996. – С. 84-102. – Режим доступа: <http://www.a-z.ru/women/texts/tyuryukanr.htm/> (Дата обращения: 04.03.2015).
3. Рудакова О.В. Трудовая эмиграция в России: гендерный аспект. – Режим доступа: <http://www.tisbi.ru/assets/Site/Science/Documents/410-RUDAKOVA.pdf> / (Дата обращения: 04.03.2015).
4. Статистика браков и разводов в России за 2000-2009 гг. опубликовано: 07-03-2010. – Режим доступа: www.svadba-online.ru/zags/statistika_brakov_i_razvodov_v_rossii_po_2009_god_news.html/ (Дата обращения: 01.03.2015).
5. Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012 – 2022 годы. – Режим доступа: <http://www.gov.spb.ru/> (Дата обращения: 05.05.2015).
6. Белобородов И.И. Демографическая ситуация в России в 1992—2010 гг. Два десятилетия депопуляции. – Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=21&idArt=1926; Белобородов И. И. Совершенствование законодательного обеспечения миграционной политики. Тезисы к докладу на парламентских слушаниях // Демографические исследования. – 2011. – № 11. – Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=13&idArt=1884/ (Дата обращения: 01.03.2015).
7. Рязанцев С.В. Эмиграция женщин из России. – Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1785/ / Дата публикации: 13.10.2010. / (Дата обращения: 01.04.2015).
8. Попова Н. Русские женихи в погоне за «синей птицей» // 24 часа. – 2011. – №8. – С. 18.
9. Брак с иностранцем как новая модель адаптации российских женщин в условиях переходного общества. – Режим доступа: <http://www.ethnonet.ru/> (Дата обращения: 04.03.2015).
10. Рудакова О.В. Трудовая эмиграция в России: гендерный аспект. – Режим доступа: <http://www.tisbi.ru/assets/Site/Science/Documents/410-RUDAKOVA.pdf> / (Дата обращения: 04.03.2015).

Ушакова Марина Евгеньевна
старший преподаватель
кафедры начального и дошкольного образования
Академии повышения квалификации
и переподготовки работников образования,
г. Москва, Россия

ВЛИЯНИЕ ПРИНЦИПОВ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ НА ПРОЦЕСС СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

В статье делается попытка проанализировать возможности применения принципов гуманистической педагогики в воспитании детей-мигрантов в смешанной по этническому составу группе дошкольной образовательной организации на примере теории детства польского педагога-гуманиста Януша Корчака. Автор приводит некоторые результаты изучения проблемы гуманизации процесса социокультурной адаптации детей-мигрантов. Рассматриваются базовые принципы гуманистической педагогики, применимые в практике работы с дошкольниками.

Ключевые слова: гуманизм, гуманистическая педагогика, дети-мигранты, смешанная группа, социокультурная адаптация.

E-mail: ushakova@apkrpo.ru

Ushakova Marina E.,
Senior teacher of the department of Primary and Pre-school Education,
Academy of Professional Development and Retraining for Educators,
Moscow, Russia

THE IMPACT OF THE PRINCIPLES OF HUMANISTIC PEDAGOGY ON THE PROCESS OF SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF MIGRANT CHILDREN IN PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

The article attempts to analyze the possibility of applying principles of humanistic pedagogy in the education of migrant children in a mixed ethnic composition of the group of pre-school educational organization on the example of the theory of childhood Polish humanist educator Janusz Korczak. The author gives some results of studying the problem of humanization of social and cultural adaptation of migrant children. We consider the basic principles of humanistic pedagogy, useful in the practice of working with preschoolers.

Keywords: humanism, J.Korczak's pedagogy, migrant children, educator in a mixed group, the sociocultural adaptation.

E-mail: ushakova@apkrpo.ru

Характерной особенностью жизни детей в большинстве стран современного мира являются условия социальной дифференциации, внутреннего общественного конфликта. Криминализация общества, вооружённые столкновения, социальное сиротство, проблемы миграции – лишь часть острых проблем, жертвами которых являются дети. Вместе с тем, ведущие российские учёные говорят о глубинных изменениях и самого детства (Д. И. Фельдштейн), появлении детей с новым типом сознания (Н. А. Горлова), требующих иного подхода в воспитании и образовании.

Повседневной реальностью многих дошкольных образовательных организаций Российской Федерации являются смешанные по этническому составу группы, которые посещают дети-мигранты. Несмотря на перманентный характер миграционных процессов, педагогические коллективы детских садов лишь сейчас осознают серьёзность проблемы социокультурной адаптации детей-мигрантов и, в отсутствие методической помощи извне, самостоятельно ищут решение практических задач среди которых: расширение знаний о ребёнке-мигранте (психо-физические и культурологические особенности), поиск подходов к организации воспитательного процесса в смешанной по этническому составу группе, поиск форм и путей взаимодействия с семьёй ребёнка-мигранта, повышение квалификации педагогических работников смешанных по этническому составу групп и др.

Ребёнок-мигрант дошкольного возраста помимо адаптации к группе детского сада, испытывает стресс в связи с переездом и адаптацией к новым социокультурным условиям, что нередко сопровождается психологической дезориентацией в пространстве социума и кризисом самоидентификации (Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова). В след за внешним противоречием между ценностями и нормами, транслируемыми дома и в детском саду, приходит внутренняя дисгармония и ощущение неопределённости, утрата идентичности и растерянность. В поведении наблюдается отстранённость и/или агрессия.

Противоречие внешних обстоятельств и внутренних изменений приводит к возникновению у ребёнка-мигранта индивидуальных механизмов психологической защиты, основанных на непонимании новых культурных особенностей принимающего социума, неуверенности в себе, неверия другим, отсутствии опоры, страха перед реальностью. Вследствие этого происходит дискредитация и отвержение любого педагогического воздействия (родителей и детского сада). Снижение или устранение напряжённости в межличностном общении, улучшение собственного эмоционального фона, усвоение личностью культурных норм и традиций группы, вхождение в её ролевую структуру – всё это считается признаками и целями социокультурной адаптации.

Социальный заказ общества, государственная политика в образовании Российской Федерации указывают на необходимость и своевременность выбора гуманистической парадигмы в практике взаимодействия с детьми-мигрантами, логику использования принципов гуманистической педагогики в процессе социокультурной адаптации детей-мигрантов в ДОО. Главной отличительной чертой новой педагогики, как называли её сами педагоги-гуманисты начала XX века (Э. Кей, М. Монтессори, С. Френе, А. Нилл, Я.Корчак), является личностно ориентированный подход к воспитанию. Антропоцентрированная направленность личности, способной к самокритике, самореализации, самосозиданию необходима и обязательна для цивилизованного общества. Воспитание миролюбия, повышение устойчивости к этническим, религиозным, политическим конфликтам, поиск средств, которые будут способствовать снижению социальной напряжённости, экстремизма, возможны лишь в условиях диалога, плюрализма мнений, в ситуации сотрудничества. Современные педагоги-гуманисты считают, а педагоги-практики образовательных организаций с ними согласны, что принципы гуманистического воспитания – это «концентрированное, инструментальное выражение тех положений, которые имеют всеобщее значение, действуют в любых педагогических ситуациях и при любых условиях организации образования» [1].

Среди принципов гуманистической педагогики, применимых в практике дошкольной образовательной организации, можно выделить принципы, сформулированные польским педагогом, писателем, врачом Янушем Корчаком: всестороннее изучение ребёнка; соблюдение прав ребёнка; принятие ребёнка; принцип диалога во всех видах активности и взаимодействия.

Гуманизация социокультурной адаптации детей-мигрантов связывается с процессом гуманизации воспитательного пространства, который представляется как отсутствие подавления активности личности, недопустимость навязывания общественных функций вопреки склонностям и стремлениям ребёнка. Ведущая роль в трансляции и реализации гуманистической парадигмы в ДОО принадлежит педагогу-воспитателю, владеющему не только знаниями и умениями, но и способному смело ориентироваться и быстро реагировать на изменяющиеся условия жизни.

Открытие смысловой идеи самооценности детства, признание необходимости свободы ребёнка в воспитательном процессе, которые транслировал Я. Корчак, находят отклик среди современных педагогов. Наши наблюдения и личные беседы с воспитателями, результаты социометрических исследований смешанных групп, исследование эмоций детей-мигрантов подтверждают уменьшение дистанции между ребёнком и взрослым, указывают на двусторонние изменения. Растёт личностный потенциал дошкольников-мигрантов, обеспечивающий им позитивную самооценку, укрепляются межличностные связи в группе, снижается общий и индивидуальный уровень тревожности, отмечается эмоциональное благополучие. Педагоги субъективно отмечают снижение эмоциональной усталости от работы в смешанной по этническому составу группе, облегчение в установлении контакта с ребёнком-мигрантом, независимо от уровня его языковой компетентности, а также благоприятные тенденции к повышению самостоятельности у воспитанников, начало диалога с родителями детей.

Позитивное взаимодействие взрослого и ребёнка, процесс воспитания как оказание детям помощи в их росте и развитии – прогрессивный путь педагогики Я. Корчака, результатом которого становится постепенное уменьшение зависимости детей от взрослых, формирование у ребёнка самостоятельных суждений и убеждений, собственной системы ценностей [1]. Для ребенка-мигранта дошкольного возраста адаптация к поликультурной среде представляет собой сложный и многомерный процесс с изменениями в осознании этнической идентичности, развитием толерантности, чувства собственного достоинства [2].

Опыт работы педагогов-воспитателей показывает, что использование принципов гуманистической педагогики в ДОО влияет на весь воспитательно-образовательный процесс, ведёт к его демократизации. Но принятие корчаковских идей не происходит автоматически и спонтанно. Этот процесс сопровождается сомнениями, поиском новых подходов к общению с детьми, преодолением стереотипов профессионального мышления, отходом от традиционных форм воспитательной деятельности, предлагает отказаться от культурных шор и меняет мировоззрение.

Список литературы

1. Демакова И. Д. Януш Корчак: живая педагогика изменяющегося мира. – М.: АНО «ЦНПРО», 2013. – 200 с.
2. Ушакова М. Е. К вопросу о гуманизации воспитания детей-мигрантов в смешанной группе ДОО // Развитие начального образования в период институциональных и социокультурных трансформаций. – Иркутск: ПИ ИГУ, 2015. – 236 с.

Чхутиашвили Лела Васильевна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры философии и
социально-экономических дисциплин
Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина,
г. Москва, Россия

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена проблеме трудовой миграции и ее влиянию на социально-экономическую ситуацию в современной России. Многочисленная категория иностранцев, являющихся носителями иной культуры и языка, нередко вызывает негативную реакцию коренного населения. Ситуация будет усугубляться, если не принимать никаких мер. Проблема социальной и культурной адаптации к российским условиям трудовых мигрантов, особенно граждан южных стран СНГ стоит в настоящее время как нельзя остро. Принятие Федерального закона «Об адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» будет способствовать, в том числе созданию условий для эффективной защиты прав и законных интересов мигрантов, обеспечению их безопасного и комфортного пребывания на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: адаптация, интеграция, иностранцы, занятость, трудовая миграция, конфликты, контроль, программа.

E-mail: multistar@yandex.ru

Chkhutiashvili Lela V.,
Doctor of Economics, docent,
Associate Professor of the department of Philosophical
and Socio-Economic Disciplines,
Kutafin Moscow State Legal University,
Moscow, Russia

THE IMPACT OF MIGRATION ON THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the problem of labor migration and its impact on the socio-economic situation in Russia. A large category of foreigners who are holders of a different culture and language, often causes a negative reaction of the indigenous population. The situation will worsen if no action is taken. The problem of social and cultural adaptation to Russian conditions of migrant workers, especially the citizens of the southern CIS countries is at present could not be serious. Adoption of the Federal Law "On adaptation and integration of foreign citizens in the Russian Federation" will contribute, including the creation of conditions for the effective protection of the rights and legitimate interests of migrants, providing them with a safe and comfortable stay in the territory of the Russian Federation.

Keywords: adaptation, integration, aliens, employment, labor migration, conflict, control, program.

E-mail: multistar@yandex.ru

В современном мире трудовая миграция приобретает все более глобальное значение и является мощным стимулом развития мирового прогресса. Одним из наиболее привлекательных в миграционном плане государств является Российская Федерация. В последние годы наблюдается тенденция к существенному увеличению количества иностранных граждан, посещающих Российскую Федерацию. В 2013 году количество иностранных граждан, посетивших Российскую Федерацию, превысило 17,5 млн. человек. Значительная часть мигрантов прибывает в страну в поисках работы.

Проблема использования иностранной рабочей силы в современной России является одной из наиболее сложных проблем. С одной стороны, российская экономика нуждается в иностранных работниках, но в то же время иностранная трудовая миграция способна не только деформировать структуру занятости, но и вызывать дисбаланс в социальной сфере, провоцировать национальные конфликты и обострять криминогенную обстановку в стране. Кроме того, нахождение в нашей стране многочисленных групп иностранных граждан (в среднем от 8 до 9 млн.), пользующихся правом безвизового въезда, создает реальную угрозу возникновения незаконной миграции.

Нелегальные мигранты в современной России – это иностранные граждане, в основном из государств-участников Содружества Независимых Государств, законно въехавшие и впоследствии нарушившие срок законного пребывания и не покинувшие территорию Российской Федерации, понимая бесперспективность возвращения на родину, где их ждут безработица и низкий уровень жизни. Перейдя в разряд нелегалов, трудовые мигранты осуществляют незаконную трудовую деятельность, образуют замкнутые сообщества, внутри которых царят криминальные порядки, нередко становятся на путь совершения преступлений.

Особую группу риска составляет молодежь, почти не владеющая русским языком и не готовая гармонично вписаться в социально-культурное пространство современного российского общества. Данная категория иностранных граждан, находясь за рамками правового поля, лишается легитимной защиты в отношениях с работодателями и посредниками при трудоустройстве. Именно такие мигранты рискуют стать жертвами современной работорговли.

Сложившаяся в Российской Федерации миграционная ситуация требует от государства и общества серьезных усилий в области адаптации и интеграции иностранных граждан. Адаптация на основе знания русского языка, уважения к истории и культуре, традициям и жизненному укладу россиян, является эффективным средством гармонизации межнациональных взаимоотношений коренного населения и мигрантов.

Успешная работа по адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество, как показывает анализ международного опыта, не возможна без координирующей роли государства, соответствующего финансирования, а также при активном участии институтов гражданского общества. Однако миграционное законодательство Российской Федерации не в полной мере соответствует текущим и будущим потребностям экономического, социального и демографического развития, интересам работодателей и российского общества в целом. Оно ориентировано на привлечение временных иностранных работников и не содержит мер, способствующих переезду на постоянное место жительства, адаптации и интеграции мигрантов. Несовершенство действующей системы управления миграционными процессами проявляется в наличии большого числа незаконных мигрантов. Ежегодно в стране от 3 до 5 млн. иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность без официального разрешения. Незаконная миграция, питающая рабочей силой теневой сектор экономики, является одной из главных причин усиления негативного отношения к мигрантам со стороны части населения Российской Федерации.

К сожалению, в Российской Федерации:

- 1) отсутствуют программы привлечения на постоянное место жительства мигрантов с востребованными в стране профессионально-квалификационными, образовательными, экономическими, демографическими, социокультурными и другими характеристиками, способных успешно адаптироваться и интегрироваться в российское общество;

- 2) существуют сложности в получении разрешения на временное проживание и вида на жительство, которые затрудняют процесс получения гражданства для большинства законопослушных мигрантов;
- 3) не позволительно долго осуществляется формирование механизмов набора иностранных работников, дифференцированных в соответствии с профессионально-квалификационными запросами российских работодателей (исключением является узкая категория высококвалифицированных специалистов);
- 4) отсутствуют специальные программы каникулярной и сезонной трудовой миграции;
- 5) действующая система квотирования несовершенно и предполагает излишне длительные сроки рассмотрения заявок работодателей, а также не обеспечивает привлечения иностранных работников на рабочие места в соответствии с заявленной потребностью работодателей;
- 6) требуется совершенствование порядка привлечения физическими лицами иностранных работников для личных, домашних и иных подобных нужд на основании патентов для осуществления трудовой деятельности;
- 7) слабо используется миграционный потенциал российской системы образования. Законодательные ограничения для занятости во время обучения и после его завершения снижают привлекательность получения образования в России для иностранных студентов.

Патентная система, введенная в Российской Федерации с 1 января 2015 г., позволяет иностранным гражданам устраиваться на работу не только к физическим лицам, но и в организации, и к частным предпринимателям. Патент на работу представляет собой разрешение на трудовую деятельность для иностранных граждан у физического лица. Патент выдается только тем временно пребывающим гражданам, для которых получение визы в России не обязательно. Оформление патента регламентирует Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ». Иностранец, который найдет работу в компании, участвовавшей в квотировании, сможет получить разрешение на работу и работать без патента.

С 1 января 2015 года на основании ФЗ «О правовом положении иностранных граждан» каждый иностранец должен оформить документы, которые могут подтвердить его владение русским языком, знание основ законодательства РФ и истории нашей страны. Такими документами могут выступать:

- сертификат о владении русским языком, истории и основ законодательства России;
- документ об образовании (не ниже основного общего), которое было выдано на территории страны-республики, входившей в состав Советского Союза до 1 сентября 1991 года;
- документ об образовании (присвоенной квалификации), которые успешно прошли итоговую аттестацию на территории РФ с 1 сентября 1991 года.

В течение 2-х месяцев со дня выдачи патента иностранец, осуществляющий трудовую деятельность в РФ, обязан представить лично или же направить заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении в территориальный ФМС России, выдавший патент, копию трудового договора или гражданско-правового договора.

При поступлении указанного договора ФМС России проводит проверку регистрации работодателя или заказчика работ (услуг), являющихся юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями. Например, ежемесячная сумма, которую должен будет оплачивать иностранный гражданин, работающий по патенту в Москве, равна 4 тыс. рублей, в Санкт-Петербурге — 3 тыс. рублей. В других регионах страны стоимость патента может составлять примерно 1300 рублей. Патент на работу прекращает свое действие с истечением его годичного срока, а также если лицо не продлевает патент и не оплачивает авансовый платеж до установленной даты.

Если иностранный гражданин работает без патента, то это влечет наложение административного штрафа в размере от 2 тысяч до 5 тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового, (ст. 18.10. КоАП РФ). Если ино-

странный гражданин нанимается на работу без патента, то это влечет наложение административного штрафа в размере от 2 тысяч до 5 тысяч рублей, (ч. 1 ст. 18.15. КоАП РФ). Кроме того, работодатель обязан уведомить территориальный орган ФМС о заключении, а также расторжении с иностранным гражданином трудового договора (или иного документа) на выполнение работ в срок, не превышающий 3 рабочих дней с даты заключения или прекращения соответствующего договора согласно п. 8 ст. 13 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан».

Подводя итоги, скажем, что по мере накопления собственного и изучения зарубежного опыта работы с трудовыми мигрантами, в миграционной политике Российской Федерации происходила эволюция подходов и корректировка целей. Реальным механизмом исполнения Законов Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4530-I «О вынужденных переселенцах» и от 19 февраля 1993 г. № 4528-I «О беженцах» и нормативных актов, касающихся вопросов вынужденной миграции, являются Федеральные миграционные программы. Серьезным шагом в упорядочении миграционных процессов и сопряженных с ним процессов адаптации переселенцев стало создание сети территориальных органов ФМС России. Это позволило регистрировать беженцев из зон вооруженных конфликтов, оказать им содействие в обустройстве. За короткое время были созданы центры временного размещения, центр медико-психологической реабилитации беженцев, подвергшихся насилию в зонах вооруженных столкновений, развернулось строительство компактных поселений.

Первый опыт работы позволил четче сформулировать цели, принципы и задачи миграционной политики России. В качестве первоочередных целей было зафиксировано:

- оптимизация миграционных потоков;
- преодоление негативных последствий стихийно развивающихся процессов миграции;
- создание условий для беспрепятственной реализации прав мигрантов;
- обеспечение гуманного отношения к лицам, ищущим убежища на территории Российской Федерации.

Сегодня приоритетными задачами обустройства и оптимального вхождения трудовых мигрантов в российский социум признаны:

- защита прав и интересов мигрантов;
- соблюдение государственных интересов при реализации миграционных программ и мероприятий;
- организация миграционного контроля;
- регулирование миграционных потоков с учетом социально-экономического развития принимающего региона, национальной совместимости, специфики психологии мигрантов и климатических особенностей мест расселения;
- создание условий приема и размещения мигрантов, стимулирующих их активное участие в процессе адаптации к конкретному социально-экономическому положению.

С принятием новой Федеральной миграционной программы, предусматривающей основные направления социального обустройства мигрантов, деятельность органов государственной политики в решении проблем вынужденных переселенцев, их обустройства и социальной адаптации ведется по следующим направлениям:

- совершенствование законодательства в области миграции, создание правовой базы, определяющей взаимные права и обязанности мигранта и государства;
- защита прав мигрантов в соответствии с действующим законодательством и нормами международного права;
- организация миграционного контроля, регулирование миграционных потоков;
- прием, временное размещение беженцев и вынужденных переселенцев, организация расселения, оказание помощи, содействие в трудоустройстве и обустройстве на новом месте жительства;

- прогнозирование миграционных процессов и формирование государственной политики с учетом изменения общеполитической и экономической ситуации, международной обстановки;
- разработка региональных и межрегиональных программ, организация их финансирования и выполнения;
- оптимальное распределение средств, выделяемых из федерального бюджета на решение проблем миграции и контроль за их использованием;
- разработка механизма взаимодействия между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, правоохранительными органами.

С вступлением в силу с 15 января 2007 г. Федеральных законов от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ», № 110-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», с одной стороны, значительно облегчилась процедура легализации трудовых мигрантов, приезжающих на заработки в Российскую Федерацию, а с другой – введена процедура квотирования иностранной рабочей силы как мера государственного регулирования миграционных потоков.

Таким образом, сегодня Россия, как и Европа, столкнулась с массовой миграцией иностранцев, не владеющих в должной мере русским языком и принесших с собой традиции, непривычные для русских регионов. Многочисленная категория иностранцев, являющихся носителями иной культуры и языка, нередко вызывает негативную реакцию коренного населения и оказывает существенное влияние на состояние межнациональных отношений. Наблюдается увеличение случаев проявления нетерпимости, ксенофобии и мигрантофобии, что зачастую используется националистами, готовыми перевести любой бытовой конфликт в ряд межэтнических противоречий и сделать поводом для уличных беспорядков.

Правозащитные организации и правоохранительные органы фиксируют огромное количество правонарушений, начиная от отказа приема на работу по этническому признаку и заканчивая нападениями, избиением и убийством лиц «неславянской наружности». И ситуация будет усугубляться, если не принимать никаких мер. Проблема социальной и культурной адаптации к российским условиям трудовых мигрантов, особенно граждан южных стран СНГ, приезжающих в нашу страну, стоит в настоящее время как нельзя остро. Поэтому, ставя задачу привлечения в страну трудовых мигрантов для восполнения населения, рабочей силы и развития инновационного потенциала в Российской Федерации необходимо:

- 1) создавать условия для адаптации и интеграции мигрантов, защиты их прав и свобод, обеспечения их социальной защищенности;
- 2) облегчить процедуру получения статуса постоянно проживающего в Российской Федерации, а также урегулировать правовое положение иностранных граждан:
- обеспеченность жильем по нормам, установленным действующим законодательством для данного региона;
- обеспеченность рабочим местом;
- обеспеченность социальной защитой по нормам, установленным действующим законодательством для конкретной социальной группы населения;
- 3) принять государственные программы адаптации и интеграции, а к организации таких программ привлечь все заинтересованные стороны (правительства стран происхождения мигрантов, самих мигрантов, бизнес-структуры, неправительственные организации), в полной мере задействовать потенциал средств массовой информации;
- 4) оказывать содействие в жилищном обустройстве вынужденных переселенцев, усовершенствовать процедуры предоставления статуса беженца и временного убежища по гуманитарным обстоятельствам;
- 5) принять Федеральный закон «Об адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации», подготовленный ФМС России по поручению Правительства Российской Федерации.

ской Федерации совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и направленный на закрепление в законодательстве основных понятий, необходимых для обеспечения деятельности в области адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации.

Как сказано в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Президентом Российской Федерации 8 июня 2012 г., «переселение мигрантов на постоянное место жительства в Российскую Федерацию становится одним из источников увеличения численности населения страны в целом и ее регионов, а привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития» [4].

Поэтому, на наш взгляд, принятие Федерального закона «Об адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» будет способствовать:

- созданию инфраструктуры для адаптации и интеграции мигрантов в российское общество;
- координации деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере адаптации и интеграции мигрантов;
- снижению опасности возникновения социальной напряженности в обществе;
- противодействию сегрегации мигрантов и возникновению закрытых этнических анклавов;
- созданию условий для эффективной защиты прав и законных интересов мигрантов, обеспечению их безопасного и комфортного пребывания на территории Российской Федерации;
- оптимизации процессов на российском рынке труда;
- снижению уровня незаконной миграции;
- обеспечению межнационального согласия в российском обществе;
- популяризации русского языка и российской культуры за рубежом и формированию позитивного имиджа Российской Федерации [3].

Список литературы

1. Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / Науч. ред. С. В. Голунов. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 7.
2. Чхутиашвили Л.В. Проблемы трудовой миграции в современной России // Миграционное право. – 2015. – № 2. – С. 36-39.

Интернет источники

3. Федеральный закон «Об адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/documentation/865/details/81610/> (Дата обращения: 09.11.2015).
4. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf> (Дата обращения: 09.11.2015).
5. Лившин А. Изменения миграционного законодательства РФ в начале 2007 года: анализ первых результатов [Электрон. ресурс] / А. Лившин, А. Полунов, А. Каширова. – Режим доступа: http://ristr.spa.msu.ru/labour_market.php, свободный (Дата обращения: 01.11.2015).
6. Преступники, выбившие женщине глаз, оказались скинхедами [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-282699-section_id-13.html, свободный (Дата обращения: 01.11.2015).
7. Семеновских, А. Развитие ислама в Челябинской области. [Электрон. ресурс] / А. Семеновских. – Режим доступа: <http://www.islamrf.ru/articles.php?razdel=6&sid=2962>, свободный (Дата обращения: 05.11.2015).
8. Усачева, А. Полумесяц за полумесяцем [Электрон. ресурс] / А. Усачева, В. Свизева, К. Коротких. – Режим доступа: <http://59.ru/news/208-print.html>, свободный (Дата обращения: 01.11.2015).

ХОРИЕ Норио,
доктор экономических наук,
заместитель директора Центра Дальневосточных исследований
Университета Тоямы, г. Тояма, Япония

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ГРАНИЦЫ РОССИИ И ИХ ПОЗИЦИИ В МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

В данной статье автор поднял вопрос о российских экономических отношениях с Китаем и негативных последствиях, которые появились из-за этого сотрудничества, такие как миграция. В настоящее время Китай – это главный торговый партнер не только для России, но и для большинства стран в мире. То, что Россия граничит с Китаем, дает России хорошие торговые возможности, без которых экономика России в настоящее время будет трудно себе представить. Таким образом, в Китае, наряду с быстрым экономическим ростом, мы также можем видеть увеличение населения, которое может привести к миграции рабочей силы в регионы России. Более наглядно описывает проблему автор на примере двух российских регионов: Еврейской автономной области и Амурской области. По сравнению с другими регионами эти два не имеют выхода к Тихому океану, и, как следствие, возможности торговать с остальным миром. В связи с этим они имеют зависимость от китайского сотрудничества. Находясь на границе с Китаем и по причине того, что границы могут быть закрыты из-за экономических отношений, в этих регионах мы видим большой поток рабочей силы, который очень трудно контролировать. Очень интересно, что то, что эти регионы не имеют достаточно рабочей силы, и эта проблема может быть решена с помощью рабочих из Китая. Но в настоящее время, например, Амурская область уменьшает квоты иностранных работников даже до нуля, что только увеличит количество неофициальных рабочих и не решит проблему. Какова причина этого, чего именно боится наше правительство? Конечно, это возможность потерять территорию из-за экспансии Китая. И не только по причине растущего населения Китая, но также из-за слабого экономического развития городов, расположенных вблизи китайской границы.

Ключевые слова: Национальные государства, национальные политические границы, пограничные города, новые пути экономического развития.

E-mail: horienorio@gmail.com

Horie Norio,
Doctor of Economic Sciences,
Deputy Director of the Center Far East research, Toyama University, Toyama, Japan

RUSSIAN FAR EASTERN BORDERLANDS AND THEIR POSITIONALITY IN MIGRATION SITUATION

In the article "Russian far eastern borderlands and their positionality in migration", which was written by Horie N. Author raised a question about Russian economic relationship with China and some negative consequences which appeared due to this cooperation such as migration. Nowadays China it is a main trade partner not only for Russia, but for the majority of countries in the world. Bordering with China provide for Russia good trade opportunities, without which our economy nowadays will be difficult to imagine. Thus, in China with rapid economic growth we also can see increasing in population, which is lead to migration of labor force into Russia region. More clearly author describe problem on example of two Russian regions: Jewish Autonomous Oblast and Amur Oblast. In comparison with other regions these two do not have exit to Pacific Ocean and as a consequences to opportunity to trade with the rest of the world. Due to this they have dependence from China cooperation. Being on the border with China and in reason that borders can be closed due to the fact of economic relationship, in these regions we can see high flow of labor force which is very difficult to control. Very interesting that fact that these regions do not have enough labor force and this problem can be solved by workers from China. But nowadays for example Amur Oblast decrease quota of foreign workers even to zero, which just increase number of unofficial workers and do not solve the problem. What the reason for this, what afraid our government? Of course, it is possibility to lose territory due to expansion of China. And not only by reason of growing population of China, but also due to weak economic development of cities that located near with China.

Keywords: Nation states, national political borders, border towns, new ways of economic development.

E-mail: horienorio@gmail.com

National political borders are taken as exogenous to economic theory, and nation states are commonly presumed to be natural territorial units or natural social and political form of the modern world. This presumed position of research is criticized as a “national territorial trap”, “state-centrism” [1] or “methodological nationalism” [7].

This position can be called as a universal approach. I focus on the local model with peculiar local institutional settings that have made their local contexts. The interests and preferences of economic actors in a local are shaped by their socio-spatial position. It does not mean they are shaped only by local conditions, but also connections with elsewhere crossing borders. The local “assemblage” emerges at the intersection of agency of a variety of actors. Local models, I try to elaborate in this paper, are “sensitive to the context to which they are applied” [1]. In my view, therefore, local-specific and changing contexts matter.

In borderland studies, Kortelainen and Rannikk focused on the concept of positionality switch to explore shifting the positionality of two Russian local communities in Russian-Finnish borderland. The positionality switch “refers to the abrupt closure, opening, or redirection of important connections that radically change the positionality of local economies [3].” The positionality switch can re-shape landscapes of locals, and often shape new economic development paths, even if these switches are shaped by contingent events or decisions of any actors and cause sudden ruptures in economic connections.

The periphery region we focus on consists of two districts on Russian-Sino border region; Jewish Autonomous Oblast and Amur Oblast. These districts are remote ones from the core. It is not only because it is far from Moscow as a center of Russian political regime and economic hierarchy, but also remote from the exit to the Pacific Ocean which should be a door to international (multinational) communications in economy and in people’s mobility.

The Eastward Policy of President Vladimir Putin is said to be derived from his visit in July 2000 to the city of Blagoveshchensk along the Amur River, which borders China [6. C.144]. The Eastward Policy, therefore, can be said it was motivated by the stark contrast between the decline of Blagoveshchensk and the prosperity of the Chinese city of Heihe across the river, which in the Soviet time had been only a small village but was now thriving with high-rise buildings standing side by side. The state-led development of the Russian Far East is regarded as an important policy designed to prevent Russia from “losing its Far Eastern provinces because of failures on the part of the state or foreign expansion or domination” [6. C.29] and allow the country to play an active role in the prosperity of the Asia-Pacific region through the Russian Far East with such territorial integrity. Blyakher also mentioned that the regional authorities can attract the attention of the central government so as to protect Russia’s Far Eastern political governance from the Chinese “monster” [8. C.74]. Russia’s ambivalence toward China (always viewing China as a strategic partner in developing economic and political “soft alliance” and at the same time as a menace to Russia’s territorial integrity) provides a unique context to this region.

Therefore these two districts can be call as a contested space.

Regional geographic context gives great impact on agriculture in the border region. Amur Oblast and Jewish Autonomous Oblast are remote districts from the core of the state and international exit door like Vladivostok, and have only an exit door to China through the land border in international connections. Let me divide Russian Far East into two regions: The northern region, which does not face the border with China and the southern region, which faces the border with China. Not only the southern region of Russian Far East, but also the northern region has expanded their trade with China in recent years. The trade dependency of the southern region on China, however, is more intensive than the northern region (Table 1). Especially Amur Oblast and Jewish Autonomous Oblast seriously depend on Chinese economy in trade. It comes from the fact that these two oblasts have checkpoints only for China, and, contrary to these two oblasts, Primorsky Krai and Khabarovsk Krai have their own checkpoints to the ocean, that enable them to trade not only with China but also with the other Asian countries.

Table 1

Trade dependency on China in 2009

Southern region	Primorsky	55.8%
	Khabarovsk	50.2%
	Amur	83.8%
	Jewish	98.0%
Northern region	Sakha	1.7%
	Kamchatka	33.7%
	Magadan	5.7%
	Sakhalin	9.9%

Source: Compiled by the author from Амуроблкомстат.

These two oblasts have rich agriculture land and forestry, and their major export goods are soybeans and sawn logs. It is reasonable to estimate almost all these products in Amur Oblast and Jewish Autonomous Oblast are exported to China (Table 2). The land for agriculture called “selo” in Russia used to locate in suburbs or remote area apart from the city. The area does not have enough dense population. For example, Leninsky district (raion) in Jewish Autonomous Oblast has 24 local settlements populated only 19,496 locals for 6 thousand km². Their land facing with the Chinese border is mainly used for agriculture, 132 km apart from Birobidzhan by highway. Nizhneleninskoye in Leninsky district is their gateway to Tongjiang city in China. In this situation their scare supply of domestic seasonal agriculture workers causes introduction of Chinese workers. The gateway city to China in Amur Oblast, Blagoveshchensk city, also cannot provide enough agricultural workers to their agriculture, whose land vastly located behind the city. Geographical proximity between the gateway and the land for agriculture gives much impact on their way to use foreign workers.

Table 2

Export from Jewish Autonomous Oblast in 2013 and 2014

Goods	Value (thousand USD)		Share of value (%)	
	2013	2014	2013	2014
Soybeans (not for sowing)	2,136.4	5,109.4	12.0	21.7
Wood and articles of wood	14,364.0	16,303.1	80.4	69.1
The others	1,376	2,166	7.6	9.2
Total	17,875.9	23,578.2	100.0	100.0

Amur Oblast took a bold step when it imposed a zero quota for work permits for Chinese farmworkers in 2013. The Amur Oblast government sharply condemns illegal Chinese workers in the agricultural sector. It is not my aim to elaborate whether “Chinese demographic expansion” or “Chinese threat” is myth or not. It is not strange that there are many illegal or undocumented workers in the borderland. The official statistics of the number of foreign workers in Russia is always said to be unreliable. In the case of Amur Oblast, it is also the same as in general in Russia. An inspection figure out 15 percentages of the local firms did not inform the authorities that they introduced foreign workers, and therefore the official statistics understated the actual number of employment of Chinese nationals [5. C.354].

Rather I focus on this zero quota policy against Chinese agricultural workers as a key event for the positionality switch factor of Amur Oblast. The system of work permit quotas for foreign workers itself is not vigorous instrument to control Chinese migrant workers. The Federal Migration Service is unable to accurately assess the realities of illegal migrants in rural areas and city suburbs, as the FMS relies heavily on its visual judgment and intuition [10. C. 90]. The geographical proximity of Amur Oblast to the Chinese territory only with 700 meters of the open water allows Chinese workers

to commute across the border in every day practices. The inability to meet the local demand for labor, especially the difficulty in securing seasonal workers flexibly always brings undocumented Chinese workers to Amur Oblast with more casual approach to applying their visa like a tourist visa. It comes from the same reason that the geographical positioning of the “twin-cities” derived contiguous settlement of agglomeration, which stimulate border tourism and shuttle trade [4].

Even in 2011, when it was before the zero quota policy against Chinese agricultural migrant workers, Amur Oblast did not issue many work permit for agricultural workers. Work permit is an instrument to show the demand of foreign workers for local economic actors, and an instrument to regulate the flow of foreign workers. Therefore it shows the economic needs of local economic agents and the attitude of the authorities in the region. I examined the allocation of labor permits by occupation in agriculture in Amur Oblast, Jewish Autonomous Oblast and Primorsky Krai. The results showed that in 2011 not only were no permits granted to unskilled workers, work permits were issued to just 111 workers in the agricultural sector excluding forestry. This is an extremely small number, considering that a total of 6,630 work permits were issued that year for foreign workers in the agricultural sector in Primorsky Krai. I identified enterprises managing agriculture by using Russian Economic Activities Classification (OKVED) and all occupational titles are translated into International Standard Classification of Occupations (ISCO-88) while the occupational titles in table 3 are modified into more familiar titles.

Table 3

Occupations and Foreign Agricultural Workers in the borderlands

Occupation	Amur Oblast		Jewish A. Oblast		Primorsky Krai	
	Number of workers	Share (%)	Number of workers	Share (%)	Number of workers	Share (%)
Senior managers	1	0.9	15	1.1	50	0.8
Engineers and technicians	0	0.0	46	3.3	264	4.0
Interpreters	0	0.0	56	4.0	40	0.6
Cooks and Sales persons	0	0.0	41	2.9	66	1.0
Skilled crop and vegetable producers	45	40.5	442	31.5	4330	65.3
Skilled dairy and livestock producers	35	31.5	117	8.3	352	5.3
Builders and assemblers	0	0.0	66	4.7	308	4.6
Mobile operators	30	27.0	620	44.2	108	1.6
Unskilled workers	0	0.0	0	0.0	1112	16.8
Total	111	100.0	1403	100.0	6630	100.0

Examining occupations in which Chinese workers were to be employed, the result shows:

- 1) high demand on skilled workers in crop and vegetable productions in all districts,
- 2) high demand on skilled workers in dairy and livestock producers in inner border region than the outer border region,
- 3) very high demand on tractor drivers in inner border region than the outer border region.

Contrary to Amur Oblast and Jewish Autonomous Oblast, Primorsky Krai did not have hesitation for economic agents to apply for unskilled agricultural workers from China. These results suggest that only for authorities but also for enterprises in Amur Oblast and Jewish Autonomous Oblast have serious hesitation not to demand or introduce unskilled Chinese workers. And at the same time, even in such contested districts, local firms strongly demand skilled workers in crop and vegetable productions and dairy and livestock sector, whose deficit are serious in the inner border region.

Geographic, economic, political and societal, and environmental contexts are woven in the border space, and maintain deeply “contested spaces” [2]. Economic actors heavily depend on their trade

with China. Economic actors know they cannot manage their farming without Chinese skilled workers and know they cannot survive without Chinese capital and trade. At the same time, they are sensitive to introduce unskilled Chinese workers in consideration with their political and social local contexts. Geographical proximity keeps Chinese flexible workers out of sight and raised security issues for local authorities. Local leader's geo-political appeals do not come from the regional economic needs, but they have to keep their local spaces as "contested spaces" to attract Moscow's attention to their region. Therefore local political leadership gives much affects on Chinese activities without attention to the local economic needs.

Mutual local communications and exchanges in the Sino-Russian border regions have sublimated to those at the daily life level [12 C.85]. Until 2007, China topped the list of the destination countries for Russian international travelers. During 2013, some 2,060,000 Russians traveled to China, of which 1,070,000 were for sightseeing and 260,000 for business. During the same period, 1,070,000 Chinese visited Russia, of which 370,000 were for sightseeing and 300,000 for business. Contrary to conventional image that the Chinese are flocking to Russia, more Russians travel to China than vice versa. Mutual exchanges between the two countries have so deepened in the borderlands that Russian residents are now experiencing more than just seeing the Chinese and buying daily necessities from them. Such deepened exchanges are reflected in the facts that half of the university students in their second-half of the course in Blagoveshchensk, Amur Oblast have experience in working part-time for and/or with the Chinese, and one in every three residents in the Primorsky Krai has been to China [12. C.85]. Under such a circumstance Russian Far East are adapting to China in the cultural aspect as well, acquiring hybrid cultural patterns [9. C.210]. These local people's contacts with China in daily life have possibility to reshape the locality of the borderlands from below in future. These remapping the local communities from below should be consider as an important factor to reshape their positionality in migration.

References

1. Barnes, T. and R. Hayter, 2005, No «Greek-Letter Writing»: Local Models of Resource Economies, Growth and Change, Vol. 36, No. 4, pp. 453-470.
2. Hyter, R., T. barnes, and M. bradshaw, 2003, Relocating Resource Peripheries to the Core of Economic Geography's Theorizing: Rationale and Agenda, Area, Vol. 35, No. 1, pp. 15-23.
3. Kortelainen, J. and P. Rannikko, 2014, Positionality Switch: Remapping Resource Communities in Russian borderlands, Economic Geography, Vo. 91, No. 1, pp. 59-82.
4. Mikhailova, E., 2015, Border Tourism on the Russian-Chinese Border, Journal of Siberian Federal University: Humanities & Social Sciences, Vol. 3, pp. 437-451.
5. Ryzhova, N. and G. Ioffe, 2009, Trans-border Exchange between Russia and China: The Case of Blagoveshchensk and Heihe, Eurasian Geography and Economics, Vol. 50, No. 3, pp. 348-364.
6. Trenin, D., 2001. The End of Eurasia, Carnegie Moscow Center.
7. Wimmer, A. and N. Schiller, 2003, Methodological Nationalism, the Social Sciences, and the Study of Migration: An Essay in Historical Epistemology, International Migration Review, Vol. 37, No. 3, pp. 576-610.
8. Бляхер Л.Е. Восточный поворот России: Возникновение и выживание естественного порядка в малых городах Дальнего Востока России. – Иркутск: «Оттиск», 2013.
9. Бляхер Л.Е., Журавская Т.Н., Скрипник Е.О., Пешков И.О. 2013, Дальневосточное трансграничье, ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2013.
10. Григоричев Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. – Иркутск: Оттиск, pp. 36-210.
11. Григоричев К. В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. – Иркутск: Оттиск, 2013.
12. Зайончковская Ж. Перед лицом иммиграции. – М.: ProetContra, No. 3, 2005. – С. 72-87.
13. Рязанцев С.В., Боженко В.В. Новые формы экономической миграции в приграничье // Научное-обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2013. – № 6. – С. 77-82.
14. Рязанцев С.В., Боженко В.В. Новые формы временной эмиграции из России через призму социально-демографических характеристик мигрантов // Научное-обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2013. – № 6. – С. 80-87.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово.....	5
РАЗДЕЛ 1. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ ТРЕНДЫ	
Беккер Е.Г. Влияние демографической ситуации на развитие высшего образования в России.....	7
Доброхлеб В.Г. Современные факторы ухудшения демографической ситуации в России.....	13
Елизаров В.В. Цели и целевые показатели в демографической политике России	18
Лапшов В.А. Модель социального развития демографической политики современной России.....	27
Мануйлова Е.А. Проблемы демографической политики России как результат девальвации духовно-нравственных ценностей.....	38
Молчанов И.Н., Титова А.И. Возможности применения финансового механизма государственно-частного партнерства для развития системы здравоохранения России в контексте современной демографической политики.....	48
Молчанова Е.В. Моделирование динамики основных индикаторов демографического развития регионов России.....	60
Мунин П.И. Социальный капитал России в сравнительном демографическом измерении: трансдисциплинарный подход.....	66
Назаренко С.В. Механизм социального контроля в реализации демографической политики.....	76
Потанина Ю.А. О приоритетах государственной социальной политики для пожилых людей на долгосрочную перспективу в условиях демографического старения в России.....	90
Рыбаковский Л.Л. Стратегия демографического развития России и её претворение в Концепции демографической политики на период до 2025 года.....	101
Рязанцев С.В. Резервы демографического развития в контексте эволюции демографической политики России	105
Синельников А.Б. Значение брачности для семейно-демографической политики в России.....	115
Соловьев А.К. Демографические факторы и риски пенсионной реформы России	125
Сосунова И.А. Качество населения как критерий успешности демографической политики.....	131
Шевель П.П., Оборский А.Ю. Демографическое прогнозирование призывного потенциала вооруженных сил Российской Федерации до 2030 года.....	136
Юшкова С.А., Чететкина О.Н. Экономическое развитие и демографическая политика России: проблемы взаимосвязи.....	145
РАЗДЕЛ 2. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ	
Анисимов С.А., Павлов Б.С., Павлов Д.Б. Экономическое поведение молодой семьи на Урале: симбиоз потребительства и трудовой активности.....	151

Аристова М.В. Влияние церкви и гендерной селекции на демографическую политику.....	162
Афонская Т.А. Повышение стрессоустойчивости личности как результат принятия осознанных решений.....	166
Верецагина А.В., Савченко Л.А., Красножон А.Г. Гендерная социология и демография в контексте личностной и институциональной динамики.....	170
Верховкина М.Е., Коваленко В.С. Демографическое развитие России через детский сад.....	175
Колобова С.А. Демографические трансформации и гендерное неравенство: проблемы и варианты их решения в современной России.....	179
Колударова С.В. Тенденции влияния браков с иностранцами на демографическую ситуацию в российском обществе.....	185
Кузьмин А.И. Социально-демографическая дифференциация потребителей информационной культуры.....	190
Нарбут В.В. Проблемы смертности мужчин трудоспособного возраста в контексте демографической политики России.....	200
Павлов Б.С., Сарайкин Д.А., Шевелева О.Р. Гендерная компонента процесса воспроизводства и использования инженерного корпуса в промышленности Урала....	206
Попова Н.В., Терентьев И.С. Социальные льготы молодых работников как фактор экономической безопасности предприятия.....	217
Силласте Г.Г. Гендерный дискурс миграции.....	222

РАЗДЕЛ 3. ПРОБЛЕМЫ РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Абидов М.Х. Социально-экономическое развитие Республики Дагестан в контексте реализации демографической политики России.....	232
Архангельский В.Н. Региональные особенности современной динамики рождаемости в России.....	237
Бабич С.Г. Статистический анализ основных показателей естественного движения населения в регионах Российской Федерации.....	244
Белгарокова Н.М. Особенности социально-демографической ситуации в Северо-Кавказском федеральном округе.....	250
Берова Ф.Ж., Беров А.З., Яхутлова М.Л., Яхутлов К.Л. Приоритетные направления социально-демографической политики региона.....	260
Брушкова Л.А. Влияние человеческого и социального капиталов на репродуктивное поведение россиян.....	270
Егин А.С. (руководитель: Тропина Ж.Н.) Развитие инвестиционных услуг в Российской Федерации, как фактор социально-экономического благополучия населения.....	277
Зверева Н.В. Вызовы и пути решения проблем рождаемости в России.....	282
Моженкова Е.М. (руководитель: Письменная Е.Е.) Доступность и качество оказания медицинских услуг населению РФ как фактор демографического развития.....	289
Орусова О.В. Анализ демографической ситуации в Калмыкии в период 1990-2014 годы.....	293
Полкова Т.В. Проблемы воспроизводства населения Урала в контексте стратегирования регионального развития.....	303

Русанова Н.Е. Социально-демографические эффекты вспомогательных репродуктивных технологий.....	312
Сапегина Н.В. Социально-экономические потери от смертности трудоспособного населения в Алтайском крае.....	318
Симагин Ю.А. Проблемы демографического развития Дальнего Востока России на муниципальном уровне.....	327
Тропина Ж.Н. Повышение экономической активности населения как способ преодоления демографического дисбаланса.....	334
Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер В.В., Панарина И.А. Репродуктивное поведение студенческой молодежи: социологическое измерение.....	339
Фомин Н.Н. Ценностные аспекты социального демпинга как фактор влияния на социально-экономическую и демографическую ситуацию в российском обществе.....	351
Шевченко Н.В. Особенности демографического развития Белгородской области.....	355
Шинкарева О.В. Анализ обеспеченности местами в дошкольных образовательных учреждениях России и причин их непосещения в разрезе федеральных округов.....	362
Шкиперова Г.Т., Молчанова Е.В. Методика оценки демографических и социально-экономических тенденций регионального развития (на примере Республики Карелия)	370

РАЗДЕЛ 4. ВЛИЯНИЕ ИММИГРАЦИИ И ЭМИГРАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Гурченков Е.В. Цена миграции в условиях действия экономических санкций.....	375
Жестерев Д.В. Потребность в иностранной квалифицированной рабочей силе для экономики регионов России.....	381
Злотникова Л.М. Теория и практика социализации мигрантов в границах единого экономического пространства.....	390
Зубец А.Н., Сазанаква А.С., Зиброва О.С. Международная и межрегиональная миграция как показатель качества жизни населения.....	397
Красинец Е.С. Проблемы трудовой миграции и совершенствования миграционной политики в современной России.....	406
Лукьянец А.С. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке.....	411
Мищук С.Н., Комарова Т.М. Миграция и демографическая безопасность приграничного региона Дальнего Востока России (на примере Еврейской автономной области)	414
Сигарева Е.П. Концептуальные противоречия демографической и миграционной политики.....	419
Ушакова В.Г. Брачная миграция: демографические и гендерные аспекты.....	425
Ушакова М.Е. Влияние принципов гуманистической педагогики на процесс социокультурной адаптации детей-мигрантов в дошкольных образовательных организациях.....	433
Чхутиашвили Л.В. Влияние миграции на социально-экономическую ситуацию в Российской Федерации.....	136
Хорие Норие Дальневосточные границы России и их позиции в миграционной ситуации.....	442

CONTENTS

Welcome speech.....	5
SECTION 1. DEMOGRAPHIC POLICY IN RUSSIA: OLD AND NEW TRENDS	
Bekker E.G. Influence of the demographic situation on the development of higher education in Russia.....	7
Dobrobleb V.G. Modern factors of deterioration of the demographic situation in Russia.....	13
Elizarov V.V. Objectives and targets the demographic policy in Russia.....	18
Lapshov V.A. Model of social development of the demographic policy in modern Russia.....	27
Manuilova E.A. The problems of demographic policy in Russia as a result of the devaluation of the change spiritual and moral values.....	38
Molchanov I.N., Titova A.I. The possibility of application of the financial mechanism of public-private partnership for the development of the health system in Russia in the context of modern demographic policy.....	48
Molchanova E.V. Modeling the dynamics of basic of indicators of demographic development of Russian regions.....	60
Munin P.I. Social capital of Russia in comparative demographic dimension: a transdisciplinary approach.....	66
Nazarenko S.V. The mechanism of social control in the implementation of demographic policy.....	76
Potanina Yu.A. About the priorities of long-term public social policy for the elderly in the conditions of population aging in Russia.....	90
Rybakovskiy L.L. Strategy of demographic development of Russia and its realization in the Concept of demographic policy for the period up to 2025.....	101
Ryazantsev S.V. The reserves of the demographic development in the context of the evolution of demographic policy of Russia.....	105
Sinelnikov A.B. The significance of nuptiality for family and demographic policy in Russia.....	115
Soloviev A.K. Demographic factors and the risks of the pension reform of Russia	125
Sosunova I.A. Quality of population as a criterion of successful of the demographic policy.....	131
Shevel P.P., Oborskiy A.Yu. Demographic projection of military capacities the armed forces of the Russian Federation until 2030.....	136
Yushkova S.A., Chechetkina O.N. Economic development and demographic policy of Russia: problems of interrelation.....	145
SECTION 2. DEMOGRAPHIC POLICY OF RUSSIA IN GENDER DIMENSION	
Anisimov S.A., Pavlov B.S., Pavlov D.B. Economic behavior of a young family in the Urals: the symbiosis of consumerism and labor activity.....	151

Aristova M.V. The influence of the Church and gender selection on demographical policy.....	162
Athonskaya T.A. Stress resistance increase as a result of conscious decision making.....	166
Vereshchagina A.V., Savchenko L.A., Krasnozhon A.G. Gender sociology and demography in the context of the personal and institutional dynamics.....	170
Verhovkina M.E., Kovalenko V.S. Demographic development of Russia through kindergarten.....	175
Kolobova S.A. Demographic transformation and gender imbalance: problems and ways of their solution in modern Russia.....	179
Koludarova S.V. The trends of the influence of international marriages of the demographic situation in the Russian society.....	185
Kuzmin A.I. Socio-demographic differentiation consumer's information culture.....	190
Narbut V.V. Problems of mortality among men of working age in the context of Russian demographic policy.....	200
Pavlov B.S., Saraikin D.A., Sheveleva O.R. The gender component of the process of reproduction and use of the engineering corporations in the industry of the Urals.....	206
Popova N.V., Terentiev, I.S. Social benefits for young workers as a factor of enterprise economic security.....	217
Sillaste G.G. Gender discourse migration.....	222

SECTION 3. PROBLEMS OF FERTILITY AND MORTALITY IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC POLICY OF RUSSIA

Abidov M.Kh. Socio-economic development of the Republic of Dagestan in the context of realization of demographic policy of Russia.....	232
Arkhangelskiy V.N. Regional features of modern dynamics of fertility in Russia.....	237
Babich S.G. Statistical analysis of the main indicators of natural movement of population in the regions of the Russian Federation.....	244
Belgarokova N.M. Especially social and demographic situation in the North Caucasian federal district.....	250
Berova F.Zh., Berov A.Z., Yakhutlova M.L., Yakhutlov K.L. Priority directions of socio-demographic policy in the region.....	260
Bruskova L.A. The Influence of human and social capital on reproductive behavior of Russians.....	270
Egin A.S. Development of investment services in the Russian Federation as a factor of socio-economic welfare of the population (instructor: Zh.N. Tropina).....	277
Zvereva N.V. Challenges and ways of solution of fertility problems in Russia.....	282
Mozhenkova E.M. The availability and quality of medical services to the population of the Russian Federation as a factor of demographic development (instructor: E.E. Pismennaya)	289
Orusova O.V. The analysis of the demographic situation in Kalmykia in the period 1990-2014 years.....	293
Polkova T.V. Problems of the Urals population reproduction in the context of regional development strategy building.....	303
Rusanova N.E. Socio-demographic effects of assisted reproductive technologies.....	312
	451

Sapegina N.V. Socio-economic losses from mortality of the working-age population in the Altai region.....	318
Simagin Yu.A. Problems of demographic development of the Russian Far East at the municipal level.....	327
Tropina Zh.N. The increasing economic activity of the population as a way to overcome the demographic imbalance.....	334
Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer V.V., Panarina I.A. Reproductive behaviour of student's youth: a sociological dimension.....	339
Fomin N.N. Axiological aspects of social dumping as a factor of influence on socio-economic and demographic situation in the Russian society.....	351
Shevchenko N.V. Features of demographic development Belgorod region.....	355
Shinkareva O.V. The analysis of provision with places in preschool educational institutions of Russia and reasons for their non-attendance in the context of federal districts.....	362
Shkiperova G.T., Molchanova E.V. Methodology of assessment demographic and socio-economic trends of regional development (on example of Republic Karelia).....	370

SECTION 4. THE INFLUENCE OF IMMIGRATION AND EMIGRATION ON THE SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE RUSSIAN SOCIETY

Gurchenkov E.V. The price of migration in the context economic sanctions.....	375
Zhesterev D.V. Labour requirement of qualified specialists for the Russian regions economy.....	381
Zlotnikova L.M. The theory and practice of socialization of migrants at the borders of the single economic space.....	390
Zubets A.N., Sazanakova A. S., Zibrova O.S. International and interregional migration as an quality of life indicator of the population.....	397
Krasinets Yu.S. Labour migration issues and improving the migration policy in modern Russia.....	406
Lukyanets A.S. The demographic situation in the Far East.....	411
Mishchuk S.N., Komarova T.M. Migration and demographic security of the border region of the Russian Far East (on the example of Jewish Autonomous region).....	414
Sigareva E.P. The conceptual contradictions of demographic and migration policy.....	419
Ushakova V.G. Marriage migration: demographic and gender aspects.....	425
Ushakova M.E. The impact of the principles of humanistic pedagogy on the process of sociocultural adaptation of migrant children in preschool educational organizations.....	433
Chkhutiashvili L.V. The impact of migration on the socio-economic situation in the Russian Federation.....	136
Horie N. Russian far eastern borderlands and their positionality in migration situation.....	442

Научное издание

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ
РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ**

**Материалы международной научно-практической конференции
(Москва, 3 декабря 2015 года)**

Ответственные редакторы — составители:

Рязанцев С.В., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН;
Письменная Е.Е., доктор социологических наук

Редакционно-издательское и художественное оформление
ООО «Издательство «Экономическое образование»

Генеральный директор Райская Е.В.

Подписано в печать 16.11.2015 г. Печать офсетная. Формат 70х100/16
Усл.-печ. л. — 34,5. Тираж 500 экз. Заказ 395.

ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»
117071, г. Москва, Донская ул., д.32. Тел./факс: (499) 196-54-64
[www. eoizdat](http://www.eoizdat.ru); e-mail: info@eoizdat.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Издательство «Экономическое образование»
117071, г. Москва, Донская ул., д.32. Тел./факс: (499) 922-47-70
[www. eoizdat](http://www.eoizdat.ru); e-mail: info@eoizdat.ru